

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт географии

**МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И
СОТРУДНИЧЕСТВА**

экономико-географическая секция

**ГОРОДА И ГОРОДСКИЕ АГЛОМЕРАЦИИ
В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ**

Москва, 2003

Сборник посвящается 80-летию Георгия Михайловича Лаппо

ISBN – 5-896558-002-9

Сборник издан при поддержке РГНФ. Грант 03-02-14020 г.

В сборник вошли материалы XX юбилейной ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС, Пушкино, 24-26 мая 2003 г. Основное внимание уделено различным аспектам развития городов и городских агломераций на современном этапе социально-экономического положения РФ и их воздействие на региональное развитие. Вместе с тем, немало места было отведено общим проблемам экономической географии, а также экологической, промышленной и транспортной политике в переходной экономике России.

ГОРОДА И ГОРОДСКИЕ АГЛОМЕРАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ.

Под редакцией д.г.н. Ю.Г.Липеца

Москва, ИГ РАН, 2003, 330 с., включая карты и рисунки.

Компьютерный набор и техническая редакция: Н.М.Болятко, Т.А.Корнилова, Е.П.Олешкевич.

Рецензенты: доктор географических наук С.С.Артоболевский
 доктор экономических наук Л.Б.Вардомский

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ - 20 ЛЕТ РАБОТЫ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ МАРС

Экономико-географическая секция была создана в 1983 г. как подразделение Научного Совета «РЕГИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ» Комитета по системному анализу Президиума АН СССР, возглавлявшегося академиком А.Г.Аганбегяном. Создание Совета отражало ясно осознаваемую научным сообществом необходимость углубления региональных исследований в условиях полного господства отраслевого принципа в планировании и управлении народным хозяйством СССР. Характерно, что в одном Отделе Госплана СССР, ведавшего черной металлургией, было больше сотрудников, чем плановиков, занимавшихся размещением производства в региональном разрезе. Новый Научный Совет вел весьма активную работу, проводя не менее 2-3 сессий в год, на которых члены Совета обсуждали доклады специалистов по важным «сквозным» региональным проблемам: рационального использования природных ресурсов и экологии, трудовых ресурсов и миграции, размещения отраслей и научно-технического прогресса и др.

Вместе с тем, внутренняя логика научных исследований и практические задачи поставили во главу угла необходимость анализа регионов как целостных систем с присущими им сочетаниями общих, типологических и индивидуальных свойств. Именно эта целевая установка была положена в основу предложений по созданию в составе Совета специальной Экономико-географической секции, в рамках которой стало возможным объединение экономико-географов и специалистов по региональной проблематике – экономистов, социологов, демографов (а затем и культурологов и политологов). Базой для Секции стал Институт географии АН СССР, точнее его экономико-географические подразделения, а бессменным председателем в 1984-2002 гг. Марк Константинович Бандман, ведущий специалист ИЭОПП СО АН СССР по анализу и моделированию ТПК, географ по образованию и экономист по опыту работы, зав.сектором ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., академик МАРС.

Первая сессия Секции прошла в 1984 г. и с тех пор Секция проводит ежегодно по одной сессии, каждый раз в новом городе и регионе, вплоть до юбилейной XX сессии, которая «вернулась» к истоку – в наукоград Пущино. Предыдущие сессии прошли в Одессе, Нальчике, Калинин (ныне Твери), Ашхабаде, Таштаголе, Сыктывкаре, Иркутске, Екатеринбурге, Азове, Валдае, Ярославле, Нижнем Новгороде, Тольятти, Смоленске, Рязани, Костроме и Чебоксарах.

За 20 лет Секция работала в составе двух Научных Советов АН СССР и РАН, а с образованием МАРС стала ее структурным подразделением, опираясь на Академию в научно-организационном и методическом плане. С момента создания Секции в ее состав вошли практически все ведущие экономико-географы СССР, работавшие в системе АН СССР и АН союзных республик, а также многие ученые высшей школы и планово-проектных учреждений. Это позволило с первых лет работы включать в повестку дня доклады, содержащие результаты многолетних исследований.

Этому способствовали и организационные формы, в которых протекает работа сессий. С самого начала было установлено, что основное время уделяется докладам, содержащим результаты серьезных, продолжительных исследований отечественной региональной проблематики, имеющей и прикладное значение. Чисто теоретические построения допускались лишь в порядке исключения; вместе с тем приветствовались сообщения о зарубежном опыте рассматриваемых вопросов. Участникам сессий предлагалось заявить лишь тему доклада, а не тезисы; после 1992 г. и повестка дня сессий стала формироваться «по факту», в зависимости от приезда докладчиков, что позволило избегать того обычного для отечественных и международных совещаний положения, когда значительная часть объявленных в разосланной повестке дня докладов, тезисы и даже тексты которых уже опубликованы в обычной форме и на CD-ROM, отсутствует «де факто». Вместе с тем материалы всех сессий опубликованы в виде отдельных сборников, обычно с дополнением статей близких по тематике авторов, которые не смогли принять участие в сессии; дважды доклады опубликовались в тематических выпусках журналов «Известия АН. Серия географическая» и «Проблемы освоения пустынь».

Далее: каждая из сессий проводилась в примерно одно и то же время в конце мая – начале июня; чаще всего на базе научных организаций и университетов, что позволяло вовлекать в работу Секции новые коллективы ученых и преподавателей, тем более что в программах предусматривалось, время для докладов «хозяев», а важной составной частью служат полевые заседания в рамках

больших маршрутов – экскурсий по региону. Эти поездки в немалой степени способствовали расширению кругозора членов Секции и формированию ее активного ядра.

В формировании научной тематики 20-ти сессий выделяются несколько отчетливых этапов. На первом из них основной упор был сделан на анализе регионов различных типов (см.1, с.4): последовательно сессии посвящались проблемам столичных, приморских, горных, староосвоенных, аридных, экстремальных регионов (см.1, II, III, IV, V, VII). Критерии для выделения этих регионов были различны: ведущие функции для столичных, природные особенности для приморских, горных, аридных и экстремальных, история формирования для староосвоенных. Тем не менее, материалы этих сессий объединял общий подход к региону как целостной системе с особенностями формирования и функционирования, характерными для данного типа в тесной взаимосвязи с уникальными чертами каждого региона. И уже на этих сессиях отчетливо проявилось стремление учитывать интересы самих регионов, а не рассматривать их лишь как объекты планово-управленческой деятельности центральных министерств и ведомств. Естественно, что общий типологический подход сочетался с анализом внутрирегиональных структур и противоречий.

Для столичных регионов всех типов это были продолжающиеся процессы концентрации населения и различных видов деятельности; все постановления об ограничении роста крупнейших городов СССР практически оставались невыполненными. Сознательная политика на размещении крупного промышленного производства в столицах, что особенно проявлялось для всех новейших и опытно-конструкторских разработок, в сочетании с концентрацией управленческого аппарата, науки и высшего образования осложняли решение всех проблем городского хозяйства и многофункциональной организации территории, особенно транспортных и рекреационных проблем. В условиях centrally-планируемой экономики планы по территориальному разделению функций (наподобие США) или создания системы субцентров (наподобие метрополий равновесия во Франции) оставались на бумаге. Планы по выводу предприятий не выполнялись, запрещения на новое промышленное строительство обходились и механический рост населения шел непрерывно. Более того, рост жилой застройки на периферии урбанизированных зон привел, как показал Г.А.Гольц, к нарушению закономерности Стюарта, что поставило тяжелые проблемы перед городским транспортом Москвы и само ее функционирование как единого городского организма.

Для приморских, горных и аридных территорий особую остроту приобрели экологические проблемы, в особенности сохранения природной среды в рекреационных целях. Усилившаяся конкуренция на прибрежных землях между транспортом, расселением, рекреацией, промышленностью вела не к решению проблемы равновесия в региональных системах «человек – природа», а к усугублению неравновесия и ускорению деградации окружающей среды. Несмотря на законодательно запрещение строительства химических и других опасных производств в приморских зонах по соглашению с хаммеровской корпорацией «Оксиденшиал петролеум» в г. Южный близ Одессы и в центре Вентспилса были построены «припортовые» заводы. Разрабатывался также проект переброски вод «Дунай-Днепр» хотя первый же его участок привел к тяжелым экологическим последствиям. Для горных регионов стал типичным не менее сложный комплекс проблем социально-экономического демографического развития. Однако, основная беда этих регионов состояла в том, что решения о развитии горных территорий принимались на равнинах, то есть без детального учета сложного переплетения причинно-следственных связей в природе горных местностей при разных типах их освоения.

Для староосвоенных регионов уже в середине 1980-х гг. наиболее остро встал вопрос об инвестициях в основные фонды действующих предприятий для освоения новых, энергосберегающих и нематериалоемких технологий, и в общем плане для перехода к новому кондратьевскому циклу, особенно в таких регионах как Донбасс, Урал, Кузбасс. Эта проблема наиболее ярко оттенялась экономико-географическими материалами по регионам-аналогам – Руру, Лотарингии, Черной Англии, Аппалачам. Однако подобный переход был затруднен многими факторами: общим износом оборудования (до 60% даже на предприятиях ВПК на Дальнем Востоке), старой тенденцией предпочтений нового строительства реконструкции действующих предприятий, планированию строительства «по освоению средств», а не по сданным объектам при распылении инвестиций по «нулевым циклам» строек, низкими ценами на топливо, электроэнергию, перевозки и др.

Для аридных регионов основной проблемой оставалось водоснабжение при отсутствии четких экономических и технических мер по оптимальному использованию воды в ирригационных системах, внедрению новых технологий полива и т.п. Дискуссии по Аральской проблеме и переброске сибирских вод упирались в явно нерациональную систему хлопкового баланса и смежную проблематику. Обсуждение задач, стоящих перед регионами разных типов в одном из важнейших

аспектов было подытожено на VII сессии в Сыктывкаре, посвященной экстремальным регионам. Понятно, что основное внимание на сессии было отведено проблемам Севера, демаркации северных территорий, критериям экстремальности, расчету издержек и коэффициентов удорожания при затратах труда, строительстве и других отраслях. Однако уже на этой сессии стало ясно, что период движения по заданной траектории регионов СССР и всего народного хозяйства заканчивается и что перед наукой встает проблема замены прогноза темпов роста по этой траектории прогнозом выбора среди нескольких альтернативных траекторий (VII, с.12.).

Неизбежность серьезных структурных сдвигов в экономике проявилась уже на предыдущей VI сессии, когда Секция впервые отошла от принятой еще на 1-ой сессии «типологической программы» и посвятила свою работу проблемам внешней торговли регионов. Это было по настоящему ново, поскольку монополия внешней торговли существовала, все решения принимались отраслевыми внешнеторговыми объединениями в Москве и никакой региональной статистики по роли конкретных регионов и их производств во внешнеторговых потоках практически не публиковалось. Тем не менее экономико-географический подход, точнее сочетание методов пространственного анализа и отраслевой статистики, позволили выделить регионы активной внешнеэкономической деятельности и проанализировать типичные проблемы, стоящие на путях их развития. Характерно, что впервые одно из заседаний сессии прошло в администрации г. Таштагол с участием местных руководителей, которые приняли самое оживленное участие в дискуссиях.

Неизбежность перехода народного хозяйства страны к рынку стала очевидной уже к концу 1980-х гг. и этой проблематике была посвящена VIII сессия, последняя на территории СССР. На этой сессии предметно обсуждались нелегкие проблемы перехода к рынку даже без учета будущих тяжелых реалий, связанных с распадом СССР, либерализацией цен, отмены монополии внешней торговли и т.п. В докладах эти проблемы были представлены весьма наглядно, что на деле проявилось уже на следующий, 1992 г. Наиболее яркий пример – доклад В.А.Поповкина. «Региональные структуры Украины в преддверии рынка» (VIII, сс. 64-69), где в частности указывается, что только с 1971 по 1985 гг. производство энергоресурсов сократилось на 68 млн.т.у.т., а за 1960-85 гг. ввоз угля возрос с 1 млн.т. до 19 млн.т при вывозе сократившемся с 35,6 до 13,4 млн.; за этот же период поступление нефти увеличилось в 30 раз, газа в 43 раза; отрицательный баланс сохранялся по удобрениям и лесоматериала. Аналогичные проблемы вставали и перед другими союзными республиками.

В 1992 г. очередная сессия впервые прошла в Российской Федерации и ключевой проблемой стала региональная политика в условиях рыночных реформ. Первоначально эти реформы были вообще лишены региональной составляющей, и все народное хозяйство РФ анализировалось в «точечных моделях» С этим были сопряжены многие просчеты, и не случайно, советник первого президента РФ А.Г.Гранберг вынес на сессию обсуждение региональных разделов реформ как насущнейшую научную задачу. Под впечатлением распада СССР на «круглом столе» сессии горячо обсуждалась угроза распада и Российской Федерации. Этой важнейшей проблеме было уделено много места и на следующих, X и XI сессиях, где анализировалось положение проблемных регионов РФ, включая их дефиниции и критерии, дезинтеграционные и интеграционные процессы в России и странах СНГ. На этих сессиях рассматривалась, в частности, проблема распада единого производственного комплекса и производственной инфраструктуры, изменения пассажиро-и товаропотоков, замыкание локальных рынков и т.п.

Материалы XII сессии могли бы стать своего рода итогом типологического подхода к региональной тематике, характерного для первых сессий. Однако теперь подобные типологии приобрели качественно новое звучание: они стали необходимы для выработки региональной политики в условиях взаимодействия Центра и 89 субъектов Федерации. Стало ясно, что без типологических подходов (в разной форме) крайне сложно формировать региональную политику в инвестиционной, налоговой, тарифной и смежных сферах. В сборнике докладов впервые был выделен теоретический блок (II, сс. 64-109), где специально анализировались различные виды типологий, многомерный подход к их составлению при сочетании типологических и метрических признаков, проблемы восприятия инноваций и возникновение конфликтных структур в регионах.

Название XIII сессии «Российские регионы в новых экономических условиях» прямо отражает основную тематику последних 5 сессий, на которых рассматривались общие и частные проблемы переходного периода в экономике РФ в их пространственно-региональном преломлении. Основной задачей регионов остается адаптация к требованиям рынка в условиях неравновесной ценовой среды и высокой степени открытости финансово-торговой сферы. Либерализация цен и отмена монополии внешней торговли привели к разрушению старой системы цен «низкого уровня»,

возникновению глубоких диспропорций в системе цен предложения, когда одни цены на товары и услуги достигли мирового уровня (точнее уровня цен в наиболее развитых странах мира), а другие, включая оплату труда, остались далеко позади.

В региональном плане это привело и к замыканию региональных рынков и к дезинтеграции межрегиональных связей. Особенно изменилась структура товаропотоков и пассажиропотоков в связи с опережающим ростом цен на энергоносители и транспортные услуги. В особо тяжелых условиях оказались регионы Крайнего Севера, Дальнего Востока и Сибири. На передний план вышли новые факторы регионального развития и новое сочетание полюсов и центров роста. Особое значение приобрели бюджетные отношения между Центром и регионами, выделились немногие регионы-доноры при абсолютном преобладании регионов-реципиентов. Кризис 1998 г. способствовал экономической защите внутреннего рынка ввиду фактической девальвации рубля в 4 раза, что способствовало и общему росту экономики РФ, и реинтеграционным процессам в региональной экономике (см. XVII сс.4-12). Этот круг проблем – «регионы Российской Федерации в переходный период» во многом определил содержание работы Секции после финансового кризиса 1998 г.

Споры о распределении доходов между Центром и регионами становились все острее по мере роста экономики РФ и усиления «вертикали власти» при В.В.Путине. Новому осмыслению подверглись общие проблемы экономического районирования России в связи с созданием 7-ми федеральных округов, что во многом нарушило экономические принципы, отчасти отраженные в стихийно созданных макрорегиональных образованиях типа Сибирского соглашения и др. Сопоставлению этих тенденций и проблем были посвящены многие материалы XVIII сессии, особенно статьи Б.М.Штульберга, Б.Б.Родомана, В.Н.Лаженцева и др. Большое внимание привлекли последние работы М.К.Бандмана и его сотрудников по роли Азиатской России в рамках будущей региональной политики РФ, ее транспортного комплекса и экономической безопасности.

На XIX сессии впервые основное внимание привлекли ведущие факторы постиндустриального этапа – интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры, необходимые для перехода к «экономике знаний» и развитию наукоемкого производства. Наряду с докладами, непосредственно относившимися к этой тематике, большое внимание привлек доклад А.Н.Пилясова, показавший возможности использования неинституциональной теории к объяснению различий в экономическом развитии регионов РФ. Докладчик показал, что различия в уровнях и темпах этого развития как правило не поддаются однозначному объяснению с позиций обеспеченности природными ресурсами, основными фондами, квалифицированными кадрами и другими сугубо объективными показателями. Гораздо четче эти различия выявляются при сопоставлении стратегии и тактики в поведении властных структур регионам. Эти положения были проверены в ходе эмпирического анализа данных по 11 регионам РФ. Положения доклада были развиты автором и в обширном материале, вошедшем в данный сборник, посвященный XX сессии.

Спустя 20 лет Секция вернулась в Пушкино и ее ведущей темой снова стали города и городские агломерации, уже без ограничения «столичные». Изучая материалы, вошедшие в данный сборник, читатель сможет наглядно убедиться насколько изменилась вся социально-экономическая «окружающая среда» и сами условия существования и развития городских поселений в рыночных условиях. Одно лишь сравнение материалов I и XX сессий может служить ярким отражением того пути, который прошла наша страна за последние 20 лет. По традиции, кроме основной – «городской» тематики в сборник помещены материалы по общим и теоретическим проблемам, экологии, экономике и транспорту. Надеемся, что все они представят определенный интерес для профессионалов. Для их же удобства публикуем в заключение библиографию материалов всех 20 сессий.

Библиография изданий материалов СЕКЦИИ

- I. **Пушкино, 1984.** Экономико-географические проблемы развития столичных регионов. Под ред. д.э.н. М.К.Бандмана и к.г.н. О.А.Кибальчича. Новосибирск, ИЭОПП СО АН СССР, 1985. 144 с. О.А.Кибальчич. Управление развитием столичных регионов. // В сб. «Проблемы современной урбанизации». М., МФГО, АН СССР, 1985. С. 114-147.
- II. **Одесса, 1985.** Приморские регионы: географические и социально-экономические проблемы развития. Владивосток, ТИГ АН СССР, 1987. 186 с.
- III. **Нальчик, 1986.** Экономико-географические исследования горных регионов: состояние и задачи. Ред. д.г.н. Г.М.Лаппо и к.г.н. О.А.Кибальчич. ИГ АН СССР, М., 1987. 141 с.

- IV. **Калинин, 1987.** Географические проблемы интенсификации хозяйства староосвоенных районов. Ред. к.г.н. С.А.Тархов. ИГ АН СССР, 1988. 146 с.
- V. **Ашхабад, 1988.** Журнал «Проблемы освоения пустынь», 1988, № 5, С.3-88. (аридные регионы).
- VI. **Таштагол, 1989.** «Экономико-географические проблемы формирования регионов интенсивной внешнеэкономической деятельности. Под ред. д.э.н. М.К.Бандмана, к.г.н. О.А.Кибальчича, к.г.н. С.Б.Шлихтера. СО АН СССР, Новосибирск, 1990. 164 с.
- VII. **Сыктывкар, 1990.** Экстремальные районы: вопросы хозяйственного освоения и структурных сдвигов. Под ред. к.г.н. О.А.Кибальчича и д.э.н. В.Н.Лаженцева Уро АН СССР. Сыктывкар, 1991, 148 с.
- VIII. **Иркутск, 1991.** Трансформация региональных структур в период перехода к рынку. Под ред. к.г.н. Ю.С.Никульникова и д.г.н. С.Б.Шлихтера. ИЭОПП СО РАН, ИГ РАН М., 1994. 96 с.
- IX. **Екатеринбург, 1992.** Районирование и региональные проблемы. Под ред. д.э.н. Н.М.Ратнер, д.э.н. А.И.Татаркина и д.г.н. С.Б.Шлихтера. ИС РАН по проблемам региональной экономики. Екатеринбург, 1993, 186 с.
- X. **Азов, 1993.** Журнал «Известия РАН. Серия географическая», 1994, № 5, С.5-87. («Проблемные регионы»).
- XI. **Валдай, 1994.** РОССИЯ и СНГ: дезинтеграционные и интеграционные процессы. Под ред. к.г.н. Г.Д.Костинского. ИГ РАН, РГНФ, ж. «Ваш выбор. М., 1995, 90 с.
- XII. **Ярославль, 1995.** Географические основы типологии регионов для формирования региональной политики России. Под ред. д.г.н. Ю.Г.Липеца. ИГ РАН. М., 1995. 136 с.
- XIII. **Воронеж, 1996.** Российские регионы в новых экономических условиях. Под ред. д.г.н. Ю.Г.Липеца. ИГ РАН. М., 1996. 151 с.
- XIV. **Нижний Новгород, 1997.** Проблемы регионального развития. Модели и эксперименты. Под ред. д.г.н. Ю.Г.Липеца и д.г.н. С.Б.Шлихтера. ИГ РАН М., 1997. 154 с.
- XV. **Тольятти, 1998.** Полюса и центры роста в региональном развитии. Под ред. д.г.н. Ю.Г.Липеца. ИГ РАН. М., 1998. 194 с., 20 с. карт и картосхем.
- XVI. **Смоленск, 1999.** Новые факторы регионального развития. Под ред. д.г.н. Ю.Г.Липеца. ИГ РАН. М., 1999. 256 с.
- XVII. **Рязань, 2000.** Российские регионы и Центр: взаимодействие в экономическом пространстве. Под ред. д.г.н. Ю.Г.Липеца. ИГ РАН. М., 2000. 245 с.
- XVIII. **Кострома, 2001.** Федерализм и централизм в территориальной организации и региональном развитии. Под ред. Ю.Г.Липеца. ИГ РАН. М., 2001. 238 с.
- XIX. **Чебоксары, 2002.** Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития. Под ред. Ю.Г.Липеца. ИГ РАН М., 2002. 286 с.
- XX. **Пушино, 2003.** Города и городские агломерации в региональном развитии. Под ред. д.г.н. Ю.Г.Липеца. ИГ РАН. М., 2003. 330 с.

Ю.Г.Липец

ЧАСТЬ 1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Лаппо Г.М.

УРБАНИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX И XXI СТОЛЕТИЙ

Несомненные специфические особенности российской урбанизации так сильно отличают ее от урбанизации в западных развитых странах, что ряд исследователей сомневаются в ее истинности и задают вопрос - можно ли считать наши города действительно городами. В.П.Семенов-Тянь-Шанский, выявив существенное расхождение между социально-экономическим весом и юридическим рангом поселений, ввел понятие "истинного города". Но отказывая части официальных городов в праве называться истинным, он не выражал сомнения в том, что в нашей стране существуют города в полном смысле слова. Рассмотрение урбанистической структуры позволяет оценить характер и особенности урбанизации, судить о ее зрелости.

Урбанистическая структура обычно понимается как разделение всей совокупности городов по величине людности: большие (св.100 тыс.жит.), средние (50-100 тыс.), малые (до 50 тыс. жит.) Ограничиваться таким распределением для оценки урбанизации нельзя, но определенное значение оно сохраняет.

Большие города, являясь местами концентрации разнообразной деятельности, особенно ее важнейших ("дефицитных", по выражению А.С.Ахизера) видов, выражают фундаментальные черты урбанизации. В больших городах России сосредоточено св. 45% всего населения страны. Это высокий показатель, хотя некоторые из "стотысячников" не являются истинно большими по своему качеству. В них нет разнообразия деятельности, они перегружены рядовыми производствами, не требующими высокоурбанизированной среды.

Формирование плеяды многофункциональных больших городов, совмещающих роль и региональных и отраслевых лидеров, сосредотачивающих наиболее прогрессивные элементы общества, - главный итог российской урбанизации. Нередко говорят о том, что необходимо было развивать большие города, а не распылять средства по огромной территории, пытаюсь поднять экономику всех без исключения городов. В действительности и был сделан очевидный акцент на развитии больших городов (однако их было унаследовано крайне мало и прежде надо было сделать города большими), совсем не в соответствии с декларациями об ограничении их роста. Стали главными точками роста и получили значительное развитие все бывшие губернские и областные города. Только Выборг, Тобольск и Буйнакск (Темир-Хан-Шура) не стали большими, утратив высокий административный пост. А потерявшие также его Новочеркасск (передал функции областного центра Ростову-на-Дону) и Новороссийск (возглавляемая им маленькая Черноморская губерния была упразднена) преодолел 100-тысячный порог.

Доля старых городов среди больших гораздо выше, чем среди городов РФ вообще. Даже если считать новыми городами те центры, которые стали уже в XIX в. истинными городами (а получили городской статус в XX в.), то и тогда на долю старых приходится 64% больших при 27% городов-новостроек. К 44-м старым губернским и областным центрам, ставшим в советское время центрами республик, краев и областей, прибавились 30 городов такого же ранга, как правило, возглавивших вновь образованные крупные единицы АТД. Стремление использовать потенциал существующих городов, прежде всего наиболее значительных, проявилось вполне отчетливо.

Большие города, за редким исключением, многофункциональны. Отнесение 40 больших городов РФ к монопрофильным в книге, специально посвященной проблеме монопрофильности¹, в ряде случаев сомнительно, а подчас неприемлемо. В методике выделения монопрофильных городов сделан преимущественно упор на промышленности, и недоучтена роль других функций, в т.ч. непродовольственных. Не принято во внимание территориальное содержание функций (выражение И.М.Маергойза), например, обязанности города по разностороннему обслуживанию подшефной ему территории, роль плацдарма освоения, инфраструктурного узла и т.д. Очевидное доминирование в Липецке черной металлургии не делает его монопрофильным. Уже одна роль областного центра обязывает этот город быть многофункциональным, каким он в реальности и является. Сургут - база освоения Обского Севера, что определяет широкий спектр его обязанностей в сфере транспорта, строительства, энергетики, ремонта оборудования и т.д.

Средних городов в России примерно столько же, сколько и больших (соответственно 172 и 168), Хотя по логике иерархии должно быть больше Дефицит их проявляется, например, в том, что

¹ Монопрофильные города и градообразующие предприятия. Обзорный доклад. М., Экспертный институт, 2000

значительная часть экономических микрорайонов, выделенных Е.Е.Лейзеровичем, возглавляется малыми городами, хотя для этого более подходят средние. Категория средних городов оказалась "проходным двором" для центров, превращавшихся в "стотысячники". Из 172 средних городов 44 получили городской статус до XX в. Самая многочисленная "возрастная" группа - детище губернской реформы конца XVIII в. - 18 городов. Новостроек - 65, а прошедших путь "вызревания" из унаследованных от прошлого "завязей" 63. Средние города, превысившие 80 тыс.жит. можно рассматривать в качестве резерва пополнения числа больших городов. Среди наиболее вероятных "кандидатов" - Дербент, Бугульма, Гатчина, Железнодорожск (Красноярский край), Железнодорожск (Курская область), Новоуральск, Саров, Тобольск и др.

Почти 70% всех городов РФ - **малые города**. В начале 2002 г. из 1098 городов страны 759 имели менее 50 тыс. жит. Однако называть Россию страной малых городов нельзя. В них проживает в 4 раза меньше жителей, чем в больших городах. А если взять "классические малые города" (до 20 тыс. жит., их 402), то в совокупном населении российских городов их доля чуть более 5%. Но число малых городов за XX век более, чем удвоилось. Это указывает на жизнеспособность и необходимость их существования и обусловлено разнообразием потребностей страны и дифференцированностью территории, логикой формирования расселения и территориальной структурой хозяйства.

Каждый девятый город России насчитывает менее 12 тыс.жит., не удовлетворяя законодательно принятым критериям. Получившие городской статус в последние годы города также не имеют положенной законом людности : Покровск - 9,9 тыс.жит., Курлово - 8 тыс.жит., Княгинино - 6,9 тыс.жит., Шиханы - 8,6 тыс.жит., Мышкин - 6,5 тыс.жит. Несмотря на это, практика лишения городского статуса, существовавшая на протяжении веков, прекратилась после 1927 г. Видимо, сказался обострившийся дефицит числа городов. Последнее "разжалование" имело место в 1924-1927 гг., когда на территории РФ утратили городской ранг 95 городов; 6 стали рабочими поселками, остальные селами. Из них 60 имели дореволюционный городской стаж, и три с лишним десятка поселений успели за короткий срок (с 1917 г.) и получить городские права и утратить их.

Многообразие запросов, которые удовлетворяются малыми городами, отражены в их широком функционально-типологическом спектре. Наиболее распространены: а) районные центры ("местные столицы"); б) спутники крупных городов; в) промышленные центры разной специализации; г) узлы транспортной и энергетической инфраструктуры.

Среди райцентров самые крепкие в социально-экономическом отношении - бывшие уездные города (их около 260). Это хранители истории и традиций, им присуща многофункциональность (при скромных объемах деятельности). Во всех регионах представлены райцентры - бывшие села, постепенно приобщавшиеся к выполнению городских функций. Также распространены райцентры, развившиеся из пристанционных поселков. Для выполнения административных и организационно-хозяйственных обязанностей они оказались предпочтительнее, чем старые города, удаленные от железных дорог.

Малые города наделены характерными для российской урбанизации сельскими чертами ("урбанизация "по-деревенски", по А.Г.Вишневскому) и поселковостью. На сельские черты указывают не только генезис (преобразование из сел) и сохранение деревенских имен (Сычевка, Жуковка, Козловка и т.п.), но и выполнение чисто сельских функций, живучесть сельских занятий и образа жизни обитателей. А это обусловлено не только унаследованными традициями, но и трудностями переходного периода. Реформы ударили по малым городам с большой силой и усилили их аграризацию.

Структуризация совокупности городов по функциональным, генетическим и экзистенциальным признакам. Для более углубленного рассмотрения урбанистической структуры необходимо использовать помимо людности (показателя недостаточного при всей его интегральности), возрастные, генетические, функциональные характеристики, учитывать место города в системах расселения. И не случайно в последнее время все чаще привлекают внимание исследователей монопрофильные, кризисные города, наукограды, "вторые" города, адаптивная способность городов и т.д. Отход от традиционного структурирования городов не только открывает пути к более углубленному их познанию, но и повышает конструктивность исследований, позволяет обосновать решения проблем, предложить сценарии развития городов, полнее учитывающие их особенности.

Состав городов России во все исторические эпохи был подвержен непрерывным изменениям. В значительной мере это связано с крупными сдвигами в территориальном устройстве страны, с перемещением государственных границ, что фиксировало освоение Дикого Поля, присоединение земель в Поволжье, Сибири, на Дальнем Востоке и Северном Кавказе, возвращение русских

территорий к западу от Москвы и на берегах Финского залива. Наряду с возникновением новых городов, происходило "выпадение" неудачников, наделенных городским статусом, но не сумевших подтвердить его делами. Пересмотр состава и корректировка сети городов производились систематически. Число городов, исчезнувших или ставших селами (или пгт) соизмеримо с числом ныне существующих.

Новые города. Их создание одни авторы считают достижением, другие - крупным недостатком; по их мнению, нужно было не создавать новые, а развивать старые города. Очевидно однако, что создание городов во все времена отвечало конкретным потребностям государства. Обладая огромной территорией Россия строила новые города или учреждала их из сельских поселений.

В XX в. новые города создавались потому, что существующих было мало и значительная их часть не обладала нужными предпосылками развития. Основные причины, потребовавшие создания новых городов в XX в.:

- обустройство территории центрами обслуживания населения и хозяйства, узлами межрайонного взаимодействия; государство обязано было постоянно совершенствовать организацию пространства;

- освоение ресурсов, действительно необходимое в стране, которая долгое время находясь в политической и экономической изоляции могла рассчитывать только на себя;

- формирование единых транспортной и энергетической систем, что породило узлы инфраструктуры в виде городов-энергетиков (новый тип города, которого не знал XIX в.) и транспортных узлов; транспортное и энергетическое строительство наделило значительным потенциалом развития ряд "точек" территориальной структуры (вблизи ГЭС, у пересечения крупных рек железнодорожными магистралями), которые целесообразно было использовать;

- нужды обороны, вызвавшие к жизни и военно-морские базы, центры военно-оборонного комплекса;

- переход в ходе эволюции расселения к агломерациям, как ключевой форме расселения, что выразилось в создании городов-спутников; они составили "свиту" центров-лидеров, умножили их мощь и облегчили решение их проблем; отметим, что в западных странах отнюдь не страдавших от дефицита городов, в XX в активно шло строительство городов-спутников.

Создание новых городов в СССР - России было и необходимо и эффективно, в т.ч. и с географической точки зрения. Разумеется, при обоснованной в целом стратегии допускалось немало ошибок при определении масштабов и состава градообразующей базы; часты были случаи однобокого использования потенциала места.

При всей многочисленности городов-новостроек, возникавших "на чистом месте", они численно уступали городам, сложившимся в результате "вызревания" из возникших в XVIII и XIX вв. "эмбрионов". Вызреванию способствовали и чрезвычайные обстоятельства, которыми изобилует история нашей страны, в частности, события Великой Отечественной войны. Эвакуированные предприятия, оседая в старых заводских поселениях Урала или на станциях Транссиба, стимулировали превращение их в города. В 1942-45 гг. таким образом появилось 55 новых городов. Использование материальных фондов, кадров, инфраструктуры старых поселений существенно снизило первоначальные затраты и сократило сроки ввода в строй производств. В условиях времени часть появившихся в войну городов вряд ли смогла совершить подобный "путь наверх".

Три категории городских "эмбрионов", активно вовлеченных в доразвитие, наиболее распространены: а) промышленные центры; б) села-центральные места; в) пристанционные поселки. Часть поселений, получивших в XX в. городской статус, сложились в города уже в предшествующем веке. В 1917 г. Временным правительством были преобразованы в города Орехово-Зуево, Нижний Тагил, Кимры, Невьянск, Ессентуки, Котлас и др.

В распространенностью новых городов связаны значительные издержки российской урбанизации. Городам, родившимся в военное время, не могли быть обеспечены благоприятные условия развития. Промышленность, бывшая в советские годы движущей силой урбанизации, не всегда содействовала развитию многофункциональности, наоборот, часто наделяла города узкой специализацией.¹

Во многих случаях монопрофильность - характерная черта множества российских городов - следствие их молодости: города не успели сложиться в полифункциональные центры. Но нередко влияли и условия, неблагоприятные для развертывания широкого спектра деятельности. Города

¹ В книге "Многопрофильные города..." приведен перечень, включающий 467 городов. Это число нам представляется завышенным, но порядок цифр именно таков.

сырьевой ориентации в зоне экстремальных природных условий после исчерпания запасов разрабатываемых месторождений, обречены на исчезновение. Если города Южной Калифорнии, рожденные "золотой лихорадкой", переболев ею смогли приобрести яблочную специализацию, то для городов российского Крайнего Севера - центров добычи золота, алмазов, никелевых, медных и других руд такой вариант исключен.

Сырьевые города. Большое число российских городов кроме сырьевой отрасли в своей градообразующей базе ничего другого не имеет. Центры добычи полезных ископаемых в РФ включают три основные группы по специализации: а) добыча рудных и нерудных ископаемых; их примерно 72, из них 27 новостроек; б) добыча угля (58 и 34); в) добыча нефти и газа (48). Нефтеграды - все новые. Это также новый, появившийся в XX в. тип города, отличающийся наивысшей среди сырьевых центров динамичностью. Если к городам сырьевой ориентации отнести центры энергетики у месторождений топливных ресурсов, а также центры лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, расположенные в ресурсных районах, то общее число городов-центров сырьевых отраслей достигает примерно 25, около 22-23% общего числа городов РФ.

Сырьевые города пытаются уйти (некоторые безуспешно) от монопрофильности, которая делает их уязвимыми в экономическом, социальном и экологическом отношениях. Среди возникающих в них новых отраслей и видов деятельности преобладают связанные с профилирующей отраслью (машиностроение, поставляющее для нее оборудование, энергетика, промышленность строительных материалов, перерабатывающая вскрышные породы, подготовка кадров), а также предприятия легкой и пищевой промышленности, отраслей противовесов, использующих женские трудовые ресурсы.

Города, возглавляющие сырьевые районы, агломерации центров добывающей промышленности, при доминирующем значении добывающих и связанных с ней отраслей, формируются как многофункциональные центры даже на Крайнем Севере. Норильск, мирового значения центр производства палладия, платины, никеля, меди¹ является также базовым городом освоения Севера с высшими учебными заведениями, транспортными предприятиями, научными, геологоразведочными, природоохранными учреждениями. Город Октябрьский, возникший при освоении Туймазинского месторождения в Башкирии, помимо добычи нефти имеет машиностроение, производство строительных материалов, пищевую и легкую промышленность, Российский НИИ геофизических исследований, филиал Российского НИИ комплексной автоматизации месторождений нефти и газа, филиал Уфимского нефтяного института.

Города-спутники. В XX в. новым для России явлением в расселении стало формирование вокруг крупных центров городов-спутников. В дореволюционной России их имел лишь Петербург. Столица империи строилась одновременно с поселениями-спутниками разного назначения - крепостями, промышленными центрами, резиденциями. Сейчас в 50-километровой зоне вокруг больших городов РФ сосредоточено около 60 городов, почти четвертая часть общего их числа.

Спутники плохо вписываются в традиционную функциональную типологию. Это сквозная категория. Среди них большие, средние и малые города, центры науки, промышленности, рекреации, транспортные узлы. Особая роль принадлежит наукоградам. Это прогрессивный (и также новый) тип города, наиболее отвечающий требованиям XXI в. Наукограды (их 65-70) вместе с большими городами обеспечивают ускорение общественного прогресса.

При разнообразной специализации города, окружающие крупнейшие центры, объединяет "спутничество" - своего рода надфункция, тяготение к главному городу агломерации, тесное с ним взаимодействие. Развитие и рост больших городов, формирование вокруг созвездий спутников выразили мощно протекавшие в XX в. центростремительные тенденции в расселении.

Развитие в города пристанционных поселков. Наряду с центростремительными тенденциями также отчетливо и сильно проявились и тенденции линейностремительные, начиная со второй половины XIX в. По приблизительным подсчетам почти две сотни городов РФ развились из пристанционных поселков. Наиболее значительны те из них, которые сложились в железнодорожных узлах, в местах стыка железнодорожного и водного транспорта. К ним относятся Армавир, Батайск, Бологое, Котлас, Канащ, Лиски, Рузаевка, Минеральные Воды, Тайшет, Узловая. Однако выгод транспортно-географического положения оказалось недостаточно, чтобы обеспечить развитие таких городов, как Спас-Деменск, Дно, Сокольники, Лихославль и им подобных, оставшихся узко специализированными транспортными центрами - малыми городами.

¹ "Норильскникель" дает 96% производимого в РФ никеля, 35% меди, 55% кобальта. Он крупнейший в мире производитель палладия (по стоимости 40% выпускаемой комбинатом продукции дает палладий) и платины (36% мирового производства). Г.А.Агранат. Таймыр-Норильск: классика Севера. Газ."География", 2003, №№33,34,35.

Российская урбанизация проявила черты, свойственные мировой урбанизации вообще. Она предстает процессом последовательной, проходившей быстрыми темпами и в крупных масштабах концентрации разнообразной деятельности в "точках", обладавших для этого благоприятными условиями. Развитие значительного числа многофункциональных больших городов - главный итог российской урбанизации и ее мерило. Уровень урбанизации надлежит определять по ее высшим достижениям, а они в больших городах очевидны. Их недостатки - маргинальность части населения, перегруженность рядовыми производствами, отставание непроизводственной сферы, перекос в сторону производственных функций - все это ослабляет, но не перечеркивает положительных результатов.

Развитие агломераций, появление десятков наукоградов, способных благодаря интеллектуальному потенциалу быть двигателями прогресса, увеличивает созидательную силу крупнейших центров-лидеров. В итоге урбанизация выступила средством модернизации страны и совершенствования территориальной организации, тем самым выполнив свою историческую миссию.

Отличительные особенности российской урбанизации, которые выражены и типологическом составе городов, в территориально-урбанистической структуре, в соотношении в городах городского и негородского объясняются двумя главными обстоятельствами: 1. Своеобразие России, ее территории (гигантские размеры и дифференциация, разновременное включение в состав государств, разная степень освоенности и экономической зрелости), геополитического положения; 2. запаздыванием по сравнению со странами Запада очередных этапов урбанизации, что выразилось в непродолжительности городского стажа преобладающей части городов и, следовательно, в несформированности функциональной структуры, несовершенстве среды, маргинальности части населения.

Есть противоречие в том, что страна с городами, сохраняющими устойчивые сельские черты, поселковость и конгломеративность, наделенных промышленным "флюсом", показывает высокие статистические показатели уровня урбанизации, однако развитие плеяды больших городов подтверждает их достоверность.

Квалифицируя большие города как авангард урбанизации, нельзя отлучать от нее малые и средние города. Несмотря на хронический дефицит имевшихся в их распоряжении средств, скудность обеспечения населения, они также выполнили свою миссию. Малые и средние города, образуя с крупными центрами "целостные" системы расселения, являются их необходимым дополнением и партнерами, ретрансляторами влияния и инкубаторами талантов. Без них городам-лидерам было бы трудно, а то и невозможно выполнить свою роль. Их нельзя считать историческим анахронизмом. Они необходимый элемент территориальной структуры хозяйства и систем расселения и в настоящем и в будущем.

В России особой остроты достигло вечное противоречие в развитии городов: экономическая целесообразность концентрации средств и усилий в относительно ограниченном числе точек роста и социальная необходимость развития всех городов и систем поселений в целях создания в них благоприятных условий жизни людей и эффективного выполнения обязанностей в разделении труда между городами. В недавнем прошлом решение проблемы малого города находили в переводе его в более высокую категорию, и малый город, решая свои проблемы, переставал быть малым. А задача состоит в том, чтобы на основе саморазвития помочь малому городу реализовать имеющийся у него потенциал. Он должен надеяться на собственные силы, не ждать некоего чуда - импульса извне, и достичь благополучия, оставаясь малым.

Города России - в кризисе. Они не избавились от своих старых вековых проблем и приобрели новые, а условия их решения для большинства городов ухудшились. В зависимости от способности адаптации к условиям переходного периода разделились на фаворитов и неудачников. Фаворитов значительно меньше, но у них уже появился опыт, который может быть распространен.

Проблемой проблем является качество населения, к чему XXI предъявляет высокие требования. "Города в новом веке будут такими, какими будут живущие в них люди", - написал в своей последней книге В.В. Владимиров¹ - выдающийся градостроитель, успешно и много лет сотрудничавший с географами. Качество населения поможет ослабить то негативное влияние, которое оказывает демографическая недостаточность нынешней России.

¹ В.В.Владимиров. Избранные труды 1990-2000. М., 2001.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: ПОИСК НОВЫХ ПОДХОДОВ К РЕГУЛИРОВАНИЮ

Пример поиска новизны в теории и практике региональной экономики.

На этапе «перестройки» (1985-1991 гг.) научные работники и практики управления полагали, что относительный и нормативно оформленный экономический суверенитет мог бы быть полезен, а региональный хозрасчет служил бы своеобразным механизмом запуска новых производительных сил. Такого рода поиск послужил дополнительным стимулом для критической оценки ряда теоретических положений, однако его практическая отдача была крайне низкой.

1992-1998 гг. – период формирования контрмер, противостоящих революционному реформированию (рево-реформам), выработки новых направлений к стабилизации общественного развития, определения условий повышения надежности функционирования хозяйственных экономических систем. Так, экономисты и экономико-географы Коми НЦ УрО РАН давали рекомендации в части последовательной и постепенной приватизации, определили роль государства в социально-экономическом развитии северного региона, разработали теоретическую схему региональной собственности и организации на ее основе территориального хозяйствования.

¹Конструктивный характер имели предложения о создании частных и региональных инвестиционных счетов на основе амортизации и других источников, что позволило бы избежать второй волны кризиса, вызванной уже не финансовыми причинами, а старением производственных фондов. Обоснованными были и рекомендации о регулировании доходов и формировании новой модели социальной политики. Особенно результативными в теоретическом и практическом плане стали методические указания по составлению программ территориально-отраслевого развития, например, Программы комплексного освоения нефтегазовых ресурсов Тимано-Печорской провинции. Правительства республик и областей Европейского Севера такого рода научные рекомендации воспринимали, как правило, положительно, но созданная в стране к тому времени атмосфера «безудержного» реформирования (я бы сослался на Ф.М. Достоевского, и сказал, атмосфера бесовщины) отторгала все разумные предложения. Дефолт 1998 г. не был обусловлен экономикой; он стал результатом политики рево-реформирования. Если при этом конструктивные силы общества и достигли каких-то положительных результатов, то их можно обозначить не более как «торможение разрушения».

С 1999 г. начался этап стабилизации с неустойчивыми темпами роста. Но, как показала практика, некоторое экономическое равновесие еще не гарантирует социального и экологического благополучия.

Утрированная рыночная парадигма во главу угла поставила прибыль и наживу, и тезис о том, что множество частных интересов, переплетаясь, дают удовлетворяющий обществу интегральный результат. Каков этот результат? Повсеместное нарушение динамического равновесия между общественными и природными подсистемами – экологический кризис; все возрастающие противоречия между богатством и бедностью – социальный кризис; чрезмерно высокий разрыв между развитыми и развивающимися странами – кризис геополитики; сверхэксплуатация сырьевых стран и регионов, территориальная дифференциация и усиление пространственной неоднородности – кризис региональной политики. Для региональных наук узловыми стали вопросы согласования технологических, экономических, социальных, экологических и информационных подсистем общественного развития. Все большее значение приобретают гуманистические начала, когда на первое место ставится Человек и его окружающая среда.*

Согласовать многообразные аспекты жизнедеятельности с учетом конкретных местных условий – дело непростое, тем более в стране с еще неопределенным политико-экономическим профилем. Непонятно, чего у нас больше: олигархического капитализма, мелкобуржуазного слоя, государственной монополии или еще чего-то, что пока не получило своего названия. Изменилась экономическая география России, - в ней все более повышается роль экстерриториальных структур управления, особенно центров, распределяющих финансовые потоки. Значительная часть оргструктур стала базироваться на виртуальной экономике (акции, ценные бумаги, игра на различии

* Гуманистические ориентиры России. – М.: ИЭ РАН, 2002. – 351 с.

курса валют и т.п.). Обострилась проблема территориального разрыва между созданным и потребленным прибавочным продуктом.** Все это неодинаково проецируется на конкретные регионы: Москва и некоторые другие крупные центры и их окружение выигрывают, благодаря концентрации капитала, а регионы Севера проигрывают из-за его утечки, в том числе по причине не выявленной и нормативно нераспределенной природно-ресурсной ренты.

Спектр новых задач в области региональной и природно-ресурсной экономики Европейского Севера был обозначен своевременно. Неслучайно в Сыктывкаре, в ноябре 2001 г. было проведено выездное заседание четырех отделений Российской академии наук с целью определить системные подходы к решению комплексных проблем развития и размещения производительных сил этого крупного региона. В центре внимания стояли проблемы рентных отношений и геосистемной организации территориального хозяйствования, затрагивающие интересы всех структур управления и всех слоев общества.

От рево-реформирования к пропорциям эволюционного развития

С пониманием несостоятельности революционного реформирования (правда, это понимание официально пока нигде публично не зафиксировано) высшее политическое руководство страны предложило обществу перспективу эволюционного развития с учетом интересов всех слоев населения. Выражено намерение проводить в социально-экономической сфере взвешенную политику. Это обнадеживает. Появляется целесообразность научно-аналитической работы...

Прежде всего, необходимо учесть пропорции общественного воспроизводства и рассчитать их в макроэкономических показателях относительно валового внутреннего продукта (ВВП), применительно к региону – ВРП.** Например, валовой региональный продукт Республики Коми в 1999 г. составил 50,9 млрд.руб., в 2000 г. – 72,3 млрд.руб., в 2001 г. – 103 млрд.руб., 2002 г. (по оценке) – 125 млрд.рублей. Решающая роль в этой динамике принадлежит индексу цен. Если же взять ВРП в сопоставимых ценах, то окажется, что в 1999 г. его рост (снижение) составил 96,3%, в 2000 г. – 110,0%, в 2001 г. – 107,3%, в 2002 г. (по оценке) – 98,8%. Да и в России в целом прирост ВВП не может пока подняться выше 3-4%. Поэтому призыв Президента РФ к амбициозности социально-экономического прогнозирования имеет примерно такой отзыв со стороны практиков управления: не до жиру, быть бы живу.

Драматическая ситуация в российской экономике, в том числе и в конкретных регионах, заключается вовсе не в том, что процент роста пока низок, а в том, что остается разбалансированной вся социально-экономическая система, особенно налогово-бюджетная ее часть. Объем государственных обязательств остается выше доходной части бюджета почти в 2 раза; чрезмерно централизуются налоговые поступления в федеральном бюджете в ущерб территориальным, бюджеты большинства субъектов Федерации не только обескровлены, но и выполняются из года в год на уровне 70% от плановых показателей. Для устойчивого развития северных территорий необходимо, чтобы социальные расходы составляли 22-26% от ВРП, но не 13-14, как в настоящее время. Считается хорошей пропорция соотношения социального и производственного блоков расходной части бюджета – 60:40. В консолидированном бюджете РК это соотношение составляет 70:30, то есть бюджетная политика в силу вынужденных обстоятельств нацелена здесь в большей мере на выполнение социальных обязательств и в меньшей – на экономическое развитие.

Во многих регионах России, в том числе и в Республике Коми, пожалуй, единственная пропорция является идеальной: отношение налоговой нагрузки к ВРП. По научно обоснованной норме налоги и другие сборы должны составлять 35-37% от ВРП, фактически (по РК) в 2001 г. – 34,6%, в 2002 г. – 32,5%. Это говорит о том, что рост бюджетов возможен только за счет роста налогооблагаемой базы, то есть дальнейшего развития производства.

Если предположить, что расходы населения на конечное потребление, валовое накопление и сальдо вывоза и ввоза будут обеспечены по научно обоснованным нормам, то Республика Коми должна была бы производить в год 300 млрд.руб. ВРП (в ценах 2001 г.), то есть нужно обеспечить его рост в 3 раза. При существующем уровне развития производительных сил и социально-экономических отношений для этого потребуется не менее 20 лет (при условии 5-6% среднегодового

** В свое время эту проблему ярко показал Н.Н.Баранский на примере дореволюционных городов Иванова и Москвы: товар (ткани) создавался в Иванове, а прибыль оседала в Москве.

* Лаженцев В.Н. Европейский Север – объект комплексных исследований// Вестник РАН – Том 72. - № 6. – 2002. – С.548-551

** Гранберг А.Г., Зайцева Ю. Производство и использование валового регионального продукта: межрегиональные сопоставления// РЭЖ – 2002. - № 10. – С.42-64.; № 11-12. – С.48-70.

прироста). Чтобы ускорить этот процесс, нужно выйти на новый уровень организации общества и научно-технического развития.

Этот новый уровень измеряется, прежде всего, индексом развития человеческого потенциала, который рассчитывается на основе трех показателей – долголетия, достигнутого уровня образования и уровня жизни (валовой региональный продукт на душу населения с поправкой на паритет покупательной способности). Что касается северных регионов, то в этом индексе фиксируется их самое «слабое звено» – низкий уровень продолжительности жизни. «Сильное звено» – уровень образования. Между ними, как раз, и расположен индекс экономического развития и уровня жизни. Укрепление здоровья и возвышение интеллектуального потенциала населения – главный ориентир стратегического планирования. На Европейском Севере он хорошо согласуется с идеями обживания территории и усиления роли домашних хозяйств, с идеями формирования полнокровных общностей людей на основе разнообразия форм собственности и согласования противоречивых интересов.

Финансово-экономический механизм регулирования территориального развития

Механизм развития – сложное понятие, включающее в себя источники и движущие силы, отношения, регламенты и стандарты, оргструктуры и экономические регуляторы. Здесь речь идет о последних: ценах, налогах, бюджетах, внебюджетных фондах, кредите, инвестициях. Выделены новые подходы к оценке их совокупного состояния и особенностей динамики.

Устойчивого и удовлетворяющего всех механизма регулирования территориального развития никогда не было и, по-видимому, не будет.

Джон Бернал, английский физик и философ, сравнил науку с механизмом, который постоянно находится в ремонте, но, тем не менее, постоянно используется. По аналогии можно сказать: финансово-экономические отношения и регуляторы, это такой механизм, который постоянно ремонтируется, но только в таком, перманентно-ремонтном состоянии, он и работает.

Это в значительной мере предопределяет содержание концептуального подхода к решению социально-экономических проблем, а именно – вместе с развитием, ускорением ритмов и усложнением режимов функционирования хозяйственных систем меняются и сочетания норм, правил и других регуляторов, при этом они зачастую в корне меняют и свое регулирующее направление. Методологически трудно представить «долгоиграющий» набор норм и правил, тем более в экономике переходного периода.

Активное хозяйствование предполагает наличие условий для маневра, что в свою очередь, сопряжено с вероятностным характером результата деятельности при различных сочетаниях финансово-экономических методов управления. Субъект управления должен иметь возможность достраивать механизм хозяйствования по мере усложнения решаемых задач.

Классические правила использования механизмов управления «обрастают» подробностями, а потому зачастую не реализуются как классические.

Например, правило Уорбартона - Фридмана гласит: «Правильная политика правительства – осуществлять постоянное, предсказуемое увеличение предложения денег с темпом, примерно, равным росту производительности в экономике; в остальном же следует все оставить так, как оно есть, и предоставить рынку делать свое дело».

Не исключено, что в жизни какой-либо одной капиталистической страны или даже группе стран и был такой период, когда это правило давало положительный результат. Но это не могло быть долго и не могло распространяться на большинство других стран. Здесь суть заключается в обрамлении основного правила прочими условиями, которые в конечном счете всегда играют решающую роль. Российское правительство в начале 90-х годов сделало попытку реализовать монетаристские правила без учета этих прочих условий и получило экономический кризис.

Еще один пример. Считается, что некоторый избыток денежной массы (примерно, до 15% больше необходимого объема) полезен для активизации инвестиций. Но реализация этого правила также требует серьезной государственной доработки с учетом множества обстоятельств. Полагают, и автор с этим согласен, что в России это было бы целесообразно только при условии «связанного» кредита, т.е. эмиссии денег под кредитование конкретных проектов хозяйственного строительства, способного вызвать мультикативный эффект, причем под строгим контролем Центрального Банка и с учетом местной специфики.

Фиксация недостатков в финансово-экономической сфере предполагает их устранение или, по крайней мере – сглаживание, но это, как правило, сопровождается появлением новых недостатков. Комбинация старых и новых проблем определяет уровень напряжения в управлении.

Пример Республики Коми показывает, что в настоящее время динамике и структуре государственных финансов, финансов предприятий и организаций, денежных средств кредитно-банковской сферы, денежных средств населения свойственен целый ряд недостатков:

- диспропорция в соотношении общего объема финансовых средств и полной стоимости основных фондов – 29% вместо 50%;
- снижение доли территориальных бюджетов относительно федерального бюджета при высоком уровне налоговой нагрузки (35,6% ВРП), причиной чему является усиление централизации налогов;
- отсутствие четкого и стабильного разграничения налоговых полномочий и закрепления доходных источников за бюджетами разных уровней;
- отсутствие системности в организации фондов финансовой помощи Центра регионам;
- низкий уровень денежных средств кредитно-банковской сферы и особенно населения в финансовом обороте;
- чрезмерно большая кредиторская и дебиторская задолженность предприятий и организаций и т.д.

Ясно, что отмеченное создает угрозу экономической безопасности республики. Но ясно и другое: механизменный подход (в отличие от механического) к решению финансовых проблем требует адекватных и синхронных преобразований в других сферах. Так, подтягивание объема финансовых средств относительно стоимости основных фондов до классического уровня, может привести к избыточности денег и инфляции, если не провести структурную перестройку самих фондов. Ведь наше хозяйство чрезмерно фондоемкое, в структуре фондов низка доля активной части. Другой пример. Усиление централизации налогов ущербно для территориальных бюджетов, но именно этот факт способствует мобилизации внутренних ресурсов и развитию тех сфер хозяйства, которые по налогам в значительной мере прикреплены к территориальным бюджетам. Здесь проблема заключается в том, что открепление происходит сразу (моментально), а «раскрутка» новой налогооблагаемой базы требует времени.

Социально-экономическое развитие субъектов Федерации, городов и районов во многом зависит от механизма бюджетного стимулирования. Например, научные рекомендации по стимулированию регионального развития заключаются в том, чтобы прирост общей налогооблагаемой базы распределялся в пользу региона в пропорции 70:30 (или даже оставался полностью в распоряжении региона). И так каждый год: необходимо, чтобы федеральный бюджет получал по установленным нормам отчисления по налоговой базе прошлого года, а региональный бюджет – по установленным нормам отчисления по итогам текущего года. Часть прироста, полученного за счет хорошей работы наращиванию налогооблагаемой базы, регион по договоренности может (должен) передать в федеральный бюджет. Остальное – использовать у себя. Аналогичное правило можно было бы распространить и на муниципальные бюджеты, но в рамках норм и сумм, закрепленных за территориальными бюджетами. Ясно, что бюджетный потенциал обеспечивается не только заданными ресурсами и размещением производительных сил, но и уровнем организации управления на местах.

Устраняя одни недостатки, надо стремиться к тому, чтобы появление других недостатков было вовремя замечено. Возникающие проблемы надо переводить в плоскость нового развития.

Территориальное развитие есть своего рода приращение к тому, что дает развитие отраслей и сфер деятельности, а потому оно сопряжено с выбором специфических механизмов. Данная специфика как раз и разграничивает финансово-экономические механизмы фирменных и региональных стратегий.

Специфическое начало территориального развития заключается в том, что оно организуется на базе региональной собственности и регионального хозрасчета. Когда регионы и муниципалитеты выступают в роли хозяйствующих субъектов, тогда они становятся своеобразными квазикорпорациями, оказывающими услуги населению. Мерой эффективности территориального хозяйствования является рост и улучшение качества совокупного социально-экономического потенциала конкретной местности. Он поддается измерению через оценки человеческого, природно-ресурсного (в т.ч. экологического) и научно-технического (в т.ч. инновационного) потенциалов. Главное в организации территориального хозяйствования – активная работа с региональной (муниципальной) собственностью: природными ресурсами, имущественными комплексами и финансовыми средствами; соизмерение собственных затрат и собственного дохода (именно это отличает региональный хозрасчет от регионального счетоводства, в котором отражаются совокупные для данной теории экономические показатели).

Организация территориального хозяйствования должна опираться на научный анализ и оценку потенциалов муниципальных образований.

Каждый город и район должен иметь собственный эталон, с которым он и должен сравниваться. Институт социально-экономических и энергетических проблем севера Коми НЦ УрО РАН по заданию Минэкономразвития РФ составил методику оценки потенциалов: природно-ресурсного, производственного, трудового, социального, налогового, бюджетного. Она может стать рабочим инструментом в деле мобилизации внутренних ресурсов лишь в том случае, если будет восприниматься руководителями городов и районов как своя. Поэтому теперь оценка потенциалов – это дело не столько науки, сколько самих практиков.

Из сказанного выше можно сформулировать такой тезис: поле деятельности региональных правительств и органов местного самоуправления, в отличие от поля деятельности центрального правительства, в хозяйственном отношении более разнообразно, а потому более проблемно и более интересно. Работа на нем требует понимания хаоса как неизбежной реальности, вычленения из хаоса опорных точек роста и организации вокруг этих точек инновационной коммерческой деятельности.

Сочетание регионального и фирменного управления

Анализ старых и новых форм организации территориально-отраслевого развития показал, что технологически и экономически обоснованные связи между отдельными предприятиями в настоящее время все более обеспечиваются крупными корпорациями. В лесном комплексе – Нойзидлер (Сыктывкарский ЛПК), в угольном – компания «Северсталь», в нефтяном – НК «Лукойл», в газовом – «Севергазпром», в горнорудном – ОАО «СУАЛ», ОАО «Комиаллюминий» и др. То, что в прошлые годы рассматривалось в рамках государственных (федеральных и региональных) целевых программ, в настоящее время перешло в русло фирменных стратегий. При этом они (стратегии) охватывают не только узкоотраслевые производственные направления, но и в значительной мере межотраслевые взаимосвязи, региональное инфраструктурное и социальное обустройство.

Хорошо это или плохо – зависит от выбора общественных ориентиров нашей страны. Если будет и далее преобладать движение в сторону олигархического капитализма, то не избежать крупных социальных конфликтов. В случае же наполнения корпоративных отношений ценностями гражданского общества, главенствующая роль корпораций может оказаться полезной. Но это произойдет только при условии государственного регулирования экономики, более того – при активном государственном предпринимательстве.

Правомерно беспокойство жителей республики относительно поведения крупных хозяйственных структур, особенно внешних инвесторов. С их стороны нередко наблюдаются некорректные действия: сокрытие доходов, увод приватизированной собственности в сектор теневой экономики, принудительное банкротство предприятий, недоимки подоходного и социальных налогов; весьма распространено мошенничество на ценах, когда товар продается по заведомо низкой цене, затем перепродается в другом месте, зачастую за границей, но уже по рыночной цене с утаиванием разницы и соответствующих налогов от государства; интересы регионов ущемляются и посредством корпоративного ценообразования и использования толлинга (работа обрабатывающих предприятий на давальческом сырье с распределением доходов от конечного продукта)...

Конечно, население заинтересовано в правильном и честном оформлении отношений между государством, муниципалитетами и предприятиями. Здесь конфликтные ситуации приобрели столь угрожающий характер, что даже сами фирмы поняли – на поле «дикого капитализма» долго не поиграешь. Поэтому ответственные компании приняли кодексы корпоративного поведения. Первыми среди них были «Сибнефть», «Ленэнерго», «Юкос», «ТНК», ОАО «Магнитогорский металлургический завод». В 2003 г. приняли или собираются принять такие кодексы «Лукойл», «Норильский никель», РАО «ЕС России» и ряд других компаний. Здесь преследуются несколько целей: защита интересов акционеров, повышение инвестиционной привлекательности, рост стоимости бизнеса, но кроме этого и налаживание взаимовыгодных отношений с регионами. Последние стали оформляться в виде специальных соглашений.

В связи с разработкой и внедрением норм корпоративного поведения возникает много вопросов для самих компаний: каков статус кодекса, его содержание, механизм реализации и т.д. Но не менее актуальными являются и вопросы для руководителей регионов: сохранение и рост рабочих мест, создание и эксплуатация объектов производственной и социальной инфраструктуры, инновационная и научно-техническая деятельность, шефство над коллективами, которые пока слабо социально защищены, соблюдение всего спектра интересов коренных жителей и т.п., ну и, конечно, в первую очередь – охрана окружающей природной среды.

Формирование фирменных стратегий и повышение их роли в развитии и размещении производительных сил заставляют по-новому оценить место федеральных округов в системе государственного управления. Федеральные округа в экономико-политической сфере пока занимают позицию над рынком, то есть обеспечивают национальную безопасность и выступают в роли дирижера субъектами Федерации. Следует основательно подумать и об их рыночных функциях. Округа могли бы стать активными агентами налоговой и тарифной политики, госзаказа, кредитно-денежной, бюджетной и внешнеэкономической деятельности и т.д. Они могли бы участвовать в формировании крупных систем рыночной инфраструктуры. Но, самое главное, задачам и функциям федерального округа соответствует масштаб деятельности национальных и транснациональных корпораций, а также крупных мировых и отечественных банков и инвестиционных фондов. Это соответствие позволяет правильно определить содержание договорных отношений, особенности в части взаимных (региональных и корпоративных) обязательств в области природно-ресурсной экономики, экологии и инфраструктурного обустройства территории, трансакционным издержкам и корпоративной ценовой политике.

Экономическое поведение региональной власти

Среди условий социально-экономического развития регионов все более заметное место отводится государственному управлению. В настоящее время отстранение государства от экономики представляется уже противоестественным. Большинству управленцев стала понятна научная схема, в которой государство одновременно занимает три позиции: над рынком (обеспечение национальной безопасности), рядом с рынком (выработка правил игры на рыночном поле и контроль за их соблюдением) и внутри рынка (государство – агент рыночных операций). Наполнение же этой схемы конкретным содержанием во многом зависит от экономического поведения региональной власти. Например, в ряде мест (главным образом в национальных республиках) зафиксировано доминирование неформальных (не определенных законом) норм и правил или наоборот (главным образом в областях) – преобладание формальных (законных и прозрачных) норм и правил.

Особенность Республики Коми заключается в том, что она, как и большинство областей, не имеет упорядоченной структурированности власти по линии соподчиненности отдельных групп управления, но не имеет и столь развитой, как во многих национальных республиках, клановой структуры. Вопросы территориального развития здесь реализуются не местными клановыми группировками, а немногочисленной командой управленцев, четко ориентированной Центром на исполнение конкретных установок по реформированию экономики.

Такое положение предварительно можно оценить положительно, поскольку наличие политически сплоченных и влиятельных властных групп усиливает возможность компромиссов по поводу увязки корпоративных, национальных и общерегиональных интересов. Однако такого рода потенциал реализуется лишь тогда, когда сильные властные группы начнут действовать с учетом особенностей институциональной динамики управляемого ими региона, его экономической, географической и этнокультурной специфики. И это должно стать фактором, довлеющим над своими партийными или другими корпоративными обязательствами.

А.Н.Пилясов* показал наличие двух типов сильной исполнительной власти. Первый – проинтеграционный, когда власть и ее первое лицо выступают как агенты экономической координации, усиливают связность компонентов региональной системы, преодолевают многочисленные структурные диспропорции, формируют стимулы у хозяйствующих субъектов, в том числе к их участию в территориальном развитии. Второй тип – поведение, нацеленное на поиск выгод от несостыковки и несбалансированности региональной системы. Примером тому служит искусственное сдерживание формирования внутрироссийского рынка по той причине, что сырье, например, нефть, дает быстро и в больших объемах ренту от его экспорта. Органам власти становятся выгодными также высокие трансакционные издержки.

Оба типа сильной власти лучше, чем власть слабая, хотя понятно, что первый тип имеет генеральные преимущества. Эти преимущества будут еще более заметными, если сильную исполнительную власть дополнить сильной законодательной властью. Модель, сложившаяся в 1994-1995 гг. – сильная исполнительная власть и более слабая законодательная – действует до сих пор. Этот перекося следует устранить, что станет еще одним благоприятным условием территориального развития.

* Пилясов А.Н. Экономические и политические факторы развития российских регионов// Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития. – М.: ИГ РАН, 2002. – С.18-38.

ОТ ПОТЕНЦИАЛА К АКТИВАМ: ПЕРЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ СТАРЫХ ПОНЯТИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

I. Свойства активов и тип регионального развития

1. Необходимость обновления понятийного аппарата экономической географии

Радикальные изменения общественных институтов всегда сопровождаются изменениями или переинтерпретацией прежних базовых понятий во всей системе наук об обществе. И это естественно – чтобы охватить мыслью новые феномены жизни требуется отказаться от старых терминов и принять на вооружение новые (или на самом деле новые старые); придать прежним рабочим определениям и понятиям, наиболее активно используемым ввиду их гибкости и способности охватить самые фундаментальные и разнообразные проявления природы человека и его деятельности, новое значение. Аналогичные процессы происходят и на повседневном (бытовом) уровне: например, в период радикальной экономической реформы в России мы быстро привыкли к замене советских бюро по трудоустройству на российские центры занятости; постепенно отмирает термин завоз на Север, вместо которого возникает понятие продовольственной и энергетической безопасности северных поселений.

Обычно переинтерпретация понятийного аппарата общественной науки начинается с периферии, т.е. с мест интенсивных контактов с другими науками. Именно здесь в периоды радикальных преобразований и происходит быстрый интеллектуальный прорыв, фиксируемый массовой заменой/переопределением старых каркасных понятий. И лишь позднее начинается обновление и понятийного ядра науки. Но только этот процесс обеспечивает целостность науки, адекватность научного знания вызовам нового времени.

Классики советской экономической географии хорошо понимали значение понятийного ядра для развития нашей науки. Э.Б.Алаев отдал много сил и энергии, чтобы упорядочить терминологическую систему социально-экономической географии¹. К.П.Космачев многие годы увлеченно работал над проблемой экспертизы понятий и нормативов, широко используемых в практике советского территориального управления². Из наших современников создателем красивой (хотя и очень абстрактной) архитектуры из географических понятий, безусловно, является Б.Б.Родман³.

Без идеологического обновления, терминологической чистки науки трудно идти дальше. При этом, как правило, главные материальные конструкции, мотивы и формы поведения человека, которые служат основой формирования своих нематериальных копий в виде понятий, остаются в значительной степени неизменными, нейтральными к смене общественного устройства.

Приведем примеры терминологических переходов, переакцентировки привычных понятий экономической географии советского времени, очевидцами которых мы являемся. Было понятие градообразующего предприятия, которое формирует основное производство поселка или города. Теперь мы все в большей степени оперируем понятием бюджетобразующего предприятия, фирмы, которая генерирует значительную часть налоговых доходов в региональный или муниципальный бюджет.

Было понятие факторов размещения производительных сил по территории СССР, отдельных экономических районов и регионов. Оно хорошо отражало доминанту факторов предложения, диктат производителя, свойственные для плановой экономики советского времени. Оно постепенно отмирает. Вместо него пришло понятие факторов сравнительных преимуществ (более узко - инвестиционной привлекательности) российских регионов.

Было понятие единого народнохозяйственного комплекса (ЕНХК) советского времени, которое отражало приоритет технологических аспектов, отраслевой парадигмы в изучении региональной экономики. На смену пришло более гибкое (и одновременно более аморфное) - единого экономического пространства, которое отразило приоритет организационных, институциональных факторов, уже не отраслевой, а рыночной парадигмы (отраслевых рынков) в нашей науке.

Было понятие кооперирования и комбинирования предприятий как важнейших факторов территориальной организации советского промышленного производства. Сейчас используется понятие вертикальной и горизонтальной интеграции фирм как ключевого фактора, определяющего структуру отраслевых рынков. Вместо термина концентрация предприятий используется понятие

¹ Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль. 1987.

² Космачев К.П. Географическая экспертиза плановых нормативов. Новосибирск: Наука.

³ Родман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: «Ойкумена». 1999. 256с.

агломерационного эффекта (широко применяется в предложенной П.Кругманом концепции новой экономической географии¹).

В работах А.А.Минца, И.В. Комара, В.П. Руденко² разрабатывалось понятие природно-ресурсного потенциала. Многие видные советские экономико-географы разрабатывали определения и давали оценку производственного потенциала, потенциала трудовых ресурсов и демографического. Термин потенциал был популярен в нашей науке в советское время и использовался очень широко, четко отражая роль факторов предложения как главных ограничителей административно-командной системы. Понятно, что изучению главных ограничений развития экономики и были посвящены основные усилия наших старших коллег.

С началом радикальной экономической реформы это понятие незаметно ушло из научных работ. Но вместо него пока не возникло ничего нового (хотя уже предпринимаются исследования, например, регионального человеческого капитала). Но потребность в термине, который пришел бы на смену прежнему, явно существует.

Бурно развивающаяся последние десятилетия теория фирмы, которая уже оказывает активное концептуальное и терминологическое воздействие на западную региональную науку, предлагает понятие *активов*. Его материальная основа та же, что и у потенциала – природные, трудовые, производственные ресурсы (основные фонды).

Но акцент другой. Не то, что через длительный временной отрезок (а может быть, никогда) способно стать реальным фактором развития. Нет, *сегодня* вовлеченный и уже используемый экономический ресурс.

Понятие потенциала отразило феномен отложенного настоящего - ради будущего. Именно такое отношение ко времени было характерно в советскую эпоху. Понятие актива отражает продленное настоящее – такое отношение ко времени характерно для людей современной российской эпохи.

Понятие активов плодотворно разрабатывается в работах представителей современной неoinституциональной науки Л.Бальцеровича, О.Уильямсона, Т.Эггертсона³. Они используют его для характеристики избираемых форм контрактации и конфигураций прав собственности, экономического поведения власти, общей механики политико-экономических процессов, например, в странах, которые переходят от плановой к рыночной модели развития.

Нет причин отказываться от этого понятия и в региональном экономическом анализе. Овладевая новой рыночной методологией, описывая регион в целом, региональное развитие макроэкономически, с высоты птичьего полета, авторы конструируют широкие аналогии региона как рынка, региона как квазикорпорации⁴. Для глубинного понимания закономерностей регионального развития требуются инструменты микроанализа, невозможные без понятия активов.

Помимо него, обозначим еще ряд корневых понятий, которые позволяют предпринять исследование регионального развития, адекватное последним достижениям мировой неoinституциональной науки: экономическая история, возраст региона, хозяйственные слои; природная, положенческая, бюджетная рента как структурирующий региональную экономику фактор; корпоративная структура экономики, ключевые региональные рынки; региональные рамки, в том числе сетка административного деления и ландшафт; региональные группы и коалиции влияния; региональная/муниципальная власть, региональные политические и экономические институты, в т.ч. конфигурации прав собственности; экономическое поведение (стереотип поведения), запас предпринимательской энергии региональной общности людей; региональное знание (региональная инновационная система).

2. Что такое региональные активы?

Региональные активы – территориальные сочетания природных, материальных и человеческих ресурсов, взаимодействующих в процессе экономического развития через созданные меняющиеся конфигурации прав собственности. Своеобразие свойств и сочетаний изменяющихся активов региона влияет на экономическое поведение основных хозяйствующих субъектов, местных

¹ Krugman P, Venables A. (1990): "Integration and the competitiveness of peripheral industry", In Bliss C. and Braga de Macedo J. (eds.) *Unity with Diversity in the European Community*. Cambridge University Press, Cambridge. Pp. 56-77; Krugman P. (1991): "Increasing returns and economic geography". *Journal of Political Economy*, 99, 483-99; Krugman P. (1991): *Geography and Trade*. MIT Press; Krugman, P. (1995): *Development, Geography and Economic Theory*, Cambridge, MA: MIT Press; Krugman P., Venables A. J. (1996): "Integration, specialization, and adjustment" *European Economic Review* 40 959-967; Fujita M., Krugman P., Venables A.J. (1999): *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*, MIT Press, Cambridge, Massachusetts; Krugman, P. (1998) "What's new about the new economic geography?", *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 14, n. 2, pp. 7-17.

² Минц А.А. ; Комар И.В.; Руденко В.П. Природно-ресурсный потенциал. Киев: Наукова думка. 1985.

³ Бальцерович Л.: Социализм, капитализм, трансформация. Очерки на рубеже эпох. М.: Наука/УРАО. 1999. 352с.; Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. Лениздат: CEV Press. 1996. 702 с.; Эггертсон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело. 2001. 408с. С.41.

⁴ Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ. 2000.

коалиций и региональной власти. А эти факторы определяют темпы регионального экономического развития.

Точечные активы включают в себя отдельные экономические и природные объекты, предприятия с имущественным комплексом, объекты недвижимости. Линейные активы – это протяженные инженерные сооружения (например, сети газопроводов, мелиорационных, ирригационных систем, тепло-водоснабжения), речные и морские каналы, трассы, железнодорожные пути. Ареальные активы – земельные площади сплошного простираения, состоящие из отдельных земельных участков, поля месторождений полезных ископаемых и др. В разных регионах, в разных ландшафтах и в разные эпохи соотношение точечных и линейных активов свое, своя и региональная обобщенная конфигурация прав собственности на все точечные и все линейные (ареальные) активы. Обычно динамика преобразований прав собственности на точечные активы выше, чем на линейные и ареальные, нормы и правила по которым имеют более консервативный, инерционный, характер.

Человеческие активы, структурированные в виде больших и малых производственных коллективов, способны к наиболее динамичным изменениям как количественных, так и качественных свойств (например, степени сплоченности). Причинами быстрых изменений экономического поведения производственных коллективов, как правило, являются экономические институты – совокупность одновременно действующих в контуре региона наборов региональных, корпоративных и федеральных формальных норм и правил, ограничительных рамок поведения.

Естественная динамика свойств эксплуатируемых точечных и ареальных природных активов, как правило, более медленная. Она оказывает воздействие на тип организационной структуры добычных фирм (вертикально-интегрированная корпорация или малый бизнес), и вместе с созданными для ресурсов правами собственности на экономическое поведение производственных коллективов (индивидуальный эгоистический поиск ресурсной ренты или приверженность коллективным ценностям).

Динамика материальных (произведенных) активов наиболее медленная. Поэтому на этапах радикального переустройства общественной жизни возникает проблема их реструктуризации – функционального преобразования, повышенного по скорости и отличающегося по направленности от естественного (износа) – для большего соответствия сложившимся новым экономическим условиям. Она может существовать как в случае одновременного производственного взаимодействия активов всех трех видов (т.е. при эксплуатации природных ресурсов), так и при взаимодействии активов двух видов (материальных и человеческих, без вовлечения природных факторов производства).

Если все три вида активов плотно сопряжены друг с другом, темпы реструктурирования максимально медленные (например, газовая отрасль Российской Федерации). Отсутствие слитности и мобильность природных и материальных активов обеспечивает высокие темпы реструктурирования (дробление советских предприятий в рыбодобывающей и лесозаготовительной отраслях).

При реструктуризации (конверсии) бывших военных производств – случай взаимодействия материальных и человеческих активов – резко проявляется асинхронность медленной трансформации производственного аппарата и более высокой по скорости трансформации производственных коллективов – там большей, чем выше в них совокупный запас предпринимательской энергии. Она проявляется в уменьшении размера коллектива, передислокации (миграции) кадров из государственного в рыночный сектор экономики или на биржу труда (безработные). Более низкая скорость преобразований производственных коллективов приводит к избыточной занятости и повышает нагрузку на внутрифирменный рынок труда.

Двойственная природа любых ценных региональных (ресурсных и материальных) активов состоит в том, что потенциально они могут работать на рост, развитие, однако при слабости политических институтов оборачиваются в свою противоположность и, наоборот, ослабляют экономику. Экономическое поведение по поводу ценных активов при ослабленном внешнем государственном регламенте очень часто включает поиск ренты, нарушение контрактных договоренностей, споры по правам собственности. Затягиваясь на долгие годы, они способны убить сильные естественные предпосылки к развитию.

В случае гетерогенных (разнородных, конденсатных) природных активов, не обладающих яркой специфичностью (например, наличие обязательных к быстрому извлечению вредных примесей или суперценных компонентов) и монопольной позицией на рынке, при радикальном изменении формы собственности типичны длительный поиск стратегического инвестора и присвоение ренты временными владельцами. При специфичности природных активов возникает слитность со стадией переработки. Собственник на единый технологический комплекс, объединяющий стадии добычи и переработки, находится раньше. Крупные однородные природные активы, если не обладают сверхценностью, могут относительно быстро обрести стратегического собственника.

Региональная власть, формируя однозначно интерпретируемые формальные правила взаимодействия по поводу ценных активов, может усилить позитивные свойства актива и нейтрализовать возможные негативные формы экономического поведения хозяйствующих субъектов.

Глубокие социальные преобразования (масштабные смены прав собственности и передислокации активов из государственного сектора экономики в частный или наоборот), как и природные катастрофы, очень выпукло обнажают конкретные особенности региональных природных, материальных и человеческих активов. В предельном случае жизненный цикл актива вообще может досрочно прекратиться.

3. Мобильные и стационарные активы

Сравнительная роль мобильных и стационарных активов, как и их стоимостные соотношения, соотношения объемов производимой ими продукции значительно отличаются в разных российских регионах и в разные периоды их экономической истории. В создании раннефеодальных хозяйственных слоев мобильные материальные и человеческие ресурсы принимали значительное участие. Впоследствии, в периоды позднего феодализма, крепостнической прикреплённости крестьянина к земле, роль мобильных факторов развития уменьшилась.

Капиталистические торговые слои формировались под определяющим влиянием торгового капитала, при обширных перемещениях товаров внутри и между регионами российской империи, в результате которых и возникал единый всероссийский рынок. В этот период роль мобильных активов возросла, хотя и не возвращаясь к состоянию прежней доминанты.

В ранний советский период в регионах страны проводилась кампания по переводу кочевников на оседлость. Мобильность человеческих активов в этот период имела вынужденный государством характер – достаточно вспомнить обширные принудительные передислокации миллионов людей для освоения новых районов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Материальные активы в силу их пока еще малой капиталоемкости были относительно легко перемещаемы, что подтверждают, например, оперативные темпы военной передислокации тысяч заводов из центральной России на Урал, в Поволжье и Сибирь.

Позднесоветский период охарактеризовался нарастающей отяжеленностью материальных активов. Мобильность материальных активов, сохранялась лишь в тех регионах и там, где она была объективно вынуждена (например, в огосударствленном океаническом рыбном промысле, старательском вахтовом освоении месторождений россыпного золота). В масштабах всей страны осуществлялись высокзатратные и неэффективные транспортные передислокации значительных материальных ресурсов. Мобильность человеческих ресурсов была в основном приурочена к освоению новых районов, всесоюзным ударным стройкам, сезонным и вахтовым работам.

В период радикальной экономической реформы мобильные материальные активы в имущественном комплексе госпредприятий приватизировались в первую очередь. Это означает более быстрое, чем у стационарных активов, изменение их экономической природы. Государство сохранило в своей собственности лишь очень немногие мобильные активы (например, атомный ледокольный флот остался в федеральной собственности, но был передан в доверительное управление Мурманскому морскому пароходству). Мобильность активов рыбодобычи, лесозаготовки, алмазодобычи длительное время препятствует формированию в этих отраслях вертикально интегрированных структур. Увеличивается роль мобильных активов в секторе услуг.

Интегральная оценка стационарности или мобильности региональных активов трудна, потому что в каждом виде деятельности одновременно всегда присутствуют и те, и другие. Оправданнее говорить об их сравнительно большей мобильности или стационарности, тем более, что многие материальные активы могут переходить из разряда мобильных в стационарные и наоборот. Экономические институты оказывают значительное воздействие на мобильность человеческих активов.

При таком подходе можно выделить несколько основных пар региональных сочетаний активов (табл. 1).

Таблица 1

Формы сочетаний мобильных и стационарных активов в регионе¹

	Природные	Материальные (добыча и переработка)	Человеческие
Природные	х	М-М, С-М, С-С(М)	М-М, С-М, С-С(М)
Материальные (обработка, сервис)		х	М-М, М-С, С-С

¹ Тип определяется по главным, бюджетообразующим предприятиям региона. М-мобильные активы, С-стационарные.

Цепочка сочетаний природных, материальных и человеческих активов в регионе может быть семи видов: 1) М-М-М; 2) С-М-М; 3) М-М-С(М) и М-С-С; 4) С-С-С(М); 5) -М-М; 6) -М-С; 7) -С-С. В скобках приведены направления трансформации активов, которые обозначились при изменении формы собственности с государственной на частную (прежде всего внешних инвесторов как ориентированных на самое глубокое реструктурирование материальных ресурсов и трансформацию человеческих коллективов): например, переход со стационарного на вахтовый метод освоения месторождения (2,4).

4. Мобильность региональных активов и тип внутрирегиональной экономической координации

Степень мобильности региональных активов влияет на экономическое поведение региональной власти и через него воздействует на траекторию регионального развития.

1) *Случай максимальной мобильности всех активов (М-М-М)* характерен для южных регионов профильной добычи. Ему соответствуют средние по запасам, высоко ценные и разнообразные, быстроистощаемые виды морепродукции, дробная рассредоточенная корпоративная структура (отработка ресурса ведется малыми формами, с получением эффекта экономии от диверсификации). Этот случай, характерный, например, для Южно-Курильского муниципального образования Сахалинской области, самый неблагоприятный для развития - при ослабленных региональных/муниципальных институтах. Значительная часть хозяйствующих субъектов, ориентированных на краткосрочную деятельность, находится в тени и не платит налоги в муниципальный и региональный бюджеты. Неопределенная экономическая среда оказывает давление на местную власть, которая, будучи нередко слабой, не может одолеть господство неформальных институтов и теневых операций. Особенно разрушителен этот случай для малых экономик: Южно-Курильское муниципальное образование, которое было лидером по подушевым доходам и объемам инвестиций в начале реформы, после десяти лет стало самым худшим на Курильских островах.

2) *Случай стационарного размещения природных, но мобильности остальных активов (С-М-М)* характерен для северных регионов лесозаготовительных и добывающих россыпи цветных металлов и драгоценных камней. Ему соответствуют средние по запасам, высоко ценные и разнообразные, быстро отрабатываемые ресурсы, дробная рассредоточенная корпоративная структура (отработка ресурса ведется малыми формами, с получением эффекта экономии от диверсификации).

От власти в регионах доминирования мобильных активов и отсутствия крупных интегрированных структур (1 и 2) для успешной экономической координации требуются специальные институты, структуры, механизмы управления для понижения объективно возникающей в этом случае информационной неопределенности; дисциплина самоотречения, чтобы отказаться от легкого поиска ресурсной ренты. Здесь существуют объективные трудности контроля хозяйственной деятельности и формирования институционального каркаса.

3) *Случай мобильности природных, но частой стационарности остальных активов (М-М-С и М-С-С)* характерен для северных рыбодобывающих регионов: для преодоления давления высоких издержек на Севере необходимы крупные структуры, которые дают возможность получить эффект экономии на масштабе операций, перекрывающий действие удорожающих факторов. На юге в этом нет такой необходимости.

Ему соответствуют значительные по запасам, но средние по ценности и ограниченные по видовой структуре ресурсы, концентрированная корпоративная структура (отработка ресурса ведется средними и крупными формами, частично вертикально интегрированными по стадиям «добыча-переработка-сбыт», которые актуализируют эффект экономии на масштабе операций).

Поскольку прибыль от каждой единицы продукции невелика, эффективное предприятие обречено расти, чтобы получить прибыль на объеме производства и постоянно уменьшающихся в результате удельных издержек. А по мере своего роста предприятие получает все большую возможность оказывать влияние на организацию политической власти в районе, прежде всего в направлении установления стабильных, четких, прозрачных правил игры, только при которых оно обречено не проиграть конкурентную борьбу с другими фирмами (мелкая фирма-оппортунист получает априорное преимущество перед крупным при нарушении правил игры). И уже в этой новой среде, сформированной деятельностью крупных структур, позднее могут возникнуть законопослушные малые предприятия, ориентированные на средне- и долгосрочный горизонт в принятии своих экономических решений. Этот случай характерен для Северо-Курильского и Средне-Курильского муниципальных образований.

4) *Случай стационарности активов С-С-С(М)* характерен для крупных советских северных центров добычи цветных и черных металлов, энергоносителей. Для него типичны значительные по запасам, высоко и среднеценные природные ресурсы, созданные на длительный срок обогащенные фабрики, нефте- и газодобывающие комбинаты, способные актуализировать эффект экономии на размере операций. Таковы Норильский промрайон, нефтегазодобывающий Север Тюмени и др.

Уже в советское время применялись вахтовые методы отработки этих природных объектов. При смене собственника императив перехода от стационарных к более мобильным и менее затратным формам отработки еще более усилился. В предельном случае речь идет о частичной реструктуризации материальных активов, чтобы обеспечить возможность их передислокации и использования вахтовых методов добычи.

Современная концентрированная корпоративная структура экономики этих регионов ввиду естественной динамики природных активов постепенно становится дробной и рассредоточенной. Увеличение дробности корпоративной структуры и мобильности региональных активов повышает трудности экономической координации для региональной власти.

5) *Случай мобильности материальных и человеческих активов* характерен для экстраординарных условий военного времени, кризисов и катастроф.

6) *Случай мобильности материальных, стационарности человеческих активов* характерен для алмазогранительного производства Смоленской области. Легко перемещаемые производственные активы колоссальной ценности, составляющие более 90% стоимости всего имущественного комплекса, – фундаментальная особенность алмазно-бриллиантового комплекса. Корпоративная структура здесь чаще концентрированная (при наличии в одном регионе нескольких центров гранения может быть дисперсной). От власти требуется здесь содействие полной или частичной вертикальной интеграции расположенного в регионе гранительного производства с внешним поставщиком сырья, зависимость от которого тем острее, чем выше его ценность.

7) Распространенный случай *полной стационарности материальных и человеческих активов* характерен для многих регионов с различными видами экономической деятельности. Внутри него можно выделить вариант концентрированной и дробной корпоративной структуры. Экономическая координация для региональной власти в первом случае значительно проще.

5. Делимые и слитные активы

Исторически человечество развивалось, опираясь в основном на делимые ареальные *природные* активы. Однако именно в редких случаях неделимости природных активов (в местах сочетаний ландшафтов) происходили, по Л.Н.Гумилеву, формирования новых народов¹.

Свойствами наиболее легкой делимости на малые порции, что важно для простоты транспортировки и продажи, обладают рыбные, лесные, угольные, многие аграрные, ресурсы россыпного золота. Эти черты вызвали в первые годы либерализации появление сотен структур между добывающими компаниями и конечными потребителями, которые, организуя бартерный товарообмен между ними, присваивали себе основную часть природной ренты.

Власти регионов с делимыми природными активами решали эту проблему: в Кемеровской области губернатор А.Тулеев принуждал угледобывающие компании и конечных потребителей заключать прямые контракты; в Магаданской области губернатор В.Цветков построил аффинажный завод и принудил все мелкие и средние золотодобывающие компании сдавать металл именно ему; губернатор Чукотского автономного округа Р.Абрамович создал муниципальные унитарные предприятия, которые принимают продукцию традиционных промыслов от бригад оленеводов и морских охотников.

Ресурсы нефти обладают свойствами малой делимости. Ресурсы газа, конденсата, концентраты цветных металлов не обладают свойствами природной делимости. Здесь требуются специальные материальные активы, которые позволяют трансформировать исходное сырье в конечный продукт или полупродукт для дальнейшей транспортировки.

Наиболее труден информационный контроль за использованием делимых однородных неспецифичных природных активов, здесь в периоды ослабления производственного регламента всегда значительна доля теневых операций.

Тип геологической структуры определяет возможности обособления участков месторождения, например, для разных собственников. Осадочные породы, свойственные многим нефтяным месторождениям, залежам россыпного золота, алмазов позволяют относительно малозатратно провести эту процедуру, разработать свои схемы прав собственности на каждый

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Лениздат: 1990. 528с.

участок, для каждого инвестора. В этом случае конкурентная среда может возникнуть уже в самом месте добычи. Например, крупнейшее в западном полушарии месторождение нефти Прадхо-Бей в штате Аляска сегодня эксплуатируется двумя компаниями – «Бритиш Петролеум» и «Филипс Петролеум». Для мелких, более точечных, месторождений проводить такое обособление нецелесообразно ввиду невозможности получения двумя автономными собственниками экономии на масштабе операций.

Для магматических структур, к которым приурочены рудные месторождения, обеспечить делимость намного труднее. Геологическое строение определяет его существование как единого объекта. Поэтому неизбежно возникает монопольный собственник, власть которого ослабляется при существовании конкурентного рынка его продукции в регионе или в экономическом районе.

Свойства слитности или дробности природных активов рельефно проявились в период радикальной реформы, когда стали определять темпы институциональных преобразований.

Особенности свойств главных природных активов Еврейской автономной области – земельных ресурсов – необходимость их постоянной мелиорации. Кислые почвы области плодородны только при проведении постоянных мелиоративных работ. Их масштаб напрямую определяет площади пахотных земель. В области насчитывается 85 осушительных и оросительных систем.

Технологическое единство мелиоративной системы первоначально затормозило формирование мелких, дробных крестьянско-фермерских хозяйств. Было неясно, как поступать в этом случае с собственностью на обширные мелиоративные системы, проходящие через земельные участки разных владельцев. Аналогичная проблема решалась в Калининградской области, где был принят специальный областной закон «О мелиорации», в котором прописывались все схемы прав собственности на мелиоративные системы.

После выделения крестьянско-фермерских хозяйств мелиоративный фактор подталкивает к их скорейшему укрупнению, чтобы в одних руках сосредоточить единое гидротехническое сооружение - если это возможно. Это и происходит все последние годы в автономной области – темп укрупнения фермерского хозяйства по сравнению с другими территориями Дальнего Востока здесь просто беспрецедентный.

С другой стороны, делимость природных активов - наличие большого количества преобразованных горнопромышленной деятельностью оленьих пастбищ, их мелкоконтурность, жесткие ограничения по летним или зимним пастбищам, наличие естественных преград - разветвленной речной системы, определили активное создание в лесотаяжной и тундровой зоне западной части Чукотского автономного округа малых оленеводческих предприятий. В то же время в тундровой зоне арктического побережья округа сохранились крупностадные хозяйства.

В отличие от горной отрасли, в сельском хозяйстве иногда возможно обеспечить переходы между полюсами слитности и делимости. Например, слитные пространства степной ландшафтной зоны для защиты почвы от ветровой эрозии разбиваются лесополосами, которые одновременно обособляют земельные участки и позволяют распределить их между разными собственниками.

Феномен неделимости *материальных* активов – формирования слитных производственно-технологических комплексов – вероятно, довольно новый в экономической истории и относится к индустриальной эпохе (17-19 векам). Наличие слитного и безальтернативного в использовании (т.е. монопольного) линейного актива выступает консолидирующим фактором для региона. Сила консолидации тем больше, чем в большей степени жизнеобеспечение территории зависит от этой инфраструктурной системы. Его собственник обычно получает права контроля над всей сопредельной территорией. Такие стратегические объекты редко бывают в полностью частной собственности, чаще в государственной или смешанной государственно-корпоративной, или отдаются на строго определенных и ограниченных по времени условиях в аренду частному собственнику.

Набор комбинаций природных и материальных активов по свойствам делимости/слитности достаточно ограничен, а взаимопереходы между полюсами ограничены жесткой структурой любых материальных активов и постоянством свойств многих ресурсных активов (табл. 2). Именно пластичная природа человеческих коллективов создает здесь главное разнообразие сочетаний свойств активов. Потому что набор характеристик в этом случае не укладывается только в полюса «слитный-фрагментированный», но предполагает значительную градуировку признаков по этой оси, а также частые возможности взаимопереходов между полюсами.

Таблица 2

Формы региональных сочетаний делимых и слитных активов¹

	Природные	Материальные (добыча и переработка)	Человеческие коллективы
Природные	х	Д-Д, Д-С, С-Д, С-С	Д-Д, Д-С, С-Д, С-С
Материальные (обработка, сервис)		х	Д-Д, Д-С, С-Д, С-С

¹ Д-делимость, С-слитность.

Слитность производственных коллективов зависит от силы «клея» – факторов внутрифирменного сплочения – профессиональных, но также и идеологических, этнических, моральных, конфессиональных; увеличивается в периоды общей внешней угрозы, резкого возрастания производственного риска. Когда речь идет о человеческих коллективах, связанных не единством места работы, а общей системой социальных отношений, такой «клей» обычно называют социальным капиталом.

Приведем пример роли взаимного доверия, общности взглядов, сплачивающих локальную непроектную общность людей в решении местных проблем. Старообрядческая община поселка Новый Облученского района – *единственная* в Еврейской автономной области – стала использовать для своих бытовых нужд энергию ветра и солнечного света. В центре поселения смонтирована комбинированная ветроэнергетическая установка, вырабатывающая ток как от силы ветра, так и от солнечного света. Если ветра нет, чтобы привести в действие генератор, включаются солнечные батареи. От этого глухого таежного поселка до ближайшего центра цивилизации – Биракана – 70 километров. Ранее электричество вырабатывалось дизельной установкой, но лишь эпизодически, например, в дни больших стирок. Позволить себе крутить дизель ежедневно община не могла – топливо все время растет в цене. Решили купить в складчину ветряк. Привезли его из Хабаровска, установили, подключили к поселковой сети, и теперь проблем со светом нет. Электроэнергия используется для освещения жилья (в поселке сейчас насчитывается около 60 человек), работы бытовой техники¹.

Каков же генезис сплоченных производственных коллективов? Что является клеем в каждом конкретном случае? Для одного предприятия им может быть научно-образовательный комплекс, создавший школу рабочих кадров, для другого – длительная совместная история и сформированные традиции, для третьего – не связанные с производством особенности работников (этническое, конфессиональное, возрастное единство).

6. Две группы предприятий – две схемы преобразований собственности

Институциональные преобразования по-разному проходят при доминировании на предприятии слитных или делимых материальных активов².

Как показали наши исследования 17 регионов Российской Федерации, для первого типа фирм со слитными активами более характерны *рекомбинация собственности через маневр акционерным капиталом*. Материальные активы пространственно локализованных крупных предприятий цветной, черной металлургии, нефтегазохимии, теплоэлектростанций не обладают свойствами делимости, функционируют как единый технологический комплекс (остановка одного цеха приводит к остановке всего производства). Слитность всех активов может возникнуть и при специфичном конденсатном характере исходного сырья, что требует строить перерабатывающий завод у места добычи. Например, на предприятии ООО «Астраханьгазпром» добыча и переработка функционируют как единый слитный комплекс, чтобы иметь возможность сразу же выделять серу. Крупные капиталоемкие фирмы с неделимыми активами одновременно эксплуатируют эффект экономии на размере, средние – эффект экономии на специализации (более редкий случай).

В фирмах со слитными материальными активами меньше возможностей маневра основными фондами при преобразованиях прав собственности. Крупные предприятия этой группы обычно имеют форму открытого акционерного общества. Первоначальная структура акционерного капитала имеет рассредоточенный характер. Финансовая делимость акционерного капитала (маневр пакетами акционерного капитала – расщепление, соединение и комбинирование финансовых активов-титолов собственности) преодолевает невозможность физической делимости основных фондов.

Коллектив предприятия получал первоначально одинаково мелкие пакеты акционерного капитала, становясь его совладельцем. После государственной собственности в такой промежуточной схеме реализовывалась идея единого слитного коллектива: *все были единым коллективом и все имеют равные права на предприятие*. Распыленность мелких пакетов свидетельствует о высокой степени первоначальной, в момент старта реформы, сплоченности производственного коллектива. Именно поэтому и руководители данных предприятий очень трудно шли на высвобождение уже явно лишних работников, предпочитая заниматься филантропией и использовать резервы внутрифирменного рынка труда вопреки очевидным требованиям сокращения нерациональных производственных издержек.

Мотив поддержания масштабов предприятия, сопротивление уменьшению размеров, численности персонала стал самым сильным в деятельности таких предприятий. В регионах, где в корпоративной структуре доминируют предприятия первого типа, более низкие показатели безработицы по сравнению с общероссийским уровнем, при значительных, сопоставимых с Россией, темпах спада промышленного и аграрного производства. Официального высвобождения работников

¹ По материалам региональной прессы Еврейской автономной области.

² На это впервые обратил внимание Л.Бальцерович: Социализм, капитализм, трансформация. Очерки на рубеже эпох. М.: Наука/УРАО. 1999. 352с.

на крупных предприятиях нет, есть скрытая безработица на внутрифирменном рынке труда, который в таких регионах играет более весомую роль.

Нужно преодолеть частое непризнание даже видными российскими специалистами¹ роли внутрифирменного рынка труда, недоучет фундаментальных различий материальных активов и роли каждого их типа в формировании разных ситуаций на региональном рынке труда. Понять феномен скрытой безработицы как именно специфику российского рынка труда невозможно, если не видеть особую природу материальных активов многих российских предприятий – на скрытую безработицу провоцирует неделимость фондов, одновременно каждый работник является соакционером фирмы, что еще более затрудняет для руководства расставание с ним.

В случае дробности активов возникает более легкая возможность сокращения работников главного предприятия путем их передислокации в дочки и т.д. Преодолеваются застойные явления внутрифирменного рынка труда, происходит саморассасывание проблемы безработицы или перевод ее в явную форму.

Когда активы неделимые, то захват собственности внешним инвестором происходит, при прочих равных условиях, раньше, чем при делимой, дробящейся, которую долгое время способны сохранить в контроле либо трудовой коллектив, либо высшие менеджеры предприятия. Например, смена собственника на внешнего на элеваторах, рудных ГОКах, горнометаллургических комбинатах происходит обычно раньше, чем в лесозаготовках, сельхозпроизводстве, россыпной золотодобыче, легкой и пищевой промышленности, диверсифицированном среднем и малом по размеру машиностроении.

Слабая загрузка оборудования, которое невозможно вывести из технологического процесса, бремя фиксированных издержек ослабляют позиции этих советских гигантов, нацеленных на эксплуатацию эффекта экономии на размере и обслуживании – на частично завозимом извне сырье и комплектующих – не столько местного, сколько общероссийского рынка.

Наиболее благоприятный случай, когда фирмы черной и цветной металлургии, предприятия ТЭКа не сталкиваются с конкуренцией на своих рынках, когда они являются монополистами по выпускаемой продукции на национальном рынке и испытывают конкуренцию только импортных аналогов, преодолеваемую более низкой ценой и низким качеством (работая на своей нише потребительского рынка).

Наименее благоприятный случай, когда продукция этих предприятий не обладает уникальностью и сталкивалась с конкуренцией не только импортных, но и отечественных аналогов, производимых более диверсифицированными, эксплуатирующими эффект экономии на специализации, малыми и средними предприятиями соседних территорий. Они ранее были скромно сориентированы только на свой местный рынок, но в условиях рынка обрели преимущество над гигантами советского времени. Крупные фирмы со слабо делимыми активами проигрывают на рынке более маневренным, малым и средним предприятиям регионов-соседей, способным к оперативной перенастройке своей производственной деятельности под меняющийся спрос.

Орский мясокомбинат Оренбургской области создавался в советское время для потребностей Башкирии, Казахстана и даже Монголии. Возможности самой области для обеспечения мясокомбината сырьем даже в лучшие годы не превышали 30 - 40 %. Остальное сырье было привозным. Теперь же его продукция (например, колбасы) ввиду значительных фиксированных издержек и вследствие хронической недозагрузки оказывается даже на местном рынке на 30% дороже продукции Пензенского мясокомбината. Аналогичная ситуация в Калининградской области, крупные мясокомбинаты которой также в советское время были сориентированы на обслуживание на местном и завозимом сырье потребителей Министерства обороны во всем Северо-Западном экономическом районе. Они теперь проигрывают на местном рынке по затратам продукции литовских фермеров.

Слитность материальных активов способствует реализации модели медленной, частичной передачи социальных объектов и сохранению на балансе предприятия значительной части объектов социальной сферы (до 60-75%). При прочих равных условиях, чем дольше удавалось фирме уходить от дробления своих производственных активов, тем больше шансов было на сохранение слитными и активов социальных.

Собственники-инсайдеры обычно ориентированы на поверхностную реструктуризацию материальных активов таких предприятий, не спешат передавать социальную сферу. Аутсайдеры настроены более решительно – на глубокую реструктуризацию активов и более динамичные темпы передачи социальных объектов.

Для второго типа фирм с делимыми активами характерна *рекомбинация собственности через откалывание блоков физических активов* (образование дочерних фирм). Материальные активы трудоемких средних по размеру машиностроительных предприятий, возникших в военное время, фирм пищевой, легкой промышленности, строительных (кроме гидроэнергостроения), эксплуатирующих как эффект экономии на размере, так и на специализации, обладают свойствами делимости.

¹ Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУ ВШЭ. 2001. 309с.

В советское время эта группа дисперсных, пространственно рассредоточенных фирм нередко формировала основную занятость и основной конечный продукт региональной экономики. В условиях реформы именно эта группа предприятий оказалась наиболее уязвимой и в результате обвального спада часто утрачивала свое прежнее значение.

Единства коллектива чаще не было, он быстро дифференцировался на высокопрофессиональных работников, которые либо быстро находили себя на внешнем рынке труда, либо, наоборот, очень долго оставались на предприятии, и неквалифицированный персонал, который во множестве прокачивался через предприятие при незначительном постоянном составе. Поэтому здесь реже, чем в первом случае, коллектив выступал совладельцем предприятия, чаще контроль собственности сразу захватывал менеджмент, который потом осуществлял разные схемы рекомбинаций физических активов, с образованием дочек и внуков при материнском предприятии, иной формы собственности, чем материнское, в которые уводились все наиболее ценных активы. Акционерный капитал в разделении собственности не играет здесь той роли, как в первой группе предприятий.

Для предприятий второго типа характерна интенсивная по скорости и значительная по объемам передача социальных объектов (70-95% от прежнего ведомственного фонда¹).

В регионах с экономическим доминированием в корпоративной структуре такой группы предприятий принимаются нормы по выведению из-под налога на имущество простаивающих мощностей (вывод/отсечение простаивающих мощностей за баланс).

В ряде случаев при старых предприятиях, с неделимыми активами, приобретаются новые фонды, которые уже обладают свойствами мобильности и делимости, обретают организационную форму дочернего предприятия. Возможна и иная ситуация, когда при разделении сельскохозяйственного предприятия на несколько кооперативов или фермерских хозяйств часть материальных активов не может быть поделена (например, мелиоративные линейные сооружения, инженерные коммуникации, зерносушилки, гаражи, склады, мастерские). Чем крупнее было исходное дробящееся аграрное предприятие, тем больше вероятность, что часть его активов обладает свойствами неделимости. Проблема решается либо быстрым укрупнением одного фермерского хозяйства, которое поглощает соседние; либо формированием новой хозяйственной структуры (сельскохозяйственный обслуживающий кооператив, простое товарищество и др.), в которую входят учредителями все расположенные рядом фирмы-пользователи.

7. Ошибка Д.Старка

Д.Старк, в своей широко цитируемой работе² о рекомбинированной собственности для Восточной Европы, отражает реалии именно этих стран. В силу преобладания там в корпоративной структуре средних предприятий, активы которых обладают свойствами делимости, и возникает рекомбинированная собственность. Именно точечная делимая собственность и рекомбинируется в форме образования дочек и внуков.

Эффект экономии на размере, на который была настроена, специализировалась советская экономика, сделал свойство делимости произведенных активов «скрытым сокровищем», редким даром, что всегда сразу обеспечивало сравнительное преимущество в реформе. Быстрее находился эффективный собственник, преодолевался кризис предприятия (например, Смоленский гранильный завод, который один выжил, другие утонули, потому что допускал существование автономных мини-цехов с легким контролем, смог быстро организовать дробление с иными формами собственности дочерних предприятий).

В большинстве других крупных комбинатах тяжелой промышленности, единых технологических комплексах с их последовательными стадиями переработки, где остановка одного цеха приводит к параличу всего производства, этого не было. При неделимом имущественном комплексе рекомбинированная физическая собственность не может появиться.

Но невозможность рекомбинировать физическую собственность восполняется активными рекомбинациями собственности виртуальной, акционерной; значительно более активными, чем в Восточной Европе. И тем активнее они осуществляются, чем неделимее физическая собственность предприятия. Возникает дополнительность финансового и реального, производственного капитала, диалектичность взаимодополнения и сочетания их свойств. (Речь идет об отдельных крупных предприятиях, не входящих в систему крупных холдингов).

¹ Швецов А.Н. Государственная поддержка российских городов. Изд. 2-е, испр. М.: Едиториал УРСС. 2002. - 160 с.

² Старк Д. Рекомбинированная собственность и рождение восточноевропейского капитализма// «Вопросы экономики». 1996. № 6. С. 4-24.

По причине особенностей российских материальных активов, частота финансовых «ходов» при переделе собственности в России была выше, чем в Восточной Европе, потому финансисты чаще становились собственниками российских крупных неделимых предприятий, чем их профессиональные менеджеры.

Неделимая точечная собственность перераспределяется через первоначальное распыление пакетов и лишь затем проходит очень трудная и длительная их концентрация. Степень концентрированности собственности зависит не только от усилий собственников, но и от объективных, исходных, стартовых свойств произведенных активов – чем неделимее, тем ниже исходная концентрация, чем делимее, тем выше стартовая концентрация в руках менеджеров.

Исследования просто динамики структуры собственности, например, машиностроительных отраслей, без учета фундаментальной специфики материальных активов – различий по степени делимости - может приводить к неверным выводам, когда по умолчанию это свойство полагается *одинаковым* для всех предприятий.

Собственники выбирают *наименее затратный* способ передела для конкретного специфичного предприятия и его материальных активов (или совокупности природных и произведенных активов). Ошибка Д.Старка состояла в том, что он недооценил особенности бывших советских предприятий-гигантов со слитной технологической структурой, значение которых еще более возросло в новой российской экономике (по причине тотального спада второй группы) и институциональные преобразования которых проходят по другому сценарию; преувеличил значение только преобразования схем прав собственности по варианту физического дробления делимых активов, столь характерному для средних предприятий Восточной Европы.

8. Экономическое значение слитных человеческих и материальных активов (примеры Чувашской Республики и Чукотского автономного округа)

В Республике Чувашия существовала проблема занятости ядра республиканской строительной индустрии - суперквалифицированных гидростроителей Чебоксарской ГЭС, уникальной специфичной команды профессионалов, прошедших весь цикл сооружения уникального инженерного объекта. Эта команда могла распасться, как это произошло, например, в Магаданской области, в которой коллектив гидростроителей Колымской ГЭС прекратил существование в 1990-е годы, и сегодня, чтобы продолжить строительство колымского каскада, кадры нужно формировать, по сути, заново. Если бы отрасль рухнула, тогда региональной власти пришлось бы решать и все ее социальные проблемы.

Как обратить эту проблему для региона во благо для него? Искусственно поддержать отрасль бюджетными вливаниями, переломив ситуацию, получить от нее каскады мультипликаторных эффектов. Власть сделала этот выбор - развернула бюджетные инвестиции в сторону строительного, а не промышленного комплекса. Инвестиционными приоритетами Республики стали строительство жилья, газификация и дорожные работы, строительство школ и объектов здравоохранения. Фактор наличия команды квалифицированных гидростроителей с их специфическими активами фондовыми, знаний и умений, безусловно, определил долгосрочный выбор Президента Чувашской Республики в 1994 году, закрепленный потом формальными и неформальными институтами власти.

Анализ ситуации в бюджетной сфере Чукотского автономного округа выявил тесную связь между специализированными материальными активами и поведением привязанных к ним высококлассных человеческих ресурсов в условиях кризиса. До тех пор, пока материальные активы бюджетной сферы сохраняются, костяк специалистов продолжает оставаться в округе.

Работники не основных специальностей в бюджетной сфере энергично среагировали в первый период реформы на ухудшение жизненных условий и выехали с округа. Работники профильных специальностей реагировали острее только во второй период реформы, после физической реструктуризации основных фондов¹.

9. Два типа российских регионов по свойствам делимости материальных активов, корпоративной структуре, схеме передела собственности

В новой России можно выделить две группы регионов. В первой, преимущественно республиках центральной России², доминируют бюджетообразующие предприятия со слитными активами, актуализирующие эффект экономии на размере. Они меняли конфигурацию прав собственности - с инсайдерской на аутсайдерскую - в результате *финансовых* рекомбинаций акционерного пакета акций. К руководству предприятий и интегрированных бизнес-групп приходили

¹ Пилисов А.Н. Процесс социальной реструктуризации в Чукотском автономном округе, 1992-2000 гг. (основные факторы, структурные сдвиги, закономерности)// Регионализм и централизм в территориальной организации общества и региональном развитии. М.: ИГРАН. 2001. 238с. С. 148-165.

² Области центральной России (Рязанская, Смоленская, Курская и др.) попадают в эту группу в случае военной оккупации, после которой их индустриализация проходила по позднесоветскому типу, т.е. с созданием с нуля крупных предприятий, актуализирующих эффект экономии на размере.

финансисты, осуществившие «ходы» по преобразованию акционерных капиталов, их консолидации в один пакет. Корпоративная структура регионов первого типа концентрированная, представлена немногочисленными бюджетобразующими предприятиями, чаще локализованная, но может быть и дисперсной. Объекты ведомственной социальной сферы передаются муниципалитетам медленно и далеко не все.

Во второй группе преимущественно областей доминируют многочисленные бюджетобразующие предприятия с делимыми активами, актуализирующие эффект экономии на специализации. Они изменяли первоначальную конфигурацию прав собственности в результате *физических* рекомбинаций (отпочкование дочек и внуков от главного предприятия и/или банкротство материнского предприятия). Главным собственником нередко оставался «красный директор», технократичный производственник. В другом случае передел собственности осуществлялся сверху, через инициированные региональной властью процедуры банкротства. Корпоративная структура регионов второго типа децентрализованная, дисперсная, представлена десятками бюджетобразующих предприятий. Характерны значительно более высокие темпы передачи ведомственной социальной сферы и большие ее объемы. Именно здесь муниципалитетам приходится в наибольшей степени сталкиваться с проблемой ее содержания, нарастающего дефицита или дотационности в силу этого местных бюджетов.

Регионы с доминированием предприятий рекомбинированной физической собственности в России становились оплотом левых настроений и взглядов.

Ирония состоит в том, что типично советские предприятия, актуализирующие эффект экономии на размере, в условиях реформы стали оплотом новых сил, с другой стороны, предприятия еще царского времени, которые выпускали широкий ассортимент продукции, среднего размера, стали базой коммунистических взглядов.

10. Специфичность активов

На проблему специфичности активов впервые обратил внимание О. Уильямсон, который выделял четыре ее вида – местоположения, физических активов, человеческих, целевых¹. Он рассматривал этот феномен как предпосылку вертикальной интеграции и формирования отношений собственности, более ориентированных на модель фирмы, чем модель рынка (т.е. с ростом специфичности у хозяйственных субъектов возникает все больше стимулов выносить контракты между экономическими агентами с рынка внутрь фирмы).

Придерживаясь общей логики нашего исследования, мы будем характеризовать специфичность природных, материальных и человеческих активов, а в завершение рассмотрим экономико-географическое положение как нематериальный (специфический) актив. Приведем примеры проявлений специфичности активов всех видов.

Газоконденсатная смесь Астраханского месторождения является высоко специфичным природным активом по причине наличия в ней 25% серы. Ни одно другое газоконденсатное месторождение России не имеет ее в таком количестве. Это формирует особую технологическую цепочку, в которой стадии добычи и переработки, по сути, слиты в один цикл.

Максимально специфичны коксующиеся (переделные) кузбасские угли остродефицитных марок Ж, К, ОС, которые естественно предназначены для интеграции с металлургическими производствами. Среднеспецифичны некоксующиеся каменные угли, которые обладают способностью спекаться, и могут в зависимости от направления их обогащения, служить как коксохимическим, так и энергетическим сырьем (взаимозамены, альтернативность использования). Наименее специфичные - бурые энергетические угли западного крыла Канско-Ачинского бассейна.

Из материальных активов максимально специфичны ледокольные и транспортные суда усиленного ледового класса, предназначенные для Арктики. Существующие правила для сквозного плавания судов по Северному морскому пути (1995 г.) предъявляют жесткие требования: наличие двойного дна формы корпуса; дополнительные подкрепления в носовой оконечности буксировочного стропа; должны быть оборудованы гребными винтами не менее чем с четырьмя съемными лопастями, изготовленных из нержавеющей стали или высокопрочной бронзы; специальное оборудование для экологической защиты (сепараторы очистки, накопительные цистерны для загрязненных вод, установки для сжигания мусора и др.).

Высоко специфичны шахтерские производственные коллективы, хотя в этом случае, как это бывает всегда с человеческими активами, существует значительная динамика степени специфичности

¹ Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. Лениздат: CEV Press. 1996. 702 с.

и возможность как ее усиления, так и ослабления – в зависимости от экономических институтов (формы собственности, системы стимулов и др.).

Мало продуктивна абстрактная оценка специфичности активов – природных, материальных, человеческих. Важнее оценка сравнительной специфичности актива внутри регионального контура, в контексте соотношения его со всеми существующими здесь другими активами, чтобы вычленив в результате самую специфичную цепочку, кластер фирм, способных формировать организационный каркас региона. И рассматривать при этом не только актив одного вида, но всю их совокупность – природные, материальные активы и человеческие коллективы, увязанные в одну производственную цепочку.

Например, в чукотском традиционном морском промысле охота на китов и моржей – наиболее специализированная по набору активов – как по видам оружия, по используемой технике, по ограниченности сезона промысловой охоты, так и по бригадной форме его организации (мелких тюленей можно ловить и индивидуально).

Льняная цепочка максимально специфична среди всех других в агрокомплексе Смоленской области и потому обладает «встроенной» естественной потребностью во внутрирегиональной вертикальной интеграции по линии «выращивание льна-долгунца-первичная переработка тресты в короткое и длинное льноволокно-производство льняной ткани и льняных изделий» (поле – льнозавод – прядильное производство – льнокомбинат – пошивочные предприятия). Специфичность выращивания и переработки льна проявляется в значительной трудоемкости его производства («лен любит поклон»), значительно более высоких, чем для зерновых, кормовых и овощных культур, требованиях к квалификации персонала (необходимость профессиональной работы со льном) и технике, которая не может быть использована на других сельскохозяйственных работах (не обладает потенциалом взаимозамены).

11. Специфичность природных активов как предпосылка вертикальной интеграции по стадиям добычи, переработки и сбыта

Чем специфичнее исходный природный актив, и регулярнее трансакции между соседними стадиями вертикальной системы, тем быстрее, при прочих равных условиях, воссоздавались разрушенные в период реформы интеграционные связи в цепочке «добыча-переработка». Такова общая схема, предписанная теорией.

Реально от нее, конечно, были многочисленные отступления. «Прочие равные условия» на деле были совсем не одинаковые в каждом конкретном случае. Даже специфичные природные активы могли длительное время оставаться не интегрированными с переработкой.

Темпы вертикальной интеграции в ресурсной цепочке высоко зависимы от индивидуальных усилий и энергии человеческого капитала производственных коллективов людей и собственников конкретных предприятий. При доминировании инсайдерской собственности (сами менеджеры предприятия являются и его основными акционерами) стимулы к вертикальной интеграции, при прочих равных условиях, всегда слабее, чем при доминировании собственников-аутсайдеров.

Полярным случаем была газовая отрасль, ввиду специфичности исходного природного актива вообще избежавшая распада по стадиям добыча-переработка, далее нефтяная, в которой распад партнеров был допущен на очень короткий период, затем цветная металлургия (прежде всего алюминиевый, никеле-медный и платиноидный циклы); на противоположном полюсе полного разрыва прежних связей партнеров по контрактации «добыча-переработка» – рыбная и лесная отрасли.

Все средние стадии вертикальной системы «добыча-переработка-сбыт» были наименее защищенными в период экономической трансформации. В газовой цепочке проблемы двусторонней зависимости переработчика от поставщика и потребителя были решены за счет сохранения в основных чертах прежнего советского жесткого вертикального холдинга. В нефтяной цепочке проблемы нефтеперерабатывающих заводов решались через быстрое формирование вертикально-интегрированных компаний. В рыбной и лесной цепочке произошло рассыпание прежней директивной ведомственной системы, объединяющей производителей сырья и переработчиков, и возникли сотни субъектов сырьевого рынка, экономическое поведение которых первоначально было хаотично и направлено на поиск новых, более выгодных, чем сложившиеся в советское время, партнеров контрактации.

12. Динамика свойства специфичности активов по ресурсной цепочке

Специфичность активов – динамическая категория, подверженная значительным изменениям. Эта динамика наиболее медленная в случае природных активов, быстрее в материальных, особенно в агросекторе, еще быстрее в человеческих активах – утрата специфичности идет очень быстро, восстановление более медленно.

В ходе российской приватизации предприятий специфичность многих активов была в значительной степени утрачена – например, по причине свертывания работ по семеноводству, племенному животноводству, отказа от «роскоши» ветеринарного обслуживания, лесовосстановительных работ. Произошло общее *огрубление* ранее детально прописанной работы с

природными и материальными активами, *упрощение* используемых технологий работы (не будем говорить про человеческие, в которых общая тенденция была той же, но со множеством присущих людям нюансов). Это приводит к производственным потерям в падении урожайности, валовых сборов, и значительным транзакционным издержкам при определении качества/контроле сортового и семенного материала (настолько значительным, что происходит отказ от выполнения этих мероприятий).

Увеличение исходной слабой специфичности природных активов возможно в результате технологических изменений. Например, внесение удобрений, применение высоких технологий повышает специфичность земельных ресурсов. Укрепление семенного/селекционного и племенного дела, ветеринарной службы, возвращение к проблеме агроспециализации, создание машинно-тракторных станций – все эти меры, предпринимаемые региональными властями в случае их приверженности целям экономического развития, а не поиску ренты - и там, где к этому есть естественные предпосылки, - объективно способствуют смене форм собственности и способов контрактации – от рыночной к фирменной (формированию вертикально-интегрированных структур) или квазифирменной (долгосрочные устойчивые вертикальные контракты между производителем и переработчиком).

Большинство крупных изменений в современном региональном развитии является одновременно и технологическим, и организационным феноменом (хотя они могут наступать и не одновременно). Технологические инновации изменяют соотношение производственных и транзакционных издержек и – если имеют революционный характер - вызывают необходимость перехода к новым контрактным условиям – схемам прав собственности. С другой стороны, инициированные организационные преобразования также могут способствовать в дальнейшем технологическим переменам и росту/восстановлению утраченной специфичности активов.

Насильно поощряемая властью интеграция сельхозпроизводителей автоматически будет способствовать и решению технологической задачи наращивания утраченной специфичности основных активов агросектора. Как только сложатся долгосрочные устойчивые связи между производителями и переработчиками, возникнет вопрос о сертифицированности семенного материала. В конце концов переработчики будут иметь дело только с производителями, которые выращивают продукцию из сертифицированных семян и получают ее от высокопродуктивного скота.

Вертикально-интегрированная структура на невозобновимых ресурсах может оставаться таковой только при росте объемов производства. Стабилизация объемов добычи при неизбежно истощающихся запасах означает, по сути, уменьшение совокупных активов (ведь приросты запасов со временем неизбежно снижаются). Только рост за счет эффекта масштаба перекрывает негативное действие эффекта истощения.

Когда хозяйственная структура базируется на неистощенных природных активах и находится в фазе активного роста, это проявляется в укреплении ее внутренней целостности – наращивании слитности материальных активов и производственных коллективов. На спаде добычи идет дробление – утрата сплоченности производственных коллективов и - в меньшей степени ввиду их более жесткого характера - слитности материальных активов.

13. Конденсатность природных активов и контрактный оппортунизм

Факты свидетельствуют о том, что наиболее частные нарушения в природных активах наблюдаются при обороте конденсатных ресурсов, включающих множество различных компонентов – сложные руды, рыбная «пересортица». При прочих равных условиях, чем чище, монотоннее, гомогеннее природный актив («не подпорченный примесями»), тем меньше возможностей маневрирования при контрактации с ним.

Можно различать *поверхностную* конденсатность (разнородность, гетерогенность) природных активов, т.е. легко делимую, и *внутреннюю*, слитную. В случае поверхностной конденсатности воссоздание специфичности природных активов относительно просто и зависит в большей степени от организационных, чем технологических мер. Приведем примеры борьбы с поверхностной конденсатностью/пересортицей в регионах России.

В Республике Бурятия многие годы осуществляется борьба с теневым экспортом древесины в Китай. Несмотря на выделяемые значительные бюджетные ресурсы, запреты и штрафы мало меняют ситуацию – выигрыш слишком велик ввиду разницы ценовых соотношений на лесную продукцию в России и Китае.

Реальное решение существующей проблемы находится за пределами карательных мер. Технологическая модернизация заготовок, в результате которой сортировка и переработка древесины осуществляется прямо на месте, способна оказать большее воздействие на размер теневого экспорта, чем жесткие запретительные меры. Изначальное разделение древесины по качеству (сортиментной структуре) и дифференциация здесь же проводимой переработки

уменьшает непомерно высокие издержки государственного контроля и увеличивает информационную определенность осуществления контрактных сделок. Безразличная к конкретному потребителю сырая древесина специфицируется в процессе первичной переработки к конкретному потребителю. Исчезает возможность маневра сортом, весом, объемом. Рынок лесной продукции приобретает большую упорядоченность. Информационная определенность создает для партнеров стимулы к повышению качества заготовок, которые сегодня полностью отсутствуют. Переработанная продукция легче поддается учету, привязывается уже не к китайскому потребительскому рынку вообще, но конкретному его агенту, нуждающемуся именно в данном виде лесной продукции.

Технология мини-переработки в месте заготовки леса по своим институциональным последствиям способна обеспечить большие выгоды для региональной лесной промышленности, чем прямо учитываемый эффект в повышении добавленной стоимости. Технологическая инновация изменяет схемы прав собственности в лесной отрасли, интегрирует процесс заготовки и переработки у одного собственника. Она оказывает системное воздействие на параметры рынка лесопроductии. Контракты с ее китайским покупателем приобретают более формальный и прозрачный характер. Новая технология формирует новые стимулы для всех участников рынка.

Ее внедрение будет особенно успешным, когда лесозаготовители-переработчики приобретут более четко специфицированные права собственности на лесные участки. Один из радикальных путей решения этой проблемы – передача лесных участков площадью 20-40 гектаров в частную собственность. Частный собственник сможет получить кредитные ресурсы для закупки оборудования под залог леса, переданного ему на праве собственности. Это право может быть ограничено – например, в форме запрета на продажи.

В той же Республике Бурятия нередко в одном хозяйстве сегодня соседствуют фермы тонкорунных и грубошерстных овец, что неизбежно увеличивает издержки контроля (измерения качества получаемой шерсти ее покупателем) и повышает риск неблагоприятного отбора шерсти, который, согласно выводам современной экономической теории, является результатом плохого качества информации. Для переработчиков шерсти это означает дополнительную работу по *преодолению поверхностной конденсатности* - классированию покупаемой шерсти, для сельхозпроизводителей – снижение закупочной цены на шерсть.

Возникла не существовавшая ранее ни в период аратских хозяйств, ни в новейшее советское время проблема четкой дифференциации тонкорунных и грубошерстных овец, шерсть которых используется в контрактах абсолютно разного вида: тонкая шерсть поступает на ОАО «Улан-Удэнская тонкосуконная мануфактура», а грубая - на ОАО «Наран-Союз-Сервис», который является крупнейшим производителем и поставщиком валяной обуви в Восточно-Сибирском регионе.

Растущие издержки измерения вызывают необходимость перехода к новым схемам производства шерсти – например, чтобы собственниками грубошерстных и тонкорунных овец были разные структуры, которые были способны к раздельной вертикальной интеграции с переработчиками. Этого можно достичь, например, за счет территориальной дифференциации их выпаса.

Диверсифицированная марочная структура добываемых в Кузбассе углей¹ (здесь присутствуют все известные в мире марки и технологические признаки коксующихся и энергетических углей) стала в годы реформы (в условиях ослабления дисциплины и ответственности участников хозяйственных соглашений) сильнейшим источником контрактного оппортунизма – прежде всего это, конечно, касается второй и третьей группы углей (спекающихся и близких к ним энергетических). Качество угля по зольности, другим энергетическим характеристикам, поставляемого котельным и тепловым электростанциям, часто не соответствует условиям соглашений между угольными компаниями и ОАО «Кузбассэнерго» или муниципальными образованияами. Для предотвращения возможности взаимозамен углей разных марок региональная власть широко использовала институт прокуратуры («привлечение к ответственности руководителей компаний за нарушение договорных обязательств») и – в отдельных случаях – непосредственно брала на себя ответственность за поставки угля муниципалитетам путем централизации его закупок у компаний.

Во многих аграрных регионах самые успешные масло- и молокозаводы тотчас же приходят к убеждению в необходимости дифференциации закупочной цены на молоко по сортности, чтобы стимулировать поставщика к более качественной работе. Это может быть критерием эффективности структуры собственности – стратегический владелец будет заниматься этими проблемами, временный собственник – очевидно нет.

Глубинная конденсатность стала в условиях ослабленных ограничений для хозяйствующих субъектов периода реформы источником сильного контрактного оппортунизма – вероломного поведения участников соглашений. Например, известная советская проблема комплексных руд и полного извлечения всех компонентов в условиях реформы трансформировалась в проблему издержек измерения – когда партнеры не доверяют друг другу.

Оренбургский медный концентрат, поставляемый на Медногорский медно-серный комбинат, содержит, помимо меди, золота и серебра. «Разномин АБ» поставлял на комбинат медный концентрат, цена которого зависела от содержания в нем меди, золота и серебра. Конкретные процентные соотношения между этими металлами в каждой партии поставляемого концентрата должна была определять нейтральная организация (иностранцы партнеры). Позиции комбината в этом давальческом контракте были изначально слабыми. Химическая лаборатория комбината все 1990-е годы не располагала возможностями контроля качества поставляемого сырья и вывозимой продукции. Приходилось доверять это дело иностранным партнерам, тесно связанным с поставщиком концентрата. На каждую партию сырья, поставляемого на комбинат, имелось два комплекта документов. Один состоял из подлинных сертификатов, а второй - из фальшивых, изготовленных «ГАТО Сервисес Инк». Согласно поддельным документам содержание меди, золота и серебра в концентрате было значительно выше, чем на самом деле. В результате комбинат постепенно наращивал свой долг перед партнером.

Издержки измерения оказывают систематическое влияние на структуру контрактов и организацию рынков и вообще экономические институты: когда издержки измерения растут,

¹ Ближайшим аналогом кузбасских углей может быть мазут, вариации характеристик которого по уровню серы, свинца, др., также поощряют оппортунизм при слабости дисциплины контрактов.

экономические силы конкуренции будут действовать в направлении новых вариантов экономической организации, при которых издержки измерения (транзакционные издержки) снизятся¹.

С одной стороны, рост издержек измерения (дифференциации) качества способен вызвать переход на новую схему контрактации, что в итоге и произошло в оренбургском случае. С другой стороны, при наличии альтернатив преимущество для собственника получают те формы контрактации, которые уменьшают возможность возникновения пересортицы, а в случае ее появления, уменьшат издержки измерения (контроля) и обособления разных сортов.

14. Сильное сочетание рекомбинированной собственности на материальные активы и специфичности человеческих ресурсов (пример СГУП «Кристалл»)

Одному смоленскому «Кристаллу» из бывших государственных гранильных предприятий удалось удержать конкурентные преимущества, унаследованные еще с советского времени, и одновременно сформировать новые институты, обеспечившие его гибкость и адаптацию к рынку алмазного сырья – при отсутствии (плотных) неформальных отношений с ЗАО «Алроса».

Предприятие спасло использование инновационной схемы прав собственности, которая сочетает рычаги государственного управления и возможность маневра рыночных структур (преодолевают опасную в переходный период консервативность института федеральной собственности). По сути это государственно-корпоративная схема, когда под зонтиком государственного унитарного предприятия возникают рыночные СП (ТОО, ОАО, ЗАО) – малые ограниченные предприятия с иностранным капиталом и участием ведущих менеджеров Гохрана России, которые формировали новые федеральные нормы и правила алмазного бизнеса в России. Схема госкорпоративной рекомбинированной собственности, реализованная в «Кристалле», диалектически сохранила госсобственность на основные активы, но одновременно позволила иметь ему маневр частного предприятия (например, в закупках алмазов). Государственная собственность зонтичной материнской структуры сочетается с частной схемой прав собственности дочерних ее подразделений.

В госпредприятии не пришли бы иностранные инвесторы, а в сателлиты «Кристалла» они пришли. Для иностранных инвесторов привлекательными факторами были высокая квалификация персонала, созданные традиции русской огранки и более дешевая рабочая сила (зарплата составляет только 30% в совокупных внутрицеховых издержках производства, без учета стоимости исходного сырья). Приход инвесторов обеспечил возможность самостоятельных закупок (нередко якутского) сырья на внешнем рынке и ослабление зависимости от ЗАО «Алроса». Негосударственные СП, входящие в государственный СГУП, позволили укрепить неформальные связи с федеральными регулирующими структурами, способными оказать воздействие на экономическое поведение ЗАО «Алроса».

С другой стороны, государственный статус позволил сохранить размер предприятия, которое иначе могло раздробиться на мелкие частные структуры, не способные получать эффект экономии на размере от привлечения высококвалифицированных кадров.

Но есть ли в гранильном производстве эффект экономии на размере? Ведь большинство гранильных предприятий Запада много меньше «Кристалла». Малые размеры там позволяют получать эффект от специализации при обработке камней разного размера под потребности очень разнообразных групп потребителей. Он есть, и прежде всего в научно-образовательном комплексе, который готовит специфичные кадры гранильного производства.

Осуществленные в советское время инвестиции в человеческий капитал стали вторым фактором, удержавшим смоленский «Кристалл» от развала. На других гранильных заводах, входящих в систему производственного объединения «Кристалл», степень специфичности навыков работников, и институты, обеспечивающие эту непохожесть на других, кастовость, были слабее или существовали менее длительный срок. В отличие от легко перемещаемых алмазов и гранильных станков человеческие активы гранильного производства – квалифицированные кадры – по мере роста специализированности все менее мобильны и более привязаны к конкретному месту.

Уникальное преимущество предприятия, что оно может реализовать эффект экономии на масштабе операций (в форме использования значительного числа подготовленных здесь же квалифицированных кадров), решив при этом проблемы контроля и измерения, которые препятствуют большинству других мелких фирм разрастанию до крупного размера. Гранильное производство является хрестоматийным примером гигантских затрат контроля, измерения, опасностей оппортунизма ввиду исключительного разнообразия исходного алмазного сырья и бриллиантов даже одного размера по их качественным характеристикам.

«Несмотря на наличие классификатора алмазов по степени их качества, содержащего более двух тысяч позиций, остаются значительные вариации в определении качества алмазов. Как можно организовать подобный рынок таким образом, чтобы не возникали дополнительные затраты, связанные с «чрезмерной пытливостью», и чтобы участники торговой сделки доверяли друг другу? Необходимо разделение необработанных алмазов (или мнений о них) на группы и регулирование сделок специальными правилами торговли для ослабления опасностей оппортунизма.²

Размеры производственных мощностей и численность трудового коллектива СГУП «ПО «Кристалл» (составляет более 3000 человек) превышают типичные показатели, принятые в практике мирового гранильного бизнеса. Несмотря на это, производства предприятия функционируют эффективно благодаря уникальному решению по организации работы. Предприятие разбито на 37 участков, напоминающих мини-фабрики и способные работать автономно, независимо друг от друга как конгломерат мелких фирм, организованных в блоковой структуре.

Внедренная еще в советское время блоковая система организации позволяет минимизировать издержки надзора за работниками. Здесь возникают аналогии с супермаркетом, под крышей которого каждый магазин сохраняет автономно, и супермаркета, в котором организованные по автономным блокам отделы, однако, сохраняют юридическую связь с головной компанией, являются ее структурными подразделениями. Второе именно тогда целесообразно, когда полы, потолки, стены обладают привлекательной специфичностью. Инфраструктурная специфичность созданного научно-образовательного комплекса, обслуживающего основное гранильное производство, и позволила сохранить целостность госпредприятия, удержать его от опасности дробления на мелкие автономные гранильные производства.

¹ Эггертсон Т. «Экономическое поведение и институты». М.: Дело. 2001. 408с. С.41.

² Уильямсон О. «Экономические институты капитализма». Лениздат. 1997. С. 148.

15. Сильное сочетание ограниченных природных активов и специфичных человеческих ресурсов (пример агросектора Старожиловского района Рязанской области)

Старожиловский район юга Рязанской области в советское время специализировался на молочном животноводстве и зерноводстве, которые развивались в крупных государственных и кооперативных хозяйствах. После десяти лет реформы он остался единственным сельским районом в области, где аграрное производство рентабельно. Каковы причины этого феномена?

Одна из них – это давление природных ограничений при сохранившихся навыках и квалифицированных кадрах специализированного аграрного производства. Парадоксальным образом единственный рентабельный район имеет и самые большие проблемы с основой животноводства – кормовой базой. И эти фундаментальные ограничения не дестимулируют аграрное развитие, а совсем наоборот, являются фактором, обусловившим его успех. С другой стороны, районы самых плодородных почв в области – Сараевского и Новодеревенского – отнюдь не являются местами рентабельного сельского хозяйства.

Жесткие рамки ограниченной природной базы – при наличии предпринимательской энергии, традиций профильной аграрной деятельности, длительное время сохраняющейся неизменной, – ускоряют совместные (всех партнеров по аграрной цепочке) поиски преодоления этого лимитирующего фактора, что стимулирует инновационные технологические и институциональные эксперименты и в конечном счете ускоряет развитие. Но лимитирующим должен быть именно критичный «материальный» фактор – чтобы актуализировать эффект совместного однонаправленного коллективного действия факторов «неосязаемых», нематериальных. (Если же ограниченными оказываются факторы предпринимательской энергии, качества человеческого капитала, то «чудо» не состоится).

За руководителями Старожиловского района, как пишут «Рязанские ведомости», «закрепилась репутация людей творческих и основательно мыслящих; тут как бы и своеобразная традиция, ведущая начало с далеких времен: в районе – что ни директор, ни председатель, то личность». Они именно и стимулировали эксперименты, которые размыкали действие природных ограничений – резкое изменение структуры посевных площадей (уменьшение зернового клина в реструктуризация в пользу крупяных культур, наращивание клина кормового многолетних трав), новые агротехнические приемы, приобретение новых, более продуктивных, пород скота и др.

Эти руководители сумели сохранить силу прежних норм и правил, обеспечивающих прочность взаимодействия крупных бывших совхозов и колхозов с перерабатывающими и обслуживающими предприятиями. Преобразование формы собственности в сельхозпредприятиях не было для них самоцелью, но лишь инструментом обеспечения стимулов хозяйствующих субъектов к межфирменному взаимодействию. И только те схемы прав собственности, которые обеспечивали согласование интересов производителей, переработчиков и агросервисных предприятий, не создавали опасностей оппортунистического поведения новых локальных монополистов, закреплялись на практике.

Издержки коллективного действия, как правило, очень велики и являются постоянной проблемой больших коллективов. Жесткое действие фундаментального ограничителя способно в определенных условиях вызвать однонаправленную консолидацию прежде разрозненной группы во имя разрешения этой проблемы при наличии сильных лидеров.

Дополнительным фактором успеха в этом случае является способность лидеров взаимоувязать интересы основных участников, выстроить подобие «социальной сети». Ее роль играют многочисленные льготы селянам, которые в Старожиловском районе сохранились с советского времени: зерно, мука, некоторые продукты по низким ценам, бесплатные услуги по обработке огородов, общественные фонды потребления, низкие цены на коммунальные услуги и сохраненная социальная сфера на балансе колхозов и совхозов и др.

Эти льготные социальные услуги связывают воедино интересы и районных производителей, и переработчиков, и работников агросервиса. Согласование интересов происходит первоначально *помимо* производственной сферы, в сфере социальной деятельности, и лишь затем и вследствие первого – уже и в сфере хозяйственной, обеспечивая условия для вертикальной интеграции по линии «производство-переработка».

Противоположный случай – ФГУП «Янтарный комбинат» в Калининградской области. Предприятие было создано на уникальном природном сырье и никогда не испытывало давления природных ограничений. Но парадоксальным образом именно это и стало препятствием к развитию комбината в период реформы. При наличии запасов ценного камня рядом, у менеджмента предприятия не возникло стимулов искать новые формы собственности для привлечения инвесторов, для развития предприятия. Если ресурс является общей собственностью (комбинат продолжает находиться в федеральной собственности), то рента от его использования полностью растрачивается. Это сейчас происходит с янтarem. На фоне формальной федеральной собственности на недра и комбинат происходит фактическое ее размывание ввиду активного развития теневой деятельности и теневого экспорта.

16. Экономическое поведение региональной власти в регионах сохраненной и утраченной специфичности активов

Экономическое поведение региональной власти различалось в регионах сохраненной специфичности материальных и человеческих активов и там, где она была быстро утрачена в силу активного дробления бывших государственных предприятий и интенсивной миграции людей.

В первом случае нацеленная на созидательную работу власть поддерживала выжившие наиболее специфичные активы и ресурсные цепочки, полностью или частично размещенные в регионе, отстраивая заново через них региональный организационный каркас, содействуя внутрирегиональному стягиванию активов по вертикальной цепочке (А.Тулеев в Кемеровской области) или горизонтальной интеграции¹ – переходу от советского межотраслевого комплекса к новому региональному кластеру (К.Титов в Самарской области).

¹ Взаимодействие малых фирм с Автовазом.

В Кемеровской области в результате целенаправленных усилий власти рынок угля был полностью трансформирован – произошел переход от децентрализованной квазирыночной координации (вместо конкурентного рынка была система, в которой экономическая власть сосредоточивалась у рентоориентированных структур между угольными компаниями и потребителями их продукции) к вертикальным контрактам.

В группе коксующихся углей усилия власти были минимальными, потому что в силу максимальной их специфичности такая интеграция естественно возникала сразу же после ухода от ведомственного планирования – в форме т.н. «прямых связей» предприятий. Только тяжелое финансовое положение металлургических предприятий Кузбасса длительное время не позволяло сложиться долгосрочным контрактам «угольщики-металлурги» или создать один вертикальный холдинг. Региональная власть активно способствовала заключению новых вертикальных контрактов между кузбасскими угольными компаниями и сибирскими и уральскими металлургическими предприятиями.

Для второй группы задачи вертикальной интеграции решались без активного участия региональной власти – как естественные хозяйственные связи химических фирм и обогащенного в кокс/концентрат исходного угля.

Главные усилия власти были сосредоточены на третьей и частично второй группе – поощрить неочевидную интеграцию угольных компаний и энергетических предприятий «Кузбассэнерго»: предложения создать углеэнергетическую компанию, используя для этого специфичность местоположения/близость угольных разрезов и ТЭЦ, идеи строительства собственных энергостанций на угольных разрезах, централизованные закупки энергетического угля для потребителей области и другие меры¹.

При быстрой утрате специфичности материального или человеческого актива власть, ориентированная на развитие, налаживала реструктуризацию - взаимопереходы однородных делимых материальных активов (взаимозамены), многоцелевое использование актива в форме переобучения, маневрирования фондами. Инновационный поиск взаимозамен активов давался и власти, и новым собственникам очень трудно и прежде всего осуществлялся по линии конверсии бывших военных предприятий.

II. Реструктуризация региональных активов

1. Варианты реструктуризации материальных активов

Радикальная трансформация (реструктуризация) материальных активов в процессе экономической истории происходила неоднократно. И в этом смысле феномен изменения природы материальных активов многих российских предприятий в 1990-е годы не есть что-то абсолютно новое. Часто реструктуризация осуществляется одновременно с изменениями конфигурации прав собственности на материальные активы той или иной степени радикальности. Массовая реструктуризация активов в компактных регионах имеет свою специфику - значительные социальные издержки – быстрое нарастание числа безработных, пенсионеров, людей с социально обусловленными заболеваниями.

В 1930-е годы в Западной Сибири формируется институциональная среда, ориентированная на достижение преимущественно неэкономических целей и задач. Эту систему во все большей степени начинают отличать не только специфические планово-распределительные механизмы координации, но и также весьма специфическая материально-технологическая структура активов (зданий, сооружений, систем коммуникаций, систем управления технологическими процессами). Структура активов меняется в контексте изменения целей экономического развития².

Можно выделить два типа реструктуризации – однородных и разнородных активов. В первом случае возможны функциональные взаимозамены, которые могут иметь вид либо рутинных технологических процедур или радикальной перелицовки прежней формы использования активов, как правило, одновременно с изменением схемы прав собственности.

Технологически детерминированные функциональные замены – это статусные взаимопереходы однотипных материальных активов (движение фонда скважин, установок), которые обеспечивают гармонию производственного процесса (возможности естественного маневрирования). Если процесс технологических взаимозамен осуществляется с большим трением, нет необходимой динамики оборота, тогда со временем наблюдается переход на новую конфигурацию собственности – дробление предприятия или сохранение его единства, но при новом собственнике.

На многих добывающих предприятиях утрачена необходимая динамика, скорость перехода из разведочного статуса в добычной, из добычного в ремонтный, из ремонтного в ликвидационный, возникли тромбы на естественном маршруте скважины. Плохо не бездействие само по себе, а консервация, отсутствие оборота, неподвижность статуса в течение многих лет. Консервация статуса на фоне естественного старения скважины приводит к тому, что в момент мобилизации она уже не способна к максимальной самоотдаче, а ее дебит значительно ниже потенциально возможного. Отсутствие инвестиций, а, следовательно, необходимого оборудования нарушает естественный маршрут скважины, влечет резкий переход с первого уровня, разведочного, например, сразу на четвертый, ремонтный, или пятый, ликвидационный. В результате нарушения гармонии и необходимой пропорциональности между стадиями жизненного цикла скважины, сбоя в цикле ее ежегодного и многолетнего воспроизводства приходится увеличивать нагрузку на работающий фонд.

¹ Пилясов А.Н. Собрание земли кузбасской// ЭКО. 2002. № 4. С. 3-18.

² Кулешов В.В., Крюков В.А. Проблемы развития Западной Сибири в 20 веке – повторение пройденных уроков ? //ЭКО. 2000. № 12. С. 16-39.

Организационно детерминированные функциональные замены - это межсекторные переходы, переходы активов между разными видами деятельности с изменением природы контрактов. В этом случае изменяются права собственности на однородные активы, при минимальной технологической реструктуризации или с нередким упрощением технологии использования материального актива. Сюда относится передислокация активов из военного, государственного, в гражданский, частный, сектор экономики; передислокация активов внутри гражданского сектора экономики – между видами деятельности. Например, в Еврейской автономной области ввиду неконкурентоспособности местного производства произошло перемещение взаимозаменяемых активов мясомолочного производства в лесной промысел. Как правило, этот процесс сопровождается первоначальным упрощением форм использования актива на новом направлении - меньше трудовых усилий, энергетических и творческих затрат. Можно назвать это особым видом эффекта рынка лимонов, под которым в современной экономической теории понимается естественная склонность организаций, функционирующих по спонтанному регламенту (например, газетных объявлений) к постепенному упрощению своей структуры¹.

Более труден случай реструктуризации разнородных активов. Здесь возникает вопрос, возможно ли и по какому основанию обособление, дробление активов. Обособление на однородные частицы актива позволяет снова использовать потенциал взаимозамен.

На полюсах можно выделить два пространственно-временных типа реструктуризации – радикальный и умеренный. Для радикального (предельного) характерно одновременное сочетание интенсивности (глубины) и скорости процесса. Критерий глубины – уничтожение значительной части активов старой отрасли (ликвидация шахт, разрезов и т.д.); они именно не «запустевают», но ликвидируются, что фиксируется, например, в статистических сводках как реальное сокращение основных производственных фондов региона. При этом обязательно изменяется сама пространственная структура старой отрасли – т.е. имеет место не обособленное изъятие из оборота отдельных частей отраслевого комплекса в пределах крупных городов, поселков, но тотальное уничтожение целых единиц расселения, как производственных, так и социальных объектов. Критерий скорости процесса – это динамика спада производства за короткий период времени. Например, падение добычи угля в десять раз в Тульской области – с 8 млн. т до 800 тыс. т. менее чем за три-четыре года.

2. Реструктуризация материальных активов и политико-экономические изменения в регионах

Радикальное реструктурирование всегда приводит к смещению центров экономической и политической силы региона. Чем интенсивнее и быстрее проходит реструктуризация отрасли и выше ее стартовая роль в региональной экономике, тем больше вероятность того, что произойдет рельефное политическое возвышение наиболее древнего хозяйственного слоя с самой развитой территориальной структурой (пространственно наиболее рассредоточенного и потому способного скрепить разорванные кризисом фрагменты региональной экономики) - даже при том, что порой у него нет сильной экономической власти.

При высоких темпах и значительных - соотносительно с площадью региона - масштабах реструктурирования материальных активов происходит быстрое размягчение старых институтов, бюджетных ограничений. В этих условиях невозможно сохранить стабильность структуры власти, прежний тип власти, обязательны изменения. Шанс сохранить политическую жизнеспособность получает местный лидер, который способен остановить сверхвысокие темпы реформы, либо обособить кризисный анклав, чтобы его влияние на остальную региональную систему было минимальным; или тот, который даже при полной интегрированности кризисного ареала и отрасли в ткань остальной региональной экономики, может генерировать неослабевающие (четкие и определенные) институты – рамки поведения хозяйствующих субъектов и основных политических игроков. Последний вариант случается крайне редко. Чаще в последнем варианте происходит смена руководящей команды выборным путем и приход новой, которая с «чистого листа» начинает бороться с возникшим в ходе кризиса хаосом транзакционных издержек, или его использовать для извлечения собственной ренты.

Глубокие и быстрые структурные преобразования в промышленном секторе имеют два варианта: *при сохранение эффекта экономии на размере* – остается прежней концентрированная корпоративная структура региона, может меняться предприятие-лидер региональной экономики

¹ Акерлоф Дж. Рынок «лимонов». THESIS. 1995. Вып. 5.

(Самарская область); *при замене эффекта экономии на размере экономией на специализации (диверсификации)* - от одного прежде сильного предприятия союзной специализации переход к многим бюджетобразующим - при дробящейся структуре самого корпоративного сектора (с сохранением прежней доминирующей специализации или, чаще, ее сменой).

В первом случае потеря политического веса промышленным лобби минимальна и внутрирегиональное соотношение городских политических сил меняется незначительно. При дроблении корпоративной структуры изменения потенциала разных политических сил более радикальны. Нет в этих условиях монолитного промышленного лобби (при такой глубине структурных преобразований менеджеры старых советских промышленных предприятий обычно не могут быть консолидированной политической силой), происходит быстрая утрата былой привилегированности и элитарности прежде доминировавших промышленных концернов советского времени и их политического влияния. Издержки коллективного действия промышленников здесь максимальны.

По первому типу чаще политико-экономическое развитие в республиках (эффект экономии на размере крупного трудоемкого сборочного производства). По второму типу - в центральных областях (эффект экономии от специализации наукоемкого мелкосерийного комплектующего производства, промежуточного). Политическим результатом этого являлись разные исходы – более благоприятные в республиках и областях финальной сборки (даже конверсию на республиканских машиностроительных предприятиях осуществлять легче - сборочные производства всегда имели параллельные гражданские «ходы»), чем в регионах производства комплектующих (в случае конверсии тоже труднее, потому что комплектующие привязаны к конкретному оборонному заводу, двойное применение труднее¹).

Производители регионов второго типа были в гораздо большей степени заинтересованы в защите контрактных условий и гарантиях со стороны региональной власти, чем первые. Для первых были характерны умеренные взгляды избирателей и умеренные реформаторы у власти; для вторых обвальный кризис, приход аграрного лобби, левые симпатии избирателей.

3. От эффекта экономии на размере к эффекту экономии на специализации²

В советское время были востребованы и быстрее вовлекались в оборот крупные месторождения моносырья, крупные посевные площади однородного ландшафта (все освоение целины было по сути превращением монотонных степных пастбищ в такие посевные площади - от горизонта до горизонта). Яркий образ той эпохи – караванная проводка судов атомным ледоколом «В.И. Ленин» в Арктике: максимальное проявление эффекта экономии на размере операций. С комплексными рудами, мелкоконтурными пастбищами на мозаичных ландшафтах, значительным разнообразием агропочв лесных ландшафтов были постоянные проблемы.

Советская экономическая система (в послевоенные десятилетия) была системой крупных предприятий, актуализирующих эффект экономии на масштабе. Издержки контроля по малой номенклатуре выпускаемой продукции были в этом случае минимальными. Там, где свойства природных или фондовых активов совсем выламывались из этой общей картины, происходило вынужденное отступление от доминирующей конфигурации прав собственности – к колхозам, кооперативам, старательским артелям.

В этом смысле были регионы советские и антисоветские (советская степь, целина, тундра, но антисоветские прибалтийские мелкоконтурные лесные ландшафты и якутские аласы). Советские – те, в которых региональные активы - природные, произведенные и человеческие - в максимальной степени позволяли актуализировать эффект экономии на размере (идеал - одна фабрика, один лагерь с неквалифицированным трудом одинаковым всех), и антисоветские, в которых активы природные, произведенные и человеческие обеспечивали штучный эффект экономии на диверсификации. Задача состояла в том, чтобы как можно больше активов второго типа перевести в первую категорию, создать новые активы этого же класса.

Республика Коми в этом смысле была антисоветским регионом. Особенность многих видов ее природных ресурсов – конденсатность (гетерогенность ресурсной цепочки), наличие в добываемом

¹ Подтверждается разными величинами доли гражданской продукции на бывших военных машиностроительных предприятиях первого и второго типа.

² Эпохи масштабных трудовых мобилизаций, пассионарного перегрева, обширных передислокаций людей, военных приготовлений актуализируют эффект экономии на масштабе и хорошо фиксируются летописями. С другой стороны, эпохи скромной незаметной кропотливой работы опираются в большей степени на эффект экономии от специализации и неотчетливо остаются в хрониках летописцев ввиду своей нелегандарной рутинности.

ресурсе многокомпонентных включений, разных по экономической ценности; значительная доля низкокачественных групп ресурсов, нередко трудно отделимых от более качественных – легкая и тяжелая нефть, поступающая в одной трубе на нефтеперерабатывающий завод, высоко- и низкосортная древесина, поступающая одновременно на лесопромышленный комбинат.

На аграрных предприятиях советского времени соответствие профиля хозяйства и конкретных микроландшафтных условий достигалось далеко не всегда и с большим трудом ввиду их нацеленности прежде всего на эксплуатацию эффекта размера, а не ландшафтно-обусловленной узкой специализации. Крупные государственные и коллективные сельскохозяйственные предприятия традиционной растениеводческо-животноводческой специализации актуализировали свои сравнительные преимущества в условиях монотонных обширных равнин Центральной России (а оленеводческие, например, – в относительно однообразных арктических тундрах). Пределы их роста – в резком снижении величины предельного продукта, получаемого в результате прироста трудовых затрат и роста капиталоемкости, – в наибольшей степени проявлялись в горных регионах с многочисленными ландшафтными рубежами, для которых было характерно исключительное разнообразие и быстрая смена природных микрорайонов.

Проблемы реструктуризации активов остро стоят для многих бывших советских предприятий. Что делать с гигантскими атомными ледоколами, элеваторами, мясокомбинатами, другими неделимыми активами советского времени, созданными тогда в расчете на общесоюзный рынок и совсем иные, чем теперь, объемы производства (работы)? Эти активы прошлой экономической эпохи очень трудно (а подчас ни при каких усилиях невозможно) вписываются в новые экономические условия меньших рынков и жесткой внутренней и внешней конкуренции.

Регионы, в которых размещены крупные предприятия промышленности стали в рыночных условиях высоко уязвимы к малым фирмам регионов-соседей. Крупные фирмы изначально были сориентированы, чтобы получать основной экономический эффект на объеме операций и потому оказались уязвимыми в период радикальной экономической реформы и обвального (трех-пятикратного) спада масштабов промышленного производства. Чтобы выжить в этих условиях, предприятия были вынуждены использовать эффект экономии на специализации, т.е. расширять ассортимент выпускаемой продукции, ранее обращенной на одного-двух потребителей в СССР, чтобы получить возможность одновременной работы на разных рынках.

Однако увеличение числа контрактов таких крупных предприятий и диверсификация контрактных условий сопровождается значительным ростом издержек предприятия по отслеживанию точности их выполнения, своевременной корректировке, включению механизмов судебной защиты при невыполнении партнерами своих обязательств. При переходе предприятия от одного эффекта на другой возникает проблема не только реструктуризации материальных активов, но и одновременного значительного роста транзакционных издержек.

Разукрупнение сельскохозяйственных предприятий первых лет реформы в условиях монотонных степных ландшафтов не дало даже того эффекта, который получали регионы таежной зоны.

Быстрый маневр от эффекта экономии на размере бывших советских предприятий к эффекту экономии на специализации в условиях спада производства и жесткой конкуренции отечественных и импортных аналогов оказался спасительным для тех, кто был к нему готов. Готовность к такой трансформации в значительной степени определялась исходными, стартовыми на начало реформы свойствами материальных активов.

Комбинат «Орентекс» Оренбургской области оказался оснащенным сразу для производства многих видов продукции – и по меховой цепочке, и по нетканому полотну. Исторически здесь создано три основных передела: прядильное – ткацкое – отделочное. Когда началась реформа, то оказалось, что такая всеядность сейчас спасительна. Комбинат может маневрировать: он оказался оптимальных размеров и технически вооруженным для производства самых разных видов продукции. Планируется развернуть производство мебели, трикотажа, обуви, открыть швейное производство (выпускать вместо камуфляжной ткани непосредственно военное обмундирование)¹.

Меньше возможности для такого маневра у элеваторов. Многие аграрные хозяйства уходят от этих гигантов советского времени как слишком для них дорогих, используют собственные зернохранилища. По сути, происходит переход от внешней контрактации «хозяйство-элеватор» советского времени к новой, внутренней, «производство-хранение» в одной фирме. Но и здесь возникают новые проблемы: необходимость обеспечивать оптимальный режим хранения, санитарную проверку, которые для мелкого производства очень затратны, а при режиме экономии на объеме этих операций у крупного элеватора составляют в его затратах малую часть.

Налицо противоречие – элеваторные услуги по хранению дорогие, пока он недогружен и не может актуализировать эффект экономии на размере, но в доле его затрат квалифицированные

¹ Из материалов региональной прессы Оренбургской области.

наукоемкие услуги по сертификации семян, санитарной проверке, лабораторным анализам незначительны именно ввиду большого объема таких операций. С другой стороны, на малом зернохранилище совокупные затраты того же объема зерна могут быть меньше, чем у элеватора, однако доля наукоемких затрат в суммарных составляет здесь уже значительную величину, потому что нет экономии на объеме таких операций. Потому мелкие хозяйства либо просто от них отказываются, упрощая всемерно всю процедуру, либо выполняют их в предельно облегченном виде.

Вот почему переход массовый от эффекта экономии на размере к эффекту экономии на специализации всегда имеет своим негативным следствием первоначальное значительное *упрощение системы* и отказ от наукоемких процедур и операций (т.н. рынок лимонов). Оптимальным решением является обособление служб контроля и сертификации, которые тогда станут способны выполнять эти услуги сразу для многих фирм, что может быть менее затратно, чем содержать такое подразделение одной фирме. Но такие структуры создаются не одновременно с реструктурированием фирмы, а позже.

Совиги во внутрицеховой, производственной территориальной структуре (микроструктуре) для оптимизации внутрифирменных производственных издержек. Многие бывшие крупные предприятия советского времени, прошедшие радикальную реорганизацию в 1990-е годы и обретшие стратегического собственника, для экономии внутренних издержек ищут новую территориальную внутрифирменную организацию производства. Эта задача не сводится просто к компактной консервации/ выведению неиспользуемых активов из оборота, но подразумевает достижение законченного технологического цикла на предельно локализованной территории (например, одного цеха) для сокращения внутрифирменных транспортных затрат, издержек внутрицеховых транспортировок и перемещений и, одновременно, размещение новых производств и предприятий на освободившихся площадях – которые образовались не только под влиянием общего спада производства, но и оптимизации использования внутрифирменной территории.

4. Технологическая и институциональная динамика активов машиностроения

Радикальная экономическая реформа вскрыла значительную неэкономичность прежних дальних связей многих машиностроительных и других промышленных предприятий со своими поставщиками, расточительную невовлеченность местных ресурсов в промышленное производство, неучастие конечной продукции местных промышленных предприятий в деятельности других секторов региональной экономики. Советское региональное машиностроение нередко было вырезано из внутренних цепочек региональной экономики, особенно в нередких случаях ВПК-назначения. Многим субъектам Российской Федерации (Поволжья, Урала, Западной Сибири), в которых первичное размещение промышленных предприятий пришлось на военные годы, теперь приходится решать проблемы внутрорегиональной интеграции старых промышленных предприятий с новыми, уже местными, поставщиками факторов производства (природных, технологических, интеллектуальных ресурсов) и разворота профиля и активов промышленных предприятий под потребности других секторов региональной экономики.

По сути речь идет о переходе на новую контрактацию действующих промышленных предприятий, которая получит структурное воплощение в виде новых внутрорегиональных интегрированных бизнес-групп (холдингов). Она приведет к уменьшению совокупных транзакционных издержек функционирования региональной экономики, но первоначально потребует значительных стартовых инвестиций для реструктуризации активов.

Сверхкрупные промышленные предприятия со слитной внутренней структурой, обращенные на одного государственного потребителя, чтобы выжить, вынуждены были внутренне структуризоваться, формировать комплексы технологически сопряженных линий, конечная продукция которых обращена каждая на своего потребителя. В пределе такая реструктуризация могла повлечь дробление предприятия на несколько фирм, т.е. переход от внутренней контрактации на внешнюю. В некоторых случаях так и происходило, и, как правило, это было разрушительно для судьбы бывшего госпредприятия. Другим более благоприятным вариантом стало создание специальной дочерней структуры, в которой соинвесторами выступали будущие основные ее потребители и материнская фирма.

Перечислим возможные варианты институциональной динамики конфигурации прав собственности внутри регионального промышленного сектора: а) консервация советской схемы в виде госсобственности ВПК-предприятий - форма ГП или ФГУП; б) мучительная история - дробление высокорентабельного гиганта советского времени - монопольного производителя привлекательной гражданской продукции на дочки, *при активном участии региональной власти*, которая либо непосредственно прихватывала их (иногда используя для этого процедуры банкротства), или сама передавала его неэффективным собственникам - аутсайдерам, которые «потрошили» предприятие и доводили его до банкротства (лишь в отдаленной перспективе возможен был переход к эффективным внешним собственникам) – форма ЗАО и реже ОАО; в) предприятие

среднее по рентабельности (сохраненный рынок продукции) формально меняло статус, но фактически в права собственности на нем долго никто не входил; *при невмешательстве региональной власти* ситуацией пользовались прежние или случайные краткосрочные новые руководители, не заинтересованные в его стратегическом развитии – здесь наибольшее многообразие организационных форм - ОАО, иногда ЗАО или разные экзотические формы (возможны полярные исходы - как полное умирание, так и реанимация); г) быстрый приход эффективного внешнего инвестора на средние по привлекательности активы предприятий – всегда почти ОАО.

Изначально выбранная организационная форма и схема прав собственности во многом определялась типом материальных активов. Маневра здесь было мало. Но больше, чем стартовая схема прав собственности, важна ее дальнейшая динамика, которая многое определяет в последующей судьбе предприятия. Консервация первоначальных прав собственности и организационной формы означает умирание для предприятия. В случае энергичного экспериментирования в рамках возможного, допускаемого законодательством, вероятен позитивный исход. Даже негативная динамика с захватом предприятия региональной властью лучше, чем консервация постсоветского статус-кво. Наиболее эффективна была динамика схем прав собственности, которая происходила одновременно с расширением, совершенствованием профиля выпускаемой продукции.

Перечислим основные факторы (сбытовая политика, эксперименты с собственностью, реструктуризация активов), которые обеспечивали успешную адаптацию бывших государственных ВПК-машиностроительных заводов к новым условиям:

- 1) переход от эффекта экономии на масштабе к эффекту экономии на специализации - утрата серийности в выпуске многих товарных групп и переход на работу по индивидуальным заказам, к мелкосерийному и единичному производству; диверсификация контрактов - комплексирование экспортоориентированной ВПК-деятельности и внутренней конверсионной, гражданской;
- 2) производство особых форм (схем) прав рекомбинированной собственности, за грани государственной, для укрепления жизнеспособности фирмы, ее институциональной адекватности - формирование СП с иностранным партнером при материнском предприятии;
- 3) всемерное наращивание специфичности, частично утраченной в первый период реформы - сервисные цепи, кадры, специфичность технологическая (интеграция по технологической цепочке – от металла до конечной продукции под одной крышей, с интеграцией науки, системы образования, сервиса в одних руках и системы сбыта); сохранение традиционной контрактации с научными центрами, которые в советское время обеспечивали модернизацию оборудования;
- 4) полное территориальное обособление и самодостаточность новых производств; приобретение земли «под» предприятием в корпоративную собственность для повышения капитализации его акций;
- 5) горизонтальная интеграция – структурное оформление хозяйственных объединений нескольких однопрофильных предприятий, с приданием ему максимально возможного правового статуса.

5. Асинхронность темпов реструктуризации природных, материальных и человеческих активов

Природные, материальные и человеческие активы обладают разной способностью к изменениям. Поэтому темпы реструктурирования их даже в пределах одного предприятия никогда не были одинаковыми. Но это означает, что проблема асинхронности преобразований между активами постоянно воспроизводилась, и тем острее, чем больше был сам масштаб преобразований. Сбыта прежней продукции фирма уже не имеет, а для нового рынка нужна трансформация активов, невозможная без инвестиций нового эффективного собственника. В случае же сохранения на длительный срок федеральной собственности на материальные активы, характерного для предприятий оборонного машиностроения, возможности даже ограниченной конверсии ввиду отсутствия средств не было. Результатом становилось массовое высвобождение работников, которые лишь частично могли найти себя на рынке труда, нередко становились безработными.

В случае ВПК-предприятия социальные издержки высвобождения военнослужащих были на регионе, а ключ к решению по передаче полномочий регулирования хозяйственной деятельности бывших военных объектов – у федерального центра. Порядок конкурсной продажи высвобождаемых воинских объектов приводил к затягиванию сроков перехода прав собственности, что в итоге сопровождалось потерей их ценности и продажной цены.

На длительное время консервировалась прежняя форма собственности, которая не позволяла осуществлять трансформацию активов: например, предоставление инвесторам военных объектов

незавершенного строительства; изъятие земельного участка и имущества из федеральной собственности Минобороны России в ведение региональной власти для строительства новых объектов; передача военных объектов федеральной собственности в долгосрочную аренду гражданским хозяйствующим субъектам; использование бывших военных объектов в гражданских целях. Несмотря на то, что многие инфраструктурные активы военной деятельности не специфичны и легко могут быть трансформированы, процесс их конверсии растягивался на долгие годы.

6. Природные активы (ландшафт) и скорость аграрной реформы

Вид ландшафта влияет на скорость и направленность организационных, а затем и технологических преобразований в агросекторе. Высокие темпы аграрной реформы были эффективны в расчлененных, неслитных ландшафтах, и нецелесообразны в слитных, монотонных (оренбургских степях, чукотских тундрах).

Темпы аграрной реформы оказываются самыми высокими не в плодородных по чернозему регионах потенциально высоко рентабельного аграрного производства Центральной России, и, естественно не в самых экстремальных по риску выращивания аграрных культур северных территориях, но в полосе умеренного плодородия, устойчивого спроса на продукцию на местном и отчасти внерегиональном рынке, с сильно развитым промышленным сектором, который заинтересован в более быстром назначении собственников земель – потому что в ряде участков промышленное и аграрное их использование являются конкурентными альтернативами. Речь идет о мелкоконтурных участках лесной зоны, легко делимых ввиду расчлененных ландшафтов, с эффектом экономии на специализации. Здесь умеренный доход от аграрного производства, не сопоставимый с промышленным сектором, не имел рентного характера и потому не было искажающего влияния региональной власти.

7. Реструктуризация природных активов - возвращение к ландшафтно оправданным схемам прав собственности (пример Оренбургской области и Республики Бурятия)

В послевоенное время многие сельские районы Оренбургской области были превращены в ходе целинной эпопеи в пахотные земли для выращивания зерновых культур. Подъем целины в максимальной степени актуализировал эффект экономии на размере, который позволяли получить однородные по рельефу обширные степные ландшафты области. Трансформация степных пастбищ с естественными кормами в целинную пашню означала не только смену аграрной специализации области. Это был массовый переход от этнически специфичной и веками оправданной для местных условий кочевого уклада на стандартную, этнически не специфичную, земледельческую оседлость, привычную для численно доминировавшего в СССР русского этноса. По сути, это был импорт институтов и стереотипов поведения из таежной на другую, степную, ландшафтную зону. В результате животноводство из веками сильной автономной самодостаточной отрасли стало «ведомой», поддерживаемой внутри земледельческого комплекса, развивающегося неустойчиво в условиях частых периодических засух (влагообеспеченность почв составляет здесь не более 60% оптимальной).

Первоначально массовая распашка степи под целину принесла быструю и явную отдачу в приросте валовых сборов зерновых культур. Однако в дальнейшем эффект от нового земледельческого уклада, повсеместно внедряемого в сельских районах области, стал ослабевать. Издержки его остро проявились в значительной колеблемости ежегодной урожайности и валовых сборов, нарастающих рисках аграрной деятельности.

Конфликт пашен и пастбищ за аграрные площади, за приоритет в аграрной политике государства не имел явного характера, но по сути продолжался весь советский период – как конфликт неформальных норм кочевых этносов и формально утверждаемых официальных норм политики советского времени.

Степные ландшафты Оренбуржья похожи на американские прерии. Но там значительно более развиты традиционные мясное скотоводство и коневодство, наименее трудоемкие и энергозатратные. Животные мясных пород составляют там 75 % поголовья крупного рогатого скота, молочных пород - примерно 25 %. В Оренбуржье и России соотношение обратное. В российском случае молочному животноводству соответствует стойловое содержание животных, в американском случае для мясного животноводства применяется отгонно-пастбищный выпас.

В советское время в Оренбургской области победили идеи преимущества пашни перед пастбищем. С гектара пастбища можно было снять всего 400 кормовых единиц, с площади сенокоса - всего 300, с пашни – 1500 кормовых единиц (при урожайности 15 ц с гектара). Считалась, что пашня по кормовым культурам продуктивнее естественных пастбищ. В расчет принимались только конечные физические объемы, полные же издержки (амортизация, ГСМ, хранение, зарплата) для пашни не учитывались. Пастбище же дает меньшие кормовые единицы, но зато с минимальными затратами, поэтому удельные издержки на кормовую единицу оказываются у пастбищ меньше всего.

Сегодня в области немало площадей, на которых невозможно устойчиво получать более 9,5 ц кормовых культур с гектара. Есть значительные участки, на которых издержки выращивания зерновых регулярно превосходят закупочные цены предприятия соседних Краснодарского края и Саратовской области, т.е. этот вид деятельности на части современных площадей обреченно нерентабелен. Область с ее значительными сельскохозяйственными площадями может перевести часть пахотных земель в пастбищные, в первую очередь там, где земледелие нерентабельно¹.

Реформа стала катализатором реструктуризации природных активов - возвратного перевода части пахотных земель в естественные пастбища. Тем более, что это уже происходит в реальной жизни – около 1,6 млн. гектаров продуктивной пашни не распахивается. Целесообразно на фоне сокращения пашни одновременно наращивать площади пастбищ. Отгонное скотоводство максимально соответствует традиционным знаниям и навыкам кочевых народов, проживающих в сельских районах области.

Одновременно с трансформацией структуры агроземель области предстоит выстроить новые интеграционные связи между земледельческим и кочевым, скотоводческим укладом. В советское время выполнение этой задачи обеспечивалось внутри государственных хозяйств. Например, в структуре их посевных площадей всегда были кормовые, но приоритет безусловный принадлежал зерновым. В новое время разрушения государственных хозяйств и активизации пастбищного животноводства эти связи могут обрести традиционную форму товарообменов между оседлыми земледельцами, кочевыми пастухами, формы развозной торговли для кочевников и другие. Пока же усилия по формированию интеграционных связей в агросекторе проходят по линиям вертикальной интеграции (производство-переработка-сбыт) и ассоциирования отдельных кооперативов в области производства, переработки, кредитования. Речь об интеграции обособляющихся все в большей степени земледелии и скотоводстве пока не идет.

«Генотип» бурятского аграрного хозяйства основан на экстенсивной эксплуатации микроландшафтных достоинств малыми формами. Он укоренен в традиционных культурных нормах бурятского домохозяйства. Система «ландшафт-традиционные этнически детерминированные институты-организация аграрного хозяйства» в регионе оказалась более устойчивой в условиях кризиса, чем привнесенные в последние десятилетия высокоиндустриальные формы его ведения.

Исследователи сел Республики Бурятия в конце советского времени отмечали стойкость традиций, сохранившихся несмотря на глубокие преобразования в ходе коллективизации, укрупнения мелких колхозов в крупные и затем частично в совхозы, стремления к унификации образа жизни разных национальностей, городского и сельского населения на базе механизации сельскохозяйственного труда. Традиционность проявляется в сохранении двух полярных этнохозяйственных типов специализации: русских – на равнинном земледелии в таежной и лесостепной зоне; бурят – на животноводстве в лесостепных и степных районах². Ландшафтообусловленная экстенсивная природа бурятского аграрного производства проявилась в закреплении в результате кризиса именно наиболее мелкоконтурных, высоко дисперсных его видов, максимально утилизирующих сравнительные преимущества конкретного места.

Институциональная структура агропромышленного комплекса позднего советского периода была слабо диверсифицированной, сориентирована на нивелирование природных различий в условиях хозяйствования. Поэтому оба типа сельскохозяйственного производства могли иметь одну организационную оболочку совхоза или колхоза. Однако сейчас, спустя десять лет радикальных структурных преобразований в сельском хозяйстве страны, она четко отражает полярные различия неформальных и формальных институтов двух этнохозяйственных типов аграрного производства.

Ландшафтная детерминированность избираемой организационной формы сельскохозяйственного предприятия, а значит, и природы его основных контрактов наиболее рельефно может быть установлена в результате межзонального сравнения организационной структуры агропроизводства. Для крупных предприятий массового (относительно стандартного) характера деятельности, пригородного равнинного размещения, как правило, избирается форма открытого акционерного общества (птицефабрики, свиноводческие, трикотажные комбинаты и др.). С другой стороны, для экстенсивного горного пастбищного животноводства основной избираемой формой хозяйствования становится крестьянское хозяйство или производственный кооператив; в случаях неглубокого, не до конца проведенного реформирования, старая форма совхоза или колхоза.

Радикальные экономические и политические преобразования, сопровождаемые масштабными изменениями отношений собственности, всегда связаны с изменениями отношений общества с аграрными ландшафтами и реструктуризацией земельных активов.

¹ По материалам региональной прессы Оренбургской области.

² Социальное развитие села Бурятской АССР. Улан-Удэ, 1989. С. 13-19.

III. Региональная конфигурация прав собственности на основные активы

1. Региональная конфигурация прав собственности – это локализованное сочетание прав/способов спецификации собственности на основные природные, произведенные, человеческие активы. Следуя традиции общего права, под правами собственности понимаются не только традиционные права распоряжения, владения, управления, признанные в гражданском праве, но и права *контроля* разной степени силы (в том числе и остаточные), а также паевые (дробные) права собственности.

Несмотря на единые общедофедеральные макроэкономические нормы и правила, требования четкой спецификации правомочий по уровням управления - федеральном, региональном, муниципальном, региональная схема прав собственности обладает значительной спецификой, что подтверждается межрегиональным своеобразием, например, в интенсивности и скорости осуществления процедур банкротства. Она очень чутко реагирует на особенности экономической истории, экономико-географического положения, корпоративной структуры хозяйствования, ландшафтной структуры, этнической и качественной (запас энергии) структуры населения, развитость линейных коммуникаций и другие факторы региональной экономической и социальной (даже духовной, идеологической) жизни.

Например, региональные схемы прав собственности в республиках и областях значительно отличаются в силу этнической специфики. В местах компактного проживания татарского населения в Марий Эл наблюдаются смещения общепринятых организационных структур и прав собственности – в сторону более рыночных, активных (от МУП к ОАО). С другой стороны, наоборот, в местах компактного проживания чувашей можно наблюдать противоположные смещения от общераспространенной организационной формы агросервисного предприятия – к менее активным и более огосударствленным (от ОАО к МУП).

В период реформы было несколько кругов передела собственности на материальные активы. Первоначально наиболее рентабельные группы предприятий были взяты в собственность инсайдеров в лице трудового коллектива или директората. Преобразования в агросекторе в этот период носили формальный характер (совхозы стали ОАО или ЗАО). Затем осуществлялась консолидация собственников-инсайдеров и поверхностное реформирование агросектора. Лишь на третьем круге созрели предпосылки для постепенного перехода отдельных предприятий к уже возникшим интегрированным бизнес-группам, внешним инвесторам и тогда же начались земельные реформы, оборот земельных участков и качественно более активное фермерское движение. В сельском хозяйстве круги передела отстают на один от промышленного сектора: во многих промышленных предприятиях крупные пакеты уже находятся в руках собственников-аутсайдеров, в агропредприятиях продолжают сохраняться предельно разрозненные пакеты.

Земля связывает аграрное и промышленное развитие региона. Не могут быть формы собственности либеральны по земельным участкам аграрного назначения и консервативны по городским участкам промышленного назначения и наоборот. Это единая нормативно-правовая региональная система. Поэтому отставание преобразований собственности в агропредприятиях опасно и для инвестиционного обновления промышленных предприятий.

2. Региональная власть и собственность (региональная, федеральная, муниципальная, корпоративная)

Жизненный цикл назначенной конфигурации прав собственности на конкретный природный и материальный актив ограничен и обычно длится не более 25 лет (что примерно совпадает с жизненным циклом материального актива). И в советское время происходили периодические микрокорректировки прав собственности, внешними проявлениями которых были ведомственные переподчинения предприятий, укрупнения колхозов, трансформация колхозов в совхозы, переход на старательскую отработку золотороссыпных месторождений и т.д.

Поиск и экспериментирование со схемами прав собственности на основные активы ведется всегда, в любую историческую эпоху, потому что энергии новой формы хватает лишь на несколько десятилетий, после чего ее потенциал исчерпывается. И требуется снова предпринимать инновационный поиск и внедрение новой (часто новой старой) конфигурации.

И если ранее, в советское время, эти микрокорректировки осуществлялись по решению отраслевых ведомств и ЦК КПСС-Совета министров СССР, то теперь на их направления и интенсивность оказывает влияние, помимо самого собственника, региональная власть. Политический выборный цикл теперь неизбежно оказывает воздействие на всю региональную конфигурацию прав собственности. В случае динамичного развития региональной экономики выбранная команда может

оставить неизменными старые формы собственности на главные материальные активы региона. Но при значительных сдвигах в работе региональной экономической системы смена команд региональной власти позволяет осуществить преобразования сложившейся и недостаточно эффективной региональной конфигурации прав собственности.

При этом речь идет не столько о глобальном переделе активов между государственным и рыночным секторами – т.е. приватизации или ренационализации. Нет, имеется в виду изменение схем контроля, передача отдельных правомочий собственности новым субъектам, смена команд менеджеров при сохранении формально старой внешней структуры собственности. Хотя и без радикального характера, но это явные примеры корректировок схем прав собственности.

Критерий оптимально найденных и назначенных прав собственности – максимально эффективное, полноценное использование всех имеющихся в регионе активов. Вот почему запустевшие бывшие сельхозугодья, длительно и обреченно безработные граждане, годами дремлющие по причине споров собственников природные активы – это все примеры нерешенности вопросов контроля над активами, не достигнутого компромисса между всеми влиятельными экономическими и политическими силами в регионе.

Другой индикатор – динамика числа убыточных предприятий. Если их доля в общем числе фирм постоянно увеличивается, то это верный признак инертной работы власти с собственностью. Динамика соотношения федеральной и региональной собственности в конкретном регионе позволяет судить об интенсивности и сравнительной эффективности работы органов государственной власти двух уровней со своим имуществом. Чем более эффективна общая конфигурация прав собственности на активы региона, тем в меньшей степени он подвержен сезонным циклам.

При высокой дробности регионального пространства (определяется по территориальной структуре расселения, инфраструктурного каркаса и хозяйства), наличии значительных внутренних рукотворных разрывов и природных рубежей в регионе легче сохранять на отдельных анклавах «анахронизмы» схем прав собственности, чем при интегрированной, слитной, неделимой структуре пространства. Главе Республики Коми в 1990-е годы удалось, по сути, превратить Печорский бассейн в обособленный федеральный анклав, сняв с себя всякие о нем обязательства. Это стало возможным в результате специфики компактной территориальной структуры угольной отрасли, расположенной изолированно от других отраслей на северо-востоке Республики Коми.

Человеческий фактор в форме региональной власти, региональных влиятельных коалиций, самих производственных коллективов играет огромную роль в назначении конкретных форм собственности на региональные активы – при том, что общие объективные закономерности ее смены, конечно, существуют. Проведенный анализ работы региональной власти в 17 субъектах Российской Федерации показал, что очень редко удается найти инновационные формы собственности на основные активы региона, оптимальные для регионального развития, чаще власти действуют вяло, шаблонно или в интересах присвоения ренты от активов.

Формирование регионально специфичных, оправданных и оптимальных прав собственности на основные активы является важнейшей организационной инновацией. Она может иметь вид совсем новой структуры или новой контракции внутри старой структуры. Одна из трудностей: такая инновация – это всегда выход за рамки, экспериментирование на пределе федерального правового поля, или даже с частичным за него выходом. Но только так рождаются все истинные инновации! Это социальная инженерия на региональном уровне. Аналог – успешно проведенная генетическая модификация органов.

И только в результате таких инноваций и вызванной ими индукции энергии внутрь регионального контура экономика становится способной к омоложению. Со временем действие инновации неизбежно устаревает. Становится необходимой новая генетическая микромутация (рекомбинация региональных генов).

2.1. Успешные примеры работы власти с региональной собственностью

Формальные атрибуты успешной работы власти с региональной собственностью хорошо известны и направлены на минимизацию издержек управления и повышение эффективности ее использования. Это всемерное поощрение динамики, рыночных форм оборота, постоянное разграничение/уточнение правомочий и передача объектов наиболее эффективным собственникам, дифференцированный подход к приватизации имущества региона в зависимости от его вида и ликвидности, оптимизация фондового портфеля региона, освобождение его от пакетов акций, долей в неэффективно работающих организациях. Это наличие детального нормативного правового обеспечения всех этих процедур, принятые основополагающие документы: концепция оптимизации

объема и структуры региональной собственности, предполагающая консолидацию однопрофильных объектов региональной собственности в виде, например, корпорации регионального развития; закон «Об общих принципах управления государственной собственностью», прописывающий рамки экономического поведения региональной власти и муниципалитетов как собственника, по отношению к региональным активам всех форм и видов, и всем формам их оборота – продажи, аренды, залога, доверительного управления, делегирования полномочий между уровнями власти, деприватизации - приобретения в госсобственность пакетов акций и долей хозяйственных обществ¹.

Хорошо, когда эта обязательная программа станцована добросовестно и все необходимые элементы выполнены. Но важны региональные акценты, нюансы. Именно они и формируют межрегиональную правовую асимметрию, которая позволяет конфигурациям прав собственности разных регионов не быть безликой копией друг друга, но всемерно учитывать изюминки природных, материальных и человеческих активов каждой территории.

Как правило, при успешной работе власти по этому направлению в регионе при назначении прав собственности и организации различных форм ее оборота «нагружаются» определенные, не все возможные институты (табл. 3).

Таблица 3

Характеристика видов оборота региональной собственности в Самарской области

Виды оборота	Регламент (региональные институты)	Сравнительная оценка величины транзакционных издержек производства прав собственности
1. Передача объектов федеральной собственности в региональную	Не применяется	
2. Передача объектов региональной собственности в федеральную	Не применяется	
3. Передача из региональной собственности в муниципальную (социальной инфраструктуры, земли и др.)	Решение о передаче принимает Губернатор и Департамент управления государственным имуществом Администрации области	Средние
4. Передача объектов муниципальной собственности в региональную	Решение Департамента управления государственным имуществом Администрации области	Средние
5. Передача объектов федеральной собственности в муниципальную	Не применяется	
1-5а Закрепление госсобственности у ГУПов на праве оперативного управления	Контроль, правовая регламентация Департамента управления государственным имуществом Администрации области	Малые
1-5б Изъятие госсобственности у ГУПов	Оценка эффективности их деятельности, контроль, правовая регламентация Департамента управления государственным имуществом Администрации области	Средние
6. Передача объектов государственной (федеральной и/или региональной) собственности частным владельцам в аренду, залог, в виде вклада в уставные организации (ГУП, другое имущество)	Мониторинг цен на проведение сделок, определение рыночной стоимости и решение осуществляет Департамент управления государственным имуществом Администрации области. Если безвозмездно, то решение принимает Губернатор области	Средние
7. Продажа объектов (приватизация) государственной (федеральной и/или региональной) собственности частным владельцам (ГУП, активы ликвидируемых предприятий и др.). Преобразование ГУП в ОАО.	Единый реестр областного имущества Лицензирование оценочной деятельности Мониторинг цен на региональном рынке недвижимости Определение ликвидности, оценка рыночной стоимости для выставления на торги. Решение готовит Департамент управления государственным имуществом Администрации области, принимает Губернатор области	Максимальные А) Продажа на торгах Б) Административная продажа
7а Отдельный случай акционирования федерального ВПК-предприятия	Федеральные институты, региональные не применяются	

Конкретные схемы оборота зависят от свойств материальных активов. Например, в Оренбургской области, в экономике которой доминируют предприятия со слитными активами, для изменения формы собственности используются три вида рекомбинаций частей пакета акционерного капитала, которые осуществляются инструментами фондового рынка (табл. 4). Процедуры же банкротства, которые максимально соответствуют фирмам с делимыми активами, применяются намного реже.

¹ Написано на примере деятельности Правительства Республики Бурятия, где работа с региональной собственностью идет конструктивно и интересно.

С другой стороны, в регионах дробной корпоративной структуры институты банкротства часто применяются успешно для нахождения оптимальной региональной конфигурации прав собственности на главные активы. Действует закономерность: чем четче определена стратегия развития региона, одобренная основными влиятельными группами населения, тем более эффективны процедуры банкротства, которые в этом случае работают не только на узкую задачу ликвидации предприятия и растаскивания его активов по символическим ценам, но и на долгосрочную - сохранения части имущественного комплекса и костяка производственного коллектива. Именно наличие или отсутствие такой стратегии и определяет разнообразие региональных моделей банкротства - между полюсами проедания активов временными собственниками и их эффективной реструктуризации новым инвестором.

Не все элементы пучка правомочий активно задействованы в современном региональном развитии. Например, слабо применяется право возврата активов в уплату долга, отдельно редко прописывается как автономное правомочие право на «капитальную стоимость» активов, предполагающее право на отчуждение, потребление, изменение или уничтожение вещи. Главным образом применяются более понятные права пользования, управления и владения (табл. 4). Все остальное пока слишком сложно для современной российской экономической *практики*.

Таблица 4

Приоритеты назначаемых прав собственности и форм ее оборота в Оренбургской области

Приоритеты в схемах оборота собственности	Приоритеты прав собственности
Институты «рынка» - неделимые активы 1) приобретения от имени Оренбургской области за счет средств областного бюджета и других финансовых источников имущества (в том числе акций, долей, паев) в государственную собственность Оренбургской области; внесения от имени Оренбургской области вкладов в уставные капиталы хозяйственных обществ, товариществ и некоммерческих организаций	1) право пользования , т.е. личного использования активов; право управления , т.е. решения, как и кем активы могут быть использованы; ответственность в виде взыскания, т.е. возможность отобрания активов в уплату долга; право на «капитальную стоимость» активов, предполагающее право на отчуждение, потребление, изменение или уничтожение вещи (рекомбинации!)
2) передача в доверительное управление (гиганты ресурсоемкие советского времени)	2) право на доход, т.е. на блага, проистекающие от предшествующего личного пользования активами или от разрешения другим лицам пользоваться ими (иными словами - право присвоения); право владения , т.е. исключительного физического контроля над активами; право на переход активов по наследству или по завещанию
3) закрепление при создании государственного унитарного предприятия или государственного учреждения	3) остаточный характер, т.е. ожидание «естественного» возврата переданных кому-либо правомочий по истечении срока передачи или в случае утраты ею силы по любой иной причине; право на безопасность, т.е. иммунитет от экспроприации; запрещение вредного использования, т.е. обязанность воздерживаться от использования активов вредным для других способом
Институты «фирмы» - делимые активы 4) применения процедуры несостоятельности (банкротства) путем обращения в суд (в некоторых регионах это первое) (средние предприятия эффекта экономии на специализации, ВПК-ориентированное машиностроение и др., наукоемкие)	

2.2. Права собственности на главный региональный природный актив/свойство местности, лимитирующий жизнеобеспечение население и экономическое развитие

Во многих регионах России есть ключевой природный актив/свойство местности, который сужает возможности экономической деятельности, накладывает на нее естественные рамки. В арктических территориях – скованные льдом основные морские транспортные пути, работающие только ограниченный период; в Калининградской области – польдерные ландшафты - сельскохозяйственные земли, периодически затопляемые морской водой (диктуют необходимость линейных мелиоративных сооружений); В Хабаровском крае – катастрофические лесные пожары; в Оренбургской области – периодические засухи и общий дефицит водообеспеченности. Нормы и правила, права контроля (у кого они находятся?) по этим критическим элементам региональной системы жизнеобеспечения и экономики имеют большое значения для устойчивого развития территории и, как правило, наиболее детально разработаны.

В пределе регулярно повторяющиеся, неблагоприятные природные феномены могут обретать форму катастроф и тогда оказывать исключительно сильное давление на все экономические и политические институты, вызывая их очень быстрые и радикальные изменения. Неслучайно впервые

наиболее прогрессивная для того феодального времени форма капиталистической собственности (институциональная инновация) появилась в регулярно затопляемой Голландии.

В Оренбургской области установлены максимально дифференцированные для российских регионов нормативы платы за пользование поверхностными и подземными водными объектами бассейнов рек Урал, Волга, Обь, нормативы за сброс сточных вод в бассейны этих рек. Очень тщательно в региональном законодательстве прописываются права на «водный» сервитут при использовании земельными участками – водопровод, водосток, водозабор (брать воду для удовлетворения потребностей в ней из водоема другого владельца (пользователя) и пользоваться пешеходной тропой, ведущей к водоему), водопой скота из чужого водоема.

Сервитут есть самая яркая особенность современной пространственной организации хозяйственной деятельности в области. Это отражает специфику организации землепользования на монотонных степных ландшафтах – обширные площади хозяйств, на которых приходится предусматривать возможность постоянного или временного ограниченного пользования со стороны внешнего пользователя, не являющегося собственником данного участка (т.е. сервитут). Чтобы не допустить значительного дробления земельных участков, которые сильны именно возможностью обеспечить экономии на масштабе операций (такими они достались с советского времени), приходится допустить чересполосицу режимов пользования, вводить «наименее обременительным способом» платное право на анклавное «вторжение» в эту землю, пока переходную от государственной к частной, внешнего пользователя.

2.3. Значение личности переходного собственника при преобразовании собственности от инсайдерской в аутсайдерскую

Неизбежный процесс трансформации инсайдерской собственности на многие материальные активы в аутсайдерскую вызван возрастающей недостаточностью внутренних ресурсов для решения инвестиционных проблем крупных бюджетобразующих предприятий – чем дальше, тем сильнее, слабостью надежд на привлечение капитала внутренних акционеров (у них нет таких ресурсов по определению), и невозможностью прихода кредитных внебюджетных ресурсов без одновременного приобретения контроля над предприятием – инвесторы не хотят рисковать, давать кредитные ресурсы, но оставлять контроль за менеджерами. В агросекторе приход внешних инвесторов нередко происходит после горизонтальной интеграции «снизу» атомарных производителей, которая упрощает последующую трансформацию инсайдерской собственности в аутсайдерскую.

Если бы институциональная российская среда была бы более устойчива и инфорсмент контрактов судебным образом был обеспечен, можно было бы ожидать прихода кредитных ресурсов от не-собственников, финансовых институтов международных и российских банков, страховых компаний и др. Однако пока эти условия не выполнимы, инвестиции всегда сопряжены с трансформацией схем прав собственности – и только в одном направлении – от инсайдеров к аутсайдерам.

Пока многие региональные власти не готовы к переходу собственности на крупные активы в руки «полного» аутайдера. Потому переходный человек как собственник необходим, *уже не инсайдер*, но еще не аутсайдер, т.е. свой, но одновременно уже и внешний, одновременно. Это наиболее оптимальный вариант. Социальный капитал *метисного* инвестора (не чужой, но и не совсем свой) в данном случае снимает проблему недоверия власти. И лишь за ним возможен уже просто внешний собственник.

В Китае успех реформы в значительной степени был обеспечен китайскими эмигрантами на Тайвань, в Польше – польскими иностранными инвесторами. Они способны значительно снизить размер транзакционных издержек при трудном, но неизбежном размыкании собственности на внешнего инвестора. Обстоятельства языка, культуры, доверия здесь почти не лимитируют. Это всегда большая удача для региональной экономики, когда такая личность может быть найдена.

2.4. Корпорация регионального развития – консолидированная региональная собственность на однотипные активы

Как показывает мировой опыт, в регионах, недостаточно привлекательных для масштабных частных инвестиций, региональная или центральная власть нередко создает специфические государственно-рыночные структуры – государственные корпорации регионального развития, призванные увеличить экономический тонус традиционно отсталых или временно депрессивных административных образований. Результаты их деятельности могут быть как позитивными, так и нет. Так, в канадской территории Юкон в 1970-е годы в россыпной золотодобыче была создана региональная корпорация развития, которая катализировала освоение нескольких непривлекательных для частного бизнеса объектов. Однако аналогичные эксперименты в других провинциях и территориях Канады были менее успешными.

Как правило, срок жизни таких структур, за исключением наиболее широко известной корпорации долины Теннесси, ограничен одним-двумя десятками лет, после которых регионы в состоянии перейти к развитию на более рыночных принципах.

Урок таких структур заключается в необходимости консолидированного участия региональной власти в хозяйственной деятельности по приоритетным направлениям. Это означает, во-первых, что целесообразно перейти от разрозненной деятельности внутри хозяйственных обществ разного профиля к определению наиболее приоритетных направлений современного развития и сосредоточению активности в хозяйственных обществах именно этого профиля. Во-вторых, что необходима зонтичная структура, которая сможет собрать под себя мелкие общества с государственным участием и приобрести не локальный, а общерегиональный характер.

2.5. Трансакционные издержки недоразграниченных прав собственности. Различия величины трансакционных издержек при спорах собственников по ареальным и точечным объектам

Все типы конфликтов по правам собственности/контроля по линейным активам (например, энергосетям – Смоленская область), ареальным высокорентабельным природным объектам (например, озеро Байкал – Республика Бурятия и Иркутская область; Чебоксарская ГЭС – Республика Чувашия и Марий Эл), бюджетообразующим предприятиям (например, Москва и Московская область) высекают колоссальные трансакционные издержки в региональной экономике (самые большие из всех возможных) и ощутимо тормозят экономическое развитие. Их аналогом по разрушительным последствиям может быть только война или природная катастрофа.

Неотчетливость спецификации прав собственности на атомарные и ареальные объекты, приносящие высокий доход, является проблемой многих российских территорий. Следствием этого является *неэкономное развитие* при резком возрастании трансакционных издержек.

Особенно трудные затяжные споры по правам контроля по ареальным объектам (или по распределению доходов, которые они приносят). Между странами они могут затягиваться на века, между коренными народами и государством – на десятилетия. Споры по контролю над точечными объектами решаются значительно быстрее. «Сетевые» конфликты по времени разрешения находятся между обозначенными полюсами.

Нет пока в России ни механизмов, ни процедур разрешений конфликтов собственников по ареальным природным активам. По имущественным уже научились: законодательство и процедуры банкротства подвергаются справедливой критике, но по крайней мере здесь уже есть что совершенствовать.

Конфликты по ареальным активам имеют совсем иной контекст, потому что спорящую сторону невозможно выкинуть, как при смене собственника на предприятии; она всегда есть, в лице региона или страны. Потому - либо перекройка границ, т.е. переназначение прав собственности (путем мирного захвата или войн, революций), или долгосрочные договоренности, которые всегда обречены пересматриваться и переутюжиться, т.е. не имеют окончательного решения.

В этой связи приведем два примера – по Республике Бурятия и Московской области. Недоразведенность полномочий и бюджетной компетенции в вопросах защиты Байкала – это источник спекуляций и смягчения бюджетных ограничений во взаимоотношениях Республики и центра, оттягивающий переход Республики к большему уровню саморазвития. Поэтому вопрос Байкала – это не вопрос поддержки экономики Бурятии центром за всегда не очень ясные и не очень прозрачно определенные затраты регионального бюджета на Байкал, но вопрос четкой спецификации полномочий (схем прав собственности) центра и Республики по всем направлениям байкальской проблемы. Нужно не компенсировать Республике экологические платежи за Байкал, но самостоятельно нести их федеральному бюджету, признавая этот объект объектом федерального значения. Компенсация в любой форме дестимулирует усилия и инициативу властей Республики в области самостоятельного развития.

Еще одна грань байкальской проблемы связана с гидроэнергетической рентой, собираемой Иркутской областью с каскада Ангарских ГЭС, которая присваивается единолично ОАО «Иркутскэнерго» и дружественными к ней хозяйствующими субъектами. Налицо недостаток «вертикальной интеграции» субъектов Российской Федерации вдоль бассейна озера – от верхних мест основного его водосбора до нижних мест размещения плотин и каскада ГЭС.

Понятно, что без «верхних» не было бы прибыли и у «нижних». Единый энерготариф Иркутской области и Республики Бурятия невозможен ввиду того, что в энергобалансе Республики доля внешней энергии составляет лишь 10-20%, остальное она вырабатывает сама и, естественно, с более высокими затратами. Но цена закупаемой у иркутян энергии, вероятно, должна быть сопоставима с их внутренним тарифом, коль генератором этой энергии исходно выступают «верхние» водосборные районы Бурятии.

Компенсации Иркутской ГЭС не сопоставимы с убытками, причиняемыми природе и прибрежному хозяйству Республики Бурятия по причине повышения уровня Байкала. Здесь тоже проявляется недостаток межрегиональной интегрированности двух соседних субъектов Российской Федерации.

В последние годы возникают новые институты, которые призваны способствовать такой интеграции «по Байкалу». Руководители законодательных органов государственной власти Республики Бурятия, Иркутской и Читинской областей, Агинского и Усть-Ордынского Бурятских автономных округов подписали в 2001 году Соглашение о намерении образовать Байкальскую Ассоциацию Парламентов. Она должна стать консультативно-совещательным органом, через который парламентарии смогут вырабатывать согласованные подходы к решению общих для всего Байкальского региона проблем.

Главной задачей Ассоциации должно стать решение вопросов, связанных с реализацией Федерального Закона «Об охране озера Байкал».

Имея 72% водосборного бассейна Байкала и лишь долю получаемой от него ренты, Бурятия в наибольшей степени заинтересована в такой интеграции. Очевидно, что ее формы должны быть сильнее простых совещательных органов и сопровождаться созданием интегральных хозяйственных структур, в рамках которых возможно будет перераспределять формируемую на дешевой ангарской энергии алюминиевую и другую ренту.

Основная проблема Московской области, унаследованная от советского времени, состоит в размытости, ослабленности (неспецифицированности) схем прав собственности на основные недвижимые и движимые ее активы, что позволяет в значительной степени и сегодня присваивать положенческую ренту столичным и федеральным структурам - происходит ее переток из области в город, который дестимулирует работников и приводит к неэффективному распределению ресурсов земли, труда, капитала, фондов. Исключительный характер назначаемых прав собственности сформирует стимулы у хозяйствующих субъектов, а их активное экономическое поведение повысит динамизм регионального развития.

IV. Экономико-географическое положение как нематериальный актив

1. Эволюция представлений об экономико-географическом положении (ЭГП) в советское и новейшее время: от статике к динамике

В советское время экономико-географическое положение СССР, его крупных экономических районов, регионов и городов понималось статично¹, что было естественно для плановой экономики замороженных цен, тарифов, всех основных производственных издержек. Работ по динамике ЭГП советских регионов почти не было (не было в том объективной потребности). Исследования в основном сосредоточивались на ЭГП страны – с привлечением статистики внешней торговли; ЭГП отдельных субрегионов, наиболее выигрышных с точки зрения даже статичного географического описания (прежде всего Дальний Восток СССР); реже - ЭГП региона в контексте его инфраструктурной системы и территориальной структуры хозяйства; совсем редко - ЭГП отдельных городов.

Радикальная экономическая реформа и переход к рынку привели в движение этот феномен, придали ему более активный, чем ранее, и динамичный характер.

Во-первых, теперь ЭГП как система связей и пространственных хозяйственных отношений локализованного территориального объекта находится в непрерывном изменении, зависит от соотношения цен на конечную продукцию, транспортных и энергетических тарифов, размера таможенных пошлин у фирм - основных участников внешней, выходящей за пространственный контур города, региона, страны, контрактации; воздействия федерального, регионального, местного, международного, корпоративного регламента (норм и правил экономического поведения наиболее крупных и значимых игроков).

Во-вторых, в результате процессов экономической и политической децентрализации значительные полномочия по изменению/исправлению исходного ЭГП находятся теперь в руках региональной власти. Удачно найденные ею региональные правовые рамки, нестандартные и максимально учитывающие особенности природных и материальных активов, экономической истории, этнической структуры населения, способны придать новый тонус, сформировать стимулы экономическим агентам в регионе. (Например, целенаправленная трансформация активов в ходе приватизации способна улучшить качество человеческого, произведенного, природного капитала и способствовать улучшению условий контрактации основных субъектов хозяйственной деятельности).

В-третьих, в советское время основными агентами ЭГП были важнейшие отрасли союзной и международной специализации. Именно их связи определяли его конфигурацию. Однако теперь экономико-географическое положение зависит в первую очередь не от отраслевой, а от корпоративной структуры, точнее, от контрактации, а если шире - пространственного поведения фирм базового (т.е. ориентированного на вывоз) сектора экономики. В транзитных и приграничных регионах в базовый сектор входит магистральный и межрегиональный транспорт. Основные агенты ЭГП теперь -бюджетообразующие фирмы региона, их устойчиво воспроизводящиеся, внешние (в том числе и внешнеэкономические) вертикальные и горизонтальные контракты, осуществляемые по коридорам линейных инфраструктурных объектов.

Но сводить динамику ЭГП города, региона, страны только к эволюции внешних хозяйственных связей основных экономических актеров было бы неправомерным сужением и

¹ Баранский Н.Н. избранные труды. М., Мысль, 198 ; Маергойз И.М. Территориальные структуры хозяйства. Новосибирск: Наука. 1989.

выхолащиванием этого понятия. На самом деле динамика ЭГП зависит не только от экзогенных, но и от эндогенных факторов: меняющегося регионального контекста институциональной среды, которая в значительной степени определяется микрокорректировками (в ходе процедур банкротства и работы фондового рынка) конфигураций прав собственности на основные региональные активы; регионального регламента на ареальные, линейные активы - по которым движутся товарные потоки бюджетообразующих фирм; степени интегрированности отдельных фрагментов и региональных рынков.

В советское время региональный контекст ЭГП понимался предельно узко технократически, только как степень развитости объектов производственной, в конце – и социальной – инфраструктуры. Сейчас речь идет об интегральной оценке внутренней среды региона, степени ее (регионального пространства) транзакционности – способности катализировать рыночное саморазвитие и инновационную предпринимательскую энергию региональной общности людей, динамичный экономический рост, или, наоборот, гасить стимулы энергичной хозяйственной деятельности, тормозить развитие в вязком (*изобилующем природными и рукотворными разрывами*) пространстве.

Актуализация выгод от ЭГП города, региона, страны в советское время полагалась «общественной», и потому этот вопрос не получал предметного исследования. Сегодня он приобретает исключительное значение и трактуется как формы присвоения и распределения положенческой ренты – среди корпоративных, федеральных, региональных (для города – муниципальных) участников и естественных монополий. Региональный эффект позитивной динамики ЭГП, например, выражается в укреплении доходной базы бюджета (как налоговых, так и неналоговых, имущественных поступлений), новых рабочих местах и росте подушевых реальных доходов.

2. Экономическая история и динамика регионального ЭГП (как актива особого вида)

Рассмотрим историческую динамику ЭГП на примере Оренбургской области с момента первоначального образования губернии в середине 18 века. В предельно автаркичной модели полного феодального натурального самообеспечения, свойственной для первого периода освоения, внешние связи по сути отсутствовали. Поэтому и экономико-географическое положение, по сути, не проявлялось – только в форме связей первопоселенцев с местами своего выхода.

Эта ситуация стала меняться с началом транзитного, через губернию, товарообмена и торговли хлопком Средней Азии в начале-середине 19 века, когда огромную роль приобрели таможенные пошлины и тарифы, которые взимались на огромном протяжении Оренбургско-Сибирской таможенной линии от Каспийского моря до Томска. Экономико-географическое положение региона обостренно зависело от этих институтов, которые тогда формировали более половины губернского бюджета.

Транзитная территория всегда обращена как к районам зарождения товарных цепочек, так и к финальным стадиям их путешествия, районам товарного сбыта. Поэтому в тот период экономико-географическое положение губернии было обращено на соседние среднеазиатские республики и районы центральной России.

В последующий период утраты статуса приграничной губернии (после вхождения в Россию Казахского жуза), отмены крепостного права, строительства железной дороги Самара-Оренбург, транспорт перестал быть базовым сектором здесь, функции транзитной территории были утрачены. Вместо этого резко возросли хлебные связи с заводами Урала по новым железнодорожным магистралям. ЭГП губернии утратило черты центральности (ориентированности напрямую на центр) предыдущего этапа, стало более периферийным.

После периода революции и гражданской войны уменьшившаяся в размерах Оренбургская область включалась в общесоюзную специализацию. Она снова приобрела ориентацию на союзный центр через свои новые, размещаемые в Орско-Халиловском районе в предвоенный и военный период крупные предприятия черной и цветной металлургии; многочисленные, пространственно рассредоточенные, средние, быстро передислоцированные, предприятия оборонного машиностроения. (Последние были созданы в экстраординарных условиях военного времени, региональной спецификой никак не обусловлены и сегодня находятся в глубоком кризисе).

В период освоения целины в Оренбургской области вовлекались в оборот целинные земли под зерновые в Адамовском, Новоорском, Кваркенском и Акбулакском районах - была «попутно» решена задача совхозизации животноводства, с одновременным изменением его природы (с отгонного содержания скота на стойловое). В этот же период на границе с Казахстаном был построен

ряд крупных предприятий, ориентированных на переработку казахского сырья - Новотроицкий металлургический комбинат, Орский нефтеперерабатывающий завод, Орский никелевый комбинат, Оренбургский газоперерабатывающий завод.

Что эти события означали для оренбургского ЭГП? Нарастание влияния сопредельной республики на связи местных предприятий, еще более активное включение области в единый народнохозяйственный комплекс советского времени.

Общий вектор динамики ЭГП в советское время имел центростремительное направление – усиление хозяйственных связей с центральными ведомствами и министерствами формирования ключевых решений и распределения основных фондов, которые руководили распределением всех остро дефицитных товарных запасов.

Советский единый народнохозяйственный комплекс был центростремительным по сути - все территории, разной специализации, разного профиля, были сориентированы на столичные структуры, связи с которыми по линиям распределения основных фондов были по мощности (интенсивности контактов и степени заинтересованности и зависимости) сопоставимы (или даже превосходили) со связями с непосредственными технологическими партнерами. Собственных территориально-производственных комплексов в самой области за советский период не возникло, вместо него здесь функционировало несколько не связанных друг с другом промышленных узлов, каждый из которых формировал вокруг себя внутрирегиональный экономический район (всего три).

Радикальная экономическая реформа повлекла за собой значительное изменение ЭГП Оренбургской области. Очень быстро были утрачены все связи со столичными министерствами и ведомствами, которые в новых условиях оказались не в состоянии от лица государства продолжать поддержку металлургических, оборонных, топливно-энергетических предприятий области.

Вследствие либерализации произошло одновременное резкое изменение цен на основную продукцию, железнодорожных и энергетических тарифов, установлен режим таможенных пошлин на российско-казахской границе. Новые соотношение цен и тарифов значительно отличались от советского времени и потому неизбежно меняли пространственное поведение главных хозяйствующих субъектов области, которые в результате нескольких циклов разгосударствления и приватизации обрели консолидированных внешних собственников.

Таблица 5

Динамика структуры промышленного производства Оренбургской области, %

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2000/ 1990 по физиче- скому объему	Заня- тость, 2002г чел.
Промышленность	100	100	100	100	100	100	100	60,8	159248
Топливная	22,3	31,2	31,7	37,2	36,2	42,4	43,4	82,1	25513
Черная металлургия (чугун, сталь, прокат)	8,9	19,2	15,0	15,0	16,4	16,1	16,2	86,1	21580
Машиностроение и металлообработка	23,1	10,3	16,4	12,4	9,1	10,7	9,0	49,3	37393
Электроэнергетика	5,2	11,7	13,8	12,7	13,6	9,7	8,7	68,3	13721
Цветная металлургия	9,0	9,2	6,2	5,9	5,2	5,4	7,0	35,7	20703
Пищевая	9,6	7,2	7,2	6,8	7,8	5,8	6,2	27,3	15669
Промышленность стройматериалов	4,0	5,0	4,6	4,3	5,1	3,3	3,4	46,1	9261
Химическая, нефтехимическая	1,5	1,3	1,0	1,1	1,6	2,2	2,1	33,7	2808
Мукомольно-крупяная и комбикормовые	5,7	1,8	1,9	2,2	2,3	2,2	1,8		2888
Легкая	8,5	1,9	1,3	1,3	1,4	1,5	1,3	28,8	7409
Лесная, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная	1,3	0,8	0,6	0,5	0,5	0,3	0,2	20,5	2436

Регион снова, как и в 18- первой половине 19 веков, стал приграничным. Экономическое поведение крупных хозяйствующих субъектов стало испытывать воздействие вместо одного – союзного – регламента, сразу четырех – федерального, регионального, казахского и корпоративного (новых негосударственных собственников).

Реформа привела к значительным структурным сдвигам в региональной экономике (табл. 5). Предприятия газодобычи и переработки, нефтедобычи и переработки, черной металлургии за этот период в два раза увеличили свою роль в региональном промышленном производстве. Другие работающие на вывоз предприятия машиностроения, цветной металлургии в два и более раз сократили свою долю в промышленном производстве области.

Поэтому сегодня областное ЭГП формируется в первую очередь под влиянием хозяйственных связей предприятий-новых региональных лидеров. Что означает для областной экономики возвышение вместо машиностроения - ТЭКа, вместо легкой и пищевой промышленности - черной металлургии? Это означает *радикальное изменение корпоративной структуры* региональной экономики. Ранее она формировалась в первую очередь «дробными» отраслями трудоемкого машиностроения, пищевой и легкой промышленности, и имела четвертый тип по нашей классификации (табл. 5), т.е. наиболее рыхлый и трудный для внутрирегиональной координации, которой в советское время практически и не было (ТПК не создавался, предприятия напрямую подчинялись столичным ведомствам).

Под **корпоративной структурой** региональной экономики понимается пространственное сочетание основных, обладающих экономической силой, бюджетообразующих предприятий региона. Они могут быть одного или разного размера и организационно-юридической формы, из одной или разных отраслей (отраслевая принадлежность не имеет значения). Важно их экономическое и политическое значение для региона.

Таблица 6

Типы корпоративной структуры региональной экономики

Пространствен-ное размещение	Корпоративная структура		
	Концентрированная, слитная (есть связи)/дробная (нет связей между корпорациями), одна или несколько крупных корпораций (мелкие фирмы отсутствуют или нежизнеспособны) «регион-квазикорпорация»	Переходная, крупные корпорации и мелкая дробь жизнеспособных фирм (чаще дробная, редко слитная)	Децентрализованная, дробная, мелкие и средние фирмы «регион-рынок»
Локализованное в столице и/или нескольких пристоличных агломерациях	1 Республика Чувашия (дробная, нет комплексирования), республика Мордовия, Республика Тыва (издержки коллективного действия промышленников малы) эффект экономии на размере	5 Самарская область Рязанская область	3 Республика Марий Эл, Пензенская область (потенциально противостояние столичный мэр – региональные власти) эффект экономии на специализации
6 Тульская область	2 Смоленская область, Кемеровская область, Оренбургская область, Республика Коми (слитная, есть комплексирование)		4 Владимирская область Калининградская область

Есть четыре основных типа корпоративной структуры:

- 1) концентрированной пространственно слитной структуры, например, с локализацией основных двух-трех бюджетообразующих фондоемких предприятий в региональном центре. В этом случае в значительной степени ЭГП региона и ЭГП столицы тождественны (требуется оценить внутренний контекст - свойства *нестоличного* (как правило, сельского) регионального пространства, в какой степени оно облегчает или затрудняет эту «моно» контрактацию);
- 2) концентрированной, но пространственно рассредоточенной структуры, когда немногочисленные крупные бюджетообразующие фондоемкие предприятия располагаются в нескольких, неагломерированных, городских центрах региона. Здесь внешнее взаимодействие фирм обычно проходит по разным инфраструктурным каналам, с разным трением. Картина регионального экономико-географического положения потому здесь имеет более плюралистичный характер, с расслоением на ЭГП крупных блоков внутри региона;
- 3) дробной, пространственно слитной структуры, когда многочисленные (до нескольких десятков) средние по размеру бюджетообразующие и (трудо- и капиталоемкие) предприятия сосредоточены в региональном центре. Оценка отдельных ручейков внешних связей этих фирм может представлять сложность, поэтому целесообразно интегрировать их основные направления (по крупным

федеральным округам и регионам России), и, если возможно, то и повторяющихся партнеров по контрактации. И в этом случае нестоличная (сельская и другая) периферия способна повлиять на характер ЭГП – через усиление или ослабление трения на пути основных товарных потоков из региона за его пределы;

4) дробной, пространственно рассредоточенной структуры, когда многочисленные средние по размеру бюджетобразующие трудо(научно)емкие предприятия размещены в нескольких городских центрах. Это наиболее сложный случай оценки динамики ЭГП, потому что определить основные тренды в пространственном поведении многих фирм (тем более нередко терпящих бедствие) многих мест сразу трудно. Имеет смысл провести типологию видов контрактации с внешними партнерами по их местоположению и сравнительной интенсивности экономических связей, а затем по близким типам контрактов выделить кластеры региональных фирм и попытаться оценить сравнительную силу того или иного направления внешних связей и как оно изменилось за годы радикальной реформы.

В результате реформы произошел сдвиг в корпоративной структуре Оренбургской области – от четвертого типа ко второму. Сегодня уже не десятки, а единицы размещенных в трех-четырех центрах фондоемких промышленных предприятий формируют основной бюджетный доход региона, внутрирегиональная координация их экономической деятельности существенно облегчена, а мелкая, трудно ухватываемая россыпь предприятий машиностроения (производство горного, металлургического, холодильного оборудования, станков, инструментов, гидравлических прессов, электромоторов, тракторных прицепов, узлов и деталей тракторов и сельскохозяйственных машин), пищевой и легкой промышленности, продолжает находиться в кризисе.

Хозяйственные связи фирм-новых лидеров региональной экономики испытывают уязвимость ввиду нового пространственного поведения их традиционных казахских партнеров советского времени. Например, ранее треть сырья на Орский нефтеперерабатывающий завод поставлялась с Актюбинского месторождения. Сейчас его собственник компания "Актюбемунгаз" расположена в Казахстане. НПЗ и месторождение, созданные друг для друга, существуют сами по себе. Месторождение было куплено китайцами. В ближайшие пять лет – пока китайцы не завершат "нитку" нефтепровода, нефть будет поступать на Орский НПЗ. Затем, после его полной переориентации на китайских рынок, необходимо будет построить нефтепровод протяженностью более 500 километров от Бузулука до Орска.

Другой пример, иллюстрирующий среднесрочную неустойчивость контрактации предприятия ТЭКа, касается открытого в конце 1970-х годов в Казахстане Карачаганакского газоконденсатного месторождения. На тот момент уже эксплуатировалось Оренбургское газоконденсатное месторождение, а рядом с ним был построен крупнейший в Европе газоперерабатывающий завод. Поэтому было принято решение временно задействовать в проекте Оренбургское месторождение; затем, когда газ в нем иссякнет, пустить на переработку газ из Карачаганака. Теперь независимый Казахстан принял решение строить новый газоперерабатывающий завод при помощи западных инвесторов. В результате будут существовать два крупнейших однотипных завода на расстоянии чуть более сотни километров друг от друга.

Другой лидер региональной экономики Орско-Халиловский металлургический комбинат (ОХМК - НОСТА) нуждается в железной, марганцевой руде, угольном концентрате, которые добываются на территории Казахстана. Пока удастся решать вопросы поставок исходного сырья за счет бартерных поставок металлопродукции. Но комбинат ежегодно платит Ленинскому району Актюбинской области Казахстана 25 тысяч долларов за аренду земли, на которой в свое время были спроектированы и размещены его очистные сооружения.

Эти проблемы имеют и предприятия цветной металлургии области. Новотроицкий завод хромовых соединений утратил свою традиционную рудную базу по хромовой руде после продажи казахского рудника японскому собственнику. Производители вынуждены покупать руду не за 150-200 километров от завода, а в Турции, по завышенным ценам.

Разрыв старых и формирование новых хозяйственных связей крупных бюджетобразующих предприятий региона всегда сопровождается изменением всего экономико-географического положения региона. Меняющееся соотношение транспортных тарифов до основных потребительских рынков и их цен спроса на вывозимую продукцию; транспортных тарифов до поставщиков факторов производства и их цен предложения определяет разворот регионального предприятия в сторону того или иного партнера.

Что это означает? Что вместе с новыми хозяйственными связями приходят связи культурные, миграционные, кадровые, информационные. По сути, регион как бы разворачивается навстречу новым партнерам своих кормящих предприятий.

3. ЭГП и положенческая рента

Ресурсная и положенческая рента имеют разную природу:

- природная рента более стационарна, а положенческая связана/актуализируется только в потоках вещества, энергии и информации, при большем использовании мобильных активов;
- природная рента быстрее истощаема, положенческая стабильнее и способна существовать исторически более длительное время;
- природная рента имеет одноотраслевой характер и потому для обнаружения и присвоения требует более простой институциональной оснастки, чем многоотраслевая рента положенческая, которая ловится только широким набором разных институтов;

- в силу нередкого отдаления мест переработки от мест добычи территории базирования ресурса сложнее получать ренту природную, чем транзитной территории - ренту положенческую;
- природная рента присутствует в более концентрированном виде, а положенческая более разрознена, проявляется/растворяется в десятках разных феноменов социально-экономической жизни, в более косвенном виде, труднее выявляется полностью.

Природа самой ренты по местоположению мало изменилась при переходе от плановой к рыночной модели хозяйствования. Однако механизмы ее изъятия и распределения изменились радикальным образом. Прежде всего, это связано с трансформацией всей системы межрегионального взаимодействия, например, Москвы и Московской области, из которого и «высекается» положенческая рента. Положенческая рента области в значительной степени централизовалась в столичных структурах (в интересах партийной номенклатуры) и лишь незначительно – насколько это было целесообразно для выполнения областью четко очерченных сервисных функций для столицы – возвращалась в регион.

Рента отчуждалась от области в значительной степени директивно, что было просто ввиду государственной принадлежности основных рентообразующих структур, по формальным и неформальным каналам. Теперь большую роль в ее улавливании играет областная налоговая система, институты областного земельного рынка (условия продажи земельных участков), московского городского продовольственного рынка и рынка труда.

Фундаментальный вопрос регионального (рентоориентированного) развития Московской области состоит в том, какими инструментами, по каким каналам, в чьих интересах распределяется сверхдоход от выгодного пристолчного положения региона, в какой степени его потенциал актуализируется в валовом региональном продукте, доходной части областного бюджета, реальных подушевых доходах жителей области. А это прежде всего зависит от системы политических и экономических институтов федерального и регионального уровня, позволяющих эффективно вычленив положенческую ренту, и использовать ее для динамичного социального и экономического развития Московской области.

Важнейшим среди них является схема прав собственности на основные активы региона (пространственные-земельные, фондовые, человеческие ресурсы). Чем более четко назначены эти права (в пределе как исключительные), там более определенны стимулы для хозяйствующих субъектов, больше вероятность эффективного распределения основных производственных активов (земли, труда, фондов и капитала), и, следовательно, мощнее динамика регионального развития.

Положенческая рента в силу значительных выгод транзитного положения Смоленской области (мост между Россией и Западной Европой), еще более укрепившихся по причине распада СССР и превращения ее в приграничную оказывает системное воздействие на многие социально-экономические феномены ее развития. Ценность довольно скромных и очень быстро подорванных за 1990-е годы ресурсов краба, креветки Южно-Курильской промысловой зоны смогла актуализироваться только в результате очень выгодного экономико-географического положения Кунашира и Шикотана (исключительной ренты их местоположения).

4. ЭГП предприятия как фактор направлений и темпов динамики прав собственности

Динамика имущественного статуса однотипных хозяйственных объектов, различающихся только своим местоположением, оказывается по итогам десяти лет реформы выше в «столичных» регионах и муниципальных образованиях, в которых издержки сбыта продукции минимальны, и ниже в окраинных, территориально отдаленных от центра. Например, в Оренбургской области собственность выгодно экономико-географически размещенных элеваторов или молочных, мясных комбинатов очень быстро преобразовывалась в аутсайдерскую. К такому случаю относится молочный комбинат Ташлинского района, которого раньше всех в области нашел внешний частный инвестор. В результате резко выросла производительность труда и объемы производства (максимальные в области). В остальных районах перерабатывающие предприятия задерживают расчеты с хозяйствами, здесь, наоборот, молокоперерабатывающий завод кредитует их под поставки продукции.

С другой стороны, удаленность элеватора от потенциальных конкурентов и периферийность положения по отношению к основным рынкам сбыта вызывала сохранение на длительное время контрольного или блокирующего федерального или регионального госпакета, а остальной его части в инсайдерской собственности (коллектива, потом менеджеров предприятия). Защита от конкуренции ввиду обособленного положения отнюдь не способствовала динамичному институциональному развитию фирмы, наоборот, лишала его работников стимулов к переменам.

5. Различия ЭГП регионов как причина правовой асимметрии и разных темпов институциональных преобразований

Новгородская и Калининградская область имеют близкие размеры экономики, подушевые доходы, тройка ведущих отраслей формирует до 70% совокупного промышленного производства (*высокая отраслевая концентрация при дробной корпоративной структуре промышленного сектора*). Однако при сходстве базовых экономических параметров 1999-2000 годов тип динамики экономического развития двух регионов в период реформы был различен. Новгородская область начинала с существенно худших стартовых позиций по подушевым инвестициям, иностранным инвестициям, близких позиций по уровню безработицы. Однако в конце периода она обошла Калининградскую область по всем перечисленным параметрам и превзошла по уровню подушевого ВРП (табл. 6).

Думается, что нельзя объяснить эти различия траекторий экономической динамики четырехкратным превосходством Новгородской области по площади – единственный параметр, который значительно отличается между данными регионами-аналогами. Скорее, наоборот, компактность Калининградской области могла стать фактором дополнительного конкурентного преимущества. Но этого не случилось. В чем причина нарастающего отставания Калининградской области?

Таблица 7

Сопоставление типа динамики развития Калининградской и Новгородской областей

	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Численность населения, конец года, тыс. чел.								
Калининградская область	913	926	932	936	943	951	949	947
Новгородская область	746	744	741	738	737	734	727	720
Численность безработных, тыс. чел.								
Калининградская область	34,4	45,4	45,3	68,8	53,4	81,4	76,6	75,2
Новгородская область	21,9	29,4	35,1	31,5	47,2	53,0	51,7	28,4
Уровень безработицы, %								
Калининградская область	7,1	9,6	9,2	13,9	11,5	16,8	15,6	15,4
Новгородская область	5,8	8,3	10,2	9,1	13,5	14,8	14,1	7,8
Подушевые инвестиции, руб/чел								
Калининградская область	173	547	1058	1153	1267	1167	2370	5082
Новгородская область	106	345	980	1990	1572	2355	5587	6972
Подушевой ВРП, руб/чел								
Калининградская область			5658,2	8025,3	8636,2	9200,2	17006,1	
Новгородская область			5923,8	9511,4	9958,3	12786,4	22417,7	
Инвестиции в основной капитал ПИИ, млн долл. Калининградская область	3,2	10,5	68,3	64,7	114,6	118,9	145,5	381,5
Новгородская область	1,3	8,3	71,2	458,5	53,1	185,4	1656,1	938,4

Очевидно, что причины нужно искать не столько в различиях площади, сколько в различиях экономико-географического положения (ЭГП) – приграничного, эксклавного в одном случае, и внутреннего – в другом. Эти различия каким-то образом сказались на различиях институтов, которые в одном случае стимулировали инвестиции и развитие новых предприятий, а в другом – наоборот, затормозили его.

В новгородском случае очень продвинутое законодательство сформировало полноценную земельную собственность, устранив тем самым одно из главных препятствий для инвестиционного процесса - невозможность использования земли в качестве залога под банковские кредиты; в калининградском - остановленное законодательство по земле под влиянием приграничного положения и опасения потерять частицу Родины. Интеллектуальные представления (обоснованные страхи) оказали давление на институциональную динамику.

Действительно, земельное законодательство приграничных регионов во многих случаях оказывается менее продвинутым, чем у их «внутренних» российских соседей. Там не найдены инновационные схемы прав собственности, которые бы стимулировали хозяйствующего субъекта. Вместо этого акцент сделан на федеральное законодательство – когда оно разрешит куплю-продажу. Но на деле это означает остановленное на годы региональное нормотворчество по этому ключевому вопросу и диктат тени, потому что реальный оборот земли все равно происходит и без согласия власти на это.

Закон Калининградской области «О земле» от 29.12.2000 был отменен. Область не имеет своего целостного земельного законодательства.

Но дело не только в отсутствии целостной нормативной системы по земельному вопросу. Действующие нормы имеют ослабленный характер – Устав Калининградской области, закон «Об особой экономической зоне», отмененный теперь закон «О земле» и другие предусматривают для иностранных физических и юридических лиц только право аренды земельных участков, но не право полнокровной собственности. С другой стороны, в законодательстве Новгородской области предусмотрено предоставление иностранным гражданам земельных участков в собственность.

6. Двойственное влияние приграничного ЭГП на темпы институциональных преобразований

Влияние «враждебного» окружения на процесс формирования институтов граничной территории может быть двойственным. В одном случае (например, азиатские тигры) такое соседство инициирует формирование инновационных конфигураций прав собственности, которые реально оказались способными пробудить энергию людей к созидательной деятельности. В другом случае, враждебное соседство надолго консервирует государственную собственность: эксперименты в таких геополитических условиях признаются непозволительной роскошью.

До настоящего времени приграничные территории России (к числу которых можно отнести и Калининградскую область, с тем уточнением, что традиционные издержки их экономического развития проявились здесь в силу эксклавного положения еще более рельефно) платили наибольшую цену за нечеткость российского регламента хозяйственной жизни, явно демонстрировали его неадекватность условиям экономической открытости страны.

«Конкуренция» норм и правил общегосударственных и соседней приграничной страны почти всегда оказывалась в пользу последней по причине меньшей бюрократичности, прозрачности, способности раскрепостить в значительно большей степени энергию человеческой предприимчивости. Цена плохого федерального регламента проявлялась для приграничных территорий в быстром «вымывании» их мобильных активов высокого качества (человеческого, произведенного и природного капитала); значительной доле теневой экономики и нелегальных видов деятельности; и в целом в более редком, чем в остальных регионах России, появлении сильной региональной власти, склонной к самоограничению. Для федерального центра экономическим выражением этих издержек несовершенного законодательства была растущая трансфертная помощь приграничным территориям – более быстрая, чем в остальных регионах.

Именно здесь, на стыке регламентов, обнаруживаются неполнота, негибкость, неадекватность федеральных норм и правил. Неполнота федеральных правил лесопользования (неясность схем прав собственности, символическая попенная плата) приводят к сильнейшим искажениям в стимулах, когда поиск ренты в лесном промысле становится много интереснее, чем кропотливый «прозрачный» труд в сельском хозяйстве, что вызывает трансформацию взаимозаменяемых аграрных активов в лесные, стагнацию молочного животноводства и бурное развитие экспортоориентированных лесозаготовок, не оправданных ни экологически, ни бюджетно – агросектор дает эффект напрямую, лесная цепочка лишь в косвенном виде, в случае теневых операций практически ничего.

7. Федеральная собственность приграничных территорий

Для многих приграничных территорий Российской Федерации характерна одна и та же закономерность – абсолютное *доминирование федеральной собственности* среди государственной, незначительное развитие региональной собственности. Доминирующая федеральная собственность становится дополнительным источником транзакционных издержек, теневой экономики: собственность лишь юридически сохраняет свой государственный статус, а на деле используется ее менеджерами частным образом.

Данный феномен асимметрии юридического и фактического статуса федеральной собственности возникает всегда при условии ее длительной неподвижности, не введенности в хозяйственный оборот. Неподвижные права федеральной собственности даже в случае продолжения на этих предприятиях хозяйственной деятельности ведут к применению технологий с низкой долей основного капитала, мешают заключению долгосрочных соглашений, провоцируют хозяйствующих субъектов на поиск ренты в условиях отсутствия долгосрочных гарантий их прав.

Неподвижные права федеральной собственности даже в случае продолжения на этих предприятиях хозяйственной деятельности ведут к применению технологий с низкой долей основного капитала, мешают заключению долгосрочных соглашений, провоцируют хозяйствующих субъектов на поиск ренты в условиях отсутствия долгосрочных гарантий их прав.

8. Островное ЭГП и специфичность активов

Островное положение, изолированность (как фактор специфичности местоположения) вызывает интеграцию элементов системы жизнеобеспечения, которая отсутствует в других регионах. То есть по мере преодоления специфичности и роста освоенности необходимость и целесообразность такой интеграции пропадает. Не только естественная динамика природных активов, но и нарастание освоенности и узнаваемости, преодоление изолированности вызывает этот феномен ухода от централизованных суперструктур первого этапа, эффекта экономии на масштабе и размере операций, свойственных для островной экономики, экономических изолятов.

Семенов П.Е.

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Среди факторов, оказывающих наибольшее влияние на экономическое и социальное развитие регионов, городов особое место занимают их организационные управленческие структуры. Степень этого влияния весьма разная. Она непосредственно зависит от конкретных форм управления, которые функционируют на той или иной территории.

В современной истории развития народного хозяйства страны были периоды с преобладанием территориальных подходов в управлении регионами (например, двадцатые и пятидесятые – шестидесятые годы прошлого века, когда дважды в разные периоды функционировали территориальные совнархозы) и периоды с преобладанием преимущественно отраслевых подходов (например, тридцатые, сороковые годы и период после «хрущевских совнархозов»). Период становления рыночных отношений также характерен преобладанием в управлении территориальных хозяйственных структур при одновременной ликвидации многих министерств и ведомств.

Рассматривая различные аспекты регионального управления, следует особо подчеркнуть, что на уровне исполнительной и законодательной власти никогда не разрабатывалась и не внедрялась целостная система управления территориальным развитием, включающая в себя все основные уровни регионального управления государством – верхний, зональный, крупных экономических районов, субъектов Федерации и муниципальный уровень. Хотя бы в таком ключе, как это делалось в советский период по управлению отраслями, когда для каждой отрасли детально была проработана система управленческих звеньев – предприятия – объединения – тресты – главки – министерства и т.д. Отраслевая система управления разрабатывалась, обсуждалась, корректировалась в течение ряда лет. Этим были заняты сами министерства и ведомства, десятки научно-исследовательских и проектных институтов.

Система территориального управления всегда складывалась стихийно и, строго говоря, никогда в полном смысле этого слова таковой не являлась. Даже в те периоды, когда вопросы территориального управления оказывались в государственном масштабе первостепенными, форма территориального управления внедрялась без соответствующей подготовки. Так было всегда – и в советский период при образовании совнархозов в 50-ые – 60-ые годы прошлого столетия, и даже более сумбурно при переходе к управлению страной в разрезе субъектов Федерации в Ельцинский период.

Ради объективности следует отметить, что при переходе в 50-ые годы на управление промышленностью и строительством через совнархозы проводилось, хотя в значительной мере формально, общенародное обсуждение новой управленческой системы, то есть какая-то подготовка все-таки осуществлялась. Научными коллективами и отдельными учеными и специалистами был высказан ряд ценных предложений, которые могли бы резко повысить ее эффективность. В частности, предлагалось создавать совнархозы в разрезе крупных экономических регионов. С этой целью намечалось кардинально пересмотреть их территориальный состав. Однако эти предложения руководством страны не были приняты во внимание и совнархозы стали создаваться в разрезе союзных и автономных республик, краев и областей, т.е. на базе существовавшего тогда административно-территориального деления государства, которое, как известно, призвано решать другие задачи и не могло в должной мере отвечать запросам управления.

Почему так получилось? Потому что на первом месте был не поиск специальных эффективных форм территориального управления, а прежде всего решение других, в основном политических задач. Ставилась задача отстранить в буквальном смысле министерства от управления

(чего в полном объеме делать было нельзя, так как при этом отрасль как единое целое переставала функционировать, что особенно губительно сказалось на отраслевой технической политике), их руководителей переместить в совнархозы (подальше от Москвы) и «увязать» территориально «сетку» совнархозов с территориальными партийными органами первого и второго уровней – республик, краев и областей (этого тоже не следовало бы делать, поскольку уже назревала задача отхода партийных структур от чисто хозяйственных функций).

В результате перечень и территориальный состав совнархозов оказался настолько неудачным, что их сразу же пришлось пересматривать. Первоначально было создано 105 совнархозов, а затем осталось всего 47, т.е. произошло их существенное укрупнение. Если этот процесс, хотя и противоречиво, но в целом шел в правильном направлении, то другой процесс, связанный с уточнением производственного состава совнархозов (который с самого начала решался неудовлетворительно, поскольку совнархозы не являлись комплексными образованиями и включали лишь отдельные отрасли хозяйства – крупную промышленность и строительство) пошел по крайне неэффективному руслу: к промышленности и строительству не только не стали добавлять другие отрасли народного хозяйства, а, наоборот, даже строительство изымали из состава совнархозов. Поскольку по отраслевому аспекту не было найдено удовлетворительного решения (создание отраслевых комитетов без управленческих функций не улучшило положение дел с проведением отраслевой технической политики) и непродуманная замена ведомственного подхода территориальным привела не только к потере отраслевого аспекта, но еще и к появлению местных издержек, то пришлось совнархозы ликвидировать и в стране было восстановлено отраслевое управление с его плюсами и минусами, хотя к этому времени наука уже располагала методами и формами эффективного сочетания отраслевого и территориального аспектов в управлении хозяйством страны.

Конечно, немалую роль в этом управленческом зигзаге – отраслевое – территориальное и опять отраслевое управление – сыграли политические коллизии: в первом случае надо было устранить министерскую элиту, а во втором, в связи с уходом Хрущева Н.С. от руководства страной, министерская элита не упустила шанс вернуться к управленческим рычагам. И мало кто, кроме ученых, озаботился поиском действительно эффективных форм сочетания отраслевых и территориальных форм управления.

Так же, как было уже отмечено, еще менее продуманно произошел переход от отраслевого управления к управлению через субъекты Федерации в Ельцинский период. Политика и в этом случае превалировала над здравым смыслом. Сейчас стало ясно, что управление территориальным развитием через 89 субъектов Федерации требует коренной модернизации. Первые шаги в этом направлении уже сделаны – образованы Федеральные округа, идет подготовка к объединению ряда автономных округов с субъектами Федерации в пределах административных единиц, в которые входят и те и другие.

Однако опять все делается не на основе специальных системных проработок, а попутно с решением других задач. Федеральные округа, как известно, образованы, прежде всего, для укрепления вертикали власти, а объединение автономных округов с областями решает в основном финансовую проблему или округов, или областей.

Создание эффективной системы управления региональным развитием задача архисложная. Необходимо обосновать целую систему территориальных форм управления на уровне государства, территориальных зон, крупных экономических районов, субъектов Федерации, муниципальных образований с целью корректной замены громоздкой системы территориального управления по сегодняшним административно-территориальным единицам, одновременно проведя эффективное разделение исполнительных и законодательных полномочий между разными уровнями органов власти.

Проделать столь большую и сложную работу в короткий срок фундаментально нельзя. Страны, которые такой путь прошли или проходят, затратили на это много времени. Например, в Польше, которая несравнима с Россией по экономическим и территориальным параметрам, на такую работу затрачено несколько лет и было проработано 7 различных вариантов по территориальному управлению.

Поэтому на переходном этапе придется для территориального управления приспособлять и использовать те формы, которые уже созданы для других целей, но в состоянии хотя бы частично решать и названную задачу.

Но приспособивая существующие территориальные звенья для решения вопросов регионального управления, необходимо в общем плане иметь представление о стратегии решения этого вопроса в системном виде.

Какими же органами и возможностями мы располагаем для решения территориальных управленческих задач в настоящее время?

Роль федеральных структур и форм в региональном управлении

Многие вопросы управления регионами решаются в России, как и в других странах с федеральным устройством, на государственном уровне. Но у нас в стране нет ни одного федерального органа управления, который бы только этим и занимался. Указанные функции рассредоточены между различными исполнительными и законодательными органами. Такими исполнительными структурами в разное время являлись (некоторые из них и сейчас функционируют) Министерство экономического развития и торговли, Министерство финансов, Министерство по делам национальностей и федеративным отношениям, Министерство региональной политики, Министерство национальной политики, Министерство природных ресурсов, Министерство труда и социального развития, Государственный комитет Российской Федерации по управлению государственным имуществом, Государственный комитет Российской Федерации по жилищной и строительной политике, Государственный комитет по вопросам развития Севера и др. Имеются подобные структуры и в аппарате Правительства Российской Федерации.

В Федеральном Собрании имеются специальные комитеты по региональным вопросам и в верхней (в Совете Федерации), и в нижней палате (в Государственной Думе). Всего таких комитетов в Парламенте шесть – два комитета в Совете Федерации (комитет по делам Федерации, Федеративному договору и региональной политике и комитет по делам Севера и малочисленных народов) и четыре в Государственной Думе (комитет по делам Федерации и региональной политике, комитет по вопросам местного самоуправления, комитет по делам национальностей и комитет по проблемам Севера и Дальнего Востока).

По существу, продолжением центральной власти в регионах являются аппараты полномочных представителей Президента России в семи федеральных округах.

Таким образом, роль федеральных структур России в территориальном развитии – минимальная. Со стороны центральной власти даже не делается заметных шагов в целях изменения этой ситуации в лучшую сторону. Больше того, при очередной реорганизации федеральных структур этот аспект управления, как правило, несет наибольшие потери. Как уже отмечалось, в свое время были упразднены Министерство Федерации, Миннац, Минрегионы, Госкомсевер.

Конечно, качество их работы было низким, но вместо поднятия профессионального уровня этих структур, они были вообще ликвидированы. В то же время в странах меньших по масштабу, таких как Германия, Франция, Алжир, Канада имеются специальные ведомства, занимающиеся территориальным развитием. Например, в Алжире функционирует Министерство территориального устройства.

Управление макрореонами, крупными экономическими районами и федеральными округами.

В годы становления рыночной экономики был сделан односторонний, неоправданно большой крен в сторону первичного управленческого звена – субъектов Федерации – с почти полным игнорированием более крупных территориальных структур. В силу ряда причин, в том числе и многочисленности субъектов Федерации, ни к чему хорошему это в территориальном управлении не привело.

В последнее время в связи с созданием федеральных округов положение стало меняться к лучшему. Необходимо подчеркнуть, что федеральные округа с точки зрения координирующих управленческих функций имеют известную преемственность по отношению к крупным экономическим районам и региональным ассоциациям. В их территориальных очертаниях в целом легко просматриваются конкретные крупные экономические районы. В отдельных случаях имеется полное совпадение границ округов и районов (Дальневосточного и Южного округов с Дальневосточным и Северо-Кавказским регионами) или совпадение границ двух районов с отдельным округом (Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского регионов с Сибирским округом)

Еще большее сходство в территориальном составе и границах федеральных округов имеется с территориальными ареалами ассоциаций межрегионального взаимодействия, о чем наглядно свидетельствует количество первых – 7 и вторых – 8.

Как известно, в каждом федеральном округе создан аппарат уполномоченного представителя Президента, причем немалый, достигающий нескольких сотен человек, фактически часть федеральных структур перемещается из Центра в регионы.

В каждом субъекте Федерации до образования округов уже имелось множество федеральных структур и представительств – от 40 до 60, где и по сей день занято большое количество работников. Их общая численность порой в несколько раз превышает общую численность администраций некоторых субъектов Федерации. Эти структуры являются важной опорой на местах для окружных структур управления.

Однако управленческие функции округов в принципе должны отличаться от аналогичных функций субъектов Федерации. Роль федеральных округов будет неизбежно повышаться по мере создания в округах представительств и служб других министерств и ведомств и ликвидации аналогичных структур в субъектах Федерации.

Повышению управленческого статуса федеральных округов способствует функционирование в их центрах зональных федеральных структур, например, управлений железных дорог, а также создание зональных управлений МВД, ФСБ, МИД и других федеральных структур.

Со временем за федеральными округами, видимо, закрепится не только разработка и реализация комплексных региональных программ, но и комплексных прогнозов социально-экономического развития, подготовка предложений по приватизации, налогообложению, ценообразованию. Они будут определять и перераспределять бюджетные средства поддержки регионов, дотации административно-территориальным образованиям и решение других финансовых вопросов.

Таким образом, по среднему звену управления территориальным развитием – крупным экономическим районом, можно сказать, намечаются позитивные сдвиги, при условии дальнейшего уточнения функций администраций федеральных округов и уточнении территориального состава последних.

Организационные структуры и формы управления в субъектах Российской Федерации.

Наихудшее положение дел с модернизацией территориального управления по самой реальной управленческой структуре – субъектам Федерации. Здесь вообще не просматривается типовой алгоритм управления. Это связано с рядом причин.

Во-первых, рассматриваемое звено неоправданно с точки зрения управления многоступенчатое, функционирует шесть ступеней самого разного иерархического уровня:

1. республики
2. края
3. области
4. автономная область
5. автономные округа
6. города федерального значения.

Создать типовую управленческую структуру для них в принципе невозможно.

Вторая причина. В конституции России не определен реальный статус республик, краев, областей, автономной области и автономных округов. Формально они имеют одинаковый статус – субъект Федерации, а фактически их статус разный и по налогообложению, и по юридическим правам (у одних действуют Конституции, у других Уставы и т.д.)

Третья причина. Федеративный договор, который является вторым по значимости после Конституции документом, по разному определяет статус субъектов Федерации.

Четвертая причина. Одни субъекты Федерации (40) свои отношения строили с центром по специальным договорам, вторые без них. Сейчас эти договора упразднили. Но на их базе созданы управленческие структуры, которые простым росчерком пера изменить нельзя.

Пятая причина. Огромная разница в экономических параметрах субъектов Федерации. Одно дело Москва, Красноярский край и другое дело Корякский автономный округ.

Поэтому выработать предложения по модернизации управленческих структур нынешних субъектов Федерации крайне сложно, да и нужно ли модернизировать то, что подлежит коренной реконструкции. Скажем, потеря статуса субъектов Федерации национальными автономиями, что фактически является предрешенным делом, количество иерархических ступеней субъектов Федерации сокращает с 6 до 4, а общее число субъектов уменьшается на 11. Объединение маломощных субъектов с более крупными может их общее количество сократить в 2-3 раза. При таком развитии событий станет эффективной и работа по модернизации типовой структуры управления субъектами Федерации.

Такие же принципиальные решения в увязке с совершенствованием перечня и территориального состава субъектов Федерации необходимо принимать и по муниципальным образованиям. Здесь разноречивой в их иерархии еще больший.

Федеральные целевые программы развития регионов.

Одно время казалось, что важным звеном в управлении территориальным развитием станут дирекции по реализации федеральных целевых программ развития регионов. Как будто все шло к этому. Региональные целевые программы, утвержденные в Правительстве, охватывают более половины субъектов Федерации. Практически во всех остальных субъектах были созданы и утверждены программы местного значения, те и другие программы охватывают все социальное и экономическое развитие регионов. Создание исполнительных органов – дирекций предусмотрено и в Порядке разработки и реализации Программ. Дирекции были созданы во многих субъектах Федерации, некоторые из них возглавлялись заместителями Председателей Правительства (или заместителями глав администраций).

Однако затем этот процесс по разным причинам застопорился. Первая причина. Систематически стал уменьшаться объем финансирования программ из федерального бюджета и сокращаться число программ, включаемых для финансирования из федерального бюджета. Из примерно 50 утвержденных Правительством программ в федеральный бюджет на 2003 г. включено всего 8.

Правительство стало сдерживать разработку новых региональных программ, да и местные органы начали терять интерес к ним из-за малых объемов финансирования.

Вторая причина. Центральные органы резко понизили статус программ. По новому Порядку все односубъектные программы теперь утверждаются местной властью.

Третья причина. Создание дирекций по многосубъектным программам оказалось крайне сложным делом из-за того, что эта процедура нечетко прописана в Порядке разработки и реализации программ и по этой причине для образования исполнительного органа необходимо специальное решение федерального Правительства.

Все это привело к тому, что роль дирекций, как управленческих звеньев в территориальном развитии, резко сократилась.

Свободные экономические зоны.

Особой формой управления как отдельными регионами, так и небольшими территориями являются свободные экономические зоны. Эта форма возникла в России одновременно с развитием рыночных отношений. Первоначально она была призвана решать три основные задачи: ускоренно накапливать опыт рыночных преобразований с целью его распространения на другие регионы страны; способствовать развитию внешнеторговых связей; стимулировать развитие производительных сил региона, т.е. той территории, на которой создаются экономические зоны.

Первые две задачи по мере укоренного развития рыночных отношений во всех регионах страны и появления возможностей у предприятий, субъектов Федерации, министерств и ведомств самостоятельно осуществлять торговые операции на внешнем рынке потеряли до некоторой степени свою первоначальную актуальность. Что касается решения третьей задачи – стимулирования экономического развития регионов, то она стала еще более актуальной. Это связано с тем, что экономическое положение многих регионов за годы рыночных реформ намного ухудшилось и новые стимулы и формы их вывода из кризисного состояния оказались крайне необходимыми.

Более того, мировой опыт функционирования подобных зон, особенно в Китае, показал, что эта форма развития и управления конкретным хозяйственным ареалом располагает большими потенциальными возможностями не только для роста благополучия данного региона, но для развития сопредельных территорий. Однако, тот же опыт убедительно свидетельствует, что для успешного решения этой задачи необходим немалый первоначальный капитал, прежде всего для создания производственной, социальной и рыночной инфраструктуры, которая, как правило, в кризисных регионах мало развита или практически отсутствует. А без этого частный инвестор обычно не вкладывает свой капитал и в развитие реального сектора СЭЗ, и тем более в развитие инфраструктуры. Считается, что решение последней задачи дело государства и заинтересованных регионов. Поэтому ощутимые экономические результаты от развития СЭЗ, например, в Китае, были получены лишь спустя почти 20 лет.

Указанные трудности, а также ошибки при создании СЭЗ в основном вызваны следующими причинами. Первоначально скоропалительно принимались решения на уровне государства о создании СЭЗ не только на небольших территориях, зачастую в них включались огромные территории, вплоть до крупных субъектов Российской Федерации, например таковой была объявлена целиком Читинская область, по площади превышающая Великобританию в 1,8 раза. Это свидетельствовало, с одной стороны, об элементарном экономическом невежестве, а с другой – отдавало неприкрытым популизмом.

В результате в России до сих пор функционируют преимущественно простейшие разновидности экономических зон и нет ни одной полноправной СЭЗ типа китайских.

Эффективность функционирования СЭЗ во многом определяется формой управления ими, важной частью которой является особый порядок осуществления хозяйственной деятельности. Существенный, если не главенствующий его элемент - предоставление льгот - налоговых, валютных, банковских, экспортно-импортных и других, создающие условия функционирования предприятий в целом. Таким образом, эффективное управление развитием зоны во многом зависит от тех экономических преимуществ, которые изначально получают эти территории в соответствии с российским, а также местным законодательством.

Важнейшими элементами управления развитием СЭЗ являются акционерные общества, советы зон, залогово-страховые и инвестиционные фонды, центральные банки и другие важные элементы региональной и правовой сферы. Именно их наличие и является важной основой для эффективной реализации программы СЭЗ, чего часто недостает для успешного претворения в жизнь других территориальных программ.

В заключении своего сообщения хотел бы отметить следующее. На наш взгляд, нет особой необходимости доказывать, что нельзя через разрозненные звенья и структуры, не приспособленные в полной мере для реализации управленческих функций, достичь эффективного управления социально-экономическим развитием регионов. Но, естественно, возникает другой вопрос, а можно ли в принципе создать и реализовать такую систему территориальных управленческих звеньев. На первую часть вопроса, видимо, необходимо ответить полностью утвердительно, т.е. создать такую систему можно. А на вторую половину вопроса ответить непросто, поскольку в полном объеме реализовать даже самую совершенную систему управления вряд ли возможно.

Такое положение с реализацией территориального управления связано с принципиальными особенностями управленческого процесса. Дело в том, что управление это не чисто экономическая категория, когда факторы выгоды являются главными. В управлении задействовано много политических и идеологических аспектов. Например, переизбраны Президент страны, губернаторы, пришли новые люди во все управленческие звенья. Это обязательно скажется на трансформации и самих звеньев территориального управления и особенно на их функциях. В ряде случаев смена кадрового состава может сказаться положительно, в других случаях отрицательно на эффективности территориального управления. Возражать против внесения корректив в рассматриваемый процесс нельзя, поскольку в предвыборных платформах предложения по модернизации управления могут присутствовать и быть одобрены избирателями.

Тогда возникает другой вопрос, а нужно ли тратить большие усилия на разработку эффективных форм управления территориальным развитием, если эти формы всегда будут подвержены изменениям. На этот вопрос следует ответить только положительно. При наличии экономически обоснованных, практикой апробированных и законодательно, хотя бы в модельных законах, закрепленных управленческих структур масштаб отклонений от найденных форм будет минимальным. Во всяком случае мы избежим, попросту говоря, различных «шараханий» в этом процессе в связи с периодически приходом во власть новых людей и будет при этом идти постоянное закрепление оправдавших себя на практике территориальных структур управления.

Макар С.В.

РЕГИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ УРБАНИЗИРОВАННЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ: ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ

Конфликтные ситуации являются индикатором эффективности функционирования хозяйственного комплекса региона.

Как очевидно, любой вид и любая форма хозяйственной деятельности имеют основу (базис) своего размещения - участок территории, который характеризуется определенными свойствами (физическими, позиционными, функциональными).

В этой связи территориальные ресурсы выступают фактором, ограничивающим *экстенсивное* развитие хозяйства. Особенно очевидно это обстоятельство в густонаселенных, высокоурбанизированных и староосвоенных регионах.

Кроме того необходимо учесть также следующие обстоятельства:

1. *ограниченность* участков территории с относительно благоприятными свойствами (физическими и позиционными) для определенных видов деятельности (эффективное сельскохозяйственное производство, селитьба и др), что обуславливает конкуренцию между различными видами использования;
2. функциональные свойства «соседних» *территорий* следует рассматривать как свойство данного места (территории);
3. концентрация хозяйственных объектов (территориальных структур) имеет определенный предел; то есть *интенсификация* использования территории как ресурса ограничена величиной хозяйственной емкости, превышение которой ведет к деградации ее как ресурса.

С экономико-географической точки зрения процессу оптимизации использования территории как ресурса должен предшествовать процесс ее комплексной оценки.

Комплексная оценка территории включает ее функциональное зонирование, которое следует рассматривать как особый вид моделирования. Опираясь на теорию организации, можно выделить не только оптимальный вариант использования каждой территориальной единицы, но и такого территориального сочетания функциональных зон, которое способствует наиболее эффективному и безконфликтному функционированию всей территориальной системы.

Функциональное зонирование является исходной базой для выделения и анализа территориальных конфликтных ситуаций.

Особую значимость имеет выделение и анализ конфликтных ситуаций для урбанизированных, в том числе пригородных территорий.

Экономико-географическая оценка функционально-территориальной структуры пригородной территории базируется на анализе влияния факторов и условий, которые можно сгруппировать следующим образом:

1. особенности экономико-географического положения;
2. природно-географические
3. исторические и социо-культурные
4. демографические
5. производственно-экономические
6. правовые.

Следует отметить, что в настоящее время наблюдается тенденция к отходу от жесткого функционального зонирования пригородной территории в пользу ее многофункционального использования, что заставляет действовать не самым оптимальным образом с точки зрения ее природных особенностей.

Особенности использования пригородной территории позволяют выделить конфликтные ситуации следующих типов.

1. Претензионные конфликтные ситуации (ПКС), которые возникают в результате взаимных претензий на территорию различных землепользователей.

2. Экологические конфликтные ситуации (ЭКС), возникающие в результате превышения предельно допустимой нагрузки на природную среду. В данном случае возможно выделение дополнительно двух видов конфликтных ситуаций:

А. экзогенные экологические конфликтные ситуации, возникающие в результате создания критических экологических условий на данной или соседней территории (в частности, условия техногенного загрязнения в опасных дозах);

Б. эндогенные экологические конфликтные ситуации, возникающие в результате функциональной насыщенности территории в сочетании с высокой интенсивностью ее использования, что становится причиной превышения предельно допустимой нагрузки на территорию и ведет к ее постепенной деградации как ресурса.

Последствия проявления основных типов конфликтности могут быть представлены в виде нескольких случаев. В частности, это отказ от претензий на территорию вследствие экологической опасности ее использования. Ослабление (смягчение) претензионного конфликта, в связи с частичным отказом от претензий на территорию в силу негативности экологических условий для определенных видов деятельности.

Особенность последних двух вариантов «конфликтности» состоит в том, что экологические условия играют решающую роль в территориальном споре, поскольку корректируют «уживаемость» функций, выполняемых территорией, исходя из самой возможности их существования или же относительной эффективности развития.

Целесообразно рассматривать функциональные сочетания и выполнять группировку отдельных территориальных структур по числу выполняемых функций. Это позволяет выявить потенциально возможные территориальные конфликты, а также выделить «активных» и «пассивных» претендентов на территорию в каждом конкретном случае конфликтности и тем самым наметить выход из конфликтной ситуации через изучение экономического, социального, правового, а также экологического аспектов разрешения конфликта.

Рассмотрим проявления различных типов «конфликтности» в границах пригородной территории г. Воронежа.

Особенности функционального использования пригородной территории состоят в следующем:

1. доля интенсивно используемых территорий (выполняющих селитебную, транспортную, промышленную функции) в территориальном балансе пригорода составляет в среднем 4,44%; наибольшей «застроенностью» выделяется юго-юго-восточный сектор;
2. интенсивность использования территории снижается по мере удаления от городской черты (особенно резко в восточном и западном секторах); уплотнение и наложение функций происходит в непосредственной близости от города-ядра;
3. отмечается безусловное преимущество сельскохозяйственных территорий в общем территориальном балансе пригородного региона; наличие сельскохозяйственного вида использования в каждом типе функционального сочетания; различия в степени эффективности сельскохозяйственного производства довольно существенны (высокий уровень рентабельности хозяйств характерен для хозяйств ближайшего окружения в северном, восточном, юго-восточном и южном секторах);
4. на основании уже достигнутой экономической насыщенности территории в западном секторе (Семилюкский район), а также в связи с имеющимися резервами в использовании территории в восточном секторе (Новоусманский район) намечается определенная предрасположенность к появлению здесь конфликтных ситуаций;
5. исторически сложившиеся зоны рекреации приурочены в основном к северному и северо-восточному секторам пригородной территории, а также периферии юго-восточного сектора; сохранение здесь эстетического облика территории требует консервации наиболее ценных пригодных и культурных ландшафтов, а именно, создание малых заповедников; новой формой рекреационного использования пригородной территории становятся ландшафтно-рекреационные парки «Северный» и «Донское Белогорье» (северный и юго-юго-восточный сектор).

Анализ функциональной дифференциации пригородной территории Воронежа позволил выявить (рис. 1):

- * участки моно- и полифункционального использования;
- * типы функционального использования территории на основе сочетаний функций, выполняемых территорией;
- * особенности размещения функциональных сочетаний.

Изменение экологических условий под влиянием процессов урбанизации и интенсификации хозяйственного использования территории выражаются в ухудшении санитарно-гигиенических характеристик воздушной среды, нарушении структуры почв, изменении химического состава подземных вод, создании зон специального назначения, деградации лесопокровных и рекреационных территорий, снижении продуктивности сельскохозяйственных угодий. Особым препятствием для осуществления всех видов деятельности стал фактор радиационной обстановки.

Анализ сложившейся функциональной организации пригородной территории позволил локализовать территориальные конфликты на основе характера функциональной насыщенности территории и степени интенсивности развития функциональных процессов с учетом экологического императива (табл. 2).

В данном примере два основных типа «конфликтности» могут иметь несколько вариантов проявления:

- 1) преимущественная детерминация ПКС;
- 2) детерминация ЭКС первого вида;
- 3) определяющее значение ЭКС второго вида, появление эффекта обратной связи: ЭКС-2 $\Rightarrow$ П*КС $\Rightarrow$ Э*КС $\Rightarrow$ П**КС...;
- 4) отказ от претензий на территорию: ПКС + (ЭКС-1) $\Rightarrow$ ЭКС-1;
- 5) ослабление претензионного конфликта в связи с частичным отказом от претензий на территорию в силу негативности экологических условий для определенных видов деятельности: ПКС + (ЭКС-2) $\Rightarrow$ П*КС, где П* < П.

Следует назвать ряд основных причин, обусловивших появление территориальных конфликтных ситуаций в пригородной территории Воронежа:

- * дефицит водных ресурсов;
- * отсутствие топливно-энергетических ресурсов и необходимость развития атомной энергетики;
- * снижение качества плодородного слоя черноземных почв; высокие темпы выбытия из сельскохозяйственного оборота черноземов в связи с интенсивными эрозионными процессами, а также отчуждением территорий под промышленное, селитебное, транспортное строительство; низкий уровень использования огромных масс черноземов, снимаемых и складываемых в зонах действующих карьеров;
- * концентрация промышленного производства в г. Воронеже;
- * миграционный приток населения в связи с новыми национальными отношениями;
- * рост рекреационного спроса;
- * сложная экологическая ситуация в районных центрах Семилуки и Лиски;
- * последствия аварии на Чернобыльской АЭС (1986 г.);
- * последствия процессов химизации сельского хозяйства.

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Экономико-географическая оценка природной территории как специфического ресурса должна исходить из комплексного изучения всех функций, базирующегося на анализе влияния природных, исторических, экономических, социально-демографических факторов и условий развития территории, а также анализа территориальных конфликтных ситуаций, возникающих в результате многоцелевого использования территории.

2. Предлагаемая типология конфликтных ситуаций вскрывает причины и следствия их возникновения и, тем самым, является основой для их разрешения или смягчения.

3. Функциональная типология пригородной территории Воронежа позволяет определить проблемные ареалы на основе двух критериев: претензий на территорию и оценки экологических условий.

4. Для пригородной территории Воронежа, в целом характеризующийся высокой антропогенной нагрузкой и сложной экологической ситуацией, проявление претензионных конфликтных ситуаций, как правило, происходит на фоне нестабильности экологических условий, что предполагает учет их влияния в каждом конкретном конфликтном случае. При этом экологическая составляющая может являться как основным, так и дополнительным ограничителем территориального спора (претензий на территорию).

5. На основании анализа территориальной и функциональной структуры пригородной территории Воронежа разработаны экономико-географические рекомендации по рациональному использованию пригородной территории с учетом:

- приоритетности селитебной и рекреационной функций;
- сложившихся процессов отрицательной поляризации (в связи с ростом города-ядра пригородная территория будет отдавать ему часть населения и территории) и статической поляризации (развитие городом сложившихся исторически функций пригородной территории - сельскохозяйственной);
- роста г. Воронежа, что потребует «улучшения» некоторых функций его пригородной территории (селитебной, транспортной, рекреационной) и будет сопровождаться трансформацией (структурной и территориальной) сложившихся функциональных типов;
- преодоления негативных сторон формирования Воронежской крупногородской агломерации (разрастание города-ядра, экологический дискомфорт, деградация рекреационного ландшафтов; сокращение высокопродуктивных сельскохозяйственных угодий и т.д.);
- наличия предпосылок создания технополиса, что усложнит функционально-территориальную структуру пригородной территории.

1. Основная тенденция перераспределения территории между различными видами деятельности заключается в постепенном увеличении несельскохозяйственных территорий, что в ряде случаев не связано с необходимостью расширения сельскохозяйственного использования территории. Сельскохозяйственная функция - традиционно ведущая для Черноземного центра России и в пределах пригородной территории Воронежа она, по-прежнему, сохранит свое значение. Однако ее приоритетность должна осуществляться за счет специфических форм и направлений развития. Одним из них является свеклосеяние и свеклопереработка, создающие базу для свиноводческой специализации пригородных хозяйств.

2. Сохранение эстетического облика пригородной территории диктует необходимость консервации наиболее ценных природных и культурных ландшафтов и установление режимов природных парков.

3. Методика выделения конфликтных ситуаций может стать основой для определения допустимых хозяйственных нагрузок на территорию, что дает дополнительную возможность более рационального «конструирования» ее функциональной структуры. При этом учет изменяющихся потребностей регионального развития, некоторая инерционность развития территориальных структур, изучение потенциальных возможностей развития территории (позиционных свойств) нацелен на совершенствование ее функциональной дифференциации.

В целом предлагаемый методический подход выделения территориальных конфликтных ситуаций, их разрешение или просто смягчение является составной частью решения проблемы рационального управления территориальными ресурсами.

Гольц Г.А., Гольц Г.Г.

РОЛЬ ДОЛГОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ РЯДОВ В МЕТОДАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ: ТРАНСПОРТ, ЭКОНОМИКА, ДЕМОГРАФИЯ¹

1. Исходные положения и цель работы

Главная проблема в прогнозировании социально-экономических процессов состоит в необходимости создания научной базы для совмещения, органического единства исследовательского (поискового, генетического) с так называемым стратегическим или сценарным подходами. Сюда же относятся вопросы о стратегических планах.

Выдвинутый впервые в мире в середине 20-х гг. в советской экономической литературе принцип генетического подхода к прогнозу и его совмещению с конкретным годовым, пятилетним и перспективным планированием был официально отвергнут, а его авторы поплатились жизнью. Почему, спрашивается, так ненавистна была в советское время идея трансляции количественных исторических закономерностей на перспективу. Дело в том, что в то время утвердилась парадигма полной управляемости социально-экономическими процессами. В таком подходе естественно не было места самоорганизации, самоуправлению, самодвижению. Отсюда не было места сначала генетическому прогнозу, а в последующем и кибернетике в социальной области.

Только с 70-х гг. начинается осознание необходимости учета сложного взаимодействия разных социально-экономических процессов для целей предвидения, учета таким образом централизованно неуправляемой самоорганизующейся компоненты. Уже в середине 60-х гг. была обнаружена константа пространственной самоорганизации населения. Сейчас арсенал такого типа примерных констант и устойчивых динамических закономерностей в социально-экономической области расширен. Возникает проблема обобщения наработанных результатов на мировоззренческом и операциональном уровнях, как на федеральном, так и на региональном территориальных масштабах. В области идеологического оснащения такого типа возможного обобщения значительную помощь может оказать бурно развивающийся в настоящее время новое направление в социальных науках – социосинергетика.

Цель работы – показать на отдельных представительных примерах из разных областей социально-экономического развития России в целом наличие константных уровней и ярко выраженных устойчивых динамических закономерностей, которые можно использовать в прогнозировании и планировании.

2. Введение в историческую социосинергетику

Общие положения. Проведенный анализ состояния проблемы обработки временных рядов для целей прогнозирования показал, что существует два основных направления в этой области: а) различные методы обработки временных рядов типа трендовых моделей с анализом отклонений от этих трендов включая спектрально-временной анализ для выявления гармонической компоненты; б) многофакторный математико-статистический анализ таких рядов. Первое направление получило

¹ При поддержке РГНФ, грант №03-02-00253а

исключительное развитие и имеет глубокое формальное теоретическое основание. Второе направление слабо развито, но как показывает практика, оно в наибольшей степени может помочь в текущих задачах прогнозирования, планирования и управления. Научная проблема в рассматриваемой области состоит по существу в необходимости органического соединения первого и второго направлений.

Новое научное направление – синергетика возникла в конце 60-х гг. Оно показало свои возможности при изучении нелинейных самоорганизующихся процессов. Основные интенции этого направления заключаются в проникновении в разные отрасли знания. В последнее время усилилось его наступление на гуманитарные и экономические области. Тем не менее нам пока не известны принципиально новые результаты в этих областях знания, полученные с помощью синергетической методологии. Видимо это связано с неадекватностью общественных и естественнонаучных процессов, на которых и апробировалась ранее эта методология.

Изучая длинные многофакторные ряды показателей общественной жизни можно уверенно утверждать, что в социальных процессах в отличие от физических, химических, биологических отсутствуют ярко выраженные феномены бифуркаций, ибо социально-демографическая структура населения, а также и социальная структура общества исключительно инерционны. Поэтому «раздвоение» траекторий и фазовые переходы к социальным явлениям едва ли применимы. А хаотические состояния возникают главным образом не в предметной части, а в умах и настроениях людей.

Наиболее существенными динамическими феноменами в социуме являются подвижки в структурах: социально-экономические; социально-демографические; социально-пространственные. Но эти структурные изменения происходят не мгновенно, по типу фазовых переходов, а достаточно распределены во времени.

Исследования динамических закономерностей взаимосвязи разных структур общественного развития выявили, что действительно как, в стандартной синергетике, и в социальных процессах существуют некоторые аттракторы – константы и устойчивые соотношения, которые как бы организуют динамические траектории развития разных подсистем общества. Поэтому наиболее обнадеживающим путем обнаружения таких долговременных аттракторов является исторический мониторинг динамики соответствующих показателей. Тогда такой путь исследования общественных процессов получает естественное название – историческая социосинергетика.

Если обозреть прежние философские воззрения и доктрины в области общественных процессов, можно показать, что современные синергетические идеи вырастают не на пустом месте:

- в рамках философии давно и последовательно стали развиваться концепции организменного мировоззрения, ставшего основой рождения сначала кибернетики, а затем синергетики;

- физико-математические науки и вообще естествознание были по существу лишь вторыми после обществоведения, которые, восприняв эти идеи, создали такой могучий взрыв формализованного научного знания, который заслонил сейчас от наших современников истинные корни социальной сущности кибернетики и синергетики;

- возвращение к подлинному философскому освоению общественной сущности этих направлений, наполнение их потенциями решения конкретных задач социальной, экономической, политической, экологической деятельности ставит сейчас перед социосинергетикой сверхзадачу обогащения ее содержания найденными предметными закономерностями, отношениями и даже константами; именно такой этап прошли в свое время физика, химия, биология, чтобы воплотить свое фундаментальное знание в окружающем сейчас нас предметном мире;

- видимо, наиболее плодотворным на этом пути было бы развитие исторической социосинергетики, которая на базе интегрированного на количественной основе общественного, исторического знания могла бы реально выявить на длинных многофакторных динамических рядах так не хватающих сейчас научно обоснованных диапазонов, в которых принципиально возможно находить необходимые хозяйственные и политические решения, совмещающие знание закономерностей самоорганизации и целенаправленного управления общественными процессами.

3. Некоторые устойчивые динамические закономерности и константы

Транспорт и макроэкономика России за три века. Из всех макроэкономических показателей рассмотрим здесь один: валовой внутренний продукт. Он является интегральным показателем, отражающим эффективность функционирования всей экономики и социума. Восстановление размера и структуры этого показателя за прошедшие периоды наталкивается на статистические и методические трудности, которые преодолеть методами прямого счета по исходным элементам не представляется возможным из-за отсутствия необходимой информации.

Идея косвенной реконструкции состоит в том, чтобы найти такие факторы, которые по исходному статистическому учету были слабо зависимы от ВВП. Но вместе с тем такого типа факторы должны быть содержательно связаны с ВВП. Наша гипотеза состояла в том, что все происходящее в экономике и социуме так или иначе в конечном счете попадает на транспорт в виде вполне реальных и достаточно хорошо учитываемых перевозок грузов и пассажиров в городском, пригородном и дальнем сообщениях на всех видах транспорта.

По многочисленным исследованиям отечественных и зарубежных авторов был сначала восстановлен динамический ряд индекса цен отдельно по сельскохозяйственным, промышленным товарам и сводный с учетом удельного веса этих производств. Кроме того, на той же базе был восстановлен индекс цен для ВВП (или как принято сейчас называть дифлятор ВВП). Такой индекс отличается от первых трех за счет того, что включает чистую продукцию не только сельского хозяйства, промышленности, а еще и транспорта, строительства, торговли и услуг. Индексы цен были необходимы, чтобы различные оценки многих авторов за анализируемый продолжительный период привести в сопоставимый вид, который в конечном счете характеризует покупательную способность рубля в неизменных и сопоставимых ценах. Имея необходимые индексы, было возможно по разным оценкам реконструировать абсолютные величины ВВП в едином масштабе динамически изменяющихся цен.¹

Естественно, что при таком подходе получились не сплошные, а "рванные" динамические ряды. Кроме того за весь период от 1928 по 1990 годы советская официальная статистика давала существенно завышенные темпы роста ВВП, причем в разы. Поэтому так был необходим косвенный метод определения этого главного показателя экономики страны. Хотя к настоящему времени накопилось много альтернативных оценок ВВП разных авторов, но не было объективного сравнительного критерия их адекватности.

Идея о связи главных макроэкономических показателей с работой транспорта высказывалась и ранее. В отечественной литературе в явном виде со второй половины 20-х годов. Однако до сих пор анализировалась только парная связь: объем перевозок грузов и ВВП (ранее учитывалась его часть называемая народным доходом). Кроме того, явно искаженная и фальсифицированная в политических целях информация по ВВП за советский период принципиально не могла адекватно отражать эту связь в количественном измерении.

Ранее было проведено исследование динамики основных абсолютных и относительных показателей развития транспорта России (в границах на соответствующую дату - Российская империя, СССР) с 1865 по 1975 годы отдельно в городском, пригородном и дальнем сообщениях по грузовым и пассажирским перевозкам /1/. Теперь, имея "рванные" ряды по ВВП можно было сопоставить эти ряды со сплошными по транспортным показателям, которые были получены путем расширения поиска на 18 и первую половину 19 в. В результате последовательных попыток было выявлено, что хорошее согласие между транспортом и ВВП получается при введении всего двух факторов: объема перевозок грузов и скорости их доставки.

Расчетная формула была получена сначала как эмпирическая в виде:

$$Q/D = 5.8V^{0.7866}, \quad (1)$$

где:

Q - объем перевозок грузов в дальнем (магистральном) сообщении (на магистрали в соответствии с логнормальным распределением перевозок по дальности попадает в настоящее время приблизительно 0,1 от объема внутригородских и местных перевозок; это доля зависит от скорости доставки и в начале 18 в. она была для гужевых перевозок соответственно 0,01), т;

D - абсолютная величина ВВП в неизменных и сопоставимых ценах (за базу взят доллар США 1955 г., что примерно эквивалентно рублю 1926/1927 г.), млрд.долл.²;

V - скорость доставки грузов в дальнем сообщении, км/ч.

В таблице 1 показано соответствие расчетных и фактических значений по приведенной формуле с интервалом 30 лет, выбранных из реконструированных годовых рядов.

¹ Источниковедческое и методическое исследование по исторической реконструкции индекса цен и ВВП будет изложено в отдельной работе.

² Сложность и известная неопределенность подобных исчислений заключается в том, что в динамике появляются новые товары и изделия, на которые цен вообще ранее не было.

Таблица 1

Ориентировочная удельная транспортная нагрузка ВВП

Страна в Границах	Годы	Q/D , кг/долл. (1955г.)		
		Факт	Расчет по формуле (1)	Отклонение расчетных значений от факта %
Русское Государство	1685	6,15	5,80	+5,69
	1715	5,45	5,80	-6,42
Российская Империя	1745	5,45	6,03	-10,64
	1775	5,77	6,14	-6,41
	1805	5,68	6,25	-10,03
	1835	6,12	6,70	-9,48
	1865	7,64	8,95	-17,15
	1895	17,04	14,89	+12,62
СССР	1925	18,70	17,46	+6,63
	1955	32,07	31,53	+1,68
	1985	40,84	42,98	-5,24
Россия	2000	34,90	33,23	+4,78

Таблица 2

Валовой внутренний продукт и показатели транспорта и энергетики в границах страны на соответствующую дату

Год	Объем магистральных перевозок, млн. т	Выработка электроэнергии, млрд. кВт.-ч	ВВП, млрд. долларов (минимальная оценка)	ВВП, млрд. долларов (максимальная оценка)	ВВП, млрд. долларов (средняя оценка)	Численность населения, млн	Душевой ВВП, доллар (1955 года)
1900	321,6	0,70	17,5	17,5	17,5	133,1	131,5
1905	338,9	0,74	18,6	18,6	18,6	144,6	128,6
1910	463,0	1,79	21,4	21,4	21,4	156,4	136,8
1915	562,9	2,4	23,3	23,3	23,3	171	136,3
1920	280,0	0,55	12,3	12,3	12,3	137,7	89,3
1925	397,2	2,92	23,8	23,8	23,8	143	166,4
1930	594,2	8,37	26,3	31,6	28,9	157,4	183,6
1935	675,5	26,3	34,9	46,2	40,5	158,2	256,0
1940	985,9	48,6	43,8	61,1	52,4	192,6	272,1
1945	599,0	43,3	34,7	47,9	41,3	164,4	251,2
1950	1299,0	91,2	53	78,1	65,5	179,2	365,5
1955	1887,7	170,2	66	102,6	84,3	195	432,3
1960	2939,5	292,3	85,7	139,6	112,6	212,4	530,1
1965	3857,3	506,7	102,2	174,5	138,3	229,6	602,4
1970	4798,9	740,9	127,2	224,4	175,8	243	723,5
1975	6294,5	975,7	141,4	255,5	198,4	251,4	789,2
1980	7100,3	1294	158,2	292,7	225,4	264,5	852,2
1985	7977,4	1544	197	370,4	283,7	277,3	1023,1
1990	8416,7	1726	210,1	398,8	304,4	288	1056,9
1995	2713,9	860	70,9	126,7	98,8	147,9	668,0
2000	3053	877,8	75	134,3	104,6	145,5	718,9

Косвенная оценка динамики величины валового внутреннего продукта по показателям работы транспорта и энергетики. Дополним проведенную реконструкцию ВВП только по транспортным показателям другим подходом, используя показатель выработки электроэнергии, которая уверенно отражена в статистике с 1900 г. Существуют десятки оценок разных авторов динамики валового внутреннего продукта Российской империи, СССР и России. Эти оценки, опубликованные разными авторами в виде отношения его величины в сопоставимых ценах 2000 года к 1900 году имеют диапазон от 20 до 500 раз. Такой разницей в оценках связан прежде всего с двумя обстоятельствами: а) намеренном искажении главного показателя экономики страны в советское время; б) объективными трудностями учета стоимостной сопоставимости в связи с изменением ассортимента продукции и занижением оптовых цен на продукцию высоко технологических отраслей. Чтобы преодолеть эти трудности была принята гипотеза, что стоимостные показатели ВВП должны коррелировать с объемом перевозок грузов на всех видах магистрального транспорта и выработкой электроэнергии. При этом принято, что первая статистическая связь может характеризовать как бы самый минимальный уровень такой оценки, а второй показатель, учитывающий в скрытом виде увеличение ценности высоко технологической продукции, соответственно максимальный уровень.

Путем анализа всех имеющихся публикаций в отечественной и зарубежной литературе была реконструирована величина ВВП в так называемых международных долларах 1955 года Колина Кларка, которые впоследствии приобрели статус паритета покупательной способности. В табл. 2 показаны динамические ряды рассматриваемых показателей и численности населения.

Принцип «склеивания» статистических показателей в разных территориальных границах (Российская империя, СССР, Россия), особенно по относительной величине, обусловлена операционально статистическими трудностями, а кроме того имеет глубокую содержательную основу – население и хозяйство страны в разных ее границах в динамике жили как единый социальный и хозяйственный организм, что безусловно отражалось на ее макроэкономике. Более того, некоторые статистические показатели, например, военные расходы вообще невозможно в принципе разделить по республикам бывшего СССР.

Душевой ВВП возрос за первые 90 лет в 7,8 раза, затем в последующие 10 лет это превышение снизилось до 5,5 раз против 1900 г. Сглаженная по пятилетиям динамика душевого ВВП показана на рис. 1.

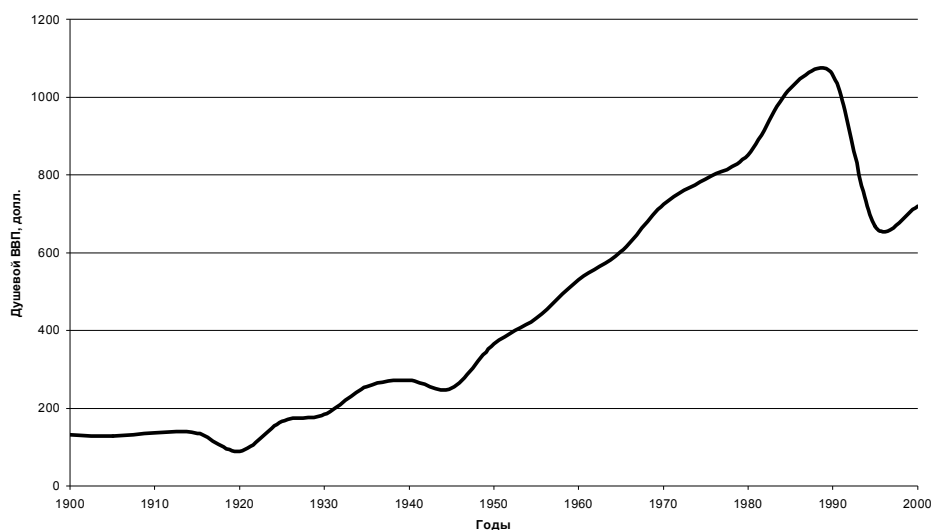

Рис. 1 Динамика душевого ВВП в неизменных ценах за 100 лет

Был проведен математико-статистический анализ зависимости величины средней оценки абсолютной величины ВВП от объема перевозок и выработки электроэнергии. Эта двухфакторная зависимость оказалась нелинейной. Результаты обработки в виде квадратичной поверхности показана на рис. 2.

Статистическая обработка показала, что этими двумя факторами объясняется более 99% колеблемости ВВП по годам (только три года отклонились от факта до 12%, среднее отклонение по

модулю значений теоретической формулы от фактических значений составило всего 0,61%). Пойдем далее по пути дифференциации и детализации общих макроэкономических показателей по отдельным отраслям и сферам хозяйства и социума.

Долговременная динамика соотношения цен продукции предприятий пищевой промышленности как индикатор социально-экономического состояния общества

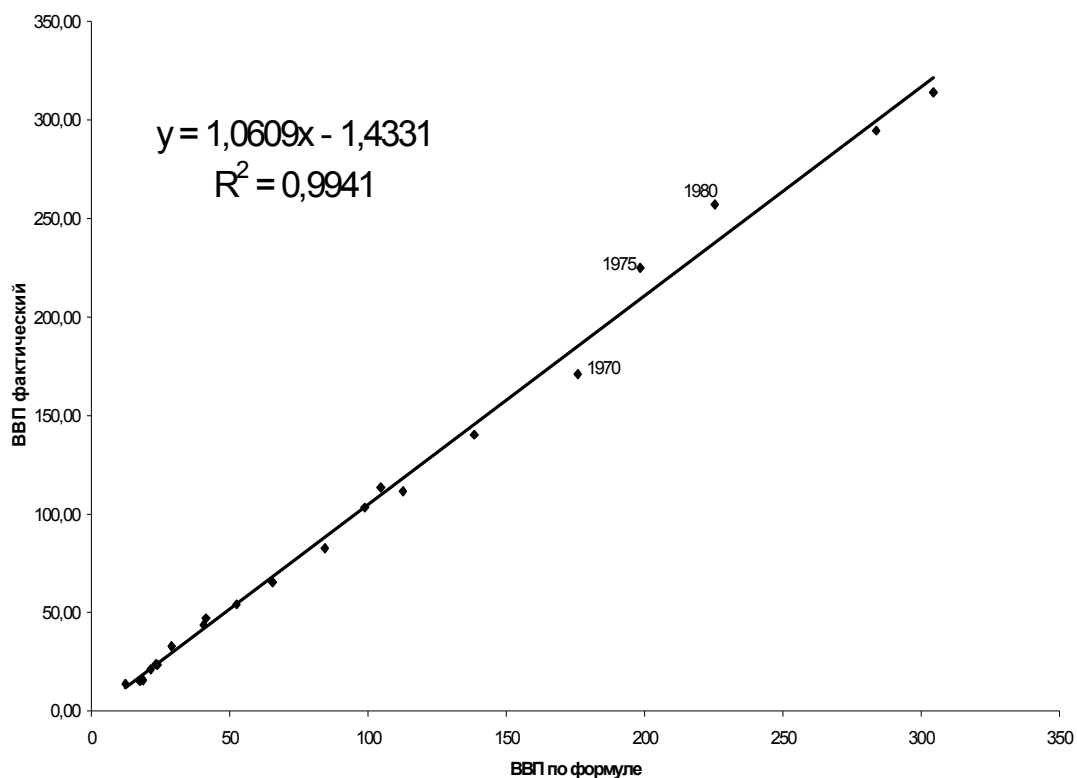
Из всего многообразия пищевых продуктов для анализа были выбраны два – хлеб и водка. Именно они определяют долговременную тенденцию и закономерности потребительского спроса в той его части, которая отражает социальное и экономическое состояние общества. В критические периоды несбалансированности цен на именно эти продукты наступает запредельное состояние социальной напряженности, которая приводит к крупным, порой революционным, изменениям в социально-политической ситуации. Перефразируя древнее изречение, для России, по крайней мере последние 300 лет, была всегда актуальна связка - «хлеба и водки».

Чтобы быть объективным в этом сложнейшем вопросе внутрихозяйственной и политической жизни страны, был применен погодовой мониторинг цен на хлеб и водку за три века. Заметим, что погодовая динамика цен на продовольственные товары была официально заведена в России с 1707 г., раньше чем в других европейских странах. Они, как правило, фиксировались в текущих ценах и поэтому в динамике несопоставимы. Для того чтобы обойти эти трудности и одновременно прояснить главные обстоятельства социальной напряженности, прослеживаемой косвенно по упомянутым традиционно главным пищевым компонентам потребления, был применен анализ динамики отношения цен на них.

Еще одной сложностью адекватной реконструкции является разный уровень крепости спиртных напитков, объединенных общим понятием «водка». Дело в том, что в XVIII в. использовалась простое хлебное (горячее) вино крепостью в пределах 15-20 градусов и называлось оно согласно лексикографическим словарям того времени «горелка», «сивуха», «сиволдай», «полугарное вино». В начале XIX в. крепость этого напитка составляла уже 24 градуса, а в конце 50-х гг. была узаконена на уровне 38 градусов и получила окончательное наименование «полугар». Кстати, именно к этому времени стали применять в России ареометры для фиксации содержания спирта в напитках. Затем в массовой торговле появились и более крепкие напитки – «пенник», «трехпробное вино», «двойная водка», «спирт» крепостью от 42 до 78 градусов и др. Практически в общенародном употреблении современная 40-градусная водка появилась только в 90-х гг. XIX в. До этого качественные (ректифицированные) водки, например, «французская» (очищенная виноградная), «дупельная» (двойная) и др. потреблялись не часто и узким слоем населения.

Результаты исторической реконструкции отношения цен двух анализируемых продуктов показано на рис. 3.

Даже беглый просмотр этого графика выявляет совпадение пиков рассматриваемого отношения и крупных социально-политических и социально-экономических затруднений и потрясений. В частности, особенно заметно, что обвал начала 90-х гг. XX в. был, как бы подготовлен нарастающим несоответствием между ценами на хлеб и водку. Тем не менее, обнадеживающим на перспективу является то, что: а) общий трехвековой тренд имеет некоторое падение (с 3 до 2,5); б) взлет показателя, начавшийся в 70-х гг., и достигший экстраординарной величины в 80-х и особенно в самом начале 90-х гг. (1980 – 3,40; 1985 – 4,02; 1990 – 5,87; 1991 – 8,03) затем последовательно сначала резко, а потом медленно снижается и в настоящее время колеблется вокруг величины близкой к минимальному уровню за все три века – 1,5.

А

Б

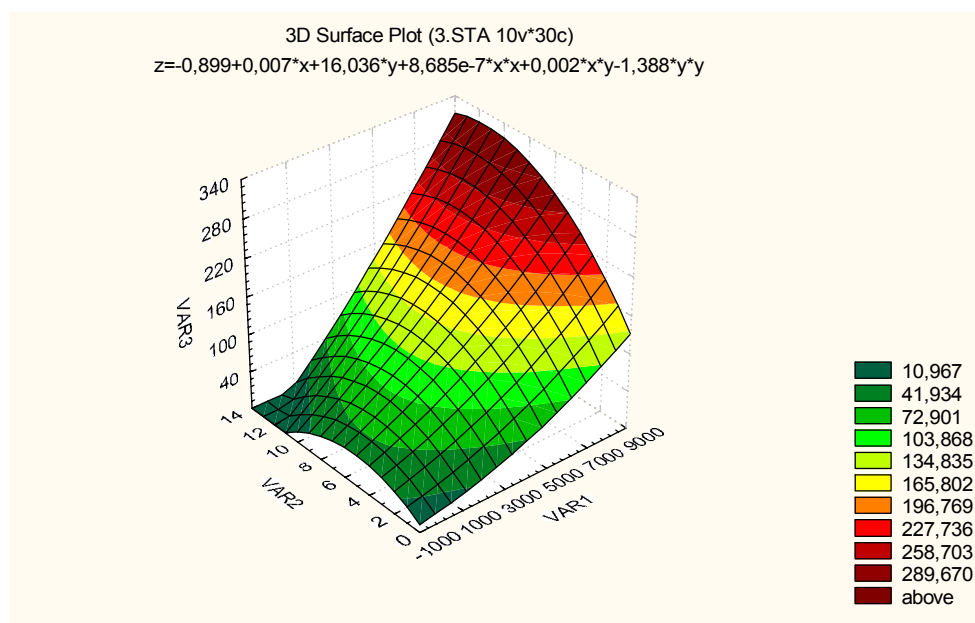

Рис. 2 Результаты математико-статистической обработки: А – сравнение фактических и теоретических значений ВВП; Б – квадратичная поверхность, построенная по способу наименьших квадратов, по оси Z – ВВП, средняя оценка, млрд. долл.; по оси Y – выработка электроэнергии, млрд. кВт.-ч (возведена в степень 0,333); по оси X – объем перевозок магистральными видами транспорта, млн. т

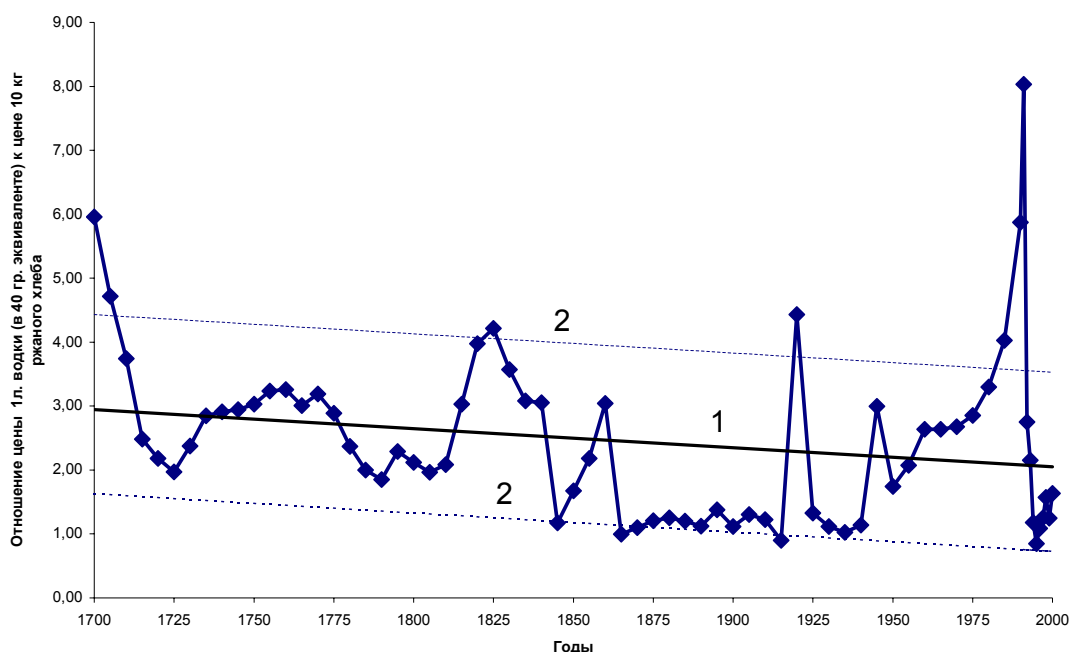

Рис. 3 Динамика показателя, косвенно характеризующего уровень соответствия социально-культурной и экономической сфер в России: 1 – тренд; 2 – границы диапазона условно сбалансированного развития.

Видимо, резкая колеблемость такого типа интегральных показателей социально-экономического состояния общества может представить интерес для синергетического моделирования существенно нелинейных процессов. Во всяком случае, ясно что в 1991 г. по анализируемому показателю страна была близка к точке бифуркации, но прежняя тенденция возобладала и возможного раздвоения пути развития все же не произошло.

В целом приведенный пример динамики соотношения цен двух важных продуктов пищевой промышленности подтверждает справедливость высказанной ранее идеи [2], что для адекватного прогноза и эффективного управления в сложных социально-экономических процессах с большой компонентой самоорганизации необходимо сначала выявить объективный диапазон сбалансированного существования явления, а затем искать те или иные решения в этом диапазоне.

Долговременное взаимодействие централизованного управления и хозяйственной самоорганизации на транспорте. В качестве объекта рассматриваемого взаимодействия взято тарифообразование на железнодорожном транспорте России по перевозке грузов с 1838 г. по настоящее время. Предполагалось, что в антагонистические взаимоотношения государства, железнодорожной отрасли и грузовладельцев с разной силой по периодам исторического развития вмешивались факторы самоорганизации и централизации. Важно было выяснить, каков итог или равнодействующая такого типа воздействий на уровень тарифов.

В теоретическом плане эти вопросы волновали транспортников еще с середины 50-х годов XIX в. Опираясь на маржиналистские взгляды, Ч. Эллет и затем В. Лаунгардт создали первые математические модели транспортных тарифов. Затем эти построения многократно повторялись, обычно без ссылок. Сейчас в накопленных искажениях и разных толкованиях трудно проследить преемственность и новизну. А главное в практическом тарифообразовании участвует большее число сильно действующих факторов, чем в теоретических моделях. Среди них - измерители макроэкономического и социально-культурного состояния страны.

Поэтому рационально было пойти другим – эмпирическим путем: попытаться выяснить, как на самом деле изменялись тарифы на перевозки грузов в долгосрочной ретроспективе и есть ли в этих изменениях какая-либо закономерность. На железнодорожном транспорте применяют два измерителя стоимости перевозки: тарифная ставка, коп/ткм и провозная плата, коп/т. Для корректного анализа сначала эти отчетные данные за каждый год за 162-х летний период были переведены в единый масштаб цен с помощью реконструированного по многим источникам индекса цен перевозимых товаров. Заметим, что провозная плата по всей сети дорог и в среднем по всей совокупности грузов является произведением средней доходной ставки на среднюю дальность перевозки. Эмпирических исследований долговременного изменения провозной платы не удалось

обнаружить, хотя И. В. Кочетов еще в конце 40-х годов заметил: "приблизительно знают, что повышение средней дальности при прочих равных условиях приводит к понижению средней доходной ставки и наоборот" / 3 / . Иными словами, провозная плата компенсирующая эти взаимные изменения, должна быть примерно устойчива.

Реальная картина изменения в динамике провозной платы на железных дорогах России в границах страны на соответствующую дату приведена на графике, Рис. 4.

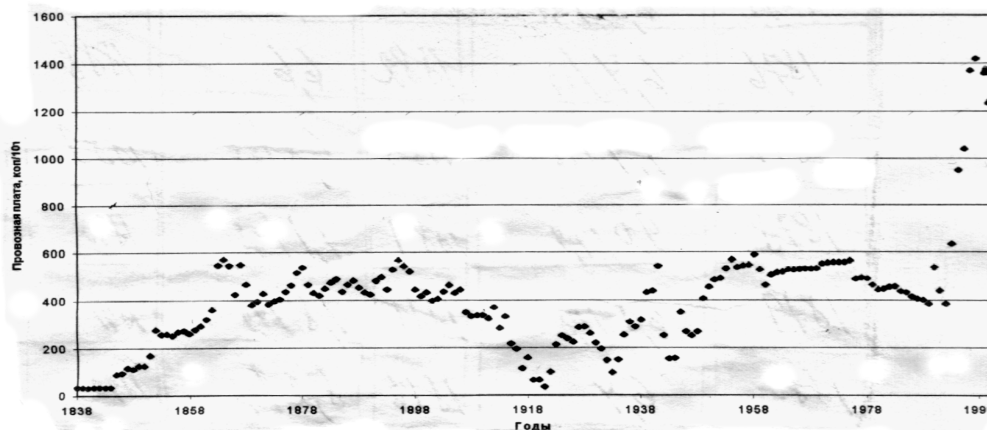

Рис. 4. Динамика провозной платы в неизменных ценах на железных дорогах России

Результат с несомненностью обнаружил, что хозяйственная пространственная самоорганизация как бы перебарывает тенденции централизованного управления, благодаря чему провозная плата держалась в достаточно узком диапазоне 400-600 коп/10т как в условиях рыночной, так и плановой экономики на протяжении большей части периода развития российских железных дорог. Запредельные уровни в периоды войн объясняются тем, что тогда грузы возили ниже себестоимости собственной перевозки железной дорогой - государство шло на это, чтобы получить максимальный эффект в других отраслях производства и военного обеспечения. Резкий скачок в 3 раза в 1992 г., по существу - дань шокового перехода на мировые цены в ведущих отраслях энергообеспечения, приведшие на железных дорогах к нарушению полусторолетней закономерности соотношения стоимости перевозки и пространственного распределения связей во всех отраслях экономики. Под напором стремительного падения объемов работы, железнодорожная отрасль, начиная с 1997 г., ведет общую линию на снижение стоимости перевозки. Вместе с тем МПС усложняет и дифференцирует тарифообразование, массированно применяя местные и договорные тарифные ставки. Причем эти новации слабо известны и не публикуются. Особенно сильно влияние в последнее время на железнодорожные тарифы со стороны экспортеров нефтяных грузов и металлов.

Внешние факторы состояния демографической системы страны. Демографические показатели обладают высокой точностью публикуемой статистической информации. Кроме того многочисленные исследователи и демографические центры регулярно проводят анализ этих данных и проверяют их сбалансированность. Новое явление в демографической истории страны – вымирания ее населения за счет превышения смертности над рождаемостью, обнаружившееся с 1992 г., стала привлекать внимание исследователей и из других областей знания для объяснения этого феномена и дальнейшего его прогноза. Попытаемся выяснить действие на этот процесс основных факторов также на основе количественного исторического подхода. Последовательный анализ смертности, рождаемости и продолжительности жизни показан на рисунках 5 – 9.

На первой серии этих рисунков показаны исходные данные для верификации содержательной гипотезы: смертность реагирует на душевое потребление спиртных напитков и их качество. Данные были собраны, либо реконструированы за каждый год с 1950 по 2000 гг. в целом в границах страны на соответствующие даты (СССР, Россия). На второй серии рисунков показаны этапы и результаты соответствующей обработки. Аналогично этому проведен анализ по рождаемости, только взяты другие факторы-переменные.

Динамическую колеблемость отклонений мы не стали обрабатывать спектрально-временным анализом, ибо заведомо ясно, что в данном случае отсутствуют строго периодическая компонента. Видимо, эти отклонения связаны главным образом с действием других содержательных факторов на смертность и рождаемость (болезни, экология, питание, информационно-психологическая нагрузка,

целевые моральные установки, уровень и доступность здравоохранения, материальный уровень и т.п.). Кроме того вполне очевидно, что в главных показателях демографического состояния отражается глубокий инерционный потенциал самоорганизации воспроизводства населения России. Выявление закономерностей такой самоорганизации требует значительного расширения исторических рамок анализа с выходом за пределы XX в. Однако за прежние периоды, особенно за XVIII и первую половину XIX отсутствует необходимая статистическая информация на сопоставимом уровне точности.

Одним из косвенных методов такой реконструкции может послужить приводимая ниже зависимость средней продолжительности предстоящей жизни при рождении от коэффициентов общей смертности и рождаемости, рис 9. По-видимому так как эта связь имеет естественную содержательную основу, она представляет собой универсальный характер и поэтому ее возможно распространить в целях реконструкции недостающей информации на XVIII и первую половину XIX в. Были проведены соответствующие расчеты и по отрывочным данным по найденной зависимости восстановлен весь погодовой трехсотлетний ряд главных анализируемых демографических измерителей населения страны в границах на соответствующую дату.

Попробуем дать теперь содержательную основу выбора внешних факторов, воздействующих на демографическую систему, и в первой редакции проинтерпретируем результаты математико-статистической обработки.

Выбранные в качестве факторов для анализа смертности величина потребления спиртных напитков и их качество характеризует, с одной стороны, уровень ядовитости их за счет всяких нежелательных примесей и сивушных масел, прогрессивно увеличивающихся в дешевых и фальсифицированных спиртных напитках. Принятая гипотеза о нелинейном характере влияния обоих этих факторов подтвердилась на весьма высоком уровне достоверности. Интересно, что предварительная попытка связать смертность только от объема потребления оказалась на уровне $r^2=0,7$ и с наличием минимума при значении потребления примерно 8 литров абсолютного алкоголя на человека в год. Так что прокламируемый иногда тезис о необходимости полной трезвости, видимо, не соответствует сбалансированному с полнокровной жизнью условию. Ясно также теперь, что качество спиртных напитков является столь же важным фактором в смертности, как и объем. Поэтому прямое сравнение нашего потребления с зарубежным только по эквиваленту безводного спирта не адекватно реальному влиянию спиртного на организм. В большинстве стран мира пьют качественные спиртные напитки, среди которых много просто полезных для организма вин, наполненных необходимыми витаминами и окислами металлов. Становится вполне очевидно, что прямое сравнение нашего потребления спиртных напитков по эквиваленту безводного спирта неправомерно и совершенно затуманивает истинную картину природы и характера пьянства в России, которое с учетом качества фальсификатов, самогона и др., видимо, стоит на одном из первых мест в мире.

Прежде чем выбрать факторы, влияющие на рождаемость, был предпринят анализ 10 возможных переменных и из них выбраны наиболее существенные: экологическая нагрузка; качество спиртных напитков; душевой ВВП. Заведомо было ясно, что влияние каждого из этих факторов носит нелинейный и индивидуальный характер. Чтобы по аналогии свыше приведенными графиками по смертности дать такую же картину, факторы были объединены. В итоге получено также весьма хорошее соответствие, хотя коэффициент детерминации несколько уступает – 0,95 по рождаемости, против 0,97 по смертности.

Однако, получить универсальную зависимость за весь трехсотлетний период, как это было сделано выше по ВВП, не удалось. В итоге г-квадрат по 301 точке составил 0,47 – 0,55. Это свидетельствует о том, что изменения смертности и рождаемости в долговременной динамике носит не стационарный характер. Большое влияние при этом на демографические процессы оказывают войны, революции, крупные засухи. Учет таких экстремальных факторов будет полем дальнейших исследований.

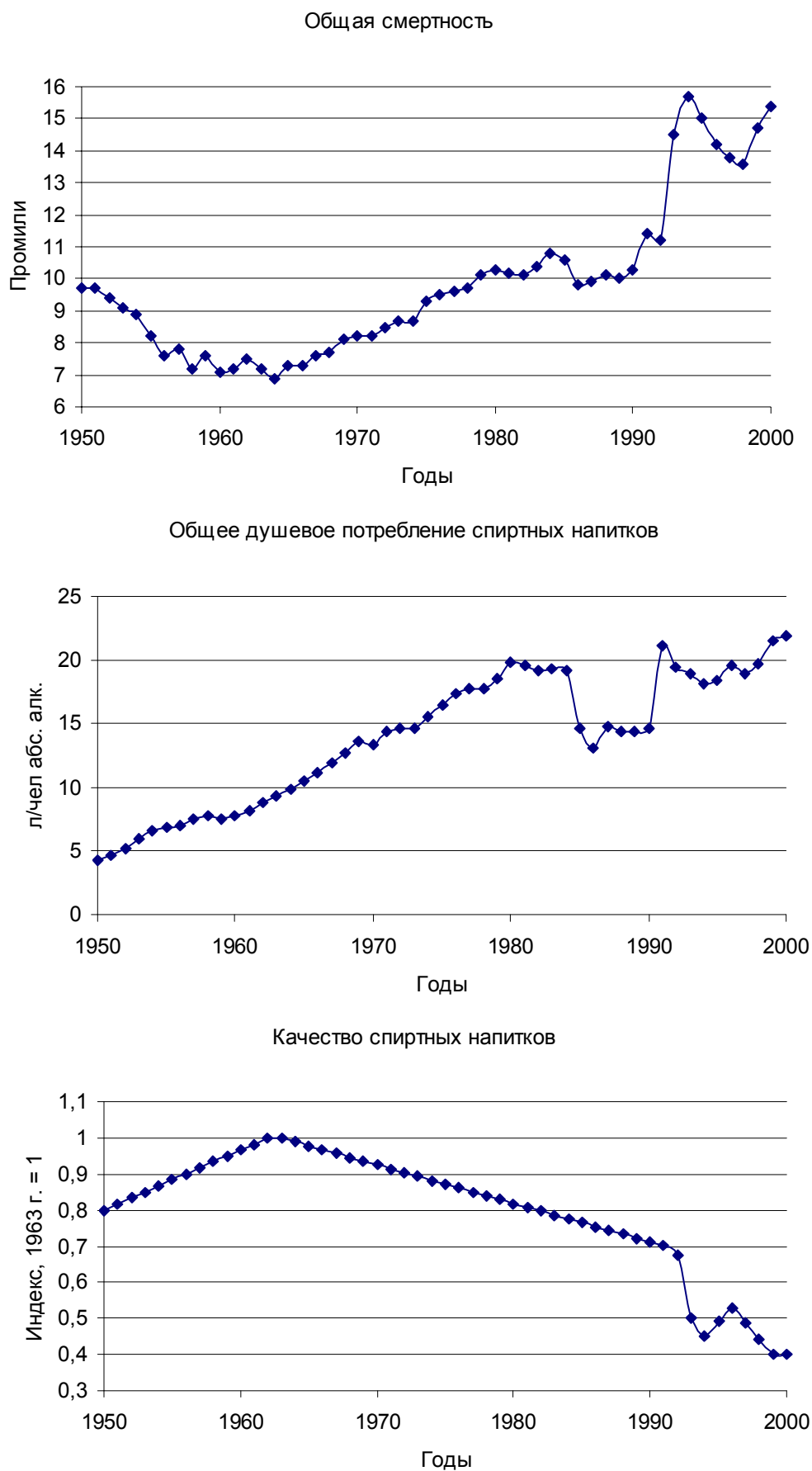
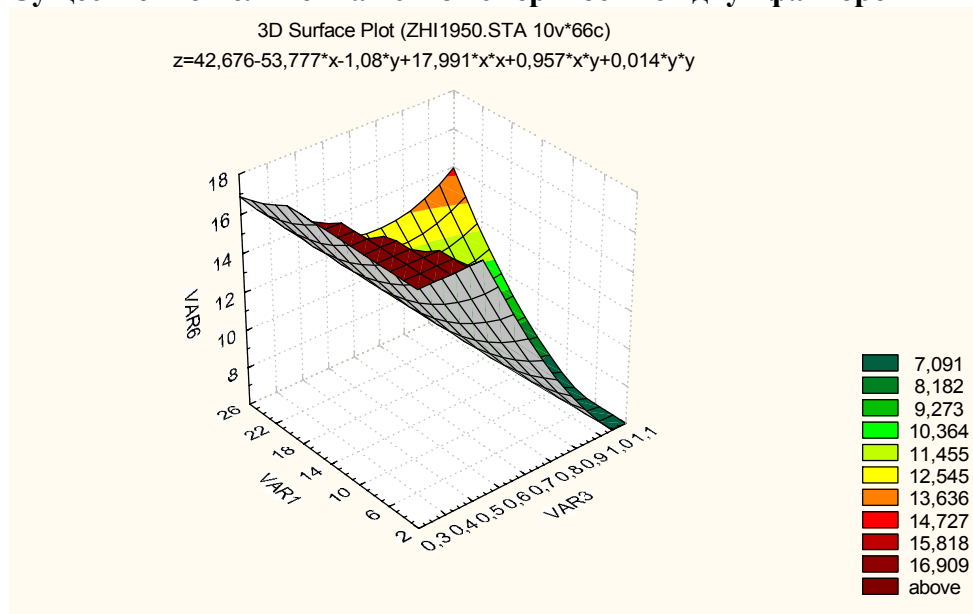
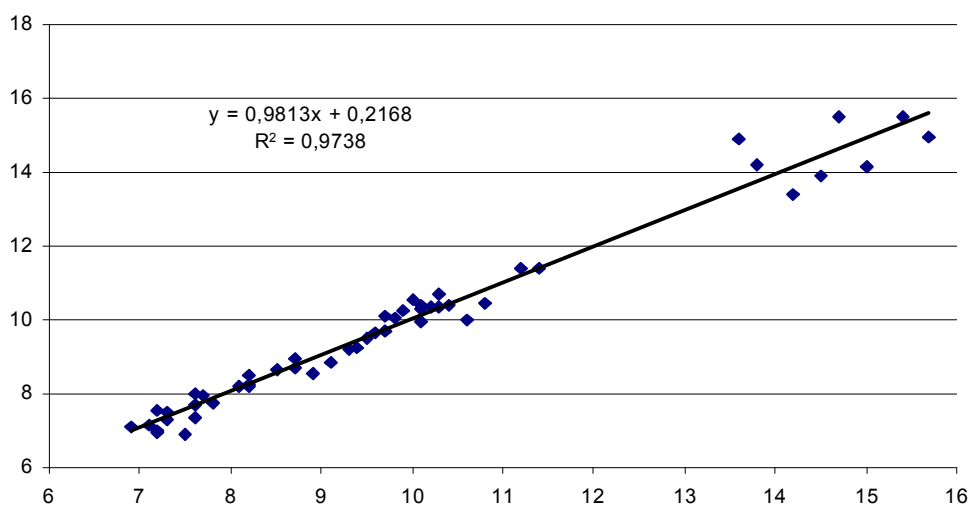

Рис. 5 Исходные данные для анализа уровня смертности

Существенно нелинейная связь смертности от двух факторов

Сопоставление теории с фактом

Отклонения факта от теории, %

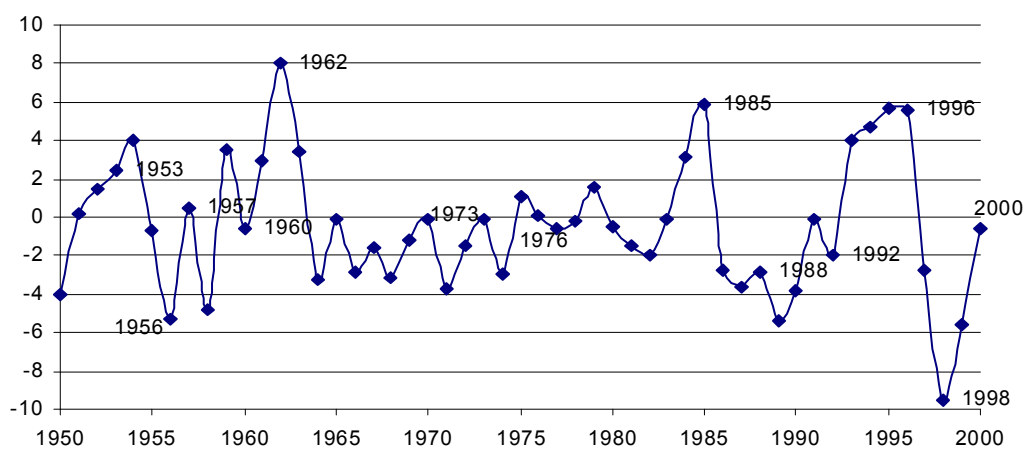

Рис. 6 Результаты обработки зависимости смертности (Z) от двух факторов: потребления спиртных напитков (Y) и их качества (X).

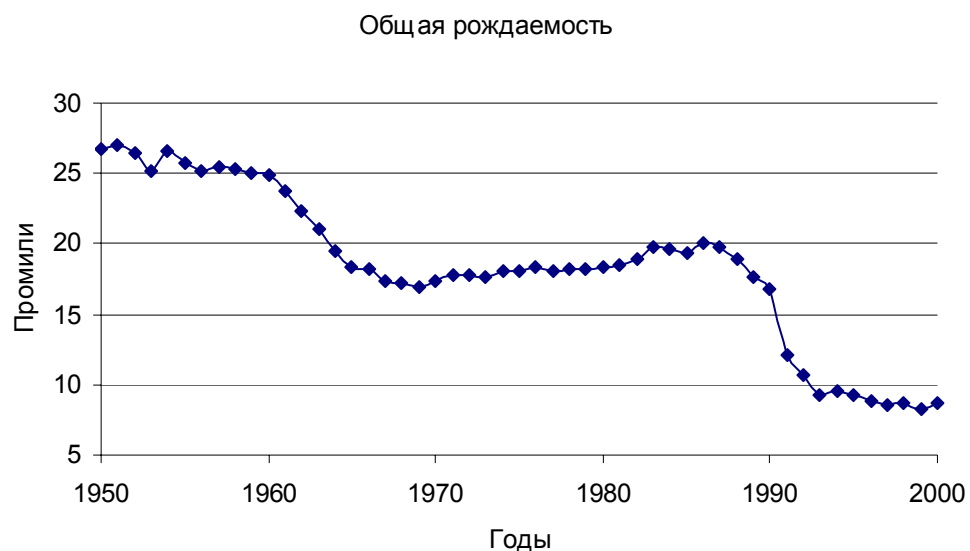
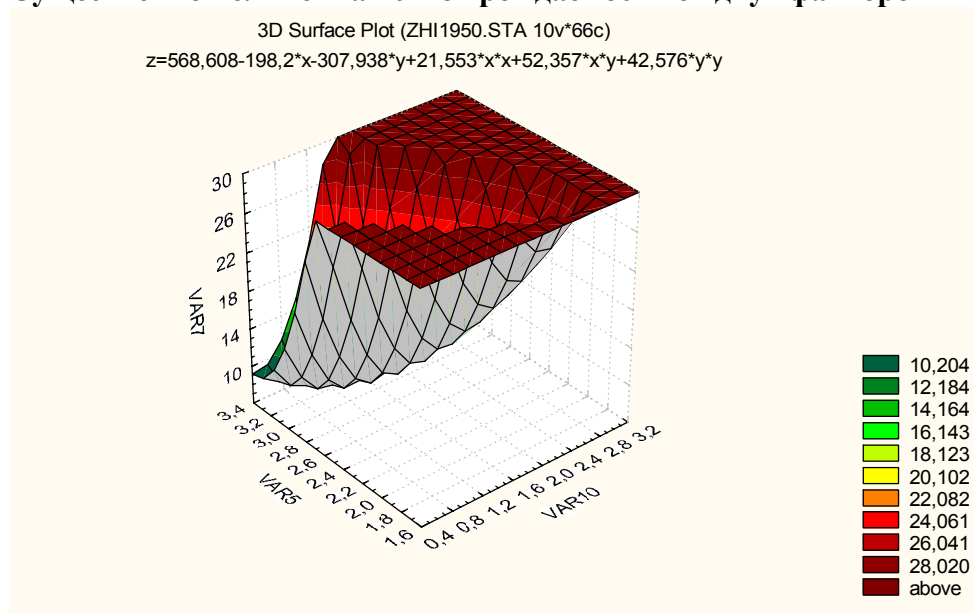

Рис. 7 Исходные данные для анализа уровня рождаемости

Существенно нелинейная связь рождаемости от двух факторов

Сопоставление теории с фактом

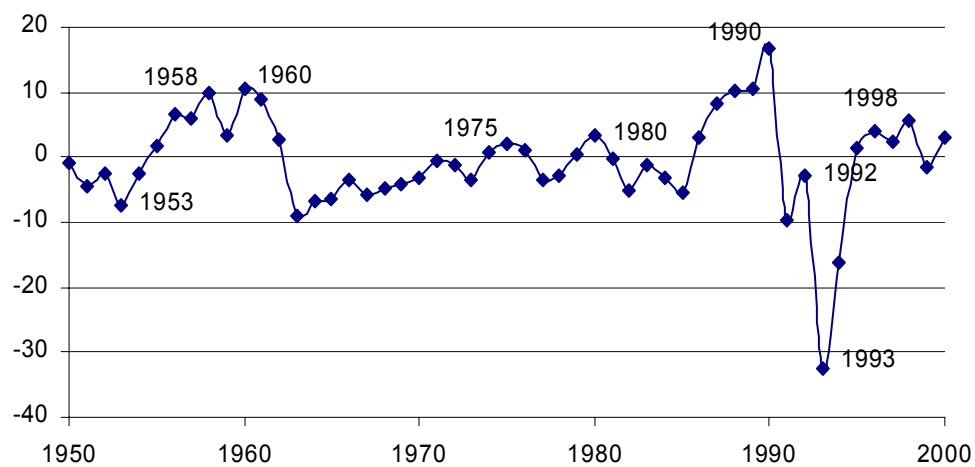
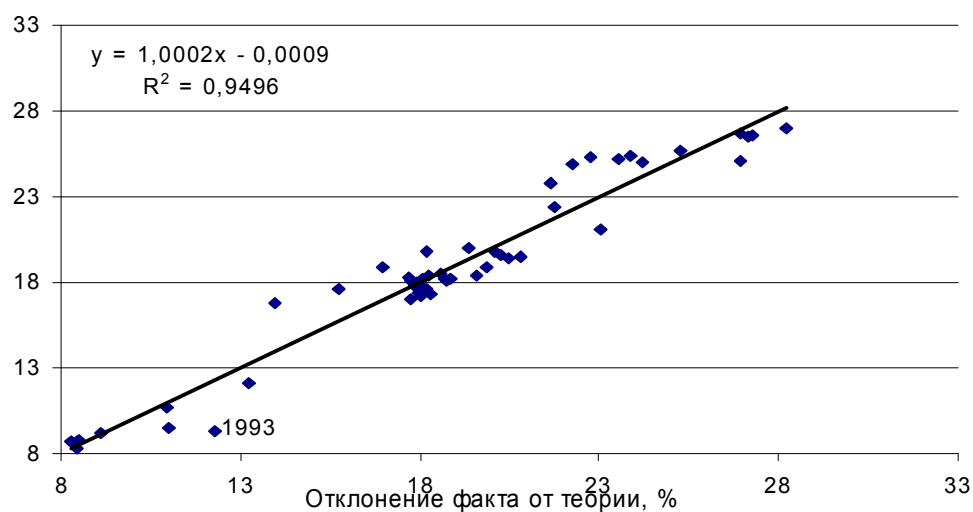
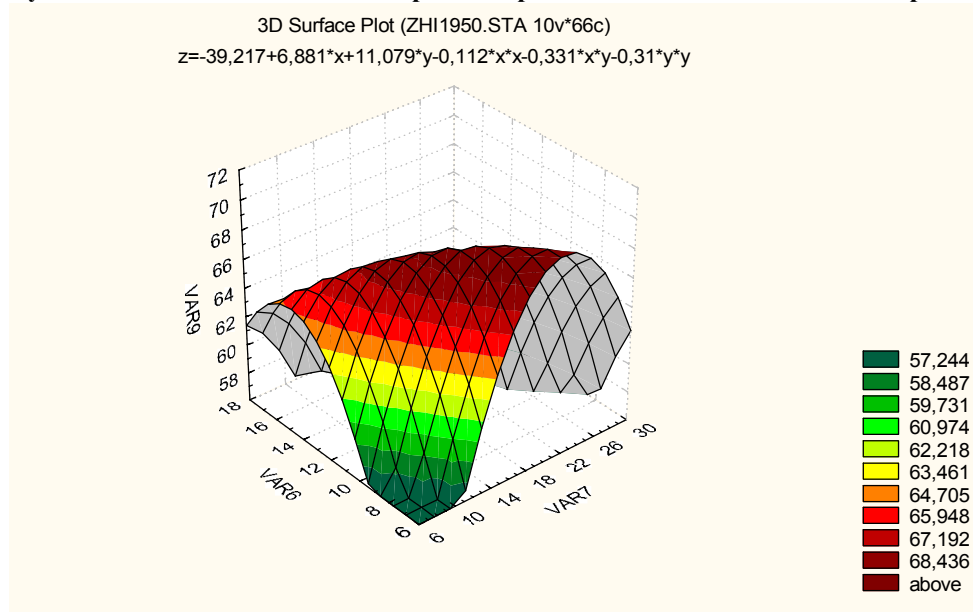

Рис. 8 Результаты обработки зависимости рождаемости (Z) от двух факторов: экологическая нагрузка (Y) и синтетический показатель (X)

Существенно нелинейная связь средней продолжительности жизни от смертности и рождаемости

Сопоставление теории с фактом

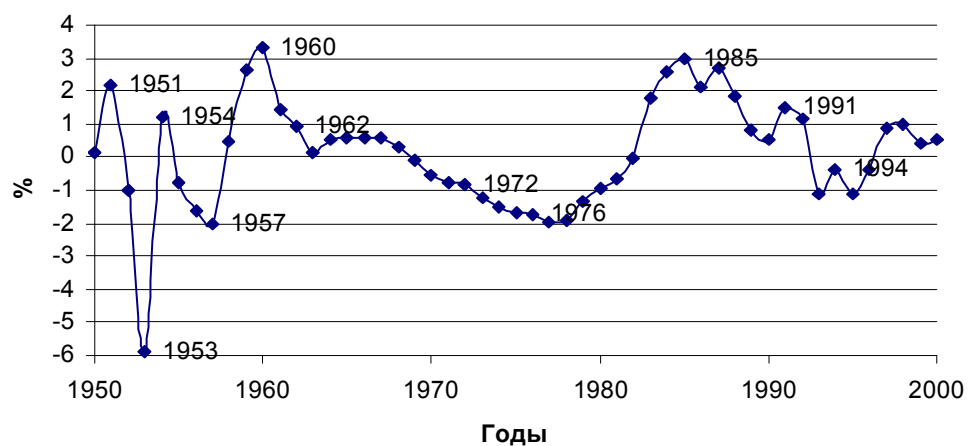
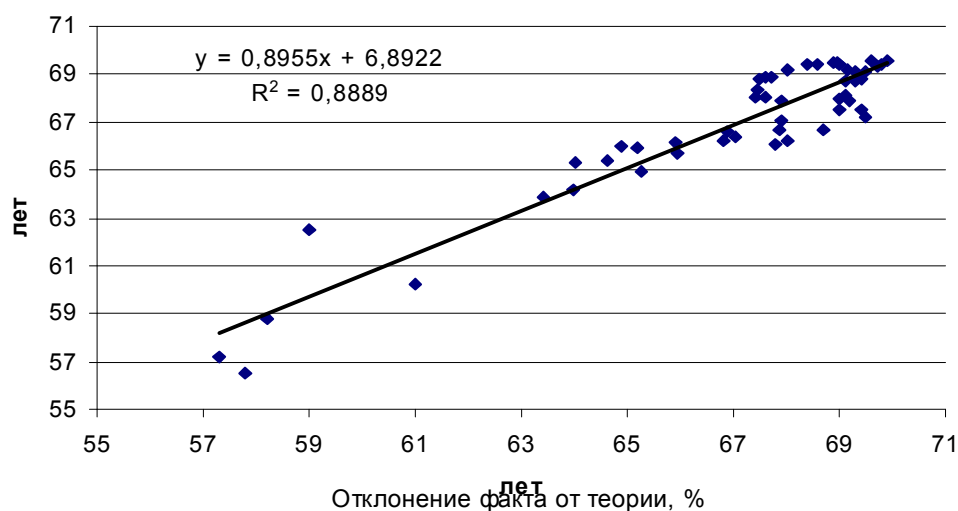

Рис. 9 Результаты обработки зависимости средней продолжительности жизни (Z) от двух факторов: рождаемости (X) и смертности (Y).

Заключение.

Выше приведенные примеры достаточно убедительно, на наш взгляд, показывают, что в долговременных связанных динамических рядах при корректной их математико-статистической обработке можно выявить диапазоны существования процессов. Факторы их определяющие подбираются в первую очередь по содержательным соображениям. Следует помнить, что вероятностный и математико-статистические методы сами по себе не могут дать первичную основу для такого типа анализа, ибо в рядах погодовой динамики по сути дела нет случайных отклонений, как это бывает в рассеивании, например, снарядов от центра мишени, шансов соперников при игре в азартные игры и т.п. Даже экстраординарные всплески и падения в демографических показателях объясняются вполне конкретными причинами. Каждая точка в долговременном анализе эта страна в целом, либо регион за год. Поэтому обычного при вероятностном подходе случайного рассеивания здесь в принципе не может быть. Другое дело, что сама вероятностная технология обработки помогает выявить область существования динамического многомерного объекта.

Представим, что с помощью анализа многомерного динамического эмпирического материала найдены определенные связи. Для удобства иллюстрации представим эту ситуацию в виде графика.

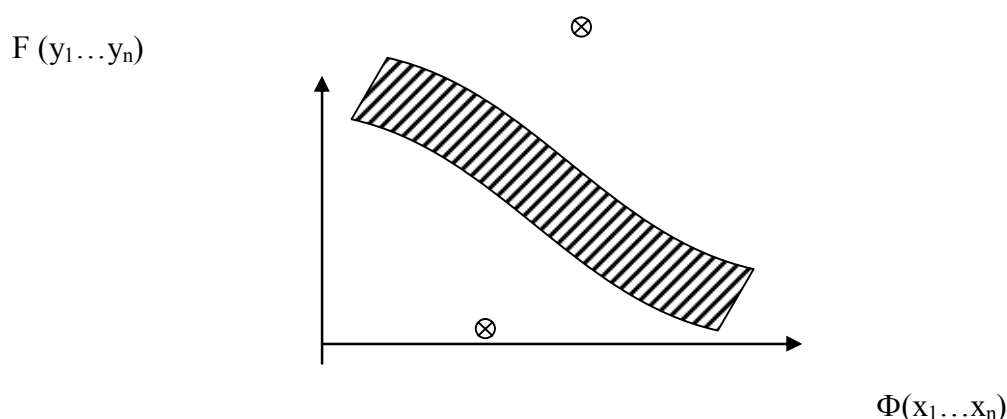

Рис. 10 Пример многомерной динамической связи

На графике отложены значения функций неких переменных, полученных в ходе дедуктивного и математико-статистического анализа многомерных динамических рядов. Разброс значений находится в определенном диапазоне. Если данные взяты за большие промежутки времени и по разным однотипным объектам это свидетельствует, что изучаемое общественное явление в принципе может существовать только внутри выявленного диапазона ("трубы"). Отклонение от него, говорит о запредельном режиме существования явления, грозящем катастрофой, гибелью (на рисунке такие состояния обозначены крестиками). Возможные траектории внутри этого диапазона – это и есть свобода воли, допустимые (оптимальные либо не оптимальные) стратегии развития. Именно здесь и только здесь может разворачиваться борьба за поиск тех или иных приемлемых и сбалансированных решений, но ни в коем случае за пределами этого диапазона. Видимо, нахождение таких диапазонов – главная задача многодисциплинарного синтеза. И в то же время самый рациональный путь помощи управляющим структурам в деле определения сбалансированного развития отдельных подсистем социума, демографической системы и сфер экономики.

Литература

1. Гольц Г.А. Исследования закономерностей развития перевозок в СССР// Проблемы прогнозирования и оптимизации работы транспорта. – М.: Наука, 1982. – С. 23 – 63.
2. Гольц Г.А. Инфраструктура и общество: принципы опережающего развития России // Экономическая наука современной России. – 2000. – №2. – с. 5 –21.
3. Кочетов И.В. и др. Статистика железнодорожного транспорта. - М.: Гострансжелдориздат, 1941. - 598 с.
4. Гольц Г.А. Культура, экономика, транспорт: пути использования взаимосвязей в прогнозировании // Проблемы прогнозирования. -2000. - №1. - С. 152- 167.

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕГИОНОВ: АНАЛИЗ ТЕОРИИ КЛАСТЕРОВ М. ПОРТЕРА И РЕГИОНАЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ М. ЭНРАЙТА *

Понятие «конкурентоспособность» приобрело в начале XXI в. ключевое значение для характеристики страны, региона, отрасли, фирмы товара и даже человека. После распада мировой социалистической системы практически все государства мира, кроме нескольких стран, функционируют в условиях рыночного хозяйства, где конкуренция за рынки сбыта своих товаров постоянно возрастает.

В связи с этим возникают четыре вопроса, относящихся к термину «конкурентоспособность»:

- 1) Как определяется конкурентоспособность страны и региона?
- 2) Каким образом конкурентоспособность влияет на уровень жизни населения?
- 3) От чего зависит конкурентоспособность?
- 4) Каким образом можно конкурентоспособность повысить?

Как определяется конкурентоспособность страны и региона?

Датский экономист Б. Йонсон определяет международную конкурентоспособность как *«способность экономики страны поддерживать стабильный экономический рост при полной занятости экономически активного населения без накопления государством внешнего долга и без постоянного дефицита текущего платежного баланса»* (Small countries facing..., 1988, p.279). Это определение ориентировано в большей степени на экономические аспекты конкурентоспособности.

Американский экономист Портер, в свою очередь, утверждает, что *конкурентоспособность на национальном уровне – это постоянное поддержание производительности труда на более высоком, чем у конкурентов, уровне, используя непрерывный процесс изобретения и внедрения инноваций* (Портер, 2002). Причем, Портер подчеркивает, что высокой конкурентоспособности страны добиваются не во всех отраслях хозяйства, а только в определенных, где страна обладает конкурентными преимуществами.

Географические аспекты конкурентоспособности были учтены в определении, данном Н.С. Мироненко: *«Под конкурентоспособностью национальной экономики понимается концентрированное выражение экономических, научно-технических, производственных, организационно-управленческих, маркетинговых и других возможностей, реализуемых в товарах, успешно противостоящих зарубежным товарам как на внутреннем, так и на внешних рынках. Все эти возможности географически дифференцированы и являются характерными особенностями той или иной территории»* (Конкурентоспособность в системе..., 2002, с.5).

Также представляются интересными два других определения термина «конкурентоспособность», тесно связанных с вопросом о повышении уровня жизни населения. Американский исследователь Б. Скотт тесно связал конкурентоспособность и уровень жизни населения в определении, данном им в 1985 г. *«Национальная конкурентоспособность, писал он, относится к способности государства производить, распределять товары и услуги в международной экономике в конкурентной борьбе с товарами и услугами, произведенными другими странами, и делать это таким образом, чтобы повышался уровень жизни населения в стране»* (Scott, 1985, p.15).

Эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) пришли к выводу, что *«конкурентоспособность может быть охарактеризована как степень, в которой, в условиях открытой рыночной экономики, страна может производить товары и услуги, которые проходят тест международной конкуренции, одновременно поддерживая и увеличивая реальный национальный доход»* (OECD, 1992, p. 237).

Два последних определения отражают результат повышения конкурентоспособности страны – улучшение жизненных стандартов и рост доходов на душу населения. Объединяя географические и экономические определения конкурентоспособности, мы можем констатировать, что для достижения конкурентоспособности в геоэкономическом смысле необходимо *добиваться экономического роста путем производства более высококачественных, чем у конкурентов, товаров и услуг, рационально используя свои природно-географические ресурсы и превращая недостатки своего экономико-географического положения в конкурентные преимущества, исходя из концепции «географического POSSИБИЛИЗМА» и повышая, тем самым, жизненный уровень населения.*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 03-06-80084.

Рассматривая конкурентоспособность с практической точки зрения нам необходимо понять, как соотносится понятие конкурентоспособности с уровнем жизни населения и как пространственно проявляется конкурентоспособное хозяйства региона и страны в отличие от неконкурентоспособного. Для этого попытаемся ответить на три других вопроса, поставленных нами выше.

Каким образом конкурентоспособность влияет на уровень жизни населения?

Логично предположить, что наиболее конкурентоспособные страны являются одновременно и самыми богатыми странами. Для определения конкурентоспособности стран различными международными исследовательскими институтами и организациями были составлены несколько рейтингов конкурентоспособности. Наиболее полными и объективными рейтингами, отражающими конкурентоспособность стран, являются, на наш взгляд, два рейтинга: рейтинг швейцарского Института ИДМ (Институт менеджмента и развития, Лозанна) и рейтинг Всемирного экономического форума (ВЭФ, Давос).

Методика построения рейтингов схожа. Сначала определяются количественные и качественные показатели, по которым страны можно ранжировать, и, которые наилучшим образом отражают конкурентоспособность. Затем все страны ранжируются по порядку от лучшего показателя и до самого худшего. После этого показатели нормируются для возможности сравнения их между собой, все показатели с определенными весами складываются и делятся на сумму показателей, т.е. вычисляется среднее арифметическое. Эта цифра и является показателем конкурентоспособности страны в мировом хозяйстве.

Так для построения рейтинга конкурентоспособности стран Швейцарским институтом ИМД используются 314 критериев – индикаторов, отражающих функционирование экономики той или иной страны, причем 2/3 всех критериев конкурентоспособности являются количественными (объективные критерии), а 1/3 – взяты из опросов (субъективные критерии). Все 314 критериев разбиты на четыре большие группы индикаторов: (1) *экономическое развитие страны* включает в себя подгруппы – развитие внутренней экономики, международная торговля, международные инвестиции, занятость и цены; (2) в *эффективность государственного управления* входят – государственные финансы, фискальная политика, институциональная система, законодотворчество для предпринимательства и образование; (3) *эффективность предпринимательства* выражает продуктивность, рабочий рынок, финансы, поведение менеджмента и влияние глобализации; (4) *инфраструктура* подразделяется на базовую инфраструктуру, технологическую инфраструктуру, научную инфраструктуру, здоровье и окружающую среду и систему ценностей (Garelli, 2002, p. 8)

Рейтинг Всемирного экономического форума состоит из двух самостоятельных исследований: «Индекса роста конкурентоспособности» и «Индекса микроэкономической конкурентоспособности». Первая часть исследований выполняется группой экспертов под руководством проф. Дж. Сакса из Центра международного развития при Гарвардском Университете (Center for International Development at Harvard University). Подход этой группы фокусируется на конкурентоспособности как «системе институтов и различных типов экономической политики, поддерживающих экономический рост стран в среднесрочном периоде» (Schwab, Porter, Sachs, 2001, p.1). «Индекс роста конкурентоспособности» построен на базе трех групп индикаторов, определяющих конкурентоспособность страны в среднесрочной и долгосрочной перспективе: (1) технология (technology); (2) общественные институты (public institutions); (3) макроэкономическая среда (macroeconomic environment). Кроме того, исходя из различного влияния технологии на страны, находящиеся на разных ступенях развития, авторы рейтинга разделили все государства на две группы стран: ключевые инноваторы (core innovators) – 24 страны-лидера по выданным патентам за определенный год и неключевые инноваторы (non-core innovators). Сделано это было для того, чтобы дать различные веса трем группам индикаторов (Cornelius, Blanke, Paua, 2002).

Вторая часть исследований проводится группой экспертов под руководством проф. М. Портера из Института стратегии и конкурентоспособности при Гарвардской школе бизнеса (Institute of Strategy and Competitiveness at the Harvard Business School). Под детерминантами производительности и роста производительности труда М. Портер понимает «диверсификацию (усложнение) функций и стратегии компаний» (Sophistication of Company Operations and Strategy), которые связаны с «качеством микроэкономической деловой среды» в стране (Quality of the Microeconomic Business Environment). «Индекс микроэкономической конкурентоспособности» состоит из двух субиндексов: «деятельность и стратегия компаний» (Company operations and strategy) и «качество национальной деловой среды» (Quality of the national business environment). Все статистические индикаторы сравнивались с уровнем ВВП на душу населения в каждой стране, вычисленным по методу паритета покупательной способности, затем строились регрессии,

проводился факторный анализ. Все рассматриваемые страны были поделены на три группы: страны с низким, средним и высоким уровнем дохода. Для каждой группы стран вычислялись регрессии по каждому из 46 индикаторов (Porter, 2002) .

В результате для каждого из трех рейтингов получался список стран, ранжированных по конкурентоспособности. На рис.1 представлено пространственное распределение стран с различным уровнем конкурентоспособности. Как мы видим, наиболее конкурентоспособные страны расположены в Западной Европе, Северной Америке и Юго-Восточной Азии. Россия, к сожалению, попадает в категорию стран с низкой конкурентоспособностью.

Таким образом, при построении регрессий для количественных и качественных показателей, характеризующих степень развитости экономики, открытости рынка, доверия инвесторов и т.п., уровень жизни населения стран положительно коррелируется с конкурентоспособностью. Чем более конкурентоспособна страна, тем больший в стране доход на душу населения. И наоборот, чем более высокими жизненными стандартами характеризуется государство, тем более конкурентоспособной является ее экономика.

От чего зависит конкурентоспособность?

Первой работой по определению факторов, определяющих конкурентоспособность страны и региона, была книга американского экономиста М. Портера «The Competitive Advantages of Nations» (Конкурентные преимущества стран), вышедшая в 1990 г. До этого М. Портер написал две книги, посвященные конкурентной стратегии – «Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors» в 1980 г. (Конкурентная стратегия: техника анализа отраслей и соперников) и «Competitive Advantages: Creating and Sustaining Superior Performance» (Конкурентные преимущества: успешно конкурируя на мировом рынке) в 1985 г., благодаря которым он получил признание в мире как ведущий эксперт по вопросам конкурентоспособности компаний.

Этот имидж, а также престижный бренд Гарвардского университета, где работает М. Портер, помогли его книге «Конкурентные преимущества стран» стать образцовым трудом по определению главных факторов конкурентоспособности. Какие же конкурентные преимущества выделил М.Портер? Он построил ромб конкурентных преимуществ с 4-мя детерминантами (условия для факторов, состояние спроса, родственные и поддерживающие отрасли и устойчивая стратегия, структура и соперничество) и 2-мя независимыми переменными (правительство и случай) (рис. 2).

Для достижения конкурентного преимущества, по М. Портеру, необходимо улучшать четыре стороны ромба. Кроме того, не могут не импонировать два главных постулата теории конкурентоспособности наций М. Портера, который утверждает, что: «*Национальное процветание не наследуется – оно создается*» (Портер, 2002, с.162) и «*единственной разумной концепцией конкурентоспособности является достижение высокой производительности труда*» (Портер, 2002, с.166). Причем, условия для создания конкурентных преимуществ региона лучше тогда, когда фирмы, работающие в одной определенной отрасли, географически сконцентрированы.

Последнее утверждение привело к созданию М. Портером теории промышленных кластеров. *Промышленный кластер*, по М. Портеру, определяется как «*группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга*» (Портер, 2002, с. 207). Именно промышленному кластеру отдается приоритет в улучшении конкурентоспособности страны.

Теория Портера нашла как много сторонников, так и много противников. После дискуссии с британским экономистом Дж. Даннингом в ромб конкурентных преимуществ была добавлена третья переменная – деятельность международного бизнеса. Не вызывает также сомнений тот факт, что ромб конкурентных преимуществ является синтезом ряда других теорий. Можно упомянуть, по крайней мере, три теории, которые М. Портер не упоминает в своей работе, но след которых четко просматривается в концепции ромба конкурентных преимуществ: теория нового роста, теория взаимоотношений потребитель-производитель и модель сетевого развития (см. рис.2).

Теория нового роста была разработана П. Ромером в 1986 г. До П. Ромера господствовало представление неоклассиков экономической теории, которые утверждали, что экономический рост страны имеет границы, определенные такими факторами как рост производительности труда и рост населения стран. П. Ромер показал, что, согласно его парадигме, инвестирование в образование населения страны способно еще больше увеличить темпы роста ВВП и благосостояния населения страны (Romer, 1989).

Теория взаимоотношений производитель-потребитель, разработанная в малых странах Западной Европы, акцентирует внимание на том, что связь между производителями и потребителями

необходимо усиленно развивать, т.к. с ее помощью создаются инновации, помогающие развитию производства (Lundvall, 1996).

Модель сетевого развития берет свое начало из работ английского экономиста А. Маршалла и развивает теорию о том, что для достижения конкурентоспособности каждого отдельного предприятия необходимо создать сеть таких предприятий, чтобы они могли функционировать вместе, дополняя друг друга (Marshall, 1961).

Почему же ромб М. Портера пользуется такой популярностью, если ясно, что он построен на основе теорий известных задолго до него? По нашему мнению, М. Портер в отличие от других ученых сконцентрировал внимание читателя на том, как преодолеть недостатки экономики стран или района и стать более конкурентоспособным. Его теория имеет ярковыраженную практическую направленность, в то время как исследования других ученых характеризуются известной академичностью и некоторой оторванностью от практики.

Постулат М. Портера о тождественности высокой производительности труда и высокой конкурентоспособности, ведущей к высоким стандартам жизни населения, можно также поставить под сомнение. В 1994 г. норвежский ученый Э. Райнерт, используя несколько очевидных примеров, доказал, что производительность труда не равна конкурентоспособности и высокому доходу на душу населения.

Э. Райнерт показал, что некоторые страны, обладающие абсолютными преимуществами и характеризующиеся высокой производительностью труда в определенных отраслях, тем не менее, не могут похвастаться высоким уровнем жизни населения. Например, в Гаити расположены заводы по производству бейсбольных мячей, и производство в этой стране отличается наивысшей в мире производительностью труда. Однако рабочие-гаитяне получают зарплату 30 центов в час. В то же время рабочие в США за производство мячиков для гольфа, т.е. сходных по своим характеристикам товаров, получают зарплату в тридцать раз большую, чем их коллеги из Гаити (Reinert, 1994, p. 3).

Почему же столь велика разница в зарплатах рабочих, производящих мячики для бейсбола и для гольфа? Потому что еще не произошла автоматизация производства в бейсбольной промышленности, и гаитяне сшивают мячики вручную, в то время как американцы используют для этого роботы. Мы видим, что страны в обеих отраслях являются лидерами по производительности труда. Однако в одном случае это ведет к улучшению уровня жизни населения, в другом нет. Этот один из многих примеров показывает, что производительность труда не играет ключевой роли в определении конкурентоспособности страны, как утверждает М. Портер. Важную роль также играет качество производимого товара, его имидж на мировом рынке и то, в какой отрасли страна обладает конкурентными преимуществами.

Концепция промышленного кластера М. Портера о концентрации производства получила свое развитие в работах другого американского ученого М. Энрайта, который разработал теорию «регионального кластера», который определяется как «промышленный кластер, в котором фирмы-члены кластера находятся в географической близости друг к другу». Или, «региональный кластер – это географическая агломерация фирм, работающих в одной или нескольких родственных отраслях хозяйства» (Enright, 1993, p.100). Причем М. Энрайт выделил три уровня конкурентного преимущества регионального кластера: супранациональный, национальный и локальный.

Несколько штандортов промышленности, объединенных общим ЭПП, но расположенных в разных государствах, образуют региональный кластер, который обладает *супранациональным конкурентным преимуществом*. Несколько смежных районов в пределах одной страны за счет интенсивного обмена информацией могут достичь *национального конкурентного преимущества*. Несколько рядом расположенных городов, имеющих схожую специализацию и проводящих активную политику обмена знаниями и инновациями, достигают *локального конкурентного преимущества*.

Каким образом можно конкурентоспособность повысить?

Теперь рассмотрим методы повышения конкурентоспособности, предложенные американскими учеными и их последователями.

Методы повышения конкурентоспособности стран и регионов, описанных М. Портером, связаны с развитием промышленных кластеров как главных проводников конкурентоспособности в экономики. Большое количество советов и предписаний, которые выработал М. Портер и его сторонники (Enright, Ffowcs-Williams, 2001), мы можем представить в виде списка характеристик кластера. Приобретая данные характеристики, кластер повышает свою конкурентоспособность, а, следовательно, повышает и конкурентоспособность страны:

1. Наличие в одном месте большого количества малых и средних предприятий, являющихся конкурентами в одной из отраслей промышленности, сельского хозяйства или сферы услуг.

Необходимо поощрять свободную конкуренцию между производителями внутри кластера для достижения конкурентного преимущества в мировом хозяйстве в условиях глобализации.

2. Наличие информационных каналов между фирмами-участниками кластера, с помощью которых фирмы получают возможность коммуницировать. Под информационными каналами понимаются общие базы данных, а также человеческое общение между сотрудниками фирм, находящихся в кластере (см. Dahl, Pedersen, 2001). Таким образом, наряду с конкуренцией, необходимо поощрять контакты между фирмами и развивать информационную поддержку предприятий работающих в кластере – это задача организаций, контролируемых государством.
3. Наличие специфических знаний – основы производственного процесса, накопленного за всю историю формирования кластера. Особые знания «ноу-хау» необходимо накапливать в кластере и не позволять им мигрировать к соперничающим кластерам в других странах для того, чтобы не потерять конкурентные преимущества в производстве данного типа продукции.
4. Наличие специфического рынка рабочей силы вокруг кластера, которые создается на протяжении нескольких десятилетий. Такой сгусток высококвалифицированной рабочей силы может быть создан благодаря наличию вблизи кластера высших учебных заведений соответствующего профиля, и благодаря наиболее благоприятным условиям труда, предоставляемых кластерными фирмами в отличие от фирм, работающих вне кластера.
5. Успешное развитие кластера привлекает в него новые фирмы, которые также хотят участвовать в процессе производстве или обмена знаниями. Организации, контролирующие работу компаний в кластере, обязаны содействовать приему новых компаний в кластер и помогать их активному включению в работу.
6. Создание Ассоциации компаний, работающих в кластере для определения программы развития и помощи работающим в кластере фирмам. Например, в телекоммуникационном кластере, расположенном на севере Дании была создана Ассоциация компаний NorKOM (NorCOM) в 1996 г., осуществляющая консалтинг всех членов Ассоциации (см. Dalum, Pedersen, Villumsen, 2002).
7. Наличие в кластере не только местных предприятий, но и предприятий с частичным или полным контролем иностранных ТНК. Привлечение в кластер предприятий, контролируемых иностранными компаниями должно помочь ликвидировать отставание кластера в технологическом оснащении производственного процесса.

При достижении положительных результатов по семи вышеперечисленным характеристикам кластера, конкурентоспособность страны должна улучшиться. Однако здесь мы можем столкнуться с тем, что некоторые предписания противоречат друг другу. Например, как можно добиться одновременно состояния свободной конкуренции и создания информационных каналов между фирмами, входящими в кластер? Или каким образом можно удержать специфические знания в кластере, если привлекать в него филиалы иностранных ТНК?

Кроме того, возникают проблемы и с определением того, что именно является кластером. Можно привести несколько вариантов трактовки термина «кластер»:

1. Г. Сванн и М. Преверцер трактуют кластер так: *«группа фирм в пределах одной отрасли промышленности, концентрированных в одной географической точке»* (Swann, Prevezer, 1998, p. 139).
2. С. Розенфельд понимает кластер по-другому: *«это концентрация фирм, способных создать синергетический эффект ввиду их географической близости и взаимозависимости»* (Rosenfeld, 1997, p. 4).
3. Т. Роеландт и П. ден Хертог акцентируют внимание на другом: *«кластеры могут быть охарактеризованы как сеть производителей – строго взаимозависимых фирм, в том числе и поставщиков, которые соединены друг с другом на разных этапах цепочки накопления стоимости продукта»* (Roelandt, den Hertog, 1999, p. 9)

Список определений термина «кластер» можно продолжать (Martin, Sunley, 2001). Таким образом, неясность в определении, что же такое «кластер», затрудняет возможность определения количества кластеров, функционирующих в одной стране, и нанесения их географических границ на карту.

Те же проблемы с дефицией мы обнаруживаем у термина «региональный кластер». Этот термин используют для описания, по крайней мере, трех различных объектов:

1. Определение нескольких кластеров, специализирующихся на производстве однотипной продукции и характеризующихся общностью географического положения (см. Enright, 1993)

2. Описания отрасли промышленности или сферы услуг, которая пространственно представлена заводами определенных фирм, занятых в этой отрасли промышленности (см. HERNERSNIEMI, LAMMI, Ylä-Anttila, 1996)
3. Описание цепочки накопления стоимости, сосредоточенной в данном штандорте (см. DALUM, PEDERSEN, VILLUMSEN, 2002)

Несмотря на эти проблемы с определением сущности кластера правительства целого ряда высокоразвитых и развивающихся стран инициировали программы картирования существующих в стране кластеров для повышения конкурентоспособности своей страны. На наш взгляд, концепция регионального кластера была наиболее удачно применена в малых высокоразвитых странах Западной Европы. В качестве примера возьмем Финляндию, где исследования проводились в начале 1990-х годов.

Сначала были сравнены все экспортные квоты финских товаров в сравнении с квотой финского экспорта в мировом экспорте. Те отрасли, в которых отмечался отрицательный торговый баланс исключались из списка. Также рассматривались главные торговые партнеры Финляндии в экспорте данного типа продукта, и если торговля осуществлялась только с географическими соседями Финляндии, то такие товары также исключались из исследования. На втором этапе был составлен список фирм, занимающихся производством экспортных товаров. Все компании и производимые ими продукты были сгруппированы по функциональным связям. Затем по этим связям картографическим способом были очерчены границы кластеров, которые включили в себя не только производителей товаров, но также производителей оборудования и услуг. Экспертами было сделано заключение, действительно ли выделенные кластеры обладают тесными горизонтальными и вертикальными связями между фирмами. После этого была изучена история формирования этих кластеров. На последнем этапе началось непосредственное изучение кластеров Финляндии: проводились опросы, эмпирические исследования для выяснения того, каким образом можно простимулировать развитие кластера и улучшить его конкурентоспособность (HERNERSNIEMI, LAMMI, Ylä-Anttila, 1996).

В итоге было выделено 10 кластеров, из которых один был причислен к категории сильных кластеров (лесной кластер), 2 – к полусильным кластерам (металлургический и энергетический), 5 – к потенциальным кластерам (в том числе и телекоммуникационный), и еще 2 – к латентным кластерам. В итоге в 1990-е годы именно предприятия, функционирующие в сильном и потенциальных кластерах, стали основой конкурентоспособной экономики Финляндии. По схожей схеме были выделены промышленные кластеры в других малых странах: Швеции, Нидерландах, Швейцарии и Бельгии, причем государственные органы по повышению конкурентоспособности стран к традиционным инструментам – отраслевой политики – добавили новый – кластерную политику, т.е. поддержку и развитие региональных кластеров.

Попробуем теперь определиться с дефиницией термина «кластер» и «региональный кластер». Для этого вернемся к первоисточнику – книге М. Портера «Национальные конкурентные преимущества» и используем положительный опыт малых высокоразвитых стран Западной Европы. В оригинальной версии книги М. Портер использовал термин «кластер» для определения отрасли, группы смежных отраслей с набором товаров, по экспорту которых страна занимает лидирующие позиции в мировом хозяйстве. Уже потом, видя популярность термина «кластер», М. Портер стал употреблять его применительно к совершенно разным явлениям. Термин «региональный кластер» М. Энрайт использовал по отношению к географическому скоплению фирм в одной или нескольких точках. Причем работа фирм характеризовалась взаимозависимостью и сотрудничеством друг с другом.

Использование терминов «кластер» и «региональный кластер» именно в этом смысле принесло положительный результат в целом ряде малых высокоразвитых стран. Однако необходимо заметить, что концентрация производства сходных типов товаров и услуг в кластерах характерна не для всех отраслей хозяйства и часто объясняется особенностями местного ЭГП. Это становится еще более очевидным, когда мы видим среди предписаний по проведению кластерной политики «полный отказ от попыток создать кластер с нуля» (см. ENRIGHT, Ffowcs-Williams, 2001). Т.е. рекомендуется поддерживать только существующие кластеры.

До работ М. Портера экономико-географы серьезно изучили феномен географической концентрации производства. Западными учеными были введены в науку термины «промышленные районы», «новые промышленные пространства» и «регионы обучения» (см. HARRISON, 1992; ASHEIM, 1995; SCOTT, LODGE, 1985; MARKUSEN, 1998). В советской науке была глубоко разработана проблема территориально-производственных комплексов. Поэтому чрезвычайно популярная в настоящее время

теория промышленных кластеров зиждется на солидном научном базисе. Дальнейшие исследования процессов кластеризации необходимы, и они должны опираться на разработки специалистов в области территориального размещения агропромышленного производства.

Литература:

- 1 Конкурентоспособность в системе мирового хозяйства: пространственный анализ./ Под ред. Н.С. МIRONENKO. М. «Пресс-Соло», 2002.
- 2 Портер М. Конкуренция : Пер. с англ. Москва: Издательский дом «Вильямс», 2002.
- 3 Asheim B. Industrial districts as “learning regions”. A condition for prosperity? // STEP GROUP, Report №03-95, Oslo, 1995.
- 4 Corneliu P.K., Blanke J., Paua F. The Growth Competitiveness Index: Recent Economic Developments and the Prospects for a Sustained Recovery. // The Global Competitiveness Report 2002. – New York: Oxford University Press for the World Economic Forum, 2002. – pp. 3-21.
- 5 Dahl M., Pedersen Ch. Knowledge Flows through Informal Contacts in Industrial Clusters: Myth or Realities? - Danish Research Unit for Industrial Dynamics, Working Paper №03-01, 2001.
- 6 Dalum B., Pedersen Ch., Villumsen G. Technological Life Cycles: Regional Clusters Facing Disruption. – DRUID/IKE GROUP, Aalborg, 2002.
- 7 Dunning J.H. The globalization of business: the challenge of the 1990s. New York: Routledge, 1993.
- 8 Enright M. The Geographical Scope of Competitive Advantage. // Stuck in the Region? Changing scales for regional identity / Edited by E. Dirven, J. Groenewegen and S. van Hoof. Utrecht, 1993. – pp. 87-102.
- 9 Enright M., Ffowcs-Williams I. Local Partnership, Clusters and SME Globalisation. – OECD Workshop paper, 2001.
- 10 Garelli S. Competitiveness of Nations: The Fundamentals. // The World Competitiveness Yearbook 2002, IMD, 2002. [<http://www01.imd.ch/wcy/fundamentals>]
- 11 Harrison B. Industrial Districts: Old Wine in New Bottles? // Regional Studies, Vol. 26, №5, 1992, pp. 469-483.
- 12 Hernersniemi H., Lammi M., Ylä-Anttila C. Advantage Finland: The Future of Finnish Industries. // Editor: C. Rouvinen, Helsinki, 1996.
- 13 Lundvall B.-Å. The Social Dimension of the Learning Economy. - Danish Research Unit for Industrial Dynamics, Working Paper №96-1, 1996.
- 14 Markusen A. Sticky Places in Slippery Space. // Economic Geography, vol. 72, 1998. – pp. 293-313.
- 15 Marshall A. Principles of Economics. Variorum edition overseen by C. Guillebaud, London: MacMillan Press, 1961.
- 16 Martin R., Sunley P. Deconstructing Clusters: Chaotic Concept or Policy Panacea? // Revised version of a Paper presented at the Regional Studies Association Conference on “Regionalising the Knowledge Economy”, London 21.09.2001, December 2001.
- 17 OECD, TEP – The Technology/Economy Programme. Technology and the Economy. The Key Relationships. Paris: OECD, 1992.
- 18 Porter M. Building the Microeconomic Foundations of Prosperity: Findings from the Microeconomic Competitiveness Index. // The Global Competitiveness Report 2002. – New York: Oxford University Press for the World Economic Forum, 2002. – pp. 23-45.
- 19 Reinert E.S. Competitiveness and its predecessors – a 500-year cross-national perspective // STEP GROUP, Report №03-94, Oslo, 1994.
- 20 Roelandt T., den Hertog P. Cluster Analysis and Cluster-Based Policy Making in OECD Countries: An Introduction to the Theme. // Boosting Innovation: The Cluster Approach, Paris: OECD, 1999. – pp. 9-23.
- 21 Romer P. Human Capital and Growth: Theory and Evidence. – National Bureau of Economic Research, Working Paper №3171, 1989.
- 22 Rosenfeld S. Bringing Business Clusters into the Mainstream of Economic Development. // European Planning Studies, №5, 1997. – pp. 3-23.
- 23 Schwab K., Porter M.E., Sachs J.D. The Global Competitiveness Report 2001-2002. – New York: Oxford University Press for the World Economic Forum, 2001.
- 24 Scott B., Lodge G. US Competitiveness and the World Economy. Boston: Harvard Business School Press, 1985.
- 25 Small Countries Facing the Technological Revolution / Edited by Ch. Freeman, B.-Å. Lundvall. London: Pinter Publishers, 1988.
- 26 Swann G.M.P., Prevezer M. A Comparison of the Dynamics of Industrial Clustering in Computing and Biotechnology. // The Dynamics of Industrial Clustering: International Comparisons in Computing and Biotechnology. / Edited by Swann, G.M.P., Prevezer, M. and Stout, D., Oxford: Oxford University Press, 1998. – pp. 1139-1157.

Родоман Б.Б.

СУБУРБАНИЗАЦИЯ ПО-РОССИЙСКИ: ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

1. Происхождение и мотивация

Советская и современная российская субурбанизация отличается от заокеанского (североамериканского) образца генетически, мотивационно, функционально и по многим социальным и экологическим последствиям. Неизменно за последние полтора столетия стремление подавляющего большинства горожан не переселяться в пригородную зону на постоянное (круглогодичное) жительство, а иметь там периодически посещаемое второе, преимущественно летнее жилище. Никто из подданных нашей огромной империи не спешит навсегда расстаться с «римским гражданством» –

столичной или крупногородской пропиской. Наше слово «дача» не имеет точного эквивалента в западноевропейских языках и его лучше не переводить, а объяснять как специфический русский термин. Дачи различаются по престижности и уровню так же сильно, как и их владельцы, – от будочек до многоэтажных дворцов с лифтами, но идеал дачи как предмета потребления является общим для всех слоев населения. В качестве мест отдыха якобы на лоне природы русские дачи в большинстве своем не прячутся одна от другой за растительностью и расстоянием, а теснятся, собравшись в поселки с улицами и кварталами, что резко отличает их, скажем, от скандинавских домиков, разбросанных среди гор и озер. От американской субурбии наши дачные поселки отличаются отсутствием полной инфраструктуры, характерной для города. Превращение этих поселков в пригороды-спальни происходит позже, в результате закономерной смены функций при дальнейшем росте городской агломерации, но тогда уже эти старые одноэтажные поселки сменяются многоэтажными многоквартирными домами.

К традиционной потребности горожанина иметь дачу в советское время добавилось стремление бывших крестьян, переселившихся в города, или провинциальных горожан, принудительно переселенных из сносимых односемейных домов в коллективные многоэтажные, не расставаться с сельским, полусельским, малогородским образом жизни или хотя бы отчасти к нему вернуться, как по нужде в привычном выращивании овощей и фруктов для собственного пропитания, так и из любви к этим занятиям в порядке рекреации и хобби. Оба мотива, обе тенденции слились и фактически привели к удвоению городов, продублированных прилегающими, не меньшими по площади садово-дачными массивами. Это можно проиллюстрировать на примере областного центра города Владимира, который состоит из трех частей: 1) «исторический» город, где сохранена застройка, существовавшая, в основном, до середины XX в.; 2) новый Владимир – стандартный конгломерат девяти – и двенадцатиэтажных домов Брежневской эпохи; 3) садово-дачный массив. Из трех перечисленных типов застройки последний не считается городским, хотя в нем протекает большая часть активной жизни горожан, с наибольшей отдачей прилагается их труд.

2. Дачи у сельских жителей.

Еще удивительнее ситуация в совхозных поселках и крупных селах, где многие проживают в трехэтажных многоквартирных домах городского типа с водопроводом и канализацией (часть жителей происходит из ликвидированных или обреченных на исчезновение «неперспективных» малых деревень, а многие – переселенцы из других регионов). Считалось, что обитатели таких агропоселков не будут нуждаться в «подсобном» хозяйстве приусадебного участка, так как все необходимые продукты они получают по льготной цене от своего колхоза или совхоза («доктрина» Н.С.Хрущева). В результате в сельских агропоселках получилось все наоборот: не только не исчез один повсеместный вид приусадебных наделов, но возникли целых *четыре территориальных пояса придомашнего сельского хозяйства* (боюсь, что этот факт еще не отмечался в научной литературе).

1. Огородики у стен трехэтажных домов, поливаемые через шланги из окон первых этажей водопроводной питьевой водой, без всякой дополнительной платы за эту воду, без надлежащего дренажа, без заботы о фундаментах домов и прилегающих грунтах.

2. Сарай, гаражи, курятники, хлевы, иногда окруженные грядками и фруктовыми садами (чем южнее, тем больше). Домики электрифицированы, торчат антенны телевизоров, имеются спальные койки, летние кухни. Внешне это похоже на бидонвили вокруг городов Южной Европы, Африки, Ближнего Востока, но здесь живут не бедняки, бездомные, иммигранты, беженцы, вынужденные переселенцы, а пребывают и трудятся в домашнем хозяйстве большую часть года (с ранней весны до поздней осени) жители лежащих вблизи (как правило, не далее полукилометра) многоквартирных домов. Такими безобразными окраинами, хаотично растущими, с кривыми и немощными, грязными безымянными переулками-проходами обросли все без исключения агропоселки и малые города России. В этом же территориальном поясе расположены чисто гаражные «городки» правильной формы (гаражные кооперативы).

3. Огороды под картофель, капусту и т.п., расположенные в лучшем (для владельцев) случае сразу за «бидонвиями» и гаражами, но нередко на расстоянии до километра от них.

4. Дома в натуральной, традиционной деревне, т.е. избы и хаты, удержанные владельцами, переселившимися в совхозные трех-этажки; унаследованные, купленные или построенные в деревне заново, т.е., в последнем случае, уже современные, большей частью кирпичные коттеджи, опять-таки с приусадебными участками (садами, ближними и дальними огородами). Если это тоже субурбанизация, то ее парадоксальное продолжение, транслируемое неустраненной тягой к земле – многоступенчатая субурбанизация.

Итак, мы видим, что внутренним, субъективным стимулом советской и новой российской субурбанизации оказалось стремление горожан иметь сад/огород и дачу, а внешним, объективным – разрушение при реконструкции городов одноэтажной мелкоусадебной застройки и переселение (отчасти вынужденное, отчасти желанное) из односемейных домов в многоэтажные, многоквартирные, построенные без учета хозяйственных потребностей жильцов. Понадобилась компенсация за возникшие лишения, и она осуществилась путем предоставления и приобретения земельных участков на разных расстояниях от квартиры – под сады, огороды, гаражи, склады, дачи на окраине или за пределами модернизированного города, поселка, села.

3. Особенности размещения

Размещение дачных и коттеджных поселков, даже новейших, во многих отношениях унаследовано от советского времени, когда пашня, даже в невыгодной для земледелия (при рыночных условиях) нечерноземной полосе, считалась неприкосновенной и отчуждалась в порядке редкого исключения (как правило, и более часто – под военные объекты). Между тем, сами крупные землепользователи – колхозы и совхозы стремились избавиться от неудобных земель, чтобы легче было выполнять план на оставшихся. Неудобными те или иные земли оказывались как по физическим свойствам, так и по положению, размерам, конфигурации, удаленности. В результате таких землеотводов возникла *экологическая инверсия*: в первую очередь занимались дачниками и застраивались элементы *экологического каркаса* территории: опушки, сырые луга и западины, поймы, даже овраги и балки и т.п.; на опушках дачи залезали в лес и росли за его счет. С точки зрения экологии надо, чтобы острова поселений располагались посреди сплошного природного ландшафта, а на деле стало наоборот: садовые участки, а за ними позже и коттеджные поселки превратились в сеть, улучшающую ландшафт как раковая опухоль.

В советское время раздача земли горожанам считалась одним из решений продовольственной проблемы (впервые такое решение было принято в кайзеровской Германии во время первой европейской войны, а в нашей стране оно приурочено к мирной эпохе «развитого социализма» и лицемерно маскировалось коллективизмом «садовых товариществ», тогда как на самом деле эти убогие дачки стали для советских людей важной школой частной собственности на недвижимость – с весьма успешным «капитальным» продолжением в рыночную эпоху после 1991 г. При этом для большинства владельцев садовых участков (особенно в малых городах) эти шесть соток сохранили большое продовольственное значение.

Экспансия советских горожан в пригородную зону сдерживалась несколькими запретами: отчуждать пашню, покупать дома в деревне, ставить печки в летних домах. Мало-помалу эти препятствия были обойдены, а абсурдные запреты отменены, но вместе с ними отпали, перестали соблюдаться важные экологические ограничения. Вопреки законам, застраиваются водоохранные зоны, а кирпичные дома ставятся вплотную к питьевым водохранилищам (иногда с собственными частными набережными). В этих водоемах, а также в естественных озерах и реках «новые русские» моют автомобили. Отвод и застройка загородных земель коррупционны и криминальны до такой степени, что фактически табуированы в СМИ: журналисты избегают этой темы, опасаясь за свою жизнь.

В Нечерноземье пашня исчезает повсеместно, но судьба ее оказалась троякой. В ближних пригородах земля застраивается кирпичными коттеджами, а не застроенная территория бывших полей вокруг зарастает бурьяном, превращаясь в нового вида джунгли. Подальше от больших городов, где еще сохранились остатки трудоспособного сельского населения, такая же пашня недалеко от села становится пастбищем. На всех остальных пространствах пашня зарастает лесом, начиная с мелколиственных видов, но уже появились и хвойные.

Коренной трансформации подверглась деревня. Традиционные избы сменяются кирпичными домами немногих местных селян и многих горожан-дачников на тех же участках и улицах, но вокруг деревни растет и чисто коттеджный поселок со своими улицами и внешними, опоясывающими подъездными дорогами. И это уже не саморазвитие села и сельского расселения, внешняя экспансия города, подмявшая под себя сельское ядро. И, наконец, все больше коттеджей возводится там, где люди раньше в данном регионе никогда не селились, например, на осушаемых болотах и речных поймах. Так, в районе южнорусского приречного (прибалочного) расселения (непосредственно к югу от Москвы) новые поселки возникают на плакорах; на холмисто-моренной Московской возвышенности, где деревни размещались на вершинах холмов, новые дачные поселки могут строиться вдоль оврагов и на поймах. Так происходит *субурбанизационная инверсия загородного расселения* по отношению к природному ландшафту.

Наиболее курьезны варианты, когда дачные поселки вытягиваются под линиями электропередачи (ЛЭП) или возникают в глубине леса на месте целых вырубленных кварталов. В первом случае дачи легко выдают свое огородное происхождение: сначала людям разрешили просто занять землю под огороды, чтобы она не «пустовала» и не зарастала самосевным кустарником и мелколесьем, который все равно потом придется выкорчевывать. Затем огороды застраивались сперва легкими домиками, потом капитальными. Поскольку вблизи провисающих проводов многоэтажный дом не поместится, приходится расширять просеку. В результате возникли *линейные поселения* с четырьмя и более рядами домов, шириной до 200-400 м, а длиной в несколько километров, с бетонированной дорогой по оси, т.е. под проводами высокого напряжения (об их воздействии на людей и садово-огородную растительность сейчас говорить не будем).

Вырубке лесов под дачи способствует устаревшая «плантационная» концепция лесного хозяйства, согласно которой «перестойные» леса подлежат рубке, как подлежит уборке урожая огород с созревшими овощами. В этой концепции игнорируются недревесные ресурсы и нет места широкому пониманию роли леса в биосфере и культуре. Леса на бумаге переводятся из одной категории в другую с известной целью – продать «налево» и лесоматериалы, и землю. Под предлогом всякого рода необходимых рубок идет незаконная продажа земли и застройка ее коттеджами.

4. Этого нет на карте.

Огромные коттеджные и садово-дачные поселки прекрасно видны на аэрокосмических фотоснимках, но их почти нет на общегеографических картах. Они не могут быть изображены на картах мелкого масштаба, но вот на картах среднего и крупного масштаба их не хватает тоже. В лучшем случае обозначены безымянные «сад.уч.», а новейшей коттеджной застройки не заметно. Это можно объяснить, по-видимому, двумя причинами.

1. Рассекреченные (не до конца) и выпущенные в середине 90-х годов в продажу карты и брошюры из листов одной карты (неправильно называемые атласами) в масштабе 1 : 200 000 «честно» предупреждали, что состояние местности в них показано на период с 1983 по 1994 г. Новейшие переиздания этих карт, а также атласы в масштабе 1:100 000, такого указания не содержат, так что скрытая степень их устарелости скорее возросла, чем уменьшилась; временной диапазон возраста информации расширился. На картах, выпущенных в начале XXI в., показаны в качестве действующих старые узкоколейки, разобранные 20-30 лет назад, их насыпи размыты и заросли лесом. Вместе с тем, нанесены автодороги, построенные в позапрошлом году, но часто не показана новейшая застройка, которую они обслуживают. Всегда можно сказать, что картографы не успевают за быстрыми изменениями ландшафта, и это будет правда, но только наполовину. Другая половина дела – вероятно, умышленное замедление процесса обновления карт в целях некоторой дезинформации, своеобразное мягкое, скрытое продолжение советской политики засекречивания. Прежде были секретными главным образом военные объекты, а сегодня новой «государственной тайной» стали ландшафтные свидетельства коррупции.

2. Автономные дачно-коттеджные поселки не относятся к традиционным поселениям городского или сельского типа, они не ранжированы в легенде карты по людности, их названия известны только их жителям, да изредка случайным посторонним проезжим, если помещены на дорожные указатели; эти названия пишутся в кавычках, как имена кораблей, кинотеатров, ресторанов, гостиниц; словом, это объекты особой категории, которые картографы вправе не замечать. Таким образом, этот бурно растущий и весьма перспективный тип расселения почти не получил картографического отображения. По карте области, висящей в кабинете чиновника, о коттеджных поселках судить трудно. Если они и изображены россыпью строений, то нет объединяющей надписи и ограничивающего их контура. Или, скажем иначе, никого не упрекая: перед нами новая картографическая проблема.

5. Экологический вред от коттеджных поселков.

До 1980-х годов дачные поселки под Москвой и Ленинградом были привязаны к электрифицированным железным дорогам, между которыми сохранялись фрагменты природного и сельского ландшафта. Массовая автомобилизация позволила субурбии растекаться как нефтяному пятну по морю или масляному по бумаге. Из-за более сплошной и равномерной застройки пригородная зона лишается своих санитарных функций как места формирования и регенерации относительно чистых и не перегретых воздушных масс для проветривания города; испорчены также источники питьевой воды и для города, и для самих загородных дач. Произвольным, никем не

контролируемым бурением скважин на своих участках расточаются и истощаются запасы артезианской воды, а поверхностные водохранилища загрязняются обступающей их застройкой.

Лесничество за гроши (цена нескольких бутылок водки) сдают дачникам в фактически бессрочную (ежегодно возобновляемую) аренду прилегающие к дачам участки леса, которые от этого деградируют. И без того все леса возле дач, а также обочины автодорог в лесу превращаются в свалки твердых бытовых отходов. Вместе с тем, густая сеть автодорог с трубами вместо мостов через малые реки и ручьи затрудняет поверхностный сток и естественный дренаж, ведет к заболачиванию местности и подтоплению жилых массивов в старых городах и поселках, иногда к опусканию уровня грунтовых вод и иссушению колодцев. Рассредоточенное коттеджное расселение увеличивает нагрузку автомобилями не только загородных дорог, но и городских улиц, а если хозяева дворцов и вилл поселятся там на все дни недели, чтобы ездить в город по делам ежедневно, то наступит транспортный коллапс в центральных районах Москвы и Петербурга, где расположено подавляющее число используемых этой публикой учреждений и заведений.

Беспорядочное расплывание коттеджной субурбии ведет к чрезмерной фрагментации остатков природного ландшафта, перекрывает пути миграции диких животных, ведет к исчезновению малых рек и ручьев, иссушению возвышенностей, повышает пожарную опасность, закрывает массам населения прежний доступ к ранее использовавшимся ими лесам, лугам, водоемам, удлинняет периметр застроенных участков – линию их соприкосновения с незастроенными лесами и полями; способствует проникновению автомобилей, агрессивных по отношению к природе посетителей и самодельных сооружений под полог леса, его вытаптыванию, засорению, вырубке, выжиганию; постройки растворяются в ландшафте, как ложка дегтя в бочке меда, и превращают местность в конечном итоге в *свалкопустыню*.

6. Неосуществимые рецепты.

Экологические рецепты благоприятного территориального развития пригородных зон в общем известны – это *линейно-узловое расселение* полосами вдоль транспортных магистралей, формируемое в случае приоритета общественного транспорта над индивидуальным, а лучше всего при доминировании электрифицированных железных дорог. Чтобы пассажирское движение на железных дорогах не отмирало и не уступало автотранспорту, надо восстановить некоторые железнодорожные ветки помимо главных магистральных и организовать там частое движение короткими поездами, вплоть до легких автомотрис, а также строить загородные линии трамвая и троллейбуса. В промежутках между застроенными массивами должны сохраняться зеленые клинья и коридоры лесов и парков. В остальном размещение новостроек должно зависеть от местоположения водоемов, от рельефа местности, от наличия подлежащих сохранению элементов природного и культурного наследия, а также особо охраняемых природных территорий, ценных рекреационных зон и туристских маршрутов. Нельзя распаивать, застраивать, перегораживать болота, поймы, овраги, берега малых рек и озер. Интенсивно преобразовывать можно только промежуточные земли, прилично отстоящие и от водоразделов, и от берегов, разделяя и окаймляя поля лесополосами, а жилые кварталы широкими бульварами.

Новые дачные участки и коттеджи должны не расползаться по лесам и не залезать в их середину, а размещаться в составе существующих сел, поселков, городов, продолжая и улучшая имеющиеся улицы и дороги. Природный ландшафт по оврагам и вдоль ручьев должен проникать в глубь лесных массивов. Овраги надо не засыпать и не заваливать мусором, а превращать в красивые природные парки. Распределяя землю между новыми собственниками, надо предварительно выявить, признать и узаконить фактически сложившееся полезное публичное землепользование, обычное право прохода, проезда, осмотра. Таким образом, бесцеремонной экспансии застройщиков и незаконному захвату земель должен быть положен предел. Но кто же осуществит эти рекомендации? Кому они могут быть адресованы? Такой разумной и эффективной государственной власти в нашей стране нет, а учреждения, контролирующие отвод земель под застройку, слишком коррумпированы, они тем и живут, что позволяют нарушать ими же принятые правила. В заключение отсылаю к моим ранее опубликованным работам на эту тему.

Литература

1. Родман Б.Б. Поляризованная биосфера: Сборник статей. – Смоленск: Ойкумена, 2002, 336 с.
2. Родман Б.Б. Великое приземление (парадоксы российской субурбанизации) // «Отечественные записки», 2002, №6, с.404-416.

УРБАНИЗИРОВАННОСТЬ ТЕРРИТОРИИ И ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Приволжский федеральный округ (ПФО) включает 15 регионов: 6 республик – Башкортостан, Марий Эл, Мордовию, Татарстан, Удмуртскую и Чувашскую республики (1/3 всех республик страны); 8 областей – Кировскую, Нижегородскую, Оренбургскую, Пензенскую, Пермскую, Самарскую, Саратовскую, Ульяновскую; 1 автономный округ – Коми-Пермяцкий (в составе Пермской области).

Приволжский округ занимает выгодное географическое положение (на р. Волга, между Центральной Россией и Сибирью, что обуславливает прохождение важнейших транспортных магистралей в широтном и меридиональном направлениях). Важной предпосылкой для развития служит мощный природно-ресурсный потенциал (основанный на нефти, газе, лесе, водных, почвенных и агроклиматических ресурсах). ПФО в целом отличается наличием в достаточном количестве высококвалифицированных трудовых ресурсов. Отраслями специализации являются машиностроение (85 % предприятий автомобильной промышленности страны, 65 % – авиастроения), топливно-энергетический комплекс и химическая промышленность (40 % отечественной нефтехимии). Доля промышленного производства в экономике страны в 2000 г. составляла 21,1 %. Существенный объем промышленного производства ПФО формирует продукция сельского хозяйства – 26,3 % от общего объема сельскохозяйственного производства РФ (производства зерна – 32 %) [4, 6].

Округ характеризуется вполне высоким уровнем урбанизации – 70,7 % от общей численности населения в 2000 г., что ниже все-таки общероссийского уровня на 2,2 %. ПФО сосредотачивает пять подлинных городов-миллионеров – Нижний Новгород, Казань, Уфа, Самара, Пермь – и один, почти миллионик, – г. Саратов; а также 37 городов с численностью населения свыше 100 тыс.

Общий уровень урбанизации внутри округа варьирует в пределах от 80,5 % в Самарской до 56,8 % – в Оренбургской областях. Любопытная картина получается при выявлении доли населения, проживающего в городах с численностью свыше 100 тыс. чел. В этом случае уровень урбанизации в ПФО всего 45,4 % (25,3 % – это жители поселков городского типа и малых городов, 29,3 % – сельские жители). В связи с тем, что образ жизни в малом городе, тем более в пгт, вряд ли можно отнести к истинно городскому, «настоящих» горожан в округе чуть меньше половины от всей численности населения. Еще сильнее проявляются региональные различия. По-прежнему с большим отрывом лидерство держит Самарская область – 67,3 % проживает в городах с численностью более 100 тыс. Всего только в трех регионах округа – Татарстане, Удмуртии и Ульяновской области – в таких городах сосредоточено более половины населения. При этом один город-миллионер вбирает в себя 1/4-1/3 всего населения региона: от 37,2 % в Нижегородской области до 26,6 % в Башкортостане. Самый сельский регион ПФО – Оренбургская область – в городах с населением свыше 100 тыс. проживает всего 24,2 % (табл. 1).

Таблица 1

Уровень урбанизации в регионах Приволжского федерального округа, 2000 г.

	Численность население, тыс. чел.	Доля городского населения, %	в том числе в городах с численностью нас. свыше 100 тыс., %	в том числе в городах- миллионерах, %
ПФО	31840	70,7	45,4	32,5
Респ. Башкортостан	4102	65,3	42,8	26,6
Респ. Марий Эл	755	61,6	36,8	-
Респ. Мордовия	920	59,8	37,2	-
Респ. Татарстан	3777	73,9	55,4	28,9
Удмуртская Респ.	1624	69,4	59,3	-
Чувашская Респ.	1353	61,2	44,2	-
Кировская область	1576	71,0	32,6	-
Нижегородская обл.	3633	78,2	48,1	37,2
Оренбургская обл.	2212	56,8	24,2	-
Пензенская область	1518	64,4	34,6	-
Пермская область	2941	75,1	48,2	34,5
Самарская область	3279	80,5	67,3	35,5
Саратовская обл.	2696	73,0	48,2	-
Ульяновская обл.	1454	73,2	56,4	-

Составлено по: [8].

Урбанизированность территории, определяющая особенности городского образа жизни, нас интересует в качестве фактора, влияющего на формирование качественных характеристик населения, в частности здоровья. ВОЗ определяет здоровье населения как позитивное состояние человека, характеризующее личность в целом, и определяет его как наличие хорошего физического самочувствия, а также полного психического (духовного) и социального благополучия, а не только как отсутствие болезней и инвалидности. Здоровье рассматривается на двух уровнях: отдельного человека (индивидуальное здоровье) и региона, страны в целом (общественное, популяционное здоровье). Предметом наших исследований явилось общественное здоровье как основной признак, основное свойство человеческой общности.

Состояние здоровья – один из самых важных показателей благополучия общества, отражающий степень приспособленности (адаптированности) конкретной общности людей к среде своего обитания, в частности к городской среде. Общественное здоровье формируется и поддерживается всей совокупностью условий повседневной жизни. Основными группами факторов выступают образ жизни, доход, медицинское обслуживание, генетика, экология [7, 9].

Здоровье населения регионов Приволжского округа на протяжении прошедшего десятилетия не только не улучшилось, что было бы естественным в условиях научно-технического прогресса, но даже ухудшилось. Об этом можно судить по изменению средней ожидаемой продолжительности жизни. Это один из наиболее наглядных, достоверных, доступных индикаторов состояния общественного здоровья, широко используемый для разного рода оценок и сравнений.

За последнее десятилетие продолжительность жизни городского населения (как, впрочем, и всего населения) в ПФО заметно снизилась – на 4,4 года (с 70,4 года в 1990 г. до 66,00 в 2000 г.). Подобная тенденция характерна и в целом для Российской Федерации. Существенное ухудшение здоровья пришлось на период с 1992 по 1994 гг. (1994 г. – год обвала; продолжительность жизни – 65,4 года). Начальная стадия социальной адаптации населения к новым условиям (1995-1998 гг.) отмечена неустойчивым, очень слабым улучшением некоторых показателей общественного здоровья. После кризиса 1998 г. продолжительность жизни начала вновь снижаться – позитивный рост не утвердился. В 2000 г. понижательная тенденция сохраняется [1].

В 1990-е гг. ухудшение здоровья населения Приволжского округа произошло не только во времени, но и в пространстве, с усилением региональных контрастов. Продолжительность жизни городского населения снизилась во всех регионах без исключения. В 2000 г. продолжительность жизни населения в городской местности составляла 66,00 года, что на 1,33 года больше, чем в сельской местности, и выше общероссийского уровня на 0,65 года. Лучшие показатели здоровья на урбанизированных территориях в 2000 г. демонстрировали Татарстан, Башкортостан, Мордовия и Чувашия. Несомненными «аутсайдерами» выступали Пермская, Оренбургская, Самарская, Саратовская и Нижегородская области. Так продолжительность жизни варьировала от 67,67 в Татарстане до 64,43 года в Пермской области (разница между полярными регионами – 3,24 года).

В целом во всех регионах ПФО (за исключением Оренбургской области) продолжительность жизни городского населения выше, чем сельского. Городские мужчины, живут дольше сельских во всех регионах округа без исключения. У женщин эта тенденция также прослеживается, за исключением Мордовии, Татарстана, Удмуртии, Оренбургской области, где женщины в селах живут дольше, чем в городах (рис. 1).

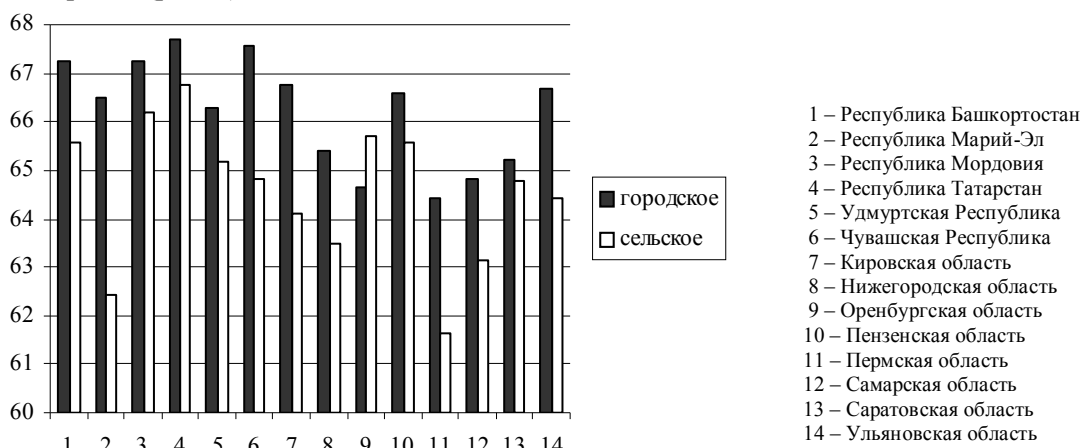

Рис. 1. Средняя ожидаемая продолжительность жизни городского и сельского населения по регионам ПФО (число лет; 2000 г.)

Самая значительная разница в продолжительности жизни между городским и сельским населением в 2000 г. отмечена в Марий Эл (4,05 года) и Пермской области (2,78); незначительная – в Саратовской области (0,44) и Татарстане (0,92 года). В регионах округа явно проявляется общемировая закономерность – женщины живут дольше мужчин. Разница в ожидаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами в городской местности в 2000 г. – 13,15 года (в сельской – 14,08): от 11,75 в Чувашии до 14,59 года в Оренбургской области. Значительная контрастность в здоровье мужчин и женщин наблюдается в регионах с городами-миллионерами: в Самарской (14,51 года), Саратовской (13,74) и Нижегородской областях (13,81) (табл. 2).

Таблица 2

Регионы ПФО с полярными значениями продолжительности жизни (число лет, 2000 г.)

городская местность			сельская местность		
все население	мужчины	женщины	все население	мужчины	женщины
Лидеры					
Татарстан – 67,67	Чувашия – 61,65	Татарстан – 74,27	Татарстан – 66,75	Татарстан – 59,98	Татарстан – 74,73
Чувашия – 67,57	Татарстан – 61,31	Мордовия – 73,88	Мордовия – 66,17	Мордовия – 59,77	Мордовия – 74,12
Башкортостан – 67,26	Башкортостан – 61,08	Башкортостан – 73,74	Оренбургская обл. – 65,69	Оренбургская обл. – 59,38	Пензенская обл. – 73,21
Аутсайдеры					
Пермская обл. – 64,43	Оренбургская обл. – 57,74	Пермская обл. – 71,25	Пермская обл. – 61,65	Пермская обл. – 55,19	Пермская обл. – 69,71
Оренбургская обл. – 64,63	Самарская обл. – 57,91	Оренбургская обл. – 72,33	Марий Эл – 62,43	Нижегородская обл. – 56,56	Марий Эл – 69,78
Самарская обл. – 64,80	Пермская обл. – 58,34	Самарская обл. – 72,42 Саратовская обл. – 72,45	Самарская обл. – 63,14	Марий Эл – 56,63 Самарская обл. – 56,68	Самарская обл. – 71,26

Составлено по: [1].

Таким образом, прослеживается очевидная закономерность – в городской местности население живет дольше, чем в сельской. Напрашивается вывод – с повышением урбанизированности территории здоровье населения улучшается. Это вполне объяснимо: в городе более высокий материальный доход у населения и шире возможности для получения своевременной и качественной медицинской помощи. К тому же за счет более высокого уровня образования и культуры населения в городах и отношении к своему здоровью более ответственное, т. е. самосохранительное поведение развито. Направленность основных миграционных потоков в последние полвека их села в город, в которых участвовало наиболее молодое и здоровое население, способствовала созданию более благополучной ситуации в городской местности. В этом случае урбанизация вступает как благо, фактор положительного характера, влияющего на здоровье населения. Ярким примером тому служит Оренбургская область, где самая слабая урбанизация и низкая продолжительность жизни.

Но в то же время прослеживается и такая закономерность – наиболее низкая продолжительность жизни, уровень здоровья населения округа отмечается в суперурбанизированных регионах, имеющих на своей территории города-миллионеры, несмотря на очевидные преимущества жизни в большом городе. Городской образ жизни, городская среда имеет ряд существенных недостатков. Именно в больших городах наряду со многими плюсами широко распространены так называемые «болезни цивилизации» (гипертоническая болезнь, ишемическая болезнь сердца, язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, диабет, бронхиальная астма, болезни обмена веществ, неврозы, психические расстройства и др.).

В крупных городах получило массовое распространение девиантное (отклоняющее) поведение, приводящее к снижению качества населения, в том числе и здоровья. Это, в первую очередь, наркомания, что особенно актуально для ПФО, для его южных, приграничных регионов округа. Ярким примером тому – прославившаяся на всю Россию Самарская область, которая в 2000 г. по числу больных, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждений в расчете на 100 тыс. чел. занимала 2 место из 89 субъектов РФ – 518 больных на 100 тыс., что больше среднероссийского уровня в 2,8 раза. Наркотики наиболее быстро «приживаются» в городах, особенно крупных, как атрибут «цивилизованного» общества, признак городского образа жизни, где выше материальный доход и больше возможностей для сбыта наркотиков. В большом городе легче

затеряться и остаться безнаказанным (прямая связь с преступностью) [5].

1990-е гг. характеризуются однозначным и повсеместным ростом уровня преступности в округе – в 1,6 раза, в том числе убийств и покушений на убийство – в 2 раза (темпы роста выше, чем преступности в целом). Преступное поведение наибольшее распространение получило именно в городской среде. Преступность как атрибут городского образа жизни, в большом городе – все большое, много больших соблазнов. Уровень зарегистрированных преступлений на 100 тыс. нас. в городах с численностью свыше 100 тыс. чел., тем более в столицах, выше, чем в целом в регионе (табл. 3).

Таблица 3

Число зарегистрированных преступлений (на 100 тыс. нас.), 2000 г.

	Всего	В городах с населением свыше 100 тыс. чел.	В столицах
ПФО			
Респ. Башкортостан	1170	1158	1279
Респ. Марий Эл	2446	2764	2764
Респ. Мордовия	1666	1900	1900
Респ. Татарстан	1860	2699	1860
Удмуртская Респ.	1848	2021	1979
Чувашская Респ.	1700	1945	2316
Кировская область	1878	1988	1988
Нижегородская обл.	2057	2223	2143
Оренбургская обл.	1863	2433	2433
Пензенская область	1040	1041	1041
Пермская область	2882	3195	3548
Самарская область	1853	1715	1657 Тольятти – 2373
Саратовская обл.	1714	1929	1678
Ульяновская обл.	1647	1648	1532

Составлено по: [8].

Итак, худшие показатели здоровья в ПФО имеют суперурбанизированные Пермская, Нижегородская, Самарская и Саратовская области, а также слабоурбанизированная Оренбургская область. Можно предположить, что большая часть населения (особенно мужского в трудоспособном возрасте) не смогла еще адаптироваться к повышенной требовательности, гипердинамичности, внутренней противоречивости крупных городов. Из выделенной закономерности выбиваются 2 республики – Татарстан и Башкортостан, относящиеся к высокоурбанизированным регионам и имеющих на своей территории города-миллионеры. Здесь, на наш взгляд, мощным сдерживающим фактором выступает религиозная принадлежность населения – около половины исповедуют ислам.

Таким образом, процесс урбанизации как таковой – это позитивный фактор, способствующий увеличению продолжительности жизни и повышению здоровья. Но до определенного предела – суперурбанизация оказывает прямо противоположное влияние. По-видимому, оптимальным для проживания, для поддержания хорошего здоровья (в физическом, психическом и социальном аспектах) следует рассматривать средний город, который утратил уже во многом основные черты сельской местности, но не впитал в полной мере порочность большого города.

Литература

1. Демографический ежегодник России: Стат. Сб. / Госкомстат России. М., 2001. 403 с.
2. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2001 г. / Под общ. ред. проф. С.Н.Бобылева. М.: Интер Диалект+, 2002. 120 с.
3. Лаппо Г. М. География городов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 480 с.
4. На пороге новой регионализации России. Центр Стратегических Исследований Приволжского федерального округа. Н. Новгород, 2001. 124 с.
5. Попов В. А., Кондратьева О. Ю. Наркотизация в России – шаг до национальной катастрофы // Социол. иссл. 1998. № 8. С. 65-73.
6. Приволжье 2001. Промышленно-экономический справочник-каталог по Приволжскому федеральному округу. Н. Новгород, 2001. 512 с.
7. Прохоров Б. Б. Здоровье населения России по регионам. Общественное здоровье // Россия в окружающем мире: 1999 (Аналитический ежегодник). М.: Изд-во МНЭПУ, 1999. С. 58-87.
8. Регионы России: Стат. сб. В 2-х т. М.: Госкомстат России, 2001.
9. Римашевская Н. М. Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI в. // Пробл. прогнозир. 2001. № 3. С. 34-48.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Исследование проводится при поддержке РФФИ (№ 01-06-80362)

Региональная идентичность нами понимается как форма проявления культуры укорененности (см.: Крылов, 2002), интегрирующая в пределах определенной территории местные проявления российской (цивилизационной) и различные локальные и частные региональные идентичности, объединяемые общим понятием «малая родина». Идентичность понимается как «особость», самобытность, устойчивость, целостность, пассионарность и рассматривается прежде всего с точки зрения ее силы-слабости-деградации-сохранности, хотя, разумеется, с учетом ее территориальной морфологии. Укорененность и идентичность не представляется возможным рассматривать в оппозиции к «либерализму» и «демократии», в частности, исходя из оппозиции «коллективизм - индивидуализм», поскольку для современных процессов самоидентификации с территорией исходным является уровень личности (и, как представляется, уже на биосоциальном уровне индивид потенциально является «глобалистом» или же «антиглобалистом»). Идея укорененности в противовес космополитизму заключается не в разобщении людей (ср.: Даллмар, 2003), а в отрицании «антиукорененности», «сверхмобильности», признании их права на реализацию социобиологической территориальности, права на «отъединенность» (в рамках целого - в противовес «коммунальной квартире»), в признании многоуровненности феномена человека, при которой часть уровней всеобща и универсальны, часть - индивидуальны, а часть - наиндивидуальны, но в принципе открыты, что реально подтверждает выявившийся в массовых опросах феномен «местных по убеждению» с более развитой идентичностью, чем у «местных по рождению».

Непосредственно нами изучаются региональные семейства поселений (чаще городов; здесь можно упомянуть работу М.В. Рабжаевой, В.Е. Семенова (2003), использующих понятие «городская региональная идентичность»). В пределах поселения осуществляется наиболее тесный контакт индивидов и осуществляется их рефлексия по поводу поселения и окружающей территории, которую индивид считает «своей» и где он считает себя «местным» (обычно это административная область, но чаще - ее часть, что зафиксировано нами для Нижегородской, Воронежской, Тамбовской областей и для города Галича). Такие неформальные регионы внутри современных административных областей могут совпадать с различными историко-географическими территориями (часто - в границах провинций 18 в. или уездов 16-17 в.в.).

Вопреки распространившимся взглядам, региональная идентичность - это реальный феномен, а не основанная на пиаре «потемкинская деревня», существование которой проблематично «без (после) Потемкина» (ср.: Гельман, 2003).

Во многом иная трактовка региональной идентичности содержится в работах А.Г. Манакова (например, Кувенева, Манаков, 2003). В частности, с точки зрения А.Г. Манакова, первичным фактором формирования региональной идентичности является совокупная сеть современных и историко-географических границ. У нас же границы вторичны с точки зрения сути феномена и не являются главными согласно результатам анализа; часто культурные, психологические границы оказываются вторичными от развитости местного патриотизма (для Псковской области, которую изучает А.Г. Манаков, характерно не свойственное в целом для Европейской России сочетание дискретности культурного пространства и жесткости границ, которые отчасти подавляют реальные субэтнические особенности). Отсюда - различие исследовательских стратегий (хотя и при частичном совпадении): у нас - изучение множества «ключей», связь малой и большой Родины, у А.Г. Манакова - выделение историко-географических районов.

В настоящей статье рассмотрена пространственная дифференциация региональной идентичности по Европейской России. Анализ фокус-групп (2001-2003 г.г., в %) в 11 городах и одном сельском районе (по отобраным 496 анкетам представлены на таблицах 1-6. Для массовых опросов были использованы полигоны «Юг» (Воронежская область) и «Север» (Вологодская область), суммарно 1800 респондентов. Для «Юга» характерна повышенная сила идентичности в аспектах традиции и модернизации, усиление идентичности и роли места в самоидентификации личности при усилении центральности, органичность идентичности относительно традиции, отсутствие чувства превосходства по отношению к соседям, доминирование неэкономизма мышления. Для «Севера» характерна пониженная идентичность в целом, ослабление идентичности, роли места в самоидентификации личности при усилении центральности поселений, элемент

неорганичности идентичности относительно традиции, переход к экономизму мышления в наиболее крупных городах. И для «Юга», и для «Севера» характерно ослабление традиционности при усилении центральности, а также существование феномена «постпатриархальности» - тенденции к усилению идентичности в некоторых средних по рангу городах (в которых, по-видимому, достигается оптимум между «провинциальностью» «центральностью») (Крылов, 1999, 2002). Кроме того, в Вологде как постпатриархальном историческом городе по ряду параметров наблюдается дополнительное усиление идентичности, отчасти «перекрывающее» ее ослабленность на «Севере». Было установлено единство механизмов формирования региональной идентичности на «Юге» и «Севере» (в частности, посредством «перекрестного» анализа параметров для «Юга» и для «Севера», выявления характера влияния уровня образования на идентичность в обоих регионах и т.д.) Примеры различия параметров идентичности на «Юге» и «Севере». Интегральная идентичность (баланс между российским патриотизмом и желанием эмигрировать, также ощущением отчужденности от территории, где прожил всю жизнь) : «Юг» 29,3%, в т.ч. Воронеж 37,3%; «Север» 18,6%, в т.ч. периферия 22,3%, Вологда 16,7%, Череповец 12,6%. Интегральная укорененность (алгебраическая сумма согласия с поговорками «где ни жить - лишь бы сыту быть» и «с родной земли уми - не сходи») : «Юг» 35,3%, в т.ч. Воронеж 41,7%, «Север» 22,3%, в т.ч. периферия 27%, Вологда 41%, Череповец 13% (по Твери - 3%). Традиционность, в аспекте региональной идентичности («субэтничность» - согласие с мнением о том, что нужно сделать все возможное, чтобы сохранить местные различия в особенностях поведения, питания, говорах и т.п.) : «Юг» 60,4%, в т.ч. Воронеж 57,3%; «Север» 22,2%, в т.ч. Вологда 17,8%. Модернизация, в аспекте региональной идентичности («глокальность» - согласие с тем, что нужно сделать все возможное для сохранения специфики архитектуры и внешнего облика городов) : «Юг» 85,7%, в т.ч. Воронеж 92%, «Север» 61%, в т.ч. Вологда 71,3%. Поддержка местных экокультурных движений: «Юг» 53,9%, в т.ч. Воронеж 60,6%; «Север» : 48,3%, в т.ч. Вологда 44,9%. Контрастность «Юга» и «Севера» в принципе вписывается в гипотезу Л.Н. Гумилева о пассионарности (т.к. выходит, что «большая традиционность - не там, где больше развита традиция»). Южновеликорусский (суб)этнос действительно более молодой по сравнению с северным, при этом он неоднократно «омолаживался» ассимиляцией пришельцев.

Меридиональное расположение взятых нами «ключей» позволяет «нащупать» элементы социоприродной докучаевской зональности, возможно связанные с темпераментом как одной из основ биосоциальной территориальности и местными вариациями (часто контрастными) «русского национального характера», также особенностями заселения и местной истории в целом (например, для Воронежской области характерно определенное присутствие остатков донского, а также малороссийского казачества, остатков древнего южнорусского населения северной степи, для Тамбовской области характерен мордовский субстрат). С точки зрения докучаевской зональности можно пытаться интерпретировать приведенные различия «Юга» и «Севера». Очень четко зональность прослеживается по Хопру: Балашов, Борисоглебск, Новохоперск. По нашим наблюдениям, между Нижним Новгородом и Арзамасом проходит явная граница Севера и Юга Европейской России.

Были обнаружены также черты своего рода квазитюненовской зональности, связанные с действием эффекта центральности, стимулирующего динамичность. В условиях различного состояния местного культурного субстрата, противостоящего эффекту центральности, динамичность либо стимулирует традицию и идентичность (Воронеж, по-видимому, Нижний Новгород, Ярославль), либо разрушает или трансформирует ее (Тверь, частично - Череповец).

На таблице 1 представлены общие черты самоидентификации фокус-групп. Следует обратить внимание на то, что параметры самоидентификации, трактуемые как проявление местного патриотизма, могут не полностью совпадать друг с другом . Для южных городов характерна повышенная эмоциональная реакция на отрицательные черты поведения (которые, заметим, накладываются на повышенную эмоциональную активность тех, кого осуждают). В этом смысле для южан может быть характерна излишняя самокритичность, не отражающая целиком развитость местного патриотизма. В то же время заниженная самооценка у северян-костромичей должна вызывать настороженность, т.к. она проявляется в рамках пониженного эмоционального фона. Жестко высказанное мнение об отсутствии насмешек со стороны жителей соседних территорий (в отличие от отсутствия ответа на этот вопрос) отражает развитость местного патриотизма (но, как правило, кроме явных случаев сильных речевых отклонений от московского говора, например, в Тамбовской области). Фиксирование насмешек над региональными особенностями поведения еще более явно фиксирует признание существования субэтнических различий на уровне регионов (что

обычно отрицается современными отечественными этнологами). Жесткое мнение об отсутствии различий у членов местной общности по сравнению с соседями может считать проявлением «глобалистской» установки (культурной и, по-видимому, биосоциальной), которая в данном случае влияет на формирование местного патриотизма как выравнивающий фактор. Местный патриотизм, укорененность и субэтничность в значительной мере совпадают между собой. В то же время региональная символика может быть безусловно более субэтнической, чем «патриотичной», судя по трактовке понятия «тамбовский волк» (таблица 2).

На Севере и в центральных районах относительная слабость негативных эмоциональных реакций создает позитивный фон, который способствует ассимиляции «неместных», в то время как более южные города, с большей силой эмоций жителей в большей степени способствуют развитию патриотизма (как более абстрактного по форме и эмоционально обусловленного понятия). В то время как укорененность (как в конечном счете более конкретное и рационально-эмоциональное понятие), описываемая параметрами «любви» и «нежелания уезжать», по-видимому, связана с типом населенного пункта (подобного Вологде, Мурому, Арзамасу, Моршанску) и образом города («уютного», «тихого», «старинного», «современного»), в который вписывается и образ жителей как более добрых и мягких, чем их соседи в других городах. Более южные города стимулируют усилению и поляризацию самооценок, балансирования на грани повышенного местного патриотизма и комплекса неполноценности (особенно у «неместных»), «зацикливания» на стереотипе поведения жителей. ; пример - Тамбов. Большая сохранность «старинности» и существенно более мягкий стереотип поведения жителей в северных районах должны способствовать большей укорененности, более активный темперамент в южных районах - большому патриотизму. В то же время патриотизм воздействует на укорененность.

Интересно, что самооценка (самоидентификация) жителей городов, по результатам анализа фокус-групп, обнаруживает черты некоего логического ряда: от юга к центру и северу происходит переход от эгоизма, «жлобства», трудолюбия и сообразительности (Новохоперск, Борисоглебск) сначала к коллективизму, агрессивности, нахрапистости, дерзости и угрюмости (Тамбов), затем - к пьянству (Мичуринск), далее - к мягкости, доброте (Моршанск, Балашов), затем - к жадности («куркули»), прагматичности, доброжелательности, любви к сплетням (Арзамас, Муром), севернее - к доброте и инертности (Кострома), еще севернее - к суетливости, беспокойности и трудолюбию (Галич). Склонность к экономизму мышления характерна для более южных, склонность к пьянству - лишь для более северных территорий, хотя фиксируются «острова» экономизма в центральных районах в б. купеческих городах. Наряду с этим, прослеживается определенная смена пространственных (и логических?) циклов самооценок («умноженных» на черты прошлого и современного образа жизни), сводящихся, в частности, к чередованию зон подъема и спада активности-динамичности.

Возможно, что зональность темпераментов накладывается на зональность волн заселения (жители Ярославля и Галича по сравнению с костромичами и поведенчески, и антропологически производят впечатление южан, в особенности ярославцы, что хорошо коррелирует с результатами анкетирования).

Необходимо отметить, что в рамках метода массовых опросов для Юга, по сравнению с Севером, внешне фиксируется пониженный экономизм мышления, в то же время повышенная активность (реактивность?) фиксируется так же, как и при изучении фокус-групп. Однако это разные уровни «экономизма». Если в массовых опросах экономизм как несогласие в поговоркой «бедность - не порок» (в Твери) означает переход на «протестантскую систему ценностей» (в части ареалов продвинутой модернизации), то в фокус-группах указание на «жлобство» одновременно содержит (и в современности, и в традиции) как элемент констатации хозяйственной активности, так и элемент осуждения (осуждения «своих», например, членов семьи). Собственно, сочетание элементов осуждения излишнего «жлобства» и хозяйственной активности никак не противоречит тому, что денежное богатство - не самоцель (как это полагается в русской традиции: см. Найденова, 2003, также работы В.В. Иванова и А.М. Панченко). В то же время жесткое осуждение бедности выходит за рамки русской традиции. Заметим, что в Твери разрушение русской традиции фиксируется не только по критерию экономизма, но также и по разрушению укорененности (см. выше). Высокая корреляция между экономизмом, укорененностью и традициями (особенно субэтничностью) фиксируется и в массовых опросах (полигоны «Юг» и «Север»).

В то же время самооценка жителей крупнейших городов - Нижнего Новгорода и Ярославля, а также Череповца (в меньшей степени - Воронежа) в рамках метода анализа фокус-групп в основном обнаруживает излишне рациональные оценки, в которых обращение к образам традиции

носит «искусственно-интеллектуальный», эрудитский характер. Как представляется, это связано не только с перекосом в сторону рационального мышления или излишней «элитарностью» представителей фокус-групп, но также и с «полустоличной» самодостаточностью этих городов и в связи с этим возможностью «смотреть свысока» на «менее развитых» соседей, что в целом не способствует региональной рефлексии.

Неоднозначность региональной идентичности хорошо видна на примере Моршанска. С одной стороны, моршанская идентичность входит в состав тамбовской идентичности. эпицентром которой является город Тамбов (особая неформальная роль Тамбова подтверждается, например, доминированием наиболее сильной положительной реакции на образ «тамбовского волка»). С другой стороны, моршанская идентичность типологически подобна арзамасской и муромской идентичности, если судить, в частности, по характеру самооценки жителей (по силе и характеру укорененности, балансу позитивных и негативных качеств, насмешек, описание характерных черт характера и поведения и в целом по силе и характеру эмоциональной реакции в процессе самоидентификации). Это в какой-то степени может быть связано с вхождением этих городов в состав «Большой Мещеры» (в том числе Моршанска - Шацкой, но не Тамбовской провинции), а также схожестью этих городов как «старых купеческих», с замедленным ростом в советское время. Наряду с этим, в Моршанске обнаруживается связь с Пензой и Самарой, в смысле предпочтений для жительства, наряду с Тамбовом (исходя из связи по железной дороге). Жители Моршанска обнаруживают большую укорененность, чем жители Тамбова (самодостаточность среднего города) и существенно большую связь с конечным набором конкретных городских образов-символов (Троицкий собор и др.), чем жители более динамичного Тамбова, конкретный образ которого весьма многообразен и в то же время не имеет четкой границы с образом региона.

В то же время в Мичуринске под влиянием стресса соседства (Липецк, Москва, Рязань, Воронеж) идентичность ослабевает: фиксируется относительно ослабленная связь с собственно тамбовской идентичностью, возникает комплекс неполноценности (судя по балансу позитивных и негативных самооценок по сравнению с соседними городами и территориями, фиксируется отторжение старинного имени города - Козлов, при наличии насмешек соседей и на имя «Мичуринск») (таблица 1). В Мичуринске преобладает негативное восприятие «тамбовского волка», отсутствует понимание «тамбовского волка» как символа региона (таблица 2). В то же время преобладание негативного отношения к распространению образа Тамбова как символа глубинки следует понимать как «защитную реакцию», а также «знак солидарности» (таблица 4).. Исторически Мичуринск-Козлов развивался как дублер Тамбова, в то же время, фокусом региона стал именно Тамбов (как дворянский центр), в то же время Козлов как купеческий город приобрел черты «вольного города», менее жестко связанного с регионом. Характерно, что в фокус-группах уроженцы Тамбова в Мичуринске (и обратно) считают себя неместными и противопоставляют и внешность архитектуры города, и стереотип поведения жителей родного города, и чужого города. («Мичуринск - это старый купеческий город, люди думают больше о вещах и деньгах»; «мичуринцы - очень добрые и отзывчивые люди»). Однако тамбовская идентичность, являющаяся и городской, и региональной, оказывается в связи с этим в целом более сильной, чем мичуринская идентичность. В то же время тамбовская идентичность включает в себе ряд противоречивых «пластов», связанных с «носителями» идентичности (в связи с чем нами введены понятия о контекстах «тамбовской» и «внетамбовской» идентичности. Для Тамбова нами зафиксированы высказывания «Центрально-черноземный отстой» и «тамбовский волк -это я», «да идите вы со своим произношением «ге»».

Если образ «Тамбова» как символа глубинки, как правило, воспринимается негативно и в массе тождественен ослаблению местного патриотизма, то в отношении Урюпинска фиксируется обратная зависимость; при этом любопытно, что чем ближе к Урюпинску, чем выше положительная оценка анекдотов об Урюпинске (исключение составляют школьники Тамбова и Моршанска, резко негативно относящиеся к феномену возникновения географических образов «глубинки») (таблицы 3, 4). В отличие от Костромы, в Тамбове и Моршанске весьма резко доминирует отторжение идеи присоединения к Липецкой области (хотя желающие присоединиться есть). Однако эта идея доминирует в Мичуринске (таблицы 5,6).

Степень осознания своего края как особой самобытной территории, как правило, связано с развитостью местного патриотизма (в частности, в Арзамасе, Муроме, Череповце и др.) (таблица 1). В Костроме стресс соседства вызвал существенно более сильное разрушение идентичности, чем в Мичуринске (по показателям «любви к родному городу», а также характеристики специфики местной общности, по отношению к которой местными было высказано больше отрицательного, чем неместными, и по балансу «патриотичного» мнения о том, что «насмешек над нами нет» и мнением

о безусловном наличии таких насмешек) (таблица 1).. По Костроме нами вообще не удалось зафиксировать положительной характеристики местной общности (людей, а не архитектуры и природы). Выражение «Кострома полна ума» было обнаружено в Ярославле (как характеристика соседей). Только в Костроме было зафиксировано мнение местных жителей о том, что их говор «действительно некрасивый» (что является явным преувеличением). Значительная часть неместных (особенно) жителей Костромы выразила желание присоединиться к Ярославской области, утратив суверенитет региона. Между тем в Галиче такого стресса соседства нет, и желающих там присоединиться к Ярославлю меньше, чем среди местных Костромы (таблица 5). («Нам дорого название Костромской области» - так записано в одной из наших анкет - как бы в опровержение мнения о том, что для необластных городов не характерен патриотизм «области в целом», если она носит имя областного города). Тем не менее, для Костромы характерно мнение о безусловном вхождении именно в Костромской край, а также практически 100%-ое (наряду с Тамбовом и Великим Устюгом знание старинного герба города).

Таким образом, некоторые территории воспринимаются как безусловно самобытные, не зависимо от развития местного патриотизма. Интересно восприятие жителями Тамбова, Мичуринска и Моршанска жителей территорий, отделенных от Тамбовской губернии, в частности, Липецка и Борисоглебска. как «тамбовских волков» или нет. В целом преобладает некоторое преимущество мнения о том, что они «тамбовскими волками» все же не являются, при тяготении отрицательного мнения со стороны «патриотов» (за исключением краеведов, которые отстаивают формально-историческую трактовку территориального распространения «тамбовского волка»).

Нами выявлено несколько десятков значения понятия «тамбовский волк», как оно фактически понимается жителями Тамбовской области («благородный русский геральдический зверь», «ответственный строгий злой волк», «волки ноги кормят», «..значит - не бездельник» и т.д.; положительные значения увязываются с распространением в прошлом в Тамбовской губернии не крепостных, а государственных крестьян, с коллективизмом и свободой личности, с сопротивлением при «антоновщине», с успешной трудовой конкуренцией, негативные значения - с грубостью (или грубоватостью), резкостью, хамоватостью, агрессивностью, недипломатичностью. В то же время в исторической литературе упоминаются лишь звери - предмет охоты, или заключенные. Интересно, что неместные, укоренившиеся в Тамбовской области, именно по параметру отношения к образу «тамбовского волка» сильно отличаются от местных; по-видимому, «тамбовский волк» является не только региональным, но и субэтническим символом (таблица 2).

Идентичность на уровне макрорегионов (средняя полоса России, Центр и др.) присутствует, но развита слабо) (таблица 1).

Идентичность на уровне административных областей носит неформальный характер, т.к. она подтверждается в рамках значительного разброса мнений жителей городов. Подтвердилась гипотеза существования хоперской идентичности (30-50% при выборе между Воронежской, Саратовской областями, Хоперским и Тамбовским краем; максимум хоперской идентичности - в Новохопёрске, минимум - в Борисоглебске, где некоторое ослабление хоперской идентичности компенсируется присутствием реликтовой (?) тамбовской идентичности порядка 25% (таблица 1). Идея Хоперской идентичности популярна в Урюпинске, где появилась поговорка: «Балашову - хлеб да сало, Волгограду - пыль да слава».

В ряде городов патриотизм увязан с происхождением (местные, неместные); особый феномен «местных по убеждению» фиксируется нами в массовых опросах, для фокус-групп он обнаружен нами лишь для Тамбова. Для Тамбова и Новохопёрска характерен наибольший контраст между позицией местных и неместных, что связано со сложностью ассимиляции с субэтнически развитой среди темпераментных жителей. Жительница Новохопёрска очень хочет вернуться на родину - в Никольск Вологодской области, где «люди другие - северные, добрые». В других городах патриотизм не увязан жестко с происхождением жителей. Это относится как к городам с повышенной долей «местных» (Мичуринск), так и несколько меньшей их долей (Череповец) - местные по самооценке.

В целом представляется возможным констатировать, что в ходе исследования выявлены значительные региональные культурные контрасты. в том числе между соседними территориями и соседними городами. Однако эти контрасты проявляются в континуальной геопространственной среде, что фокусирует региональные различия на города-центры регионов. Континуальность геопространственной среды усиливает корреляцию между существующим областным делением и местными этнокультурными типами. В совокупности указанные обстоятельства могут создавать ложное впечатление «аспятиальности», неструктурированности как формы российской культурно-

цивилизационной аномалии (Л.В. Смирнягин, А.Е. Левинтов, А.Ю. Любарский, в прошлом - С.М. Соловьев в противовес Н.И. Костомарову и А.П. Щапову). В то же время зафиксированное единство механизмов формирования региональной идентичности является проявлением единства культуры России, ее универсальности и монистичности, никак не исключающих развитие местного патриотизма. Последнее обстоятельство, а также наблюдаемая по рассмотренным городам «реакция на пространство» и здесь не позволяют согласиться с идеей «аспатиальности». нельзя согласиться с мнением О.И. Шкаратана (2002, с.55), что переход русского этноса к интенсивной модели развития означает появление региональной идентичности и локальных урбанистических субкультур (в 21 в.?!?), что, в свою очередь, чревато риском утраты лучших качеств или целостности русским этносом (?). В то же время имеются противоположные мнения о том, что в новой хозяйственной волне, идущей на смену глобализации, сущностью которой будет «новое ремесленничество» - когда «главным товаром станет особый стиль», особо важную роль должна играть Россия (наряду с Италией и Японией) как макророна, «которой исторически близки ремесло и трепетное отношение к предметам», а также не развита «жадность», тормозящая индивидуализацию (Гурова, 2003). Думается, что развитие региональной идентичности хорошо вписывается в эту логику.

Автор статьи благодарит за сотрудничество и помощь А.Л. и Н.А. Романович (Воронеж), К.А. Гулина (Вологда), Е.М. Смирнова (Тверь), Г.А. Самородову и Л.М. Рудневу (Балашов), отдел культуры Администрации Новохоперска, отдел образования Администрации Муром, Н.В. Джалагания, Ю.А. Апалькова, А.Я. Клименко, О.В. Попова (Борисоглебск), Н.Р. Наседкину (Арзамас), Л.И. Богословскую и М.П. Белых (Мичуринск), краеведов Тамбова и Моршанска, сотрудников Моршанской городской и районной библиотек, центральной библиотеки Мурома, преподавателей Тамбовского ГУ им. Г.Р. Державина и Мичуринского пединститута, школу №8 Тамбова журналистов Борисоглебска, Арзамаса и Моршанска; В.Р. Попова, В.А. Баданину (Череповец).

Литература

1. Гельман В.Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности //Журнал социологии и социальной антропологии, 2003, Том 6, №2, с.91-105
2. Гурова Т. Как скучно пить кока-колу//Эксперт, 2003, №35, с.30.
3. Даллмар Ф. Глобальная этика : преодоление дихотомии «универсализм - партикуляризм»//Вопросы философии, 2003.№3, с. 13-29.
4. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России: концептуальный контекст и опыт количественного анализа // Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития. М., ИГ РАН, 2002.
5. Крылов М.П. Социально-экологический подход к феномену российской урбанизации//Урбанизация в формировании социокультурного пространства, М., Наука, 1999.
6. Кувенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социс, 2003, №7, с.77-89.
7. Найденова Л.П. Мир русского человека: 16-17 века (по Домострою и памятникам права). М., ИРИ РАН- Сретенский монастырь, 2003, 208с.
8. Рабжаева М.В., Семенков В. И. Какая идентичность у жителей Санкт-Петербурга?//Социс. 2003, №3.
9. О.И.Шкаратан. Перспективы России: линейность - вариативность мирового развития //Мир России. 2002, №3, с.44-61.

Митин И.И.

ОПЫТ СОЗДАНИЯ КОМПЛЕКСНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ РОССИИ И ВНЕДРЕНИЕ ДОМИНАНТНОГО МЫШЛЕНИЯ

Одной из важнейших *задач* географии является описание мест, создание комплексных географических характеристик. Однако именно в этом, «изначальном» вопросе географии единой общепринятой методологии не сложилось.

Речь идёт о *комплексности в узком смысле*, то есть не как просто совмещении нескольких элементов или совокупности множества признаков. Комплексная географическая характеристика предполагает некий *комплекс*, общую целостную взаимосвязанную картину.

Можно с некоторой долей условности сказать, что существуют *две основных научных «стратегии» достижения комплексности* в географических описаниях [см. Митин, 2003]. Об этом писал ещё Альфред Геттнер, разграничивая образное и объяснительное описание [Геттнер, 1930, с. 354-361]. Николай Николаевич Баранский отличал друг от друга описание и характеристику. Первый путь – *аналитический* – основывается на структурировании всего объёма информации, выработке определённой схемы описания любого места (как, например, схема Баранского), другими словами, он стремится к стандартизации характеристик. Результат такого пути Баранский назвал описанием. Более способствующим созданию целостных картин мест мы считаем второй путь – *синтетический*. Он основан на отборе главных черт для характеристики с целью достижения целостности её восприятия; и на индивидуализации характеристики, то есть на отсутствии какой-либо схемы. Результат такого пути Баранский назвал характеристикой [Баранский, 1980, с. 166].

К сожалению, двадцатый век ознаменовался расцветом и подавляющим преобладанием аналитического пути. Даже позиционировавший себя как альтернативный проблемный подход в общем-то просто трансформировал существовавшие схемы, не меняя в корне идеологически стратегии. Только конец прошлого века дал нам примеры обращения к синтетическим географическим характеристикам, внедрение которых было связано с обращением к гуманитарной географии [Замятин, 1999; Замятина, 2001; Каганский, 2001; Лавренова, 1998; Тютюнник, 1998 и др.].

Однако, примеры синтетического пути к комплексности легко найти в некоторых «золотых» многотомниках рубежа XIX – XX веков. Как, к примеру построены описания стран во «Всеобщей географии» *Элизе Реклю* [Реклю, 1898]? В начале характеристики каждой страны автор выделяет главные её черты, мы назвали их *доминантами*. Далее повествование разделено на достаточно условные, мало обособленные друг от друга по содержанию главы, каждая из которых описывает достаточно разнородные элементы. При этом всё описание как бы стремится объяснить или проиллюстрировать выделенные вначале доминанты.

На наш взгляд, создание комплексных географических характеристик должно основываться на установке на *отбор информации с целью описания мест по выделенным субъективно каждым исследователем и индивидуально для каждого места доминантам (символам) и последующее их возможное объединение через внутренние и внешние текстуальные переплетения*.

Главной конечной целью, регулирующей смысловое наполнение характеристики места должна стать *не полнота, а целостность*. Именно поэтому мы вправе говорить об отборе признаков, а не сплошном их упорядочивании. Процесс отбора субъективен, следовательно, ещё одной чертой настоящих комплексных географических характеристик становится *множественность*. По сути, это множественность контекстов, в которых создаются разнородные по содержанию, но единые по научной идеологии и пространственному охвату характеристики. Эта множественность не мешает при этом научности таких произведений – ведь идея каждой отдельной частной субъективной характеристики заключается в выделении доминанты места и текстуальном и смысловом устремлении отобранных характеристик места к этой доминанте, к некому главному признаку. Этим достигается целостность и автономность каждой комплексной географической характеристики в контексте своей доминанты. Основанная на таком подходе характеристика описывает место как *комплекс разнородных* по своей сути явлений, объединённых доминантой – единым принципом объяснения связи между ними.

Хотя мы и предлагаем создавать комплексные географические характеристики «штучным», а не «конвейерным» способом, субъективно и индивидуально – не обойтись без неких *нестрогих методологических паттернов*, указывающих на общие возможности исследователей мест.

Сначала мы скажем собственно о механизме отбора элементов места; затем остановимся на преобразованиях, которых требуют от комплексных географических характеристик конкретные практические цели и задачи; наконец, перейдём более подробно к понятию доминанты и возможностях, которые она открывает идеологически как основание особого склада мышления.

Настоящая комплексность достигается отказом от единых принципов отбора элементов, поэтому максимум, что мы можем предложить – это своего рода *советы* создателям комплексных географических характеристик, это возможные *углы зрения* на место. Это не конкретные важнейшие сферы, присутствующие в облике каждого места, как это предлагали сторонники проблемного страноведения. Это как будто *зеркала*, в которых можно выхватить сразу всё место, но в определённом уникальном ракурсе.

Путешествие как основной метод познания места и неременный атрибут создания комплексной географической характеристики предполагает внедрение такого особенного жанра –

части всего описания – как *первый взгляд* на место. Сюда попадает именно то, что первым бросается в глаза, то, что «выдает» место с самого начала. К примеру, первый взгляд на Петербург представляет его величественным «торжественным» городом, настоящей европейской столицей – в то время как более детальное исследование выявляет в корне не соответствующие этому образу его черты.

Иногда выделенным чертам мест полезно искать *визуальные символы*. Например, мы используем живописные бревенчатые мосты города Олонец как символ сразу нескольких его важных черт – таких как: выгодное транспортно-географическое положение, развитие международных связей, роль историко-культурного наследия и других.

Удобно выделять некоторые *пространственно-временные общности* (хронотопы) – например, описывая город говорить об отдельных его частях как служащих живым воплощением облика города в определённую эпоху в прошлом.

Очень полезна в комплексной географической характеристике *игра масштабами*. Город, например, содержит в себе черты страны, региона, в которых он находится, с другой стороны, для его характеристики можно привлечь отдельные его выдающиеся части и промышленные предприятия (Воскресенский собор и «СеверСталь» в Череповце).

Каким же может предстать место в итоге рассмотрения всех его трансформаций и инверсий, отображения его пространственно-временных срезов, выделения всяческих доминант и «подчиненных» им элементов места? Скорее всего, место предстанет перед нами как сумма разнородных частей, ориентирующихся на свои доминанты, каждая из которых в определенных контекстах «закрывает» собой все другие. Такую модель строения места можно было бы назвать *палимпсестом* (это древняя рукопись на пергаменте, написанная по смытому или соскобленному тексту). Палимпсест – есть целостная совокупность пластов, не важно, что некоторые из них оказались под другими. Палимпсест объединяет многие «углы зрения» на место. Целый ряд примеров исторических городов, получавших в Советское время новые импульсы развития (Тольятти, Череповец), может иллюстрировать идею палимпсеста – это случай, когда старый образ города полностью перекрывается новым.

Палимпсест как интегральный вариант углов зрения на место наводит на мысль об особом внимании при создании комплексных географических характеристик к потенциальному *потребителю*. В самом деле, одним из важнейших условий формирования таких произведений является *адекватность возможного восприятия* их читателями. Обращение к потребителю требует от географии использования целого ряда наработок гуманитарных наук, прежде всего, семиологии.

Семиология есть наука о знаках. В рамках как структурализма, так и постструктурализма, гуманитарные науки рассматривают реальность как *текст*, то есть как систему знаков. Для создания комплексных географических характеристик и их методологии необходимо рассмотреть географическое пространство и специфическое пространство географических характеристик мест в рамках исследования знаковых систем.

Семиология рассматривает реальность как субъекта и объекта процесса *коммуникации*: есть сообщение, которое заложено в вещи, которое может быть определенным образом закодировано и передано. Важно заметить, что комплексная географическая характеристика есть звено в длинной цепочке передачи информации. С одной стороны, характеристика сама уже есть кодифицированное сообщение. В самом деле, это есть некая интерпретация реальной местности, произведенная исследователем. С другой стороны, она предназначена для читателя, несет в себе некое сообщение, призванное быть прочитанным и воспринятым потребителем комплексной географической характеристики.

Краеугольным камнем здесь становится вопрос о степени обеднения КГХ. Без сомнения, комплексная географическая характеристика будет *беднее* содержательно, нежели само место; чем больше мы стремимся сделать ее перцептивно адекватной – тем более мы обедняем ее. Это есть следствие установки на отбор информации. С другой стороны, раз это миф, она будет в большей степени наполнена смыслом, взятым как побуждение, но не мыслимым как таковое. То есть с точки зрения *влияния* на потребителя комплексная географическая характеристика становится *богаче*. За счёт чего это достигается? Ответы на этот вопрос разработаны в рамках ряда гуманитарных наук и требуют только интерпретации применительно к географическому материалу.

Полезным оказалось рассмотрение *комплексной географической характеристики как мифа*. Миф есть вторичная семиологическая система. Попросту говоря, миф есть интерпретация языка – соответственно, и комплексная географическая характеристика есть интерпретация пространства, в которой смысл превращается в форму, а значение становится новым, формируется мета-пространство. Процесс создания и трансформации комплексных географических характеристик мест

есть бесконечный процесс семиозиса пространственных мифов.

Каждое слово комплексной географической характеристики - мифа должно быть *известно* потребителю. «Мифологическое описание принципиально монолингвистично – предметы этого мира описываются через такой же мир, построенный таким же образом. Между тем немифологическое описание определено полилингвистично – ссылка на метаязык важна именно как ссылка на иной язык <...>. Соответственно и понимание в одном случае так или иначе связано с переводом (в широком смысле этого слова), а в другом же – с узнаванием, отождествлением. Действительно, если в случае дескриптивных текстов информация вообще определяется через перевод, – а перевод через информацию, – то в мифологических текстах речь идет о трансформации объектов, и понимание этих текстов связано, следовательно, с пониманием процессов этой трансформации» [Лотман, 1992, с. 58]. Создавая *новые* стереотипы и штампы (т.е. переводя пространство в новое мета-пространство), мы должны пользоваться *уже созданными*.

Приспособленная под практические задачи комплексная географическая характеристика будет в определённой степени *целостным повествованием, апеллирующим и к месту, и к стереотипным представлениям о месте (уже существующим мифам), и лично к потребителю*.

Заметим также, что заложенное в пространственном мифе побуждение (message) должно органично и неявно встраиваться в текст, становясь естественным выводом из представленных предпосылок. Согласно современным научным представлениям о мифе, «это не выдумка, но – *наиболее яркая и самая подлинная действительность*» [Лосев, 1990, с. 396]. В чём секрет сочетания в мифе *деформации* действительности и сохранения её в подлинности? Дело в том, что миф, «не желая ни раскрыть, ни ликвидировать понятие, его *натурализует*» [Барт, 2000, с. 255]. Нас этот вопрос особенно интересует, т.к. мы постановили, что создание комплексной географической характеристики есть создание мифа. «Главный принцип мифа – превращение истории в природу. Отсюда понятно, почему *в глазах потребителей мифа* его интенция, адресная обращённость понятия могут оставаться явными и при этом казаться бескорыстными: тот интерес, ради которого высказывается мифическое слово, выражается в нём вполне открыто, но тут же застывает в природности; он прочитывается не как побуждение, а как причина» [Барт, 2000, с. 255].

Сформулируем кратко три основных принципа создания комплексных географических характеристик и трансформации их для использования в прикладных целях.

Итак, во-первых, географическая характеристика как и миф должна основываться на *реальности*, становясь следующей интерпретацией места либо ранее созданной академичной характеристики. Комплексная географическая характеристика должна, оперируя реальностью, подводить потребителя к необходимому для решения прикладной задачи заключению.

Во-вторых, мы должны чётко себе представлять потенциальных *потребителей*, на которых нацелена наша характеристика. Это группа людей, обладающая некоторыми особенностями, которые нам надо учитывать.

В-третьих, рассматривая реальность как основу характеристики-мифа, мы не должны забывать и о конструируемой людьми реальности. Мы должны учитывать сложившиеся в сознании установки, некоторые *стереотипы*. В самом деле, у каждого из нас уже есть некое представление о большинстве мест на земном шаре, несмотря на то, что мы далеко не везде бывали.

Рассмотрев, таким образом, основные моменты, связанные с созданием комплексных географических характеристик синтетическим путём и идеологией этого процесса, обратимся кратко к некоторым *результатам* такой деятельности.

Ключевое место в нашем понимании комплексности занимает понятие доминанты. Это понятие заимствовано из теории архитектуры. Оно используется при описании восприятия архитектурного ансамбля. Так, Иконников, рассматривая архитектуру древнерусских крепостей, пишет: «в старых русских городах <...> ориентация была основана на системе объёмных доминант: видимых отовсюду башен кремля, колоколен, массивных объёмов церковных зданий. Они образовывали систему точек ориентации, связанную с социальной структурой города, его главным и второстепенными центрами» [Иконников, 1972, с. 44-45]. Доминанты в теории архитектуры понимаются как *фокусные точки* композиции городской среды.

Например, в московском Кремле выделяется Успенский собор как главная доминанта. Он господствует над остальной застройкой, разделяемой на второстепенные доминанты, выдвинутые к центру Кремля (соборы, колокольня Ивана Великого) и прочие элементы застройки, удалённые и размещённые ближе к стенам. На ассоциативном уровне такая схема построения пространства архитектурного ансамбля соответствует нашему пониманию доминанты как части «ансамбля» текста комплексной географической характеристики. На эту аналогию обратил внимание Кевин Линч,

который выдвинул понятие доминанты как одно из *качеств формы* образа города. «Доминанта – доминирующая позиция одной части по отношению к другим за счёт размера, плотности или вызываемой ею заинтересованности. В результате целое воспринимается как система, охватывающая некий основной элемент и связанную с ним группу элементов. Наличие этого качества подобно непрерывности даёт возможность осуществить необходимое упрощение образа через отбрасывание второстепенного соподчинения элементов. Предметные свойства словно эмануруют свой образ, распространяемый от центра, если, конечно, их сила превышает порог начальной заметности» [Линч, 1982, с. 101]. Эти слова в целом справедливы и по отношению к доминантам КГХ в том виде, в каком мы их понимаем. Таким образом, мы просто расширяем обоснованное в теории архитектуры понятие доминанты; распространяем его на *композицию* не только архитектурных ансамблей, но и текстов географических характеристик.

Таким образом, *доминанта есть некий главный признак места*. Все остальные отобранные признаки тем или иным образом поясняют, иллюстрируют её, раскрывают частные аспекты идеи, заложенной в доминанте.

Это наводит на мысль, что именно на основе доминант может производиться не только синтез комплексной географической характеристики, но и аналитическое исследование территории. Рассматривая возможности *доминантного анализа*, можно обратить внимание на такой интересный факт. Пытаясь представить себе структуру доминант характеристики города Петрозаводска, мы, охватывая развитие досуговых учреждений, всевозможные культурные инновации, развитие интернета и компьютерных технологий, активизацию международных связей и внешний облик города, особенно его набережной, выходящей к простору Онежского озера – склонялись к объединению их в контексте доминанты «европейскости» города. Однако, в принципе можно было бы объединить их и доминантным признаком «открытость». Независимо от этого мы выделили «открытость» как один из доминантных признаков Минска [Митин, 2002б], и теперь, признавая аналогичную доминанту за Петрозаводском, получаем широкие возможности для сравнения двух городов. Собственно, это я и называю доминантным анализом.

Идея доминантного анализа – в разрешённости невнимания к некоторым элементам места. Пространство предстаёт перед нами теперь вряд ли членимым на отдельные ячейки, на части; оно становится векторным, приобретает направление – к доминанте. *Доминантный анализ – это анализ различий в наполненности схожих доминант от места к месту*; он оперирует скорее уже не реальным пространством, а специфическим *векторным мета-пространством* комплексных географических характеристик.

Например, мы получаем возможность отыскать такие призрачные конструкторы как «русскость» или «карельскость». Так, говоря о «карельскости» как постоянно искомой нами черте во *всех* рассматриваемых населённых пунктах Карелии – мы собственно и выделяем одну квази-универсальную доминанту поселений, а затем применяем на её основе доминантный анализ. Что при этом происходит? Мы ищем некоторые типические черты Карелии, которые *ярче* выражены в той или иной деревне, затем сравниваем особенности выражения их в других населённых пунктах. При этом, во-первых, реализуется сравнение ряда деревень, причём сравнение – основанное на главных их чертах (мы же анализируем доминанты!). Во-вторых, при этом производится обоснование и изучение *пригнанности* в отношениях Карелии как целого и деревень, волостей и районов как отдельных её частей. В-третьих, мы *добавляем* новых черт в «карельскость». Перед нами открываются новые возможности: когда мы позднее будем отдельно рассматривать Карелию целиком и искать ей общие доминанты – мы сможем опираться на наши характеристики карельских деревень. Эти искания при этом будут основываться на тщательном анализе выраженности *всех* потенциально доминантных черт в *каждом* населённом пункте – несмотря на то, что всякая черта собственно может быть предложена на основе синтеза комплексной географической характеристики только одной отдельной деревни. Таким образом, *доминантный анализ органично вплетается в полимасштабный по своей методике процесс синтеза комплексных географических характеристик мест* различного уровня пространственной иерархии.

Доминантный подход и доминантное мышление вообще разрешает и стимулирует всевозможные *игры с пространством* и *трансформации доминантных структур* описаний мест. В основе инструментов трансформации комплексных географических характеристик может лежать *идея сдвига доминант*. Так, приведенный выше пример о доминантах Петрозаводска, показывает, что мы можем, не изменяя всей структуры и связей признаков, чуть подменять доминанту («флуктуация констелляций»). С другой стороны, мы можем, опять-таки оставляя неизменным набор черт места, объявлять главной доминантой ранее второстепенный признак («констелляция флуктуаций») – если

это важно для решения поставленной прикладной задачи – к примеру, в характеристике города Олонец [Митин, 2002а] главной становится не общая доминанты нестандартности города в связи с развитием всевозможных культурных инициатив, а одно из проявлений этих самых инициатив – игры Дедов Морозов. Наконец, возможно применять и одновременно оба этих инструмента, меняя направление связей, создавая новые, но стараясь использовать по максимуму те уже выработавшиеся структуры элементов, которые были отобраны как наиболее существенные для данного места («расщепление доминант»).

В заключение, хочется сказать, что создание комплексных географических характеристик и их прикладных разновидностей по-прежнему остаётся *актуальной* задачей географов. Сегодня, когда неотъемлемой частью очень многих видов практической деятельности, становится *конструирование новых реальностей*, создание ярких и понятных образов территорий, географы часто оказываются в этом деле на вторых ролях. На наш взгляд, это связано с тем, что в географию не вписались пока полезные нам разработки гуманитарных наук, связанные с *интерпретацией пространственных представлений*. Внедрение доминантного подхода позволит, не разрушая традиционных полей исследований экономгеографии, органично вписать её в общую парадигму развития гуманитарных наук и обратиться к практике.

Литература

1. Баранский Н.Н. (1980) О связи явлений в экономической географии. //Баранский Н.Н. Избранные труды: Становление советской экономической географии. /Редкол.: В.А. Анучин и др. М.: Мысль. С. 160-172.
2. Барт Р. (2000) Мифологии. /Пер. с франц., вступ.ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых.
3. Геттнер А. (1930) География. Её история, сущность и методы. Л.-М.: Гос.изд.
4. Замятин Д.Н. (1999) Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена.
5. Замятина Н.Ю. (2001) Взаимосвязи географических образов в страноведении. /Дисс. канд. геогр. наук. М.: Географический факультет МГУ.
6. Иконников А.В. (1972) Архитектура города. Эстетические проблемы композиции. М.: Стройиздат.
7. Каганский В.Л. (2001) Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб. ст. М.: Новое литературное обозрение.
8. Лавренова О.А. (1998) Географическое пространство в русской поэзии XVIII - начала XX вв. (геокультурный аспект). /Науч.ред. Ю.А. Веденин. М.: Ин-т Наследия.
9. Линч К. (1982) Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат.
10. Лосев А.Ф. (1990) Диалектика мифа. //Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда. С. 393-599.
11. Лотман Ю.М. (1992) Миф – имя – культура. //Лотман Ю.М. Избранные статьи в трёх томах. Том 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра. С. 58-75.
12. Митин И. (2002а) Город Олонец: опыт комплексной географической характеристики. //Вестник Евразии. 2002. №3(18). С. 7-27.
13. Митин И.И. (2003) Комплексная географическая характеристика: историко-географический и методологический анализ //Вестн. Моск. ун-та. Сер. геогр. 2003. №4.
14. Митин И. (2002б) Норов города. //Слово. 2002. №3. С. 30-34.
15. Реклю Э. (1898) Земля и люди. Всеобщая география Элизе Реклю. Деятнадцать томовъ въ десяти книгахъ. Перевод под редакцией С.П. Зыкова. Книга третья. Т. 5. СПб.: Изд. Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза».
16. Тютюнник Ю.Г. (1998) Понимание ландшафта. //Известия РАН. Сер. геогр. 1998. №2. С. 30-38.

Синцеров Л.М.

ЭМИГРАЦИЯ ИЗ ЕВРОПЫ В НОВЫЙ СВЕТ

(вторая половина XIX - начало XX вв.)

"Пароходы и железные дороги избороздили весь земной шар и связали различные страны и народы; впрочем, этот прогресс происходит усиленным темпом лишь с середины XIX столетия. Это сделало возможным великое переселение народов... способствовало эмиграции на новые материи" [Лангенбек, 1927].

Транспортная революция дала толчок массовой эмиграции из Европы в страны Нового Света - США, Канаду, Австралию, Латинскую Америку. Рост уровня жизни, вызванный индустриализацией, к середине XIX в., а тем более к 1870 г., в основном снял финансовые ограничения, тормозившие прежде развитие переселенческих процессов. Если в 20-е-40-е годы XIX в. эмиграция из Европы в "заморские" страны составляла в среднем 100 тыс. человек в год, то в течение первых трёх десятилетий после 1846 г. – примерно 300 тыс. в год, в следующие два

десятилетия цифра эта более чем удвоилась и, наконец, после 1900 г. превысила один миллион человек в год, достигнув в 1909-1914 гг. 1,5 млн. переселенцев в год. Европа была источником более 95 % межконтинентальных миграций населения, происходивших в то время в мире [Woodruff, 1967].

В пропорции к численности населения Европы эмиграция за океан выросла с 0,1 % за десятилетие в период 1801-1820 гг. и 0,4 % в 1821 -1850 гг. до 1 % в 1851-1880 гг. и до 2,2 % за десятилетие в период 1881-1910 гг.

В основе беспримерного в истории подъёма переселенческих процессов лежал демографический "взрыв" в Европе - резкое снижение смертности при инерции высокой рождаемости, - который был откликом на промышленную революцию. Он-то и породил критическую массу "избыточного" населения. В современной науке подобного рода процессы описываются теорией демографического перехода. Если в доиндустриальную эпоху наиболее высокие темпы роста населения не превышали 0,4-0,6 % в год, то со времён промышленной революции период самого быстрого роста населения в Европе приходится на 1870-1910 гг., когда он составлял 0,9 % в год. Это была настоящая демографическая революция [Bairoch, 1993].

С середины XIX века и до начала первой мировой войны отток переселенцев и вывоз капитала из Европы развивались сопряжённо, взаимно усиливая друг друга, и были тесно синхронизированы во времени, образуя четыре волны: 1845-54, 1863-73, 1880-91 и 1903-1913 гг. В основе волнообразного роста эмиграции лежали циклы естественного воспроизводства населения Европы, подъёмы которых приходятся на 1820-е, 1840-1845, 1860-1865 и 1885-1890 гг. и с интервалом примерно в 25 лет неизбежно порождают избыток рабочей силы. Первая в этой серии эмиграционная волна, возросшая под влиянием экономического кризиса и голода 1847 г., а также революции 1848 -1849 гг., была поднята золотой лихорадкой до небывалой высоты (в Калифорнии золотые россыпи были открыты в 1848 г., в Австралии – в 1851 г.) [Thomas, 1973].

Благодаря конкуренции и техническому прогрессу стоимость билета третьего-четвёртого класса из Ливерпуля до Нью-Йорка с 1816 г. по 1846 г. понизилась в четыре раза, аналогичным образом изменились цены во всех портах Северо-Западной Европы. Таким образом, к середине XIX столетия транспортные издержки эмиграции сократились настолько, что стали по карману даже бедным ирландским крестьянам, которые в массовом количестве спасались бегством от голода.

Развитие морского парового флота сыграло, по-видимому, решающую роль в "великом переселении народов". По данным на 1867 г. путешествие на паруснике из Европы в США занимало в среднем 44 дня, на пароходе – 14 дней; к 1890 г. у ряда пароходных компаний время в пути сократилось до 7- 8 дней [Foreman-Peck, 1983]. Перефразируя Г.Гейне, можно сказать, что пароходы "убили" морские пространства, связав воедино страны и континенты. Они не только радикально сократили время плавания, но повысили его безопасность, комфорт. Если ещё в 1856 г. примерно 95 % миграций из Европы в Сев.Америку совершалось на парусных судах, то к 1873 г. на долю парусников приходится только 3,2 % перевозки переселенцев через северную Атлантику [Piore, 1979].

Рост пассажиропотока породил эффект экономии на масштабах перевозок, который привёл к ещё большему уменьшению их стоимости. Несмотря на снижение покупательной способности валюты и повышение качества услуг, цена билета третьего-четвёртого класса (т.е. самых дешёвых мест на океанских судах) через северную Атлантику между 1870 и 1913 г. оставалась равной примерно 4-6 фунтам стерлингов.

Впрочем, фактические издержки эмиграции в связи с ростом уровня жизни в этот период заметно сократились. С 1870 г. по 1913 г. величина ВВП на душу населения увеличилась на 45-55 % - в Великобритании, России, Нидерландах и Бельгии; на 65-80 % - в Италии, Норвегии, Чехии, Словакии и Венгрии; на 85-100 % - в Германии, Австрии, Швеции, Дании и Финляндии и т.п. Таким образом, стоимость проезда в Северную Америку для жителя, скажем, Ирландии с 1850 по 1913 г. в пропорции к заработной плате понизилась более чем вдвое [Hatton, Williamson, 1998].

Особое значение снижение "стоимости" эмиграции имело для бедных стран Восточной и Южной Европы. Известно, что в начале XX в. каждый прибывающий в США иммигрант из Западной Европы имел при себе 25-40 долл., тогда как переселенец из Восточной Европы - не более 8-10 долл.

Переселенческий процесс, охвативший первоначально страны Северо-Западной Европы - Великобританию, Ирландию, Германию, Бельгию, Швейцарию, Нидерланды, Швецию, Норвегию, Данию и отчасти Францию ("старая" эмиграция), - к концу XIX в. распространился на восточную и

южную окраину континента - Австро-Венгрию, Болгарию, Сербию, Черногорию, Российскую империю, Румынию, Италию, Испанию, Португалию, Грецию и европейскую часть Турции ("новая" эмиграция). Доля "новой" эмиграции в потоке переселенцев постепенно нарастала с 3 % в середине XIX столетия до 10 % - в 60-ые годы, 20 % - в 70-ые годы, 35-40 % - в 80-ые годы, 2/3 - в 90-ые годы XIX в. и до 3/4 - в начале XX в. Таким образом, достигнутый к началу XX века беспрецедентный в истории подъём европейской эмиграции был связан главным образом с оттоком населения из стран Восточной и Южной Европы.

Особенно драматичный по своим последствиям характер смена переселенческой парадигмы имела для США. Из общего числа прибывших в 1841-1890 гг. в страну иммигрантов только 8 % были выходцами из Южной и Восточной Европы, включая Россию, а в 1891-1914 гг. их доля составила 67 %. Непосредственно перед началом первой мировой войны, с 1908 по 1914 г., 22% иммигрантов приехало в США из Австро-Венгрии, 21 % - из Италии и 20 % - из России и Финляндии, тогда как Великобритания и Ирландия дали только 9 % переселенцев, а Германия - 3%. Интересно отметить, что русская диаспора практически целиком формировалась из представителей национальных меньшинств: из всех иммигрантов, прибывших в Соединённые Штаты из Российской империи в первое десятилетие XX века, евреи составляли 43,8 %, поляки - 27%, литовцы - 9,6 %, финны - 8,5 %, немцы - 5,8 %, и только 4,4 % - русские [Баграмов, 1957].

С прибытием огромных людских масс из Южной и Восточной Европы, росло недовольство: многим казалось что "новая" иммиграция разрушает ядро американской нации, сложившийся к концу XIX в. образ истинного янки – англосакса и протестанта. Ему на смену приходят малограмотные инородцы (если в 1900 г. уровень грамотности среди взрослого населения Великобритании, Швеции, Пруссии и среди белых американцев составлял 88-99 %, то среди жителей Италии - 52 %, Испании - 44 %, России - 28 %), варвары, чуждые "протестантской этике и духу капитализма", часто временщики, безынициативные, неквалифицированные, с иным менталитетом, не разделяющие привычных ценностей англосаксонской морали, которые плохо адаптируются к реалиям американской жизни и не склонны к ассимиляции. Настроения ксенофобии и конкуренция на рынке труда - всё это в конечном итоге и привело к резкому ужесточению иммиграционной политики в США после первой мировой войны [Чертина, 2000].

На ранних этапах география заморской эмиграции из Европы отличалась крайне высокой концентрацией потоков на США и будущих британских доминионах (Канада, Австралия и Новая Зеландия). В дальнейшем доля стран этой группы снизилась с 93,2 % переселенцев в 1821-1850 гг. и 84,5 % в 1851-1880 гг. до 74,8 % в 1881-1914 гг. Канада и Австралия были вытеснены со 2-3 места по приёму иммигрантов "иноязычными" Аргентиной и Бразилией, увеличившими свою долю более чем вдвое по сравнению с предыдущим периодом и принявшими в 1881-1914 гг. почти 1/5 всех переселенцев [Kenwood, Loughheed, 1992].

Взаимосвязь между сдвигами в географии эмиграции из Европы и иммиграции в Новый Свет очевидна. Если эмиграция из Великобритании и Ирландии почти целиком шла в англоязычные страны (в США и доминионы), то значительная часть "романской" эмиграции была направлена в Латинскую Америку. Так, например, из всего числа итальянских переселенцев, выехавших в 1870-1914 гг. в Новый Свет, 56 % держали путь в Северную и 44 % - в Южную Америку. Страны, близкие этнографически и по языку, имеют особую притягательную силу для переселенцев [Леви, 1924].

Эмиграция создавала мощный поток обратных связей, внося коррективы в международное разделение труда, движение капитала и т.п. Денежные переводы итальянских эмигрантов на родину позволили после 1900 г. с избытком компенсировать прибыль, заработанную иностранным капиталом в Италии, и сделали положительным её платёжный баланс. С ростом итальянской диаспоры связывают и значительное расширение торговли между Соединёнными Штатами и Италией в конце XIX - начале XX вв. Перед первой мировой войной Италия занимала ведущее место в Европе по удельному весу США в её экспортной торговле [Baigroch, 1974].

Известное правило гласит: эмиграция порождает эмиграцию. Важным побудительным мотивом эмиграции в США являлось наличие там родственников и знакомых. Множество писем из-за океана, к которым иногда был приложен оплаченный билет в Новый Свет, способствовали усилению переселенческих настроений. Пароходные и железнодорожные компании, иные силы, заинтересованные в притоке рабочей силы, налогоплательщиков и электората, рекрутировали переселенцев прежних лет, предлагая бесплатные поездки на родину, при условии, что они привлекут в Америку новых эмигрантов. Новоиспечённым немецким, итальянским, шведским

"янки", хорошо осведомлённым о положении дел на новой родине, было легко склонить к эмиграции своих соотечественников [Мелин, Юханссон, Хеденборг, 2002].

Значительные суммы денежных переводов на родину и широкое использование переселенцами предварительно оплаченных билетов через Атлантику свидетельствуют о том, что эмигранты прошлых лет непосредственно финансировали последующие волны эмиграции. Половина шведских эмигрантов (в 80-ые годы XIX в.), 40 % эмигрантов из Норвегии (в 1870-ые годы), 30% эмигрантов из Финляндии (в 1891-1914 гг.) и 25 % эмигрантов из Дании (в 1881-1895 гг.) отправлялись в путь по предварительно оплаченным билетам. К концу XIX столетия проездные расходы 79 % британцев, эмигрировавших в США, были оплачены их друзьями и родственниками, ранее переселившимися в Соединённые Штаты.

Чем многочисленнее диаспора, тем больше совокупные размеры поступающих на родину денежных переводов, тем шире круг потенциальных переселенцев нового поколения. Лавинообразно нарастает и поток информации о жизни в заморских странах. Кумулятивный эффект от прежних миграций (эффект "друзей и родственников") имеет статистическое выражение, полученное на материале британской, итальянской и норвежской эмиграции: на каждую тысячу переселенцев прежних лет, проживающих за рубежом, ежегодно приходилось 80-90 новых эмигрантов (для шведской эмиграции соответствующий показатель составлял 108 чел., для датской - 130 чел.).

Эмиграция порождает и реэмиграцию - обратное переселение эмигрантов на родину. Долгое время из-за высоких транспортных расходов её масштабы были невелики и разница между общими размерами эмиграции и "чистой" эмиграцией (т.е. между эмиграцией "брутто" и эмиграцией "нетто") оставалась, в общем, незначительной: в 1800-1820 гг. она не зарегистрирована вовсе, в 1821-1850 гг. реэмиграция составляла 8 %, а в 1851-1880 гг. - 18 % оттока переселенцев из Европы. Однако с падением стоимости реэмиграции, её масштабы возросли до 30-31 % оттока переселенцев из Европы за 1881-1910 гг. [Kuznets, 1966].

Реэмиграция европейцев из США в 1908-1910 гг. составила 32 % притока в страну иммигрантов из Европы, варьируя в широком диапазоне от 7-8 % - для ирландцев и евреев, 11-14 % - для скандинавов, англичан и голландцев, 17-21 % - для немцев и финнов, 31 % - для поляков, 41% - для русских, украинцев и белоруссов до рекордных 51 % - для испанцев, 56 % - для итальянцев из Южной Италии, 57 % - для хорватов и словенцев, 59 % - для словаков, 63 % - для уроженцев Северной Италии и 65 % - для венгров.

Многие выходцы из бедных стран Южной и Восточной Европы сознательно приезжали в США не на постоянное жительство, а на временные заработки, с тем чтобы, накопив некоторую сумму денег, вернуться на родину. Те же итальянцы составляли практически треть реэмигрантов, что в 1,5 раза превышало их удельный вес среди прибывающих в США мигрантов. С другой стороны, доля британцев и ирландцев среди реэмигрантов была в три раза ниже, чем среди приезжающих в Соединённые Штаты переселенцев. "Новая" иммиграция представляла собой совершенно иной тип миграции населения, нежели "старая". Если для "старой" иммиграции, из стран Северо-Западной Европы, показатель реэмиграции в 1908-1910 гг. составлял 16 %, то для "новой" иммиграции - 38 % [Kuznets, Rubin, 1954].

"Перелётные птицы" - так в начале XX века называли временных переселенцев (а факты говорят о том, что более 4/5 реэмигрантов пробыли в США менее пяти лет). Приток дополнительной рабочей силы, особенно из Средиземноморья, в периоды высокой конъюнктуры ограничивал рост заработной платы, а её массовая репатриация в условиях спада позволяла "экспортировать" проблему безработицы (как это делали, скажем, в 70-е годы XX в. страны Западной Европы), поддерживая тем самым равновесие на американском рынке труда.

Значительно более высоким, чем США, уровнем реэмиграции в конце XIX – начале XX вв. отличалась Аргентина, где он составлял примерно 1/2 притока в страну переселенцев (т.е. "брутто" иммиграции). Это была во многом временная, часто сезонная, миграция рабочей силы. К концу XIX столетия морской транспорт заметно подешевел, так что многие батраки и малоземельные крестьяне из Италии и Испании, закончив летние полевые работы у себя на родине, отправлялись на уборку урожая в Аргентину, чтобы к следующему сельскохозяйственному сезону снова вернуться домой. С конца 80-х годов XIX в. и до первой мировой войны десятки тысяч итальянцев (по данным М.Джонса [Johns, 1992], их число достигало 200 тыс. в год) ежегодно приезжали в Аргентину на сезонные работы и затем, словно перелётные птицы, возвращались обратно в Европу. В современном "глобализированном" мире

конца XX - начала XXI в. едва ли можно встретить межконтинентальные сезонные миграции подобного рода.

Дефляционный механизм, присущий "золотому стандарту", оказывал депрессирующее воздействие на занятость, однако эмиграция играла амортизирующую роль на рынке труда - препятствовала развитию массовой безработицы. Эмиграция 1870-1913 гг. привела к сокращению численности рабочей силы в Ирландии - на 45 %, в Швеции - на 20 %, в Норвегии - на 24 %, в Дании - на 14 %, в Великобритании - на 11 %, на 5-6 % - в Испании и Португалии и т.д. Богатые естественными ресурсами, но малозаселённые страны Нового Света за тот же период благодаря иммиграции получили значительную прибавку в численности рабочей силы: Аргентина - на 86 %, Канада - на 44 %, Австралия - на 42 %, Соединённые Штаты - на 24 % [Kitson, Michie, 1995; O'Rourke, Williamson, 1995]

Высокий уровень жизни в Новом Свете и "избыток" рабочей силы в Европе служили мощной движущей силой миграционного процесса. Британцы покидали "мастерскую мира" в силу тех же самых причин, по которым сегодня, на рубеже XX-XXI вв., жители, скажем, Чёрной Африки стремятся переселиться в США или Западную Европу. В 1850 г. реальная заработная плата в США была в 4,3 раза выше, чем в Швеции, а в Австралии - в 3,2 раза выше, чем в Ирландии. В 1870 г. реальная зарплата в США была в четыре раза выше, чем в Швеции; в Австралии - более чем в 2,5 раза выше, чем в Ирландии и почти вдвое выше, чем в Великобритании; в Аргентине - в 2,3 раза выше, чем в Италии; в Канаде - в 1,5 раза выше, чем в Великобритании и вдвое выше, чем в Ирландии. Таким образом, британские переселенцы в Австралию были движимы примерно такой же разницей в зарплате, как итальянские или испанские переселенцы, направлявшиеся в Аргентину.

Сельскохозяйственный рабочий на северо-западе США в 1887 г. ежемесячно получал за свой труд 25 долл., тогда как его коллега в Прирейнской части Пруссии - только 6 долл. В 1910 г. средний заработок американского промышленного рабочего был более чем вчетверо выше, чем русского пролетария. В чём-то был прав утопист Криге, увидевший в переселении из Европы в Америку едва ли не единственное средство решения социальных проблем на глобальном уровне [Миграция и мигранты...1990].

Уникальный пример решения социальных проблем за счёт "глобализации" даёт Ирландия. Катастрофический голод конца 40-х годов XIX в. послужил толчком для массового переселения за океан. Прибывая во все американские порты, от Бостона до Нового Орлеана, ирландцы подняли уровень иммиграции из Европы на небывалую высоту. Только за первые 25 лет после голода из страны выехало более трети всего населения, а за 60 лет родину покинули более 4,5 млн. ирландцев. "...В Соединённых Штатах теперь больше ирландцев, чем в Ирландии !" - констатировал В.И. Ленин.

Попробуем лучше представить себе реальный размах переселенческих движений. За 1851-1914 гг. Европу покинуло не менее 40 млн. человек, что равно численности населения Великобритании или Франции на начало XX столетия. В одни только Соединённые Штаты Америки с середины XIX в. и до начала первой мировой войны въехало примерно 30 млн. иммигрантов, а ведь ещё в 1860 г. в США всего проживало 32 млн. человек.

Среди всех иммигрантов, прибывших в страны Нового Света с середины XIX в. и до 1914 г., 60 % приняла США, 10 % - Аргентина, по 7-7,5 % - Канада, Австралия и Бразилия, по 1-1,5 % - Новая Зеландия и Британская Вест Индия. К концу эпохи "великого переселения народов" доля иммигрантов в населении стран Нового Света достигла предельно высокой величины. Согласно переписи, проведённой летом 1914 г., примерно 30 % населения Аргентины родились за границей. Среди мужчин старше 20 лет этот показатель составлял 52 %. В столице страны Буэнос-Айресе, через который проходил основной поток переселенцев, на каждого коренного аргентинца старше 20 лет приходилось почти три человека того же возраста родившихся за рубежом.

Незадолго до начала первой мировой войны 22 % жителей Канады, примерно 1/6 - Австралии, более 26 % жителей Новой Зеландии и 15 % населения США были иммигрантами первого поколения, т.е. родились за рубежом (ещё у 20 % американцев оба или один из родителей были иммигрантами первого поколения). В отдельных отраслях американской экономики доля иммигрантов была особенно высока: в 1914 г. рабочие иностранного происхождения составляли в чёрной металлургии - 58 % всех рабочих, в угледобывающей промышленности - 62 %, в нефтеперерабатывающей - 67 %.

Тогда-то, на пике заморских миграций, когда в США ежегодно приезжало более миллиона человек, и появилось понятие "плавильный котёл" ("плавильный тигель") – главная метафора, синоним Америки, ставшее одной из основных парадигм этнического развития США в XX веке. Этот термин связан с названием пьесы британского журналиста и драматурга И.Зангвилла "Плавильный котёл" (1908 г.). Главный герой пьесы, молодой иммигрант из России Горас Элджер, глядя с корабля, прибывшего в Нью-Йорк, восклицает: "Америка - это созданный богом величайший плавильный котёл, в котором переплавляются и преобразуются все народы Европы... Немцы и французы, ирландцы и англичане, евреи и русские - все в этот тигель. Так господь создаёт нацию американцев".

* * *

Период массового заселения стран Нового Света иммигрантами-выходцами из Европы приходится на вторую половину XIX - начало XX в. и заканчивается с началом первой мировой войны. Массовая эмиграция оказала положительный эффект на мировое развитие. Она снизила перенаселённость в странах, которые покинули эмигранты, что уменьшило давление на уровень реальной заработной платы. Она также обеспечила богатые ресурсами, но бедные рабочей силой страны рабочими, получавшими здесь более высокую заработную плату, чем у себя на родине. Наконец, с помощью человеческих, культурных и экономических связей, она способствовала интеграции мировой экономики.

Литература

1. Баграмов Л.А. Иммигранты в США. М.: Издательство ИМО, 1957. 158 с.
2. Лангенбек В. История мировой торговли. Пер. с нем. М.-Л., 1927. 157 с.
3. Леви Г. Основы мирового хозяйства. Пер. с нем. М., 1924. 216 с.
4. Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции. Пер. со шведск. М., 2002, 399 с.
5. Миграции и мигранты в мире капитала: исторические судьбы и современное положение. Сб. науч.тр. Отв.ред. Черников И.Ф. Киев: Наук.думка, 1990.184 с.
6. Чертина З.С. Плавильный котёл ? Парадигмы этнического развития США. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2000, 163 с.
7. Bairoch P. Economics and World History. Chicago,1993. 185 pp.
8. Bairoch P. Geographical Structure and Trade Balance of European Foreign Trade from 1800 to 1970 // The Journal of European Economic History, Vol.3, No.3, Winter 1974. Pp. 557-608.
9. Foreman-Peck J. A History of the World Economy: International Economic Relations since 1850. Brighton, 1983. 394 pp.
10. Hatton T.J., Williamson J.G. The Age of Mass Migration: Causes and Economic Impact. New York, Oxford,1998. 301pp.
11. Johns M. Industrial Capital and Economic Development in Turn of the Century Argentina // Economic Geography, Vol.68, No.2, April 1992, pp.188-204.
12. Kenwood A.G., Lougheed A.L. The Growth of the International Economy 1820-1990. London, New York, 1992. 327 pp.
13. Kitson M., Michie J. Trade and Growth: A Historical Perspective // in: Managing the Global Economy. Ed. by J.Michie and J.G.Smith. Oxford,1995. Pp. 3-36.
14. Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. London,1966. 529 pp.
15. Kuznets S., Rubin E. Immigration and the Foreign born // National Bureau of Economic Research, Occasional Paper 46 (1954). 107 pp.
16. O'Rourke K., Williamson J.G. Around the European Periphery 1870-1913: Globalization, Schooling and Growth// National Bureau of Economic Research, Inc., Working Paper 5392, December 1995. Cambridge, 67 pp.
17. Piore M.J. Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies. Cambridge, 1979. 229 pp.
18. Thomas B. Migration and Economic Growth: A Study of Great Britain and the Atlantic Economy. Cambridge, 1973. 498 pp.
19. Woodruff W. Impact of Western Man: A Study of Europe's Role in the World Economy, 1750-1960. New York, 1967. 375 pp.

Шанин А.А.

МЕТОД "СДВИГ-ДОЛЯ" КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ РАЗЛИЧИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РОСТЕ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ.

1. Описание метода и интерпретация выходных параметров.

Проблеме анализа движущих сил экономического роста территориальных хозяйствующих систем посвящено немало исследований в зарубежной научной практике. В условиях господства рыночных отношений и относительной свободы в пространственном перераспределении ресурсов

рост экономического потенциала тех или иных территорий определяется комплиментарным действием целого множества факторов.

В качестве одного из наиболее распространенных инструментов для анализа пространственных различий в темпах и характере экономического роста прежде всего субнациональных территорий используется метод «сдвиг-доля»¹.

Исходным элементом анализа экономического роста отдельно взятых субнациональных территорий в рамках метода «сдвиг-доля» является сопоставление местных (субнациональных) темпов экономического роста с национальными.

В идеальной ситуации при абсолютно равномерном распределении хозяйственного потенциала и условий ведения бизнеса по стране (включая одинаковые транспортные, климатические, институциональные, демографические условия и т.д.) местные темпы роста будут стремиться к полной схожести с национальными. При этом единственной движущей силой экономического роста субнациональных территорий по сути будут те же **факторы, что определяют развитие национальной экономики**.

На практике же условия экономического развития сильно дифференцированы от места к месту. Величина несоответствия местных темпов роста и средних по стране – это следствие различий в качестве экономических условий, сформировавшихся конкретно вокруг данного места, от общенационального хозяйственного контекста (т.е. своего рода усредненных по всей стране условий экономического развития).

То, как эти различия влияют на экономический рост конкретной территории выражает собой действие локально специфических факторов (движущих сил) экономического роста. Часть этих локально специфических факторов более очевидна – это **особенности отраслевой структуры** экономики данной территории из-за повышенной концентрации здесь быстро или медленно развивающиеся на общенациональном уровне отраслей. Все остальные виды локально специфических движущих сил экономического развития не поддаются столь однозначной трактовке. В самом общем виде их можно лишь объединить под дефиницией **факторов, определяющих развитие местной экономики независимо от национальных тенденций и качества отраслевой структуры местной экономики**.

В основе заложенной в метод «сдвиг-доля» схемы выделения компонентов экономического роста отдельно взятой территории субнационального уровня лежит тезис о том, что общая величина прироста местной экономики за рассмотренный промежуток времени – может быть истолкована как *отклик* хозяйственного потенциала этой территории на комплиментарное (но далеко не всегда однозначное) воздействие на местную экономику трех групп факторов (движущих сил):

- влияние национальных трендов
- качество местной отраслевой структуры
- локально специфические факторы

Отклик хозяйственного потенциала как результирующая действия этих три групп факторов раскладывается на три составляющие, именуемые сдвигами, в отражение того факта, что они отражают движение хозяйственного потенциала территории, обусловленного влиянием соответствующего набора факторов:

- сдвига национального (НС) – т.е. изменения местного экономического потенциала, вызванного воздействием закономерностей экономического развития, проявившихся на общенациональном уровне;
- сдвига отраслевого (ОС) – т.е. изменения местного экономического потенциала, обусловленного концентрацией в экономике данного ареала быстро или медленно развивающихся в национальной экономике отраслей;
- сдвига локального (ЛС) – т.е. изменения местного экономического потенциала, обусловленного воздействием локально специфических факторов за вычетом отраслевой структуры.

Остановимся подробнее на технике расчета и интерпретации каждой из перечисленных составляющих экономического роста, выделяемых с помощью метода сдвиг-доля. В качестве экономического показателя, измеряющего динамику хозяйственного потенциала предлагается взять суммарные заработки по месту работы в трактовке Бюро экономического анализа США [6].

¹ Метод «сдвиг-доля» был впервые применен в 1942 году американским исследователем Даниелем Кримером для анализа диспропорций промышленного развития в США в период с начала 20 века по 1940 год в работе "Shift of Manufacturing Industries". Более детальная разработка данного метода была произведена 20 лет спустя исследователем Эдгаром фон Дюнненом в статье "A Statistical and Analytical Technique for Regional Analysis", вышедшей в 1960 году.

«Национальный сдвиг»

Источником роста экономики субнациональной территориальной единицы здесь служит реализация допущения того, что если национальная экономика в рассмотренный период времени росла (падала), то на результатах развития всех субнациональных экономических систем должно было в определенной степени отразиться такого рода положительное (отрицательное) воздействие общестрановой хозяйственной динамики. Это допущение складывается из логики преобразования формулы приращения общенационального экономического потенциала: если присвоить всем неперекрывающимся субнациональным территориям, полностью заполняющим территорию страны, одинаковые темпы экономического роста, равные темпу роста национальной экономики в целом, и сложить все полученные субнациональные приращения – в сумме получится величина приращения национальной экономики.

Иными словами «национальный сдвиг» в экономике конкретной субнациональной территориальной единицы – это потенциальный прирост экономики данного территории в гипотетической ситуации, когда все отрасли местной экономики развивались бы в течение рассмотренного временного интервала одним и тем же темпом, равным темпу росту национальной экономики за тот же временной интервал.

Формула вычисления «национального сдвига» по стандартной схеме организации расчетов «сдвиг-доли»¹ выглядит следующим образом:

$$NS = \sum_{i=1}^n e_i^0 \frac{E^T}{E^0} - \sum_{i=1}^n e_i^0 \quad (1)$$

где

NS – национальный сдвиг в экономике данной территории за временной интервал

E^T – сумма заработков по месту работы в целом по национальной экономике на конец временного интервала

E^0 – сумма заработков по месту работы в целом по национальной экономике на начало временного интервала

e_i^0 – сумма заработков по месту работы в экономике данной субнациональной территории в i -ой отрасли на начало временного периода

Очевидно, что реальная экономическая динамика намного сложнее. Темпы приращения местной экономики как единого целого и входящих в нее отраслей как составных частей этого целого часто весьма существенно отличаются от общенациональных показателей. Однако сопоставление величины национального сдвига с величиной реально сложившегося прироста позволяет судить о той роли, которую закономерности общенационального масштаба сыграли в конечном приросте экономики данного отдельной взятой территории.

«Отраслевой сдвиг».

Источником той части приращения местного экономического потенциала, которая описывается величиной отраслевого сдвига, выступает концентрация в местной экономике отраслей, развивавшихся в среднем по стране в рассмотренный период времени опережающими темпами (то есть превышающими темпы роста национальной экономики), и отраслей, динамика которых отставала от темпов роста национальной экономики. То есть это своего рода характеристика отраслевой структуры местной экономики в ее способности обеспечивать динамичное приращение местного хозяйственного потенциала. Однако здесь следует сразу обозначить два обстоятельства. Во-первых, отраслевым сдвигом при стандартной процедуре проведения расчетов по методу «сдвиг-дол» оценивается набор отраслей, сложившийся в местной экономике на начало временного интервала. Во-вторых, так же как национальный сдвиг, отраслевой сдвиг описывает сугубо гипотетический сценарий развития местной экономики, который предполагает соответствие параметров развития местной экономики средненациональным показателям. Следует признать, такой сценарий редко реализуется на практике. Однако, если в ходе расчета величины «национального сдвига» высчитывается гипотетический прирост местной экономики, достигаемый в условиях абсолютно равномерного распределения темпов роста по всем отраслям, то «отраслевой сдвиг» измеряет то,

¹ Под стандартной и по сути простейшей схемой расчета «сдвиг-доля», понимается такая, при которой все расчеты производятся на основе данных о приращении экономического показателя строго между двумя крайними точками анализируемого временного интервала). Формулы 1-3 – соответствуют именно такой стандартной схеме.

насколько, по сравнению с этим приростом, могла измениться величина приращения местного хозяйственного потенциала, в новых условиях, когда, отрасли местного хозяйства развиваются дифференцированными темпами – каждая отрасль прирастает своим темпом, соответствующим среднему для каждой данной отрасли по стране.

Стандартная формула расчета величины отраслевого сдвига:

$$IS = \sum_{i=1}^n \left(e_i^0 \frac{E_i^T}{E_i^0} - e_i^0 \frac{E^T}{E^0} \right) \quad (2)$$

где

IS – отраслевой сдвиг в экономике данной субнациональной территории за временной интервал

E^T – сумма заработков по месту работы в целом по национальной экономике на конец временного интервала

E^0 – сумма заработков по месту работы в целом по национальной экономике США на начало временного интервала

e_i^T – сумма заработков по месту работы в экономике данной субнациональной территории в i -ой отрасли на конец временного периода

e_i^0 – сумма заработков по месту работы в экономике данной субнациональной территории в i -ой отрасли на начало временного периода

E_i^T – сумма заработков по месту работы в i -ой отрасли национальной экономики на конец временного интервала

E_i^0 – сумма заработков по месту работы в i -ой отрасли национальной экономики на начало временного интервала

Иными словами – отраслевой сдвиг это рента местной экономики от ее отраслевой структуры. В случае преобладания в отраслевой структуре хозяйства метрополитенского ареала динамично развивающихся в масштабе национальной экономики отраслей – эта рента будет положительной; если же в местной экономике большей представленностью обладают отрасли, стагнирующие в экономике страны, рента с отраслевой структуры для данного ареала будет отрицательной.

Сопоставление величины отраслевого сдвига с величиной общего прироста экономики ареала позволяет делать выводы о том, какую роль в экономическом росте той или иной субнациональной территории за рассмотренный период времени сыграло качество отраслевой структуры его хозяйства.

«Локальный сдвиг».

Это самый противоречивый компонент экономического роста в расчетах по методу «сдвиг-доля», не имеющий пока, что однозначного толкования. Большинство авторов он трактуется как некий локальный (региональный) остаток экономического роста [1, 2, 4, 5], источником возникновения которого служит воздействие целого комплекса наведенных на данное место условий экономического развития, которые могут заключаться во всем - от выгод экономико-географического положения как положения относительно каких-либо вне данного места лежащих данностей, до эффективности управленческих решений, принимаемых на местном уровне, транспортной доступности, качества жизни, как фактора привлечения интеллектуальной элиты и квалифицированных кадров на местные рынки труда, деятельности профсоюзов, стоимости рабочей силы, наличия свободных капиталов и т.п.

Одновременно «локальный сдвиг» – самая информативная часть прироста местной экономики в системе расчетов по методу «сдвиг-доля». Он показывают степень реализации данной территории своего хозяйственного потенциала. В отличие от двух других компонентов экономического роста, выделяемых с помощью метода «сдвиг-доля» («национального» и «отраслевого» сдвигов) «локальный» сдвиг – это уже не гипотетическая, а сугубо реалистическая оценка, отражающая успех локальной территориально-хозяйственной системы в использовании преимуществ и преодолении недостатков отраслевой структуры местной экономики. Он фиксирует собой то, насколько *по факту* быстрее или медленнее местная экономика развивалась в рассмотренный период времени относительно тех темпов роста, какие ей прогнозировались на основании информации о сложившихся в среднем по стране темпах роста ее отраслей. «Локальный» сдвиг вычисляется путем противопоставления, того как конкретная территориально-экономическая система со специфической отраслевой структурой развивалась за время t в контексте условий хозяйствования, сложившихся

вокруг данной территории, с тем как такая система могла бы развиваться за то же время t в контексте условий хозяйствования, сложившихся на общенациональном уровне. По сути дела «локальный сдвиг» позволяет вычленить эффект от воздействия специфических условий хозяйственной деятельности, сложившихся вокруг и внутри данной субнациональной территории. Именно тот эффект, который определяет опережение или отставание темпов роста отдельных отраслей местной экономики от среднестрановых показателей.

Стандартная формула расчета «локального» сдвига выглядит следующим образом:

$$LS = \sum_{i=1}^n \left(e_i^T - e_i^0 \frac{E_i^T}{E_i^0} \right) \quad (3)$$

где

LS – «локальный» сдвиг с экономике субнациональной территории за временной интервал

e_i^T – сумма заработков по месту работы в экономике субнациональной территории в i -ой отрасли **на конец** временного периода

e_i^0 – сумма заработков по месту работы в экономике субнациональной территории в i -ой отрасли **на начало** временного периода

E_i^T – сумма заработков по месту работы в i -ой отрасли национальной экономики **на конец** временного интервала

E_i^0 – сумма заработков по месту работы в i -ой отрасли национальной экономики **на начало** временного интервала

Иными словами, «локальный» сдвиг в экономике конкретной субнациональной территориальной единицы – это накопленная по всем отраслям разница между фактически достигнутым в каждой конкретной отрасли местной экономики уровнем заработков и тем уровнем заработков, который мог бы быть достигнут в экономике данной территории, если бы каждая местная отрасль, развивалась средненациональными для данной отрасли темпами.

Величина «локального сдвига» позволяет оценить то, какова была роль специфических условий хозяйственной деятельности, сформировавшихся внутри данной территории¹, в определении темпов и направления динамики его экономического развития, наблюдаемой в ходе заданного периода времени.

Сопоставление величины «локального сдвига» с величиной итогового прироста дает информацию о той роли, которую сыграли элементы местного контекста хозяйственной деятельности в определении темпов экономического динамики данного ареала.

Трактовать экономический смысл «локального сдвига» можно также посредством следующих рассуждений. Отраслевая структура местной экономики в сочетании со всем многообразием присущих данному месту условий ведения бизнеса – это своего рода предложение местной экономики на общенациональном рынке хозяйственной активности. Тогда величину «локального» сдвига можно уже интерпретировать как характеристику спроса хозяйствующих субъектов на «предложение местной экономики». Высокая величина «локального сдвига», следовательно, будет свидетельствовать о повышенной привлекательности данного места в части концентрации динамично развивающегося бизнеса.

В дополнение к вышеприведенной трактовке экономического смысла «локального сдвига» можно привести еще одну интересную интерпретацию величины «локального сдвига» как составной части общего прироста в экономике локальной территориально-хозяйственной системы. Согласно представлениям ряда авторов [1], «локальный сдвиг» измеряет собой ретроспективную реакцию внешних факторов экономической динамики места на сложившийся внутри данного места хозяйственный рисунок. Принимая во внимание то, что такого рода реакция чаще всего обладает

¹ Очевидно, правильнее было бы толковать эти специфические местные условия хозяйственной деятельности не как сформировавшиеся внутри той или иной субнациональной территории, а скорее как **наведенные условия**, поскольку они включают в себя не только факторы и ресурсы экономической деятельности, физически расположенные в границах конкретной территориальной единицы (города, региона и т.п.), но и вынесенные за ее пределы, например, наличие или, наоборот, отсутствие в относительной близости стратегически важных объектов, сопутствующих ведению хозяйственной деятельности на данной территории (крупных городов, международных аэропортов, скоростных шоссе, природно-географических объектов и т.п.). Принимая во внимание приведенное обстоятельство, в дальнейшем в настоящей работе совокупность этих специфических местных условий будет именоваться «местными» только в кавычках.

определенной инерцией, авторы идеи говорят о «локальном сдвиге» как о своего рода индикаторе перспектив развития местной экономики на ближне- и среднесрочном этапе.

2. Недостатки стандартной схемы расчета «сдвиг-доли» и способы их преодоления.

Следует признать, что метод «сдвиг-доля» нередко служит объектом серьезной критики в научном кругу. Основные претензии, которые предъявляются к данному методу в части его способности служить адекватным аналитическим инструментом в исследованиях региональной дифференциации экономического роста, сводятся к тому, что метод «сдвиг-доля» – слишком прост и прямолинеен, вследствие чего он не позволяет раскрыть все многообразие факторов, воздействующих на экономический рост субнациональных территорий. При интерпретации результатов расчета «сдвиг-доли», проведенного по стандартной процедуре, необходимо учитывать целый комплекс обстоятельств, негативно сказывающихся на качестве полученной с помощью данного метода информации:

- Техника расчетов «сдвиг-доли» не позволяет учесть влияние смены циклов экономической активности; сильные колебания экономической активности взаимно погашаются в ходе проведения расчетов по стандартной схеме;
- Метод недостаточно корректен в установлении относительных преимуществ тех или иных мест в плане обладания ими особых условий для будущего экономического роста;
- Стандартная процедура расчета «сдвиг-доли» – дает лишь некий мгновенный срез динамики экономического потенциала территории в интервале между двумя точками во времени; при этом, по свидетельствам ряда авторов [1, 5], результаты расчетов, оказываются весьма чувствительны к малейшему изменению границ временного интервала;
- В стандартной схеме расчета «сдвиг-доли» учитывается отраслевая структура, которая сложилась в местной экономике на начало временного интервала, и при этом действует допущение о том, что отраслевая структура местной экономики в течение всего рассмотренного периода (который в данной работе составляет 10 лет) остается неизменной; тем самым недоучитывается эффект от возможных трансформаций отраслевой структуры местной экономики, который могли иметь место в течение рассмотренного периода [1, 2, 5].
- Расчеты сдвиг-доли, по свидетельству ряда исследователей, весьма чувствительны к уровню детализации отраслевой структуры [1]; тем самым высказываются мнение о том, что если в расчет взять более многосложный набор отраслей, то результаты расчета сдвиг-доли для одной и той же территориальной единицы существенно изменятся.

3. Динамическая схема расчета «сдвиг-доли».

Для предотвращения проблем, связанных с недоучетом трансформаций отраслевой структуры субнациональных территорий, которые могли иметь место в течение отобранного временного интервала, разработана динамическая схема анализа приращения экономики по методу «сдвиг-доли».

Стандартная схема расчета «сдвиг-доли» базируется на данных об изменении соответствующего экономического показателя (например, заработков по месту работы) между двумя крайними годами отобранного временного интервала. Такая схема калькуляции «сдвиг-доли» нередко условно именуется «статической» (см. формулы 1-3). В динамической схеме расчетов изменения экономического показателя накапливаются от года к году в течение всего временного интервала. Соответственно, если временно интервал охватывает 10-летний период, то расчет производится путем накопления остатков прироста по десяти смежным временным интервалам. Формула самого информативного выходного параметра «сдвиг-доли» – «локального сдвига» - в динамической схеме расчетов выглядит следующим образом:

$$LS_{dyn} = \sum_{1990}^{2000} \left(\sum_{i=1}^n \left(e_i^t - e_i^t \frac{E_i^{t+1}}{E_i^t} \right) \right) \quad (4)$$

LS_{dyn} – «локальный» сдвиг, рассчитанный по динамической схеме в экономике субнациональной территориальной единицы, полученный накоплением в целом за временной интервал.

e_i^{t+1} – сумма заработков по месту работы на данной субнациональной территории в i -ой отрасли в год, следующий после базового в соответствующем одногодичном интервале

e_i^t – сумма заработков по месту работы на данной субнациональной территории в i -ой отрасли в базовый год соответствующего одногодичного интервала

E_i^{t+1} – сумма заработков по месту работы в i -ой отрасли национальной экономики в год, следующий после базового в соответствующем одногодичном интервале

E^t – сумма заработков по месту работы в i -ой отрасли национальной экономики в базовый год соответствующего одногодичного интервала

Полученная по этой формуле величина «локального сдвига» позволяет уловить особенности динамики **отраслевой структуры** местной экономики в ходе рассмотренного временного интервала и тем самым адекватнее оценить вклад «наведенных факторов» в экономическое развитие территории.

4. Использование метода «сдвиг-доля» для анализа экономического роста метрополитенских ареалов США¹ в период с 1990 по 2000 год.

Предлагается ознакомиться с результатами эмпирического исследования экономического роста городских агломераций США в период с 1990 по 2000 год, проведенного на базе метода «сдвиг-доля» с использованием в качестве индикатора приращения экономического потенциала – прирост суммарных заработков по месту работы согласно определению Бюро экономического анализа.

В рамках представленного описания дается сопоставление результатов анализа экономического роста метрополитенских ареалов США в 1990-е годы, произведенных по стандартной и динамической схемам расчета «сдвиг-доли».

Уровень отраслевой детализации, на котором производились основные расчеты по методу «сдвиг-доля» в ходе данного исследования соответствует первичной разбивке отраслей американской экономики в рамках классификационной шкалы SIC (*Standard Industry Classification*)².

Используемые в калькуляциях статистические данные о заработках по месту работы были пересчитаны к единому уровню цен 2000 года. Для этого использовался индекс инфляции Бюро статистики труда США (БСТ) – индекс потребительских цен CPI (*Consumer Price Index*)³. При этом для всех МСА использовался единый индекс инфляции, посчитанный для США в целом. То есть в работе допускается, что темпы инфляции в различных МСА в пределах одного года не значительно отличаются от общенациональных. Такое допущение основывается на выводах целого ряда крупных исследований посвященных оценке неравномерности распределения темпов инфляции между различными частями США. В частности в работе американских экономистов Гертлера, Уайтмана и Кларка [3] на основе эмпирических изысканий был сделан вывод о том, что «различия в темпах инфляции в пределах одного года между городами США не существенны и национальный индекс инфляции способен вполне адекватно отразить картину динамики цен в каждом конкретном городе».

Полный ряд данных для проведения расчетов по динамической схеме с учетом всех упомянутых в разделе 2.1.1. ограничений в части их информационной насыщенности удалось собрать по 303 МСА США.

Полный и отвечающий всем ограничениям ряд данных для расчета «сдвиг-доли» по крайним годам рассмотренного временного интервала – 1990 и 2000 годам (то есть по стандартной, статической схеме) удалось собрать для 306 МСА.

¹ Метрополитенский ареал (стандартный статистический метрополитенский ареал, МСА) – форма определения границ городских агломераций в США для статистических нужд. Метрополитенские ареалы США выделяются на базе сетки графств с конца 1940-х годов по следующим критериям: - графство в пределах которого расположен город или урбанизированная с численностью населения более 50 тыс. человек и - группа графств общей численностью населения более 100 тыс. человек (в Новой Англии – более 75 тыс.) и на территории которых частично расположен город или урбанизированная территория числом жителей более 50 тыс. человек. В расчетах использованы определения метрополитенских ареалов США по состоянию на июнь 1999 года.

² Классификационная шкала SIC действовала в системе официальной американской статистики до 1998 год, когда была принята новая шкала, соответствующая объединенным стандартам классификации отраслей США и Канады – т.н. Северо-Американская система классификации отраслей NAICS (*North American Industry Classification System*). Однако для удобства сопоставлений с данными за период 1990-1998 в настоящей работе использовалась классификационная шкала SIC, тем более, что Бюро экономического анализа данные за 1999 и 2000 годы, наряду продолжает предоставлять в классификационной шкале SIC.

³ Индекс потребительских цен, рассчитываемый Бюро статистики труда США (BLS) – главный индекс инфляции в стране, используемый федеральным правительством для ежегодной индексации социальных пособий, иных трансфертов, корректировки контингента подоходного налога в прогрессивной шкале налогообложения личных доходов населения и т.д. В последнее десятилетие нередко поднимается вопрос о том, что индекс потребительских цен, рассчитанный по методике Бюро статистики труда, переоценивает реальный темпы инфляции в стране по разным оценкам на 0.7 - 1.5 процентных пункта [44] в год. Однако, исследователи не пришли пока к единому мнению о том, насколько следует и следует ли вообще поправлять величину ИПЦ Бюро статистики труда.

Сопоставление результатов расчета «сдвиг-доли», проведенных по стандартной и динамической схемам велось по 303 МСА США.

4.1. Исследование связи между 10-летним «локальным сдвигом» экономики городских агломераций США, полученным по динамической и статической схемам расчета.
Интерпретация экономического смысла разнотчений в величинах «локального сдвига», полученных по двум схемам.

После того, как были получены полные ряды значений локального сдвига (ЛС) в МСА США за 10-летний период с 1990 по 2000 год, удалось оценить плотность связи между величинами ЛС, полученными отдельно по динамической и статической схемам расчета. Корреляционный анализ показал, что связь между значениями ЛС, полученным по этим двум схемам исключительно плотная – в целом по 303 МСА динамический ЛС в 99% случаев пропорционален статическому.

Таким образом можно уже сразу сделать вывод о том, что результаты анализа 10-летней динамики заработков в МСА США по методу сдвиг-доля в целом не чувствительны к тем трансформациям, что могли иметь место в отраслевой структуре экономики МСА США в ходе рассмотренного десятилетия. Это одновременно свидетельствует о том, что, кардинальных изменений в отраслевой структуре городских агломераций США в 1990-е годы не происходило – практически везде к концу 90- годов сохранилось то же соотношение отраслей местной экономики, что имело место и в начале десятилетия.

Просуммированные по всем МСА США натуральные значения динамического ЛС (т.е. значения, взятые без модуля) более, чем на 5 млрд. долларов (в ценах 2000 года) выше суммы статического ЛС. В то же время общий прирост метрополитенской экономики по взятым в расчет 303 МСА за 10 лет с 1990 по 2000 год в реальном выражении составил 1300 млрд.. Тем самым величина разнотчений динамического и статического ЛС составила менее 1% от итогового прироста метрополитенской экономики; это еще раз подтверждает тот, факт, что учет внутренней динамики отраслевой структуры экономики МСА США не сильно оказывается на результатах расчета «сдвиг-доли».

Таким образом, анализ значений динамического и статического ЛС, проведенный по всей выборке МСА, позволил установить типичную, хрестоматийную картину соотношения этих показателей, которая характеризуется их строгой прямой пропорциональностью.

Однако все же интересно посмотреть, у каких МСА разнотчения между величинами динамического и статического ЛС были большими, и попытаться интерпретировать эти разнотчения.

Для каждого МСА вычли из динамического регионального сдвига статический.

Если разница положительная – значит, расчет по динамической схеме (по схеме накопления величин ЛС за 10 погодичных временных промежутков с 1990-1991 по 1999-2000) «увеличивает» положительное влияние «наведенных факторов» на экономический рост по сравнению с тем, что фиксирует расчет по статической схеме (по двум датам – 1990 и 2000). Во всех этих МСА происходившие в 90-е годы трансформации отраслевой структуры местной экономики положительно сказывались на их общеэкономической динамике. Степень реализации хозяйственного потенциала, оцененная на основе обновляемых данных о характере их отраслевой структуры оказалась выше степени реализации их хозяйственного потенциала, которая оценивалась по данным о составе отраслей местной экономики только на начало подотчетного периода.

Если разница отрицательная – значит, расчет по динамической схеме «занижает» позитивное влияние «местных условий» на экономический рост по сравнению с результатами расчета по статической схеме. При этом фиксируется то обстоятельство, что во всех этих МСА происходившие в 90-е годы трансформации отраслевой структуры местной экономики отрицательно сказывались на темпах роста местной экономики. Степень реализации хозяйственного потенциала, оцененная на основе погодично обновляемых данных о характере отраслевой структуры местной экономики оказалась хуже той, что оценивалась по данным о составе отраслей местной экономики только на начало подотчетного периода.

I. МСА, где динамический ЛС превышает статический. Трансформации отраслевой структуры в течение рассмотренного десятилетия ускорили темпы экономического роста.

Максимальное разнотчение между расчетами по двум схемам среди всех МСА наблюдаются у МСА Модесто (Калифорния). Там ЛС, полученный по динамической схеме расчетов более чем в 20 раз превышает ЛС, полученный по стандартной, статической схеме (при этом расчет ЛС по стационарной схеме – свидетельствует о том, что влияние наведенных факторов на динамику экономического развития МСА Модесто было отрицательным, а по динамической схеме – сильно

положительным). Еще ряд МСА, у которых имело место значительное превышение накопленного по годам ЛС (динамического ЛС) над статическим ЛС – Висалия (Калифорния), МСА Вашингтон, Коламбия (Южная Каролина), Берлингтон (Вермонт). У всех этих МСА ЛС в зависимости от схемы расчетов меняет знак (при динамической схеме – он положительны при стационарной – отрицательный).

II. МСА, где динамический ЛС ниже статического. Трансформации отраслевой структуры местной экономики замедляли темпы роста экономического роста этих агломераций .

Заслуживает внимания, однако, еще ситуация когда ЛС, полученный по динамической схеме расчетов оказывался существенно ниже того, что был получен по статической схеме. Примерами, где такая ситуация наблюдается служат МСА Эшвилл (Северная Каролина), Пуэбло (Колорадо), Литтл-Рок, Юма (Аризона), Блумингтон (Иллинойс), Джерси-Сити, Таскалуза (Алабама), Мемфис, Такома (Вашингтон), Эль-Пасо (Нью-Мексико) и др. Весьма показательно, что отрицательному влиянию изменений в отраслевой структуре подверглись агломераций, испытывавших самые быстрые темпы роста в течение десятилетия (Остин, Сан-Хосе, Боулдер).

В целом по результатам проведенного в данном разделе исследования, основанного на сопоставлении динамического и статического «локального сдвига», удалось сделать весьма важное наблюдение: трансформации отраслевой структуры ускоряют темпы роста медленно растущих и стагнирующих городских агломераций, в то время как в агломерациях с исключительно динамичной экономикой, наоборот, проявляют свойство занижать, «остужать» темпы роста. Это наблюдение может служить наглядным примером проявления способности американской экономики к саморегулированию.

4.2. Проверка чувствительности расчетов сдвиг-доли к изменению границ подотчетного периода

Для проверки чувствительности расчетов «сдвиг-доли» к изменению границ временного интервала было проведено исследование межгодовых флуктуаций «локального сдвига» в МСА США. Задача такого исследования – опровергнуть либо подтвердить факт существенной изменчивости величины локального сдвига (как наиболее лабильного выходного параметра «сдвиг-доли») даже при минимальном изменении периода приращения экономики городских агломераций США.

Для этого была рассчитана матрица корреляций просуммированных по 303 МСА США погодичных значений локального сдвига, взятых по модулю. Фактически, в этой матрице исследуется, насколько пропорционально соотносится сумма «локального сдвига» по 303 МСА США в данный год, к такой же сумме в любой другой год десятилетия. Что показательно, во всех случаях межгодовые корреляции общеметрополитенских сумм ЛС значимы на уровне 0.01 и плотность связи между {величиной общеметрополитенского локального сдвига в данный год} и {величиной общеметрополитенского ЛС в любой иной год десятилетия} имеет очевидную тенденцию к убыванию с увеличением временного расстояния в обе стороны от данного года (см. таблицу 1).

Таблица 1:

Матрица корреляций сумм ЛС

Коэффициент корреляции Пирсона	90_91	91_92	92_93	93_94	94_95	95_96	96_97	97_98	98_99	99_00
90_91	1*	0.70	0.87	0.83	0.59	0.70	0.70	0.42	0.45	0.46
91_92	0.70	1	0.76	0.78	0.79	0.54	0.41	0.40	0.47	0.32
92_93	0.87	0.76	1	0.94	0.71	0.72	0.68	0.43	0.50	0.42
93_94	0.83	0.78	0.94	1	0.77	0.72	0.63	0.45	0.43	0.34
94_95	0.59	0.79	0.71	0.77	1	0.71	0.59	0.56	0.57	0.41
95_96	0.70	0.54	0.72	0.72	0.71	1	0.85	0.70	0.70	0.65
96_97	0.70	0.41	0.68	0.63	0.59	0.85	1	0.69	0.65	0.61
97_98	0.42	0.40	0.43	0.45	0.56	0.70	0.69	1	0.58	0.39
98_99	0.45	0.47	0.50	0.43	0.57	0.70	0.65	0.58	1	0.86
99_00	0.46	0.32	0.42	0.34	0.41	0.65	0.61	0.39	0.86	1

* В каждой ячейке – коэффициент корреляции между общеметрополитенской суммой ЛС в годовой интервал по столбцу и общеметрополитенской суммой ЛС в годовой интервал по строке.

Результаты анализа схожести разногодичных значений ЛС в метрополитенских ареалах США позволяют сделать вывод об инерционном характере компонентов прироста экономики МСА США (то есть тезис о высокой чувствительности результатов расчета «сдвиг-доли» к изменению границ подотчетного периода на базе статистики по заработкам в МСА США – не подтверждается).

4.3. Проверка чувствительности величины «локального сдвига» к детализации отраслевой структуры.

Отдельно, на базе исследования экономического роста метрополитенских ареалов США в 1990-е годы, была также произведена проверка чувствительности величины «локального» сдвига к уровню детализации отраслевой структуры.

Многими исследователями, использовавшими в своих работах метод «сдвиг-доля» высказывается суждение о том, что величина локального сдвига весьма чувствительна к детальности отраслевой разбивки. Суть данного суждения в том, что, если анализировать прирост одной и той же субнациональной единицы посредством метода «сдвиг-доля» за один и тот же промежуток времени, но на базе отраслевой структуры разной степени дробности – величины «локального сдвига» будут непременно разными.

Для оценки чувствительности «локального сдвига» к отраслевой структуре в исследовании экономического роста МСА США предлагается рассчитать ЛС по отраслевой структуре, на один порядок более дробной, чем та, что использовалась изначально. Новая разбивка отраслей включила в себя теперь 26 наименований отраслей, против 10 в базовой разбивке.

При организации расчетов «сдвиг-доли» по дробной разбивке отраслей возникла проблема, связанная с тем, что с увеличением детальности отраслевой структуры сокращается предоставляемость информации о заработках¹. В результате полный ряд данных о заработках в более дробной отраслевой разбивке удалось собрать лишь по 52 МСА – то есть выборка МСА существенно сократилась.

Для отобранных 52 МСА произвели расчет величины локального сдвига. Затем посчитали коэффициент корреляции между локальным сдвигом, полученным для каждого из этих 52 МСА на основе первичной отраслевой разбивки и «локальным сдвигом», полученным при более дробной отраслевой разбивке.

Результаты корреляционного анализа величин ЛС, рассчитанных по отраслевым структурам разной степени детализации свидетельствуют о наличии между ними исключительно плотной и статистически значимой связи². Коэффициент корреляции между величиной ЛС, рассчитанной по основным группам отраслей и величиной ЛС, рассчитанной по на порядок более детальной отраслевой структуре, составил 0.96. Таким образом, можно сделать вывод, что «локальный сдвиг» в МСА США не чувствителен к одношаговой детализации отраслевой структуры. Следует полагать, что чем глубже детализация отраслевой структуры, тем чувствительность ЛС будет проявляться резче. Однако причиной тому будет уже то, что при более дробной отраслевой разбивке появится новый, дополнительный фактор хозяйственного развития МСА – внутренний дисбаланс развития отраслей более высокого уровня классификации.

И все же с учетом всех допущений удалось доказать, что следующий по глубине детализации классификационный уровень отраслевой структуры метрополитенских ареалов США не дает существенных изменений в величине «локального сдвига». **То есть помимо инерции величины «локального сдвига» во времени, существование которой доказано в предыдущем разделе, результаты последних изысканий, дают основание говорить о наличии инерции величины ЛС по степени детализации отраслевой структуры.**

В заключение следует отметить, что при всей смелости выводов, сделанных на основании эмпирического исследования экономического роста метрополитенских ареалов США в 1990-2000 гг., необходимо отдавать отчет в том, что они актуальны лишь для достаточно частного случая применения метода «сдвиг-доля», когда в качестве индикатора экономической динамики были использованы заработки, а уровень отраслевой разбивки при проведении расчетов был еще недостаточно дробно.

¹ Отсутствие информации о заработках в отраслях более дробной классификации связано в большинстве случаев с опасениями фирм предоставлять в публичный доступ информация конфиденциального характера о динамике их активности. Особенно это касается тех случаев, когда фирма имеет монопольное положение в данной отрасли в данном МСА и в цифрах по отрасли для данного МСА легко могут распознаваться параметры хозяйственной деятельности частной фирмы.

² Несмотря на то, что анализ проводился всего по 52 наблюдениям уровень значимости оказался менее 0.01

Литература:

1. Ali, Mian B., Nagarajan, P., Rankaduwa, W. Structural Adaptation of Atlantic Provinces: Growth of Employment and Output 1987-1997. A.C.E.A. Papers and Proceedings, Volume 29, 2000.
2. Deming, William G. A Decade of Economic Change and Population Shifts in US Regions, Monthly Labor Review, November 1996.
3. Gertler, M.S., Whiteman, J., Clark, G. Regional Dynamics: Study in Adjustment Theory. Unwin Hyman, 1986.
4. Hannink, Dean M. Principles and Applications of Economic Geography: Economy, Policy, Environment, 1997.
5. <http://www.bls.gov> Бюро статистики труда США (Bureau of Labour)
6. Tervo, Hannu; Okko, Paavo. A Note on Shift-Share Analysis as a Method of Estimating Employment Effects of Regional Economic Policy, Journal of Regional Science, Vol. 23.)

В.А.Пуляркин

УРБАНИЗАЦИЯ, ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И СЕЛЬСКАЯ МЕСТНОСТЬ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ ВОСТОКА

Развивающиеся страны сохраняют еще, как правило, типично аграрный характер, и модернизация сельскохозяйственного производства и традиционной деревни в целом представляется для них насущной заботой. В ином случае тяжело рассчитывать на **успешное преодоление вековой** социально-экономической отсталости. В этих странах на начальном этапе после обретения ими политической независимости популярность приобрели научные воззрения, в которых акцент делался на необходимости государственного планирования с дальнейшим упором на стратегию индустриализации. Надежды возлагались на преимущественный рост крупной промышленности, учитывая связанную с ней высокую производительность труда, определяющий вклад в техническое переоснащение других отраслей, ослабление зависимости от импорта и т.д.

В свете подобного подхода выковывалась следующая теоретическая позиция: ведущие города, выбранные в качестве «центров роста», должны вовлекать и прилежащую сельскую местность в сбалансированный в региональном отношении процесс экономического развития. Ожидалось, что такие города станут в своих странах теми ядрами, откуда излучаемые мощные инновационные импульсы окажут преобразующее воздействие на аграрные территории.

В дальнейшем, однако, выяснилось, что использование в принципиально иных условиях заимствованного опыта, даже при тщательном учете стадийности исторической эволюции, затруднительно и не приносит прогнозируемых результатов. В частности, не оправдались надежды, что города, выполняя роль центров роста, действительно и целенаправленно повлияют на свое деревенское окружение и стимулируют формирование функциональных районов, для которых послужат опорой. На смену медленно пришла точка зрения, согласно которой индустриализация и подъем сельской местности необоснованно считать альтернативными процессами и фактически они в равной степени важны и взаимосвязаны, например, для создания дополнительных рабочих мест. Будучи зависимой во многом от поступления аграрного (и лесного) сырья, промышленность, в свою очередь, особенно при локализации в перспективных пунктах на селе, в состоянии породить возможности для увеличения круглогодичной занятости деревенского населения и ограничения, тем самым, его чрезмерного оттока в города.

При всей значимости поощрения индустриализации и сопутствующих ей урбанизационных явлений как факторов, способствующих прогрессу сельской местности, жизнестойкости ее реально добиться лишь при сохранении направленности на агропроизводственную деятельность. Можно придерживаться разных мнений о том, насколько актуален и необходим для деревни развивающихся стран форсированный рост других подразделений экономики. Но несомненно, что решение продовольственной проблемы всегда остается приоритетной задачей, которую нельзя отодвигать на второй план по сравнению с любой другой. И сельское хозяйство неправомерно воспринимать рядовой отраслью в ряду прочих даже в передовых в промышленном отношении странах, а следует трактовать как важнейший функциональный элемент производства. Резкий «перепад» в уровне развития аграрного сектора в сопоставлении с остальными в принципе недопустим.

Оптимизация системы «город – сельская местность» и отношений между ее составляющими должна служить, в географическом плане, целям смягчения межрайонных диспропорций. Однако

предлагавшиеся концепции размещения производительных сил и его улучшения в конкретных условиях развивающихся стран обычно оказывались малопримлемыми из-за бесперспективности механического применения опыта регионального планирования, накопленного в государствах «Севера». К тому же, дополнительно требовался, как правило, тщательный учет причин и закономерностей локализации, унаследованной от колониальной эпохи.

Осмысления заслуживает и специфика отдельных элементов указанной системы. В частности, на «третий мир» нельзя формально переносить популярный тезис о динамизирующей роли городов для социально-экономического прогресса деревни. Дело в том, что в развивающихся странах урбанизация не базируется еще в должной степени на промышленном росте, даже при том обстоятельстве, что центральные власти в развивающихся странах уделяли обычно серьезное внимание стратегии индустриализации. Попутно, однако, не вырабатывалась политика локализации промышленности, могущая весомо сказаться на размещении населения и характере расселения. В итоге проявилась тенденция агломерации и концентрации индустриального производства в ограниченном числе ведущих метрополитенских и прочих больших городов, развитие которых идет в ущерб общему региональному развитию. В ряде случаев такой курс на рост крупных центров оправдывает себя в общенациональном масштабе, хотя и влечет нередко за собой стагнацию многих, обычно и без того отсталых, географических районов. Все же сравнение с передовыми в экономическом отношении странами оказывается проигрышным: там прослеживается более равномерная урбанизация, которая способствует процессу выравнивания уровней хозяйственного развития в территориальном разрезе.

Скромная роль фабрично-заводской промышленности в деле подъема сельской местности в развивающихся странах во многом обусловлена слабостью сети городов, прежде всего ее средних звеньев. Особенно это ощущается в глубинных районах, где малочисленность «промежуточных» центров явно тормозит прогрессивную перестройку отраслевой и территориальной структуры хозяйства. Функции фокусов индустриального роста, наряду с совокупностью других ролей, по-прежнему выполняют в основном приморские города, что и воспроизводит уже существующую унаследованную от прошлого экономико-географическую картину. Эти города сохраняют многие черты былой анклавности, следствием чего стали отрыв их от собственной деревни и наблюдаемая поныне ограниченность внутренних хозяйственных контактов. Исторически подобное положение явилось результатом втягивания развивающихся стран – через сферу внешней торговли – в орбиту мировых связей при одновременном функционировании обширных секторов деревенской экономики на базе преимущественно автохтонных доиндустриальных форм производства.

В конечном счете, вопреки желательности более рассредоточенной локализации промышленности как фактора подъема отсталых аграрных территорий, политика индустриализации может выступить в противоположной роли, не только не способствуя обеспечению работой и закреплению деревенского населения в пределах этих территорий, но, напротив, стимулируя его дальнейший отток в немногочисленные крупнейшие города. Подобная тенденция стала типичной для молодых суверенных государств, несмотря на сопутствующие негативные последствия. Она была, например, отчетливо выражена в Пакистане, где в гипертрофированном виде первоначально проявилось доминирование первой столицы – Карачи, вопреки пониманию, что «интересы сбалансированного развития районов и социальная справедливость делают целесообразным возможно более дисперсное размещение промышленности, чтобы увеличить занятость и повысить доходы населения на возможно большей территории» (Shilli, 1971, p.6).

Слабость фабрично-заводской обрабатывающей промышленности и преобладание функций обслуживания («сервисных») в городах «третьего мира» ведут к тому, что наблюдаемая передислокация населения из деревень происходит иначе, чем в Европе. Значительная доля мигрантов из сельской местности оказалась вынужденной искать средства к жизни в городском непроизводственном секторе и не случилось полного разрыва работника с природными факторами труда. В результате ряд ученых выдвинули тезис о том, что в развивающихся странах наблюдается «сверхурбанизация»: промышленность не служит полноценным источником занятости, а в третичной сфере непомерно раздутым оказался неформальный сектор, в котором скапливается избыточная рабочая сила, прибывшая из сельской местности и не нашедшая себе в городе устойчивого источника дохода.

Данный сектор включает преимущественно лиц низкой квалификации и самых разнообразных профессий – при трудоинтенсивном характере занятости и крайне малых инвестициях в расчете на каждого работника. И хотя в «третьем мире» главные стратегии развития исходили из тезиса о первоочередной необходимости индустриализации и капиталовложения из «центра» направлялись

прежде всего в города, реальные результаты оказались в большой мере трудно прогнозируемыми. Рабочих мест в промышленности явно не хватает, и горожанам, особенно новоприбывшим из деревни, приходится искать прибежище в постоянно разбухающем неформальном секторе. За его счет в бедных странах кормятся до 90% горожан. Лица, которые были в сельской местности связаны с производительным трудом в аграрной области, при своем переезде в город чаще всего оказываются вытолкнуты в отрасли нематериального производства. В них, по некоторым оценкам, их каждых 6 ищущих заработок мигрантов, покинувших деревню, устремляются в конечном итоге 5 человек. Неформальный сектор не составляет, однако, инородного тела в урбанизированной среде, в частности, дешево предоставляя услуги разного рода предприятиям современного типа и помогая им снижать издержки. Особенно же тесные контакты устанавливаются с потребительским сельским хозяйством, которое снабжает названный сектор продовольствием и сырьем; взамен же значительная часть накопленных скромных сбережений отправляется в деревню (Beger, Mills Williamson, 1986; Urban services..., 1988).

Возникший скепсис в отношении урбанизации как неперемennого условия социально-экономического подъема молодых суверенных государств, вынудил, в итоге специально созданный индийским правительством комитет в своем докладе особо подчеркнуть, что ее следует рассматривать «не как зло, а как необходимый элемент развития» (Shafi, 1988, p.20). Одновременно динамичные реалии последних десятилетий позволили высказать заключение, что под углом зрения длительного сосуществования разнотипных обществ в рамках единой техногенной цивилизации оправданно воспринять индустриализацию как естественное завершение определенного исторического этапа в ходе глобального цивилизационного процесса. Но тогда отпадает потребность трактовать ее в качестве неизбежной ступени в развитии каждой страны. В обстановке растущей взаимозависимости судеб народов и усиления интернационализации хозяйственной жизни у научного сообщества появились веские основания поставить в теоретическом плане вопрос о том, что отдельные страны из числа явно отсталых могут вообще миновать стадию индустриального способа производства. Основу для подобных взглядов составляют все более осознанная необходимость оградить человечество от мировой экологической угрозы и открывшиеся перспективы решения злободневных задач общественного прогресса на путях овладения в гуманистических целях достижениями НТР.

Тем самым объективно упор переносится в значительной мере на преимущественный подъем сельской местности. Такая позиция вытекает во многом из разработанной латиноамериканскими учеными во главе с Р.Пребишем концепции «периферийной экономики», которой отвергается толкование понятие слаборазвитости как своеобразного состояния не-развития. Речь идет, таким образом, не о той ранней естественной и закономерной стадии, которую вынуждена пройти любая страна перед началом развития, а о логическом результате принудительного подключения бывших колоний и полукolonий к складывавшейся мировой системе (см.: Пребиш, 1977). Синхронно в них происходила дезинтеграция внутренних, автохтонных экономических и социальных структур. Иными словами, низкий уровень развития выглядит в подобных случаях скорее следствием, итогом самого процесса развития, нежели его начальным состоянием «на старте».

Города в молодых суверенных государствах спонтанным образом становятся все более характерной формой расселения. Но их эволюция должна протекать таким путем, чтобы она приносила выгоды также деревенским жителям. Ибо сельская местность в состоянии успешно развиваться лишь при наличии сильных урбанизированных центров – точка зрения, давно ставшая общепризнанной. Конкретная действительность свидетельствует о богатстве ситуаций, которые в изрядной степени определяются историческим прошлым и размерами страны и которым трудно дать однозначную оценку.

Нельзя полностью согласиться с выдвигавшимся ранее тезисом, что многочисленность малых городов при единичности крупных свидетельствует о распространении начальных форм урбанизации. Подобное положение часто сохраняется на протяжении столетий, отражая то обстоятельство, что если прочие звенья городской сети возможно более или менее удачно вычленишь из сельского фона, то трудно оторвать от него ее низовое звено, чьи градообразующие функции непосредственно зависят от обслуживания сельской местности. Поскольку без этих малых городов последняя подвергалась бы дезинтеграции и могла ориентироваться лишь в локальных рамках натурального хозяйства, имеются основания утверждать, что жесткое разграничение по линии «сельская местность – город» призрачно. Такой подход означает, кстати, шаг вперед сравнительно с долгое время господствовавшим в советской науке взглядом, что сельскую местность надо рассматривать как объект зависимый от города, лишенный по сути собственных интересов и ведомый

им. Крупный город становился, тем самым, венцом экономического развития, а сельские районы трактовались в качестве его придатка, обладателя и поставщика сырьевых и трудовых ресурсов.

Безусловно наблюдаемая диверсификация функций, выполняемых городом и сельской местностью в развивающихся странах, пока не внесла принципиальных новаций в исторически сложившуюся дихотомию: в городских поселениях преобладают центростремительные потоки к местам приложения труда, в деревнях – центробежные. Например, в Коломбо (Шри Ланка) приезжают ежедневно на работу свыше 100 тыс. человек из окрестных деревень, во многих из которых до 50% и более нынешних жителей составляет пришлое население (Wanasinghe, 1980).

Вместе с тем, в развивающихся странах вовсе не изжиты замкнутости жизнедеятельности селян локальным географическим пространством, что в течение веков разделяло во всем мире деревенские и городские общины. В промышленной зоне земного шара небывалый рост подвижности населения в результате массовой автомобилизации и общее относительное удешевление и ускорение средств транспорта привели к тому, что там сельская местность составляет ныне одну из зон дневного пространства горожан, а города образуют часть дневного пространства для жителей деревень и ферм (Hamer, Veldman, 1983). В «третьем мире» аналогичный процесс еще только начинает проявляться.

Сеть городов, создававшихся колониальными властями, обычно оказывались в явном отрыве от ранее сложившейся урбанизационной системы, центры которой нередко в итоге угасали. Многие продолжают сохранять свой полуаграрный облик и не теряют исконной тесной связи с сельскохозяйственным производством. Вообще, на Востоке, вопреки заметному развитию в его городах ремесел и торговли, одной из главных экономических основ города всегда являлось земледелие. Хотя еще в сочинении «Премудрости» иудейского философа II в. до н.э. Бен-Сира отмечалось, что без ремесленников «Город не может ни возникнуть, ни существовать» (см.: Амусин, 1961, с.10), однако типичным поселением поныне следует признать «город-сад», «город-оазис». Фактически мелкие городские пункты – это те же кишлаки, только с базаром. Часто сеть сельских рынков функционирует параллельно с городской обслуживающей сетью; каждой из них отвечает собственная логика поведения. Такого рода рынок, ярким примером которого служит сук в ближневосточных мусульманских странах, есть по существу «город в деревне», доставляющий в последнюю еженедельно товары и оказывая услуги, присущие обычно городу (парикмахерские, ремонт бытовой техники, общественные развлечения и т.д.), но которые не могут предоставляться ежедневно из-за недостатка клиентуры (Cote, 1983). Иными словами, сук – это своеобразный город, чьи функции на неделе распределены между 5-ю или 6-ю локальными точками. Неся не только экономическую, но и социальную нагрузку, сук своей деятельностью компенсирует слабость инфраструктуры в сельской местности.

Если обратиться к крупным городам Востока, то они всегда включали в свои фактические рамки обширные земледельческие угодья. Сады, пашни и огородные участки по-прежнему, как правило, находятся в стенах традиционного города или в его окрестностях и обрабатываются самими его жители. В средние века, писал замечательный средневековый мыслитель Ибн Халдун, в странах Магриба «за редким исключением ... не найдешь людей, которые не занимались бы выращиванием зерна в самом городе или поблизости от него. Это необходимость» (цит. По: Видасова, 1987, с. 163). Разумеется, что за истекшее с тех пор время возделывание зерновых отодвинулось на второй план, но аграрная деятельность не затухла – упор перенесен на трудоинтенсивные культуры, особенно отличающиеся в наши дни пригородное сельское хозяйство. В классическом труде «земледельческий Афганистан» Н.И.Вавилов сослался на такой город-центр крупного оазиса, как Герат, в качестве примера «города-сада», «город-поле» и указал: «Город слился с полем, минареты, мечети, кладбища перемешиваются с садами, полями» (Вавилов Н.И., Букинич Д.Д., 1959, с.61).

Изложенное не означает, что положение в системе «город – сельская местность» в развивающихся странах вполне устойчиво, благополучно и не нуждается в улучшении. Укрепление их взаимодействия необходимо, особенно малым центрам, которые зависят от аграрного окружения, так и деревне, поскольку тем самым не только стимулируется производство крестьянами рыночной продукции, но и облегчает им доступ к товарам и услугам, которые нужны, чтобы повысить эффективность агропроизводства. С этих позиций представляется, что густота городской сети в «третьем мире» недостаточна, чтобы удовлетворить запросы сельских жителей в случае увеличения доходов: один город обслуживает в среднем 257 деревень при аналогичном соотношении в странах Западной Европы 1:16 (Куприянов, 1980).

Можно с уверенностью утверждать, что одна из актуальных задач в условиях развивающихся стран состоит в выявлении внутренних потенций средних и малых по размерам городов в качестве

своеобразных центров роста для прилегающей сельской местности. На этом пути стоят многие трудности, начинающиеся с вопроса: как определить эти потенции, и в чем они заключаются? Темпы увеличения людности города представляются весьма огрубленными показателями, но его нелегко заменить другими индикаторами в отсутствии детальных исследований на местах. По мере же их проведения все яснее становится, что не предвидится однозначных, пригодных для целых регионов решений; более того, стратегия в крупных и малых странах должна существенно различаться.

Теорию полюсов роста, на которую особенно часто опирались при поиске путей активизации городского воздействия на сельскую местность в применении к развивающиеся странам сложно использовать на практике по ряду причин. Сказывается экономическое господство одного города, обычно столицы, что требует перестройки национальной сети расселения в полицентрическую. Пока же тормозится хозяйственная деятельность не только других метрополитенских ареалов (если они имеются), но также и средних городов. А это, в свою очередь, негативно сказывается на сельской местности, которая остается в стороне от преобразующего воздействия даже крупных очагов урбанизации.

Вместе с тем, нужно с осторожностью подходить к ломке и кардинальным преобразованиям исторически сложившихся социальных структур и агропроизводственных систем и стремиться к созданию новых, которые в конкурентной борьбе сумели бы доказать свои преимущества и жизнеспособность. Ибо в конечном итоге сами крестьяне решают, как реагировать на те или иные нововведения, предусматриваемые программами развития, и дорогостоящие запланированные мероприятия порой не в состоянии преодолеть сопротивление человеческого фактора. Государственные усилия лишь тогда достигнут подлинного успеха, когда власти научатся понимать логику принятия решений разными слоями крестьянства и будут учитывать их реальные запросы и нужды.

Массированное продвижение мелких промышленных предприятий в сельскую местность выглядит на современном этапе особенно оправданным. Они в состоянии выступить действенным инструментом подъема деревни. Ибо обеспечивают рост занятости ее населения и более равномерное распределение доходов. Подобного рода децентрализованная индустриализация притягивает на работу в первую очередь молодежь из малоземельных и безземельных семей и тем самым сдерживает миграции в город.

Рассеянное промышленное производство в силу своих имманентных свойств легче, нежели крупное, адаптируется к внешней среде и, предъявляя к ней меньший объем требований, в большей мере склонно ориентироваться в своем размещении на малые города и поселения деревенского типа. На мелких предприятиях легче использовать технологии, отвечающие условиям развивающихся стран, которые при избытке трудовых ресурсов страдают от нехватки капиталов. Сопутствующее становление предпринимательской прослойки способствует при этом так же мобилизации местных денежных средств, которые в ином случае скорее всего оказались бы потрачены непроизводительно. Однако мелкая промышленность деревни отнюдь не должна превращаться в своего рода «отстойник», где «лишняя» рабочая сила, не нашедшая себе применения в сельском хозяйстве, используя примитивную технику, выпускает малоценную продукцию.

Одним из ключевых моментов модернизации системы сельского расселения в развивающихся странах становится ее иерархическое упорядочение, что требует выделения центральных мест разного ранга. Их стихийное обособление ведет к тому, что многие сельские местности остро ощущают бедность обслуживающими их городами, тем более, что оптимальные соотношения между этими центрами нередко отсутствуют. Нередко на единственный город, расположенный в том или ином сельском районе, возлагаются непропорционально большие объемы торговых и других услуг, выполняемых на территории последнего. Одновременно некоторые функции, характерные для поселений определенного ранга, могут в части городов отсутствовать, что делает размытой иерархию центральных мест. Ограниченность дальних транспортных связей обуславливает формирование широкой сети периодических базаров и ярмарок, хотя сфера их деятельности постепенно сужается с увеличением масштабов дорожного строительства и ростом парка автомашин.

В завершение подчеркнем, что поиск концептуальных путей и конкретных линий развития сельской местности в «третьем» мире породил сложные вопросы и поэтому не случайно, что допускались и тяжелые промахи. Частично они были вызваны дефицитом высококвалифицированных кадров. Однако корни промахов глубже и в общем виде лежат в плоскости неравноправных отношений между городом и деревней, что заслуживает специального анализа. Чтобы избежать серьезных неудач, в проектах подъема сельской местности в развивающихся странах следует, прежде всего отталкиваться от реальных интересов ее жителей, а не

базироваться на отвлеченных соображениях касательно национальной экономики в целом. Сами же проекты не должны становиться порождением чисто урбанизированного мышления и плодом догматических идей, будучи призваны принимать в расчет многостороннюю хозяйственную деятельность крестьян, их образ жизни, психологию и систему ценностей, выработанную в условиях деревенской среды.

Литература:

1. Амусин И.Д. Рукописи Мертвого моря. М.: Изд-во АН СССР.1961.
2. Вавилов Н.И., Букин Д.Д. Земледельческий Афганистан // Избранные труды Н.И.Вавилова, т.1. М.-Л.: Изд-во АН СССР,1959.
3. Видяева М.Ф. Социальные структуры доколониального Магриба. Генезис и типология. М.: Наука,1987.
4. Куприянов А.Б. Развивающиеся страны и международное сотрудничество (региональный аспект). М.: Наука, 1980.
5. Пребиш Р. Актуальные проблемы социально-экономического развития // «Латинская Америка», 1977, № 6.
6. Becer Ch.M., Mills E.S., Williamson J.G. Modelling Indian Migration and city growth, 1960-2000.// Econ. Development and Cultural Change. 1986. Vol.35, № 1.
7. Cote M. Espace algerie Les Premices d'un aménagement. Alger, 1983.
8. Hamer J., Veldmen J. Rural geography at Utrecht// Tijdscher. Econ. En sociale geogr. 1983. Vol. 74, № 5.
9. Shofi S.S. The urban Imperativ // Mainstream. 1988. Vol. 26, № 32.
10. Shibli K. Natural Planning and growth pole policies in Pakistan // UNRISD /71/ C. 43. Geneva, May 1971, CE 71 – 11121.
11. Urban services in developing countries: Public and private roles in urban development / Ed. by Rondinelly D.A/, Cheema G.Sn.,L., 1988.
12. Wanasinghe Y.A.D.S. The impact of urban expansion on rural settlements. A study of Urban Settlements around Colombo, Sri Lanka // 24 th Intern. Geogr. Congress, Tokyo, Main session Abstracts. Vol/ 2/ Tokyo, 1980.

ЧАСТЬ 2. ПРОБЛЕМЫ ГОРОДОВ

Любовный В.Я., Кузнецова Г.Ю.

МОНОПРОФИЛЬНЫЕ ГОРОДА РОССИИ: РОЛЬ В ЭКОНОМИКЕ, ЗАНЯТОСТИ И РАССЕЛЕНИИ.¹

Исследования проблем развития городов с узкой экономической базой и монопрофильных поселений в НМЦ «Города России».

Исследованием городов в Научно-методический центр «Города России» занимается на протяжении почти трех десятилетий. До 1994 года это научное подразделение существовало в Центральном экономическом научно-исследовательском институте при Госплане РСФСР, а после закрытия этого института в связи с реорганизацией Минэкономики России, НМЦ «Города России» продолжило свою работу в составе государственного учреждения «Институт макроэкономических исследований» Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации. За этот период был накоплен и изучен большой фактический материал по всему массиву городов России, как особая категория исследованы исторические города, изданы монографии по большому, среднему и малым городам, методические и справочные материалы по городам и сельским районам /1-11/. Особое внимание все эти годы уделялось малым и средним городам с узкой экономической базой, испытывающим снижение численности населения.

В 90-е годы проводятся большие обследования по состоянию городов в переходной экономике. Особое внимание уделяется кризисным /12/ и монопрофильным городам /13-18/. При этом объектами исследований становятся как отдельные города (Кинель, Октябрьск, Чапаевск и др.), так и массив монопрофильных поселений в целом, а также группы городов различного профиля специализации.

Так в 1994 году по заданию «Росугля» проводится исследование по расселению шахтеров (перспективы шахтерских поселений в связи реструктуризацией угольной промышленности). В рамках этой работы были исследованы все шахтерские города и поселки РФ и предложены города для частичного переселения шахтеров из поселений, где предприятия угольной промышленности подлежат полной ликвидации.

В 1996 году по заданию Минтруда проводится первое мониторинговое обследование рынка труда малых городов в рамках темы - "Пути повышения занятости населения и формирование рынка труда в малых городах России". Если в предыдущей работе речь шла только о предстоящем высвобождении шахтеров, то в этой помимо основных социально-экономических показателей анализируются отчетные данные территориальных служб занятости по показателям рынка труда. Выделяются типы городов по социально-экономическим характеристикам и уровню безработицы, для этих групп городов предлагаются направления развития, способствующие повышению занятости.

Одним из результатов этой работы было обоснование особо критической ситуации в сфере занятости в малых городах с узкоспециализированной экономической базой, что требовало привлечение внимания и помощи со стороны региональных и федеральных органов.

В 1999 г. Минтрудом России совместно с НМЦ «Города России» ГУ ИМЭИ и местными органами было впервые проведено сплошное обследование рынка труда во всех монопрофильных поселениях. В результате был подготовлен "Перечень монопрофильных городов и других населенных пунктов с критической ситуацией в сфере занятости", который был утвержден Минтруда и Минэкономразвития России.

Цели мониторинга заключались в выявлении моноструктурных населенных пунктов, нуждающиеся в первоочередной помощи, и привлечении к ним внимание ведомств и органов власти субъектов Федерации.

«Перечень» был направлен в субъекты Российской Федерации, что в известной степени позитивно отразилось на состоянии рынка труда в ряде монопрофильных населенных мест.

Следующим этапом работ в 2000 г. стала подготовка МЕТОДИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ ЗАНЯТОСТИ В МОНОПРОФИЛЬНЫХ ГОРОДАХ, которые по заданию Минтруда также были разработаны научно-методическим центром «Города России». Этими методическими рекомендациями, одобренными Минтруда и Минэкономразвития России, были снабжены

¹ Работа выполняется при поддержке гранта РГНФ по проекту 03-02-00025a

администрации субъектов Российской Федерации, мэрии и службы занятости населения городов, включенных в Перечень.

В 2001 году, как и 2000 г., Минтруд России повторил мониторинговое обследование городов и других населенных пунктов с моноэкономической структурой и высоким уровнем безработицы¹. Анализ полученных материалов и подготовка уточненного Перечня городов и других населенных пунктов с высоким уровнем безработицы 2001 г, как и в предыдущие годы был проведен НМЦ «Города России» ГУ ИМЭИ.

В 2003 г. исследования монопрофильных городов получили определенное продолжение в рамках проекта, поддержанного РГНФ, «Роль городов и муниципальных образований в изменяющейся России».

Актуальность исследований монопрофильных городов в переходной экономике.

Наложение общеэкономического и структурного кризисов экономики в 90-е годы уже прошлого века, в наибольшей степени отразилось на монопрофильных поселениях, где размещены предприятия угольной, лесной, легкой промышленности, цветной металлургии, а также машиностроения и ВПК. Даже временная остановка градообразующего предприятия в монопрофильном поселении способна парализовать всю жизнедеятельность города. Узкая сфера занятости, ограниченные возможности маневра для потерявших работу, высокая и застойная безработица, снижение уровня жизни всего населения, свертывание социальной инфраструктуры, ухудшение морально-психологического климата, а также сокращение налогооблагаемой базы местных бюджетов и невозможность нормального функционирования городского хозяйства, все эти проблемы характерны для монопрофильных поселений, затронутых кризисом. Процесс банкротства, селекции предприятий, идущий в стране, для монопрофильных поселений стал по существу вопросом селекции самих населенных пунктов, часть из которых перестала существовать, а ряд других потерял статус городских поселений.

Длительный период индустриализации страны, распределение финансовых потоков на развитие хозяйства через руководство отраслями промышленности предопределили появление большого количества монопрофильных поселений, где предприятия, жилой фонд, социальная и инженерная инфраструктура строились и принадлежали одному ведомству. К настоящему времени из 1097 городов Российской Федерации около 500 имеют моноструктурную специализацию, а из 1864 поселков городского типа (пгт) - монопрофильных не менее 1200, в таких городах и пгт проживает не менее 16 млн. человек. Сюда же относится около 400 мелких монопрофильных поселков, не имеющих статус пгт (с числом жителей менее 3 тыс. чел.), в которых население занято несельскохозяйственной деятельностью.

Монопрофильность определяется доминированием какой-либо отрасли промышленности в специализации экономической базы города, к монопрофильным относятся поселения, где на предприятиях 1-й отрасли - либо производится >50% объема всей продукции, либо работают >25% занятых /19/. В случаях остановки основного производства профиль поселений определялся по базе 1991г.. По людности среди монопрофильных преобладают пгт, малые и средние города, поселки включались в базу при численности >1 тыс. жителей.

Социально-экономическое положение монопрофильных поселений в переходной экономике.

Переходный период экономики отличается разнонаправленными процессами, что предопределяет новые подходы к оценке развития монопрофильных поселений.

Исследование **динамики людности** в переходный период (1991-2001) в сравнении с предшествующим периодом 1981-1990 г. показало:

- В дореформенный период падение численности отмечалось лишь в 16% городов исследуемой категории, а за последние 10 лет их доля увеличилась до 55%.
- Если 1981-91 г большинство монопрофильных городов, терявших население, фиксировались в регионах старого освоения в Челябинской, Свердловской, Вологодской, Кировской, Тверской, Калининградской, Смоленской, Владимирской, Новгородской областях, то за последние 10 лет этот процесс переместился в регионы нового освоения - Сахалинскую, Амурскую, Камчатскую, Магаданскую области, Красноярский, Хабаровский, Приморский края, Таймырский, Чукотский а.о., республики Бурятию, Якутию.

¹ Для обеспечения дальнейшего наблюдения Минтрудом России 22.01.2001г. было утверждено подготовленное НМЦ «Города России» «Положение о мониторинге городов и других населенных пунктов с моноэкономической структурой и высоким уровнем безработицы», которое было направлено во все субъекты Российской Федерации.

- Если в 1981-91 г снижение людности в монопрофильных городах происходило на фоне роста численности в регионах, их вмещающих, то в период 1991-2001 гг. большинство монопрофильных городов, теряющих население, отмечалось в регионах, подверженных общему снижению численности.

Таким образом, динамика людности последнего десятилетия в этих городах является отражением структурных сдвигов в народном хозяйстве и снижения государственной поддержки, осуществлявшейся в доперестроечный период по отношению к поселениям районов нового освоения.

Изменение структуры населения. Часть депрессивных монопрофильных городов и значительная часть пгт и снп испытывают изменения в возрастном составе населения, сходные с процессами, характерными для сельской местности Нечерноземья - в структуре снижается доля населения трудоспособных возрастов (на 4-10%), повышается пенсионных, а коэффициенты смертности в 3 и более раза превышают коэффициенты рождаемости.

В депрессивных поселениях с мужской занятостью усилились диспропорции населения по полу, мужчины из-за проблем на предприятии не в состоянии содержать семью, и женщины покидают такие поселения (лесные поселки Кировской области, Алтайского края). Социальная обстановка в таких поселках усугубляется деклассированным состоянием оставшегося мужского населения (пьянство и т.д.). Такие изменения в структуре населения снижают способность к адаптации монопрофильных поселений к рыночным условиям.

Проблемы занятости и безработицы. В переходный период показатели занятости и безработицы становятся важнейшими характеристиками социально-экономической ситуации, особенно в монопрофильных городах. Большое значение имеет *отраслевая принадлежность*, ее положение в переходный период.

Так снижение инвестиций в новое строительство – спад производства строительных материалов превышает темпы общепромышленного падения, что отражается на уровне безработицы, в городах с развитым строительным комплексом. Критическая ситуация на рынке труда сохраняется в малых городах легкой промышленности Ивановской и Владимирской области. Причем падение объемов выпуска продукции и сокращение занятых наблюдается не только на хлопчатобумажных комбинатах, потерявших дешевое сырье из-за распада СССР, но и на суконных и льняных, работающих на местном сырье. Это связано с общим падением спроса на продукцию отечественной легкой промышленности, не выдержавшей конкуренции с дешевыми товарами из стран третьего мира.

Сейчас выход из кризиса монопрофильных поселений с простаивающими предприятиями и высокой безработицей видится в восстановлении производства и повышении его конкурентоспособности, парадокс состоит в том, что модернизация предприятий и увеличение выпуска продукции также ведут к росту безработицы. Последнее уже проявляется в лесных поселениях Карелии, где на предприятиях, внедривших высокопроизводительные технологические линии по обработке древесины, резко сократилась численность занятых, особенно низкой квалификации. Эта проблема лишних рабочих рук в малочисленных монопрофильных поселениях еще не осознана обществом.

Относительно стабильно складывалась ситуация в монопрофильных городах, специализирующихся на нефте-газодобыче, однако активный переход отрасли на новые методы эксплуатации месторождений – дальнюю вахту, с завозом работников из центральных регионов и падающие объемы добычи на месторождениях вблизи постоянных поселений приведут в ближайшее время к проблемам занятости и в этих городах.

Проблема трудоустройства шахтеров, привыкших к тяжелому физическому труду и высокой заработной плате, «упирается» в сложности их перекалфикации. Ситуация в угольных городах, попавших под реструктуризацию, имеет *региональное своеобразие*.

В Ростовской области массовое закрытие шахт привело к проблемам обеспечения углем коммунального хозяйства городов. Густая поселенческая сеть и расположение в зоне товарного сельского хозяйства способствовали развитию в бывших угольных городах функций по обслуживанию сельской местности и непосредственно по производству сельскохозяйственной продукции. Трудоустройство шахтеров решается в т. ч. и такими мало распространенными методами как выдача безвозмездных ссуд под проект открытия собственного дела (малый бизнес в сфере услуг и с/х производство), бесплатного предоставления помещений, бывших надшахтных помещений, перешедших в муниципальную собственность и др.

Закрытие нерентабельных шахт в Подмосковном бассейне идет постепенно уже 20 лет. Благоприятная территориальная структура систем сближенных поселений позволяет части

высвобожденных работников рассредотачиваться по другим производствам. Оставшихся в отрасли организовано возят на работу на удаленные сохранившиеся шахты. Закрытие нерентабельных шахт на Сахалине привело к более негативным результатам, специфика этих городов, расположенных разрозненно вдоль западного берега острова, их слабая экономическая база привели к сильному росту безработицы. В Приморском крае в угольных городах Артем и Партизанск произошла смена характера занятости с преобладания мужской - на женскую: после закрытия шахт корейские фирмы разместили здесь крупные швейные предприятия с экспортным производством продукции.

Географическое положение влияет на ситуацию в городах, специализирующихся на лесной - деревообрабатывающей промышленности. Падение производства и высвобождение занятых в этой отрасли превышает среднее по промышленности. Но наибольшее падение объемов прослеживается в регионах, расположенных в степной зоне, т.е. оторванных от ресурсной базы (ЦЧР, Краснодарский край, Челябинская область), и на юге лесной зоны, где ресурсная база сильно истощена из-за перерубов (в Нижегородской, Тульской, Ивановской, Смоленской областях, Чувашской и Мордовской республиках). Причиной снижения производства в Сибирских районах стало резкое подорожание перевозок по железной дороге.

В целом, в подавляющем большинстве малых городов с узкой экономической базой уровень безработицы в 1995–96 гг. был выше среднего по стране, причем, в 357 городах выше среднего более чем 2,4 раза и лишь в 115 городах - был на среднем уровне и ниже. Самые большие группы городов с кризисной ситуацией на рынке труда составили города машиностроительной, текстильной и лесной специализации.

Таблица 1.

Распределение малых городов по уровню зарегистрированной безработицы(на конец 1995г.)

Города со специализацией	Кол- во городов с уров. безработ.		Города со специализацией	Кол- во городов с уров. безработ.	
	>10%	5- 9,9%		>10%	5- 9,9%
энергетика	2	1	строительных материалов	2	5
топливная	1	7	машиностроение	21	43
химическая	4	7	лесная, деревообр. цел.-бум.	29	33
черная металлургия	3	7	легкая	28	21
цветная металлургия	2	10	пищевая	12	15

В 1998-99гг. было проведено более детальное обследование монопрофильных поселений не только городов, но пгт и снп, а также и градообразующих предприятий. Оно показало влияние внутрирегионального ЭГП монопрофильные поселения на ситуацию с занятостью в зависимости от степени освоенности территории, удаленности от основных магистралей и внутриотраслевой специализации и связей с потребителями.

Например, в Иркутской области в Усть-Кутском районе поселения с леспромпхозами возникли при строительстве БАМа, имеется хорошая ресурсная база, но предприятия района были ориентированы на заготовку и реализацию круглого леса. К 1998 г. цена на круглый лес упала с 60 до 20 долларов за 1 куб.м., а стоимость транспортировки резко возросла. Кроме того, многие предприятия до сих пор содержат на балансе социальную инфраструктуру. Все это сделало невыгодной реализацию продукции. Практически остановлены предприятия в поселках Ния, Звездный, Янталь и др.

В Усть-Илимском районе критическая ситуация на производстве вынудила лесопромхозы поселков Ершово, Седаново, Эдучанка войти в ОАО "Усть-Илимский лесопромышленный концерн". Хотя вступление в концерн сопровождалось потерей права юридического лица и полной зависимостью от работы Усть-Илимского ЦБК, но именно это гарантировало лесозаготовительным предприятиям устойчивый рынок сбыта, что позволило сохранить поселки и градообразующие предприятия.

Нередко это сопровождалось техническим перевооружением предприятий, что однако, приводит к сокращению потребности в кадрах особенно низкой квалификации.

В Усольском районе (относительно староосвоенном) основной причиной падения объемов на предприятиях лесной отрасли является слабая сырьевая база. В ряде поселков Раздолье, Тальяны, Тайтурка и др. вывозка древесины и производство пиломатериалов сократились по сравнению с 1990г. в 10-20 раз. И все же размещение их в освоенной части области позволяет ставить вопрос либо

о модернизации производства с углубленной переработкой леса, либо о перепрофилирование градообразующей базы удобных расположенных поселений.

В 1999–2001 гг. в результате мониторинговых обследований были выделены группы («Перечни...») монопрофильных поселений с критической ситуацией в сфере занятости. Были разработаны критерии оценки. Ситуация в сфере занятости оценивалась как критическая в случае наличия одной из позиций:

- уровень официально зарегистрированной безработицы (УОЗБ) в поселении в 2 и более раза выше среднего по стране и одновременно в 1,5 и более раза выше среднего по региону;
- УОЗБ в поселении превышает средний по стране в 1,5 - 2 раза, по региону выше среднего, а уровень вынужденной неполной занятости - более 20%;
- УОЗБ в поселении превышает средний по стране и по региону, при этом уровень вынужденной неполной занятости - более 50%;
- УОЗБ в поселении превышает средний по стране и по региону, при этом уровень общей безработицы (по методологии МОТ) выше среднего по стране.

Изменение ситуации на рынке труда, хорошо прослеживаются при сравнении «Перечней...» за 1999 и 2001 годы. В 1999 г. в группу с критической ситуацией вошли 321 монопрофильное поселение (МП), в 2001 г. – 213 МП. В целом, несмотря на количественные изменения, структура перечней по профилям предприятий не претерпела существенных изменений. Наибольшую группу с критической ситуацией на рынке труда составляют лесные МП (90 ед.), вторую – машиностроительные (28), третью - угольные (16), четвертую – связанные с добычей и переработкой цветных металлов (14), следующие (13) – горнодобывающие (часто связанные с добычей редких и драгоценных металлов) и текстильные - (10ед.).

Произошли изменения и на градообразующих предприятиях МП. Отдельные предприятия были ликвидированы полностью, это лесозаготовительные и горнодобывающие, исчерпавшие свою сырьевую базу. Закрыты все угольные шахты ряда монопрофильных поселений Дальнего Востока (в городах Артеме и Партизанске и в пос. Тавричанка). Продолжается селекция предприятий машиностроения и текстильной промышленности, часть из них адаптируется к новым условиям и находит свои ниши - рынки сбыта, осваивает спросовые виды продукции, на других предприятиях производство практически остановлено, работники находятся в вынужденных отпусках.

Пути выхода из кризиса и дальнейшее развитие монопрофильных поселений

Сохранение ресурсного сценария развития монопрофильных поселений. Существование одиноко стоящих поселений в трудно доступных районах, на территориях приравненных к условиям Севера, занятых разработкой полезных ископаемых или лесодобычей, ограничено фактором времени. Их сохранение за пределами периода истощения запасов сырья возможно - в качестве транспортных узлов, опорных пунктов общего каркаса расселения, баз перспективного освоения окружающих территорий, при этом целесообразным оказывается сохранение поселения, но с меньшей численностью населения. В этом случае, возможно частичное переселение населения, использование вахтового способа на конечной стадии эксплуатации месторождения. Но при любом сценарии обязательным останется решение вопросов социальной защиты пенсионеров и других социально уязвимых групп населения.

Перспективы населенных пунктов сырьевой ориентации, расположенных в основной полосе расселения страны, более оптимистичны. Для них возможны варианты диверсификации экономической базы и нахождения новых функций. Например, освоение пригодных для сельскохозяйственного производства территорий, организация зон летнего отдыха, предоставление гражданам земли под дачи, садово-огородные участки и т.п.

Поселки, расположенные в городской агломерации, могут стать узловыми пунктами рациональной транспортной организации маятниковых поездок на работу в более крупные населенные пункты, могут служить местом размещения объектов, дополняющих или обслуживающих хозяйственный комплекс центра агломерации. Наличие достаточно емкого внутреннего рынка товаров и услуг в средних, больших и крупных городах выдвигает на первый план реализацию программ поддержки малого бизнеса с соответствующим развитием рыночной инфраструктуры.

Перепрофилирование экономической базы малых городов и пгт, являющихся центрами районных и локальных систем расселения, может быть связано с усилением ориентации на обслуживание хозяйства и населения окружающей сельской местности.

Для монопрофильных городов, как и для российской экономики в целом более предпочтительным представляется **сценарий, базирующийся на развитии накопленного научно-технического потенциала**. Данный сценарий развития – это нахождение “точки роста”, когда объединяются усилия одного-двух перспективных предприятий и местных органов власти в целях обеспечения динамичного развития ключевого производства, которое в последующем как локомотив позволит “вытащить” хозяйство города или района.

Такой подход применительно к конкретной ситуации каждого города связан с необходимостью проведения серьезных исследований конкурентоспособности продукции и производств, оценкой перспективности и емкости рынков сбыта, а также с анализом изменений, которые должны произойти в сопряженных отраслях. Это, в свою очередь, может потребовать создания в городах бизнес-центров, консалтинговых бюро, которые могли бы взять на себя проведение маркетинговых исследований. Особое место занимают наукограды, в том числе ЗАТО, обладающие громадным “интеллектуальным потенциалом”, раскрепощение которого может стать главным фактором оживления экономики.

В обобщенном виде наращивание и совершенствование экономической базы в зависимости от конкретной ситуации в том или ином монопрофильном городе предполагает проведение реструктуризации, диверсификации и перепрофилирования предприятий. Существенным инструментом в устойчивом развитии экономической базы может стать комплекс мер по налаживанию рациональных связей по кооперации с предприятиями соседних городов и региона в целом. Такая кооперация позволяет углубить специализацию, снизить издержки производства, более гибко реагировать на запросы рынка.

Меры по реструктуризации включают: совершенствование технологий; изменение схем обеспечения сырьем; перепрофилирование предприятий; организационно-хозяйственное преобразование предприятий; изменение характера размещения отдельных производственных звеньев. В зависимости от специфики отрасли масштабы и направления реструктуризации будут существенно различаться /20/.

Применительно к “шахтерским” городам реструктуризация возможна в ограниченных пределах - использование отдельных элементов инженерной инфраструктуры, надшахтных сооружений.

В лесной промышленности решение проблем реструктуризации связано, прежде всего, с комплексным использованием сырья и отходов. В Европейской части России, где ресурсная база истощена, часть леспромхозов может быть переориентирована на лесовосстановительные работы или на более глубокую переработку сырья. В восточных регионах, отличающихся запасами древесины, предприятия могут ориентироваться на внешний рынок, где наметился рост спроса и цен в связи с введением ограничений на рубку леса в КНР.

Особую категорию лесных монопрофильных поселений представляют снп. При отсутствии перспектив развития предприятия, являющегося единственным местом приложения труда, целесообразно рассмотрение вопроса о закрытии последнего, а, следовательно, ликвидации поселка и переселении населения.

По-разному следует подходить к перспективам городов, связанных с машиностроением. Целесообразность модернизации их экономической базы должна решаться индивидуально с учетом их стартового технологического уровня и конъюнктуры рынка. Для городов машиностроительного профиля, связанного с ВПК (в том числе городов - ЗАТО), просматриваются перспективы относительной стабилизации в связи с значительным увеличением оборонного заказа.

Применительно к текстильной промышленности вопросы реструктуризации для части предприятий связаны с изменением ассортиментной политики (что, нередко, влечет за собой внедрение новых технологий и оборудования).

Механизмы регулирования развития монопрофильных поселений.

За прошедший период уже накоплен некоторый позитивный опыт по выходу из кризисной ситуации как монопрофильных поселений, так и их градообразующих предприятий. Выработаны определенные механизмы регулирования процессов развития монопрофильных поселений.

Организационные аспекты. Усиление государственного регулирования. С 1999 года Минтруд России организует проведение общероссийского мониторинга городов и других населенных пунктов с моноэкономической структурой и высоким уровнем безработицы для систематического наблюдения за социально-экономической ситуацией в монопрофильных городах, состоянием рынка труда и своевременного принятия мер по улучшению занятости населения. Кроме того, в 2000 г., как это указано выше, были подготовлены Методические рекомендации по формированию

территориальных специальных программ содействия развитию занятости в монопрофильных городах. Этими методическими рекомендациями были снабжены администрации субъектов Российской Федерации, мэрии и службы занятости населения городов, включенных в Перечень.

Усиление роли местных органов власти. Ряд муниципальных образований, находящихся в тяжелой ситуации, осуществили разработку концепций развития своих монопрофильных городов (с привлечением специалистов из ведущих научных центров). Например, в Самарской области разработаны концепции и стратегии развития по большинству городов (Кинель, Октябрьск, Похвистнево, Чапаевск). Особенность этих программ в том, что они рассматривают не только те сферы жизнеобеспечения за которые отвечают местные органы власти, но и положение в экономической базе города, где функционируют приватизированные предприятия – самостоятельные субъекты хозяйственной деятельности.

Организационно-финансовые аспекты. На уровне субъектов Федерации предпринимались определенные организационно-финансовые усилия по выводу монопрофильных поселений и их предприятий из кризиса.

Так, в Вологодской области разработана и реализуется "Концепция стабилизации работы и развития лесопромышленного комплекса на период 1998-2005 гг." Благодаря чему, ситуация в 9 МП улучшилась и они были выведены из Перечня (из 15 кризисных МП 1999 г., в 2001 г. осталось 6).

Отдельные машиностроительные предприятия перешли в областную собственность и получили заказ от региона, например, в г. Навашино ГУП "Окская судовой верфь" (Нижегородская область).

Некоторые регионы оказали и финансовую помощь градообразующим предприятиям: ОАО "Судостроитель" г. Сосновка Кировской области выделили из губернаторского фонда 7,5 млн. руб. для производства судов на воздушной подушке; в Бурятии из бюджета республики профинансированы градообразующие предприятия г. Закаменка - ООО "Каскад" и ЗАО "Закаменск".

На местном уровне также возможна административная и финансовая поддержка предприятий. Так, в Ивангороде Ленинградской области разработана программа по выходу из кризиса предприятий легкой промышленности.

Часть деревообрабатывающих предприятий перешла в муниципальную собственность, им была оказана поддержка. Например, в пгт Квиток Тайшетского района Иркутской области мебельной фабрике после перерегистрации в муниципальное предприятие администрация выделила лесосечный фонд.

Отдельно необходимо отметить изменение ситуации в городах ВПК. Усиление оборонной политики государства в последние годы и, как следствие, увеличение госзаказа, а также переспециализация ряда производств в соответствии с перевооружением армии привели к стабилизации социально-экономической ситуации и рынка труда в ряде городов: Северодвинск, Северск, Большой Камень, Фокино. В ЗАТО г. Островной Мурманской области организовано новое производство по утилизации устаревшего вооружения. Предприятиям, зарегистрированным в ЗАТО, были предоставлены льготы по налогам и сборам, в доходы бюджетов ЗАТО зачислялись все налоговые поступления и сборы с их территорий. Благодаря этим льготам к 1999 году в ЗАТО было зарегистрировано 17201 новое предприятие. В бюджет только 9 закрытых образований Минатома в 1999 г. поступило более 36 млрд. рублей /21/. Однако, учитывая, что льготами в значительной степени воспользовались предприятия, осуществляющие свою деятельность за пределами ЗАТО, были внесены существенные ограничения в законодательство, предоставляющие льготы лишь хозяйствующим субъектам реально функционирующим на территории ЗАТО.

Экономические аспекты (рыночные механизмы). Подавляющее число монопрофильных градообразующих предприятий пережили процедуру банкротств, что сопровождалось: сменой руководства, отсрочкой или освобождением от долговых обязательств, кооперацией (объединением) взаимодополняющих производств, нахождением инвестора - это во многих случаях привело к эффективному управлению.

Часть предприятий вошли в состав более крупных холдингов, что позволило стабилизировать объемы производства. Например, в республике Карелия сформирован холдинг из 2 предприятий, выпускающих конечную продукцию, "Сегежский ЦБК", "ЛДК Сегежский" и 2 лесозаготовительных - "Валдайлес", "Сегежалес", объемы производства продукции на этих предприятиях выросли. В Мурманской области предприятие "Севредмет" пгт Ревда передано Ловозерской горной компании. В Приморском крае обанкротившиеся Зверосовхоз села Валентин - продан "Преображенской базе тралового флота", рыбзавод передан ОАО "Приморьрыбпрому". В Алтайском крае обанкротившийся лесопромышленный комбинат села Бобровка выкупил ООО "Барнаулжилстрой".

Соотношение необходимого участия различных уровней власти в оказании помощи кризисным МП определяется, в том числе, и профилем экономической базы последних. Возможности выхода из кризиса для поселений с машиностроительным профилем, особенно, связанным с ВПК, реструктуризация угольной промышленности во многом определяются экономической и оборонной политикой федерального центра. Лесные МП в большей степени зависят от внимания к их проблемам субъектов Федерации.

Работа территориальных служб занятости населения. До 2000 г из региональных фондов занятости выделялись дополнительные средства для создания и сохранения рабочих мест на градообразующих и других предприятиях в ряде монопрофильных поселений. Это дало возможность многим предприятиям сохранить рабочие коллективы и высвободить средства и силы для перестройки производства. Активная деятельность служб занятости была возможна благодаря существованию фонда занятости – наличия гарантированных средств, что было особенно важно для небольших городов и других поселений, как правило с дотационным бюджетом. К сожалению, в 2001 году фонд занятости в ряду других был ликвидирован, однако, учитывая его позитивную роль в поддержании и создании новых рабочих мест, на наш взгляд, необходимо вернуться к вопросу о его возобновлении.

Другим вариантом гарантий продолжения работ по оказанию помощи незанятому населению может служить введение специализированной статьи расходов федерального бюджета на поддержание занятости в ограниченной группе городов (прежде всего монопрофильных) в тех субъектах Федерации, где сложилась устойчивая депрессивная ситуация.

Литература:

1. Большие города РСФСР /под ред. Любовного В.Я. М.: ЦЭНИИ, 1977.
2. Сборник нормативных и справочных материалов по развитию городов /под ред. Любовного В.Я. М.: ЦЭНИИ, 1978.
3. Методические указания по планированию комплексного экономического и социального развития города /под ред. Любовного В.Я. М.: ЦЭНИИ, 1984.
4. Малые и средние города РСФСР /под ред. Любовного В.Я. М.: ЦЭНИИ, 1985.
5. Об экономическом и социальном развитии малых городов: Научный доклад /под ред. Любовного В.Я. М.: ЦЭНИИ, 1986.
6. Об экономическом и социальном развитии средних городов: Научный доклад /под ред. Любовного В.Я. М.: ЦЭНИИ, 1988.
7. Любовный В.Я., Мачульская О.В. и др. Основные направления регулирования развития городов РСФСР в условиях перехода к рыночным отношениям /под ред. Любовного В.Я. М., ЦЭНИИ, 1993
8. Любовный В.Я., Лисовская Н.А. и др. Города России: Аналитический справочник в 2-х томах./под ред. Любовного В.Я. М., ЦЭНИИ, 1993
9. Самарско-Тольяттинская агломерация /под ред. Любовного В.Я., Пчелинцева О.С. М., Наука, 1996,
10. Любовный В.Я., Пчелинцев О.С. и др. Субъект Российской Федерации и местное самоуправление: пути совершенствования экономического взаимодействия. //Серия Библиотека муниципального служащего, вып. 7 – М., МНФ, 1999.
11. Любовный В.Я., Герцберг Л.Я. и др. Методические рекомендации по разработке стратегии социально-экономического развития сельского района.//Серия Библиотека местного самоуправления, вып. 38 –М., МНФ, 2001.
12. Любовный В.Я., и др. Кризисные города России: пути и механизмы социально-экономической реабилитации и развития.//Серия Библиотека муниципального служащего, вып. 5 – М., МНФ, 1998.
13. Любовный В.Я., Кузнецова Г.Ю. и др. Основные направления и мероприятия по стабилизации и обеспечению устойчивого развития г. Чапаевска. - Москва-Самара, 1996.
14. Любовный В.Я., Лычева Т.М и др. Город Октябрьск: Социально-экономические проблемы и пути их решения. Москва-Самара, 1996,
15. Любовный В.Я., Воякина А.Б. и др. Город Кинель: современное состояние, перспективы развития. Москва-; Самара,1998.
16. Любовный В.Я., Власова Н.И. и др. Проблемы занятости в монопрофильных городах России.// Материалы международной научно-практической конференции «Современное состояние и перспективы занятости рынка труда России»// - М., 1999.
17. Методические рекомендации по формированию территориальных специальных программ содействия развитию занятости в монопрофильных городах./под ред. Любовного В.Я.//Серия Библиотека местного самоуправления, вып. 41 –М., МНФ, 2001.
18. Кузнецова Г.Ю., Любовный В.Я. Монопрофильные города – мониторинг и возможные подходы к решению их проблем.// «Федерализм» №2, 2002, с.121-142.
19. Липсиц И.В., Николаев А.Е., Вигдорчик Е.А., Кашин В.К. и др. /Монопрофильные города и градообразующие предприятия./ Обзорный доклад/ - М., Экспертный институт, 2000.
20. Митягин С.Д., Миленина Э.А и др. Методические рекомендации по реструктуризации и диверсификации градообразующей базы кризисных городов: угледобывающих, текстильных и лесных. НИИП градостроительства, С.-П., 1998 г./
21. Лубинец Н.А. Стратегия управления социально-экономическим развитием закрытых административно-территориальных образований (на примере ЗАТО «Город Трехгорный» Челябинской области). /автореф. дисс. канд. эк. наук/ - Екатеринбург, 2003.

МОНОПРОФИЛЬНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВА И РАССЕЛЕНИЯ.¹

Определение монопрофильности. Критерии выделения.

Понятие монопрофильности тесно переплетается с определениями специализации, градообразующими предприятиями, внешними функциями города.

Строго говоря, жизнедеятельность любого населенного пункта не ограничивается какой-либо одной ролью, даже при наличии одного градообразующего предприятия. Помимо производственной составляющей, среди внешних функций, как минимум, выделяется обслуживающая роль поселения в системе населенных мест и региональной транспортной сети.

В принципе к монопрофильным могут быть отнесены и сельские населенные пункты, специализирующиеся на сельском хозяйстве, но их изучение выходит за рамки данной работы.

Необходимо отметить, что поселения, в которых присутствует одно градообразующее предприятие, как правило небольшой людности - до 20 тыс человек. Это пгт и самые малые среди малых городов. Малые города с численностью населения 20 – 50 тыс. жителей, а также средние монопрофильные города, как правило, уже имеют несколько предприятий близкого профиля, например, 2–5 угольных шахт и горнообогатительную фабрику² или 2-3 предприятия машиностроения. Среди больших городов монопрофильные города встречаются уже редко. Одним из немногих примеров большого монопрофильного города является Северодвинск с численностью населения 231 тыс. чел. (на 1.1.2002).

Наличие в городе ярко выраженной специализации также не является критерием монопрофильности, например, при обсуждении наболевшей темы – шахтерских городов не принималось во внимание, что во многих из них были размещены предприятия легкой промышленности для обеспечения женской занятости, а в ряде ткацких городах Ивановской области - машиностроительные заводы для обеспечения мужской занятости..

Таким образом, вопрос о критериях монопрофильности упирается в количественные соотношения, которые требует определения при решении кризисных проблем. Существует несколько прецедентов.

Так в 1994 году постановлением Правительства³. утверждено положение «О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенностях продажи предприятий - должников, являющихся градообразующими». В нем предложено считать градообразующими предприятия, на которых занято не менее 30% от общего числа работающих, либо содержащие на своем балансе объекты жилищно-коммунального хозяйства и соцкультбыта, обслуживающие не менее 30 % населения.

В 1998 году Закон о несостоятельности (банкротстве) предприятий⁴ указывает, что при процедуре банкротства предприятие признается градообразующим, если его работники и члены их семей составляют не менее половины жителей данного населенного пункта. Таким образом, в этом постановлении в отношении численности занятых на градообразующем предприятии есть только косвенные указания. Если для вычленения работников использовать показатели – доля занятых от всего населения (около 60%) и средний коэффициент семейности по стране (около 3), а также учесть, что на крупном предприятии могут быть заняты 1 или 2 члена семьи то получится, что статус градообразующего могут получить предприятия с диапазоном занятости от 10 до 30% от общего числа работающих.

Смягчение вышеописанных критериев определения градообразующего предприятия по всей видимости вызвано объективными причинами: в 1994 году многие предприятия еще продолжали сохранять работников несмотря на падение производства и содержать объекты инфраструктуры, которые по финансовым причинам не спешили принимать местные власти, в 1998 по сравнению с 1994 г. численность занятых на градообразующих предприятиях существенно сократилась в связи с резким ухудшением финансового положения последних, а большинство объектов инфраструктуры передано муниципалитетам.

¹ Исследование поддержаны грантом РФФИ, проект № 02-06-80272.

² Это, как правило, самостоятельные юридические лица, т.е. отдельные предприятия.

³ № 1001 от 29.08.1994 г

⁴ № 6-ФЗ от 08.01.1998 г, ст. 132

В 2000 году в утвержденном Минтрудом и Минэкономразвитием России «Перечне городов и других населенных пунктов с моноструктурной экономикой и критической ситуацией на рынке труда»¹ в качестве основных критериев по монопрофильности фигурировали следующие показатели: доля продукции монопрофильного предприятия в продукции промышленности поселения более 50%, либо доля занятых на монопрофильном производстве более 25 % от занятых в экономике города.

Аналогичные критерии были использованы для выделения монопрофильных городов в том же году Экспертным институтом (25% от общей численности занятых или 50% от общего объема производства в данном населенном пункте).

Однако, учитывая плохое финансовое положение и сильное падение объемов производства на градообразующих предприятиях монопрофильных городов последний из введенных критериев (50% от общего объема производства) также подвергается в общественном мнении корректировке в сторону снижения. Так, в 2001 году в проекте Федерального закона² «Об основах федеральной поддержки депрессивных территорий РФ» предлагается выявлять основную отрасль экономики территории по следующим параметрам: если на протяжении последних 12 лет в ней было занято не менее 25 процентов трудоспособного населения или ее доля в объеме регионального продукта составляет не менее 30%.

В этом же проекте затронут еще один важный акцент. Основной проблемой, с которой сталкиваются исследователи монопрофильных городов, это – изменение численности занятых на основном градообразующем предприятии за переходный период по сравнению, можно сказать, с «базовым» уровнем 1990-91 годов. Массовое банкротство (местами ликвидация) градообразующих предприятий с увольнениями работников привело к тому, как считают многие региональные власти, что поселение как бы перестало быть монопрофильным, а нет монопрофильности - и нет проблемы, как будто пособия по безработице могут решить проблему ничем не занятого населения.

Однако все эти постановления и проекты не фиксируют понятия монопрофильного города. Получается, что при учете чисто количественных вышеприведенных критериев монопрофильные города – это города с ярко выраженной специализацией. К монопрофильным, например, исследователями Экспертного института было отнесен г. Тольятти. Город, в котором кроме «Автоваза» - два крупных химических завода по производству удобрений, машиностроительные заводы, мощная ТЭЦ, снабжающая электроэнергией район, крупные предприятия пищевой промышленности, высшие учебные заведения и научные институты, развитая сфера услуг. Это - крупный город (730 тыс. жителей), который никак не характеризуется узкой сферой приложения труда – принципиальной характеристикой монопрофильного города. То же можно сказать по г. Череповцу, попавшему в список Экспертного института.

Однако, такие города Приморского края, как Артем и Партизанск, из-за закрытия в 1999 году градообразующих предприятий угольной промышленности, по данным критериям перестали быть монопрофильными, а точнее сказать, стали «никакими», так как других предприятий, сходных по масштабам закрытым, там не возникло.

Представляется необходимым к вышеописанным количественным критериям (25% занятых, 50 % продукции) ввести ряд уточнений.

Во-первых учитывать генетический тип поселений по экономической базе 1990 -91 годов, когда работали все предприятия и структура занятости отражала специализацию сложившегося хозяйства.

Во-вторых, ограничить массив поселений, исходя из численности населения: рассматривать малые, средние и в исключительных случаях большие города, но менее 250 тыс. жителей, а пгт и снп – с людностью более 1 тыс. жителей (так как более мелкие поселения целесообразнее рассматривать в рамках развития района либо групп сближенных поселений).

В целом получается, что в категорию монопрофильных попадают поселения, где присутствуют градообразующие предприятия одной отрасли, двух отраслей (одна может лидировать по продукции, вторая – по занятости), а также полипрофильные поселения с одной доминирующей отраслью (чаще по критерию продукции, реже – по численности).

К настоящему времени по оценкам НМЦ «Города России» ГУ ИМЭИ из 1097 городов Российской Федерации около 500 имеют моноструктурную специализацию, а из 1864 поселков городского типа (пгт) - монопрофильных не менее 1200, в таких городах и пгт проживает не менее 16

¹ Перечень... был подготовлен Научно-методическим центром «Города России» ГУ ИМЭИ по заданию Минтруда России.

² Проект Федерального закона №91010, прошел первое чтение.

млн. человек. Сюда же относится около 400 мелких монопрофильных поселков, не имеющих статус пгт (с числом жителей менее 3 тыс. чел.), в которых население занято несельскохозяйственной деятельностью¹.

Географические особенности размещения монопрофильных поселений.

Монопрофильные поселения – одна из форм пространственной организации общества. Распределение МП по территории предопределяется двумя структурными планами: территориальной структурой отраслей и конфигурацией и структурой системы расселения.

Профиль и размещение большинства МП совпадает со специализацией региона, многие из которых относительно узкоспециализированы. Пространственное распределение МП, связанных с добычей топливно-минеральных ресурсов предопределено геологическим строением территории страны, величиной месторождений и особенностями залегания полезных ископаемых (локальные или бассейновые проявления). Так в Восточной части страны в связи с добычей цветных металлов сформировался ряд пгт (с численностью 1-5 тыс. жителей), имеющих одиночное - очаговое размещение, с плохой транспортной доступностью. На базе очень крупных месторождений как Норильское медно-никелевое сформировалась группа МП, также «оторванная» от основной полосы расселения. На бассейновых месторождениях угля, нефти и газа сформировались ареальные системы расселения в районах нового освоения, состоявшие в основном из МП (Ямало-Ненецкий авт. округ), в районах старого освоения – из полипрофильных городов и МП (Кузбасс, Восточный Донбасс, Волго-Уральский нефтегазовый бассейн).

С таежной природной зоной и территориальной организацией производственного процесса связано размещение МП лесной специализации (Карелия, Архангельская, Кировская, Пермская, Томская, Иркутская области, Ханты-Мансийский а.о.). Здесь сформировались вдоль рек и железных дорог лесозаготовительные поселковые сети, связанные с монопрофильными городами деревообрабатывающей специализации и полипрофильными центрами с крупными ЦБК. Монопрофильные города пищевой промышленности преимущественно размещаются в южной части Европейской России, они одновременно выполняют центральные функции по отношению к сельской местности, специализирующейся на товарном сельском хозяйстве. МП рыбозаготовительной подотрасли размещены в приморских регионах (Калининградская, Камчатская, Сахалинская области, Приморский край).

Оборонный фактор предопределил своеобразную специфику размещения городов ВПК и ЗАТО. Как правило, они характеризуются относительно уединенным местоположением, часть из них расположена в глубинных частях территории страны, в том числе и приморских регионах, отдельные ЗАТО размещены в агломерациях. Города-наукограды преимущественно размещены в поле тяготения крупнейших центров.

Повышенная концентрация монопрофильных городов легкой промышленности в северо-восточной части Центрального экономического района исторически унаследована от эпохи раннего капитализма в России, на их размещение в тот период повлияли дешевая рабочая сила и емкий потребительский рынок. Наличие большого количества МП металлургической и машиностроительной специализации в Свердловской, Челябинской и Оренбургской областях также является следствием ранних этапов эволюции размещения производительных сил и освоения территории.

Размещение машиностроительных монопрофильных городов, преимущественно в Европейской части страны (за исключением Северного района) связано, с одной стороны, со специализацией этой территории, а с другой - с концентрацией населения и поселений на этой территории. При размещении предприятий машиностроения как правило использовалась сложившаяся сеть населенных мест (центры обслуживания сельской местности). В то время как размещение предприятий добывающих отраслей являлось фактором, формирующим и новые населенные пункты и транспортные коммуникации.

Монопрофильные поселения - как феномен территориальной организации хозяйства.

Исследования монопрофильных поселений показали¹, что в условиях переходной экономики именно в этой категории поселений в наибольшей степени проявляются негативные последствия общесистемного кризиса экономики и ее структурной перестройки.

¹ Методические рекомендации по формированию территориальных специальных программ содействия развитию занятости в монопрофильных городах /под ред. Любова В.Я.//Серия Библиотека местного самоуправления, вып. 41 –М., МНФ, 2001.

С одной стороны, это предопределялось внешними причинами связанными с положением экономики в целом, т.к. кризисные явления проявились в наибольшей степени в монопрофильных поселениях с градообразующими предприятиями «провальных» отраслей (машиностроение, легкая, лесная и деревообрабатывающая и др.).

С другой стороны, эти последствия были предопределены внутренними характерными особенностями монопрофильных поселений - ограниченной экономической базой и узкой сферой приложения труда, что в условиях падения объемов производства привело к высокой застойной безработице, снижению уровня доходов населения, значительному ухудшению демографической ситуации.

Направления выхода из кризиса в «идеальном сценарии» связаны с преодолением монопрофильности поселений, и могут идти как по пути реструктуризации, диверсификации экономической базы, так и по пути изменения функций города, например, развития сферы услуг, включая обслуживание населения окружающих территорий. Изменение характера занятости будет способствовать закреплению молодежи и улучшению демографической ситуации.

Процесс возникновения монопрофильных городов и последующего перерастания их в полипрофильные по Лаппо Г.М.(2002)² представляется следующим:

1. Возникновение ведущей отрасли-фундамента градообразующей базы.
2. Образование вокруг отрасли-доминанты сочетания ориентированных на нее отраслей и видов деятельности – формирование специализированного комплекса.
3. Возникновение функций, уже не обязательно связанных технологически и организационно с отраслью-доминантой, а также составляющих третичный сектор экономики, в т.ч. блок культуры.

Возникает вопрос - почему многие исторические монопрофильные города так и не преодолели свою монопрофильность? Попытаемся выделить некоторые общие закономерности, связанные с положением монопрофильных городов в территориальной организации общества.

Прежде всего необходимо отметить, что монопрофильность – понятие достаточно формальное, связанное с количественными критериями. В ходе исследований было выявлено, что критерии отнесения поселений к монопрофильным законодательно не закреплены, имеющиеся в научной литературе подходы часто требуют уточнений в зависимости от изменяющихся условий, целей исследования и полноты охвата поселений различной людности.

Кроме того, монопрофильность - многолика. Обобщая данные настоящей работы и других исследователей, все обследованные монопрофильные городские поселения с генетической точки зрения можно разделить на следующие типы:

1. «исторические» города, возникшие до начала XX века из заводских поселков (особенно много их на Урале) и фабричных сел (распространенных в Старопромышленном Центре), не изжившие в силу ряда обстоятельств свою монопрофильность;
2. города периода индустриализации и урбанизации страны (первая половина XX в.), возникшие как промышленные и оставшиеся узкоспециализированными, в силу ряда причин (загрязняющее среду производство, невыгодное транспортно-географическое положение, суровые климатические условия);
3. молодые города (возникшие во 2-й половине XX в.) с крупными предприятиями обрабатывающей промышленности, как унаследовавшие существовавшие более мелкие населенные пункты, так и размещенные на «чистом месте»;
4. молодые ресурсные города и пгт, расположенные в районах с экстремальными природными условиями;
5. наукограды, ЗАТО (закрытые территориальные образования) – особый тип монопрофильных городов, возникших в советский период, где одновременно получали развитие наука и производство, связанные с НТП и ВПК.
6. исторические города, возникшие в связи с выполнением различных непромышленных функций (оборонных, административных, торгово-транспортных), в которые в советский период было размещено относительно крупное промышленное предприятие, т.е. ставшие монопрофильными;
7. города периода индустриализации и урбанизации страны, возникшие в связи с выполнением различных непромышленных функций (оборонных, административных, торгово-транспортных), в которые в последующем были размещены промышленные предприятия одной отрасли, т.е. ставшие монопрофильными;

¹ См. Статью в данном сборнике Любовный В.Я., Кузнецова Г.Ю. Монопрофильные города России: роль в экономике, занятости и расселении.

² Лаппо Г.М. Формирование сети городов на территории России.//Проблемы урбанизации на рубеже веков. – М., МГУ, 2002

8. малые города, бывшие полипрофильными, но ставшие монопрофильными за последние 10 лет: появление лидирующего по объемам продукции предприятия вызвано падением производства на других;
9. города и пгт формально переставшие быть монопрофильными, в которых ликвидировано основное градообразующее предприятие, а проблемы с занятостью не решены.

Из приведенной выше типологии видно, что первые 5 типов - возникли как монопрофильные и ими остались; следующие три - не были монопрофильными, но стали ими в процессе развития; последний тип – поселения потерявшие монопрофильность в переходной экономике в связи со сворачиванием экономической базы.

Из этого следует ряд выводов:

1. Доминирование одной отрасли в структуре экономической базы поселения может не изживаться в процессе развития, например:
 - исторические монопрофильные города, сохранившие свою монопрофильность и специализацию (например, текстильные в Центральной России);
 - исторические монопрофильные города, в которых переспециализация производства, даже не привела к смене отрасли и монопрофильность сохранилась (например, на Урале ряд городов возникли еще в XIX веке на добыче золота, а потом перешли на добычу меди, никеля, бокситов);
 - исторические монопрофильные города, в которых последовательно сменились 2 - 3 отрасли (добыча угля, чугуно-литейное производство, машиностроение), но монопрофильность сохранилась, (Урал, Тульская область).
2. Монопрофильность может приобретаться в более поздние периоды развития городов, например, в отдельные малые города, выполнявшие ранее разнообразные функции по обслуживанию сельской местности (центры административных районов с мелкими производствами машиностроения и др.), в советский период были размещены:
 - вредные химические предприятия по производству лаков и красок, смол, мастик, пластмасс и др. Выбор для этих целей малых городов был предопределен вредностью производства, необходимостью создания санитарно-защитных зон;
 - машиностроительные предприятия, размещенные в целях укрепления экономической базы малых городов (например, завод по выпуску чертежных принадлежностей был размещен в районном центре Курской области – историческом городе Рыльске, валовый выпуск продукции этого предприятия в советский период по стоимости перекрывал все, что выпускали мелкие пищевые перерабатывающие предприятия, размещенные ранее).
3. Процессы изменения экономической базы монопрофильных городов могут носить разнонаправленный характер, как в плане расширения экономической базы, так и ее сворачивания:
 - закрытие предприятий, например, угольных - в городах Приморского края привело к сворачиванию их экономической базы, в г. Сокольники Тульской области - к полному исчезновению последней;
 - падение производства за последние 10 лет, вывод части мощностей, закрытие цехов на градообразующих предприятиях машиностроения, ВПК привело к сужению экономической базы их городов.
 - сворачивание экономической базы пгт послужило толчком к изменению статуса, за последние 10 лет многие пгт перешли в разряд сельских поселений.

Все эти примеры сохранения либо приобретения монопрофильной экономической базы показывают, что причина ее воспроизведения кроется не столько в характере экономической базы города, сколько в темпах ее расширения, т.е. возможностях роста города, его людности. Точнее сказать, экономическая база не расширяется потому, что город не растет, или делает это значительно медленнее чем окружающие города.

Монопрофильность сильнее всего связана с размером поселения: большинство пгт - монопрофильны, подавляющая часть малых городов - монопрофильны, около половины средних - монопрофильны.

Монопрофильность и небольшая людность - это закономерная судьба определенной части городов и пгт, это особенность формирования расселения страны в целом, особенно ее восточных регионов. Здесь можно перечислить весь спектр природных и экономико-географических аспектов, предопределяющих такое развитие: глубинное, периферийное положение, оторванность от основных

транспортных магистралей, ограниченность ресурсной базы, суровые климатические условия, демографический и кадровый потенциал, неразвитость инфраструктуры.

Казалось бы современная ситуация для каждого поселения это - стечение определенных географических факторов и обстоятельств, однако при всей разности сочетаний это - частные случаи закономерностей территориальной организации хозяйства и расселения. Можно даже сказать, что это - результат взаимодействия двух законов территориальной организации: закона иерархического строения географического пространства и закона местного соответствия (здесь и далее формулировки географических законов даны по Ткаченко А.А., 2001)¹.

Закон иерархического строения объясняет закономерности формирования систем населенных мест: системы возглавляемые менее крупными центрами, входят в состав систем, возглавляемых более крупными центрами, ранг центра определяется набором функций, ранг и размер находятся в определенной зависимости (впервые описанной Зипфом). Ю.А. Медведков развил и сформулировал эту зависимость следующим образом: вся иерархическая система задает параметры отдельным городам. Эти закономерности развития структуры территориальной организации и объясняют, почему часть поселений, даже в процессе роста, постоянно остается меньше окружающих по людности - причина в положении (ранге) поселения в системе расселения.

Закон местного соответствия говорит о том, что местные природные, социально-экономические и историко-культурные особенности территории задают рамки, ограничения для развития, и в первую очередь саморазвития.

Итак, с одной стороны местные предпосылки и ограничения, с другой – положение в системе; оба этих фактора постоянно воспроизводят населенные пункты небольшой людности, а универсальные процессы территориального разделения труда делают структуру экономической базы монопрофильной.

Исследования исторического процесса, понимание закономерностей и обстоятельств развития монопрофильных городов очень важны при разработке направлений их дальнейшего развития. Можно спросить, зачем разрабатывать стратегии развития, если все предопределено законами пространственной самоорганизации?

Необходимо подчеркнуть, что, во-первых, любые общественные законы носят вероятностный характер, преодоление депрессивных явлений в монопрофильных поселениях в большой степени будет зависеть от уровня использования потенциала саморазвития и реализации имеющихся предпосылок развития как самого населенного пункта, так и соответствующего региона. Создаваемые в плановом порядке ради конкретных отраслевых целей монопрофильные города зачастую мало участвовали в хозяйстве региона, не успели развить функции по обслуживанию окружающих территорий, и сейчас им предстоит заново адаптироваться на территории в новых условиях.

В то же время, целенаправленное внешнее воздействие, вмешательство в развитие извне может кардинально изменить ситуацию. Например, из истории городов-научноградов, мы знаем, что большие инвестиции, создание хорошей инфраструктуры и административные усилия, могут творить чудеса с отдельно взятым «заштатным» населенным пунктом.

В условиях крайне ограниченных ресурсно-финансовых возможностей федеральных и региональных властей оказание поддержки в преодолении кризисных явлений возможно по лишь по отношению к узкому кругу поселений с критической ситуацией на градообразующих предприятиях и на рынке труда.

По этому, для монопрофильных городов основной путь – реализация местных предпосылок и возможностей, поиск «ниш» – как на внутреннем, так и на внешнем рынках по производству и сбыту продукции. При этом помощь в поисках возможных производств – могут и должны оказывать прежде всего региональные органы власти.

¹ Ткаченко А.А. О началах территориальной организации общества// Территориальная дифференциация и регионолизация в современном мире/ Сборник статей, Смоленск, 2001.

**БОЛЬШИЕ ГОРОДСКИЕ АГЛОМЕРАЦИИ РОССИИ НА ФОНЕ СНИЖЕНИЯ
ОБЩЕЙ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ**

(статистический анализ)

Предмет нашего внимания – большие городские агломерации России. Подчёркиваем – большие, так как строго по определению (1) городские агломерации могут быть и небольшими. Например, агломерация, образованная городами Губаха, Кизел, Александровск в Пермской области, или «созвездие» городов Александров-Карабаново-Струнино во Владимирской области, или Кинешма в Ивановской области с расположенными в её окрестностях городами и посёлками. И это не говоря уже о многочисленных небольших, по сравнению с российскими, городских агломерациях в странах Западной Европы.

К большим городским агломерациям / БГА / мы относим те агломерации, ядро которых – города с населением свыше 300 тыс. жителей. На 1 января 2001 года в России было 63 таких города (2). Один из них – Тольятти, не образует самостоятельной БГА, а входит в Самарскую / точнее Самаро-Тольяттинскую / БГА. Таким образом, мы насчитали в стране 62 БГА. Их границы принимаем в соответствии с сеткой экономических микрорайонов – тех из них, которые включают в себя БГА (3).

На 1 января 2001 года в БГА России проживало, по нашим подсчётам, 81,7 млн.чел. или 56,3% всего населения страны. И это на площади 1396 тыс.кв.км (8,2 % территории России). Средняя плотность населения в границах БГА составляла, таким образом, 58,5 чел. на кв.км, при средней плотности населения России 8,5 чел.на кв.км. Если из этого подсчёта исключить две крупнейшие и уникальные для России БГА – Московскую и Петербургскую, то и тогда на долю остальных 60 БГА останется 62,4 млн.чел. или 43% всего населения страны, на площади 1349 тыс.кв.км или 7,9 территории страны, при средней плотности населения 46,2 чел.на кв.км.

То, что более половины населения страны проживает в БГА, ещё одно ярчайшее свидетельство контрастности расселения в России. Ведь в то же самое время, в начале 2001 года, экономические микрорайоны, занимавшие половину территории страны (8,6 млн.кв.км или 50,5%) имели среднюю плотность населения менее 1 чел.на кв.км. В них проживало всего 2025 тыс.чел. – только 1,4% всего населения страны.

Десятилетием ранее, на 1 января 1990 года, в рассматриваемых нами 62 БГА насчитывалось 82,9 млн.жителей, на 1,2 млн.чел. больше, чем в начале 2001 года, 56,0% всего населения страны (4). Таким образом, доля БГА в населении России, даже при общем сокращении его численности, продолжала расти и увеличилась на 0,3%. Если исключить Московскую БГА и Петербургскую БГА, то в 60 остальных БГА на 1 января 1990 года проживало 62,8 млн.чел., т.е. на 0,4 млн.чел. больше, чем в начале 2001 года, или 42,4% всего населения страны. Доля этих БГА увеличилась на 0,6%.

Население всех БГА делится на три неравные части: а) жители городов-центров БГА; б) жители других городов, а также посёлков городского типа; в) сельские жители. Первых на 1 января 2001 года насчитывалось 49585 тыс.чел. (включая население Тольятти), т.е. 60,7% проживающих в БГА. Таким образом, в городах-центрах сосредоточена основная часть населения БГА. Правда такое явление имеет место не во всех БГА – только в 48 из них.

Самая высокая доля проживающих в городах-центрах у Петербургской БГА – 85,4%. Это прямой результат недавнего включения в городскую черту Петербурга восьми городов (в том числе одного большого и двух средних) и семнадцати посёлков городского типа. Далее идут Ярославская БГА (76,9%), Хабаровская БГА (76,7%), Магнитогорская БГА (75,5%). В первых двух, как и в Петербургской БГА, редкое сельское население. А в Магнитогорской БГА, помимо города-центра, лишь один малый город и только два небольших посёлка городского типа. В ряде исследований, посвящённых городским агломерациям, Магнитогорская БГА вообще не выделяется (5). Самая низкая доля городов-центров у Ставропольской БГА (35,1%) и Махачкалинской БГА (39,5%). Здесь вроде бы всё ясно – сказывается плотное сельское окружение.

Десятилетие назад, на 1 января 1990 года, в городах-центрах современных БГА проживало 50780 тыс.чел., что составляло 61,2% населения БГА. Таким образом, в 1990-2000 годах имело место как снижение абсолютного числа проживающих в городах-центрах БГА, так и уменьшение их доли в населении больших городских агломераций. Однако это не было результатом миграций из центра на периферию БГА. Дело, в основном, сводилось к тому, что естественный прирост населения в городах-центрах был ниже, чем в других частях БГА. Говоря точнее, падение его темпов здесь было заметнее.

Перейдём к второй группе жителей БГА, то есть тех жителей городов и посёлков городского типа, которые обосновались за пределами городов-центров агломераций. На 1 января 2001 года их насчитывалось 19154 тыс.чел., или 23,5% от общего числа проживающих в БГА России. Это в 2,6 раза меньше, чем жителей городов-центров БГА.

Лишь в одной БГА – Новокузнецкой, число жителей городов и посёлков вне города-центра больше, чем в самом городе-центре БГА. Велика доля жителей городов и посёлков, проживающих вне города-центра (свыше 75% от населения города-центра) в Нижне-Тагильской, Калужской, Набережно-Челнинской, Архангельской и Екатеринбургской БГА. Совершенно незначительна эта доля (ниже 15%) у Ярославской, Уфимской, Курганской, Хабаровской БГА, но, особенно, у Петербургской БГА (10,6%) и Магнитогорской БГА (6,5%).

В абсолютном выражении резко выделяется количеством жителей городов и посёлков, проживающих вне города-центра агломерации, Московская БГА (4492 тыс.чел.). Далеко позади БГА, сформировавшиеся вокруг городов-центров Уральского, Волго-Вятского и Северо-Кавказского экономических районов – Екатеринбургская (946 тыс.чел.), Нижегородская (756 тыс.чел.), Ростовская (690 тыс.чел.). За ними идут специфические БГА – Самаро-Тольяттинская (648 тыс.чел.) и Новокузнецкая (626 тыс.чел.).

На другом полюсе БГА, в которых урбанизированное население за пределами города-центра менее 100 тыс.чел. Это Ярославская БГА, Вологодская БГА, Сочинская БГА, Липецкая БГА, Хабаровская БГА, Череповецкая БГА, Курганская БГА, и, «на хвосте» - Магнитогорская БГА (28 тыс.чел.). Некоторые из них лишь с большой натяжкой могут быть охарактеризованы как БГА (6).

Десятилетием ранее, на 1 января 1990 года, во всех 62 БГА России насчитывалось 19490 тыс.жителей городов и посёлков, проживавших вне городов-центров агломераций. Таким образом, в 1990-2000 годах имело место снижение общей численности жителей этой категории на 1,7%. Это меньше, чем снижение численности населения городов-центров БГА. В результате доля урбанизированного населения, проживающего вне городов-центров БГА, в общей численности населения БГА, составлявшая в 1990 году 23,5%, к 2001 году не упала, а сохранилась на прежнем уровне.

Третья группа жителей БГА – сельские жители. На 1 января 2001 года их насчитывалось в России 12923 тыс.чел, или 15,8% всего населения БГА. Самой высокой доля сельских жителей была у Ставропольской БГА (37,0%), Краснодарской БГА (36,6%), Оренбургской БГА (35,3%). Далее, по убывающей, шли Курганская, Тюменская, Владикавказская, Тамбовская, Белгородская, Астраханская, Барнаульская и Махачкалинская БГА. В них сельские жители также составляли более 30% всего населения.

На другом полюсе собралась «разношёрстная компания». В Нижнетагильской БГА сельские жители составляют только 4,8% всего населения, в Петербургской и Мурманской БГА – 5,6%, во Владивостокской и Екатеринбургской БГА – 6,0%, в Новокузнецкой – 6,2%, Иркутской – 6,3%, Московской – 6,9%, Самаро-Тольяттинской – 9,0%.

Если обратиться к абсолютным цифрам, то впереди с большим отрывом Московская БГА (960 тыс.сельских жителей). Далее следуют БГА Краснодарская (558 тыс.), Омская (425 тыс.), Ростовская и Ставропольская (по 359 тыс.), Барнаульская (356 тыс.), Новосибирская (343 тыс.), Казанская (322 тыс.), и, наконец, Петербургская (303 тыс.).

На другом полюсе БГА северные и восточные: Вологодская (94 тыс.сельских жителей), Ярославская (93 тыс.), Череповецкая (86 тыс.), Новокузнецкая (78 тыс.), Кемеровская (77 тыс.), Читинская (76 тыс.), Иркутская (66 тыс.), Владивостокская (56 тыс.), Нижнетагильская (37 тыс.), Мурманская (32 тыс.).

Десятилетием раньше, на 1 января 1990 года, сельских жителей во всех БГА России было 12655 тыс.чел., и на их долю приходилось 15,3% всего населения БГА. Таким образом, сельские жители оказались единственной частью населения БГА России, у которой возросла как абсолютная численность, так и доля в общем населении БГА. Это явление совершенно новое по сравнению с последним советским десятилетием (см.таблицу 1), когда абсолютная численность сельских жителей в границах БГА и их доля в населении БГА быстро уменьшались.

Таблица 1

Изменения в структуре населения БГА России в 1979-2000 годах

Изменения в структуре населения БГА в 1979-2000 годах						
	Единица измерения	1979 г.	1990 г.	1990 г. к началу 1979 г.	2001 г.	2001 г. к началу 1990 г.
Население 62 БГА	тыс.чел.	75475	82925	109,9	81662	98,5
Жители городов-центров БГА	«»	44656	50780	113,7	49585	97,6
Их доля	%	59,2	61,2	-	60,7	-
Другие городские жители	тыс.чел.	17180	19490	113,4	19154	98,3
Их доля	%	22,7	23,5	-	23,5	-
Сельские жители	тыс.чел.	13639	12655	92,8	12923	102,1
Их доля	%	18,1	15,3	-	15,8	-

На фоне повсеместного в 1990-2000 годах снижения естественного прироста населения в 30 БГА абсолютная численность сельского населения увеличилась. Такое явление возможно охарактеризовать как тенденцию к рурализации (или аграризации) больших городских агломераций России (7).

Более всего количество сельского населения увеличилось за 1990-2000 годы в Оренбургской БГА (на 73 тыс.чел.), Махачкалинской БГА (на 64 тыс.чел.), Барнаульской БГА (на 61 тыс.чел.), Краснодарской БГА (на 57 тыс.чел.), Ростовской БГА (на 46 тыс.чел.). Во всех этих БГА, кроме Махачкалинской, существенную роль в приросте сельского населения сыграл перевод целого ряда посёлков городского типа в разряд сельских населённых пунктов. В Барнаульской и Оренбургской БГА такой перевод дал более 2/3 прироста сельского населения. С нашей точки зрения, хотя такой перевод на первый взгляд и представляется чисто административным действием, он в немалой степени отражает объективный процесс аграризации ряда БГА.

Теперь отметим те БГА, в которых в 1990-2000 годах произошло наибольшее сокращение численности сельского населения. Это Московская БГА (сокращение на 48 тыс.чел.), Рязанская БГА (на 32 тыс.чел.), Курская БГА (на 24 тыс.чел.), Калужская БГА и Смоленская БГА (на 23 тыс.чел.), Вологодская БГА (на 22 тыс.чел.), Воронежская БГА (на 20 тыс.чел.), Тверская БГА (на 16 тыс.чел.). Все перечисленные БГА – в Центральной России. Важно ещё отметить, что во всех этих БГА за одиннадцать лет имел место лишь один случай преобразования посёлка городского типа (Мятлево в Калужской области) в сельский населённый пункт.

Наблюдались некоторые различия в том, как события последнего десятилетия XX века повлияли на БГА, относящиеся к разным группам по численности своего населения (см. таблицу 2).

Таблица 2

Динамика численности населения БГА различной людности в 1990-2000 годах

Группа по людности	Число БГА в группе на начало 2001 г.	Население / тыс.чел./		Рост /+/-/ или падение в %	Количество Увеличившихся население	БГА Уменьшившихся население
		1990 г. /начало/	2001 г. /начало/			
Московская и Петербургская БГА	2	20158	19304	- 4,2	-	2
От 2 до 3 млн.чел.	5	11928	1 1703	-1,9	-	5
От 1,5 до 2 млн.чел.	5	8194	8163	-0,4	4	1
От 1 млн. до 1,5 млн.чел.	10	12684	12564	-1,0	4	6
От 750 тыс. до 1 млн.чел.	21	18006	17875	-0,7	9	12
От 500 до 750 тыс.чел.	17	10978	11090	+1,0	6	11
Менее 500 тыс.чел.	2	977	963	-1,4	-	2
Всего	62	82925	81662	-1,5	23	39

Наиболее заметное изменение в численности населения, судя по таблице 2, произошло в группе, состоящей из крупнейших БГА – Московской и Петербургской – общее уменьшение населения на 854 тыс.человек. Однако опубликованные предварительные результаты Всероссийской переписи населения 2002 года свидетельствуют о том, что фактическое население Москвы оказалось почти на 2 миллиона человек больше, чем указывалось в использованных нами при подготовке настоящей статьи статистических ежегодниках (2). Таким образом, действительно, самые большие изменения в численности населения имели место в группе, состоящей из Московской БГА и Петербургской БГА. Но эти изменения состояли не в уменьшении численности населения этих БГА на 4%, а в его увеличении на 6%.

В остальных группах БГА прослеживается тенденция: чем меньше людность, тем ниже размеры падения численности населения, тем больше исключений – отдельных БГА, увеличивших численность населения. А в группе БГА, имеющих от 500 до 750 тыс.жителей даже произошёл рост численности населения всей группы.

Рассмотрим далее как различались в 1990-2000 годах темпы роста или падения численности населения больших городских агломераций между отдельными экономическими районами России (см.таблицу 3).

Таблица 3

Различия в 1990-2000 годах в динамике численности населения БГ между экономическими районами России

Экономические районы	Число БГА	Население БГА / тыс.чел./		Рост/+/ или падение /-/ в %	Число БГА	
		1990 г. начало	2001 г. начало		Увеличив- ших население	Уменьши- вших население
Центральный	11	22626	21872	-3,3	1	10
Без Московской БГА	10	8270	8024	-3,0	1	9
Северный	4	2509	2306	-8,1	-	4
Северо-Западный	1	5802	5456	-6,0	-	1
Волго-Вятский	4	4745	4603	-3,0	1	3
Уральский	9	10835	10620	-2,0	2	7
Центрально-Чернозёмный	5	4251	4311	+1,4	2	3
Северо-Кавказский	6	6310	6653	+5,4	5	1
Поволжский	8	11196	11334	+1,2	5	3
Западно-Сибирский	7	8781	8698	-1,0	4	3
Восточно-Сибирский	4	3418	3370	-1,4	2	2
Дальневосточный	2	1790	1724	-3,7	-	2
Калининградская область	1	662	715	+8,0	1	-
Всего	62	82925	81662	-1,5	24	38

Заметна значительная разница в динамике в 1990-2000 годах численности населения больших городских агломераций между Поволжским, Центрально-Чернозёмным и, особенно, Северо-Кавказским экономическими районами, где имел место прирост населения в БГА, и остальными экономическими районами, в которых численность населения в БГА снизилась. Основные причины этих различий достаточно хорошо известны: сравнительно высокая интенсивность миграций в три выделенных экономических района из бывших республик СССР, и относительно медленное снижение естественного прироста населения в национальных республиках, входящих в состав этих трёх экономических районов. Отмеченные выше предварительные результаты Всесоюзной переписи населения 2002 года по городу Москва диктуют необходимость дополнительного причисления Центрального экономического района к группе районов, в которых численность населения в БГА возросла.

В заключение рассмотрим, каким образом менялась в отдельных экономических районах доля населения, сосредоточенного в БГА. Проследим эти изменения за длительный период – начиная с 1979 года (см. таблицу 4).

Как видно из таблицы 4, процесс распространения БГА происходил в 1990-2000 годах с разными векторами, но в целом в достаточно сдержанных масштабах. Этим он заметно отличался от того, что имело место в предшествующее десятилетие. В 1979-1990 годах, одновременно с ростом численности городского населения России на 14,5%, и его доли – с 69,% до 73,8%, происходило повсеместное «расползание» БГА, охватившее все экономические районы РСФСР, кроме Западно-Сибирского. В 1990-2000 годах ситуация коренным образом изменилась – численность городского населения страны сократилась на 3%, а его доля снизилась до 73%. По-видимому, уровень урбанизации России в количественном измерении достиг потолка (8). Это наложило соответствующий отпечаток на динамику формирования и развития БГА.

Выводы

1. Большие городские агломерации остаются основой расселения населения в России. Однако в 1990-2000 годах, на фоне снижения общей численности населения страны, резко замедлился, можно даже сказать – прекратился, их рост и, главное, «расползание» по территории страны. Произошло заметное замедление третьей стадии эволюции расселения, согласно выдвинутой Ж.А.Зайончковской схеме расселения, на которой оно из сплошного, относительно равномерного, превращается в пятнистое (9).

2. В 1990-2000 годах имела место некоторая рурализация БГА, то есть увеличение у них доли сельских жителей. Она шла параллельно с аграризацией хозяйства в рамках БГА. Поскольку этот вывод сделан на основании статистического анализа, его целесообразно поддержать в дальнейшем / или опровергнуть / путём конкретного картографического анализа.

Примечания

1. См. Большой энциклопедический словарь. Под редакцией А.М.Прохорова. Издание 2-е. М.: Изд-во Большая Российская энциклопедия, 2001. С.299.

2. Здесь и далее все данные на 1 января 2001 года приводятся по статистическому сборнику Госкомстата России «Численность населения Российской Федерации по городам, посёлкам городского типа и районам на 1 января 2001 года» / М.: 2001, 191 с./, или на основании расчётов, выполненных с использованием этого сборника.

3. Рекомендации по районированию территории СССР для целей расселения и районной планировки. М.: Стройиздат, 1988. С.28-126.

4. Здесь и далее все данные на 1 января 1990 года приводятся по статистическому сборнику Госкомстата РСФСР «Численность населения РСФСР по городам, рабочим посёлкам и районам на 1 января 1990 года» / М.: 1990, 267 с./, или на основании расчётов, выполненных с использованием этого сборника.

5. Смотри, например, приложение 5 «Основные городские агломерации Европейской части России» в капитальном труде «Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен». М.: ОГИ, 2001. С.551-553.

6. Во всяком случае П.М.Полян не включает Вологодскую, Сочинскую, Череповецкую и Магнитогорскую БГА в число основных городских агломераций Европейской части России. См. приложение 5 в книге «Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен». М.: ОГИ, 2001. С.551-553

7. Составляющие процесса такой аграризации охарактеризованы в статье Т.Г.Нефёдовой «Хозяйства населения как экономический стержень и социальный феномен современной аграрной России». Сборник «Регионализм и централизм в территориальной организации общества и региональном развитии». Под редакцией Ю.Г. Липеца. М.: ИГ РАН, 2001. С.58-66.

8. Несколько лет тому назад мы предположили, что рубеж или предел роста доли городского населения –75% / Лейзерович Е.Е. О возможных границах урбанизации России. В сборнике «Российские регионы и центр: взаимодействие в экономическом пространстве». М.: ИГ РАН, 2000. С.204 /.

9. Зайончковская Ж.А. Некоторые направления развития расселения // Региональное развитие и расселение. М.: 1985.

РОЛЬ СТОЛИЦЫ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ДИСПРОПОРЦИЯХ СТРАНЫ (на примере Словацкой Республики)

Как и в других странах, Центрально-Восточной Европы (в дальнейшем - ЦВЕ), региональные преобразования в Словацкой Республике (СР) многоаспектны, но, в основном, связаны со следующими процессами:

- 1) изменениями структуры собственности;
- 2) быстрыми преобразованиями в секторальной структуре регионов (расширение третичного сектора и рост информатизации регионов и общества в целом);
- 3) переориентацией экспорта и его региональными особенностями;
- 4) новым административным управлением территориями (после пересмотра административно-территориального деления СР) и ролью общественной администрации в этом процессе;
- 5) процессом реструктуризации на уровне предприятий, специфичным в сельском хозяйстве, промышленности и третичном секторе, но характеризующимся следующим триединством:
 - а) Преобразованием больших социалистических предприятий в малые и средние предприятия рыночной ориентации («реструктуризация размеров»);
 - б) Переориентацией предприятий на производство потребительской продукции, включая новые товары, производственные процессы и оказание новых услуг («реструктуризация продукции»);
 - в) «Очищение» производственных структур от занятий, напрямую не связанных с производством, в процессе крупной и малой приватизации («реструктуризация прав собственности»).

Публикации Национального Бюро Статистики позволяют сопоставить межрегиональные различия в размере ВВП на душу населения в сравнении со среднеевропейским (по ЕС) и средневосточноевропейскими (по ЦВЕ) уровнями. В таблице 1 представлены данные по трем областям Словакии (регионы NUTS-2 – по классификации Евростата), основным единицам прежнего административно-территориального деления страны.

Таблица 1.

Региональные различия в СР, 1997.

Области (регионы NUTS-2)	ВВП на душу населения (по ППС), экю	Доля от населения СР, %	Доля от ВВП СР, %	ВВП в % от среднего по ЕС	ВВП в % от среднего по ЦВЕ
Братислава	19 900	11,5	25,9	105	269
Западная Словакия	7 800	34,8	30,7	41	105
Центральная Словакия	7 400	25,2	21,1	39	100
Восточная Словакия	6 900	28,5	22,3	36	107
Словацкая Республика	8 800	100,0	100,0	46	119

Источник: Regional GDP in the Central European Countries, Eurostat, 1999 Edition; Selected Data, Statistical Office of the SR, Bratislava, 1999.

Как следует из табл. 1, Братислава выделяется на фоне не только остальных регионов Словакии, но и на среднеевропейском фоне. Братиславские показатели составляют 105% от среднего уровня ЕС и 265% от аналогичного по всей ЦВЕ, что выводит ее на одно из лучших мест в Центрально-Восточной Европе. Остальные регионы Словацкой Республики, представленные в таблице, составляют 36-41% от среднеевропейского уровня, но, что интересно отметить, ни один из них не опускается ниже среднего уровня по ЦВЕ.

В соответствии с новым административно-территориальным делением, Словакия поделена на 8 относительно однородных регионов - краев (регионы NUTS-3 - по классификации Евростата) с численностью населения 536-768 тысяч человек в каждом. Статистические данные позволяют анализировать показатели ВВП на душу населения для характеристики производительности труда (ВВП/занятые) и занятости населения (занятые/экономически активное население (ЭАН) и ЭАН/население в целом).

Таблица 2.

Характеристика ВВП СР.

Края (регионы NUTS-3) и СР	ВВП/занятые	Занятые/ЭАН	ЭАН/население в целом	ВВП на душу населения
Словакия (SR)	1,000	1,000	1,000	1,000
Братиславский (БА)	1,844	1,075	1,134	2,249
Трнавский (ТТ)	0,944	1,004	1,000	0,948
Тренчинский (ТР)	0,796	1,055	1,026	0,862
Нитринский (НИ)	0,872	0,991	0,973	0,841
Жилинский (ЗИ)	0,927	0,985	0,984	0,898
Банскобистринский (ВВ)	0,753	1,022	1,019	0,785
Прешовский (PV)	0,697	0,948	0,941	0,622
Кошицкий (КЕ)	1,072	0,929	0,952	0,948

Характеристика ВВП СР (SR-100%)

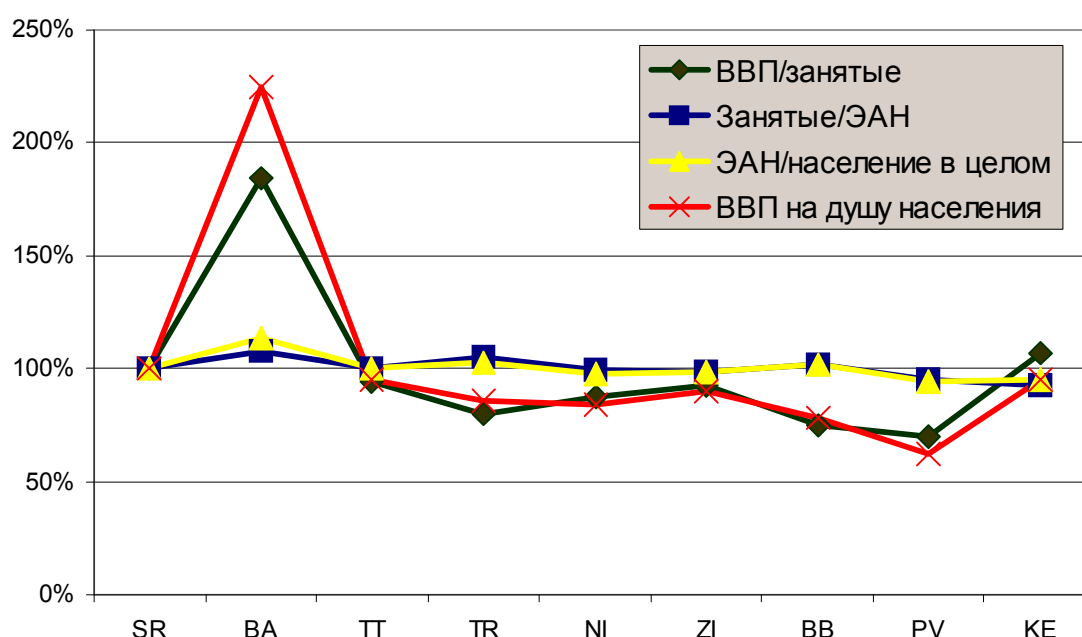

Рис. 1. Источник: Regional comparisons in the Slovak Republic, Bratislava, 1998.

Рис. 1 четко показывает огромную диспропорцию между столичным и остальными регионами (краями) СР. Если обратиться к абсолютным показателям, Братислава с показателем 7190 эку на человека в 2,25 раза превышает среднесловацкий уровень и в 3,26 – наименьший показатель (край Прешов). Самым важным фактором региональных диспропорций является производительность труда, в то время как остальные два фактора оказали лишь частичное воздействие на результаты этого исследования.

Исходя из представленных данных формула создания ВВП такова:

$$\text{ВВП/население} = \text{ВВП/занятые} \times \text{занятые/ЭАН} \times \text{ЭАН/население в целом}$$

Для Братиславы ее можно представить так:

$$225\% = 184\% \times 108\% \times 113\%$$

Это означает, что показатели столичного региона превышают среднесловацкий уровень на 225% благодаря:

1. более высокой производительности труда (на 84% выше среднего показателя по СР)
2. более высокому уровню занятости (на 8% выше)
3. более высоким показателям ЭАН (на 13% выше)

В дореформенный (социалистический) период развитию третичной сферы уделялось недостаточно внимания, но после 1989 года произошел коренной перелом. Обычно следствием резких изменений в экономике страны становится резкое повышение уровня безработицы, особенно в отсталых регионах. Но, несмотря на динамичные изменения в экономической жизни Словакии, уровень безработицы повышался без резкого скачка, поскольку развитие сферы услуг «поглотило» излишки рабочей силы, высвобождаемой в первичном и вторичном секторах экономики.

Если проанализировать статистические данные по основным секторам экономики Словакии, обнаружатся интересные различия в их долях по регионам (краям) СР. Развитие третичного сектора очень динамично не только во всей стране в целом, но и во всех ее краях.

Табл. 3 и 4. Соотношение секторов экономики в СР и ее регионах (краях)

	1991	1997	1998
Сельское хозяйство	10,7	9,2	8,3
Промышленность	33	39,3	39,4
Сфера услуг	56,3	51,5	52,3

1998	Сельское хозяйство	Промышленность	Сфера услуг
BA	3,1	25,2	71,7
TT	9	34	56,1
TR	7	52,1	40,9
NI	11,7	37,9	50,4
ZI	6	47,5	46,5
BB	11,9	37,3	50,8
PV	9	42,8	48,2
KE	8,6	38,9	52,5
SR	8,3	39,4	52,3

Источник: Regional comparisons in the Slovak Republic, StatOffice, Bratislava, 1998.

На долю Братиславы приходится более 70% всей сферы услуг, что вполне сопоставимо со средним уровнем по ЕС и многими другими столичными регионами (это касается в основном занятости населения, по производительности труда и эффективности возможны совсем другие показатели). Но и показатели остальных краев СР близки к столичным.

Так как региональные различия определяются многими факторами, остановимся на некоторых избранных:

- **уровень ПИИ** (прямых иностранных инвестиций) в регионах;
- **экспорт по регионам** СР за 1995-98 гг.;
- **малые и средние предприятия**, новые фирмы в регионах.

Несмотря на общую повышательную тенденцию, уровень **ПИИ** в СР крайне низок. Но и этот уровень характеризуется высокой степенью концентрации (и, прежде всего, в столичном регионе). Показатель ПИИ на душу населения вырос с 78 долл. США в 1993 до 370 долл. США в 1998.

Статистика по ПИИ в Словакии велась до 1996 г., но после изменений в административно-территориальном устройстве страны Национальное Бюро Статистики перестало обрабатывать этот показатель в новых регионах (краях). В 1999 г. Национальный Банк Словакии вновь обратился к показателю ПИИ. Эти данные представлены в табл. 5.

Таблица 5.

Объем ПИИ в СР, корпоративный сектор.

Края СР	До 1996 г.	1996-1999 гг.	Увеличение, %	Доля
BA	17 442	23 044	32,11	53,95
TT	1 480	6 713	453,58	10,92
TR	1 502	4 189	283,05	7,58
NI	1 171	3 106	265,24	5,70
ZI	471	2 456	521,44	3,90
BB	2 223	1 849	-17,30	5,43
PV	956	1 751	183,59	3,60
KE	1 425	5 262	369,26	8,91

Источник: National Bank of the SR, 2000.

На региональном уровне на пути иностранных инвесторов практически отсутствуют административные барьеры, что позволяет изучать «естественное» размещение ПИИ.

Прежде всего, нужно отметить, что практически все ПИИ концентрировались в столичном регионе (более 65% до 1996 г.). Основные причины – высококвалифицированная рабочая сила и относительно крупный потребительский рынок (что особенно важно для торговых компаний). После наполнения этого рынка и «освоения» рабочей силы столичного региона ПИИ стали медленно распространяться вглубь страны. Значительную роль в этом процессе сыграло развитие транспортной инфраструктуры (особенно в Западной Словакии). Все это привело к понижению доли Братиславского региона в ПИИ (не считая банковской сферы) и в 2000 г. впервые столица оказалась на втором месте по привлеченным ПИИ. Общую повышательную тенденцию нарушил край Банска Бистрица. Однако «виной» тому две крупные инвестиции 1996 г. в компании "Словалко" и "Биотика" (совокупно более 1,4 млрд. крон).

Это не единственный пример, когда статистические показатели оказываются «подпорченными» крупными инвестициями. Это следствие двух факторов. Во-первых, общего низкого уровня ПИИ в СР по сравнению с другими странами ЦВЕ. Во-вторых, иногда три крупных инвестиции составляют более 50% совокупного показателя ПИИ в регионе. Более того, эти инвестиции предназначены (особенно на первом этапе) для крупных и уже существующих предприятий (Словалко, Восточнословацкая металлургическая компания (VSZ), Чемлон, Биотика, Палма, Словнафт) и оказывают слабое влияние на изменение структуры экономики (но, несомненно, положительное влияние на производительность). Изменения в структуре промышленности начались только в конце 1990-х гг. Например, значительное развитие электронной промышленности в юго-западной Словакии по сравнению с традиционной для этой отрасли северной Словакией стало возможным благодаря ПИИ (Sony Slovakia Trnava, Leoni Slovakia Nova Dubnica, Leoni Autokabel Trenčín, Osram Nove Zamky, VW Elektrosystémy Nitra).

Говоря о воздействии ПИИ на ВВП, следует отметить, что особенно сильно на фоне всей Словакии зависимость ВРП от ПИИ прослеживается в столичном регионе. В последнее время ПИИ становятся все более важным инструментом для стимулирования регионального развития. Этот процесс должен охватить все регионы СР, но его результат будет виден лишь через несколько лет.

Таблица 6.

Предприятия с ПИИ в СР, 1998.

Края СР	Общее количество	Более 25 работников	Первые 100
BA	6711	368	52
TT	1240	98	11
TR	1200	112	11
NI	1096	79	7
ZI	1070	89	6
BV	1054	46	7
PV	743	62	2
KE	1260	64	4
SR	15292	918	100

Источник: National Bank of the SR, Bratislava, 1999.

Следует отметить, что в Словакии прослеживаются два типа ПИИ. Первый – ПИИ, привязанные к крупным успешным предприятиям (в силу их конкурентоспособных преимуществ). Эти ПИИ, скорее всего, никогда не будут направлены на другие предприятия, как в Словакии, так и в остальных странах ЦВЕ, и не зависят от региональных различий. Однако исходя из того, что эти предприятия были созданы при социалистическом режиме, их размещение по регионам (краям) относительно равномерно (например, VSZ Kosice, Chemlon Humenne, Tesla Liptovsky Hradok, ZSNP Ziar nad Hronom, Tatramat Poprad). Второй тип – «свободные» ПИИ. Их распределение зависит от рыночных преимуществ регионов, поэтому эти капиталы могут служить одним из показателей оценки регионального развития.

Если обратиться к распределению ПИИ по отраслям промышленности и сферы услуг по регионам, то обнаружится интересная зависимость структурных изменений в последних в зависимости от уровня ПИИ.

Если сравнить Братиславу и другие регионы (края) Словакии, то основные различия следует искать в третичной сфере (здесь особенно высока концентрация ПИИ в сфере страхования, банковской и торговли), в отличие от промышленного сектора. Правда, при подобном региональном сравнении возникает проблема штаб-квартир. Многие региональные компании держат их в столице, что зачастую искажает статистику в самих регионах.

Из отраслей промышленности большую часть ПИИ привлекают электронная промышленность, машиностроение и пищевая промышленность. ПИИ сконцентрированы в регионах с давними промышленными традициями (металлургия – Кошице, машиностроение – Тренчин, пищевая промышленность – Южная Словакия) и заметными конкурентными преимуществами (текстильная промышленность в Прешове - из-за низкой заработной платы).

Таблица 7.

Распределение ПИИ по отраслям и регионам, 1999.

	Σ	ZI	BB	BA	KE	NI	PV	TR	TT
Машиностроение	34	3	2	5	1	5	5	7	6
Электронная промышленность	18	1	1	5	2	2	1	4	2
Пищевая	18	2	1	6	2	2	1	1	3
Строительная	15		1	6	2	1	1	3	1
Банковская	12	1		11					
Химическая	12	3		2			3	3	1
Страхование	10			9	1				
Торговля	9	1		8					
Текстильная	8	1		1	1		5		
Металлургия	8		3		4			1	
Фармацевтика	4	1	1	1					1
Деревообработка	4		1	2		1			
Энергетика	3		1	2					

Развитие восточных регионов сдерживается недостаточным развитием инфраструктуры этой области Словакии (особенно транспортной - шоссе). Но самым большим препятствием в распространении ПИИ является слабая работа по их привлечению в самих регионах. У муниципалитетов нет права давать налоговые льготы (не считая небольших – на имущество), нет своих фондов (через них проходят только 4% общественных финансов), которые могли бы быть использованы для обустройства территории и привлечения иностранных инвесторов.

Таблица 8.

Доля регионов в экспорте СР.

Края СР	1995	1996	1997	1998
BA	33,2	35,4	40,5	46,2
TT	4,4	5,3	4,7	2,7
TR	8,3	9,7	7,8	8,4
NI	5,3	6	5,5	5,5
ZI	8,1	8,4	8,3	7,4
BB	4,7	9,9	9,7	8,2
PV	4,8	5,7	5,9	5,7
KE	31,1	19,4	17,5	16,0
SR	100	99,8	99,9	100,1

Источник: Karasz P., et all. The possibilities of regional development in Slovakia, Fridrich Ebert Foundation, Bratislava, 1999.

Из табл. 8 особенно ясно следует роль столицы и в экспорте СР. С 1995 г. доля Братиславы увеличилась на 13% к 1998, достигнув 46%. Остальные края смотрятся на фоне лидера довольно бледно – Кошице 16%, Тренчин 8,4%, Банска Бистрица 8,2%. Остальные – от 3 до 7% всего словацкого экспорта. Но возможности для экспорта, равно как и его эффективность неуклонно сокращаются.

Большая часть словацкого экспорта – товары, сильнозависимые от колебания спроса и предложения на мировых рынках, поэтому основные надежды производители в СР связывают со вступлением в ЕС и распространением правил и гарантий единого рынка. Ведь главные словацкие экспортеры зачастую являются флагманами региональной промышленности, а в случае неудачи – «флагманами» безработицы в этих краях. Например, упадок ВПК и возникновение депрессивных регионов – Дубница, Мартин и Поважска Быстрица. Но особенно яркий пример – экспорто-зависимый край Кошице. Главное предприятие края – АО Восточнословацкая металлургическая компания (VSZ) – дает 11% экспорта страны и является крупнейшим работодателем и в то же время сильно подвержено влиянию мировых цен на его продукцию.

Высокая экспортоориентированность словацкой экономики в целом и отдельных регионов СР показана в табл. 9. Коэффициент корреляции составляет 0,97 – очень высокий показатель.

Таблица 9.

Экономическая и экспортная эффективность.

Края СР	Экспорт на душу населения (тыс. крон)	ВВП на душу населения (тыс. крон)
БА	211,8	273,7
ТТ	27,9	115,2
TR	41,6	104,9
NI	24,9	102,5
ZI	39,2	95,1
BB	47,3	109,4
PV	24,6	75,1
KE	74,7	115,0
SR	60,2	121,5

Источник: Regional comparison in the SR, 1998, StatOffice of the SR, Bratislava.

Новые динамично развивающиеся элементы экономической и социальной структуры СР – **малые и средние предприятия**. В табл. 10 представлены данные по количеству малых и средних предприятий на 1000 человек, оформленных как на физические, так и на юридические лица. Эти данные хорошо соотносятся с душевыми показателями ВРП.

Таблица 10.

Малые и средние предприятия в СР.

Края СР	Всего	Доля, %	Новые предприятия за 1998 г. (на 1000 жителей)	Физические и юридические лица (на 1000 жителей)
БА	69 485	20	9,8	122,2
ТТ	37 221	10,7	6,1	67,0
TR	34 403	9,9	5,6	70,0
NI	43 617	12,6	5,4	72,1
ZI	42 446	12,2	5,3	61,4
BB	38 598	11,1	5,0	65,0
PV	38 816	11,2	4,8	55,7
KE	42 702	12,3	4,5	65,3
SR	347 288	100	5,6	70,0

Источник: Regional comparisons in the SR, StatOffice of the SR, Bratislava, 1998.

Как и при анализе предыдущего статистического материала, прослеживается одна главенствующая закономерность – западно-восточный градиент в СР. И если в Братиславском крае размещено 20% всех словацких малых и средних предприятий, то доля остальных колеблется в пределах 10-12,3%. В 1998 г. количество вновь образованных малых и средних предприятий на 1000 человек было 9,8, что почти вдвое больше среднего уровня по Словакии. Коэффициенты 6,1 для Трнавского края, 5,0-5,6 для Средней Словакии и 4,5-4,8 для восточной Словакии только подтверждают сложившуюся закономерность западно-восточного (столично-периферийного) распределения ведущих экономических показателей по территории Словакии.

В заключении, следует отметить, что Словацкая Республика, как и многие страны ЦВЕ характеризуется двумя региональными доминантами:

1. западно-восточным градиентом развития – от наиболее развитых регионов к периферийным;
2. главенствующей ролью столичного региона – Братиславы (усиленной положением на крайнем западе страны и близостью Вены).

Подытоживая региональные различия и конкурентоспособность регионов (краев) СР:

- Братислава – центральный регион по большинству экономических показателей, намного опережающий остальные региональные центры – Жилину, Банску Бистрицу, Прешов, Трнаву, Тренчин и Нитру. Это стало возможным не только благодаря внутренним условиям в регионе, но и близости края к границе ЕС. Переориентация словацкой внешней торговли с востока на запад – есть и будет оставаться основной доминантой всего регионального развития страны. С этой точки зрения и следует рассматривать отношения центр-периферия в СР. Другая доминанта в центр-периферийных отношениях – высокая доля иностранных инвестиций в столичном регионе. Именно Братислава будет служить своеобразным проводником европейских ПИИ в другие регионы страны.

- Региональные различия в СР обусловлены изменениями в экономике страны на макро- и микроуровне (изменение соотношения секторов, развитие третичного сектора и региональное отражение этого процесса, повышение доли частного сектора в ВВП, увеличение числа иностранных предприятий, преобразование крупных предприятий и увеличение числа малых и средних – все эти процессы имеют свою региональную специфику).

- ПИИ – это важный элемент регионального развития СР, хотя процесс проникновения ПИИ начался всего около десятилетия назад. Поэтому необходимо поддержать поток ПИИ в страну и создать условия для их привлечения в регионах.

Литература:

1. Ferencikova at all. "Foreign direct investments", Bratislava, 2000;
2. Hoskova A. "Comparison of FDI in the SR and other transformation countries", National Bank of the SR, Bratislava, 2000;
3. Institute of Information and Educational Programming "Set of economic indicators", Bratislava, 1998;
4. Karasz P., et all. The possibilities of regional development in Slovakia, Fridrich Ebert Foundation, Bratislava, 1999.
5. Maier G., Toedling F. "Regional and Urban Economics", Bratislava, Elita, 1997;
6. "Slovak Statistical Yearbook 1999", Statistical Office of the Slovak Republic, Bratislava.

Носонов А.М., Кондрашина О.В.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УРБАНИЗИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ (на примере г. Саранска)¹

Развитие процесса урбанизации в большинстве случаев приводит к негативным экологическим и социальным последствиям: загрязнению городской среды, неконтролируемому росту отходов производства и потребления, деградации растительности и, как следствие – ухудшению здоровья населения, проживающего в урбанизированных районах. Это приводит к резким изменениям естественных экосистем. В связи с этим необходимо выявление пространственно-временных закономерностей и прогнозирования дальнейшего развития городов, оценка их влияния на окружающую территорию на основе экологических и социальных критериев. При этом существенной методологической трудностью исследования городских экосистем является выявление влияния на их функционирование и развитие большого количества разнородных факторов: экологических, социально-экономических, институциональных и др.

Качество окружающей среды, которое можно охарактеризовать как степень удовлетворения потребностей различных социальных групп в окружающей их природной и экологической среде, является одним из показателей качества жизни населения. Оно занимает все большее место в системе социальных потребностей, влияет на ценностную ориентацию и мотивацию поведения различных социальных групп.

В настоящее время существуют две основные концептуальные модели оценки качества жизнеобитания урбанизированных территорий – объективистская и субъективистская. В *объективистской модели* качество жизни определяется как результат комбинации различных статистических показателей: уровня жизни, загрязнения окружающей среды, здоровья населения и т. д. Другой подход - *субъективистская модель*. При таком подходе считается, что истинное значение качества среды обитания отражено в субъективных ощущениях, которые формируются на основе уровня интеллектуального развития индивида, его жизненного опыта, эмоционального состояния и т. д. Наиболее важным, и пока еще малоизученным, является интегрированный подход к оценке качества жизни городских территорий, который должен включить вышеуказанные направления и основанный на системном подходе.

В настоящей статье главное внимание уделено анализу субъективного восприятия населением качества среды обитания на основе данных социологического опроса, проведенного в г. Саранске. При проведении опроса применялась квотная модель выборки. Было опрошено 520 респондентов. В качестве обоснования структуры выборочной и генеральной совокупности использовались три параметра: пол, возраст и район проживания респондентов (Центр, Юго-Запад, Светотехстрой,

¹ Выполнено при поддержке РФФИ (проект № 02-06-80357)

Химмаш и район ТЭЦ-2). Кроме этого, учитывались такие сведения о респондентах как образование, социальное положение, жилищные условия, длительность проживания в Саранске и их доходы.

Целью социологического опроса явилось выявление субъективного восприятия населением степени экологической напряженности в городе и определение места экологических факторов в системе других факторов качества жизни населения. Кроме этого были рассмотрены следующие аспекты субъективной оценки экологической безопасности населения: источники экологической информации, оценка экологической ситуации в городе и районе проживания, основные источники загрязнения, приоритетные экологические проблемы, влияние негативных экологических факторов на здоровье и пути решения природоохранных проблем.

Наибольший интерес в исследовании занимало определение места экологических факторов среди других факторов качества. Респондентам было предложено 9 социально-экономических и экологических факторов качества жизни, которые на первом этапе ранжировались по степени значимости от 1 до 9 баллов. На втором этапе опрашиваемые давали их качественную оценку. Результаты ответа на этот вопрос представлены на рис. 1, 2.

Среди 9 факторов качества жизни хорошая экологическая обстановка вышла на 3-е место (рис. 1) после таких важных социально-экономических условий как высокооплачиваемая работа и хорошее качество медицинского обслуживания. При субъективной же оценке этих же факторов хорошая экологическая обстановка оказалась лишь на 8-м месте (рис. 2). Подобные результаты анкетирования свидетельствуют о большой значимости экологического фактора в системе субъективного восприятия населением экологической безопасности и о сильной обеспокоенности сложившейся экологической ситуацией в городе.

Большое значение для решения городских экологических проблем имеет взаимодействие органов власти и населения. Данные опроса свидетельствуют о нерешенности этого вопроса. Так при ответе на вопрос «Откуда Вы получаете информацию о состоянии экологической обстановки в городе?» 74,3 % респондентов ответили «из средств массовой информации», 11,9 % – «от соседей, знакомых, родственников» и лишь 1,2 % «от представителей органов власти», а 12,7 % вообще не получают подобную информацию.

Интересные результаты получились при ответе на вопрос об экологической ситуации в районе проживания и в целом в городе. Так, 58,7 % опрошенных считают экологическую обстановку в городе неблагоприятной, в то время как в районе проживания она неблагоприятна по мнению лишь 38,8 % респондентов. Это связано, вероятно, с большей информированностью населения на городском уровне и отсутствием подобной информации по районам проживания. Причем около 60 % респондентов считают, что экологическая обстановка в городе за последние 10 лет ухудшилась, 18 % – не изменилась и лишь 6 %, – улучшилась.

Оценка главных источников загрязнения в районе проживания вполне соответствует объективным показателям. Основными источниками загрязнения 36,9 % респондентов считают промышленные предприятия, 30,4 % – автомобильный транспорт, 17,7 % – производственные и бытовые отходы. Из конкретных источников загрязнения, наиболее опасных для здоровья большинство опрошенных назвали такие промышленные предприятия как «Биохимик» (33,7 %), ТЭЦ-2 (19,3 %), «Лисма» (13,8 %), а также транспорт (18,9 %), что тоже близко к объективным данным.

По приоритетности существующих в городе экологических проблем ответы респондентов распределились следующим образом: «загрязнение воздуха» – 42,2 %, «загрязненность водных объектов» – 25,2 %, «загрязненность продуктов питания» – 19,7 %.

По степени благоприятности экологической обстановки районы города были расположены респондентами таким образом (в порядке убывания): Юго-Запад, Светотехстрой, Химмаш, Центр и район ТЭЦ-2. В соответствии с этим и распределились ответы на вопрос «В каком районе города Вы предпочли бы иметь постоянное место жительства с точки зрения экологической безопасности?»: Юго-Запад – 49,4 %, Светотехстрой – 38,9 %, Химмаш – 6,3 %, Центр – 5,4 %, район ТЭЦ-2 – 0 %.

Важным аспектом социологического обследования явилось выявление субъективного восприятия населения влияния неблагоприятных экологических факторов на здоровье. Подавляющее большинство опрошенных (96 %) считают, что экологические условия проживания непосредственно влияют на состояние здоровья. Причем среди других факторов, которые способствуют ухудшению здоровья населения загрязнение окружающей среды стоит на первом месте (35, 8 % опрошенных). Среди других факторов ухудшения здоровья населения респонденты назвали «ухудшение материального положения» – 34,7 %, «качество медицинского обслуживания» – 12,9 % и «нездоровый образ жизни» – 11,4 %.

При ответе на вопрос о конкретном проявлении неблагоприятной экологической обстановки на здоровье населения, респонденты отметили ее влияние на сокращение продолжительности жизни (36,0 %), рост онкологических заболеваний (20,6 %), рост смертности (14,8 %), увеличение заболеваний органов дыхания и пищеварения (14,2 %), рост сердечно-сосудистых заболеваний (6,9 %).

Одной из задач социологического опроса было выявление причин ухудшения экологической обстановки в городе и определения путей ее улучшения. Главной причиной ухудшения экологической ситуации в городе значительная часть респондентов считает такой фактор как недостаточное внимание к этой проблеме республиканских и городских властей (28,7 %). Среди других причин были названы следующие: «общая экономическая ситуация в стране» – 24, 5 %, «большое количество промышленных предприятий в городе и рост автомобилизации» – 17,0 %, «несовершенство очистных сооружений и технологий» – 15,7 %. Характерно, что недостаточное развитие системы экологического образования и воспитания считают важной причиной ухудшения экологической обстановки только 3,6 % респондентов.

При ответе на вопрос «Каким образом, по Вашему мнению, можно улучшить экологическую обстановку в городе?», 21,1 % опрошенных считают совершенствование очистных сооружений, 19,4 % увеличение финансирования природоохранной деятельности, 15,0 % расширение зеленых насаждений. Другими направлениями улучшения экологической обстановки в городе, по мнению респондентов, являются «вынос промышленных предприятий за черту города» – 13,5 %, «усиление штрафов за экологические нарушения» – 13,1 %, «улучшение системы экологического образования и воспитания» – 5,0 %.

Экологическая оценка городской среды и ее составляющих проведена на основе комплексного анализа городских ландшафтов. В качестве базовой основы в работе использовалась карта природных (естественных) неизмененных ландшафтов города, на базе которой создана карта техногенных городских ландшафтов. На территории города выделены следующие функциональные зоны (агротехногенная, парковорекреационная, селитебная, промышленная, транспортная). В ландшафтнотехногенном плане территория города может быть охарактеризована следующим образом. Основная часть лесопарковой зоны (53%) находится в элювиальных ландшафтах, селитебная, промышленная и транспортная в основном представлены в трансэлювиальных и элювиальноаккумулятивных геохимических ландшафтах. Характерной особенностью Саранска является чересполосица функциональных зон; город складывался по преимуществу как жилой комплекс вокруг промышленных предприятий, в результате чего в центральной жилой застройке размещены крупные промышленные предприятия. При отсутствии необходимых санитарно-защитных разрывов это предопределяет высокий уровень загрязнения окружающей среды. Важной частью работы является эколого-географическая оценка загрязнения окружающей среды. Для этого на подготовительном этапе был использован комплекс карт, включающий моноэлементные карты содержания тяжелых металлов в разных депонирующих средах, карты суммарных показателей загрязнения тяжелыми металлами в почвах и в снежном покрове, а также карта сопряженного анализа содержания микроэлементов в почвенном и снежном покровах. Применение функций пространственной статистики к данным и полученным ранее картам, а также использование корреляционного, дисперсионного анализа, описательных статистик и графических возможностей пакета "Statistica" позволили оценить степень и характер загрязнения, особенности геохимической трансформации городской среды многими поллютантами. Ландшафтно-геохимические условия на территории города характеризуются кальциевым и переходным от кислого к кальциевому классами водной миграции, окислительной обстановкой и слабокислой средой. К основным факторам, определяющим геохимическую трансформацию среды г. Саранска, отнесены антропогенная нагрузка, физико-химические свойства почв, положение в рельефе и метеорологические особенности. Для территории г. Саранска характерно значительное накопление отдельных тяжелых металлов (в частности, свинец, медь, хром, молибден, ртуть), величина концентрации которых превышает ПДК в почвенном покрове на ряде локальных участков промышленной и прилегающих к ней селитебной зоны. Данные атмогеохимического и литохимического картирования указывают на ведущую роль свинца в загрязнении окружающей среды города. Наибольшие его концентрации наблюдаются в элювиально-аккумулятивных ландшафтах с выщелоченными черноземами. По величине суммарного показателя пылевой нагрузки на территории города преобладают слабый и очень слабый уровни загрязнения. На основе моделирования содержания тяжелых металлов в снежном покрове и почвах и экономического развития составлена прогнозная карта динамики загрязнения окружающей среды территории г. Саранска.

Применение имитационного моделирования и ГИС-технологий позволило выполнить ряд научных задач по эколого-географической оценке состояния и прогнозирования развития урбоэкосистем (на примере г. Саранска):

1. Создание серии аналитических, комплексных и синтетических карт. В качестве примера аналитических карт отметим многоэлементные карты содержания тяжелых металлов в почвенном и снежном покровах, карты детской заболеваемости астмой, дерматитом, карта озелененности городской территории и др. Из комплексных отметим ландшафтногеохимическую карту, карты по комплексной оценке загрязнения от стационарных промышленных источников выбросов и от автотранспорта и др.). Синтетические карты представлены картами сопряженного анализа загрязнения почв и снежного покрова; потенциала самоочищения атмосферы; картами оценочной и типологической классификации детской заболеваемости по г. Саранску и др.

2. Применение картографических и имитационных моделей позволило углубить представление о состоянии окружающей среды и его изменении. Например, моделирование содержания загрязняющих примесей в поверхностных водотоках позволило оценить вклад отдельных предприятий в загрязнение реки Инсар. Картографическая модель рассеивающей способности атмосферы позволяет оценивать устойчивость территории к существующим и предполагаемым нагрузкам. Совместный анализ выбросов автотранспорта и промышленных стационарных источников показал, что экологическая ситуация усугубляется наложением в ряде мест максимальных автотранспортных и промышленных выбросов. Близкое соседство промышленной и транспортной функциональных зон с селитебной зоной и недостаток рекреационных зон приводят к большому антропогенному прессу на жилые кварталы, что, например, хорошо видно при анализе распределения пылевой нагрузки по функциональным зонам.

3. Методами пространственного статистического анализа оценивалось влияние различных факторов на аллергическую заболеваемость детей г. Саранска. Проведенные исследования подтверждают связь повышенной распространенности аллергических заболеваний, в частности бронхиальной астмы и дерматита у детей, близостью автомагистралей и промышленных источников выбросов загрязняющих веществ в атмосферу. При этом увеличение заболеваемости бронхиальной астмой, вероятно, связано с влиянием диоксида серы, оксида углерода и свинца, а заболеваемость дерматитом в определенной мере зависит от содержания в атмосферном воздухе повышенных концентраций бенз/а/пирена и от увеличения пылевой нагрузки. Созданная ГИС и проведение комплексных эколого-географических исследований экосистемы г. Саранска позволили выявить новые пространственные закономерности, которые предложены к использованию в экологическом обосновании проектных решений Генерального плана развития столицы Республики Мордовия. На основе двумерных интегральных уравнений Фредгольма второго рода и системы показателей антропогенного воздействия на экосистему был рассчитан интегральный показатель устойчивости городской среды, который позволяет рассматривать устойчивое развитие как направленную последовательность смены интегральных природно-социальных характеристик. На основе синтетического показателя устойчивости экосистемы дана интерпретация структуры изменения городской среды и определена доля нагрузки всех источников антропогенных воздействий на природную и социальную сферу города. Полученная комплексная обобщенная оценка городской среды позволяет дифференцировать экологический объект через квантованность уровней устойчивости природной и социальнодинамической специфики территории. Развитие этого направления позволяет в перспективе выработать рациональную экологическую политику для улучшения городской среды по всем ее направлениям. Особенно "рельефно" это проявляется на территориях крупных городов, в зонах промышленных центров, где совокупная антропогенная нагрузка превышает возможности устойчивости окружающей среды и элементов ландшафта рассеивать, нейтрализовать и мобилизовать вредные отходы, выбросы и сбросы промышленных предприятий. При этом возникает необходимость соизмерения антропогенных воздействий с самовосстановительной и самоочищающей способностью окружающей среды.

Выявлены общие и частные пространственно-временные закономерности функционирования городских экосистем.

1. Город Саранск представляет собой сложную природно-техногенную систему, типичную для равнин Центрального Нечерноземья, для которого характерна сложная экологическая обстановка, обусловленная следующими факторами: а) значительная территория города в результате аварий на Чернобыльской АЭС подверглась загрязнению радионуклидами; б) функционирование в черте города комплекса крупных промышленных предприятий, являющихся источниками сильного загрязнения биосферы солями тяжелых металлов, в том числе ртутью, свинцом, цинком, хромом,

вольфрамом, марганцем, кислотами, щелочами и другими агрессивными производственными отходами; в) дефицит доброкачественной питьевой воды, деградация почв, сокращение растительного покрова. Падение потенциала естественных рекреационных ресурсов.

2. Высокая концентрация предприятий химической промышленности и машиностроения, а также автотранспорта создают значительный техногенный пресс на окружающую среду.

3. Аэротехногенное загрязнение территории хорошо фиксируется, ярко выраженными, техногенными аномалиями. Структура аномального поля характеризуется наличием нескольких обособленных центров в разных частях города.

4. Техногенные аномалии в верхнем горизонте почв четко фиксируют общую структуру загрязнения, главной особенностью которой является связь центров загрязнения с ближайшими окрестностями промышленных предприятий и крупными транспортными узлами. Аэротехногенное аномальное поле в почвах распадается на более двадцати очагов общей площадью 22 км. Для большинства из них характерны высокие концентрации свинца, цинка, олова, фосфора, галлия.

5. Морфология аномалий в верхнем горизонте почв зависит от особенностей субстрата и ландшафтного строения территории.

6. В целом эколого-геохимическое состояние окружающей среды на территории г. Саранска может быть оценено как сложное. Практически на всей территории наблюдаются высокие концентрации свинца и цинка. В пределах аномальных зон расположено 18 школ и 39 детских садов. Больше половины населения города проживает или работает в кварталах, характеризующихся средним или высоким уровнем загрязнения.

Дмитриева Т.Е.

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Установка на внутреннее местное развитие муниципальных образований (МО) в условиях централизации наиболее значительных налоговых источников фактически реализуется федеральной властью. Эндогенное развитие МО с одной стороны предполагает максимальную и оптимальную мобилизацию возможностей, комплексное и сбалансированное воспроизводство территориального потенциала, а с другой – ставит МО перед проблемами, решение которых зачастую лежит вне их компетенции. Такие тенденции практики требуют научно-методического решения задач не только оценки уровня, но и оценки потенциала регионального развития.

Предлагаемый подход к оценке потенциала развития МО, который может быть реализован и для субъектов Федерации, имеет концептуальные и методические основания.

Концептуальная рамка раскрывается через две взаимосвязанные позиции.

Глобальная позиция опирается на понимание ресурсного потенциала в терминах системы сбалансированного развития, как совокупного капитала территории. Такое понимание, выдвинутое и развитое зарубежными исследователями Дж. Хартвиком, Х. Дэйли, Р. Солоу, Р. Костанза и др., находит все больше сторонников и в России [1,2,5]. Капитал территории характеризуется определенной структурой, функциями, спецификой распределения и использования.

Основными элементами капитала территории являются природный (K_{nature}), произведенный ($K_{\text{man-made}}$) и человеческий (K_{human}): $K_{\text{total}} = K_n + K_m + K_h$. В соответствии с характером ресурсов выделяются невоспроизводимый и воспроизводимый капитал.

Функциональное определение капитала шире традиционного и отвечает пониманию функции как продуцированию деятельности. По аналогии с формулировкой природного капитала Х. Дейли и Р. Костанза [7] будем рассматривать капитал территории (ее ресурсный потенциал) не просто как «совокупность ресурсов», а «запасы/активы (stock) природной, произведенной, человеческой (совокупности знаний и умений) среды, дающие поток ценных товаров и услуг в будущем».

Особенности использования капитала связаны с обеспечением не уменьшения душевого потребления для последующих поколений при потреблении обществом ограниченных ресурсов. Решение этой задачи в рамках достижения во времени принципа Парето-оптимальности (улучшение в настоящем не за счет ухудшения в будущем) и составляет управление устойчивым развитием. Непременным условием эффективного распределения запасов капитала между различными поколениями является заменяемость природных и экономических активов. При этом возможны

замены уменьшения (исчерпания) невозпроизводимого природного капитала увеличением воспроизводимого (природного или искусственного) капитала.

Механизмом регулирования распределения капитала между различными поколениями является правило Джона Хартвика (intergenerational equality). Оно предполагает, что всякое изменение совокупного капитала, должно быть не отрицательным: $dK_t/dt = K \geq 0$. Иначе говоря, исчерпание невозобновимого природного капитала должно быть меньше, чем приращение произведенного и человеческого. А чтобы это состоялось, чтобы поддерживать постоянное реальное потребление, общество должно реинвестировать рентные доходы в воспроизводимый капитал: $K = S_t - \Delta K_t \geq 0$.

Региональная позиция представляет интерпретацию глобальных положений на региональном (муниципальном) уровне в концепцию ресурсной трансформации. Ее основные признаки применительно к МО таковы:

1. Ресурсный потенциал территории (потенциал развития) рассматривается как совокупность различных активов, продуцирующих потоки ценностей – товаров, услуг, знаний, финансовых средств, др. Следовательно, при его оценке надо рассматривать как наличие ресурсов, так и сгенерированные их использованием потоки.

2. Такие потоки изначально складываются в процессе освоения природных ресурсов, а затем изменяются в ходе появления и развития новых для МО видов хозяйственной деятельности, результаты которой можно рассматривать как вклад в «территориальный капитал» в форме финансовых ресурсов, товаров и услуг, инновационных продуктов (технологий, умений), вновь вовлеченных в хозяйственный оборот или восстановленных воспроизводимых природных ресурсов.

3. Ресурсная трансформация означает замену уменьшения (исчерпания) невозпроизводимого природного капитала увеличением воспроизводимого (природного, человеческого, искусственного) капитала. Она (точнее совокупный результат их множества) должна быть эффективной, генерирующей чистый доход (в настоящем), и сбалансированной (устойчивой), обеспечивающей его не уменьшение (в будущем).

Методическая рамка включает предметно-содержательные и оценочно-технологические принципы оценки ресурсного потенциала.

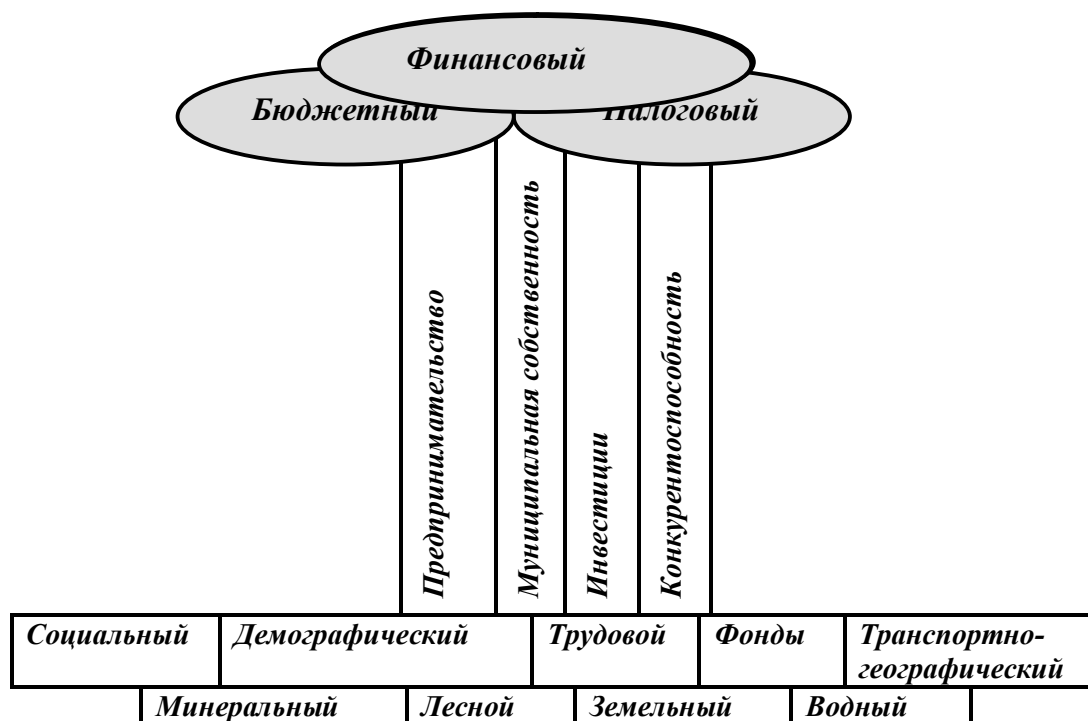

Рис. 1. «Дерево» потенциалов развития муниципального образования.

Методическая рамка включает предметно-содержательные и оценочно-технологические принципы оценки ресурсного потенциала.

Обозначим предметно-содержательные принципы, которые позволяют дать сущностную характеристику территориальным ресурсам и уловить переходы «из ресурса в ресурс».

Структуризация. По характеру участия в формировании дохода МО выделяются базовые, институциональные и финансовые ресурсы. Их состав и соотношение показано на схеме, отражающей своеобразное «дерево потенциалов» (рис.1).

К базовым относятся природные, демографические, трудовые и иные материальные ресурсы, в основном определяющие национальное богатство. Институциональные ресурсы проявляются через определенные организационно-управленческие формы, стимулирующие рост муниципального дохода, такие как предпринимательство, муниципальная собственность, инвестиции, конкурентоспособность. Финансовые – включают средства, полученные от использования базовых и институциональных ресурсов.

Структуризация отражает наличие ресурсов. Ее основания:

- вид: природные, трудовые, демографические и другие ресурсы или природный, произведенный, человеческий капитал;
- форма: натуральные и стоимостные ресурсы или потенциалы;
- отношение к формированию финансового дохода МО: базовые, институциональные, финансовые ресурсы.

Качественная дифференциация. Характеризует качество ресурсов в терминах соответствующей сферы использования: для минеральных – содержание полезного компонента, вредных веществ, глубина залегания, выработанность, извлекаемость и др; лесных – породный состав, возраст, приспеваемость и др.; материально-технических – износ фондов; трудовых – квалификация и т.д.

Актуализация. Фиксирует уровень использования: вовлеченность в хозяйственный оборот природных ресурсов и муниципального имущества, уровень использования трудовых ресурсов, достаточность объектов транспортной и социальной инфраструктуры и т.д.

Классификация ресурсных замен. Отражает направления ресурсной трансформации по различным основаниям:

- виду: замена природного капитала – произведенным (производственным и непроизводственным), природного – финансовым, человеческого («информационно-знаниевого») – произведенным и др.;
- типу – натуральный или финансовый поток;
- «материалу» потоков: финансовых – налоговый, бюджетный, совокупный, рентный; натуральных – движение продукции, населения, трудовых ресурсов и т.д.

Канализация ресурсных замен. Позволяет получить представление о «проводниках» формирования и трансформации ресурсных потоков через характеристику источников, нормативной оболочки или механизма (налоги, прибыль, заработная плата и др.), критических звеньев, влияющих на мощность и направление финансовых потоков (затраты, цены, схемы распределения налогов, разрывы ресурсно-финансовых цепочек: производство в регионе – реализация продукции по внутренним ценам – экспорт из головной компании и др.). Это наиболее сложный и наименее методически проработанный принцип оценки ресурсного потенциала. Реальные подвижки в его методическом обеспечении возможны с совершенствованием системы учета национального богатства и введением по рекомендации ООН сводных показателей системы национальных счетов, позволяющих включить в денежную оценку и природные ресурсы, а также учесть их «износ» [3,4].

Параметризация потоков. Включает измерение основных количественных характеристик: объемы, структуру, достаточность, резервы роста.

В рамках общей технологии оценивания выполняются процедуры и приемы, позволяющие в натуральной и стоимостной форме измерить и получить представление о состоянии конкретных составляющих «капитала» МО:

Позиционирование (выбор позиций и параметров оценки). Определяется концепцией и предметным содержанием оцениваемого объекта. В данном случае структурой совокупного капитала (потенциала) территории и спецификой его составляющих.

Индикативная характеристика (измерение параметров в соответствующих показателях). Формирование набора индикаторов оценки ресурсного потенциала территории сопряжено с его качественной дифференциацией.

Стандартизация. Характеризует близость оцениваемых параметров формирования и использования натуральных и финансовых ресурсов к базовому (“стандарту”, “идеалу”) или пороговому значению. При этом важно, что выбирается за образец и, каким образом определяется “расстояние” до базового, образцового значения (разницей, отношением и т.д.). Чаще всего для межмуниципальных сопоставлений при оценке их ресурсных потенциалов использовалось

нормирование к республиканскому значению показателя, а также к значениям по группам сельских и городских МО.

Ранжирование. Позволяет сравнить МО друг с другом по ключевым и дополнительным индикаторам, квалифицированно интерпретировать результаты и получить представление о фоновых закономерностях использования ресурсного потенциала на уровне республики в целом, типизировать общие проблемы и зафиксировать субфедеральный (федеральный) уровень их решения.

Процедуры оценивания используются в сочетании с соответствующими алгоритмами.

Следствия для практической работы. Осмысление эмпирического материала в концептуально-методическом поле (рис. 2), образуемом вышерассмотренными рамками, позволило сделать следующие выводы.

Результатирующим показателем, «венчающим» ресурсные замены, отражающие совокупный капитал территории в статичном, номинальном (наличие) и динамическом, деятельностном аспектах, предлагается считать финансовый доход МО. Это – совокупность доходов, поступающих к разным субъектам хозяйственной системы, но сгенерированных на данной территории и представляющих созданную здесь добавленную стоимость. Предварительные результаты его оценки по городским муниципальным образованиям Республики Коми приведены в статье А.А. Гибежа, помещенной в данном сборнике.

С позиции обеспечения сбалансированности использования совокупного капитала, а соответственно и устойчивого развития территории, целесообразно вычленение в финансовом потоке рентной составляющей и ее инвестирование в воспроизводимый природный ресурс.

Основные научно-практические вопросы, которые возникают при этом, связаны с исчислением и распределением ренты.

Адекватное исчисление рентного дохода должно осуществляться с учетом следующих требований:

- *рыночно* – на базе рыночных, а не трансфертных (внутрикорпоративных и заниженных) цен реализации продукции;

- *объективно* – с опорой на: а) нормативные эксплуатационные затраты, учитывающие специфику естественных активов, уровень инфраструктурной обустроенности, технологическую и техническую оснащенность добычи; б) инвестиции, обоснованные технологической схемой эксплуатации месторождения; в) общественно необходимые издержки разработки в виде минимальных налогов и отчислений;

- *локально* – на уровне месторождения, при этом рентный доход предприятия-налогоплательщика может быть определен как совокупный по всем разрабатываемым им месторождениям;

- *корректно* – во избежание повторного счета возможный рентный доход необходимо определять по “нулевому” варианту, а именно: фиксировать набор и величину минимума издержек, обеспечивающего получение рентной разницы, не включая в затраты действующие платежи, изымающие ренту;

- *суммарно* – как накопленный (суммарный дисконтированный) рентный доход за весь срок разработки месторождения, представляющий объем арендной платы, получаемой обществом-собственником ресурсов;

- *проектно и фактически* – как потенциальный и текущий рентный доход: потенциальный рентный доход рассчитывается на основе технико-экономических данных как общий (накопленный за весь период), удельный (потонная ставка) и годовой (с учетом объемов добычи); текущий рентный доход за отчетный год рассчитывается по той же схеме сверхнормативного чистого дохода, но в режиме реальных цен и затрат (при условии объективности последних) с включением в обязательные и приоритетные изъятия из прибыли годовой потенциальной ренты.

Такой подход позволяет добрать ренту при благоприятной конъюнктуре цен. В итоге фактическая величина рентного дохода складывается из основного потенциального дохода и дополнительного, который в отчетном году может и не образоваться.

Итоговый тезис исчисления ренты может быть сформулирован следующим образом: рентный доход представляет дифференцированный в пространстве и времени сверхнормативный чистый доход недропользователя от разработки месторождения.

Такой методический подход реализован в расчетах, выполненных в ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН на материалах нефтедобывающей отрасли [6]. Установлено, что по основным предприятиям относительная прибавка налоговых отчислений может составить от 8 до 52% по сравнению с базовыми начислениями. С учетом сокращений налоговых поступлений при обеспечении щадящего режима налогообложения на конкретных предприятиях, суммарная прибавка налоговых доходов, достигающих 90% в консолидированном бюджете, при объеме добычи 8,2-9,8 млн. т нефти могла бы составить: за 1999 г. – 18,5%, 2000 г. – 10%, 2001 г. – 26,3 %, а за 2002 г. – 12,7 %.

Расщепление ренты на компенсационную и потребительскую части методически не проработано

Как уже отмечалось, по правилу Хартвика рента инвестируется в воспроизводимый капитал. Различные варианты его интерпретации предполагают полное или частичное расходование ренты на цели инвестирования. Во втором варианте возможно расщепление ее на две части: а) на компенсацию расхода невозпроизводимого природного капитала и б) потребление.

Расщепление ренты на компенсационную и потребительскую части методически не проработано. Компенсационная часть – это рента истощения, которая вычитается из ВРП или финансового дохода и рассматривается в качестве инвестиций. Различные предложения ее изъятия и использования связаны с реализацией идеи экологизации системы национальных счетов, формированием специального природного амортизационного фонда, специализированных лесных бюджетов. Не меньше вопросов возникает и при определении форм аккумуляции потребительской части ренты. От принятой на данном этапе схемы – «растворить» в бюджетах, до более квалифицированной и продуктивной – сконцентрировать в бюджетах развития либо территориальных траст-фондах (по примеру Постоянного фонда Аляски) или по радикальному предложению Д.С. Львова – в фонде национального дивиденда.

Несмотря на методические проблемы разработки и еще большие, как показывает наш опыт работы с рентой, реализации рентоориентированной концепции сбалансированного развития, именно она представляется наиболее продуктивной и экономически осмысленной, позволяющей от мифотворчества об устойчивом развитии перейти через измерение связей натуральных и финансовых активов и потоков к управлению его параметрами.

Литература

1. Блам И.Ю. Устойчивое развитие: основные теоретические проблемы // Регион: экономика и социология. – 2000. – № 2. – С.80-92.
2. Глазырина И.П. Природный капитал в экономике переходного периода. – М.: НИИ-Природа, РЭФИА, 2001. – 204 с.
3. Нестеров Л.И., Аширова Г.Т. Международная статистика природных ресурсов (анализ методологии оценок специалистов международных организаций) // Бюллетень «Использование и охрана природных ресурсов в России». – 2002. – № 5-6. – С.43-54.
4. Пахомова Н.В., Рихтер К.К. Экономика природопользования и охраны окружающей среды: Учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 2001. – 220 с.
5. Сергеев И.Б. Экономика устойчивого развития нефтедобывающего региона. – СПб: ОЦЭиМ, 2002. – 252 с.
6. Топливо-энергетический сектор Республики Коми: направления и методы регулирования развития / Коллектив авторов. – Сыктывкар, 2002. – 416 с. (Коми НЦ УрО РАН).
7. Costanza R., Daily H. Natural Capital and Sustainable Development // Conservation Biology. Vol. 6. N 1, March 1992. P.37- 46.

Гибез А.А.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО ДОХОДА ГОРОДСКИХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ (на примере Республики Коми)

Общие положения. В условиях, когда все муниципальные образования испытывают дефицит финансовых средств, значительно вырос интерес к оценке финансового потенциала муниципальных образований (МО). При этом само понятие «финансовый потенциал» в научной среде не получило еще общепринятого единого толкования, и каждый исследователь вкладывает в него тот смысл, который в наибольшей степени отвечает целям и задачам, проводимого им исследования [1].

Нами, в частности, предлагается следующая методологическая схема, описывающая понятие финансовый потенциал муниципального образования и возможности для его оценки.

Под *финансовым потенциалом* понимается способность муниципального образования генерировать финансовый доход в целом, а так же аккумулировать финансовые ресурсы, которые остаются в распоряжении различных субъектов муниципального образования. Исходя из этого, для

оценки финансового потенциала предлагается использовать показатели финансового дохода и финансовых ресурсов МО. Они являются ключевыми при оценке финансового потенциала и являются основой для расчета других показателей.

Финансовый доход муниципального образования (ФДмо) – совокупность доходов, поступающих к разным субъектам хозяйственной системы МО и фиксируемая (сгенерированная) на территории данного муниципального образования.

$$\text{ФДмо} = Н + \text{НеД} + \text{Пр} + \text{Ам} + 3\text{Пнс} + \text{ПрД}, \text{ где}$$

Н – сумма, собранных на территории МО налогов, *НеД* – сумма неналоговых доходов бюджетов различных уровней, полученная на территории МО, *Пр* – прибыль организаций и учреждений, после уплаты налога на прибыль; *Ам* – амортизация, *3Пнс* – заработная плата в производственной сфере (промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, связи и т.д.), *ПрД* – предпринимательский доход.

Финансовый доход характеризует величину добавленной стоимости, созданной на территории муниципального образования. К сожалению, существующая статистическая и налоговая отчетность не позволяет зафиксировать величину, получаемого на территории МО предпринимательского дохода и при проведении практических расчетов приходится его исключать из общей суммы генерируемого финансового дохода.

Финансовые ресурсы муниципальных образований (ФРмо) характеризуют общую сумму финансовых средств, находящихся в распоряжении различных субъектов МО:

$$\text{ФРмо} = \text{НДмб} + \text{НеДмб} + \text{Срб} + \text{Прсал} + \text{Ам} + \text{СПСхс} + \text{СПСмб} + 3\text{Пнс} + \text{Тсн} + \text{ПрД}, \text{ где}$$

НДмб – налоговые доходы местного бюджета, *НеДмб* – неналоговые доходы местного бюджета, *Прсал* – сальдированная на величину полученных убытков прибыль организаций и предприятий, после налогообложения, *Срб* – средства, полученные из бюджета вышестоящего уровня, *СПСхс* – сальдо привлечения финансовых средств хозяйствующими субъектами, *СПСмб* – сальдо привлечения финансовых средств местными бюджетами, *Тсн* – социальные трансферты населению (пенсии, пособия и т.п.).

В отличие от финансового дохода, который используется для характеристики «генерационной» способности муниципального образования, финансовые ресурсы отражают располагаемый объем финансовых средств. Поэтому при его расчете налоговые и неналоговые доходы фиксируются только в той части, которая поступает в местный бюджет, прибыль сальдируется на величину полученных убытков. Кроме того, учитываются «внешние» источники финансовых средств: сальдо привлечения финансовых средств предприятиями и местными бюджетами, социальные трансферты населению, а также средства, которые местный бюджет получает от бюджетов вышестоящего уровня.

Финансовый доход и финансовые ресурсы являются основными показателями при анализе финансового потенциала. Однако использование только этих двух показателей не позволяет провести достаточно глубокую его оценку. В этой связи при оценке финансового потенциала помимо указанных показателей следует использовать и другие показатели.

Прежде всего, необходимо зафиксировать структуру финансового дохода и финансовых ресурсов. Это позволит определить ключевые элементы финансового дохода и основные источники поступления финансовых средств. Целесообразно определять доли местных органов власти и хозяйствующих субъектов в общей величине финансовых ресурсов. Такая оценка даст возможность выявить их финансовое «влияние» в локальной хозяйственной системе.

При анализе структуры финансовых ресурсов определяется индекс финансовой независимости (ИФН), который отражает долю собственных средств в финансовых ресурсах муниципального образования. Он также характеризует степень зависимости МО от внешних источников поступления финансовых ресурсов.

$$\text{ИФН} = \frac{\text{НДмб} + \text{НеДмб} + \text{Прсал} + \text{Ам}}{\text{ФРмо}}$$

При сравнительном анализе муниципальных образований необходимо производить расчет подушевого уровня их финансового дохода и финансовых ресурсов. Средний финансовый доход на душу населения по МО субъекта Федерации является базовым для расчета экономической мощности МО, которая косвенно позволяет определить, есть ли у него основания на получение финансовой

помощи. Этот показатель (ЭМ) представляет отношение удельного финансового дохода данного МО к среднему по региону:

$$\text{ЭМ} = \frac{\Phi\text{Дудмо}}{\Phi\text{Дудср}} * 100, \text{ где } \Phi\text{Дудмо} - \text{финансовый доход МО на душу населения,}$$

$\Phi\text{Дудср}$ – финансовый доход на душу населения в среднем по субъекту Федерации.

Еще одним показателем, который должен использоваться при анализе финансового потенциала является соотношение между финансовым доходом и финансовыми ресурсами. Он дает возможность выявить, в какой степени сгенерированный финансовый доход после перераспределения в рамках существующей налогово-бюджетной системы трансформируется в финансовые ресурсы МО, а также насколько активны хозяйствующие субъекты и местные органы власти в привлечении внешних финансовых ресурсов.

С использованием совокупности представленных показателей можно достаточно точно оценить финансовый потенциал муниципального образования и определить источники его развития в настоящий момент.

Городские муниципальные образования Республики Коми. Из 20 муниципальных образований Республики Коми к городским относятся 8 (Сыктывкар, Воркута, Инта, Вуктыл, Печора, Сосногорск, Усинск, Ухта). В 2001 году в них проживало 73,4 % населения республики и производилось 90,4% валового муниципального продукта [2, стр. 214]. Таким образом, городские муниципальные образования составляют экономическую основу республики, и именно здесь формируется ее финансовая база.

Данные, характеризующие финансовый потенциал городских муниципальных образований Республики Коми, представлены в таблицах 1,2.

Исходя из представленных данных, можно зафиксировать следующие ключевые моменты, характеризующие финансовый потенциал городских муниципальных образований Республики Коми.

1. Между городскими муниципальными образованиями существует значительная разница, как в абсолютном (общем объеме сгенерированного финансового дохода и имеющихся финансовых ресурсов), так и в относительном (подушном объеме финансового дохода и финансовых ресурсов) уровне финансового потенциала. Четко можно выделить группу лидеров (Сыктывкар, Усинск, Ухта – индекс экономической мощности более 120), середняков (Воркута, Печора, Сосногорск – индекс экономической мощности от 80 до 100) и отстающих (Инта, Вуктыл – индекс экономической мощности менее 50) муниципальных образований. Максимальная разница по финансовому доходу составляет в абсолютном значении – 31,2 раза (Сыктывкар и Вуктыл), а в относительном – 10,3 раза (Усинск и Вуктыл).

2. В большинстве муниципальных образований (6 из 8) ключевым элементом финансового дохода являются налоговые платежи, а это значит, что значительная часть финансового дохода перераспределяется в рамках налогово-бюджетной системы. При этом решения по такому перераспределению, определяющему, сколько финансовых ресурсов останется в муниципальном образовании, принимаются, как правило, вне его территории, на федеральном и республиканском уровне.

3. Крайне мала доля неналоговых доходов. Она не превышает 0,5% от общего объема финансового дохода. Это свидетельствует о том, что такие активы, как земля и муниципальная собственность не являются пока существенным источником финансового дохода, как вследствие, недостаточно эффективного управления ими, так и невысокой их экономической оценки.

4. Большинство городских муниципальных образований имеет низкий уровень финансовой независимости и в значительной степени зависит от внешних источников финансирования. Значение индекса финансовой независимости изменяется с 89,3% (Вуктыл) до 23,3% (Усинск). При этом в наиболее благополучных в финансовом плане муниципальных образованиях (Усинске, Сыктывкаре, Ухте, Печоре, Сосногорске) преобладают привлеченные финансовые средства хозяйствующих субъектов. Финансово слабые муниципальные образования – Воркута, Вуктыл, Инта – зависят не только от привлечения средств хозяйствующими субъектами, но и от финансовой помощи из республиканского бюджета.

5. Во всех городских муниципальных образованиях значение местных органов власти, как распорядителей финансовых ресурсов не велико. Оно тем выше, чем хуже финансовое положение муниципального образования.

Какие же ключевые факторы определяют формирование финансового дохода – основного показателя, характеризующего финансовый потенциал муниципального образования?

Первый, наиболее важный фактор – конкурентоспособность и доходность продукции, которая выпускается отраслью специализации в промышленности муниципального образования. Наилучшее положение имеют муниципальные образования, базирующиеся на нефтедобыче и газопереработке (Усинск, Сосногорск, частично Печора), нефтепереработке и газотранспорте (Ухта), а также целлюлозно-бумажной отрасли (Сыктывкар). Продукция данных отраслей в настоящий момент конкурентоспособна на мировом рынке, значительная часть ее экспортируется, предприятия получают стабильные и высокие доходы от ее реализации. Высокая конкурентоспособность и доходность позволяют получать прибыль и отчислять значительные налоговые платежи, а также обеспечивать высокий уровень заработной платы. Значительно хуже дело обстоит в муниципальных образованиях, опирающихся на находящуюся в глубоком кризисе угольную отрасль (Воркута, Инта), а также на stagnирующую на территории Республики Коми газодобычу (Вуктыл).

Вторым фактором, особенно в долгосрочной перспективе, является то, в какой степени экономика муниципального образования диверсифицирована. Наличие только одной отрасли, исполняющей роль финансовой опоры муниципального образования, чревато тем, что в случае резкого ухудшения ее положения, так же резко ухудшится и финансовое состояние всего муниципального образования. Наглядным примером тому являются моноотраслевые Воркута, Инта и Вуктыл. Максимальные опасения в настоящий момент в этом отношении вызывает наиболее благополучный Усинск. На их фоне лучше выглядят Сыктывкар, Ухта, Сосногорск и Печора. Промышленность данных муниципальных образований более разнообразна.

Третий фактор – это активно развивающаяся корпоративизация экономики. Большинство крупных и даже средних предприятий вне зависимости от области своей деятельности непосредственно входит или находится под значительным влиянием той или иной финансово-промышленной группы или корпорации. Они могут быть как отечественными, так и иностранными. В настоящее время именно крупные корпоративные образования во многом определяют темп и направления экономического развития большинства регионов и страны в целом.

Не обошло это явление стороной и Республику Коми. Предприятия ключевых отраслей экономики находятся в жестком подчинении крупных корпоративных структур. Нефтяная промышленность, за малым исключением, находится в ведении «Лукойл-Коми», крупнейшее предприятие лесопромышленного комплекса, бывший Сыктывкарский лесопромышленный комплекс, а ныне «Нойзидлер-Сыктывкар», входит в структуру одного из крупнейших мировых промышленных холдингов «Англо-Америкэн», Жешартский фанерный комбинат является частью Объединенной плитной группы, крупнейшее горнорудное предприятие «Бокситы Тимана», принадлежит СУАЛУ. Угольные предприятия Воркуты, а в ближайшем будущем и Инты – собственность группы «Северсталь». Таким образом, большая часть экономического потенциала республики принадлежит и управляется крупными корпорациями, центр управления которыми находится за пределами республики. С помощью различных механизмов, прежде всего, внутрикорпоративных цен, экспорта через третьи фирмы, завышения затрат и т.д., происходит вымывание значительной доли получаемых доходов с территории республики, что приводит к снижению прибыли, налоговых платежей. Работает своеобразный корпоративный «пылесос», высасывающий доходы с территорий.

Четвертым фактором формирования финансового дохода является активность и способность местных органов власти содействовать экономическому развитию муниципального образования. Однако среди городских муниципальных образований Республики Коми, трудно выделить те, где местные органы добились бы значительных результатов на этом поприще, хотя они и располагают значительными ресурсами в виде муниципальной собственности, возможности устанавливать правила игры и т.д., которые могут способствовать притоку капитала и повышению экономической активности на территории муниципального образования.

Решение проблем, имеющихся по каждому из представленных четырех направлений, будет способствовать увеличению финансового дохода рассматриваемых муниципальных образований.

Литература

1. Сабитова Н.М. О понятии финансового потенциала региона и методологии его оценки // Финансы. - № 2.-2003. – С. 63-66
2. Экономическая безопасность Республики Коми (оценка и регулирование 2002-2003 гг.). (В 2-х томах) / Коллектив авторов. – Сыктывкар, 2003. – 478 с. (Коми научный центр Уральского отделения Российской АН). Том 1.

ИННОВАТИВНЫЙ ПУТЬ К ЭКОУСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ ГОРОДОВ

Согласование развития городов с развитием научно-технической деятельности и инновационного бизнеса — важный фактор обновления как муниципального управления, так и планирования и управления сферы НИОКР. С одной стороны, он позволит усилить обоснованность городской политики за счет более полного и регулярного применения научных знаний и инноваций при принятии текущих и стратегических решений. С другой, — стабилизировать научно-инновационную сферу (НИС) крупных многофункциональных городов, стимулировать её дальнейшее развитие. Повышение спроса на научные знания и нововведения ускорит коммерциализацию многих уже полученных и ожидаемых результатов НИОКР, будет способствовать не только адаптации научно-инновационной деятельности к условиям рынка, но и усилению её социальной и экологической ориентации.

В данной работе тезисно обсуждаются концептуальные положения формирования новой городской политики в Украине в связи с научно-техническим и инновационным развитием, перспективами становления «общества, основанного на знаниях», планирующего переход к экоустойчивому развитию¹ [1-4]. Для этого необходимо очертить и последовательно уточнять требования к содержанию тех НИОКР, результаты которых необходимы для решения проблем технологической модернизации и экологической реконструкции городов, создания новых систем муниципального управления на принципах местной демократии и самоуправления. Обсуждаемый методологический подход предполагает выполнение системного анализа и прогнозирования перспектив развития каждого крупного города, определения приоритетов научно-инновационной деятельности, осуществляемой в интересах города.

Важным условием перехода к новым моделям городского развития является преодоление ряда противоречий, обострившихся в период кризиса. Наиболее разительным является противоречие между объёмами задач, которые каждому крупному городу необходимо решать на пути к экоустойчивому развитию [5-8], и возможностями их своевременного решения за счет активизации инновационного фактора [9-12]. С одной стороны, очевидно, что городское развитие требует большого количества и многообразия инноваций, прежде всего, для технологической модернизации промышленности, транспорта, городского хозяйства, жилищно-коммунального комплекса, защиты городской и природной среды и др. С другой, — на протяжении последнего десятилетия научно-технический потенциал Киева и других крупных городов Украины разрушается и теряет свои функциональные качества. Причина — недостаточное финансирование и дефицит государственных, региональных и городских заказов на НИОКР, результаты которых могли бы технологически и организационно обеспечить переход к инновационной модели развития на принципах экоустойчивости. На этом фоне инновационный бизнес развивается замедленно, поскольку не имеет надлежащей поддержки со стороны государства и городских властей в виде ощутимых стимулов и льгот и т.п.

Поэтому естественно возникает необходимость в разработке концепций научно-технической и инновационной политики для регионального и городского уровней управления [10-12]. Такие концепции должны ориентировать хозяйственную практику, с одной стороны, на решения проблем перехода к экоустойчивому развитию страны, ее регионов и городов, с другой, — на возрождение НИС с учётом новых перспектив ее развития согласно новым обязательствам науки перед обществом [9]. Иначе страну ожидает новый системный кризис, превращение в технологическую колонию и сырьевой придаток к высокотехнологическим системам транснациональных корпораций и развитых стран со всеми вытекающими из этого экологическими и социальными следствиями.

Достижение целей технологического обновления производства и потребления, создания полноценной среды жизнедеятельности в городах, надежной защиты природы и ренатурализации нарушенных экосистем предусматривает проведения множества системных исследований. Они должны объединять постановку и решение методологических, теоретических и организационно-практических задач развития городов и научно-инновационной сферы [10-12]. При этом существенно должен быть преобразован научно-технический потенциал страны и развит инновационный бизнес в соответствии со стратегическими задачами экоустойчивости — сохранение базисных условий жизнедеятельности современного и будущих поколений украинского общества. Иначе говоря,

¹ В данной работе используется термин “экоустойчивое развитие”, который является наиболее содержательным и точным переводом английского оригинала “sustainable development”. Обоснование и трактовка этого термина приведены в работах [5-7].

предстоящие преобразования городов и НИС детерминируются требованиями будущего экоустойчивого развития, к которому должно перейти каждая страна мира и человечество в целом.

Концепция экоустойчивого развития [1-3] является реакцией на глобальный экологический кризис, осознания невозможности дальнейшего развития человечества по старой модели индустриального развития стран Севера, ее распространения на страны Юга. Предшествующее развитие общества, основанное на высокочрезвычайных технологиях, беспощадной эксплуатации природы, истощении невозобновимых ресурсов, привело к загрязнению и негативным изменениям природной среды, «ломке» климата. Биосфера приблизилась к границе, за которой начинаются необратимые и опасные изменения природных условий для существования человека, сужения возможностей для эффективного хозяйствования на суше и на море.

Поэтому модель предыдущего индустриального развития признается исторически устаревшей, неприемлемой для дальнейшего развития человечества [3,4]. Проведенные исследования и расчеты современных ресурсозатрат показывают, что страны Юга должны отказаться от имитационного (подражающего) развития, которое ведет в тупик, а не к «западным» стандартам жизни. Неприемлемость этого пути для отстающих стран очевидна: «... если все страны мира будут развиваться по индустриальной модели, для их экономического развития потребуется пять планет, чтобы предоставить бассейны стоков углерода, необходимые для промышленного развития. Но так как человечеству предоставлена только одна планета, такой подход к равноправию породит все мыслимые катастрофы» [4, с. 19].

Не подлежит сомнению непригодность прежнего индустриального развития и для Украины и других стран бывшего СССР, хотя их людность значительно ниже, чем стран Юга, а накопленный (но быстро устаревающий) промышленный потенциал существенно выше. Трудности перехода стран СНГ к постиндустриальному экологически безопасному развитию, к построению «экономики, основанной на знаниях», обусловлены не только мощной инерцией предшествующего хозяйствования и текущим системным кризисом, но и слабостью потенциала развития. Его главные компоненты — демографический потенциал, здоровье население, образование, наука, инноватика, культура, государственный менеджмент — находятся в состоянии, не позволяющем удовлетворительно решать стратегические задачи постиндустриального развития этих стран.

К тому же кризис в странах СНГ проявляет факторы, ослабляющие потенциал развития регионов и городов: «утечка умов» и отток квалифицированных работников, общее уменьшение населения, снижение объемов и качества результатов НИОКР, снижение качества образования, падение наукоёмкости ВВП, рост энерго- и ресурсопотребления в отраслях со средними и низкими технологиями, падение конкурентоспособности традиционной продукции, медленное внедрение высоких технологий и мн. др. Эти процессы сопровождаются вывозом капиталов и снижением инвестиционной привлекательности регионов и городов, что продлевает их стагнацию. В результате снижается не только доля экономически активного населения и разнообразие рынка труда, но и инновационная и общая культура населения. Всё это болезненно отражается на состоянии городов (прежде всего малых и средних), многие из которых вместо развития вошли режим выживания, который блокирует поиск факторов и методов оживления местной экономики.

Но наиболее негативным проявлением кризиса является фрагментация и ослабление градостроительных исследований и сворачивание генерального планирования большинства городов. Соответственно, резко уменьшились объёмы и качество научных исследований и разработок, необходимых для обоснования перспектив развития городов и городских агломераций. В результате заметно ослабла градостроительная дисциплина. В городах и на пригородных территориях стала типичной неупорядоченность землепользования и строительной практики, которая больше отвечает частным интересам застройщиков, нежели интересам городских сообществ в целом, а также населения пригородных сельских поселений. Таким образом современный этап характеризуется не столько решением накопившихся городских проблем, сколько их усугублением, ослаблением политической воли и механизмов их разрешения. Это означает, что будущее многих городов Украины по основным показателям будет мало отличаться от их нынешнего состояния.

Главные выводы концепции экоустойчивого развития состоят в том, что человечество должно существенно снизить использование невозобновимых ресурсов (энергетических и минерально-сырьевых) и детериорацию природной среды, сбалансировать социальные потребности и экономическое развитие с обязательным их подчинением экологическим императивам. Для научно-технической сферы это означает продуцирование таких знаний и разработку таких инноваций, которые позволят создавать малозатратные, малоотходные и экологически безопасные технологии (преимущественно на базе возобновимых источников энергии); для промышленников и

предпринимателей — оперативно осваивать и полно использовать такие технологии; для государственных, региональных и местных органов — создавать условия для эффективных инновационных процессов, превратить их в главный фактор территориального развития.

Для градovedов концепцию экоустойчивого развития вполне естественно сфокусировать на решении городских проблем и сделать градоцентричной, поскольку значительная часть жизнедеятельности современного общества организована и протекает в городских формах. В городах Украины сосредоточена жизнедеятельность примерно 70% населения страны, которое ежедневно ощущает дороговизну и многие несовершенства городской жизни. Среди их главных причин — чрезвычайно высокие затраты (и потери) энергетических и материальных ресурсов систем жизнеобеспечения в городах и технологий промышленного производства, которые своими отходами загрязняют городскую и природную среду.

Эти и прочие причины кризиса городов сохраняются благодаря той агрессивной культуре хозяйствования, которая сложилась в последние столетия и теперь повсеместно доминирует. Она отражает философию «мы-кратии» и атропоцентрический принцип («человек — мера всех вещей», «человек — властелин природы», «всё для человека, всё для блага человека»). Эту философию поддерживают все прежние экономические учения, в которых «даровые блага природы» неявно считаются безграничными и вечными, не заслуживающими какого-либо особого внимания в отличие от методов извлечения прибыли, удовлетворения непрестанно растущих потребностей человека. Но «овладение природой и связанный с этим научно-технический прогресс, по-видимому, не снизил агрессивность — особенно коллективную, издревле присущую человеку. Вряд ли можно говорить о том, что человек стал умнее и терпеливее, по крайней мере в плане своих социальных проявлений» [13, с. 8].

Эти особенности человеческой природы и общественного развития, естественно, служат препятствием для перехода к модели экоустойчивого развития. Очевидно, он невозможен без преодоления экспансивной ментальности современных сообществ и развитых и отставших стран. Связанный с этим комплекс идеологических и социально-психологических задач особенно трудно решать в условиях преобразования административно-плановой экономики СССР в рыночные экономики новых независимых государств. Замещение в общественном сознании «социалистического» менталитета «рыночным» по сути означает упрочение, с одной стороны, культуры консумеризма, с другой, — культуры бедности. И та и другая противостоит той культуре экоустойчивого развития, которую предстоит создать и привить основной массе населения, воплощая и уточняя известные концепции [1-4].

Падение тоталитарного государства и утверждение в массовом сознании апологетики рынка болезненно отразилось на городах всех стран СНГ. Утратив рычаги прежнего директивного управления, города не смогли создать новые эффективные механизмы регулирования социально значимых процессов (структурная модернизация городских хозяйственных комплексов, привлечение внешних инвестиций, наполнение местных бюджетов, рост занятости и сокращение безработицы и бедности, миграция, жилищное строительство и создание ресурсоэкономной коммунальной инфраструктуры, разрешение транспортных проблем, эффективное землепользование, стратегически выверенное территориально-планировочное развитие и мн. др.). Без этого крупные города обречены "пройти по граблям" того пути, который пройден городами времён бурного развития капитализма на Западе и Востоке.

В условиях затянувшегося кризиса в странах СНГ призывы к переходу регионов и городов к экоустойчивому развитию, необходимому «по жизненным показаниям» следующих за ныне живущим поколений, воспринимается неоднозначно. Немалая часть общественности, ознакомленная с основными идеями будущей экоустойчивости, воспринимает их как очередной проект «светлого будущего» или блажь теоретиков и экологов-экстремистов. Напротив, учёные и «зелёные» остро осознают необходимость преодоления тенденций индустриального развития, изменения «качеств» технологических и социальных процессов, дефицит действительно новых технологий и компетентного управления на всех уровнях власти. Они лишь сетуют на недостаток внимания властью к проблемам рационального природопользования, модернизации хозяйственной практики и недостаточное финансирование соответствующих НИОКР и инновационных проектов. Однако и в этих условиях необходимо конкретизировать концепцию движения к экоустойчивости и создавать механизмы её реализации, которые заведомо будут различны в разных регионах и городах. Разумных альтернатив этой стратегии сегодня нет, но есть немало альтернативных путей достижения экоустойчивости в разных городах и регионах.

Поэтому, реалистически оценивая особенности современной социально-экономической и социокультурной ситуации в Украине, не впадая в апологию концепции экоустойчивого развития, необходимо всесторонне изучать предпосылки, возможности и помехи её реализации в каждом регионе и городе [5,8,14]. При этом важно вырабатывать новые подходы к территориальному развитию, которые позволят при принятии стратегических решений актуализировать и объединять знания и методы разных профессиональных сфер. Научные исследования, высшая школа, законодательство, стратегическое планирование, градостроительное и архитектурно-строительное проектирование, муниципальный менеджмент, традиционный и инновационный бизнес — каждому этому профессиональному институту предстоит выполнить свои функции по обеспечению экоустойчивости регионов и городов, которые в Повестке дня на XXI век [2,3] намечены лишь в самых общих чертах.

Концепция экоустойчивого развития побуждает к формированию новых представлений о городе как форме организации жизнедеятельности больших человеческих сообществ, обновлению средств анализа городских проблем, обоснованию новых ориентиров городского развития, обновлению постановок задач стратегического управления.

Решения стратегических задач перехода к экоустойчивому развитию также невозможно без системного видения как текущей ситуации в НИС и сфере образования, так и желаемых моделей их будущих состояний. Для того, чтобы названные преобразования были адекватны тем задачам, которые необходимо решать при переходе к экоустойчивому развитию, необходимы системные концепции развития НИОКР и инновационного бизнеса в стране, ее регионах, крупнейших и крупных городах [10-12]. Их разработка необходима для обоснования научно-технической и инновационной политики на государственном, региональном и городском уровнях, реализующих её конкретных научных и научно-технических программ. В свою очередь для разработки таких концептуальных и программно-целевых комплексов необходимы системная методология и разнообразный теоретико-методический инструментарий, позволяющий планировать и осуществлять междисциплинарные исследования и проекты преобразований городской среды.

Методологию разработки стратегий движения городов к экоустойчивости должны составить цели и методы, обеспечивающие достижение высокого качества жизни в городе при одновременном существенном суммарном снижении ресурсозатрат в сферах производства и потребления, уменьшении детериорации природной среды. Достижение этих целей предполагает мобилизацию всех средств регулирования городских процессов и активизацию исследований и разработок, ориентированных как непосредственно на город, так и на технологии производства и потребления товаров и услуг. Таким образом концепция экоустойчивого развития очерчивает вполне определённые контуры научно-технической и инновационной политики в городах и регионах. Для её разработки необходимо собственное научно-методическое обеспечение, позволяющее определять содержание и схемы научных исследований и разработок [7,8,14].

В самом общем виде направления фундаментальных и прикладных исследований и разработок, необходимых для формирования стратегий перехода к экоустойчивому развитию можно охарактеризовать следующими стратегическими требованиями.

- В социальной сфере: рационализировать социальные потребности, снизить сверхпотребление богатых и недопотребление бедных; создать экоэтику и новую культуру потребления.

- В сфере технологического развития: расширить технологические возможности использования возобновимых ресурсов, глубокой переработки и рециклинга, снижения загрязнений и нарушений природной среды, а также ренатурализации экосистем и биосферы в целом.

- В сфере экономического поведения: модернизировать критерии и методики оценки экономической целесообразности, учитывая необходимость сохранения общего природного достояния; в расчетах экономической целесообразности учитывать оценки запасов исчерпаемых ресурсов.

- В сфере охраны природы и природопользования: на базе новых научных знаний определять уточнять и систематизировать экологические императивы, устанавливать региональные и городские квоты потребления невозобновимых ресурсов, пределы возможных нарушений и самовосстановления экосистем; реализовывать программы экологических преобразований хозяйственных систем, промышленных технологий, проводить экореконструкцию поселений, прививать новую культуру потребления, отвечающую экологическим императивам.

Модернизация системы градоуправления связана с решением множества теоретических и организационно-практических задач, направленным на более полное определение, изучение и использование потенциала развития города и его внешних условий [8,14]. Прежде всего этот

комплекс исследований должен раскрывать не только ресурсную базу, но и человеческий капитал города, который в отличие от неё может быть приумножен. К сожалению, этот феномен в прежнем советском градостроении практически не изучался, поскольку горожане рассматривались сугубо функционально. В практике городского планирования горожане учитывались преимущественно как «трудовые ресурсы» (наряду с природными и инвестиционными) и потребители коммунальных услуг, но не как полноправные субъекты местного самоуправления и истинные носители целей и средств социального развития.

В период становления городского самоуправления исследования потенциала развития города должны стать источником ценных знаний о возможностях города, которые можно использовать для усиления народнохозяйственных и социально-культурных функций города, создания устойчивого инновационного климата, повышения инвестиционной привлекательности города. В свою очередь, условием более полного использования человеческого капитала является предоставление жителям города социальных прав и гарантий, экономических и политических свобод. Их предпринимательская деятельность должна направляться на развитие и обогащение города, способствовать повышению благосостояния горожан и, соответственно, консолидации и укрепления городского сообщества.

Создание в посттоталитарном обществе новых механизмов городского управления на принципах самоуправления и местной демократии означает внедрение и освоение определенных социально-институциональных инноваций [15]. Это сложный и длительный процесс преобразований, на пути которого существуют социально-психологические и организационные преграды. Для их преодоления также нужны разноплановые научные знания и инновации. При этом следует подчеркнуть важную роль наук общественно-гуманитарной направленности. До последнего времени они не уделяли достаточного внимания городу как сложной и весьма динамичной системе общежития большого числа людей с разными интересами и возможностями. В советском градостроении так и не сложились в необходимой полноте *социология города* и *экономика города*, подобно тому, как это произошло на Западе, где эти дисциплины стали значительной частью фронта теоретических исследований и важнейшим источником знаний для муниципального управления [16, 17].

По мере становления городского самоуправления в Украине предстоит восполнить дефицит этих и связанных с ними знаний, то есть расширить социологические и экономические исследования, необходимые для выработки и отладки механизмов реализации основополагающих принципов городского общежития. Прежде всего это касается принципа субсидиарности и принципа «общности жизненного пространства», которые заложили основу философии и практики коммунального самоуправления в европейских странах и реализуются на протяжении столетий.

В идеале стратегическим ориентиром развития городов должно стать достижение режима экоустойчивости, при котором поддерживается согласованность экономических, экологических и социальных процессов ради сохранения природного и культурного достояния, создания полноценной жизненной среды для современного и последующих поколений [1-4]. Этим определяются главные направления научных исследований и разработок, результаты которых необходимы для преобразования существующих и создания новых производственных, потребительских и управленческих технологий, существенно снижающих ресурсопотребление и выбросы отходов, загрязняющих биосферу. При определении направлений НИОКР, связанных с перспективами развития города, естественно главное внимание сосредоточить на изучении города как продуктивной системы, которая выполняет множество внутренних и внешних функций, поглощает ресурсы всех видов, служит источником загрязнений и детериорации природной среды.

Для упорядочения проблем перехода регионов и городов к экоустойчивому развитию и представлений о возможностях их разрешения предпринимаются попытки разработать методологический проект предстоящих аналитических исследований и прогнозных разработок [18,19]. Проект ориентирован на решение ряда методологических и теоретических задач и разработку обоснований стратегического планирования и управления территориальным развитием. Разработка проекта предполагает:

- конкретизацию идей экоустойчивого развития применительно к регионам и городам;
- систематизацию и изучение существующих методологических и теоретических подходов к анализу текущего состояния и прогнозированию развития регионов и городов в долгосрочной перспективе;
- построение концептуального и теоретико-методического инструментария для выявления и анализа современных региональных и городских проблем, определения путей их решения;

- изучение возможностей и препятствий перехода регионов и городов к экоустойчивому развитию, постановку соответствующих проблем для субъектов территориального планирования и управления;
- разработку рекомендаций по изменению философии потребления и природопользования, обновлению экоэтики, коррекции стереотипов поведения граждан;
- изменение схем и методов планирования и управления развитием регионов и городов на основе принципов местной демократии и самоуправления;
- определение направлений и содержания НИОКР, необходимых в качестве научной поддержки процессов перехода к экоустойчивому развитию;
- выявление и постановку задач инноватики (разработки и реализации технологических, организационных и социальных инноваций) для последовательной экономии энергии, экоресурсов и невозобновимых минерально-сырьевых ресурсов, а также снижение детериорации в регионах и городах.

Проект базируется на системной парадигме и представляет программу разработки целостной методологии описания и анализа регионов и городов, присущих им функций и структур, множества параллельно протекающих процессов жизнедеятельности населения, их позитивных и негативных последствий. Согласно этой методологии последовательно применяются системные представления и методы, в совокупности раскрывающие картины реального функционирования территориальной социально-экономической системы (региона, города), а также перспективы её развития в различных вариантах. Системные описания и анализ изучаемого объекта выполняются на нескольких уровнях — от теоретико-концептуального до конкретно-предметного. При этом последовательно дезагрегируются и специфицируются все функциональные системы и подсистемы (региона, города), отношения, связи и взаимодействия между ними. Их описания доводятся до той степени детализации, которая необходима для обоснований стратегических и оперативных решений. Применяется много- и междисциплинарный подход. Регион, город рассматривается во многих аспектах как сложная полисистема, в которой воспроизводится жизнедеятельность регионального или локального сообщества.

Главное внимание сосредотачивается на изучении региона и города как продуктивной системы, выполняющей множество внешних и внутренних функций, поглощающей ресурсы всех видов, одновременно служащей источником загрязнений и причиной детериорации природной среды. Изучение региона и города строится дедуктивно: объект последовательно описывается и анализируется как черный, серый и прозрачный ящик. Исходным является представление об объекте как об открытой системе, состоящей в отношениях обмена (энергией, природными ресурсами, материалами, людьми, информацией, деньгами и т.д.) и взаимных влияний с внешней средой. Далее город моделируется и анализируется как каскадная система, через которую проходят различные потоки, с разной эффективностью используемые для создания полезной продукции и условий жизни для горожан. Таким же образом моделируются городские подсистемы, выполняющие весьма разные (по ценности для сообщества и вредности для природной среды) функции. Их параллельное рассмотрение и анализ взаимодействий между ними возможны благодаря применению метода структурных матриц [20], который позволяет в строгой логической взаимоувязке разрабатывать разноуровневые структурно-функциональные описания города (с разной степенью полноты и детализации). Разработка структурных матриц города и его подсистем является необходимым этапом создания взаимосвязанных имитационных моделей, отражающих разные стороны и аспекты городского функционирования и развития. Анализ таких описаний и имитационных (компьютерных) экспериментов позволяет диагностировать и оценивать городские проблемы, системно ставить и решать в непосредственной взаимосвязи задачи прогнозирования, планирования, проектирования города и защиты природной среды, управления процессами целенаправленных городских изменений. Такое исследование реальной и прогнозной городской динамики имеет принципиально междисциплинарный характер, создаёт необходимую интеллектуально-информационную базу для принятия стратегических решений.

Результаты таким образом организованного системного анализа и прогнозирования городского развития позволяют определять направления и пути его перевода на режим экоустойчивости, формулировать конкретные задания для городских подсистем, ставить цели для разных сфер и видов деятельности, прежде всего для сферы планирования и управления, НИОКР и инновационного бизнеса.

Охарактеризованная методология ориентирована на организацию межпрофессиональных взаимодействий различных ученых, специалистов и менеджеров, участвующих в обосновании и реализации долгосрочной городской и региональной политики.

Литература

1. *Наше общее будущее*. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР): Пер. с англ. / Под ред. и с послеслов. С.А. Евтеева и Р.А. Перелета / — М.: Прогресс, 1989. — 376 с.
2. Программа действий. *Повестка дня на 21 век и другие документы конференции в Рио-де-Жанейро в популярном изложении. Публикация Центра “За наше общее будущее”*. — Женева, 1993. 70 с.
3. Програма дій “Порядок денний на XXI століття” / Пер. з англ.: ВГО “Україна”. *Порядок денний на XXI століття*. — К.: Інтелсфера, 2000. — 360 с.
4. *Йоханнесбургський меморандум*. Справедливість в хрупкому мирі. Меморандум ко Всесвітньому самміту по устійчивому розвитку / Колектив авторів, Фонд ім. Генріха Белля. — М.: ОГИ, 2002. — 95 с.
5. Заец Р.В. *Концепція устійчивого розвитку: регіональні та городські аспекти* // *Белорусский экономический журнал*, 2000, № 2. — С. 97–107.
6. Заец Р.В. Устойчивое развитие: от идеи к практике // *Проблемы науки*, 2000, № 12, с. 2–13.
7. Заец Р.В. *Роль науково-технічної політики при переході до сталого розвитку* // *Проблемы науки*, 2001, № 8. С 7–13; *продовження* № 9. с.3–12.
8. Заец Р.В. *Системний погляд на інноваційний розвиток великого міста за критеріями екостійкості* // *Наука та наукознавство*, 2002, № 4. Додаток. *Матеріали II Добровської конференції з наукознавства та історії науки (12–13 березня 2002 р.)*. — К.: Фенікс, 2003. — С. 145–162.
9. *Наука для XXI века. Новые обязательства / Всемирная конференция по науке. Будапешт, Венгрия, 26 июня – 1 июля 1999 г. Основные документы*. — Париж: ЮНЕСКО, 2000. — 56 с.
10. Кір’ян В.А. *Промисловості Києва — інноваційний шлях розвитку* // *Промисловості міста — інноваційний шлях розвитку / Матеріали Київської міської науково-практичної конференції*. — К.: ТОВ «ДІА», 2002. — С. 5–16.
11. Маліцький Б.А. *Концептуальні положення інноваційного розвитку столичного регіону та проблеми вдосконалення управління* // *Промисловості міста — інноваційний шлях розвитку / Матеріали Київської міської науково-практичної конференції*. — К.: ТОВ «ДІА», 2002. — С. 16–20.
12. Заец Р.В. *Проблеми науково-методичного забезпечення інноваційного розвитку міста за критеріями екостійкості* // *Промисловості міста — інноваційний шлях розвитку / Матеріали Київської міської науково-практичної конференції*. — К.: ТОВ «ДІА», 2002. — С. 99–108.
13. *Налимов В.В.* Требування к изменению образа науки // *Проблема знания в истории науки и культуры*. — СПб.: Алетейя, 2001; М.: ИИЕТ РАН, 2001. с. 6–26.
14. Заец Р.В. *Проблеми обоснования приоритетов региональной научно-технической политики* // *Наука та наукознавство*, 2001, № 4. Додаток. *Матеріали I Добровської конференції з наукознавства та історії науки (13–14 березня 2001 р.)*. — К.: Фенікс, 2002. С. 60–77.
15. *Газарян А.* Некоторые теоретические предпосылки и проблемы организации самоуправления в пост-тоталитарном обществе. — Клайпеда: Центр исследования проблем самоуправления, 1992. — 129 с.
16. *Гидденс Э.* Социология. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 704 с.
17. *О’Салливан А.* Экономика города. — 4-е изд.: Пер. с англ. — М.: ИНФРА-М, 2002. — XXVI, 706 с.
18. Заец Р.В. *Методологический проект перехода регионов и урбосистем к устойчивому развитию* // *Проблемы регионального и муниципального управления: Тезисы докладов и сообщений международной конференции*. Москва, 27 - 28 мая 1999 г. — М.: РГТУ, 1999. — С. 192 - 195.
19. Заец Р.В. *Методологический анализ проблем перехода регионов и городов к экоустойчивому развитию* // *Устойчивое развитие городов. Урбанистика. Управление жизнедеятельностью городов / Коммунальное хозяйство городов. Научно-технический сборник. Вып. 37*. — Киев: Техника, 2002. — С. 29–34.
20. *Шатихин Л.Г.* Структурные матрицы и их применение для исследования систем — М.: Машиностроение, 1991. — 256 с.

Н.Н. Логинова

МАЛЫЕ ГОРОДА: МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

(на примере Республики Мордовия)

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 02-06-80357)

"Малый город" - это самая распространенная и, одновременно, слабо изученная категория среди городов. В большинстве своем все города начинали жизнь в качестве малых. Но только некоторые из них стали крупными и крупнейшими. В сети городов страны или ее отдельного региона малые города занимают особое положение. Категория малых городов отличается не только количественными (числом жителей), но и качественными (социально-экономическими и социально-культурными) характеристиками. Это города определенного функционального типа.

Малый город как самостоятельная категория в классификации городских поселений был выделен В.П. Семеновым-Тянь-Шанским еще в начале XX в. Его выделение основывалось на критерии численности населения и выполняемых экономических функций.

В настоящее время по классификации Госстроя к малым городам относятся населенные пункты с числом жителей до 50 тыс. чел. В работах В.Г. Давидовича, О.А. Константинова, Б.С. Хорева верхняя граница людности определяется в 20 тыс. жителей. Группировка городов, предложенная Н.Т. Агафоновым, предполагает людность малого города до 70 тыс. чел. Нижней границей чаще всего признается рубеж в 10 тыс. жителей.

Но критерии не сводятся только к числу жителей. В основу типологии городов кладутся и другие параметры, например, социально-экономического и социально-культурного характера. Поэтому важнейшую роль в характеристике городов играет функциональный профиль. Мы считаем, что характер социально-экономических проблем города во многом зависит от его людности. Но острота этих проблем часто с величиной города не связана. Например, проблема занятости и безработицы в малых городах проявляется острее, чем в крупных и крупнейших.

Малые города развивают функции в основном не требующие значительной концентрации населения и ресурсов и самостоятельно не обеспечивают полного комплекта городской жизни, но проявляют удивительную устойчивость в пространстве и во времени. В Российской Федерации группа "малые города" насчитывает порядка 884 из 1066, в них проживает около 30 млн. чел., т.е. каждый четвертый горожанин.

В Республике Мордовия из 7-ми городов к категории "малых" мы относим 6. Самые крупные из них - г. Рузаевка (50 тыс. жителей) и г. Ковылкино (22 тыс.) - это города республиканского подчинения. Четыре города - Ардатов, Инсар, Темников и Краснослободск - города районного подчинения. Численность жителей в каждом составляет 9 - 11 тыс. Максимальная численность населения в них была отмечена в 1996-1997 гг. - 116,9 тыс.

Малые города республики - важные структурно-функциональные элементы региональной системы расселения. Они выступают в качестве необходимого промежуточного звена в организации взаимосвязанного развития сети сельских населенных пунктов с крупными городами и обеспечивают тесный непосредственный контакт с деревней в экономической и социальной плоскостях. Малый город играет роль "столицы" сельского района и является опорным пунктом региональной системы расселения. Проблема малых городов стала узловой в проблеме реконструкции регионального расселения. В Республике Мордовия малые города являются основным элементом всей системы расселения и играют важную роль в территориальной организации производительных сил.

Республика Мордовия, имея вполне сложившуюся систему городского расселения, характеризуется весьма небольшим преобладанием городского населения - 59,9% (2003 г.). Уровень урбанизации - один из самых низких среди регионов Приволжского Федерального округа. Система городского расселения Мордовии на фоне регионов Приволжского Федерального округа характеризуется следующим образом (табл.1).

Урбанизационный переход в РМ был пройден лишь в 1983 г. В 90-х гг. темпы урбанизации замедлились и составили всего 0,1-0,2% в год. При некотором увеличении доли городского населения абсолютная численность горожан неуклонно снижается. к 2002 г. она уменьшилась до уровня 1989 г. и составила 545 тыс. чел. Доля Саранска в городском населении республики составила 57%, доля малых городских поселений - 43%, в том числе малые города - 20,7% и ПГТ - 22,3%. Таким образом, основой городской системы расселения в РМ являются малые города и ПГТ. Большая часть малых городов (более 50%) имеют людность от 5 до 10 тыс. жителей. Распределение малых городов и поселков городского типа по людности показано в таблице 2.

Таблица 1.

Региональные системы городского расселения (2001 г.)

Регионы	Городское население, тыс.чел.	Доля, %	Число городов	Число малых городов	Доля, %	Доля столицы в населении
Республика Мордовия	545	59,9	7	6	85,7	33,9
Нижегородская обл.	2868	78,3	27	19	70,4	37,0
Пензенская обл.	989	64,6	11	9	81,8	34,8
Ульяновская обл.	1074	73,4	6	4	66,7	45,6
Чувашская респ.	831	62,1	9	7	77,8	34,3
Респ. Марий Эл	471	62,1	4	2	50,0	32,8
Самарская обл.	2652	80,5	11	6	54,5	35,1
Респ. Удмуртия	1134	69,6	6	2	33,3	40,0
Респ. Башкортостан	2682	65,3	21	11	52,4	26,5
Респ. Татарстан	2795	73,9	20	11	55,0	29,1

Таблица 2.

Распределение малых городских поселений РМ по людности, 2002 г.

Людность поселений, чел.	Малые города				Поселки городского типа			
	Число	%	Кол-во жителей, тыс. чел.	%	Число	%	Кол-во жителей, тыс. чел.	%
Менее 3000	-	-	-	-	2	11,1	3,8	3,1
3000-5000	-	-	-	-	5	27,8	20,9	17,2
5000-10000	3	50,0	28,3	25,0	8	44,4	60,3	49,7
10000-20000	1	16,7	11,7	10,4	3	16,7	36,3	30,0
20000-50000	2	33,3	73,0	64,6	-	-	-	-
Итого:	6	100	113,0	100	18	100	121,3	100

Сеть малых городов республики сохраняет свою устойчивость на протяжении нескольких десятилетий, а средний размер малого города (18,8 тыс. жителей) остается практически постоянным уже 20 лет. Четыре из шести малых города имеют возраст около 400 лет - это Инсар, Краснослободск, Темников и Ардатов. В XVII в. в мордовском крае наиболее крупными поселениями были Саранск и Темников, менее значительными - Краснослободск и Инсар. Зажиточная часть посадских жителей занималась торговлей, менее зажиточная - земледелием.

Уже в XVIII в. в городах мордовского края наблюдался хозяйственно-демографический кризис. Рост населения был незначительный и гораздо ниже, чем в русских уездах Нижегородской, Пензенской и Саратовской губерний. В 1707 г. большие отряды солдат были переведены на строительство Таганрога, в 1705 г. производится мобилизация солдат на войну со Швецией, в 1712-1714 гг. большое количество рабочих людей отправляются на строительство Санкт-Петербурга, Воронежской и Азовской судоверфей, в 1716 г. - на строительство Кронштадтской гавани.

В XVIII в. более крупных городах развивалось садоводство, а хлебопашество сохраняется преимущественно в малых. Земледельческая специфика городов проявлялась в структуре финансов: главную статью доходов городского хозяйства составляли городские земли, сдаваемые с торгов под хлебопашество и сенные покосы. Но во второй половине XIX в. хлебопашество в малых городах стало постепенно исчезать, горожане стали заниматься садоводством и огородничеством, и крестьянское сословие снизилось до 36%. В Мордовских городах развивался гончарный промысел, кружевной в Темникове, садоводство в Краснослободске, ремесленные курсы в Краснослободске и Инсаре. В XIX в. быстрорастущим по населению был г. Темников, город торгово-ремесленный, ежегодно проводивший Ильинскую ярмарку. Здесь преобладали городские сословия. Ардатов был городом аграрным, а Краснослободск еще в первой половине XIX переориентировался от аграрного к торгово-промышленному поселению, здесь проводилась Архангельская ярмарка. В Инсаре в XIX имел место застой всех видов деятельности. Земледелие является самым распространенным хозяйственным занятием горожан.

Первая перепись населения России, проведенная в 1897 г., отразила социально-демографическую структуру мордовских городов. Численность населения в г. Саранске составила 14,5 тыс., в Краснослободске - 7,3 тыс., Инсаре - 4,2 тыс. чел. В уездном городе Саранске проживало в 4 раза меньше жителей, чем в губернском (Пензе - 59,9), а в заштатном Шишкее - в 4 раза меньше, чем в Саранске. В этническом составе преобладали русские - 98-99%, а по конфессиональному составу - православные. Мордва и татары в городах составляли незначительную долю населения.

Анализ городских сословий показывает, что даже в губернском центре самой многочисленной частью горожан являются крестьяне. В Саранске их доля составляет 67%. Мещане составили 27%, а доля дворян всего 2,5%.

Среднегородской показатель грамотности составлял 28%. В Пензе, Саранске, Инсаре и Краснослободске уровень грамотности был выше, чем в среднем по городам России, а в Шишкее, - ниже. Университетское образование имели лишь жители Саранска.

Социальная структура городов различна. В XVII- XVIII вв. в городах мордовского края доминирует культура крестьянская, в XIX в. - разночинская, в начале XX в. - разночинская и пролетарская, в незначительной степени - буржуазная.

Таким образом социологический портрет городов мордовского края можно составить по материалам первой переписи. Самый крупный по численности населения - Саранск - это город с

крестьянским населением, основное занятие горожан - ремесло и промышленность, уровень грамотности высок, среди жителей есть люди с высшим образованием. Краснослободск - город с крестьянским населением, высока доля духовенства, основное занятие - земледелие, уровень грамотности горожан высок. Инсар - город с мещанским населением, основное занятие - ремесло, население отличается высокой грамотностью.

В Мордовии как и в России в целом, наблюдается небольшое увеличение доли малых городов в общей численности населения. Так, с 1990 по 2001 гг. население малых городов увеличилось с 111,7 до 115,1 тыс., в то время как общая численность населения, сократилась с 964,2 до 920,3 тыс., а городское, выросло с 551,3 до 553,9 тыс. Максимальная численность городского населения - 562,4 тыс., - составила в 1996 г. В республиканской системе городского расселения отсутствует звено средних по людности городов. Это свойственно также и многим другим регионам Нечерноземной зоны РФ, например, Рязанской и Костромской обл., Республике Карелия. Поэтому функции межрайонных центров выполняют малые города.

Среди малых городов РМ мы выделяем четыре типа по доминирующим признакам:

1 - наличие ограниченного количества предприятий, на которых работает большинство населения данного города (гг. Рузаевка, Ковылкино);

2 - наличие предприятий-филиалов головного завода, расположенного в столице г. Саранске (гг. Темников, Ардатов);

3 - находится в зоне влияния г. Саранска (г. Рузаевка);

4 - наличие 400-го периода развития. Города, возникшие как военно-стратегические центры и сохранившиеся к настоящему времени. Они существуют продолжительный период времени без особых взлетов и падений - это гг. Инсар, Темников, Краснослободск, Ардатов.

Переходный период 90-х гг. XX в. в заметной мере формирует социально-демографические проблемы и перспективы развития малых городов.

Социально-демографические перемены переходного периода.

Социально-демографическая ситуация в малых городах РМ, как и в Российской Федерации в целом, остается сложной. Причины ухудшающегося демографического положения в малых городских поселениях, а особенно в её столице – г. Саранске, – многоплановы, глубоки и отражают происходящие процессы в социальной, экономической, политической и культурной жизни региона. В Саранске, по сравнению с другими городами, сложившаяся в настоящее время ситуация выглядит ещё более удручающей. За период 1995 – 2000 гг. численность населения города и подчиненных его администрации населенных пунктов сократилась на 8,8 тыс. чел.

Для демографической ситуации, сложившейся на рубеже XX-XXI вв. в большинстве малых городов Мордовии, характерен ряд особенностей

1. Низкий уровень рождаемости и более высокие показатели смертности привели к тому, что в городских поселениях с 1993 г. стала отмечаться устойчивая естественная убыль населения (в 2001 – 4,5%). Во всех без исключения малых городах РМ естественный прирост к 2001 г. был сменен естественной убылью населения. Особо сложная ситуация при этом сложилась в 4 малых городах: Рузаевке (-8,3%), Ардатове (-8,2%), Инсаре (-9,2%), Темникове (-6,3%) [2]. Наблюдаемые в республике в целом процессы снижения рождаемости, естественного прироста и старения населения проявляются в малых городах наиболее болезненно.

С начала 90-х годов произошло существенное сокращение рождаемости во всех городах республики (с 14,6% в 1990 г. до 8,1% в 2001 г.) [2]. Связано это с низкой численностью женщин в возрасте 20-29 лет. Доля женщин этой группы, в основном, не превышает 14-14,5%. Наиболее низкий коэффициент рождаемости в 2001 г. был характерен для г. Темникова (6,4%). Вместе с тем, в последнее время наблюдаются определенные позитивные сдвиги в некоторых малых городах республики: период 1999-2001 гг. был отмечен увеличением числа родившихся в гг. Ардатов и Краснослободск – на 1,2%, в Инсаре – на 2,5%. [4]. Однако, сложившийся уровень рождаемости не обеспечивает даже простого замещения родителей их детьми (суммарный коэффициент рождаемости у городского населения не превышает 1,1). Отмечается, что рождение ребенка уменьшает среднедушевой доход в семье на 20-30%, поэтому многие семьи преимущественно ориентированы только на 1 ребенка.

В малых городах республики с начала 90-х гг. сокращение рождаемости происходило на фоне неуклонного роста смертности. Наибольшие показатели смертности населения в 2001 г. отмечались в Инсаре (18%), Ардатове (16,0%), Рузаевке (15,9%). Подобную тенденцию обуславливают многие обстоятельства, прежде всего: распад системы государственного здравоохранения и снижение качества медицинского обслуживания, недостаточный уровень социального обеспечения, ухудшение

баланса питания, дороговизна лекарств. В 2001 г. особенностью демографических процессов во многих малых городах являлось двукратное превышение величины смертности над рождаемостью. В структуре причин смертности городского населения основная доля приходится на болезни системы кровообращения (66%), на втором месте по значимости (12%) – несчастные случаи и травмы, смерть от новообразований (11%) – на третьем месте. В 4 малых городах (за исключением Краснослободска и Темникова) смертность мужчин значительно превышала в 2001 аналогичный показатель у женщин (особенно в группе населения трудоспособного возраста) (табл.3).

Таблица 3.

Естественное движение населения малых городов РМ (на 1000 населения)

Город	Родившиеся			Умершие			Естественный прирост (убыль)		
	1990	1996	2001	1990	1996	2001	1990	1996	2001
АРДАТОВ	14,5	6,3	7,9	11,1	12,4	16,7	+ 3,4	- 6,1	-8,8
ИНСАР	16,1	9,0	8,2	11,1	12,3	17,4	+ 5,0	- 3,3	- 9,2
КОВЫЛКИНО	12,4	9,2	7,6	11,6	12,3	12,3	+ 0,8	- 3,1	- 4,7
КРАСНОСЛОБОДСК	14,6	8,2	8,8	8,6	9,8	10,3	+ 5,9	- 1,6	- 1,5
РУЗАЕВКА	3,7	8,3	8,1	10,6	12,9	15,6	+ 3,1	- 5,6	- 7,5
ТЕМНИКОВ	13,7	7,2	6,4	12,2	12,0	14,8	+ 1,5	- 4,8	- 8,4

2. Важнейшим фактором, который ведет к сокращению численности населения малых городов, особенно в восточной части республики, является миграционный отток. Положительный миграционный прирост среди 6 малых городов Мордовии в 2001 г. имели только 2 – Рузаевка и Инсар (в 1999 – +5 чел.). Наибольший отток жителей происходил из г. Темникова (-187 чел) и Краснослободска (-56 чел) [3]. Следует заметить, что в Темникове, Краснослободске, а также Ардатове и Ковылкино, наметилась устойчивая тенденция увеличения миграционной убыли населения. Массовый миграционный отток жителей малых городов РМ обусловлен комплексом причин социально-экономического характера: низким уровнем жизни населения, сложной ситуацией на рынке труда, недостаточно высокими темпами развития отраслей промышленности, высокими ценами на строящееся жилье, слабым развитием системы высшего и среднего специального образования. С 2001 г. миграционный прирост сменился убылью населения в самом молодом городе республики – Ковылкино; подобного развития ситуации в ближайшие годы следует ожидать и во втором по численности населения и значению г. Рузаевке.

Более половины миграционного оборота жителей городов республики занимает внутриреспубликанская миграция, преимущественно из сельской местности. Малые города республики часто выступают в качестве перевалочных пунктов для сельских жителей, вынужденных мигрировать в столицу или за пределы республики. Миграционная убыль в наибольшей степени затрагивает молодежь в возрасте 20-24 года и старше. Молодые люди из малых городов выезжают в столицу республики и за ее пределы на учебу или в поисках работы, что крайне негативно сказывается на интеллектуальном потенциале городов, существенно деформирует половозрастную структуру населения, снижает качество и квалификацию трудовых ресурсов (табл.4).

Таблица 4.

Компоненты прироста городского населения РМ, 1990-2001, тыс. чел.

Годы	Общий прирост (убыль)	Естественный прирост (убыль)	Миграционный прирост (убыль)
1990	+ 7,4	+ 2,9	+ 4,5
1991	+ 5,8	+ 2,1	+ 3,7
1992	+ 1,7	+ 0,6	+ 1,1
1993	0	- 0,9	+ 0,9
1994	+ 0,6	- 1,6	+ 2,2
1995	+ 0,5	- 1,2	+ 1,7
1996	- 0,5	- 1,3	+ 0,8
1997	- 1,4	- 1,7	+ 0,3
1998	- 1,2	- 1,6	+ 0,4
1999	- 2,1	- 2,3	+ 0,2
2000	- 2,6	- 2,1	- 0,5
2001	- 3,7	- 2,5	- 1,2

3. Малые города отличаются крайне неустойчивой брачной ситуацией. На фоне увеличения числа зарегистрированных браков в 1998 – 2001 гг. на 21% происходит еще более стремительный рост разводов (на 73% за тот же период). Кроме этого, постоянно растет число неоформленных брачных союзов. О непрочности и недолговечности заключаемых браков свидетельствуют данные о количестве разводов. Так, в 2001 г. на 4209 браков (7,6%) пришлось 3064 (5,6%) развода. На каждую 1000 браков в городах РМ приходится 728 распавшихся. Число разводов за десятилетие в гг. Ковылкино, Ардатов и Инсар выросло почти вдвое. Относительно благополучно семейное положение в г. Темникове, где в 2001 г. было заключено 108 браков, а распалось – 28 [1]. Среди населения малых городов в подобной ситуации семейные ценности во многом утрачивают свое значение, роль семьи в обществе снижается.

4. Неблагоприятное соотношение полов: численное преобладание женщин над мужчинами. Возрастно-половые диспропорции и процессы старения населения выражены в малых городах РМ особенно ярко. Так, численность женщин превысила численность мужчин на 47 тыс. чел. (особенно велико преобладание женщин в старших возрастных когортах). Характерно, что в гг. Рузаевка, Краснослободск, Темников и Ардатов, женщины преобладают также и в молодежной группе (16 – 29 лет).

5. В городских поселениях практически исчерпаны возможности воспроизводства населения в трудоспособном возрасте (которые еще сохраняются в прилегающей сельской местности). Городское население отличается неуклонным снижением доли детей (18,2% в 2002 г.) и повышением доли населения старших возрастов (17,8%). В Темникове, Краснослободске, Инсаре и Ардатове к настоящему времени сложилась возрастная структура населения, где каждый четвертый житель достиг пенсионного возраста, что значительно увеличивает демографическую нагрузку на трудоспособное население (в Инсаре – 823 чел., в Темникове – 808 чел. на 1000) [1]. Среди других малых городов особо выделяется г. Ковылкино, которому как молодому городу присуща самая высокая в республике доля молодежи и населения в трудоспособном возрасте (63,3%). Это единственный в республике город, где доля детей выше доли «стариков», что позволяет оценить демографическую ситуацию как достаточно благоприятную (табл.5).

Таблица 5.

Показатели, характеризующую демографическую ситуацию в малых городах РМ (на 1000 населения)

<i>ПОКАЗАТЕЛИ</i>	<i>1990</i>	<i>1994</i>	<i>1997</i>	<i>2000</i>	<i>2001</i>
Рождаемость	14,3	9,3	8,1	7,8	8,1
Смертность	9,0	12,3	11,1	12,8	12,6
Естественный прирост (убыль)					
Суммарный коэффициент рождаемости	+ 5,3	- 3,0	- 3,0	- 5,0	- 4,5
Брачность	1,76	1,18	1,03	0,98	1,01
Разводимость	8,3	7,2	6,7	6,7	7,6
Младенческая смертность	3,7	4,6	4,1	4,5	5,6
Средний размер семьи (чел.)	19,9	15,3	14,0	10,1	9,9
Миграционный прирост (убыль)(чел.)	3,3	2,9	-	-	-
Ожидаемая продолжительность жизни (лет)					
	4486	2182	265	-557	-1248
	70,4	66,5	68,5	67,2	67,7
Распределение населения по полу (%):					
Мужчин	45,9	46,1	46,0	45,8	45,8
Женщин	54,1	53,9	54,0	54,2	54,2
Распределение населения по возрасту (%):					
0 – 15	25,2	23,8	22,0	19,7	18,9
м.16 – 59, ж. 16 – 54	59,9	60,2	60,9	62,9	63,6
м.60 и ст., ж. 55 и ст.	14,8	16,0	17,1	17,4	17,5

6. Демографические особенности малых городов во многом зависят от положения города в системе расселения республики. Поселения, расположенные на важнейших транспортных

магистралях и в непосредственной близости от Саранска, имеют лучшую половозрастную структуру, в них менее выражен процесс старения населения. Такие города (например, Рузаевка и Инсар) являются более притягательными для миграционных потоков. По мере удаления от столицы наблюдается обратный процесс. Для таких городов, как Темников, Краснослободск характерны: наибольший механический отток и крайне низкие показатели воспроизводства населения (табл. 5).

Малые города РМ относятся к депрессивным территориальным сообществам. Кризисное состояние современного хозяйства малых городов характеризуется не только падением производства, дефицитом бюджета, инфляцией, но и общим падением уровня и качества жизни населения, деградацией социальной сферы, в том числе и жилищного хозяйства, а следовательно, ухудшением качества населения. Малые города теряют свой интеллектуальный потенциал, среди населения наблюдается падение нравов и моральных принципов, растут бедность и нищета, понижается уровень образования, имеет место суицид и социальное нездоровье. Малый город самостоятельно не обеспечивает полный комплекс городской культуры и образования.

Изучая малые города РМ, мы обратили внимание на перемены переходного периода:

- стали центрами реальной демократии и полноправными субъектами гражданского общества;
- появились новые производственные и непроизводственные структуры;
- окрепли позиции частной собственности;
- появились условия для социально-экономических преобразований;
- стало укрепляться социально-экономическое положение;
- формируется новая городская собственность, которая станет сильным рычагом воздействия на ситуацию в городе;
- создается устойчивая финансовая база для развития.

Таким образом, мы видим неравномерность развития малых городов РМ и разные возможности осуществления в них реформ. И, если уже есть города, способные к самоуправлению, необходимо дать им простор для более быстрого развития. В РМ в такую группу городов могли бы войти, в первую очередь, гг. Рузаевка и Ковылкино, имеющие большие потенциальные возможности для своего социально-экономико-демографического развития.

Литература

1. Демографический ежегодник РМ. Госкомстат РМ. Саранск, 2002.
2. Естественное движение населения РМ в 2001 г. Госкомстат РМ. Саранск, 2002.
3. Логинова Н.Н. Социально-демографические особенности Республики Мордовия как региона Российской Федерации. // Мордовия в период реформ, Саранск: 2001, с. 196 - 200.
4. Миграция населения в РМ. Стат. сб. Саранск, 2002.
5. Качество жизни: факты и тенденции /Редкол.: Л.А. Иванова и др. – Саранск: Изд-во Мордов. Ун-та, 2002.
6. Программа улучшения демографической ситуации в Республике Мордовия на 2001 - 2005 гг. Саранск, 2000, с. 114-115.

**Бакланов П.Я. Романов М.Т., Мошков А.В.,
Мельников Е.М., Преловский В.И., Чудинов Ю.Е.**

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ г. ВЛАДИВОСТОКА И АГЛОМЕРАЦИИ

Владивосток, несмотря на относительную молодость (основан в 1860 году), прошел несколько стадий своего развития: форпост России на Тихом океане, морской порт, становление многофункционального центра, структурная перестройка.

Разработкой новых идей и направлений социально-экономического развития Владивостока и прилегающих к нему территорий в новых политико-экономических условиях вплотную начали заниматься уже в начале 1990-х годов (Концепция социально-экономического развития г. Владивостока, 1991; Дробное функциональное зонирование..., 1993; Проект «Большой Владивосток», 1994). В 2002 году в связи с корректировкой Генплана г. Владивостока были разработаны основные положения новой концепции социально-экономического и территориального развития Владивостока и его агломерации. В целом они «увязываются» со стратегией развития Приморского края (Владивосток, 2000, 2002) и Программой экономического развития Дальневосточного региона (Хабаровск, 2001).

Современное социально-экономическое положение г. Владивостока (на 2002 г.) характеризуется следующими показателями: численность постоянного населения на конец 2002 г. составила 617,6 тыс. чел; среднегодовая численность занятых в экономике – 364,2 тыс. чел; продукция промышленности – 12377,9 млн. руб; инвестиции в основной капитал – 3782,7 млн. руб; объем перевозок грузов морским транспортом – 7,7 млн. тонн; оборот розничной торговли – 22533,3 млн. руб; денежные доходы в среднем на душу населения в месяц – 5110 рублей; прожиточный минимум в среднем на душу населения в месяц – 2454 руб (Владивосток в цифрах, 2003).

Долгосрочной целью развития Владивостока является превращение его в город, эффективно выполняющий транспортно-транзитные, промышленные, внешнеэкономические, научно-образовательные и культурно-туристические функции, обеспечивающий высокое качество жизни населения города и поддерживающий высокие стандарты окружающей среды.

В соответствии с этим в основу долгосрочного развития Владивостока и Владивостокской агломерации закладываются следующие основные принципы:

- превращение Владивостока в крупный региональный центр внешнеэкономического сотрудничества России на Тихоокеанском побережье (т.е. выполнение городом специфических контактных функций);

- обеспечение широкого участия города в международной жизни АТР в сфере услуг, транспортно-транзитных перевозок, высокотехнологичных наукоемких производств, научно-образовательной деятельности, международного туризма;

- доведение масштабов экономической деятельности, сферы услуг и ряда других стандартов жизни до уровня, сопоставимого с крупными городами стран АТР;

- учет стратегических интересов России в этом уникальном экономико-географическом регионе, а также задач, которые возлагаются на Владивосток при реализации стратегии развития Дальнего Востока и Приморского края;

- максимальное использование социального, производственного, научно-технического и финансового потенциала самого г. Владивостока в его развитии;

- обеспечение различных аспектов геополитической, продовольственной и экологической безопасности населения г. Владивостока при реализации стратегических интересов России в АТР.

- формирование двухзвенного города, состоящего из старой части (южное звено), преобразуемой в деловой центр (с развитыми портово-транспортными, управленческими, торгово-посредническими, банковско-кредитными функциями, иностранными представительствами и т.п.), и северного звена, формируемого как новый город высоких технологий (с технопарками и крупным транспортным узлом – железнодорожным, авиационным, автодорожным);

Обеспечение геополитической безопасности России на Дальнем Востоке предполагает сохранение достаточного потенциала Тихоокеанского флота и звеньев его инфраструктуры в районе г. Владивостока.

Обеспечение продовольственной безопасности населения города и края делает необходимым развитие в агломерации отраслей агропромышленного комплекса и, прежде всего, предприятий пищевой промышленности.

Экологическая безопасность заключается в обеспечении рационального использования, воспроизводства и сохранения уникального природно-ресурсного потенциала и биоразнообразия в акватории зал. Петра Великого и территории Владивостока, в оздоровлении и сохранении высоких качеств окружающей среды, в том числе морской.

Долгосрочное развитие г. Владивостока определяют следующие факторы: уникальное географическое и геополитическое положение агломерации, накопленный социально-экономический и научно-технический потенциал. Благодаря своему размещению на побережье Японского моря с многочисленными незамерзающими бухтами, Владивосток стал крупнейшим тихоокеанским городом-портом России. Он имеет морской выход ко многим странам АТР, в том числе крупнейшим из них – КНР, США, Японии и др. К портам Владивостока подходит крупнейшая железнодорожная магистраль – Транссибирская, благодаря чему здесь реализуются разнообразные контактные транспортно-транзитные функции в связях России и АТР, стран АТР и Европы. Город имеет сухопутные выходы (железнодорожные и автодорожные) в соседние страны – Китай и КНДР. Он является крупнейшим экономическим центром юго-восточной окраины России, соседствующим с крупнейшими странами – КНР и Японией, а также с развивающимися – КНДР и Республикой Корея.

Накопленный социально-экономический и научно-технический потенциал определяется относительно большим населением, высоким материальным, научным, образовательным и культурным потенциалом. Здесь действуют более половины промышленных и коммерческих

предприятий края, развитые звенья инфраструктуры. В целом доля социально-экономического потенциала Владивостока составляет 30-40% от Приморского края и около 10% от Дальнего Востока.

Геополитическое положение определяется тем, что г. Владивосток и его агломерация находятся на стыке трех стран мира: крупнейших - КНР и России и крупной – КНДР с их различными во многом – контрастными политическими системами и культурами. Во многом через Владивосток Россия реализует свои геополитические интересы в АТР, а сам Владивосток находится в зоне пересечения геополитических интересов ряда стран.

Обобщенная оценка основных факторов, анализ современного социально-экономического состояния, проблем и тенденций развития города, края, региона позволяют выделить наиболее благоприятные предпосылки для развития следующих функций г. Владивостока:

- портово-транспортных, определяющих функционирование здесь опорных баз военно-морского, морского торгового, морского рыбного и пассажирского флотов;

Таблица 1

Многофункциональность города Владивостока

Структурные уровни выполняемых функций	Содержание функции	
	выполняемых в настоящее время	в перспективе
1. Международные	С 1992 г. – некоторые дипломатические, транзитно-транспортные; научно-образовательные; культурно-туристические.	Усиление этих функций, а также развитие международных, экономических: экспортных производств, международных объектов рыночной инфраструктуры (банков, торговых центров и т.п.); информационных и др.
2. Общероссийские	Оборонные, транзитно-транспортные, научно-исследовательские, культурно-туристические.	Оборонные, транзитно-транспортные; опорная база освоения ресурсов Тихого океана; научно-исследовательские, культурно-туристические – рост их значения.
3. Дальневосточные	Транзитно-транспортные в связях отдельных районов ДВ; научно-образовательные; культурно-туристические; оздоровительные.	Сохранение и усиление всех этих функций.
4. Краевые	Центр Приморского края и связанные с этим управленческие функции; экономические; научно-образовательные; социально-культурные; туристические, оздоровительные.	Сохранение и усиление всех этих функций.
5. Муниципальные	Управленческие: экономические, связанные с обеспечением надежной экономической базы города, социальные, связанные с обеспечением населения нормальными условиями жизнедеятельности и среды.	Сохранение всех этих функций и существенное усиление, развитие экономических и социальных функций. Оздоровление окружающей среды.

- морехозяйственных, определяющих создание здесь рыбодобывающих, рыбоперерабатывающих, судоремонтных, приборостроительных предприятий, вспомогательных производств;

- внешнеторговых и транспортно-транзитных, обеспечивающих экспортно-импортные операции, в том числе таможенное и транспортное их обслуживание;

- оборонных, связанных с дислокацией здесь отдельных структурных единиц Тихоокеанского флота, а также морских частей погранвойск, таможенных и других служб, обеспечивающих военную и экономическую безопасность России на востоке;

- научно-образовательных функций, состоящих в проведении исследований и подготовке специалистов высшей квалификации для всех специфических сфер хозяйства.

В перспективе город останется многофункциональным: портово-транспортным, промышленным, научно-образовательным и культурным, торгово-финансовым центром, выполняющим международные, общероссийские, общие дальневосточные, краевые и муниципальные функции (табл. 1).

Прогнозные оценки основных функций города и предпосылок их развития в рыночных условиях рассматривались нами с учетом возможного спроса на разных региональных уровнях, его динамики, современных тенденций изменения в платежеспособном спросе и т.п.

На основе подобного анализа был сделан вывод о том, что практически все основные функции Владивостока имеют большие перспективы роста и развития. Необходимо не только сохранить, но и

значительно их усилить. Это имеет не только социально-экономическое, но и геополитическое значение (табл. 2).

Таблица 2

Основные функции города Владивостока и предпосылки их развития.

Наименование, вид функций	Содержание функций	Предпосылки их сохранения и развития
1. Портово-транспортные	Перегрузки различных грузов с других видов транспорта на морской и обратно, хранение, переработка грузов, обслуживание морского флота и др.	+++
2. Промышленные	Судоремонт, производство приборов, инструментов, бытовой техники, потребительских товаров, в т.ч. пищевых.	++
3. Научно-исследовательские	Исследования фундаментальные и прикладные – океана, природопользования, новых технологий, решения экологических проблем и др.	+++
4. Образовательные	Развитие среднего и высшего образования для нужд восточных районов РФ, развитие новых образовательных программ и специальностей, новых форм обучения.	+++
5. Культурные, в т.ч. туристические	Театры, музеи, библиотеки, спортивные и культурные центры, различные уникальные туристические объекты.	+++
6. Торгово-финансовые	Банки, биржи, торговые, информационные, выставочные центры и т.п.	+++
7. Оборонные	Объекты военного значения, в т.ч. военно-морского флота.	+
8. Коммунально-инфраструктурное обслуживание	Энергетика, транспорт, жилье, связь, коммунально-бытовое обслуживание.	+++

Примечание. +++ - большие предпосылки; ++ - значительные; + - имеются предпосылки.

Все вышеперечисленное позволяет сделать вывод о том, что приоритетными для г. Владивостока в долгосрочной перспективе являются:

- выполнение разнообразных контактных функций в связях России со странами АТР, в т.ч. транспортно-транзитных, внешнеэкономических и внешнеполитических;
- производство высокоценных товаров на основе наукоемких технологий, в том числе биотехнологий (производство экологически чистых продуктов питания, биологически активных и лекарственных веществ из сырья дальневосточной тайги и моря);
- производство приборов и некоторых видов оборудования для изучения и освоения ресурсов океана;
- развитие научных исследований и конструкторских разработок для целей освоения, рационального использования ресурсов Тихого океана, контактной зоны «суша-океан» в целом и для решения возникающих при этом экологических проблем;
- создание систем различных видов туризма, его инфраструктуры, объектов туризма, в том числе специфических, связанных с океаном, со странами АТР;
- сохранение достаточных военно-морских функций;
- расширение и повышение качества образования, науки, объектов культуры,
- развитие других наиболее рентабельных в рыночных условиях видов хозяйственной деятельности: рыбной и пищевой промышленности, производств ряда потребительских товаров,
- обеспечение города надежными и эффективными инфраструктурными системами и сетями: энергетическими, транспортными, экологическими;
- широкое развитие жилищного строительства.

Территориальная структура города в целом должна быть существенно трансформирована на основе нового функционального микрозонирования. Основная идея заключается в формировании поясно-секторной структуры г. Владивостока. Формируются нескольких поясов – прибрежный и несколько следующих концентрических; пояса делятся на отдельные секторы, зоны с чередованием рекреационных, селитебных, деловых, хозяйственных секторов.

В целом в функционально-планировочной структуре города выделяются следующие зоны: в прибрежном поясе - деловой центр с последующим чередованием хозяйственных и рекреационно-

парковых секторов. В других поясах выделяются промышленные зоны, торгово-инфраструктурные, селитебные, рекреационно-парковые, резервные.

В ходе работ над основными положениями концепции нами были выполнены различные виды дробного зонирования территории агломерации, основанные на геосистемном подходе. Сущность такого подхода состоит в том, что первой стадией членения территории является выделение природных геосистем, в т.ч. – бассейнового типа. Затем каждая природная геосистема может делиться на части с различными функциональными возможностями. Кроме того были выделены элементы экологического каркаса территории. В целом было проведено функциональное зонирование территории, а на её основе – дробное градоэкологическое районирование.

Всё это послужит основой последующей разработки планировочных решений в рамках корректировки Генплана.

Основные принципы территориального развития г. Владивостока и агломерации.

1. Ликвидация и вынос из города устаревших предприятий, особенно из его центральных районов.
2. Освобождение территорий, выходящих к берегам бухт и заливов, для создания здесь рекреационных зон различного типа.
3. Создание новых рекреационных зон (парковых, культурно-развлекательных, спортивных) после сноса части устаревшего жилья – особенно в центральных и прибрежных районах города.
4. Поэтапная трансформация пригородных садово-огородных зон и участков в зоны комфортабельного жилищного строительства.
5. Специализация островных территорий города в многофункциональные рекреационные зоны.
6. Сохранение лесопарковых зон в пригородных районах
7. Расширение территории города за счет включения в его состав г. Артема и части Надеждинского района. Эта стадия территориального развития г. Владивостока возможна в долгосрочной перспективе.

Рост численности населения Владивостока и всей Владивостокской агломерации во многом будет зависеть от меры участия (законодательного, финансового, организационно-управленческого) государства и краевых управленческих структур в развитии города. В рамках концепции было разработано несколько вариантов демографического развития Владивостока и агломерации, учитывающих различные в сложившихся условиях меры участия государства: 1) пессимистический, инерционный вариант; 2) средний и 3) оптимистический вариант. На 2010 г. прогнозируются следующие оценки численности населения Владивостокской агломерации: по пессимистическому варианту 1150 тыс. чел.; среднему – 1230; оптимистическому – 1400 тыс. чел. Оптимистический вариант предполагает привлечение дополнительного финансирования в развитие Владивостока и Владивостокской агломерации со стороны государства, организованное привлечение отечественного и иностранного капитала, а также населения из других районов с соответствующей материальной поддержкой.

По проведенным прогнозным оценкам, наиболее вероятный средний прирост производства по промышленным узлам Владивостокской агломерации ожидается в пределах 5% в год, с возможными колебаниями по отраслям и центрам от 2 до 13%. Это согласуется с ожидающимися в обозримой перспективе темпами развития экономики Приморского края и России в целом. Объем производства промышленной продукции существующих предприятий Владивостокской агломерации в 2010 г. составит по пессимистическому варианту – 20,6 млрд. руб., среднему варианту – 28,4 и оптимистическому варианту – 35,8 млрд. руб. Ведущими отраслями в структуре хозяйства останутся многие существующие ныне отрасли промышленности, которые и составляют градообразующую базу промышленных узлов. На основе Концепции, по нашему мнению, необходимо разработать долгосрочную комплексную программу устойчивого развития Владивостока и его агломерации. Благоприятные предпосылки к этому имеются (Бакланов, 2001).

Важнейшим инструментом реализации Концепции и Программы должна стать совершенная информационная система, базирующаяся на разномасштабной геоинформационной основе. В ходе работы над Концепцией основа подобной ГИС уже создана (научный руководитель разработки - С.М. Краснопеев).

В последующем информационная система должна отслеживать основные параметры экономического, социального, экологического состояния города и агломерации за определённые периоды времени и сравнивать текущие параметры с целевыми и эталонными.

В ходе работ над основными положениями Концепции и Генплана необходимо решение следующих научных задач эколого- и экономико-географического характера.

1. Проведение многоуровневого структурного членения территории, в т.ч. - детальное зонирование, районирование.
2. Выделение природно-экологического каркаса территории с разработкой состава, критериев, методов выделения, определения функций отдельных звеньев.
3. Проведение функционального и градостроительного зонирования территории с определением критериев, оценок, методов выделения.
4. Установление соотношений «город-пригород» в социальной, экономической и экологической сферах: в статике и в динамике.
5. Определение тенденции преобразования геосистем и экосистем в ходе развития города.
6. Создание ГИС для целей планирования развития, управления и мониторинга (эколого-социально-экономической системы города и агломерации).

Литература

1. Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток: Дальнаука, 2001. 144с.
2. Бакланов П.Я., Романов М.Т., Мошков А.В. и др. Приморский край (основные положения концепции и стратегии развития) / Коллект. моногр. Владивосток: Дальнаука, «Зов Тайги», 2000. 79с.
3. Большой Владивосток. Концепция экономического развития Южного Приморья/ Подготовлен Координационной группой Владивостокского городского Совета народных депутатов в 1991 г. Владивосток, 1991. 40с.
4. Владивосток в цифрах/ Крат. стат. сб. Владивосток: Приморский краевой комитет государственной статистики, 2003. 67с.
5. Дальний Восток и Забайкалье-2010. Программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2010 года/ Под ред. П.А. Минакира. М.: Экономика, 2002. 434с.
6. Концепция социально-экономического развития г. Владивостока и агломерации: основные положения/ Коллект. моногр. Материалы к проекту «Генерального плана г. Владивостока». Владивосток: ТИГ ДВО РАН, ОАО «Приморгражданпроект», 2002. 60с.
7. Концепция социально-экономического развития г. Владивостока до 2020 г./ Проект. Под науч. руков. А.П. Латкина. Владивосток: ДВГУ, 2002. 42с.

Дюжев С.А.

ПЛАНИРОВОЧНЫЙ МЕХАНИЗМ УСТОЙЧИВОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА КИЕВСКОГО РАЙОНА РАССЕЛЕНИЯ

Одной из ключевых проблем стратегического управления расселением, обеспечивающего его устойчивую динамику и безопасные параметры, является адекватное понимание феноменов расселения различного уровня, раскрытие механизма их проявления и развертывания (самодвижения).

В рамках реализуемых в ряде градостроительных исследований и планировочных разработок процессно-средового представления феномена расселения (таблица 1) и системно-планировочной трактовки механизма воплощения топоформ данного природно-социо-технического ландшафтного феномена рассмотрены планировочные основания принятия управленческих решений (становления и воспроизводства) Киевского района расселения, реализованные в ряде разделов Генерального плана г. Киева на период до 2020 г.

Содержание оценочно-аналитических параметров отображения и интегрально-синтетических параметров трансформации процессно-средовых связей раскрывают соответствующие аспекты (категории) градостроительной системы как планировочного механизма управления.

Планировочная структура

Пространственная составляющая структуры отображает членение ландшафтной первоосновы, фиксирует базовые территориальные единицы природно-социо-технического комплекса и каналы циркуляции вещественных потоков, образующие сети различных ярусов (геометрию ландшафта).

Функциональная составляющая структуры отображает профиль ресурсной специализации и виды использования ландшафтных единиц в соответствии с устойчивыми биогеосоциальными потребностями в сферах жизнедеятельности. Распределение, фиксация и продолжительность функциональных проявлений имеет сетевой характер поиска адекватных условий сосуществования ландшафтных компонентов. Функциональная сеть мест приложения труда, проживания и рекреации определяет моно- или полифункциональный профиль ландшафтных единиц, модулирует импульсы их взаимосвязей.

Латентная составляющая структуры отображает фиксированные интервалы (фазы) и соответствующие им наборы потенциальных или проявленных состояний ландшафтных единиц и их компонентов, условий и направлений (очередности) смены фаз их развития и вероятных комбинаций взаимосвязи. Сеть командных символов предпочтительного развития ландшафта образуют эталонные (модельные) ландшафтные наборы признаков-маркеров различного предназначения и фиксированного местоположения, определяющие направленность и очередность этапов ландшафтной эволюции.

В целом, планировочная структура отображает меру завершенности и способы устойчивого сплочения комплексных (многоярусных) единиц, звеньев, узлов и коммуникационного каркаса территориальных сетей - ландшафтных организованных селитебного, производственного, рекреационного и многофункционального назначения.

Планировочный генезис

Пространственная составляющая генезиса отображает места зарождения и зоны распространения активности (деятельности природных, техногенных и социальных сил) овеществления топоформ ландшафта.

Разновременное включение в орбиту главных фокусов формирования города периферийных очагов активности выявляет подвижные границы фрагментации и расширения ареала Киева и направление пространственного тяготения потоков обмена деятельностью.

Ландшафтное зонирование выявляет специфику происхождения и соотношения (шкалы выраженности) природных антропогенных и техногенных комплексов и динамичных групп населения в пределах исторически определенных (и топонимически закрепленных) фрагментов пространства.

Функциональная составляющая генезиса отображает избирательные требования, объем и качество реализуемых функциональных потребностей, емкостные характеристики ландшафта. Выбор адекватных показателей функционального качества в пределах типологической шкалы видового использования определяет возможность осуществления и длительность различных видов деятельности в пределах конкретных ландшафтных единиц.

Функциональное зонирование характеризует потенциальные условия зарождения, проявления и взаимодополнения (взаимоисключения) разнопрофильных видов деятельности в пределах ландшафтных единиц и их комплексов.

Латентная составляющая генезиса раскрывает тенденции и возможности приобретения типологических свойств ландшафта на определенном этапе развития в диапазонах шкалы соответствия реального и идеального (эталонного) состояния его компонентов. Она позволяет осуществить оценку векторов развития (сближения или расхождения фазовых свойств) и качественных порогов (фазовых переходов) состояния ландшафтов, дать вариативный прогноз в соответствии со шкалой допустимых состояний.

В целом, планировочный генезис отображает меру типологического своеобразия (уникальности), разнообразия (универсальности) и векторы последовательного становления зон устойчивого распространения и дифференциации наследственных качеств (ресурсов) территории.

Планировочная организация

Пространственная составляющая организации отображает уровни и метрику агрегирования и взаимодействия природных, технических и социальных компонентов ландшафта, распространенность и масштабы локализации деятельности и доминирующий характер требований к среде в соответствии с размерностью ландшафтных организованных.

Отраслевое природно-ландшафтное районирование предусматривает укрупненную агрегацию территории с выделением ряда физико-географических районов. Дифференциация районирования, в соответствии с различными уровнями интенсивности взаимодействия процессов формирования ландшафта, проводится для территорий производственной и рекреационной деятельности, распространения стационарного проживания и общественных контактов населения с учетом мотивации поведения.

Таблица 1

Процессы и среда ландшафтной действительности расселения

Гомоморфные процессы (принцип продвижения)	Взаимодействия процессов (радикалы обоснования)	Ресурсы экспликации топоформы (атрибуты формы)	Факторы процессосреды
Морфологические атрибуты среды (репрезентация условий)	Отношения атрибутов среды (радикалы ограничения)	Смыслы формообразования и воплощения	Меры гармонизации действий и равновесия состояний
1	2	3	4
Формирования (ритм)	Психо-социальные	Пространство (прообраз)	Ситуации
Строение (состав)	Эстетические	Направления и мотивы	Совместимость и распространенность (протяженность и ритмичность)
Функционирования (период)	Экономические	Время (потенциал)	Существования
Функции (профиль)	Этические	Импульсы и потребности	Стоимость и длительность (продолжительность и скорость)
Развития (фаза)	Экологические	Субстанция (программа)	Соответствия
Свойства (признак)	Гигиенические	Коды и предпочтения	Избирательность и достижимость (конечность и этапность)
Воспроизводства (цикл)	Планировочные (преобразования, восстановления и сохранения)	Язык (конфигуратор)	Ц е л и
Закономерные изменения (идентичность)	Культурные	Различия и ценности	Устойчивость и вариативность, интенсивность воплощения (завершенность и симметричность)

Отраслевое природно-ландшафтное районирование предусматривает укрупненную агрегацию территории с выделением ряда физико-географических районов. Дифференциация районирования, в соответствии с различными уровнями интенсивности взаимодействия процессов формирования ландшафта, проводится для территорий производственной и рекреационной деятельности, распространения стационарного проживания и общественных контактов населения с учетом мотивации поведения.

Функциональная составляющая организации отображает уровень, длительность и масштаб активности (влияния) и взаимодействия (взаимосогласования) мест деятельности. Функциональное районирование устанавливает соответствие между уровнем интенсивности, продолжительности и скорости осуществления функций (проявлений) и возможностями их дифференциации или интеграции с учетом типологических особенностей территории и прогнозов распределения деятельных потоков (уровня реализации потребностей). Специфика организации каждого функционального района учитывается при определении номенклатуры и мощности объектов и устройств инфраструктуры.

Латентная составляющая организации отображает диапазоны аттрактивности (тяготения), адекватности (соответствия) и сбалансированности (ограниченности) районов замыкания повседневных, еженедельных, ежегодных (сезонных) и многолетних циклов жизнедеятельности. Латентное районирование позволяет оценить и предусмотреть варианты проявления перспективных ареалов взаимодействия ландшафтных организованностей и наметить территориальные рубежи их гармонизации.

В целом, планировочная организация отображает меру распространенности и подвижности территориальных границ, проявление (уровень и направленность) внутри- и межсетевых взаимодействий типологически определенных элементов специализированных и интегральных районов устойчивой трансформации (консолидации) ландшафтных ареалов (процессов и среды расселения).

Киевский ландшафтный ареал (район расселения) - единая территориальная общность населения Киева и агломерации, характеризуется синхронностью жизнедеятельности повседневного и, в значительной степени, еженедельного цикла, предполагает скоординированное (сбалансированное) преобразование компонентов ландшафта и поддержание ресурсного равновесия.

Планировочная композиция

Пространственная составляющая композиции устанавливает прообраз (ритмозадающий механизм) соподчинения и соотношения: фрагментов целостного городского и пригородного пространства, протяженности и совместимости разнородных фигур ландшафта, параметров психо-социального взаимодействия (восприятия и мотивации поведения) и эстетических отношений компонентов среды.

Схема конфигурирования элементов пространственной констелляции (пространственного ресурса ландшафта) включает устойчивые звенья с определенной модуляцией и доминирующими признаками. Сопряжение модулей и ритмика конфигурированного пространства воспринимаются как фасад города, городской силуэт, панорамы, визуальные коридоры в результате психо-социальных взаимодействий.

Функциональная составляющая композиции устанавливает потенциал (механизм периодичности) согласованного, определенной завершенности и длительности (временного периода) целостного проявления и полноты комбинаций: функций компонентов ландшафта (городского ареала), временного совмещения (или разведения), балансирования и агрегирования деятельных потоков различных циклов и скоростных проявлений, параметров экономического взаимодействия (импульсов и потребностей деятельности) и этических отношений компонентов среды.

Схема конфигурирования элементов функциональной констелляции (временного ресурса ландшафта) включает устойчивые звенья (места деятельности) с определенным профилем, видом (видовой комбинацией) и емкостным потенциалом существования. Эта составляющая конфигурации имеет характер отбора, соподчинения и калибровки технологически обусловленных доминирующих, паритетных и дополнительных мест функционирования. Данный механизм лежит в основе видовой и типологической классификации ландшафтных организованностей (планировочных элементов).

Латентная составляющая композиции устанавливает программу (механизм различения и смены фаз) преемственного воплощения (приобретения в реальности): идеальных (эталонных) типологических свойств и таксономических признаков субстанционального континуума ландшафта и

его целостных фрагментов (ареалов), параметров экологического взаимодействия (кодирования и предпочтения условий) и гигиенических отношений компонентов среды.

Схема конфигурирования элементов латентной констелляции (субстанционального ресурса ландшафта) включает устойчивые локусы (ниши) с определенными наборами (диапазонами) избирательных признаков и свойств состояния, показателями вероятности и трендами проявления и достижения проектных (оптимальных) значений емкости и равновесия ландшафтного ареала на каждом этапе его развития. Данный механизм лежит в основе математических моделей оптимизационных задач планировочной трансформации ландшафтов (городов и районов расселения).

В целом, планировочная композиция (эмерджентная сборка пространственной, функциональной и латентной составляющих) устанавливает: механизм (конфигуратор) устойчивого циклического воспроизводства ландшафтной действительности расселения, ее процессов и атрибутов, меру эффективности, совершенства средств планомерного и вариативного воплощения (развертывания) топоформ действительности, цели и ценности трансформации и идентификации ландшафта, правила и параметры планировочного взаимодействия (преобразования, восстановления, сохранения, заповедания), природно-культурных, техно-культурных и социо-культурных отношений компонентов среды.

Территориальной идентификацией целостного (гармонического) планировочного решения ландшафтного ареала расселения и основой его управленческих (регулятивных) интерпретаций является схема конфигурации (композиционной кристаллизации и тематизации) именованных элементов планировочной констелляции (семиотический ресурс ландшафта), обеспечивающая: построение сценария прообраза формирования, квалиметрическую оценку потенциала функционирования, реализацию алгоритма декодирования программы развития и запуск конфигулятора (механизма) воспроизводства ландшафтного целого (реализации замысла ландшафтной топоформы).

Каждой логической связке культурно-смысловой реконструкции топоформы ландшафта (формулировки онтологических вопросов и гносеологических проблем) приурочены группы задач градостроительной планировки ландшафтной сферы, обеспечивающих управленческие решения по совершенствованию и гармонизации действительности расселения (таблица 2).

Представленный исследовательский подход предполагает культурно-смысловую реконструкцию и изучение логики и законов воплощения форм действительности, построение не противоречащих им теоретических схем и методических средств ландшафтной региональной планировки с целью установления меры устойчивого соответствия универсального и уникального в пределах каждого фрагмента ландшафтной действительности расселения.

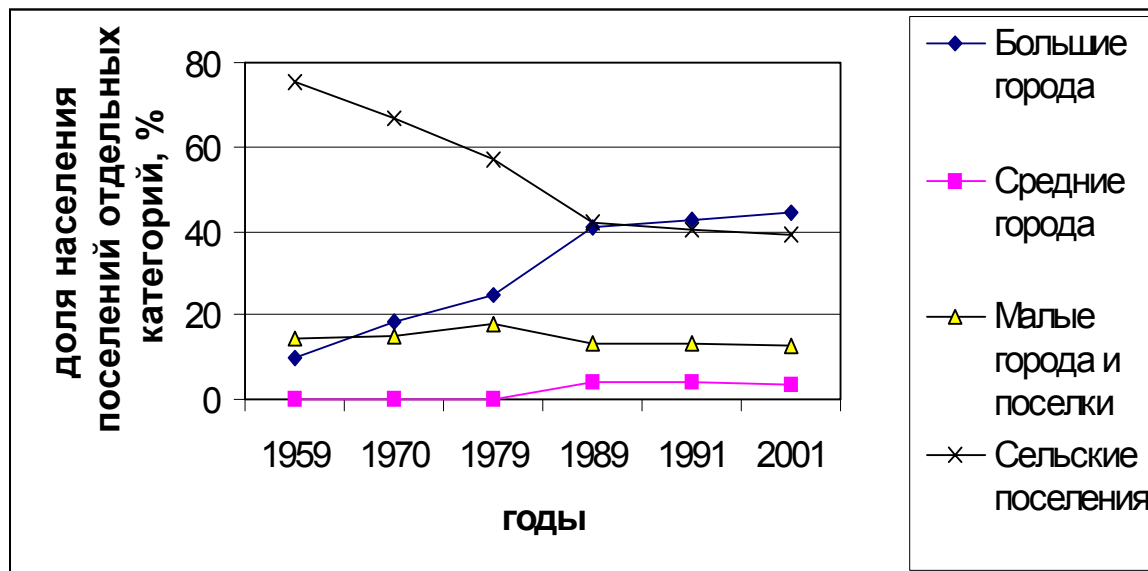
Трифорова З.А.

ЧЕБОКСАРСКАЯ АГЛОМЕРАЦИЯ КАК ЦЕНТР РЕСПУБЛИКАНСКОЙ СИСТЕМЫ ГОРОДСКОГО РАССЕЛЕНИЯ.

В пределах локальных городских поселений Чувашии происходит интенсивное взаимодействие населения, хозяйства, общества и окружающей природной среды. Такие участки занимают примерно 2% площади республики, но на них проживает чуть более 60% республиканского населения, сосредоточено 3/5 производимых в республике товаров и услуг и в то же время на них приходится примерно 4/5 общего объема загрязнения атмосферы, вод и почвенного покрова. 15 городским поселениям республики «противостоят» 1727 сел. При самой высокой плотности населения в Поволжье (и одной из самых высоких в России) уровень урбанизации здесь ниже, чем в других регионах Европейской части страны. Бурное развитие промышленности 1960-1970-х годов, обеспеченное миграцией сельских жителей в города, не привело к обескровливанию села человеческими ресурсами. «Живая» сельская местность сохранилась благодаря относительно высоким показателям естественного прироста, еще в начале 1990-х годов в среднем он составлял 5°/∞, в то время как в среднем по России наблюдалась естественная убыль населения -5°/∞. К тому же, в прошлом в республике практически не уничтожали неперспективные деревни. В отличие, например, от северо-западных областей России, где в качестве неперспективных было уничтожено до 30% деревень, здесь этот показатель составляет лишь 4% (Ю.А. Перелыгин, 2003).

Урбанизация в Чувашии – относительно молодой процесс. Численно горожане превысили сельских жителей республики в середине 1980-х годов, прошло лишь 30 лет, немного в сравнении с высокоурбанизированными и старопромышленными регионами Центральной и Северо-Западной России. Учитывая практически 20-летний реформенный период в России, можно сказать, что **процесс развития системы городского расселения в Чувашии проходит в качественно новых условиях**, отличимых от условий плановой экономики.

Рис. 1. Изменение удельного веса населения в поселениях разной людности.

На рис. 1 наглядно представлено соотношение удельного веса населения в поселениях разной категории людности, которое менялось во времени неравнозначно. С одной стороны, сохраняется тенденция роста людности больших и средних городов, с другой – наблюдается снижение людности сельских поселений и малых городов. Все это, по Джиббсу и Контули, говорит о том, что урбанизация в республике находится на начальной стадии и имеет крупногородской характер. При дифференциальном подходе к анализу динамики роста городских поселений республики выявляются существенные различия среди малых городов и поселков городского типа, особенно начиная с 1970 г.. Исходя из различий в динамике роста населения городских поселений с указанного периода, мы вывели несколько их типов. Во-первых, динамично растущий тип городских поселений, куда вошли в основном поселения чебоксарской агломерации: столица республики, Новочебоксарск, Кугеси – темпы прироста населения за период с 1970 по 2001 гг. в этих поселениях самые высокие. Во-вторых, медленно растущий тип, в эту группу вошли малые города Цивильск, Мариинский Посад, Ядрин, а также поселки Урмары, Вурнары, Ибреси. В-третьих, были выделены регрессирующие поселения, представленные как городами республиканского подчинения Канаш, Шумерля, Алатырь и малым городом Козловка, так и поселками Буинск, Киря. В этих городах численность населения уменьшилась за последнее десятилетие в среднем на 2,5 тыс. человек. Но самое большое уменьшение населения наблюдалось в поселках Киря и Буинск, уже более 25 лет.

В Чувашии столичная агломерация - единственная, стабильно развивающаяся локальная система расселения. Подобные процессы, на наш взгляд, характерны для большинства национальных (республиканских) систем городского расселения. Они отличаются относительной молодостью, а потому крупногородским характером урбанизации, главными городскими центрами которых являются столичные агломерации. Не случайно некоторые авторы выделяют центры национальных (республиканских) систем расселения в отдельные, самостоятельные группы (А.В. Дмитриев, А.М.Лола и М.Н.Межевич.). **Этническая самобытность республик** накладывает отпечаток на развитие всех территориально-общественных систем, в том числе и систем расселения. В условиях реформ и нестабильности в стране отдельные народы стремятся самосохраниться, а при наличии территориальной самостоятельности и сконцентрироваться вокруг национального центра. Именно это мы наблюдаем в случае с Чебоксарами: если в 1980-е годы из республики шел активный отток чувашей в соседние регионы, на Север, на Дальний Восток страны, то в последние годы, наблюдается «обратная» миграция чувашей. Доля чувашей в общем миграционном приросте республики более

70% и основная часть их оседает, как правило, в столице. Значительно сократилась миграция молодежи, если в прошлом для получения высшего образования чуваша поступали в вузы Москвы, Ленинграда и других крупнейших образовательных центров страны, то сегодня молодежь остается в республике, обучаясь в чебоксарских вузах. Все же темп прироста населения столицы республики в последнее десятилетие несколько снизился и составляет 0,5%, снижение наблюдается и в других республиканских столицах, что объясняется демографическими изменениями, произошедшими в той или иной степени во всех регионах страны. (табл. 1). Средний показатель темпа прироста населения республиканских столиц с 1992 по 2001 гг. равен 0,2%, а в предыдущее десятилетие составлял 2,8%

Таблица 1

Темп прироста населения столиц республик по периодам, %

Столицы республик	1959-1992 гг.	1992-2001 гг.	Столицы республик	1959-1992 гг.	1992-2001 гг.
Абакан	4,4	0,7	Нальчик	3,1	-0,7
Владикавказ	2,1	-0,5	Петрозаводск	2,1	0,1
Горно-Алтайск	1,6	0,5	Саранск	3,9	0,1
Грозный	1,3		Сыктывкар	3,7	0,1
Ижевск	2,5	0	Улан-Удэ	2,3	0,1
Йошкар-Ола	3,5	0	Уфа	2,1	-0,1
Казань	1,5	0	Чебоксары	4,8	0,5
Кызыл	3	1,3	Черкесск	3,2	0,2
Майкоп	1,9	1	Элиста	4,3	1,6
Махачкала	3,2	-0,4	Якутск	3	0
Назрань*	2,3	21,7	Средний показатель	2,8	0,2

*Назрань стала столицей в начале 1990-х годов, до этого город был районным центром с населением менее 20 тыс. человек (1992 г). Столичный фактор повлиял на рост города, население которого в 1990- годах ежегодно увеличивалось примерно на 10 тыс. человек

Столичность – своеобразный фактор роста республиканских городских систем и впервые очередь самих столиц. В отличие от областных центров, которые чаще всего отличались высокоиндустриальным характером развития, столицы республик развивались в обязательном для их статуса многофункциональном направлении. (Зубаревич Н.В., 2002).

Подробнее проанализируем в **историко-географическом аспекте формирование чебоксарской агломерации**. Возникновение агломерации - качественный сдвиг в расселении Чувашской республики, который связан с процессами концентрации населения, разнообразных промышленных производств, объектов инфраструктуры, транспорта и других объектов хозяйства в Чебоксарах и в прилегающих районах, а также с нарастанием числа ближних связей в пределах рассматриваемой территории. Чебоксарская агломерация упоминалась в нескольких работах, исследовавших агломерации бывшего СССР, как правило, в связи с классификацией или типологией всей совокупности агломераций. Так, например, Г.М. Лаппо отнес ее числу крупно-городских и наименее развитых (1978г.). А.В. Дмитриев, А.М.Лола и М.Н.Межевич выделив 5 уровней агломераций СССР, отнесли все центры национальных (республиканских) систем расселения к 3-ему уровню (1988г.). Имеются примеры непосредственного изучения республиканской системы расселения. В 1975 г. Б.С.Хорев, изучая городское расселение Чувашии, предложил два прогнозных варианта развития Чебоксарской агломерации. П.М. Полян выделил ее состав, в пределах которой им рассматривалось 4 города (1988г.). Отметим, что все вышеперечисленные работы приходятся на рубежный 50%-ный период в городском расселении республики и рассматривают лишь ранний этап формирования агломерации в системе городского расселения. Прошло более 20 лет преобразований, которые коснулись, в том числе, и системы городского расселения республики. Чебоксарская агломерация оставаясь центром региональной системы расселения, внутренне функционально и структурно изменилась.

Экономико-географическое положение агломерации определяется ее положением на Волжской трассе. Река Волга имела огромное значение для экономики агломерации, особенно в 1980-е годы. Это относительно дешевый транспорт, один из важнейших источников энергии, пресной воды и рыбных ресурсов. Волжский путь объединял в те годы все города, расположенные в бассейне реки и способствовал формированию хозяйственных и бытовых связей между ними. Благодаря скоростным видам речных судов, по Волге осуществлялось регулярное сообщение по маршрутам

Казань - Чебоксары и Чебоксары - Н.Новгород. По реке осуществлялись не только дальние, но и ближние связи, определявшие развитие агломерации. Поэтому в те годы успешно формировалось восточное направление агломерации: Чебоксары – Мариинский Посад. Кроме речного транспорта, с регионами страны агломерацию связывают железнодорожный и автомобильный. К ядру подходит железнодорожная ветка Чебоксары - Канаш, которая выводит городскую агломерацию на широтную железнодорожную магистраль Москва – Казань. По ее территории проходит несколько газопроводных ниток. Но все же ведущее значение принадлежит автомобильному транспорту. Дальнейшее развитие Чебоксарской агломерации, по нашему мнению, связано с автомобильными федеральными магистралями, широтно и меридианально пересекающими территорию республики. Вот уже более 60 лет эксплуатируется автодорога Н. Новгород—Чебоксары—Ульяновск, ее значение не утрачено в наши дни. Недавно была введена в строй ветка автомобильной дороги «Вятка», прошедшая через плотину Чебоксарской ГЭС, в результате появилось автомобильное сообщение Чебоксары—Казань и Чебоксары—Йошкар-Ола. В наши дни транзитное положение служит выгодным фактором социально-экономического развития агломерации и республики.

Таблица 2

Сводные данные по Чебоксарской городской агломерации

Основные показатели	Ядро	Города	Поселки городского типа	Всего городских поселений	Сельские населенные пункты
Количество населенных пунктов на 1989 г. на 2001 г.	1 1	3 2	1 1	5 4	Около 250 Около 200
Площадь, кв. км на 1989 г. на 2001 г.	111,2 233,0	53,4 70,8			1600 1290,8
Численность населения на 1989 г., чел на 2001 г., чел	430200 473000	135200 135200	9540 11600	574940 619800	48000 59000
Удельный вес в общереспубликанской численности населения на 1989 г., % на 2001 г., %	33 36,3	10,4 10,4	0,7 0,9	44,1 47,6	
Удельный вес промышленного производства, % на 1989 г. на 2001 г.	64,5	23,0	0,5	88,0	
Удельный вес в общереспубликанских социальных показателях в 2000 г., %: ввод в действие жилых домов оборот розничной торговли объем платных услуг населению	34 47,5 76,7	3,3 11,9 8,6			

Территория агломерации протянулась с севера на юг примерно на 35 км, с запада на восток - на 45 км. Для делимитации был выбран метод изохрон. Учитывалось время необходимое для поездки в ядро и время ожидания на остановках. Обычно в качестве границы агломерации принимается 2-часовая изохрона (Ф.М.Листенгурт, 1975г.). На 1989 г. помимо Чебоксар - ядра агломерации, в ее состав вошли большой город Новочебоксарск, малые города Цивильск и Мариинский Посад, поселок городского типа Кугеси и около 250 сельских поселений чебоксарского района, а также часть поселений, расположенных вблизи автодорог соседних районов (табл. 2). Территориальная структура агломерации ассиметричная, все городские поселения сосредоточены на правом берегу Волги к востоку и юго-востоку от ядра. Западная часть агломерации, включая лесное Заволжье, выполняет в основном сельскохозяйственную и рекреационную роль, там размещены предприятия АПК, санатории, профилактории, базы отдыха, детские лагеря.

Чебоксарская агломерация - моноцентрическая, ее формирование происходило "от города". Чебоксары - один из старых городов Чувашии, ставший столицей республики в 1920-е годы. Фактор столичности способствовал динамичному хозяйственному развитию города и концентрации населения в пределах столицы. В 1973 году население города превысило 250 тысяч человек, Чебоксары стали крупным городом. Несколько раньше возник новопромышленный район в 15 км от Чебоксар, впоследствии получивший статус города и переименованный в Новочебоксарск. Характерной особенностью городского образования Чебоксары-Новочебоксарск являлась изначальная общность некоторых элементов городской инфраструктуры. Позднее в населенных

пунктах прилегающих к столице начали функционировать филиалы Чебоксарских предприятий, наиболее успешные из них действовали в городе Цивильск (Лентоткацкая фабрика - филиал чебоксарского ХБК), в городе Мариинский Посад (цех чебоксарского завода безалкогольных напитков и филиал чебоксарского завода «Чувашкабель»), в селе Ишлеи (завод высоковольтной аппаратуры), в поселке Кугеси (цех лентоткацкой фабрики). Таким образом, в 1980-ые годы последовательно сформировалась спутниковая зона агломерации, отличающаяся от остальных территорий республики интенсивностью разнообразных связей между Чебоксарами и расположенными вблизи населенными пунктами, а также промышленно-аграрной специализацией. Используя коэффициент сложности агломерации, предложенный П.М. Поляном, чебоксарскую агломерацию можно отнести к классу развивающихся.

Десятилетие реформ и общего кризиса в стране сказались на **современной территориальной и на функциональной структуре чебоксарской агломерации**. За последнее десятилетие чебоксарская агломерация территориально «сжалась». Мариинский Посад значительно сократил долю маятниковых мигрантов и потерял промышленные связи с Чебоксарами. В прошлом он имел интенсивные связи со столицей, благодаря положению на Волге в 30 км ниже по течению и в 38 км по автомобильной дороге от Чебоксар. Географическое положение не изменилось, но изменилась экономическая ситуация в стране, без поддержки государства встали многие промышленные предприятия, и если в столице они еще как-то действовали, то их филиалы и цеха просто закрылись. Именно это и произошло с кабельным производством в Мариинском Посаде. В спутниковой зоне агломерации этот город наиболее удален от ядра, к тому же магистральные автодороги проходят далеко от него, поэтому он раньше других поселений «оторвался» от центра. Намеченная тенденция сокращения промышленных производств наблюдается и в других поселениях, так, например, закрылась Лентоткацкая фабрика - филиал чебоксарского ХБК в Цивильске. Но Цивильск имеет более выгодное транспортно-географическое положение, что сделало стабильными его социальные связи с ядром.

Можно отметить и функциональные изменения в территориальной структуре агломерации. Ядро остается многофункциональным, что подтверждает индекс Флоренса, рассчитанный на 1995 и 2000 годы. Многофункциональность – следствие центральности или столичности Чебоксар, город обслуживает население всей республики. Самое высокое значение по данному показателю приходится на финансовую сферу (2), далее следует наука (1,8) и промышленность (1,5). Вообще, практически все отрасли непродуцированной сферы, за исключением торговли, являются для столицы специализирующими (имеют значения выше 1). В динамике соотношение отраслей за рассматриваемый период выглядит так: стабильную позицию имеют промышленность, транспорт и наука, отрадно, что значения индекса образования и культуры увеличились, по всем остальным отраслям наблюдается снижение значения индекса. Отдельно отметим значительный прогресс в области высшего образования. В столице действует 9 государственных вузов, включая филиалы Московских учебных заведений, в которых обучается 40,8 тыс. студентов, для сравнения в начале 1990-х г. высших учебных заведений было 4, а сегодня их 19.

Сверконцентрация промышленности в ядре чебоксарской агломерации – одна из характерных особенностей индустриального сектора республики (табл.2). Более половины всей промышленной продукции, обеспечивающей 60% ВРП, 90% всего объема формируемой региональной прибыли, дают несколько крупных предприятий машиностроения и химической промышленности, которые размещены в основном в Чебоксарах. Большинство из них являются самыми крупными в целом по отрасли в России, некоторые сосредоточивают монопольный выпуск уникальной или специфичной продукции, например, ими производится около 30% ткацких станков, 25% электропогрузчиков, 20% тканей России. Как отмечал А.Н. Пилясов, эти фирмы изначально были сориентированы на выпуск большого объема продукции, чтобы получать основной экономический эффект, поэтому оказались уязвимыми в период экономической реформы. На сегодня лишь некоторые промышленные предприятия успешно функционируют, как правило это те которые сумели реструктуризироваться и найти надежных партнеров по реализации готовой продукции.

Спутниковая зона агломерации также функционально изменилась. В прошлом в Новочебоксарске выделялись две отрасли хозяйства: промышленность и строительство. На сегодняшний день обе отрасли сохранили специализирующее значение, правда занятость в строительстве несколько снизилась. В то же время наблюдается рост числа занятых в транспортной сфере, за вторую половину 1990-х годов эта отрасль значительно выросла и оказалась профильной для города. Интересно, что значение индекса оказалось одинаково высоким в промышленности и в транспортной сфере (1,4), показатель равный 1 характерен для здравоохранения и сферы услуг.

В худшей ситуации находятся малые городские поселения Цивильск и Кугеси. Как уже отмечалось, практически все филиалы и цеха столичных предприятий постепенно закрылись, выжили лишь предприятия, ориентированные на производство потребительских товаров пищевой и легкой промышленности, а также предприятия АПК. В связи с этим изменилась структура занятости населения и увеличилось число не занятых в хозяйстве городских поселений людей. Так например, в Цивильске около 30% трудоспособного населения не занято в хозяйстве города. Как правило население работает в личном подсобном хозяйстве, либо ищет работу за пределами города и республики. Полевые наблюдения и проведенный опрос пассажиров автотранспорта, позволили определить удельный вес маятниковых мигрантов от общего числа городских жителей спутниковой зоны агломерации, он составил на 2001 год 13- 16%, колебания показателя носят сезонный характер, рост по сравнению с 1992 г. незначительный (10%). Наиболее активное перемещение людей наблюдается в трех направлениях: из Новочебоксарска, Кугеси и Цивильска. Самая значительная группа миграций – учебная, далее следует трудовая миграция. Соответственно в возрастном составе маятниковых мигрантов, по сравнению с прошлым десятилетием увеличилось количество молодежи в возрасте до 25 лет, это не только студенты, обучающиеся в Чебоксарских вузах., но и учащиеся престижных средних и среднеспециальных учебных заведений.

Социальное развитие спутниковой зоны значительно отстает от ядра, если показатели развития отраслей социальной сферы сопоставлять с ядром и общереспубликанскими, то показатели развития сферы услуг, торговли и размер инвестиций в спутниковой зоне в несколько раз ниже по сравнению с Чебоксарами и не соответствуют весу населения этой зоны (табл.2). Среди сельских поселений спутниковой зоны наблюдается территориальная дифференциация социального развития, привлекательнее выглядят селения расположенные вблизи и вдоль автомагистралей, особенно в южном направлении, что поддерживается расположением в том же направлении городских поселений агломерации.

В связи с этим мы можем предположить развитие агломерации в южном направлении, в сторону Канаша – города республиканского подчинения и третьего по числу жителей. В республике имеется 5 городов республиканского подчинения, помимо Чебоксар, Новочебоксарска и Канаша в их состав входят Шумерля и Алатырь, два последних на сегодня по людности относятся к малым городам, поэтому их удельный вес в численности населения невысок, также как невысока их доля в промышленном производстве республики по 2%. Канаш по всем социально-экономическим показателям занимает третье место. Город расположен в центральной индустриально-аграрной части республики, в нем сосредоточены машиностроение и металлообработка, химическая и пищевая промышленность. Канаш имеет естественный ограничитель дальнейшего роста. Город расположен на водоразделе речных систем, вдали от постоянных источников пресной воды, что вызывает хронические перебои в водоснабжении. Это единственный город в Чувашии, в котором суточная норма воды лимитирована, поэтому она подается лишь в определенные часы. Долгое время ситуация не решалась, но, по-видимому, в скором будущем на республиканском уровне проблема найдет решение. Этому способствует выгодное географическое положение и объективный процесс развития городского расселения, где Канаш выступает в качестве опорного центра системы расселения. По пассажиро- и грузообороту этот транспортный узел самый крупный в республике. В сферу его влияния входит не только одноименный район, но и соседние с ним районы. Межрайонные связи проявляются как на производственном уровне - сырье для предприятий пищевой и легкой промышленности (в городе действует фабрика валяной обуви), так и на социальном уровне – город традиционно специализировался на подготовке кадров со среднеспециальным образованием для сферы образования и здравоохранения, а в последние годы здесь успешно функционируют филиалы высших учебных заведений Чебоксар и Казани.

В общей системе городского расселения республики своеобразно положение Козловки – самого молодого и восточного города Чувашии. Чувашский город Козловка, впрочем, как и марийский город Волжск, а также татарский город Зеленодольск находятся под влиянием Казани. Пограничная зона, созданная административными границами трех республик является лишь формальным разграничением, реально – это единый, на наш взгляд, территориально-хозяйственный комплекс, в котором важная роль отводится социально-культурным и хозяйственно-бытовым связям. Притяжение Казани сохраняется во все сезоны года, несмотря на то, что город Козловка расположен на правом берегу Волги. В навигационный период паромное сообщение способствует росту пассажиропотоков между Козловкой и поселениями спутниковой зоны Казани (автомобильная дорога через Волжск, далее на Зеленодольск и Казань). Кроме того, весь год сохраняется интенсивное пассажирское сообщение между Свияжском (правобережным спутником Казани) и Козловкой.

Аналогичная ситуация наблюдается на юго-западе республики, где систему расселения возглавляет город Алатырь, распространивший сферу своего влияния на пограничные территории соседней республики Мордовия. Наиболее тесные связи наблюдаются в направлении Алатырь – Ардатов (мордовский город), ежедневно в этом направлении перемещается около 200 человек.

Подводя итоги, отметим следующее.

Городская система расселения Чувашии относительно молодая, формирование которой происходит в новых условиях, впрочем, как и большинство республиканских систем городского расселения страны. В них, как правило, сохраняется миграционный прирост населения по этническому признаку, имеют место своего рода сетевые этнические связи и особенно высоки процессы концентрации населения в столичных агломерациях.

За последние 20 лет изменилась территориальная и функциональная структура чебоксарской агломерации, это проявляется, во-первых, в территориальном сжатии агломерации, во-вторых, в дифференциации функций территориальных элементов агломерации, в том числе в расширении непроизводственной сферы ее ядра.

Чебоксарская агломерация, оторвавшись от остальных городских поселений республики в социально-экономическом и демографическом развитии, является автономно развивающейся системой. Располагаясь на севере республики, она не способствует социально-экономическому развитию всей ее территории. Такую функцию могли бы выполнять, по нашему мнению, полюса роста городского расселения. Особенно перспективно развитие Канаша, в силу его центрального географического положения в республике и особых, выходящих за рамки одноименного района городских функций, а направление Чебоксары-Канаш могло бы стать осью развития и социально-экономических преобразований республики.

При относительно равномерном распределении городских поселений республики наблюдаются пограничные локальные взаимодействия городских поселений соседних регионов, что является следствием инерционного типа развития системы городского расселения. Этот тип развития нежелателен для республики, так как способствует распылению средств и не формирует главной оси развития, вокруг которой интенсивнее бы протекали социально-экономические преобразования.

Литература.

1. Бурьян А.П. Делимитация городских агломераций (на примере Челябинской агломерации) – Ученые записки Пермского университета, 1973, N 311, С.47
2. Дмитриев А.В., Лола А.М., Межевич М.Н. Где живет советский человек. М.: Мысль, 1988, С.151-154
3. Зубаревич Н.В. Социальное развитие городов в переходный период: факторы неравенства. / Проблемы урбанизации на рубеже веков – Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 106-118.
4. Лаппо Г.М. Развитие городских агломераций в СССР. М.: Наука, 1978 г.
5. Листенгурт Ф.М. Критерии выделения крупномасштабных агломераций в СССР// Изв. АН СССР. Сер. Географическая, 1975, N 1, С. 41-59
6. Перельгин Ю.А. Процесс урбанизации в России и в Чувашии - Чебоксары, 2003
7. Пилясов А.Н. Отчет. Обоснование инвестиционных проектов газификации населенных пунктов Чувашской республики для включения в ФЦП «Сокращение различий в социально-экономическом Развитии регионов Российской Федерации на 2002-2010 гг. и до 2015 г.». М.: 2002.
8. Полян П.М. Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения. М.: АН СССР ИГ, 1989
9. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века./ Проблемы урбанизации на рубеже веков – Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71-86.
10. Хорев Б.С. Варианты моделирования опорной сети расселения (пример Чувашии). В сб.: Малый город. Социально-демографическое исследование небольшого города. М.: Мысль, 1972, С. 161-180.
11. Трифонова З.А. Историко-географический анализ формирования сети городских поселений Чувашии. / В сб. Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития. М.: ИГ РАН, 2002, С.265-271.

Кабаджа Е.А.

ОТРАСЛЕВЫЕ ГОРОДА КАК ОДИН ИЗ ОБЪЕКТОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И КРУПНОЙ РОССИЙСКОЙ КОМПАНИИ (НА ПРИМЕРЕ "ЛУКОЙЛА")

После десяти лет экономических и структурных преобразований, Россия остается преимущественно сырьевой страной. Основу ее благосостояния и процветания, положение в мире и геополитические возможности в значительной степени определяют природные богатства, их добыча и первичная переработка. Одним из важнейших ресурсов, которыми наделена Россия, является нефть. Наша страна обладает одним из крупнейших на планете нефтяных потенциалов. Ее перспективные и прогнозные ресурсы оцениваются в 62,7 млрд. т, что составляет 13% всех имеющихся на Земле. По этому показателю Россия занимает четвертое-пятое место в мире. Эксплуатируемые нефтяные запасы составляют 5% мировых.

В российской экономике нефтяной отрасли принадлежит очень важная роль. Если на долю всего топливно-энергетического комплекса приходится 20% ВВП, то «нефтянке» принадлежит половина — около 10% ВВП. Нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие предприятия обеспечивают около четверти налоговых и таможенных поступлений в казну. Более трети поступающей в Россию экспортной валютной выручки также образуется за счет нефтяного сектора. По объему нефтяного экспорта наша страна занимает второе место в мире, уступая лишь Саудовской Аравии, а по объему нефтедобычи находится на третьем, пропустив вперед ту же Саудовскую Аравию и США.

На сегодняшний день нефтяной комплекс — это более 130 тыс. скважин, сотни тысяч км нефтепроводов и нефтепродуктопроводов, нефтеперерабатывающие заводы, нефтебазы. Государственная монополия на нефтяные ресурсы уступила место частному бизнесу. На сегодняшний день в структуре собственности нефтедобывающего комплекса доля государства составляет чуть более 30%. Количество недропользователей в добыче нефти превысило две сотни. Впрочем, основу «нефтянки», ее три четверти, составляют крупные ВИК, созданные по принципу «от скважины до бензоколонки».

В 1960—70-е гг., когда многие нефтяные регионы России еще только начинали осваиваться, Госпланом СССР было установлено, что, исходя из обеспеченности разведанными запасами, они будут разрабатываться в среднем 35–40 лет. Для успешной работы нефтяной промышленности в СССР в это время создавались города, где т.н. «нефтянка» становилась градообразующим фактором. В число таких городов вошли Лангепас, Урай, Когалым, по первым буквам которых получила свое название одна из ведущих нефтяных компаний России «ЛУКОЙЛ», ставшая первой в России нефтяной вертикально интегрированной компанией (ВИК), с включением в нее группы нефтедобывающих (Лангепас — Урай — Когалым) и нефтеперерабатывающих (Пермь — Волгоград — Башкортостан — Мажейкяй) предприятий. Сбыт пока оставался в ведении республиканских ведомств нефтепродуктообеспечения.

«ЛУКОЙЛ» был образован в 1991 г. В это же время появилась идея реорганизации нефтяного комплекса России на основе создания полноценных (добыча — переработка — сбыт) нефтяных компаний по примеру крупнейших мировых производителей нефти и нефтепродуктов «Шеврон», «Бритиш Петролеум» и др.

Большое внимание в таких компаниях уделяется региональной политике. Исходя из принятой в 1995 г. и пересмотренной в 2000 г. «Энергетической стратегии России до 2002 г.», одной из основных задач, поставленной перед ТЭК, — стать фактором роста экономики страны. Один из разделов Программы — Региональная экономическая политика, в которой основной упор делается на обеспечение социально-экономического развития региона любого уровня на основе эффективного, надежного и безопасного энергоснабжения при минимальных затратах на производство, преобразование, транспорт и потребление энергоносителей при соблюдении приемлемого уровня техногенного воздействия на природную среду.

Создание ВИК в отрасли предполагало отказ от монополии государства и введение рыночных факторов, прежде всего конкуренции, компании получили реальную возможность иметь собственную политику, что позволяло перейти от монополии к конкуренции. Однако в результате оказались разорваны горизонтальные связи, и каждая компания «получила» свой регион, где она стала сама монополистом.

В середине 1990-х гг. было обследовано 22 области, и только на рынках Астраханской и Псковской областей, в Краснодарском и Ставропольском краях действовало на паритетных началах по 2 компании, в остальных же — доминировала 1 компания. Так, в Орловской области сбыт нефтепродуктов на 97% осуществлял «ЮКОС», и лишь 3% приходилось на «ЛУКОЙЛ». Конкуренция среди ВИК сейчас имеет место только в крупных городах. В Москве, например, помимо отечественных ВИК работают и иностранные поставщики («Бритиш Петролеум»).

Потому роль ВИК в региональной экономике на современном этапе очень значительна, они не только являются зачастую основными донорами региональных бюджетов, но также должны выполнять ряд социально значимых функций: сохранение и создание новых рабочих мест, поддержание и создание социальной инфраструктуры (здравоохранение, образование, жилищно-коммунальное хозяйство и т.п.). Сейчас на 1 работающего в нефтяной промышленности России приходится 7–8 человек из обслуживающих ее отраслей.

Сокращение промышленного и гражданского строительства, особенно в Западной Сибири, привело к распаду здесь мощных строительных организаций в нефтеперерабатывающих районах. Вследствие этого произошло существенное уменьшение работ по обустройству новых

месторождений, строительству и реконструкции систем сбора и транспорта нефти, строительству жилья, школ, больниц и других объектов. Это, в свою очередь, вызвало рост социальной напряженности, особенно заметный в отраслевых городах.

Нефтяные компании обеспечивают не только рабочие места, но и во многих случаях обеспечивают жизнедеятельность целых населенных пунктов, неся ответственность за обеспечение жильем, образование, социальное обеспечение, работу общественного транспорта и даже снабжение своих работников продовольствием.

Хотя эти функции могут и должны быть переданы местным органам самоуправления или городским властям, на практике пока не так, муниципальные службы сильно зависят от предприятий данного района. Для того, чтобы крупные нефтяные компании могли эффективно конкурировать с зарубежными «аналогами», которые не обременены такими функциями, в интересах как самой нефтяной отрасли, так и социального развития общества необходима своеобразная «реструктуризация» социальной деятельности нефтяных компаний. Однако при решении этой проблемы не должны ущемляться интересы работников компании и жителей районов.

Западные компании в кризисные годы проводят редиверсификацию, т.е. освобождение от непрофильных для нефтяников предприятий. В наших условиях происходит обратный процесс. При этом экономический кризис 1990-х гг. оказался наиболее острым для ряда моноотраслевых промышленных городов. Быстрые темпы инфляции повлекли за собой резкое снижение оборотных средств. Произошел разрыв традиционных связей по сбыту продукции, что привело или к частым остановкам производства, или к полной остановке предприятия. Для «нефтяных» городов к этому добавились и такие причины, как выработанность месторождений, переход на скважины, находящиеся в сложных горно-геологических условиях, а также наличие разбросанной и громоздкой инфраструктуры.

Помимо этого можно отметить такие причины, как:

- ориентация на больший объем добычи, чем они могли позволить себе в это время и из-за этого - потеря эффективности предприятия;
- преобладание неэкономической ориентации на увеличение добычи без учета соображений финансового характера;
- отсутствие нового, адекватного рыночным условиям, механизма хозяйствования, преобладание производственных аспектов над финансово-экономическими проблемами;
- неплатежи за отпущенную продукцию.

Каким образом нефтяная промышленность пытается преодолеть эти проблемы, рассмотрим на примере двух дочерних добывающих компаний ВИК «ЛУКОЙЛ»: I — «ЛУКОЙЛ-Когалымнефтегаз», с самого начала вошедшая в состав Компании и II — «ЛУКОЙЛ-Пермьнефть», ставшая частью Компании в сентябре 1995 г.

Особенность отраслевых городов СССР, унаследованных затем Россией, состоит в том, что создавались они, в отличие от Запада, по инициативе и на средства государства. Мигрантов в районы нового освоения также направляли централизованно. Государство обеспечивало им определенные условия существования. Из-за сурового климата условий и неразвитости инфраструктуры стандарты жизнеобеспечения в новых нефтяных районах и городах были значительно ниже, чем в старопромышленных, но они, тем не менее, на протяжении долгого времени гарантировались государством. С другой стороны, государство в интересах текущего момента и целесообразности практиковало ускоренную разработку недр, приводившую к быстрому истощению сырьевых районов. По мере истощения месторождений города приходили в упадок, а новые города строились на новых месторождениях, которые находились во все более сложных для освоения и заселения природных условиях. Форсированная добыча сокращает срок службы месторождения и вместе с ним города, применение новой техники и современных технологий, наоборот, способно удлинить его.

Когалым возник благодаря открытым в 1971 г. в этих местах Ватьеганскому и Тевмено-Руссинскому месторождениям нефти, добыча которой началась в 1978 г. Добываемая нефть, в отличие от нефти Урало-Поволжья, относится к качественным и высококачественным, доля которых по России не превышает 20%. Статус города Когалым получил в 1985 г., когда там проживало 15 тыс. человек, сейчас его население приблизилось к 55 тыс. человек. Население росло пропорционально добыче нефти за счет миграционного притока вплоть до 1990-х гг. Общероссийский кризис оказал на него не столь сильное воздействие как на отраслевые города, например, угольной или машиностроительной промышленности, тем более, что ВИК «ЛУКОЙЛ» образовалась в 1991 г. еще до распада СССР и сумела сохранить свои традиционные хозяйственные связи и звенья производства. Поэтому убыли населения из-за отъезда промысловиков практически не произошло: в

1995 г. город покинули 19 человек, в 1999 г. — 276 человек. Прирост населения идет в основном за счет естественного прироста — порядка 500 чел./год. Доля лиц моложе 17 лет достигает здесь 38%, а пенсионеров всего — 8,7%. Когалым — многонациональный город с преобладанием русского населения (57%), украинцев (17%) и выходцев из «нефтяных» республик бывшего СССР — татар, башкир и азербайджанцев (14%).

Ресурсный потенциал Когалыма очень значителен, расположенные здесь месторождения находятся в зрелой стадии, когда добыча, достигнув высоких показателей, поддерживается на таком уровне в течение длительного периода (порядка 30-32 млн. т). До стадии затухания, которая влечет за собой серьезные экономические и социальные проблемы, еще далеко, но уже сейчас «ЛУКОЙЛ» использует здесь инновации, способные продлить жизнь месторождений и города.

С самого начала Когалым, в отличие от многих промышленных «моногородов», был не столько поселением при предприятии, сколько городом в полном смысле этого слова. Благодаря такой градостроительной политике он сегодня претендует на то, чтобы стать одним из наиболее динамично развивающихся экономических и культурных центров Западной Сибири.

Город хорошо спланирован, производственная зона вынесена за его черту. Имеет хорошую транспортную сеть: аэродром с пропускной способностью 15-20 рейсов в день, железнодорожную станцию (600 пассажиров ежедневно, 6-7 тыс. вагонов в год), муниципальное автотранспортное предприятие (4,5 млн. т/км в год). Буровые находятся в среднем в часе езды на машине. Работа здесь ведется вахтовым способом (15 дней). Культура производства и быта в таких поселках находится на хорошем уровне, строго соблюдается экологическая безопасность. Все это зависит от политики, проводимой «ЛУКОЙЛом» на своих предприятиях.

Для того, чтобы город имел будущее, связанное не только с нефтью, в городе строятся предприятия различного профиля, прежде всего швейные (фабрика «Рябинушка») и пищевые (хлебозавод, молочный завод). Хорошо развита система городского хозяйства (10 предприятий). В Когалыме зарегистрировано 46 предприятий со смешанным капиталом, в т.ч. 7 с иностранным, и 147 частных предприятий, работающих в сфере торговли и строительства.

Однако город, созданный для нефтяников-промысловиков, во второй половине 90-х годов стал и центром нефтепереработки, обеспечивая местные потребности, и научным центром, в составе которого работают институт «КогалымНИПИнефть» (115 научных сотрудников) и Центр исследования керна и пластовых флюидов.

О диверсификации функций в городе говорят такие факты. Если в 1985 г. в городе было всего 24,6 тыс. рабочих мест, из которых почти 60% были непосредственно на буровых, то в 1998 г. из 51,6 тыс. всех занятых на нефтедобычу приходилось всего лишь треть от общего числа. Но приоритет, естественно, остается за нефтяной промышленностью. Сегодня «ЛУКОЙЛ-Когалымнефтегаз» вкладывает большие средства в геологическую службу предприятия, в создание собственного вычислительного центра, покупку дорогостоящих программ, разработку математических моделей месторождений.

И все же, несмотря на благоприятные прогнозы по нефтедобыче, в Когалыме, который изначально планировался как 100-тысячный город, решено ограничиться 50-55 тыс. жителей для того, чтобы с наименьшими потерями войти в период затухания нефтедобычи.

Уже сейчас штат сотрудников Компании был сокращен на 1,9 тыс. человек, ограничен приток извне работников других профессий. Социологический опрос показал, что перспективнее использовать здесь не вахтовиков, а постоянно проживающих в городе. Так, отдача нефтяника-вахтовика на треть ниже, чем когалымского рабочего. Как считают в руководстве Компании, сокращения будут продолжаться и впредь. Это позволит лучше решать проблему трудоустройства горожан и уменьшит затраты на дотацию авиаперевозок. Кроме того, чем больше будут совершенствоваться технологии, тем меньшим числом занятых можно обходиться. Кроме этого, регулировать число жителей Когалыма предполагается, переселяя пенсионеров в более благоустроенные районы в европейской части России.

Таким образом, будущее Когалыма, зависит от социальной политики «ЛУКОЙЛ-Когалымнефтегаз», направленной на регулирование числа жителей и частично — на диверсификацию производства.

В отличие от «ЛУКОЙЛ-Когалымнефтегаз», работающей в одном городе, «ЛУКОЙЛ-Пермьнефть» действует на территории 13 городов и районов Пермской области, разрабатывая 45 месторождений и добывая в год 5,3 млн. т нефти. Ее удельный вес в добыче всей области составляет почти 60%, а в нефтедобыче всего «ЛУКОЙЛа» — 10,3%. В «Пермьнефти» работает больше 5 тыс. человек.

Добыча нефти в Пермской области началась в 1929 г., сейчас это самые старые российские нефтепромыслы. Большое значение для СССР они имели в разгар Великой Отечественной войны, когда по существу был «отрезан» Азербайджан. Максимум добычи пришелся на 1950—1970-е годы. В это время активно велось геологоразведочное бурение, стремительно росла добыча. К концу 1980-х годов она должна была достигнуть 25 млн. т. Предполагалось, что Пермская область на долгий срок станет важным нефтедобывающим районом. Однако надежды не оправдались. С 1970-х гг. началось неуклонное снижение добычи из-за выработанности месторождений. Благодаря новым методам в добыче, к началу 1980-х гг. снижение удалось приостановить и стабилизировать добычу. Сейчас месторождения Пермской области выработаны в среднем на 50%.

Кризисный период в российской экономике больно ударил по нефтяной промышленности области. Зависимость области от нефтяной промышленности очень высока, т.к. здесь сосредоточены добыча и переработка нефти, создан крупный машиностроительный комплекс, производящий оборудование для нефтяной промышленности. К 1995 г. «Пермьнефть» находилась на грани гибели. Пришедшая в это время новая команда руководителей решилась на радикальные действия, опирающиеся на внедрение наиболее прогрессивных управленческих, производственных и социальных технологий. Для решения этой задачи «Пермьнефть» вошла на права дочерней компании в «ЛУКОЙЛ». Благодаря этому появилась программа выхода из кризиса, состоящая из 3-х этапов: реструктуризация — оптимизация — развитие.

На I этапе основной целью стало финансовое оздоровление предприятий. Для решения этой задачи были выделены производственные ядра и определены механизмы управления ими, разработаны адекватные поставленной цели программы планирования, учета и контроля. Также осуществлялась широкая кооперация с подрядными организациями. На этом этапе (1995—98 гг.) были проведены качественные изменения в управлении нефтедобывающим предприятием. На II этапе (1998—2000 гг.) были реализованы программы организационного развития, оптимизации модели управления, соответствующей деятельности предприятия. Они создали предпосылки для следующего, III этапа, начавшегося в 2001 г. Этот этап рассчитан на 4-5 лет. В отличие от первых двух, когда вводился новый менеджмент, на третьем основной упор делается на программы стабилизации добычи нефти.

Для успешной работы «Пермьнефти» необходима тесная связь с местными властями. Налоговые отчисления нефтедобывающих предприятий формируют значительную часть местных бюджетов. Благодаря им смягчалась социальная напряженность в области, решались проблемы, не связанные с нефтедобычей и ее персоналом. Раньше большая часть налогов от нефтедобычи уходила из нефтяных городов, расположенных, как правило, в отдаленных районах, в плохих климатических и бытовых условиях. Здесь хронически не хватало средств на развитие инфраструктуры, реализацию элементарных социальных программ. Тяжелые природные условия усугубляются и тем вредом, который наносят окружающей среде нефтепромыслы. На природоохранные меры средства практически не выделялись. В этих городах и поселках проживают в основном промысловики и их семьи, и именно здесь, например, на юге Пермской области, высока социальная напряженность из-за тяжелых условий труда и быта, отсутствия необходимых инвестиций.

Менеджеры «Пермьнефти» еще за 5 лет до принятия нового налогового кодекса начали, совместно и с согласия местных властей, выплачивать налог на доходы физических лиц на местах пропорционально количеству работников предприятия, проживающих там, а налог на прибыль — на территории, где предприятие эту прибыль получает. Тогда эти предложения шли вразрез с существующим законодательством. После принятия нового налогового кодекса это было узаконено: выплаты идут в районы пропорционально количеству работающих и основным фондам, находящимся в этом районе.

Пермская область в целом относится к числу экономически стабильных регионов-доноров. Это крупный центр тяжелой промышленности, имеющий много наукоемких отраслей, опирающихся на значительную собственную базу НИОКР. В структуре промышленности преобладают: химическая — 20% (из которых 90% приходится на производство взрывчатых веществ) и оборонная промышленность — 40% («Пермские моторы», «Протон», «Мотовилихинские заводы» и др.). Развита деревообрабатывающая, металлургическая, легкая и пищевая промышленность. Но основные поступления в бюджет области идут за счет добывающей промышленности — нефтяной (1,5-2% запасов РФ) и соледобывающей (50% запасов калийных и 20% магниевых солей России). Нефтяные предприятия «ЛУКОЙЛа» формируют более трети бюджета области.

Благодаря новой налоговой политике и восстановлению прибыльности «Пермьнефти» после реструктуризации стало возможным внедрять новые технологии, призванные обезопасить окружающую среду. Однако, с изношенной инфраструктурой трудно избежать аварии. Поэтому было

создано специальное подразделение и освоены прогрессивные технологии для минимизации последствий аварий. Помимо этого ведется утилизация твердых отходов (земля + нефть), в большом количестве оставшихся после экстенсивных способов разработки месторождений.

Во главу своей деятельности менеджеры «Пермнефти» поставили «социальную ответственность бизнеса» — гарант его длительного и стабильного существования его. Благополучие окружающего социума, наряду с реальной программой работы предприятия в рыночной среде, является залогом экономического процветания.

В ходе реализации программы оздоровления компании ее менеджеры выделили две структурные составляющие социальной ответственности — внутреннюю и внешнюю. Первая реализуется при условии высокого уровня корпоративной культуры в виде гарантий стабильного положения и достойного качества жизни работников, их психологического комфорта, а также социальных перспектив. Вторая состоит в обеспечении социальной и экологической безопасности предприятия для окружающих территорий, в его активном участии в решении самых разных проблем региона, реализации благотворительных и культурных программ, внедрении высоких норм деловых отношений, материальном вкладе в экономику региона и страны, формировании благоприятного климата для развития производства. Все это ведет к созданию позитивного образа нефтяного бизнеса.

До реструктуризации в «Пермнефть» входило почти 20 различных подразделений. Под их управлением, кроме предприятий, непосредственно связанных с добычей нефти и попутного газа, были такие структуры как завод железобетонных изделий, 4 строительно-монтажных управления, вычислительный центр, проектный институт, управление автомобильных дорог, 7 совхозов, торговые предприятия. В рыночных условиях все это стало мешать основной задаче «Пермнефти», поэтому часть таких предприятий была упразднена, а жилищно-коммунальное хозяйство передано муниципалитетам.

Таким образом, «Пермнефть» была реорганизована в производственную структуру, способную приносить прибыль на основе безопасного природопользования и оптимизировать среду обитания через обеспечение высокого качества жизни для работников предприятий и жителей региона.

Помимо «ЛУКОЙЛ-Пермнефти» в области действуют еще 2 дочерние компании «ЛУКОЙЛа» — «Пермнефтеоргсинтез» (10 тыс. занятых), выпускающий большой ассортимент продуктов переработки нефти и «Пермнефтепродукт» (2,3 тыс. занятых), реализующий нефтепродукты.

Для успешной работы «нефтяных городов» нужна связка: геологоразведка — добыча — транспорт — переработка — нефтехимия — сбыт, что возможно только при вертикальной интеграции, которую обеспечивают такие нефтяные компании, как ЛУКОЙЛ, ЮКОС и др. Однако чрезмерный рост налогов может поставить под вопрос само существование таких городов, т.к. в основном они находятся на старых месторождениях, где добывается «тяжелая нефть», больше чем на 50% состоящая из воды и других примесей. С точки зрения предпринимателя месторождение нужно эксплуатировать до тех пор, пока приносит прибыль. В условиях России, где на старых месторождениях находятся десятки нефтяных городов, проводится другая политика. Старые месторождения продолжают эксплуатировать, используя новые технологии, новые формы организации труда. В этом случае вырастает значение малых и средних компаний, широко использующих методы вторичного извлечения нефти на старых, выработанных месторождениях.

С целью продления жизни «нефтяных» городов необходимо принять закон о налоговых льготах для малодебитных скважин и месторождений, что позволит поддерживать добычу на старых и стареющих месторождениях Урало-Поволжья и Западной Сибири.

Проблемы отраслевых городов, возникающие при истощении месторождений, не имеют общего решения. Все зависит от конкретного региона и города, от возможности перепрофилирования их предприятий, организовать новые производства и сферы деятельности. Важно также адаптироваться к новым условиям хозяйствования в рыночной среде, что также будет способствовать продолжению функционирования таких городов.

Литература

1. Алекперов В.Ю. Вертикально-интегрированные нефтяные компании России, М., 1996, 294 с.
2. Алекперов В.Ю. Нефть России, М., «Классика», 2001, 142 с.
3. Когалым. Время и люди. М., «Ирма», 2000, 134 с.
4. Когалым. Город и годы. М., «Русская книга», 1995, 94 с.
5. Пермская нефть. Искусство быть выше обстоятельств. М., «Дело», 2003, 239 с.

ОБРАЗЫ И ПАРАДОКСЫ ДЕПРЕССИВНЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

(на примере Кизеловского бассейна и Ивановской области)

Сразу попрошу прощения за претензии названия. Заявленные в нем "образы" – не всегда массовые (они выявлены лишь отчасти), а часто только поверхностные личные представления. У разных посетителей тех же самых мест они могут не совпадать, делая противоречивыми экзогенные образы, отличные, в свою очередь, от местных эндогенных. Поэтому незаменимы объективные данные. Ну а "парадоксы" – суть просто странности и особенности, в духе квазитолстовского афоризма: все несчастные города несчастливы по-своему. Впрочем, есть в них нечто сходное, типовое.

Градоведение России, выйдя из дисциплинарного спада начала 90-х гг., уже не обходится без оценок общего состояния городов. Позволю себе напомнить, что доклад на 15-й сессии в Тольятти (Нефедова, Трейвиш, 1998) содержал такую оценку для 86% городов страны по семи статистическим признакам 1996 г., в разгар всеобщей депрессии. Самых хилых оказалось 7% (67) и столько же здоровых, удачливых.¹ Еще 19% можно было считать "полубольными". Однако на все 250 пришлось 6% населения ранжированных городов, а на более крупные здоровые – 30%. Похожие результаты Экспертный институт давал по монопрофильным городам (Монопрофильные..., 2000).

Сердцу географа близок тезис польских коллег (Gorzalak, 1989; Региональные..., 1990) об *отличии пространственных вариаций всеобщего кризиса от кризисов отдельных пространств, экономических ландшафтов*. У них разные корни и течение болезни, то есть диагноз, прогноз, да и терапия. Но как их различать, если признаки (спад производства, безработица и др.) одинаковы? Среди явно депрессивных городов России легче выявить две "профгруппы": центры угледобычи и легкой индустрии. Упадок последних статистика отражает полнее. Так, 60% текстильных моногородов имели худший сводный рейтинг состояния, а 3 из 4 лучших оказались спутниками Москвы и Петербурга, то есть городами иного типа (Монопрофильные..., 2000, сс. 8-128). У нас текстильщики тоже отличались низкими баллами, и в Ивановской области в 1996 г. вовсе не было здоровых городов, в лучшем случае – "троечники", включая почти полумиллионный г. Иваново.

Для городов-угольщиков типичны средние и даже высокие оценки (например, у "богатого" Нерюнгри) ввиду немалых заработков, работы на экспорт, а также отсутствия данных о поселках в районах шахтной добычи угля и выбытия из числа моноотраслевых ряда подмосковных и других центров. Но Кизел еще числился в топливных моногородах с общим рейтингом 1997 г. чуть ниже среднего. В общем, тут не обходится без лукавой цифры, что делает столь важным личное впечатление, хотя бы самое беглое.

К моей профессиональной досаде, я после 1990 г. долго не видел представителей этих депрессивных групп. Худшими из посещенных регионов казались Псковский и Костромской. После 18-й сессии в Костроме мы с В.А.Колосовым шутейно ввели единицу крупногородской разрухи "одна кострома" и Чебоксары на 19-й сессии оценили в 3-5 костром (или в 0,3-0,2 костромы): чувашская столица куда здоровее и благообразнее, что вскоре подтвердила ее победа в общероссийском конкурсе городского благоустройства.

За последний год мне удалось навестить такие центры угольной и текстильной депрессии, как Кизел и Иваново с их округами. Это уже при постдефолтном оживлении, затронувшем многие города, на фоне которых очаги застоя и депрессии, пусть с разной динамикой и самоощущением, выделяются резче. Итак, по порядку.

Страдания не очень старого Кизела

Сравнивая Урал с американскими Аппалачами, всегда помнят об отличиях, в том числе о бедности Урала углем. При его первом взлете в мануфактурных XVII-XVIII веках это не мешало росту древесноугольной металлургии, а сказалось уже в коксовую эпоху южных уэльсов, руров и донбассов. Тем ценнее казались местные залежи каменного угля, как бы фрагменты уральских Аппалачей, прежде всего кизеловские.

Географически это часть старопромышленной дуги, тянувшейся на 200 км от Камы к предгорьям и включающей очаги лесопереработки, химии, угледобычи, металлургии, машиностроения. Кизел, основанный Строгановыми в конце XVIII века, на 8 лет позже Перми, к 1913 г. имел 7 тыс. жит. и добывал 0,9 млн т (18%) каменного угля России в ее современных границах. К

¹ Распределение в общем нормальное и очень близкое к характерным пропорциям круглых отличников, середнячков и двоечников в российской общеобразовательной школе.

середине XX в. абсолютные цифры выросли на порядок. Права города Кизел получил в 1926 г., с запозданием, типичным для уральских приисков, но достаточным, чтобы его возраст оказался на 90 лет меньше официального среднего для всех городов Пермской области (взвешенного на их нынешнюю людность).

Пик роста бассейна как кочегарки и даже коксовой базы Урала, дававшей 10-15 млн т угля, пришелся на 1940-50-е гг., когда там было более 30 шахт и, кроме Кизела, Губахи, Гремячинска, еще город Коспаш, позже упраздненный. Позже на район стали смотреть как на обузу. Его доля в российской угледобыче упала с довоенных 12% до 6% в 60-х гг. и 1,5% к 1985 г. Он не выдерживал конкуренции по качеству угля, затратам на добычу. Она падала; взамен строились другие предприятия, не спасшие Кизел от конечного краха.

Мы завернули туда от основного маршрута по области летом 2002 г. всего на двое суток. Ехали с юга, из Чусового, чья металлургия каждые полчаса пускает ядовито-желтые дымы, радующие горожан: жив завод – есть работа и деньги. Следующая по пути Губаха процветает. Там уникальная в своем роде горнолыжная база (зимой можно съехать прямо к огням действующих коксовых батарей) и новенький метаноловый завод на транзитном тюменском газе. А за ним – главная часть Кизеловского бассейна: пара тысяч кв. км и десяток поселений, шесть из них в одноименном горсовете.

Зная о кончине бассейна, уже готовые к печальным картинам, мы все равно были поражены вопиющей ландшафтной очевидностью разрухи. Такие руины от поселков могла оставить война: "Мамай прошел", "фашист пролетел". Как после бомбежек, зияют пустыми глазницами скелеты многоквартирных шлакоблочных домов (сырые и холодные, они покидаются первыми). Грустно, когда умирает лесная деревня, но внешне это не так страшно. Остатки срубов быстро зарастают иван-чаем, крапивой, березой; природа стирает следы людского жилья, как его и не было. А каменные развалины пугают и назидают потомков еще очень долго.

В чем же первопричина разрухи: в объективном и неумолимом ходе вещей, в чьих-то ошибках, злодеяниях или же в головах вообще (по М. Булгакову)?

Уникальная парадоксальность смерти бассейна состоит в ее скоростности и рукотворности. Историю этой казни или самоубийства, ставшую местным эпосом, вам поведаст любой, со своими деталями. Вот краткая обобщенная версия. Когда в 1993 г. Всемирный банк выделил средства на санацию российской угледобычи, Ельцин созвал глав угольных регионов. Деньги манили всех, пугали социальные издержки. А прежний пермский глава Г.В.Игумнов якобы заявил, что в Кизеле с углем пора кончать: его мало, добыча убыточна. Есть ремонтные, литейные, мебельные, швейные предприятия, сфера услуг. Они помогут выжить городу, а деньги ВБ – уехать шахтерам.

И закрыли за 2-3 года все шахты до единой по сговору с трестом "Кизелуголь", реальным хозяином места. Он и сдал его с 59 тыс. жит. (ныне порядка 40 тыс.). Директор, скорее кончавший с шахтой, получал участок под Москвой. Во избежание акций протеста кончали за часы: ток отрубали, что-то из техники тащили на гора, прочее бросали. Бассейн числится закрытым с 1999 г., а в 2002 г. "Кизелуголь" стал банкротом за нецелевое расходование средств реструктуризации: документы нашли лишь на 1/4 суммы в 2,4 млрд. рублей, потраченных с 1998 г. (до деноминации – 3 триллиона).

Если констатирующая часть диагноза была резонна, то зато прогноз провалился полностью. За угледобычей (рис. 1) и шахтерскими заработками¹ рухнули все отрасли, не подумав превращаться в градообразующие из вспомогательных, порой внедренных сюда лишь для баланса мужского и женского труда (кстати, женщин с 1994 г. тут уже больше). К 2000 г. от бывшего производства остался 1% – даже для полюса депрессии маловато. И к тому шло: к 1990 г. кизеловская продукция составляла 1-1,5% продукции областного центра, уступая и индустрии соседей (рис. 2) с близким числом жителей. Из доходных дел остались левая добыча металлолома с шахтных дворов и торговля: пить-есть надо. Из рядовых – работа в ближних леспромхозах, "вертухаем" в лагерях (прежде позор для шахтера), в остатках соцкультбыта да огородный самопрокорм в поселках. Однако почвы и климат тут такие, что картофелины рождаются с орех величиной. И их-то соседи безбожно крадут с неохраняемых участков.

¹ По уровню зарплат Кизел в 1991 г. не уступал Перми и опережал соседние города. В 2000 г. он в области – уже третий с конца после совсем захудалого Оханска и Чермоза. Рабочие полуживых промпредприятий получают в 4-5 раз меньше, чем в Перми, Березниках, Соликамске, Губахе, Чусовом.

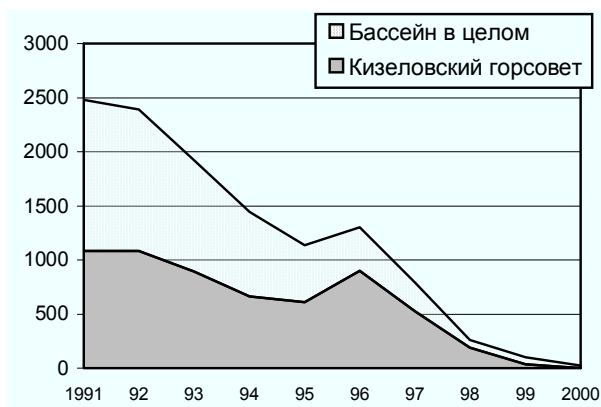

Рис. 1. Добыча угля в Кизеловском бассейне, тонн в год, 1991-2000

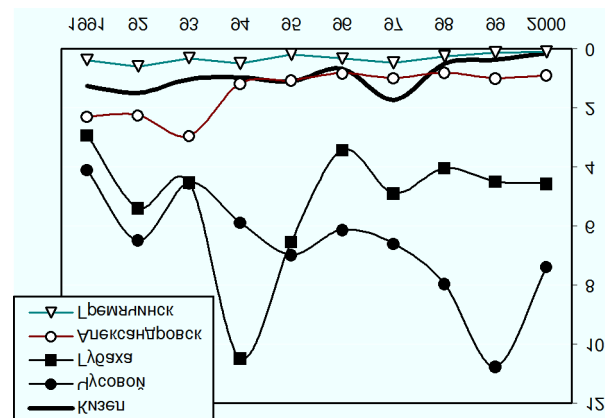

Рис. 2. Промышленная продукция Кизела и его соседей в % к продукции г. Пермь, 1991-2000

Источник: Паспорта..., 2002

Обещанные жилищные сертификаты получили 1200 работников шахт из 11 тыс. на момент закрытия; многие еще безнадежно ждут. Право на сертификат сохраняет лишь тот, кто официально не работает, числится в службе занятости. А у той – известная политика: предложив 2-3 заведомо негодных вакансии, людей снимают с регистрации, переводя явление в скрытую форму. Формальная безработица, и раньше неадекватная, "снизилась" до 2-4%: просто фикция. Все это усугубляет последствия верховного воровства.

Население заперто в депрессивной ржавой чаше, посредине которой буквально и символически ржавеет громадина центральной обогатительной фабрики, недостроенной с послевоенных лет. Тот первый звонок, как водится, не услышали. Хотя лет 15 тому назад Кизел славился достатком, хорошим снабжением. Застроенный в центре капитальными домами сталинского типа, он до сих пор импозантен – этакий мини-Донецк. Хорошая квартира стоит, говорят, несколько тысяч рублей.

Город все равно разъезжается и с 1990 г., по текущей статистике, потерял треть населения (около 5 тыс. от естественной убыли, 7 тыс. за счет миграции¹), несмотря на то, что жителей шахтных поселков селяют в Кизел. Сселению подлежат 3000 семей из ветхих, стоящих над выработками домов. Купить жилье за смешные для москвичей деньги они не могут и заперты еще крепче. Впрочем, фактически людей меньше, чем числится. Кто "отходничает" в Перми, Березняках, кто уехал дальше, сохраняя старую регистрацию и дом, который нет смысла продавать за бесценок. Все это должны показать данные последней переписи, но при подготовке статьи у меня их еще не было.

Главный парадокс депрессивной дыры – социальный. Если в Кизеле мало работы, за нее надо держаться, стараться? Ан и нет! Девчонки в магазинах, столовых и т. п. ведут себя так (хамят, обманывают), словно везде очереди и дефицит, хотя в продаже есть даже черная икра для немногих богачей. В городе пьют, и так лихо, что предприниматели, выкупив швейную фабрику, не смогли нанять на нее три десятка трезвых работниц. В общем, двух дней хватило для заключения, сформулированного И.Н.Волковой: *здесь все худшее от прежней системы жизни сочетается со всем худшим от новой.*

Мне кажется, что это общие черты омутов депрессии. Они застревают во времени, ничего не извлекая из перемен. И засасывают людей, приучая к хронической бедности, подавляя, истощая человеческий капитал – не поголовно, но массово. Бедность не только в том, что местный бюджет дотационен на 80%. Важнее качественная метаморфоза, когда шахтерский район с его гонором, былым почетом и т. п. превращается вот в такую яму. Кто был всем, тот становится ничем.

¹ В расчете на 1000 жителей эта убыль – одна из самых больших у городов области, а по удельному оттоку населения Кизел лидирует среди них с 1996 г.

Есть, впрочем, литературный анекдот в тему. Фицджеральд рассуждал о том, что богатые чем-то сильно отличаются от бедных. – Тем, что у них есть деньги, – отвечал ему Хэмингуэй... Но так ли он прав, разве у нищеты и разрухи нет своего механизма инерции? Даже порожденные сугубо внешними факторами, они застревают затем в головах, надолго поражая местное общество. Тогда трудно уповать на смену поколений. Новое, выросшее в депрессивном гетто, внушает мало оптимизма, хотя доминируют средние и старшие.

В пгт Центрально-Коспашский ведет необычная дорога. Ее мостили брусчаткой из шлаков с таким процентом металла, что она искрится в любую погоду. Муниципально-бюджетная централизация оставила поселку одного администратора – Роберта Егоровича Рифеля, сына ссыльных немцев. Вся его родня в Германии, а он любит простор, грибы-ягоды, охоту-рыбалку. Помнит время, когда во всем Коспаше с эками было 20 тыс. жит. Теперь формально 6, а реально 4 тыс., из них 2,5 тыс. пенсионеров. Из 800 частных дворов скоро останется разве 250, из 9 школ – одна, из 5 котельных – тоже одна, на газе. Детсад, баня, торговые точки – вот и вся деятельность, не считая огородов (по 2-3 сотки). До 90 безработных трудяг ждут жилищных сертификатов, сидя на шее у жен или родителей. В Березняки "на вахты" ездят всего 15 чел. Переселению в Кизел подлежат 200 семей. Часть поселка вечно без света (провода крадут), зимой по улицам ходят на лыжах, домики надо откапывать: сугробы выше крыши.

От контор в самом Кизеле веет апатией. В администрации все положенные службы, конечно, на месте. Но для такой ситуации, требующей каких-то особых инициатив, они, как нам показалось, слабоваты. Еще недавно всем рулил "Кизелуголь". Его массивное здание совсем пусто. Населен уголок, где поместился комитет мониторинга социально-экономических последствий ликвидации бассейна с компьютерами и т. п. Нам сообщили некоторые данные, но объемистых материалов своих отчетов не дали. Признали, что бассейн был оберечен. К 1990 г. дотации достигали 30% отпускной цены угля, а вскоре себестоимость в 2,5-3 раза превысила рыночную цену. Но парадокс еще в том, что перед ликвидацией на ряде шахт обновили оборудование, которое вскоре там погребли. Все таки пару потенциально рентабельных шахт на юге бассейна, где лучше горные условия, стоило сохранить. Хотя бы бани топили своим, а не кузнецким углем (казахский плохо горит, воркутинский не возят).

Там же мы узнали, как скромны нормы шахтерских жилищных сертификатов: 33 кв. метра общей площади на одного, 42 метра на двоих, 54 – на троих. Но и на этом можно спекулировать, "отоварив" сертификат, скажем, в дорогой Перми и купив затем дешевое жилье в родном Кизеле. Народ-то ушлый... Только чем эти операции незаконны или аморальны? Виноваты ли сидельцы Кизела, что нет у них капитала, кроме этих, на 9/10 украденных гарантий да сильнейших российских перепадов в ценах на жилье? Вот градиент и дает им ресурс для выживания, а недавняя, но уже прочная репутация Кизела как хронически больного места сей странный ресурс воспроизводит.

Мы нигде не слышали опровержений такой репутации в большой и неоднородной Пермской области, с ее бойкими центрами, разными промышленными районами, глухими медвежьими углами. А цельность образов присуща не всем депрессивным ареалам. Быть может, Кизел нетипичен, хотя не все угольные города процветают как Нерюнгри. В Ростбассе и на Печоре есть столь же хворые места. И все же добыча угля в стране за годы кризиса упала всего на треть, а вот выпуск тканей – в 3-4 раза, трикотажа – в 6, обуви – в 12 раз. Такой спад гарантировал кризис базам легкой промышленности. Их характер и образы при всей специфике чем-то похожи на кизеловские.

Ситцевая депрессия: взгляд снаружи

Портрет Ивановской области в первой отечественной книге по географии выборов (Весна 89..., 1990, с. 240) Л.В.Смирнягин начал с того, что это воплощение российской глубинки. Ему вторит западный журналист Р.Бергер (2002, с. 41), открывший "глубокую провинцию, спрятавшуюся в 300 км на северо-восток от Москвы", Русский Манчестер, город Первого Совета, ставший городом невест. Выходит, будто эта глубинка ну совсем рядом с Москвой. А ведь радиус в 300 км перекроет с лихвой всю Швейцарию, Венгрию и даже Белоруссию.¹ Как же не быть комплексу захолустности!

Один из парадоксов региона кроется в его геоположении. Это бесспорная часть русского историко-культурного и промышленного ядра, но расположенная, как писал Смирнягин, в стороне от столбовых дорог. Транзитные коридоры идут через Ярославль или Нижний, а между ними, за Волгой

¹ На представления о дистанциях явно влияет размер страны по принципу "что немцу далеко, то русскому близко". То есть должно быть близко, но не всегда бывает. Кстати, Кизел по железной дороге вдвое ближе к Перми. А ночной поезд тащится до нее те же часов семь, что ивановский до Москвы. Какая-то фатальная езда: толком не выпешься и за день не обернешься. Правда, на машине до Иванова – часа четыре.

(Горьковским водохранилищем), – тупик. И хотя уже готов первый в области мост Кинешма-Заволжье, стратегически он мало что изменит, ибо дальше-то пусто, тайга. Амбициозный проект развития Ивановского международного аэропорта тоже внушает сомнения, ведь кругом немало конкурентов.

Таблица 1.

Возраст городов Ивановской и смежных областей: СО – средний взвешенный на современную людность всех городов, Ц – официальный возраст областного центра

Области	Число городов	Даты основания (получения статуса)		Возраст к 2000 г., лет	
		СО	Ц	СО	Ц
Ивановская	17	1838	1871	162	129
Нижегородская	28	1514	1221	486	779
Костромская	12	1368	1152	632	848
Ярославская	11	1247	1010	753	990
Владимирская	23	1478	1108	522	892

Источник: расчеты автора

Есть и парадокс исторический: этот стропромышленный регион во многих иных отношениях довольно молод. Особенно по сравнению с городами смежных областей, не говоря об их центрах, столицах старинных княжеств (табл. 1). С ивановскими все наоборот, а расчетная средняя дата (1838) прямо указывает на период промышленного переворота. Между прочим, Смирнягин заметил, что некоторые памятники Иванова где-нибудь в Ярославле и не подумали бы брать под охрану. Местная история не то чтобы бедна, но все же не так глубока, как у соседей. Ее скачки четко фиксируют изменения административного ранга, отражающие и реальный вес, и реноме, образы, мифы края крестьян-капиталистов, его городов-фабрик (рис. 3). Кстати, один из отцов-основателей Д.Г.Бурьлин (1852-1924), сын крепостного, фабрикант и коллекционер, оставил городу чудесные музеи в стиле русского модерна. А нынешний Художественный музей под руководством Л. и С.Воловневских активно работает с образами и мифами.

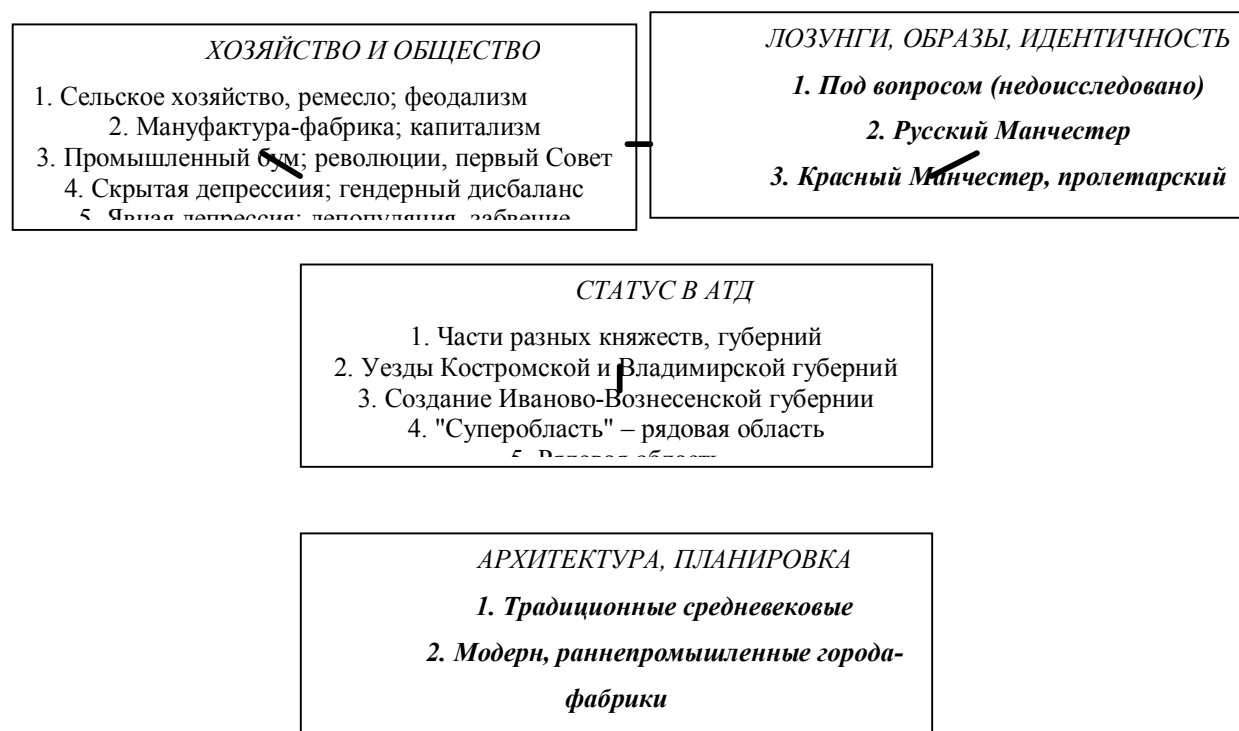

Рис. 3. Пятистадийная схема эволюции Иванова и области в разных сферах жизни

Будучи частью более обширного ареала кустарных промыслов, Ивановский регион долго был лишен своего особенного лица и должного статуса в АТД страны. Иваново-Вознесенск, выросший за 1870-1915 гг. с 17 до 170 тыс. жит., ставший третьим "хлопкополисом" Центра после Москвы и Орехова-Зуева, а с 1905 г. – родиной советов и третьей пролетарской столицей России после Питера и Москвы (по Ленину), оставался безудездным городом.

В 1918 г. он наконец возглавил собственную губернию. А в 1929 г. при тотальной реформе АТД – административно-хозяйственную "сверхобласть" (4,5 млн жит.). Соседи-соперники Ярославль,

Владимир и Кострома вошли в нее сперва на правах окружных центров (рис. 4). Но в 30-40-х гг. суперобласти разукрупнили, лишив ряда полномочий. Нэповский региональный хозрасчет пал жертвой индустриализации и наркоматовской централизации. "Миг столичности" оставил Иванову ряд учреждений, особенно вузов, притом памятников советского конструктивизма, творений славных зодчих эпохи.

Тем временем область стала отставать. Ее промышленная продукция выросла за 1928-40 гг. в 2,5 раза. А в Костромской – в 3, во Владимирской и Тульской – в 4-5, Ярославской и Московской – в 9-10, Горьковской – в 11 раз. Если темпы и завышены, то разница налицо. Однако на 4-5% населения Центрального района он в 1950-80-х гг. стабильно давал 6-7% промышленной продукции (теперь – 2%). Кризис Красного Манчестера маскировали экономика дефицита и гарантия сбыта любых товаров, система цен, заниженных на сырье и завышенных на готовые изделия. И еще отрицание самой возможности каких-то кризисов при социализме.

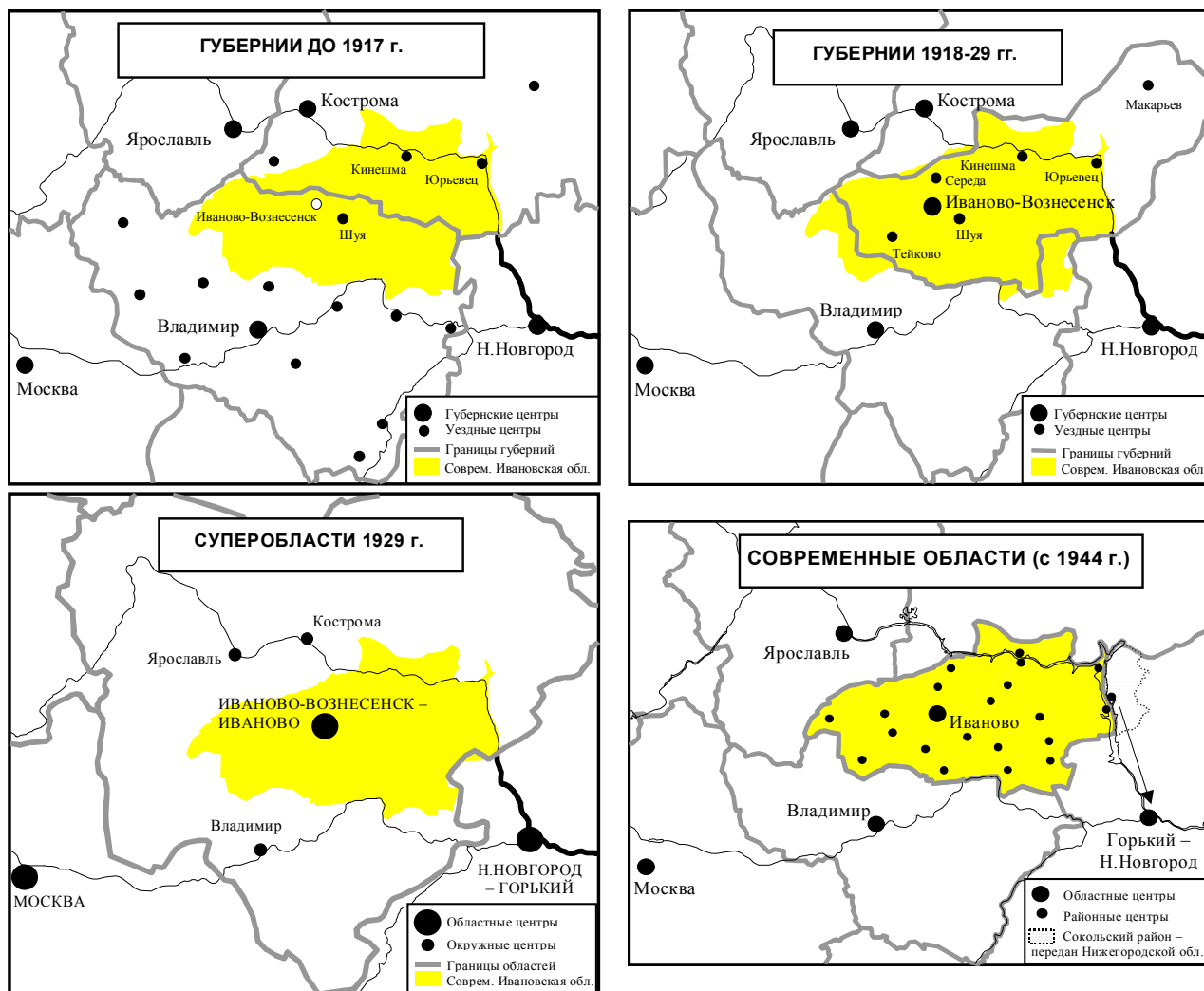

Рис. 4. Место региона в схемах административно-территориального деления

Ползучая депрессия выражалась в том, что регион обходили крупные инвестиции, а по средней зарплате он уступал соседям. Еще очевиднее гендерные диспропорции. До революции профессия ткача была мужской и доходной (15 руб. в месяц – это три коровы, более 200 кг мяса, 200 советских рублей – 100 кг, пара нынешних тысяч – 20 кг). Между войнами ткачих стало 75%, после второй – до 90%. До 1914 г. мужчин в русских городах было побольше, чем женщин. Потом наоборот. В Ивановском регионе их насчитывалось 134-138 на 100 мужчин против обычных для Центра России 117-119, а местами – 150-160. Уже по переписи 2002 г., женщин в городах в области

на 25% больше. Недавно СМИ сообщили о массовой вербовке девушек из Кинешмы в Таиланд для известных занятий. Попутно отмечалось, что в городе туго с работой.¹

Л.Смирнягин (Весна-89, с. 243) писал, что в национальном сознании закрепился образ Иванова как района славного, но прошлого, с могучей, но устаревшей индустрией, города невест и печальных социальных последствий однобокой специализации. И что маска, прирастая к лицу, отражала и восприятие ивановцами самих себя. Однако это был реквизит для маскарада. Регион имел повышенный политический вес как рассадник рабочих делегатов, моделей успеха советской женщины. Ну а на фабрики везли работниц из всяких дальних мест. Там, где "незамужние ткачихи составляли большинство", размещали воинские части, заводы машиностроения и т. п.

Рис. 5. Доля горожан (1) и работников промышленности (2) Ивановской области в Центрально-Волжском ареале (пять смежных областей в их современных границах), %

Источники: Статистика населения и промышленности за разные годы, расчеты автора

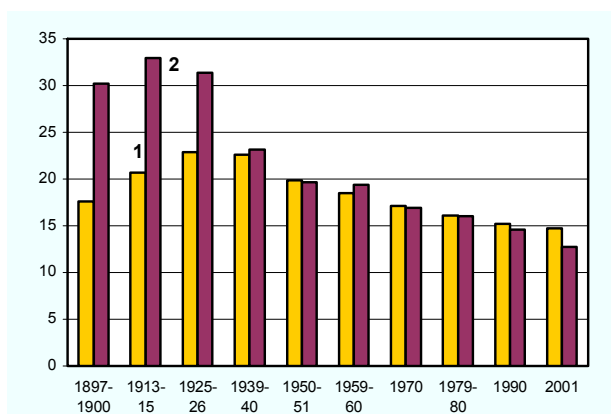
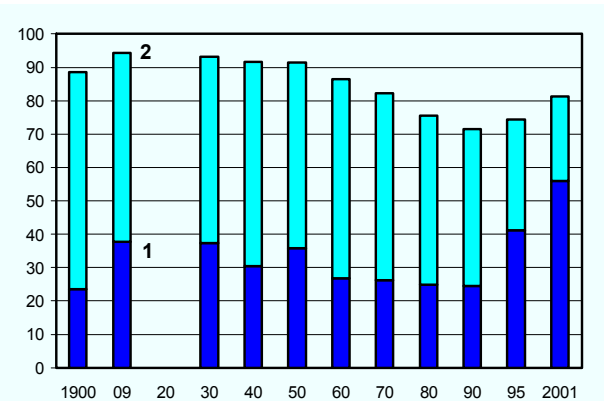

Рис. 6. Динамика вклада Ивановской области (1) и всей Центральной промышленной полосы (2) в общероссийское производство тканей, %

К 1980 г. текстиль еще давал $\frac{3}{4}$ промышленного продукта области, занимая $\frac{1}{2}$ персонала. В западных манчестерах он давно не доминировал. Иваново, как и польский Лодзь, отставали от них лет на 35 (Dickens, 1986 Территориальная..., 1995, с. 86-88). Но гипериндустриальная область, где половину занятых удерживал второй сектор, уже всюду теряла кадры. Ее позиции слабели, причем даже в роли ситцевого цеха – вместе со всем Центральным очагом (рис. 5, 6), тем паче, что рост окраин страны и решение "мужских" проблем в зонах тяжелой индустрии расширяли географию легкой. В городах СССР новые отрасли вообще-то теснили старые косвенно, за счет своих масштабов. И карты (рис. 7), составленные по разным источникам (Амальрик, 1957; Паспорта..., 2002 и др.), говорят о том, что вытеснение шло быстрее в других частях старотекстильного ареала, особенно в Московской, то есть об их остаточной концентрации, сжатии к Ивановской и отчасти Владимирской областям.

¹ Для справки. В 2000 г. женщин там числилось 56 тыс., мужчин – 43 тыс. (129 на 100). Из 57 тыс. жителей трудоспособного возраста формально безработных было всего 526 человек (менее 1% и в 10 раз меньше, чем в 1995-96 гг.), хотя официально работали только 30,5 тыс. (около 54%).

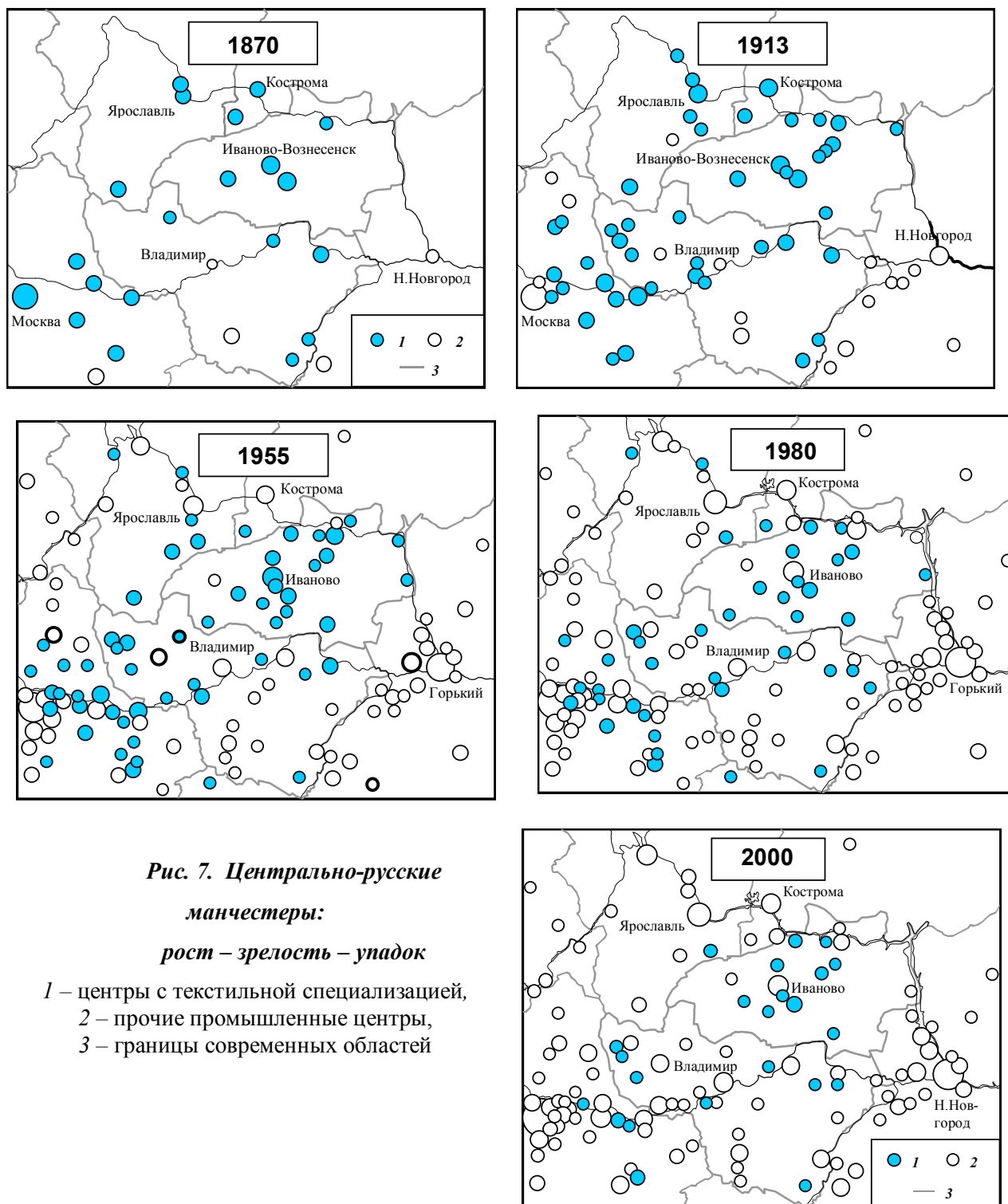

**Рис. 7. Центрально-русские
манчестеры:
рост – зрелость – упадок**

1 – центры с текстильной специализацией,
2 – прочие промышленные центры,
3 – границы современных областей

Отсюда современные парадоксы. Сначала кризис совсем задавил текстиль и его ареал. Безработица по МОТ к 1998 г. дошла в области до 19% (и 21,5% у мужчин, отражая еще больший спад в соответствующих отраслях). Чемпионом среди всех 950 городов РФ, сообщивших в 1996 г. Госкомстату о своих официально безработных, был ивановский райцентр Южа: до 39%. Но при этом вклад региона в российский выпуск тканей превысил 1/2 (рис. 6), а по хлопчатобумажным – 2/3. Вообще-то многие промрайоны (топливные, металлургические) усилили специализацию и вклад главных отраслей в свое производство. Но в ивановской продукции доля отрасли-аутсайдера 90-х гг. упала более чем вдвое, до 1/3 (по РФ – 1,5%). В 10 городах области она выше 50%, а у 5 (Тейково, Приволжск, Наволоки, Родники, Южа) – выше 75%. Только она не обеспечивает былого престижа,

рабочих мест, доходов и налогов. Даже подъем после 1998 г. не стабилизировал кадры индустрии (рис. 8). С 1980 г. она утратила 57% (190 тысяч) мест.

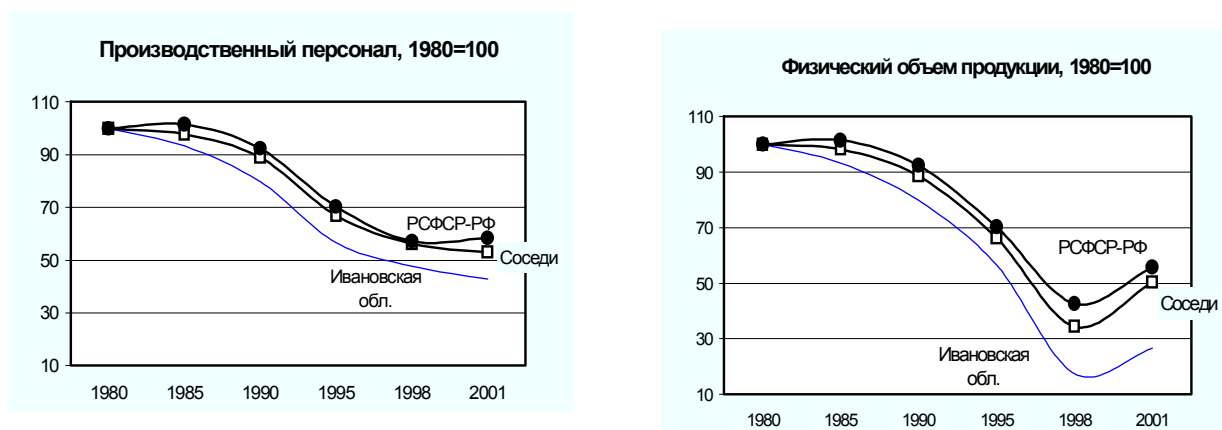

Рис. 8. Индустриальная динамика Ивановской, соседних областей и России в целом, 1980-2001

Примечательно, что обвал тут, как в Кизеле и в отличие, например, от Кузбасса, не сопровождался громкими протестами и не доставил особых забот Кремлю. Ивановские ткачи, подобно лионским, делали революции, а защитить свои ветхие бастионы от бурь глобально-рыночной эпохи уже не пытались. Постаревшим жителям, а чаще жительницам "усталых городов" (термин перестроечных лет) просто не до того.

Ситцевая депрессия: взгляд изнутри

Материал по региону я подбирал для проекта "Shrinking cities" (убывающие города в не самом точном переводе). Конечный замысел берлинского архитектора Ф.Освальта – выставка, отражающая жизнь и облик выбранных им Детройта, Манчестера-Ливерпуля, Галле-Лейпцига и Иванова с парой местных городков. Ради поездок в текстильный край я согласился консультировать проект Освальта.

Первое впечатление: Иваново тонет в мартовской слякоти. На местном ТВ речь о том же: у соседей чисто, а у нас не пройти, не проехать, коммунальный двор не справляется. И уже летом в "Рабочем крае": "То что Иваново – грязный город, для большинства – аксиома". Вид чудесных исторических зданий ужасен, хотя на них вывески культурных заведений вроде музея М.В.Фрунзе. Уж не сделать ли эталоном разрухи *одно иваново*?

Впрочем, этот сюжет исчерпывает единство суждений. Мало у ивановцев согласия в оценке состояния города и региона, а тем более перспективы. Не все признают даже факт их депрессивности. И куда это они убывают? Вот если Детройт с 50-х гг. потерял 1/2 населения, Манчестер – 2/5, а в городах экс-ГДР пустуют 1,2 млн квартир, то это и правда впечатляет.¹ Но Средняя Россия – совсем иное дело?!

И верно, пока (с недавних пор) такая же, как "у них", убыль постигла наши север, а в Ивановской области с января 1989 г. по октябрь 2002 горожан убавилось на 12%; в г.Иваново – на 10% (Численность...; Города..., 2003). Это немногим хуже, чем в смежных областях и их центрах. Тем, кто далек от теорий демоперехода и эволюции расселения, невдомек, что не один переходный кризис вызвал депопуляцию городов; о длительной сельской-то знают все. Ивановцы должны еще знать, что их регион, хотя не только он, затронут ею давно (Город и деревня..., 2001, сс.199-205). С 1970-х гг. население Юрьевца, Заволжья, Вичуги, Южи убывало что-нибудь на 1/4.

Могло убить и считаться убывшим больше, если бы не три обстоятельства:

1. Область, как и весь Центр РФ, принимала мигрантов с окраин страны и из СНГ. В шоковых условиях 90-х гг. многие из них думали в основном о дешевом приюте, а не о работе и перспективе, то есть не о бедности и депрессивности мест вселения.

2. Большая часть миграций скрыта в тени. Перепись 2002 г., выявив "лишних" 1,5 млн человек в Москве, явно недосчитается в глубинке тех, кто подался в ту же столицу на заработки без

¹ Признаюсь, и меня поразили снимки пустырей фордовского центра с неожиданными и такими русскими огородами застрявших в нем безработных черных американцев.

регистрации (как из Кизела). Удаленность от нее затрудняет ежедневные поездки, требуя тех же вахтовых режимов и своего рода полуоседания у места работы.

3. Из-за климата, дефицита продуктов, бедности и традиций у нас особая, сезонная суб- и контрурбанизация. Если население убывающих западных городов ушло в субурии, то наше расплзается каждое лето еще шире, наполняя зоны депопуляции дачниками. При этом в провинции дачами зовут и садики-огородики в пригороде, где под давлением рекреационного спроса богатых горожан, агрорекреационного – бедных возник земельный рынок (Город и деревня..., 2001, сс. 374-399).

Текущая статистика всего этого не отражает. По ней, пока нет переписной, можно лишь заметить, что убыль населения в областном центре сопровождали небольшой рост в ближних пригородах, включая г.Кохму, и сильное сокращение в чуть более дальних (табл. 2). Так что признаки субурбанизации есть. А масштабы летней деконцентрации не выявит и перепись, прошедшая в октябре. Нужны специальные обследования, каких нигде толком не ведут. Поэтому феномен, всем знакомый на бытовом уровне, недоизучен и, как всякая народная стихия, недооценен, особенно чиновниками.

Табл. 2. Население Иванова и его пригородов (тыс. чел. на 1.01. каждого года)

Территории и класс поселений	1990	1996	2002
Город Иваново	482.4	471.9	447.1
Ближние пригороды (Ивановский район)	62.1	63.7	64
В том числе			
Городское население	28.1	28.3	29.1
Сельское население	34.0	35.4	34.9
Дальние пригороды (шесть окружающих районов)	303.2	294.5	278
В том числе			
Городское население*	233.9	226.4	214.4
Сельское население	69.3	68.1	63.6

* Включая города областного подчинения в данной зоне

Источник: Численность населения РСФСР (Российской Федерации)..., 1990, 1996, 2002.

Правда, не все россияне рвутся за город. Помню ивановского шофера, уроженца села и хозяина по натуре, которому не подходят ни его тесная квартирка, ни домик в деревне, ни садовый в пригороде. Те уж очень далеки (это с машиной!) и убоги. Зато прямо в черте города есть участок, где он и строит посильный особняк. Для Иванова и других планировочно рыхлых городов, где "частный сектор" занимает огромные площади, такой подход вполне разумен.

Возвращаясь к экономике, отмечу *парадокс, видимо связанный с объективной и с ментальной инерцией*. Для многих ивановцев и их "красного губернатора" В.И.Тихонова, священной коровой остается индустриальный старотекстильный профиль региона. "Губернаторское видение проблем Ивановской области" (подзаголовок статьи в книжке "Экономика Ивановской области"(2002, сс. 4-14)) исходит из образа России, явно взятого напрокат у А.П.Паршева (2001). Наш климат – не для внешних инвесторов, и они сюда не придут. У нас никогда не будет западных стандартов жизни. И нет иного пути, кроме всемерного развития в области текстильной составляющей с опорой на собственные силы, техническое обновление производства и его дополнение готовой трикотажной и швейной продукцией. А возникающие время от времени разговоры о целесообразности перепрофилирования текстильных предприятий в какие-то другие лишены как здравого смысла, так и элементарного инженерного расчета. Эти идеи развивает и "Стратегия развития Ивановской области до 2010 года" (там же, сс. 272-310).

Разговоры все равно возникают. Так, М.Мокрецов в "Курсиве" (24.01.2003) бичует консерватизм, протекционизм и самоизоляцию под лозунгом социальной справедливости, тогда как область отстает и нуждается в политике открытых дверей. Только "...изменение конфуцианской природы ивановского капитализма повлечет болезненное изменение психики...". Вопрос о модели выхода из кризиса ставится в той же "Экономике области", причем регион там тоже признан одним из самых отсталых и кризисных в России (с. 169). Чтобы выйти в разряд самодостаточных, надо вложить средства в науку, образование, сферу услуг. Такой потенциал у областного центра, конечно, есть. Местные специалисты часто указывают на престиж вузов, где учатся иностранцы и даже москвичи: дешево, а уровень совсем неплохой.

Ситуация сложная. И я не готов принять чью-то сторону, тем более, что в каждой видны слабые места. Ставка на сервисную экономику в широком смысле – рецепт вроде бы универсальный. Но она требует платежеспособного внутреннего или внешнего спроса на услуги, , то есть своего

богатого населения либо туристов, банкиров (если это, скажем, офшорная зона). Для региона, где обеспеченность автомашинами и телефонами, душевые доходы и инвестиции в 2-3 раза ниже средних по Центральному федеральному округу, а душевой экспорт меньше на порядок, такой сценарий выглядит малореальным, что оправдывает скептицизм губернатора.

Индустрия тоже не панацея. Каждое второе предприятие в удачном 2001 г. несло убытки, а из текстильных – 2/3. Долги, диктат поставщиков давальческого сырья, энергии и т. д. делают их неустойчивыми (Экономика..., 2002, с. 183). Едва опомнившись от шока, они снова меняют хозяев, увольняют рабочих. Продукция слишком дешева для покрытия всех издержек и дорога для конкуренции на средних условиях ВТО. Идею "дорашивания" промышленного комплекса до швейного этажа реализует малый бизнес. Шьют обычно постельное белье, спрос есть. Кажется, чего лучше! Вот только этаж-то теневой. Числятся 5-10, а работают сотни надомниц без налогов и т. п. Неформальную занятость в регионе оценили в 16%, для Центра РФ это максимум (Экономическая..., 2002, с. 81). Чуть лучше дела в машиностроении, где убыточных заводов теперь 1/3: уже достижение. Однако мощности широко известных станкостроительных предприятий загружены на считанные проценты. Несколько стабильнее ОАО "Автокран" и "Кранэкс". В начале XX в. в области падало производство и потребление энергии.

Вообще-то регион с таким профилем легче реструктурировать, чем угольный или стальной. Ведь шахте и домне трудно найти иное применение, а фабрике, заводу – легко. И находят: продают, сдают свободные площади (их предостаточно) магазинам, ночным клубам, казино. Хорошее оборудование часто идет при этом за бесценок или пропадает.¹

Для всей России типична разница между центром и периферией. А на Иваново, кроме административно-бюджетных механизмов, работает концентрация финальных производств, давно описанная географами (Лейзерович, 1970). Так, Большая Ивановская мануфактура (БИМ) теперь лишь доводит и красит ткани, свозимые с других фабрик региона. Понятно, что многим его городкам совсем худо.

Попав в Иваново, я не мог миновать Южу, печально известную по нашей и иностранной прессе (см. напр., Бергер, 2002, сс. 41-53). И нашел там еще один парадокс. Как же его назвать? Это что-то вроде счастья больного, едва избежавшего отправки в морг. В городе, который будто бы признавали беднейшим в Европе (но я не проверял), налицо оживление и оптимизм после недавнего мрака, от описания которого воздержусь. Замечу только, что отчаявшиеся жители, в отличие от иных мест, так давили на местную администрацию, ночуя вповалку в здании и т. п., что привели ее к смене. У руля встала женская команда В.А.Сысуевой, в шутку называющая себя "южским бабкомом", но для глубинки, притом ивановской, отнюдь не случайная.

При ней Южский район (как везде в области, он и город муниципально едины) стал хотя бы не последним, а скорее средним. Помогла реанимация после череды трагедий градообразующей прядильно-ткацкой фабрики, коей 150 лет. Она платит рабочим (их, понятно, стало меньше) 2-3 тыс. руб., делает бязевые ткани, хочет их и отделявать. Помог районный АПК, дающий мясо, яйца, молоко и еще землю под огороды горожанам (но, между прочим, с ней возятся не все: кто не может, а кто не хочет, даже если нечего есть). Помогли инвесторы из Москвы, занявшиеся торфоразработками, малые предприятия в торговле, лесном промысле и др. Бюджетно вынуждена помогать и область.

По-своему помогла даже широкая худая слава. На деньги фонда "Открытое общество" в Питере написали району стратегию развития, выделив его преимущества: дешевизну местного сырья и труда, условия для производства экологически чистых продуктов и для туризма (леса, живописные водоемы). Правда, это обычные прожекты нашей необъятной глубинки. Здесь есть еще знаменитый Холуй с лаковой миниатюрой, но он району не опора, ему бы вырваться из пут перекупщиков, одолеть фальсификаторов. Важнее, быть может, то, что правящая команда в принципе открыта для бизнеса: приходи, работай, мы поможем. Ведь тут не до жиру или амбиций...

Кое в чем этот случай похож на кизеловский. Формально здесь такой же уровень дотационности бюджета – 82%. Впрочем, если к собственным доходам относить лишь местные налоги, сборы и доходы, на которые способна влиять местная власть, то степень бюджетной самостоятельности упадет до 4% (Пряслов, 2003). А еще, как и в Кизеле, выручает зона заключения в пгт Талицы. Там тысяча пять "клиентов" и неплохие заработки для жителей района. Впрочем, Южа

¹ Фабричное здание занял ивановский торговый молл "Серебряный город". Станки выбрасывали из его окон и везли в металлолом. Зайдя в этот торговый центр весной, мы отметили популярность пищевой секции и музейную пустоту у импортного ширпотреба (дешевый местный продают на рынках). Вот и материал к размышлению о плюсах и минусах второй модели развития.

все таки находится в иной, лучшей, зоне и привлекает не только дачников, но даже дальних мигрантов.

Пора подвести итоги. Сперва повторю то, что и так давно известно. Подлинно депрессивное место есть место заболевшее, то есть потерявшее здоровье (если его никогда не было, то это уже иной тип вековой хвори), а также такое, которое не поправляется с оздоровлением общей обстановки в стране. При этом больные сельские ареалы изучены лучше (Иоффе, 1990; Нефедова, 2003), да и депрессия промышленно-городских только кажется новым явлением. К проблемным наши классики (Бандман и др., 1994) относили те места, которые не могут решить свои проблемы сами, без помощи извне.

Рассмотренные примеры подпадают под оба определения. Но все относительно. Жителю нашего очага депрессии места, слышущие таковыми в богатой стране, могут казаться чем-то иным, особенно издалека. А для России герои очерка не уникальны, скорее наоборот.¹ Их проблемность не означает полной беспомощности и не извиняет пассивности. Самоспасение утопающих всегда актуально, да и помочь легче тем, кто хочет выплыть. Вообще-то есть места, которым помощь не нужна, есть нуждающиеся в разовой, а иным нужна долговременная. И помогать надо людям, а не фабрикам и отраслям.² Но это о региональной политике, которая у нас вообще под вопросом.

Места депрессии, по идее, перспективнее просто отсталых. От славного прошлого они наследуют опыт, "вкус успеха", инфраструктуру и прочий потенциал. Да, все это может забыться и износиться, причем по меркам жизни города (района) довольно быстро. С другой стороны, нет худа без добра. Если старая градбаза мертва и оживить ее нельзя, нет больше "моногорода" с его проблемами и иллюзиями. Таков уже совсем не угольный Кизел, хотя пока ему от этого ничуть не легче. В Ивановской области судьба текстиля неочевидна, но и там зависимость от него так или иначе уменьшилась.

Что же касается образов и парадоксов, то из двух примеров следует: если не все, то часть "парадоксов" у них общие, типовые, а вот образы и самооценки скорее разные. Видимо, самое страшное – это сочетание неустранимой в короткий срок экономической депрессии с административной и социальной деградацией, унынием и апатией, когда пресловутую рыбу кушать могут, а любая удочка валится из рук, отвыкших от дела. И что тогда с ними делать? Для ответа нужен куда более глубокий социальный анализ. Свое же первое дело географического наблюдения и сравнения я, как мог, одолел.

Литература

1. Амальрик А.С. Карты "Промышленность Европейской части России" // Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 50. Союз Советских социалистических республик. – М.: БСЭ, 1957, вклейки между сс. 168-197.
2. Бандман М.К., Лаппо Г.М., Машбиц Я.Г. и др. Проблемные регионы: понятия, типы, особенности // Известия РАН, сер. геогр., 1994, № 5.
3. Бергер Р. Россия за газетной строкой. Взгляд на события иностранного корреспондента. Пер. с нем.: М.: Tages Anzeiger, 2002.
4. Весна 89: География и анатомия парламентских выборов. – М.: Прогресс, 1990.
5. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М.: ОГИ, 2001.
6. Иоффе Г.В. Сельское хозяйство Нечерноземья: территориальные проблемы. – М.: Наука, 1990.
7. Лейзерович Е.Е. Экономический подрайон как первичный территориально-производственный комплекс и его элементы (на примере Ивановской области) // Вопросы географии. Сб. 80. – М.: Мысль, 1970, сс. 206-220.
8. Монопрофильные города и градообразующие предприятия: база данных о градообразующих предприятиях и моногородах России. – М.: Хроникер, 2000.
9. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. – М.: "Новое издательство", 2003.
10. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. "Сильные" и "слабые" города России // Полюса и центры роста в региональном развитии. – М.: ИГРАН, МАРС, 1998, сс. 135-143.
11. Паспорта городов Российской Федерации. База данных ГВЦ Госкомстата России. – М.: 2002.
12. Паршев А.П. Почему Россия не Америка: книга для тех, кто остается здесь. – М.: Крымский мост-9Д. Форум, 2001.
13. Пряслов А.В. Экономика города Южа. Курсовая работа студента экономического факультета Ивановского госуниверситета. – Иваново, 2003.
14. Региональные исследования и территориальное планирование в Польше // Итоги науки и техники. География зарубежных стран, т. 16. – М.: ВИНТИ, 1990.
15. Территориальная структура хозяйства староосвоенных районов. – М.: Наука, 1995.
16. Численность населения РСФСР (Российской Федерации) по городам, поселкам городского типа и районам. – М.: Госкомстат России, 1990; 1996; 2002.

¹ Тут и вспомнишь польского сатирика-афориста С.Е.Леща: "Порядка нету в Датском королевстве... О, как ты необъятна, Дания!"

² В Европе долго не могли смириться с упадком отраслей, составивших славу наций, и их баз: Манчестера и манчестеров, Рура и руров. Однако не помогло, и стрелки остаточной поддержки в конце концов перевели на занятость в любой доходной сфере, на жилье, социальную инфраструктуру.

17. Численность постоянного населения по регионам Российской Федерации; Города с численностью постоянного населения 100 и более тысяч человек. Предварительные итоги переписи 2002 года. <http://www.gks.ru/perepis/>
18. Экономика Ивановской области: состояние, проблемы, развитие / Редколл. В.И.Тихонов и др. – Иваново: изд-во "Иваново-Вознесенск", 2002.
19. Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). – М.: Госкомстат России, 2002.
20. Dicken, P. Global Shift: Industrial Change in a Turbulent World. University of Manchester. – London: Harper & Row, 1986.
21. Gorzelak, G. Geography of the Polish Crisis: Theoretical Conclusions //: Problems of Local Development in Poland. Regional and Local Studies. – Warsaw: University of Warsaw, Institute of Space Economy, 1989, pp. 65-86.

Трофимов А.М., Кашбразиев Р.В., Тимиряева А.В.

КРИЗИСНЫЕ ГОРОДА

Города образуют «опорный каркас» региональных экономических систем и определяют, тем самым, в каждой точке экономического пространства условия использования природных, производственных и трудовых ресурсов. Вместе с тем, город сам является «сложной системой» (Лаппо 1997) с определенным набором выполняемых им функций. Когда некоторые функции исчезают, нарушается равновесие пространственной экономической системы, город перестает существовать как город (в случае монофункционального), или переходит в разряд кризисных.

Необходимо рассматривать возможности экономического роста кризисных городов с таких базовых позиций как оценка ресурсного потенциала. В интегральном потенциале этих городов именно ресурсной составляющей принадлежит ведущая роль. Это природно-ресурсный потенциал региона, который оказывает огромное влияние на их возникновение и развитие, и трудоресурсный потенциал. Хозяйственная деятельность региона развивается, отталкиваясь именно от природного и трудоресурсного потенциала; именно ресурсная составляющая интегрального потенциала определяет устойчивость региональных социально-экономических систем (Теория... 2001).

Следующий шаг - анализ развития всех отраслей регионального хозяйственного комплекса, оценка имущественного комплекса, накопленного за годы освоения ресурсов, выделение лидирующих отраслей промышленности и сельского хозяйства, анализ динамики инвестиций, роста доходов населения и т.д. На основании подобного анализа может быть выстроена гипотеза развития города того или иного региона. Анализ сложившихся тенденций развития основывается на следующих показателях: объем производственной продукции, среднегодовая численность занятых, число малых предприятий, оборот розничной торговли, платные услуги населению, доходы муниципальных бюджетов, финансовый результат предприятий, уровень жизни (реальные доходы) населения, реализация инвестиционных программ.

Согласно данному подходу, нами проводилось исследование по разработке перспективных направлений развития реального монофункционального промышленного центра - пгт Джалиль (в рамках хоздоговорной темы кафедры экономической географии и регионального анализа Казанского госуниверситета с НГДУ Джалиль). Целью работы являлась: 1) разработка комплексного функционального территориального прогноза пгт на основе сценарного подхода, 2) определение факторов устойчивости малого монофункционального города в современных условиях. Решение поставленной задачи потребовало рассмотрения широкого круга вопросов, касающихся: 1) населения, 2) социально-экономического и ресурсного потенциала, 3) экономики поселка, - для описания сценариев стратегии социально-экономического развития пгт.

Изучение текущей социально-экономической ситуации, сложившейся в поселке к июлю 2002 г., позволило выявить ряд ее характерных особенностей. Численность жителей поселка составила 15645 чел. (на 1.01.2002). Демографическая обстановка поселка в целом имеет общереспубликанские тенденции: отрицательный естественный прирост населения, снижение среднего возраста мужской смертности, рост числа разводов, вместе с тем, численность населения ежегодно незначительно растет за счет миграции.

Как было отмечено, возможности экономического роста кризисных городов необходимо рассматривать с таких базовых позиций как оценка природно-ресурсного потенциала. Применительно к региональной социально-экономической системе Юго-востока Татарстана, промышленное развитие которой началось во второй половине 1940-х гг. в связи с развитием нефтедобычи, ситуация складывается следующая: извлекаемые запасы нефти выработаны более чем

на 76 %; обеспеченность добычи нефти составляет около 25 лет (Анализ и основные...1996, с.20). (См.: рис.1.).

Оценка уровня жизни населения была основана как на статистическом материале, так и на анализе результатов социологического опроса. Ознакомление с уровнем доходов занятых в различных предприятиях и организациях пгт позволило сделать вывод о наличии трех категорий экономически активного населения (см. табл.1):

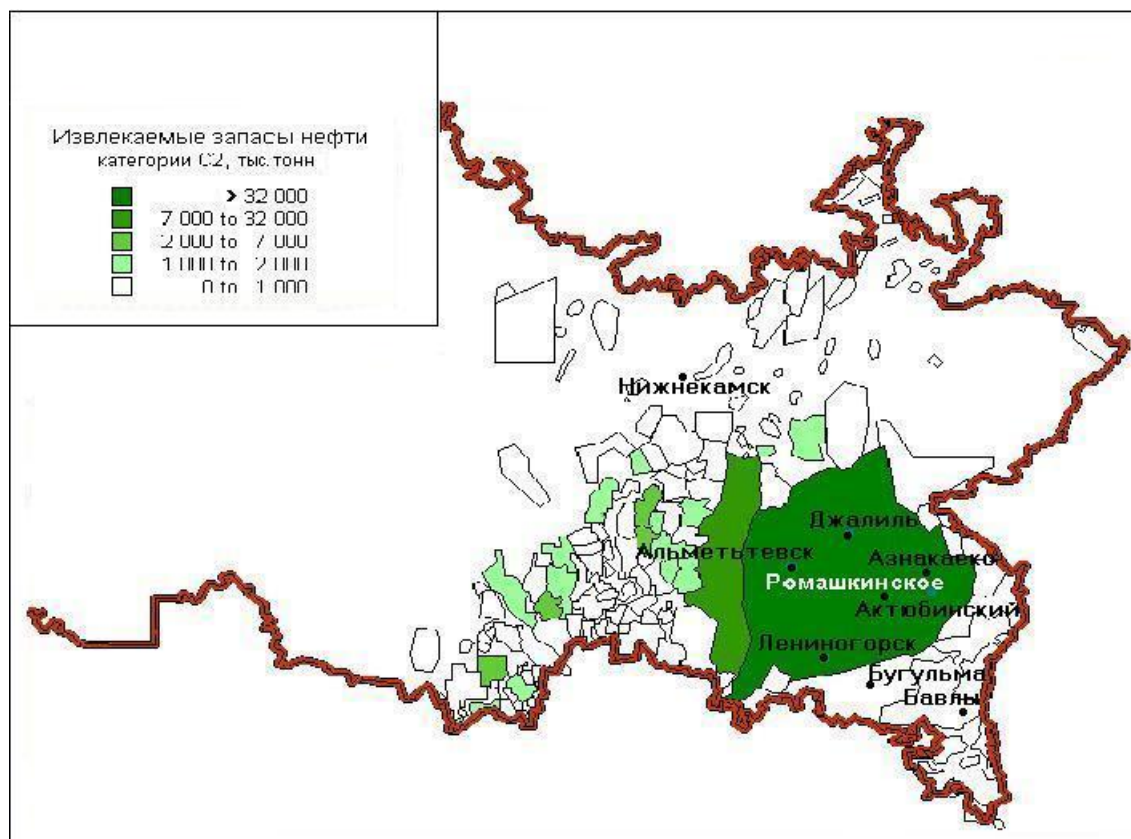

Рис. 1. «Нефтяные» города и природно-ресурсная база Юго-востока Республики Татарстан (с ранжированием месторождений нефти по извлекаемым запасам нефти категории С2)

Таблица 1.

Размеры доходов занятых в различных отраслях экономики

уровень доходов в месяц	в % экономически активного населения	категория занятых
высокий (> 8000 руб.)	48.8%	работающие в НГДУ
средний (4000 - 8000 руб.)	26.3%	занятые в ЖКХ
Невысокий (< 4000 руб.)	24.9%	работники бюджетной сферы

Как видно из табл.1, уровень доходов жителей пгт достаточно высок; при этом наблюдается значительный разрыв в доходах у работников НГДУ и лиц, не связанных нефтедобычей, что трансформируется в социальное расслоение и возможные социальные конфликты.

Уровень жизни населения тесно связан с уровнем развитости социальной сферы. Проведенное исследование показало, что уровень развития данной сферы хозяйства поселка явно не соответствует статусу поселения и численности населения. Наиболее актуальными проблемами социальной сферы являются перегруженность школ и дошкольных учреждений, практическое отсутствие современных форм организации культурной жизни, общественного питания, досуга, связи; неразвитая сеть розничной торговли. Очевидно, что сложившаяся ситуация является прямым следствием неясного будущего Джалиля, как для управляющих органов, так и для проживающих в поселке людей. Дополнительным фактором, ухудшающим ситуацию, является близость крупного города – Альметьевска.

Изучение современного состояния пгт, его природного и социально-экономического потенциалов позволило прийти к выводу о том, что поселение вступает в неустойчивый, переломный период своего развития, приближаясь к точке бифуркации. Как следствие, возникает ряд путей, направлений развития, число которых достаточно велико при очень большом разбросе перспективных состояний.

Исходной предпосылкой разработки стратегий развития явился тот факт, что пгт Джалиль является молодым поселением, сформированным директивно, устойчивость существования которого не подтверждена длительной историей развития. Городская среда и инфраструктура поселения развиты недостаточно. При этом основой современного функционирования поселения является деятельность предприятия, работающего на ресурсном монопродукте.

Таблица 2.

Направления развития пгт

	Благоприятные факторы развития	Сложности, негативные последствия
<i>Направление 1, вариант 1</i> Развитие пищевой промышленности	1) наличие достаточного количества женских трудовых ресурсов 2) наличие спроса на товары повседневного спроса (молочная продукция, кондитерские изделия) 3) низкая капиталоемкость	1) небольшие размеры предприятий (на 500-600 рабочих мест) 2) ориентация только на местный рынок
<i>Направление 1, вариант 2</i> Строительство предприятий машиностроения	1) наличие в регионе предприятий машиностроения для создания в пгт предприятий на базе кооперационных связей 2) достаточность общих трудовых навыков для работы на предприятии машиностроения	1) большие объемы первоначальных капвложений 2) нестабильный спрос на продукцию отечественного машиностроения
<i>Направление 2</i> курортно-оздоровительный центр	1) наличие спортивной инфраструктуры, соответствующей международным стандартам 2) имеется современный санаторий-профилакторий	1) реализация сопряжена со значительными дополнительными капвложениями 2) примерное число занятых может составить не более 2 тыс. чел.
<i>Направление 3</i> вахтовый метод	1) вахтовый метод является эффективным способом сохранения занятости после истощения местных месторождений 2) требуется незначительные капвложения	1) принятие крупных организационных решений находится вне компетенции НГДУ и местных властей 2) часть экономически активного населения (не менее 56 %) покинет пгт, отказавшись от вахтового метода работы
<i>направление 4</i> развитие сельского хозяйства	1) часть населения не потеряла связь с сельской местностью и навыки сельского труда 2) возможность формирования АПК по производству и переработке с/х сырья 3) развитые производственные навыки жителей позволят организовать сложное производство пищевых продуктов	1) практически отсутствие аналогов: подобная трансформация поселений происходит редко 2) основная часть населения (примерно 2/3) покинет пгт
<i>направление 5</i> полное исчезновение поселка	1) вероятность реализации данного варианта высока (считают 45 % жителей) 2) в мировой практике подобная ситуация является нередкой для районов с сырьевой специализацией 3) возможность стихийного прекращения поселения, состоящее в неорганизованном оттоке населения	1) большие затраты на материальную компенсацию отъезжающих жителей 2) значительные потери основных фондов производственного и социального значения

В условиях значительного сокращения (в перспективе – полного исчерпания) сырьевой базы, выдвинуты следующие гипотезы направлений развития пгт:

1. Изменение производственной специализации за счет развития новых отраслей промышленности
2. Переориентация поселка в курортно-оздоровительный центр
3. Сохранение нефтедобывающей специализации при переводе НГДУ на обслуживание отдаленных месторождений вахтовым методом
4. Смена промышленной специализации на сельскохозяйственную с потерей статуса городского поселения
5. Полное исчезновение поселения

Результаты анализа выдвинутых гипотез, благоприятных и отрицательных факторов, влияющих на развитие каждой из ситуаций, представлены в таблице 2.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Наиболее целесообразным вариантом стратегии развития пгт на ближайшую перспективу являются:

- Изменение производственной специализации за счет развития новых отраслей промышленности
- Сохранение нефтедобывающей специализации при переводе НГДУ на обслуживание отдаленных месторождений вахтовым методом

Оба варианта позволяют получить удовлетворительное решение сложного комплекса перспективных социально-экономических проблем пгт. При этом оба направления достаточно эффективны в социальном и экономическом планах, так как результаты функционирования поселения в подобных условиях будут в конечном итоге существенно превышать величины затрат на реализацию.

Вместе с тем, наиболее оптимальным был бы вариант 1 при постепенном, планомерном изменении структуры производственного комплекса поселка:

- путем строительства сначала небольших предприятий пищевой промышленности;
- развивая отрасли машиностроения - нефтяного, авто-, энергетического на основе узкой подетальной специализации и кооперационных связей с головными предприятиями региона.

Определенный вклад в развитие градоформирующей базы внесет расширение сферы обслуживания - формирование курортно-оздоровительного центра.

При практической реализации предложенного направления развития желательно постепенно вводить его элементы, ориентируясь на тот период, пока НГДУ разрабатывает ресурсную базу. Важно также работа с населением с целью социально – психологической адаптации поселения к новым перспективам.

Выбор стратегии не может быть результатом работы только администрации поселка и НГДУ (к тому же, НГДУ может оказаться неважным предпринимателем и инвестором). Он требует согласия большинства членов поселкового сообщества, депутатского корпуса района и пгт, обсуждения в печати.

Необходимо обеспечить базу для ведения частного бизнеса (создать благоприятный климат для мелкого и среднего предпринимательства, особенно в сфере обслуживания, путем организации кредитования, снижения налоговой нагрузки, других форм поддержки развития частного бизнеса), повышения эффективности управления государственной собственностью, создания финансовых институтов для аккумуляции доходов населения и превращения сбережений в инвестиции.

Необходимо составление комплексного территориального прогноза для всего Юго-восточного региона Республики Татарстан.

Литература

1. Анализ и основные направления развития и размещения производительных сил Республики Татарстан.- Казань: Экоцентр, 1996.- 383с.
2. Лаппо Г.М. География городов.- М.: Владос, 1997.- 480с.
3. Теория и модели социально-экономического развития территориальных систем.- Казань: ДАС, 2001.- 202с.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ГОРОДА: КЛАССИФИКАЦИИ И СТРАТЕГИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

(Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант 03-06-80168))

Что такое географические образы города? Попробуем дать определение. Итак, географические образы города – это система упорядоченных взаимосвязанных представлений о пространстве и пространственных структурах какого-либо города, а также система знаков и символов, наиболее ярко и информативно представляющих и характеризующих определенный город. Любой город предлагает, как правило, множество разнородных по генезису, содержанию и структуре, географических образов, формируемых как социальными и профессиональными группами, так и отдельными личностями в процессе их целенаправленной деятельности. Эти образы могут быть репрезентированы как простейшими когнитивными картами, так и сложными образно-географическими схемами (картами), опирающимися на реконструкцию или интерпретацию визуальных наблюдений, архитектурных обмеров и измерений, различных текстовых источников (в том числе и традиционных географических карт).

Перейдем к возможным классификациям географических образов города. Какие основания можно предложить для подобных классификаций? Первое возможное основание – это *сложность и качества структуры географического образа города*. Такая структура характеризуется наличием или отсутствием образного ядра, каких-либо образных оболочек либо упаковок, взаимосвязями ядра и отдельных оболочек, а также плотностью, теснотой фиксируемых взаимосвязей. Какие классы образов в данном случае выделяются?

Первый класс – это *простые географические образы города* (далее – ГОГ) с едва намеченным ядром и одной-двумя тонкими, непрочными образными упаковками; со слабо развитой знаково-символьной системой. Такая ситуация характерна, как правило, для молодых городов с небольшой историей развития. Подобные образы часто формируются на динамичных культурных и цивилизационных границах, классических фронтах между цивилизацией и дикостью (wilderness) (см. многочисленные примеры молодых восточносибирских городов в: Байкальская Сибирь..., 2002). Однако при ближайшем рассмотрении временная протяженность развития не является главным фактором, определяющим простоту или сложность ГОГ. Значительно чаще простота ГОГ зависит от самой историко- и культурно-географической ауры, в которой развивается город. В связи с этим кратко скажем о *факторах, определяющих развитие и структуру ГОГ*. Среди этих факторов: динамичность развития города, пространственная изменчивость города, его территории и его функций, и, главное, контекст его восприятия в более масштабных образно-географических (метагеографических) системах (см. также: Митин, 2002в). Наиболее важна здесь образная траектория развития города, позиционирование образа города в рамках более крупной образной системы. Например, развитие образа Петербурга крайне важно оценить в рамках образно-географической систем России, Северной Европы или Европы в целом (Каганов, 1995а; Матвеев, 2000; Володин, 2000).

Второй класс ГОГ – *сложные образы*, имеющие хорошо сформированное ядро, состоящее из наиболее важных и значимых символов города. Например, ядро образа Праги, по преимуществу, культурно-географическое, состоит из таких символов, как город Кафки, эпизодическая столица империи Габсбургов, одна из культурных столиц Европы в эпоху императора Максимилиана, город классических гетто, память о которых активизируется «Големом» Майринка, столица Богемии и богемского стекла, и т.д. Далее, если рассмотреть упаковки образного ядра Праги, то здесь можно выделить следующие: Прага как сердце Европы, культурная столица Центральной Европы, туристическая столица; Прага как Третий Рим – эта идея имела свой потенциал, поскольку Прага представлялась как город, связывающий Западную, латинско-германскую и Восточную, славянскую, преимущественно православную Европу (см. также: Гудков, 2003, с. 159—160; Мельников, 1998, с. 76—77).

Перейдем к следующей классификации ГОГ. Это *классификация по динамике развития самого образа*. Как первый класс, выделим здесь *динамичные, быстро изменяющиеся ГОГ*. Подобные образы характерны, как правило, для динамичных современных нетрадиционных обществ в условиях нарастающей информатизации и улучшения коммуникаций – прежде всего, конечно, для западных обществ или анклавов западных образов жизни в восточных обществах (например, Гонконг в Китае в течение второй половины XIX – XX века). Кроме того, это может быть характерно и для быстро расширяющих свое политическое и культурное влияние государств и/или цивилизаций,

непосредственно расширяющих свою территорию в течение достаточно коротких исторических периодов – например, США в течение XIX—XX вв. Так, многие крупные и наиболее значимые города США очень быстро меняли свой образ в силу изменения специализации, функций, экономического роста, политических границ, перемещений в образно-географической системе всего государства. Среди этих городов выделяются, конечно, Чикаго, Детройт, Хьюстон, Лос-Анджелес, Нью-Орлеан и т.д.

Второй класс ГОГ в рамках данной классификации включает *города, обладающие довольно устойчивым, статичным, слабо меняющимся образом* (в т.ч. и структурно) в течение достаточно длительных исторических периодов. Одна из возможных причин подобной статичности – культурная устойчивость более широких образно-географических систем, в которые входит рассматриваемый образ. Таков, например, географический образ Парижа как культурной и художественной столицы Европы и мира в течение XVIII—XX вв. (Жилище славных муз..., 1989).

В целом возможно выделение еще нескольких более частных и специфических классификаций и типологий ГОГ, однако в рамках настоящего исследования достаточно выделение именно этих двух фундаментальных классификаций. Перейдем к следующему вопросу.

Стратегии интерпретации географических образов города

Итак, какие стратегии интерпретации ГОГ можно выделить? *Первая стратегия* – это стратегия наращивания многочисленных упаковок ядра ГОГ. Иначе говоря, такую стратегию можно назвать *экстенсивной*: максимально расширяется зона влияния образа, иногда при этом не обращается внимание на проработку образной структуры и взаимосвязей ядра образа и образных упаковок. Например, тот же образ Петербурга можно постоянно наращивать, используя особенности и достопримечательности его архитектуры и планировки и находя связи и метафоры на уровне концептуально важных событий всемирной истории, локализуемых и осмысляемых через различные культурные ландшафты и/или другие города (Лебедев, 1993; Барзах, 1993; Каганов, 1995б; Агеева, 1999, с. 157—237; Рахматуллин, 2001, 2002; Бусева-Давыдова, 2000; Фоняков, 2000).

Одно из важнейших средств наращивания многочисленных упаковок ядра ГОГ – городской фольклор. Фольклор — это естественная и плодороднейшая "почва" метафизического краеведения и образной географии; их, по сути, "чернозем". Народные речения, поговорки, афоризмы, анекдоты создают обширное и весьма расплывчатое образно-географическое поле, которое, тем не менее (а может быть, поэтому) продуцирует резкие и яркие географические образы места (Веселова, 1998). Так, например, в Петербурге фольклор особенно топографичен и географичен; любой его выпуклый образ несет в себе фольклорную основу (см.: Синдаловский, 1999, 2002).

Реальная географическая карта Петербурга расцвечена фольклорными названиями отдельных его районов, даже само название города стало предметом фольклорных обыгрываний, связанных с его происхождением, зигзагами истории и именами его властителей. "Коломна всегда голодна", а "Вошь да крыса до самого Елагина мыса" (он же, 1999, с. 328). Фольклорно-географические образы Петербурга не заикливаются внутри его территориальных границ — они, скорее, расширяют образную географию Питера, по хорошему "спекулируя" на традиционном противостоянии Москве и макроегографическом положении северной столицы. В народном сознании именно в Питере "сходятся Голландия с Сибирью" (там же, с.20) (парадокс неожиданной смычки почти азиатской державы с просвещением и наукой Западной Европы), а привычные бинарные оппозиции (Питер — город, Москва — деревня; "мокрость" Питера — сухопутность и "лапотность" Москвы и т.д.) находят порой едкое анекдотическое воплощение:

— Вы слышали, что вчера девушка бросилась в Неву?

— Она была в меланхолии?

— Нет, она была в Москве." (там же, с. 183).

Петербургский фольклор естественным образом стремится расширить свою географию, и при этом фольклорно-географическое пространство его становится все более экстерриториальным, все менее явно связанным с плотно "прижатыми" топографически фольклорно-географическими образами прошлого. Даже названия бандитских и воровских шайек и "группировок" сменяются — становясь не локально-петербургскими ("Пряжкинскими" и "Лиговскими"), но регионально-российскими: тамбовскими, казанскими, воркутинскими (там же, с. 342).

Топос Петербурга обнаруживает весьма любопытную образно-географическую устойчивость, транслирующуюся посредством городского фольклора, и им же закрепляющуюся. Фольклор здесь — как своего рода образно-географический "цемент", твердеющий простейшими и понятными метафорами, разговорными байками, напрашивающимися сравнениями. "Петербургский климат" и

"Петербургская погода" (там же, с. 343—354, особенно 350—351), анекдоты вокруг клодтовых коней фиксируют образ на местности, делают его архетипом, многократно воспроизводящимся впоследствии, хотя, порой, и по принципу "испорченного телефона". Но связь топоса и фольклора прослеживается и глубже, на уровне каких-то поначалу бессознательных образно-географических механизмов.

Нет сомнения в том, что ведущие географические символы и образы Петербурга (Нева, Медный всадник, Невский проспект, стрелка Васильевского острова и т.д.) фиксируются и закрепляются сознанием через более общие, глубинные образы воды и земли, простора, свободного пространства и стесненности, государственности и анархии, богатства и бедности. И вот локальный городской (а в случае Питера, пожалуй, "супергородской", сверхурбанистический) фольклор выполняет роль "моста", строгой и притязательной формы, обеспечивающей эффективную связь топических символов и их бессознательной основы. Метафизическое краеведение находит в городском фольклоре явные и обнаженные механизмы, "нервы", моментально реагирующие на изменения топографической и топологической "плоти" города.

Рассмотрим вторую стратегию. *Вторая стратегия* – по преимуществу, *интенсивная*; направленная, в основном, на проработку, структурирование и позиционирование уже имеющихся, накопленных и зафиксированных элементов ГОГ. Например, образ Венеции можно постоянно структурировать и переструктурировать за счет образа-архетипа воды и, шире, за счет образа города-моря, города-воды, города-среди-воды; города, состоящего из каналов, живущего в воде и водой. Характерно, что при этом миф и образ города становятся в значительной мере все более плотными и насыщенными, хотя большинство подобных интерпретаций географического образа Венеции, казалось бы, повторяют и «перепевают» друг друга (Венецианские тетради..., 2002). Такая стратегия дает дополнительные возможности для установления связей ГОГ в более широком образно-географическом (метагеографическом) пространстве.

Плотность, структура ГОГ может прорабатываться за счет, прежде всего, образов известных в прошлом и настоящем городских улиц. Улица, тем более городская улица, есть самый, пожалуй, загадочный географический (топографический) образ. Это, в действительности, образ на краю, образ *ad marginem*, ибо на ней и посредством нее сталкиваются, борются, взаимодействуют совершенно различные географические представления, образы жизни, локализованным случаем в одном урочище (см. также: Кожевникова, 1999). Поэтому-то всякий нетривиальный путеводитель, не увязающий в обычной бытовой фактуре, а стремящийся дать геокультурную ауру места, является, безусловно, культурным событием (см., например: Александров, 1993; Шленский, Браславец, 1998).

В рамках российских городских пространств уже очень хорошо представлены образы Арбата и Тверской улицы в Москве, Невского (см., например: Попов, 2001; Прогулки по Невскому проспекту..., 2002) и Литейного проспектов в Петербурге и т.д. Образ Андреевского спуска в Киеве, типизируемый поначалу в рамках вполне работоспособного "арбатского образа" (вспомним недавно опубликованную, наконец, работу С.О. Шмидта в книге "Москва и "московский текст" русской культуры") (Кнабе, 1998), безусловно, является неповторимо-киевским (Шленский, Браславец, 1998). И дело даже не в том, что по московско-петербургским меркам он становится сравнительно поздно "культовой" улицей Киева, обретает свой четко осознаваемый *genius loci*. Сама геокультурная динамика образа Андреевского спуска имеет весьма неожиданную траекторию.

Географическое положение Андреевского спуска, его локус между низменным, торгово-ремесленным Подолом и нагорной, более аристократической частью правобережного Киева (а рядом ведь древнейший центр города-столицы Киевской Руси, фундаменты Десятинной церкви и великокняжеских палат) всегда способствовал наращиванию, сосредоточению культурно-мифологического, очень разнородного слоя, который и создает прочную образно-географическую базу улицы. Здесь и знаменитые киевские ведьмы, избравшие для своих шабашей рядом стоящую Замковую гору, и миф о нахождении креста, принадлежавшего Андрею Первозванному, и таинственные истории, связанные с Замком Ричарда — одной из двух архитектурных доминант спуска — наряду с Андреевской церковью. И здесь-то происходит продуктивное и созидательное столкновение образов.

Воздушно-барочный стиль творения Растрелли борется с модернистски-стандартным Замком Ричарда, но в их борьбу вмешивается внешне ничем не примечательный дом Булгакова. На наших глазах, благодаря сначала Виктору Некрасову, а затем усилиям киевской интеллигенции в 1980—1990 гг. место действия романа "Белая гвардия" обрело свой настоящий географический образ (там же, с. 208—235), и дом-музей Булгакова, вместе с музеем одной улицы, расположенным уже в самом

конце спуска, выступает как геолитературный топос, формирующий образную топографию Андреевского спуска.

Интеллектуальная география Андреевского спуска (если понимать под ней места, связанные с жизнью здесь известных людей — писателей, ученых, духовных лиц) выглядит очень достойно. Звезда Булгакова не затмевает многообразную деятельность писателя и духовного деятеля Андрея Муравьева, нашедшего свой покой в опекавшейся им Андреевской церкви, а художественная элита, облюбовавшая в начале XX века Замок Ричарда, соседствует с востоковедом-арабистом Т. Кезмой и "народным" врачом Ф. Яновским. Она уживается и накладывается на причудливый естественный рельеф, в котором обосновался Андреевский спуск, — образуя в итоге один из наиболее важных метафизических центров Киева.

Фактически, Андреевский спуск — это не только одна из самых коротких улиц Киева протяженностью 750 метров и с перепадом высот 70 метров, как указано на его схеме. Андреевский спуск — это метагеографический вектор Киева, "открывающий" ему по настоящему Днепр посредством "репрезентации" Подола, но и Днепр возвращающий нагорному, слегка "зазнавшемуся" Киеву.

Наконец, *третья стратегия* — это стратегия сквозного действия и проникновения, или *осевая, стержневая* — направленная на позиционирование (размещение) избранного для интерпретации ГОГ в ряду нескольких других, принципиально важных для понимания данного. Этот ряд выделяется на основании какого-либо фундаментального образного сходства; сам подобный ряд можно назвать регионально-образным сегментом или кластером (ср.: Митин, 2002а, 2002б). Обнаруженное образное сходство, варьирующее от одного образа к другому, ведет к возникновению образной цепочки, или бриколажа (по Леви-Стросу) (см., например: Краутхаймер, 2000). Например, образная цепочка Барселона—Венеция—Прага—Петербург создается за счет общего сходства, завязанного на переживании и осмыслении феномена морской стихии. Правда, тогда из этого ряда выпадает Прага. При использовании другого сходства — вторичной столичности этих городов в крупных странах и регионах (данные города либо немного уступают своим городам-соперникам, либо борются за культурное, политическое и/или экономическое первенство). Для Барселоны это Мадрид (в Испании), для Венеции — Флоренция и Милан (в Северной Италии), для Праги — Вена (в Центральной Европе) и для Петербурга — Москва (в России) (см., например: Русские столицы..., 1993; Ванчугов, 1997; Москва—Петербург..., 2000; Бачинин, 2001). Отсюда мы получаем очень важный образ-архетип борющейся, не совсем убедительной, «зацикленной» часто на море или воде вообще, провинциально-региональной столичности, устремленной в длительной ретро- и перспективе скорее к культурному, нежели к политическому лидерству. Иногда политическое лидерство этих городов «опрокидывается» в прошлое — особенно у Венеции и Петербурга, тогда как их культурное значение и лидерство успешно проецируется на перспективу (ср.: Малякин, 1998; Гайдуков, Осипов, 1999). Следовательно, осевая стратегия позволяет находить новые смысловые конфигурации ГОГ, создавать новые образно-географические системы как бы из воздуха.

Литература

1. Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете — град Святого Петра (Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. С. 157—237.
2. Александров Р. Прогулки по литературной Одессе. Одесса: Весть, 1993.
3. Байкальская Сибирь: Фрагменты социокультурной карты. Альманах-исследование / Отв. ред. и рук. творч. коллектива М.Я. Рожанский. Иркутск, 2002.
4. Барзах А.Е. Изгнание знака (Египетские мотивы в образе Петербурга у О.Э. Мандельштама // Метафизика Петербурга (Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1). СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1993. С. 236—250.
5. Бачинин В.А. Петербург — Москва — Петушки, или Записки из метафизического подполья петербургско-московской цивилизации // Феномен Петербурга. Труды Второй Международной конференции / Отв. Ред. Ю.Н. Беспятых. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2001. С. 173—187.
6. Бусева-Давыдова И. Москва — Второй Иерусалим: два лика одной идеи // Мир искусств. Альманах. Вып. 4. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 83—102.
7. Ванчугов В.В. Московософия & Петербургология. Философия города. М.: РИЦ «Пилигрим», 1997.
8. Венецианские тетради. Иосиф Бродский и другие / Сост. Е. Марголис. М.: ОГИ, 2002.
9. Веселова И.С. Логика московской путаницы (на материале московской «несказочной» прозы конца XVIII — начала XX в.) // Москва и "московский текст" русской культуры: Сб. ст. / Отв. ред. Г.С. Кнабе. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. С. 98—119.
10. Володин Б.Ф. Санкт-Петербург как Pietari // Феномен Петербурга. Труды Межд. конференции / Отв. ред. Ю.Н. Беспятых. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000. С. 400—411.
11. Гайдуков В.Н., Осипов В.Г. Региональный этос и "москвоборчество": феноменология политической культуры современной России / Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России (материалы семинара). М.: МОНФ, 1999. С. 151—163.

12. Гудков Д. Теория и практика межкультурной коммуникации М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
13. Жилище славных муз: Париж в литературных произведениях XIV—XX веков: Сборник / Сост. О.В. Смолицкая и С.А. Бунтман. М.: Московский рабочий, 1989.
14. Каганов Г.З. Санкт-Петербург как образ Всемирной истории (к проблеме псевдонимов города) // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995а. С. 303—315.
15. Каганов Г.З. Санкт-Петербург: образы пространства. М.: Индрик, 1995б.
16. Кнабе Г.С. Арбатская цивилизация и арбатский миф // Москва и "московский текст" русской культуры: Сб. ст. / Отв. ред. Г.С. Кнабе. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. С. 137—198.
17. Кожевникова Н.А. Улицы, переулки, кривули, дома в романе Андрея Белого «Москва» // Москва и «Москва» Андрея Белого: Сб. статей / Отв. Ред. М.Л. Гаспаров. М.: Российск. Гос. Гуманит. Ун-т, 1999. С. 90—113.
18. Краутхаймер Р. Три христианские столицы. Топография и политика. Спб.: Алетейя, 2000.
19. Лебедев Г.С. Рим и Петербург: археология урбанизма и субстанция вечного города // Метафизика Петербурга (Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1). Спб.: ФКИЦ «Эйдос», 1993. С. 47—63.
20. Малякин И. Саратовская региональная идеология: поиск в мифологическом поле // Перестройка и после: общество и государство в СССР, России и новых независимых государствах, 1988—1998. М.: ИГПИ, 1998. С. 37—40.
21. Матвеев Б.М. «Северная Пальмира» как опыт целесообразного конструирования реальности // Феномен Петербурга. Труды Межд. конференции / Отв. ред. Ю.Н. Беспярых. Спб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000. С. 47—59.
22. Мельников Г.П. «Эллинославизм» в культурно-политической концепции императора Карла IV // Славяне и их соседи. Вып. 8. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1998.
23. Митин И. Взгляд на восточноевропейские столицы. //География (еженедельное приложение к газете «Первое сентября»). 2002а. №6. С. 7-10.
24. Митин И. Норов города. //Слово. 2002б. №3. С. 30-34.
25. Митин И. Город Олонек: опыт комплексной географической характеристики. //Вестник Евразии. 2002в. №3(18). С. 7-27.
26. Москва—Петербург: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. К.Г. Исупова. Спб.: РХГИ, 2000.
27. Попов В.Г. Литературный Невский // Феномен Петербурга. Труды Второй Международной конференции / Отв. Ред. Ю.Н. Беспярых. Спб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2001. С. 187—192.
28. Прогулки по Невскому проспекту в первой половине XIX века / Сост., вступ. статья и коммент. А.М. Конечного. Спб.: Гиперион, 2002.
29. Рахматуллин Р. Небо над Москвой. Второй Иерусалим Михаила Булгакова // Ex libris НГ. Книжное обозрение к «Независимой газете». 24.05.2001. С. 3.
30. Рахматуллин Р. Москва — Рим. Новый счёт семихолмия. // Ex libris НГ. Книжное обозрение к «Независимой газете». 10.10. 2002. С. 4—5.
31. Русские столицы. Москва и Петербург / Хрестоматия по географии России. Авт.-сост. А.Н. Замятин, Д.Н. Замятин. М.: МИРОС, 1993.
32. Синдаловский Н.А. Петербург в фольклоре. Спб.: Журнал «Нева», ИТД «Летний сад», 1999.
33. Синдаловский Н.А. Словарь петербуржца. Спб.: Норинт, 2002 .
34. Фоянков И.О. Санкт-Петербург (Россия) — Санкт-Петербург (Флорида, США): экспорт имени // Феномен Петербурга. Труды Межд. конференции / Отв. ред. Ю.Н. Беспярых. Спб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000. С. 253—259.
35. Шленский Д., Браславец А. Андреевский спуск: Культурологический путеводитель. Киев: Амадей, 1998.

Замятина Н.Ю.

КУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ГОРОДА КАК РЕСУРС РАЗРАБОТКИ ГОРОДСКОГО ИМИДЖА: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

(Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант 03-06-80168))

У традиционного географа, воспитанного скорее в естественно-научной, чем в гуманитарной традиции, относительность представлений вызывает закономерное недоумение: как *это* вообще может изучаться наукой? На самом деле представления не столь беспорядочны, как кажется на первый взгляд. Все зависит от подхода: при правильно построенном исследовании «случайные» -- казалось бы -- представления оказываются закономерными элементами некоторой системы, вполне подающейся научному анализу.

Начнем с напоминания о некоторых работах Крёбера, имеющих определенное методологическое значение для нашего спора. В своем исследовании эволюции женского костюма Крёбер обращается к моде, т. е. к социальному явлению, тесно связанному с бессознательной умственной деятельностью. Редко случается, чтобы мы отчетливо понимали, почему определенный стиль нам нравится или почему он выходит из моды. Крёбер показал, что эта внешне произвольная эволюция подчинена законам. Эти законы так же неустановимы при эмпирическом исследовании, как и при интуитивном восприятии явлений моды. Они проявляются только при измерении определенного количества соотношений между различными элементами костюма. Эти соотношения могут быть выражены в виде математических функций,

вычисленные величины которых служат в данный определенный момент основанием для предвидения [415].

Мода, представляющая собой, по-видимому, наиболее произвольное и случайное выражение общественного поведения, поддается, следовательно, научному исследованию. Однако метод, изложенный Крёбером, напоминает не только метод структурной лингвистики. Он вполне сопоставим с некоторыми естественнонаучными исследованиями, а именно с работами Тейсё о росте ракообразных [811]. Этот ученый показал, что законы роста определяются соотношениями между размерами элементов, составляющих члены (например, клешни), а не их форм. Определение этих соотношений приводит к выделению параметров, с помощью которых могут быть сформулированы законы роста. Целью действительно научной зоологии не является описание животных форм в том виде, как они интуитивно воспринимаются; речь идет о том, чтобы определить абстрактные, но постоянные соотношения, где обнаруживается постижимая форма изучаемого явления.

К. Леви-Стросс. Структурная антропология. (Леви-Стросс, 1985, с. 56).

Доступность представлений для научного изучения делает правомерным существование социологии и культурной антропологии, лингвистики, психологии и целого ряда других социальных и гуманитарных наук. На том же основании правомерно ставить вопрос об изучении пространственных аспектов представлений в «человеческой» (т.е. социально-экономической, общественной, культурной) географии.

Между тем, с переходом экономики в постиндустриальную стадию развития многократно возникает роль образа города как фактора городского развития. В первую очередь, образ города, важен в контексте создания особой городской среды, благоприятной для его жителей, для обеспечения гармоничного развития городского общества, а через это – слаженного функционирования городского социально-экономического механизма. Однако, образ города важен и для внешней среды города: он играет важную роль в формировании потоков туристов, отчасти – в привлечении инвестиций. Образ территории – один из факторов размещения третичной и особенно четвертичной сфер хозяйства. Заметим, что актуальность образа города многократно возрастает при увеличении свободы передвижения – как капиталов, так и рабочей силы.

Общие подходы к изучению представлений в географии. Существуют различные подходы к изучению представлений, и, соответственно, различные «представленческие» предметы исследования. В общем случае можно выделить четыре трактовки представлений о территории: психологическую, социологическую, культурную (культурно-географическую) и лингвистическую. С каждой из этих трактовок могут работать различные отрасли географии.

«Крайние» слои представлений (психологический и лингвистический) до настоящего времени интересовали географов значительно слабее ментального и культурного. Тем не менее, примеры таких работ можно найти.

Так, рассуждения американского географа Йи Фу Туана о топофилии и топофобии (см.: Tuan Yi-Fu, 1976) – хотя его труды в целом близки культурологии – по-видимому, можно классифицировать как географическую работу по психологическому образу места.

Психологические представления о пространственных системах служат предметом анализа специалистов по геоинформационным системам¹. Здесь исследуют восприятие человеком пространства через простейшие формы (ареал, площадь, длины и размеры и т.п.). Эта деятельность связана с практикой создания ГИС – в частности, ГИС, наиболее адекватных сознанию неискушенных в географии пользователей компьютеров (направление так называемой наивной географии).

Ментальный уровень представлений широко изучается так называемой поведенческой географией – целым направлением, уже достаточно давно, с 50-х годов XX в., развиваемым географами, главным образом, англоязычных стран.

Образ места – одна из традиционных тем поведенческой географии. В наиболее глубоких работах представления о месте рассматриваются в поведенческой географии в связи с условиями их формирования, причем учитываются как собственные особенности соответствующего места, так и особенности информации, чаще всего опосредующей формирование образа. В качестве примера типичного частного исследования приведем анализ образов мест по их официальным сайтам в сети

¹ Особенно подробно над психологией восприятия пространственной информации работает группа географов из университета г. Буффало. (См.: Mark D.M., Frank A.U. (Eds.), 1990, см. также: <http://www.geog.buffalo.edu/>...)

Интернет (Brunn, Cootle, 1997). Суть работы – в изучении влияния той или иной информации, а также формы ее подачи, на восприятие страны; правомерность вопроса обусловлена положением, согласно которому информационные ресурсы страны ставятся в один ряд с другими ее ресурсами (от климатических до образовательных). Работа имеет прикладное значение для развития экономики стран, особенно таких отраслей как туризм, банковское дело и инвестиционная деятельность.

Классическим исследованием пространственной системы представлений ментального уровня стала книга американского архитектора К. Линча «Образ города» (Линч, 1982). Хотя название книги отсылает к «вертикальной», комплексной традиции изучения места, суть ее связана с восприятием и использованием города как «горизонтальной» пространственной системы, состоящей из *путей, границ, районов, узлов и ориентиров*. Пожалуй, это одна из наиболее разработанных географических моделей систем пространственных представлений вообще.

Среди прочих К. Линч использовал в своей книге метод ментальных карт – характерный признак последовавших географических исследований пространственных систем представлений.

Отличительной чертой исследований представлений ментального уровня до настоящего времени является акцент на изучение восприятия и/или принятия решений в ущерб собственно содержанию представлений. Основной вопрос такого рода исследований (как «вертикальных» исследований образа места, так и «горизонтальных» исследований систем пространственных представлений) можно сформулировать следующим образом: «Что известно группе лиц А об объекте Х (или группе объектов X_{1-N})».

Чаще всего при таком подходе исследователь имеет дело с пространственными стереотипами – это те представления, которые актуализируются в ответ на вопросы типа «что для вас Москва», «с чем для вас ассоциируется Америка» -- т.е. наиболее общие, «бесконтекстные», представления. К особого вида стереотипам мы относим и традиционные вернакулярные районы, изучаемые, например, В. Зелински (Zelinsky, 1980). Как и все стереотипы, пространственные стереотипы представляют собой обобщенные, выхолощенные суждения – скорее «метки» сознания, чем полноценные образы.

Важным признаком исследований *представлений культурного уровня* служит четкое обозначение культурной системы, в которую «вписывается» изучаемый комплекс представлений (русская классическая литература, культура калифорнийских хиппи 60-х годов, традиционная культура племени винобаго и т.д.). В ходе исследования производится жесткий отбор материала; из «всего, что известно» (ментальный уровень) вычлениаются «куски», адекватные друг другу в рамках той или иной культурной системе.

Одно из наиболее глубоких исследований образа места на культурном уровне принадлежит культурологу и филологу В.Н. Топорову – «Петербургский текст русской культуры» (см. в книге: Топоров, 1995). Топоров выстроил целостную систему представлений о Санкт-Петербурге и его пространстве, основные элементы которой повторяются из текста в текст. Мрачные картины петербургских повестей проанализированы на фоне статистического видения города: относительно высокая для России смертности, нездоровая половозрастная структура, скученность застройки, высокий уровень преступности и т.д. Однако главное, что обеспечивает комплексность топоровской работы – это не соотношение литературы и «реальности», но потрясающее гармоничное, *целостное соединение различных аспектов представлений* о городе. Топоров нашел взаимодополняющие мотивы петербургских описаний: отрицательные природные явления (дождь, тьма, холод, сырость), дополненные планировочными особенностями (теснота квартир и дворов), достраиваются того же тона «настроенческими» (ночные размышления, тоска) и социальными (одиночество, самоубийства) аспектами – и т.д. вплоть до эсхатологических картин потопа как возмездия проклятому городу; этот мрачный ряд противостоит светлому: ширь Невы и перспективы проспектов, очищение, торжество разума и т.п. образуют столь же полную систему. Раз созданный в культуре образ города, по-своему воспроизводимый различными авторами, не столько менялся, сколько дополнял и расширял сам себя от произведения к произведению.

Для географии работа Топорова важна, в первую очередь, как пример соотнесения различных систем смыслов с пространством города: по сути, Топоровым даны соответствия систем «общечеловеческих» и пространственных смыслов; город размечен на участки различного духовного значения.

К исследованиям «горизонтальных» географических систем представлений можно отнести, например, работы по структуре мифологического пространства (другие работы В.Н. Топорова, например: Топоров, 1983, а также М. Элиаде: Элиаде, 1987; 1994; упомянем в этой связи и работы российского географа Г.Д. Костинского: Костинский, 1997). В зарубежной географии в последнее

время популярны исследования по тематике колониализма и постколониализма; в нашем случае интересны работы ряда британских географов (Назовем некоторые работы, позволяющие судить о состоянии исследований в данной области: Driver, Gilbert, 1998; 1999; Crowhurst, 1997; Ryan, 1997). Суть такого рода работ в изучении зависимости восприятия образов стран от имперской (колониальной) точек зрения, накладывающих на итоговые образы, а также на рукотворный ландшафт весьма характерные отпечатки.

Существует немало *лингвистических работ*, связанных с изучением как языковых образов отдельных стран и народов, так и отраженных в языке пространственных структур (о тех и других можно прочесть, например, в труде Е.В. Рахилиной (Рахилина, 2000). Однако, лингвисты рассматривают такого рода знания как элемент особых – лингвистических – систем. Комплексные языковые образы стран в сравнении друг с другом, а также глубоко структурированные системы отраженных в языке пространственных представлений, как нам видится, могли бы стать предметом собственно географических исследований.

Таким образом, спектр научно-географического изучения представлений в географии может охватывать самые различные виды представлений, как индивидуальные, так и коллективные, репрезентированные самыми различными способами.

Географический вклад в работу с имиджем города. С точки зрения *практической работы с образом города* на данный момент нам представляются наиболее актуальными социологическая и культурная трактовки – главным образом ввиду того, что этим трактовкам соответствуют наиболее употребительные в географии методики.

В первой – социологической – трактовке под образом города понимаются суммарные и обобщенные представления о некотором городе конкретной социальной группы (образ города N в глазах местных жителей – всех или определенного пола, возраста, профессии и т.д.; образ города в глазах потенциальных инвесторов, выпускников российских школ, американского среднего класса и т.д.) Целенаправленно создаваемый вид социологического образа мы называем имиджем. Во второй трактовке – мы называем ее культурной, или культурно-географической – под образом города подразумевается совокупность ассоциаций о данном городе, накопленных в определенной (например, российской) культуре и репрезентированных через произведения литературы, музыки и живописи, кинофильмы, различные документальные источники, а также местные городские ландшафты, архитектуру, памятники и т.д.

В общем случае, культурный образ города служит как бы исходным материалом для разработки, корректировки и пропаганды массового, «социологического» образа. Необходимость работы с уже существующим культурным образом по крайней мере наравне с вновь создаваемыми «с нуля» составляющими будущего имиджа обуславливается хорошей «приживаемостью», который зачастую обладает естественный, опробованный в культуре образный материал. Используя сельскохозяйственную аналогию, процесс целенаправленной работы над имиджем города можно охарактеризовать так: берется подвой, или дичок – массовый, социологический образ некоторого города, сложившийся у некоторой целевой аудитории; среди элементов культурного образа того же города выбирается подходящий привой, после чего сама прививка и уход за растением – отлаженный механизм PR-компаний. Собственно географическая, культурно-географическая работа актуальна здесь именно на стадии изучения культурного образа города, и особенно – его ландшафтная привязка и проработка.

Методика изучения культурного образа города. Одна из основ образно-географического исследования — анализ протообразов. *Под протообразом города здесь понимается совокупность тематически близких ассоциаций, касающихся данного города.*

Каждому протообразу соответствует обычно целый ряд знаков городского ландшафта. Так, например, в Томске часть знаков может указывать на его сибирское положение (объекты природы, определенные элементы архитектуры, символические изображения и надписи), часть – на его научную «профессию» (здания вузов и институтов, памятники ученым, «говорящие» названия улиц, опять-таки специальные символы и надписи).

Заметим, что протообразы города в целом могут строиться не только на основе городского текста, но и по другим источникам (например, разного рода письменные источники информации о городе, интервью его жителей и др.); это не меняет сути протообраза. В настоящей работе основное внимание уделено созданию протообразов именно по городскому ландшафту как сфере, наименее изученной и в то же время наиболее тесно связанной с географической традицией.

Итак, основная задача полевого образно-географического исследования города в предлагаемой методике видится как сбор и прочтение в городском ландшафте знаков – объектов, вызывающих те или иные ассоциации – с последующим «сложением» их в протообразы.

В качестве знаков городского ландшафта, по которым могут быть прочтены протообразы города, выступают совершенно различные объекты: участки территории (знаковые места), отдельные сооружения на местности (памятники, заборы, строения), символические изображения и конструкции (плакаты, стеллы, барельефы, вечный огонь и др.), встречающиеся в ландшафте надписи (граффити, вывески, объявления).

Однако для чтения знаков ландшафта потребуется знакомство со значительно большим объемом информации, символов и ассоциаций, а именно, – с образным полем города в целом. В идеале, *образное поле города есть вся совокупность возможных ассоциаций в связи с данным городом*. Образное поле может изучаться в трех направлениях: путем работы с респондентами (как жителями города, так и представителями целевой аудитории, если таковая имеется), через связанные с городом тексты и через собственно городской ландшафт.

Каждое из этих направлений по отдельности не дает исчерпывающего представления разного поля города: так, например, образы городского фольклора (выявляемые в ходе работы с респондентами) не заменяют образов города в классической литературе – хотя они и могут быть тесно взаимосвязаны. Образное поле формируется на взаимодополнении всех трех образных источников. Однако, работа с респондентами по образной тематике -- трудоемкое и методически очень сложное исследование, требующее специальных навыков. Здесь мы ограничимся двумя источниками изучения образного поля города: непосредственно через ландшафт и через *внеландшафтное текстовое поле* города. Что же касается работы с респондентами, то здесь ограничимся пассивной ее формой, а именно записью произвольно услышанных проявлений городского фольклора, образно значимых высказываний местных жителей – например, при объяснении дороги, в беседе с сотрудниками администрации или музея и т.д. Отбор подобных высказываний производится по аналогии с отбором ландшафтного и текстового материала.

Внеландшафтное текстовое поле города – совокупность всех видов текстов о городе, кроме собственно ландшафтного: это официальные справки, тексты учебников и энциклопедий, воспоминания о городе и другие связанные с ним публицистические материалы, письма, кинофильмы, живописные и литературные художественные произведения и т.д. В частности, в текстовое поле города входит вся визуальная информация, включая изображения города в книгах, на картинах, открытках и т.д.) Для работы могут быть полезны и статистические источники, которые условно также можно отнести к внеландшафтному текстовому полю¹.

Таблица 1.

Основные этапы полевой работы над образом города

Этап	Содержание работы	Результат
Предварительный	Анализ образного поля города по камеральным («внеландшафтным») источникам	Предварительный список протообразов исследуемого города
Начальный полевой	Выявление и анализ знаков городского ландшафта; дополнительное изучение образного поля города по внеландшафтным источникам	Пересмотр и содержательное насыщение системы протообразов
Первичная обработка	Анализ «ассоциативной мощности» и взаимосвязей протообразов, отбор протообразов, выбор символов протообразов	Первичная образная карта; список символов узловых протообразов города
Конечный полевой	«Сверка» первичной образной карты с системой знаков и символов городского ландшафта, коррекция образной карты, поиск визуальных символов образа города.	Окончательная образная карта, список символов образа города

В идеальном случае желателен анализ текстового поля города в объеме, приближающемся к исчерпывающему. Дело в том, что полнота изучения образного поля города значительно влияет на

¹ Строго говоря, статистика есть еще один вид источников для формирования образного поля города, не совпадающий с внеландшафтным текстовым полем.

возможность чтения городского ландшафта. Знание образного поля города обеспечивает глубокое, многогранное понимание городского ландшафта вплоть до «чтения между строк», узнавания неявных ассоциаций. Здесь работает принцип взаимодополнения источников: тексты заставляют смотреть на черты городского пейзажа под определенным углом зрения; с другой стороны, и городской ландшафт влияет на восприятие текстов о нем¹. Основные этапы работы отражены в таблице 1.

Схема включения культурного образа в имидж города. Полученная в результате описанной методики образная карта есть «скелет» культурного образа города. По сути, это схема готового материала, из которого можно «лепить» социологический имидж города -- причем с уже проработанной и включенной в схему ландшафтной привязкой элементов образа.

Дальнейшая практическая работа (если таковая требуется) состоит в следующем:

-- выяснение социологического образа города (с применением обычных в таких случаях социологических методик);

-- разработка желаемого имиджа города;

-- изучение несоответствия желаемого имиджа социологическому образу;

-- ревизия ресурсов для претворения в жизнь желаемого имиджа города, а именно: выбор стратегии работы с отдельными элементами социологического образа города, выбор наиболее перспективных элементов культурного образа города; в некоторых случаях, возможно, разработка новых элементов имиджа города (с «нуля»);

-- проверка восприятия выбранных элементов культурного образа города, а также вновь разрабатываемых элементов имиджа;

-- разработка системы практических мероприятий по продвижению имиджа города.

Литература

1. Костинский Г.Д. Географическая матрица пространственности // Известия РАН. Серия географическая. 1997. № 5.
2. Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с франц. под ред. и с примеч. Вяч. Вс. Иванова; Отв. ред. Н.А. Бутинов и Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1985. С. 56.
3. Линч К. Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
4. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / Сост., предисл., коммент., подбор иллюстраций Н.Г. Мельникова. – М.: Издательство «Независимая газета». 2002. С. 130.
5. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. 416 с.
6. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Изд. группа "Прогресс" — "Культура", 1995. 624 с.
7. Топоров В.Н. Пространство и текст. // Текст: семантика и структура. Отв. ред. Т.В. Цивьян. М., Наука, 1983. С. 227 – 284.
8. Элиаде М. Космос и история: Избранные работы / Пер. с франц. и англ.; Общ. ред. И.Р. Григулевича и М.Л. Гаспарова. – М.: Прогресс, 1987. 312 с.
9. Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. – М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
10. Brunn S., Cootle Ch. Small states and cyberboosterism. // The Geographical Review 87 (2). April 1997. Pp. 240-258.
11. Crowhurst A. Empire theatres and the empire: the popular geographical imagination in the age of empire // Environment and Planning D: Society and Space. – 1997. – Vol. 15. – P. 155—173.
12. Driver F., Gilbert D. (Eds.) Imperial Cities: Landscape, Display and Identity. – Manchester: Manchester University Press, 1999. – 283 p.
13. Driver F., Gilbert D. 'Heart of Empire? Landscape, space and performance in imperial London' // Environment and Planning D: Society and Space. – 1998. – 16. – P. 11—28.
14. Mark D.M., Frank A.U. (Eds.). Cognitive and linguistic aspects of geographical space. – Cleveland, 1990. – 519 p.
15. Ryan J.R. Picturing Empire: Photography and the Visualization of the British Empire. – Chicago: University of Chicago Press, 1997.
16. Tuan Yi-Fu. Topophilia (a study of environmental perception, attitudes, and values). University of Minnesota, 1976.
17. Zelinsky W. North America vernacular regions // Annals of the association of American geographers. Vol. 70, No. 1. March 1980. Pp. 1—16.
18. <http://www.geog.buffalo.edu/ngcia/i21/ng/NG51.html#RTFToC1> -- Egenhofer M.J., Mark D.M. Naive Geography.

¹ Здесь показателен такой пример: читавший лекции о книге Джойса «Улисс» В. Набоков требовал от студентов-литературоведов обязательного изучения карты Дублина, без которой, по мнению лектора, было невозможно понять всей глубины великого романа. (См.: Набоков, 2002. С. 130.)

РОЛЬ ГОРОДОВ В РАЗВИТИИ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Огромные диспропорции в уровне благосостояния между странами мира стали причиной так называемого «цифрового разрыва», характеризующегося отставанием отдельных стран в уровне использования новейших телекоммуникационных технологий и, прежде всего, интернета - две трети пользователей глобальной сети проживает в шести капиталистических странах. Но и внеэкономические факторы сыграли достаточно важную роль в развитии интернета в развитых странах, и одно из ведущих мест принадлежит фактору урбанизации. Западная городская культура оказалась наиболее восприимчивой к инновациям и смогла наиболее эффективно вовлечь их в национальную экономику.

1. Развитие интернет и проблема «цифрового разрыва»

Массовое распространение интернет началось в начале 90-х годов прошлого века, после того как в 1992 году была создана принципиально новая концепция представления информации и навигации, понятную не только профессиональным компьютерщикам, но и менее подготовленным пользователям - World Wide Web («Всемирная паутина»). Для правительств и компаний западного мира новая технология оказалась востребованной, прежде всего, с точки зрения распространения своего влияния за пределами традиционных торгово-политических зон. Дело в том, что в 80-90-х годах отмечается начало нового этапа глобализации мировой экономики, сопровождавшегося увеличением экспортно-импортных операций, а также притоком мигрантов в «ядро» глобализационных тенденций – США [1]. И если предыдущая волна глобализации, которую А.Мэддисон [2] относит на 1870-1914 годы, происходила во многом благодаря развитию железных дорог и телеграфа, то новая волна 90-х годов во многом обязана интернету, обеспечившему новое качество мирохозяйственных связей за счет более тесной связи подразделений транснациональных компаний.

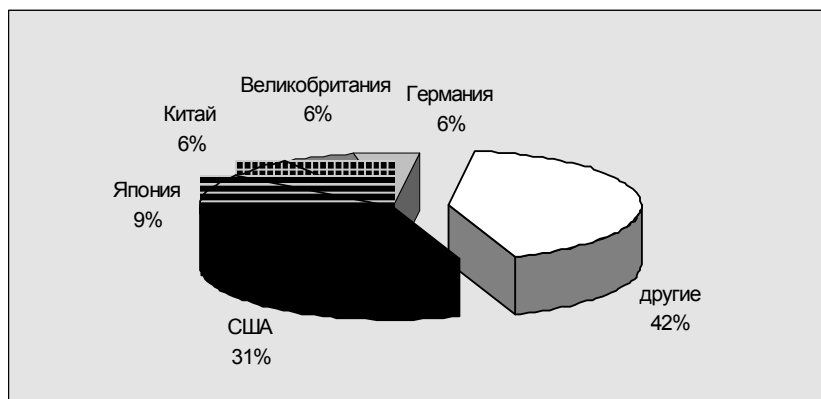
На протяжении 1990-2000 годов число пользователей постоянно увеличивалось со средними темпами прироста числа пользователей не менее 68%. Однако если в первой половине десятилетия эти темпы достигали сотен процентов, то после 1995-1997 годов темпы прироста числа пользователей резко сократились и составляли к концу десятилетия уже менее 50% в год. Отчасти это объясняется ухудшением мировой экономической конъюнктуры, которая была дестабилизирована волной финансовых кризисов в 1997-1998 годах. Другая причина состоит в том, что интернет развивался крайне неравномерно и в ряде развитых стран уже достиг стадии насыщения, тогда как в развивающихся странах, где проживает большая часть населения планеты, дальнейшее распространение технологии сдерживается отсталостью государств.

На рис. 1 мы видим, что 58% всех пользователей нашей планеты сосредоточено в шести индустриально развитых странах, в т.ч. 31% приходится на США. Надо отметить, что доля североамериканского государства снижается на пару процентов в год, однако эта доля переходит к другим развитым странам, но не развивающимся (!).

Развивающиеся страны отстают как по масштабу использования, так и по производству средств информационной техники и программного обеспечения. В этой связи в мире широкое распространение получил термин «цифровой разрыв» (digital divide), обозначающий нарастающее отставание ряда стран по активности использования цифровых технологий (прежде всего, интернета). Основные причины – социально-экономические проблемы этих стран, не позволяющие выделять необходимые на развитие новых технологий средства. Углубление этой проблемы связано с тем, что крайне медленно готовятся кадры, способные работать с нововведениями – как результат, отсутствие крупных национальных производителей ИТ-оборудования и компаний, обеспечивающих доступ к инфраструктуре, а значит и увеличение дефицита адекватной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры [3].

Другим аспектом «цифрового разрыва» является отставание развивающихся стран по количеству сайтов, через которые государственные органы, компании и отдельные граждане этих страна могли бы продвигать свою продукцию, идеи. Наблюдается парадоксальная ситуация, когда на местном языке выпускается меньше сайтов, чем на каком-то из иностранных – английском, испанском, немецком или французском (для бывших колоний это, как правило, язык метрополии).

Рис. 1 Распределение пользователей интернет в странах мира, % от общего числа, 2002

Источник: Мировой банк

Так, на рис. 2 и 3 мы видим соотношение числа пользователей и создаваемых сайтов в Восточной Европе и на Среднем Востоке. В более развитых восточноевропейских странах на местном языке создается преобладающее число сайтов – в 2000 году на 1 созданный сайт на местном языке приходилось 14 пользователей интернета (тогда как на 1 созданный сайт на всех языках приходилось 12 пользователей интернетом). В странах Среднего Востока и Северной Африки на 1 созданный сайт (на всех языках) приходится 5 пользователей. В тоже время, сайты на местном языке здесь создаются в очень ограниченном количестве, поэтому на один такой сайт приходится почти 400 пользователей, причем эта цифра постоянно растет. Аналогичная ситуация складывается и в других «догоняющих» регионах (южноафриканские страны – в 2000 году 150 пользователей на 1 сайт на местном языке, латиноамериканские страны – 50 пользователей, азиатско-тихоокеанский регион – 40 пользователей), где обеспеченность интернет-ресурсами на национальном языке несколько лучше, однако тенденций к возрастанию их доли пока не наблюдается.

Местные компании и пользователи, создающие свои сайты в интернете, просто не ожидают получить желаемое число пользователей за счет земляков, и вынуждены привлекать зарубежную аудиторию (как правило, в таком случае сайты делают на английском языке). В свою очередь, малое количество сайтов на местных языках становится непреодолимым барьером для выхода в интернет бедных слоев населения в большинстве стран, т.к. люди не имеют возможности выучить иностранный язык. Поэтому процесс создания сайтов на местных языках в развивающихся странах идет достаточно медленно, и доминирующими пользователями в сети интернет остаются жители англоговорящих стран, 70% из которых проживает в США [1].

Согласно данным Global Internet Statistics, за период с июня 2001 года по март 2003 года число англоязычных пользователей сократилось с 45 до 35,4%. При этом доля англоговорящих пользователей перешла главным образом к другим пользователям, говорящим на европейских языках – прежде всего, испанском и португальском. В странах Азии также происходит постепенный процесс деконцентрации. Доля Японии, которая всегда доминировала в интернет-пространстве, начинает сокращаться – в 2002 году она стал уже меньше доли Китая и китаеговорящего населения планеты. Другие азиатские языки практически не получают развития в мировом интернете, а языков населения Африки вообще не заметно (менее 0,1%).

Еще одна из причин слабого развития местных сайтов (не только на местном, но и на английском языке) – это их низкое качество. Особенно это относится к сайтам информационным – новостных и аналитических агентств. Создатели просто не могут обеспечить эти сайты серьезным содержанием и даже если такие попытки делаются, то в сравнении с сайтами западных информационных компаний они остаются бледными. В частности, во время войны в Ираке (2003 год) сайт американской телекомпании CNN (www.cnn.com) не справлялся с притоком посетителей. Это

было вызвано полнотой и качеством подачи информации – там были списки американских и иракских подразделений, участвующих в конфликте, были даны все задействованные виды вооружения (с возможностью просмотра фотографий и параметров), карты дислокации войск и т.д. «Развивающиеся» страны тоже готовят такие сайты, но например, один из ведущих российский сайтов – РИА «Росбизнесконсалтинг» (www.rbc.ru) ограничивался комментариями, «скопированными» с западных сайтов фотографиями и репликами. Очевидно, что в таких условиях пользователи, владеющие английским языком, выберут американский сайт.

Рис.2 Соотношение числа пользователей и создаваемых сайтов в странах Среднего Востока и Северной Африки

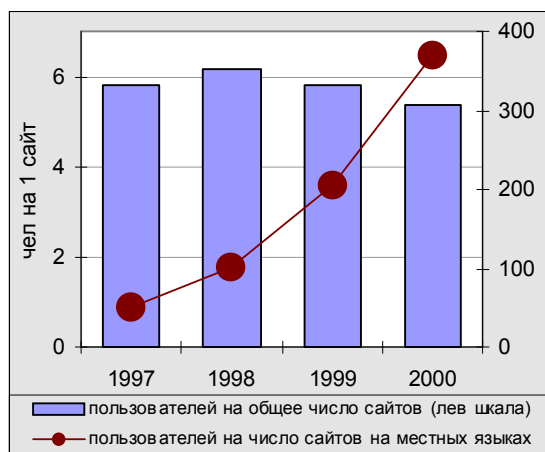
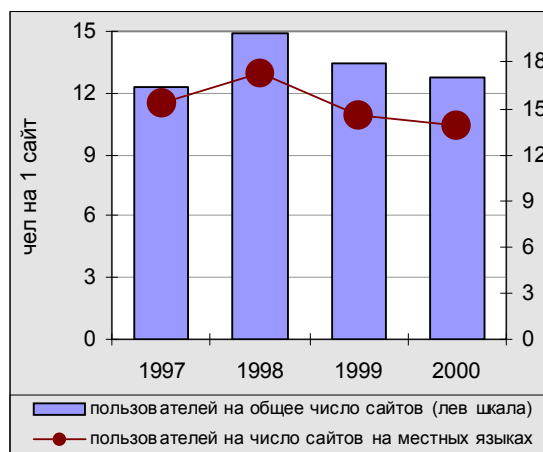

Рис.3 Соотношение числа пользователей и создаваемых сайтов в странах Восточной Европы

Источник: Pyramid, расчеты автора

Между тем, медленный рост числа пользователей национальных интернет-ресурсов приводит к тому, что и основные доходы от отрасли получают в развитых странах. Здесь лидерство принадлежит США (28% мировых доходов от интернет-услуг), что вызвано активным развитием электронной торговли и других «продвинутых» услуг, которые дают больший удельный доход, нежели стандартное обеспечение доступа к сети. Доля США постепенно снижается, и в 2000 году она стала меньше, чем совокупные доходы от интернет-услуг в странах Западной Европы (37% мировых доходов). В этом же году американцев обошли и азиатские державы – прежде всего, Япония, Корея и Китай, совокупная доля которых достигла 30%. Как результат, интернет-компании из развивающихся стран не могут активно инвестировать в развитие местного рынка услуг, и сами становятся сдерживающим фактором дальнейшего развития сети.

2. Основные факторы, ограничивающие диффузию интернета

Причинами «цифрового разрыва» являются барьеры, которые препятствуют равномерному распространению инноваций по территории.

Экономическим различиям исследователи уделяют наиболее заметное место среди факторов отставания отдельных стран. Наиболее полно эти различия выражаются в современном и прошлом уровнях благосостояния наций – прежде всего, в доходах граждан, которые влияют на количественные характеристики развития национальных интернет рынков – на их емкость и динамику.

По нашему мнению, современный уровень доходов в национальной экономике определяет масштабы традиционных (не инновационных) потреблений – еда, отдых, жилище, то есть служит удовлетворению базовых потребностей граждан. У компаний текущая доходность уходит на поощрение сотрудников, выплаты дивидендов акционерам, расширение производства. Одновременно, если это позволяют доходы, граждане и компании потребляют все больше инновационных товаров, т.е. тех, которые не имеют заменителей – например, мобильная связь, интернет, системы информационной безопасности.

Во многих развивающихся странах ситуация с потреблением инновационных товаров полностью наследует проблемы с традиционным потреблением – люди недоедают, не могут обеспечить себе достойную жизнь. «Социальное неравенство оборачивается неравенством прав и возможностей. Новые сети подчинены и придавлены старым иерархическим порядком... Новые

технологии, подчиненные логике капитализма, обречены воспроизводить традиционные конфликты и отношения. Виртуальное пространство не может оторваться от социального. Точно так же, как и в аграрной или индустриальной системе, информационные продукты присваиваются, из них извлекается прибыль, труд эксплуатируется» [1].

Аналогичная ситуация с «прошлыми» (накопленными) доходами. Именно эти доходы определяли возможность создания компаниями и гражданами какого-то фонда (денежного или вещественного), который даже при снижении текущих доходов, позволял бы им использовать инновационные продукты. Здесь мы, прежде всего, имеем ввиду инфраструктуру, на которой возможно «развернуть» нововведение (для интернет-рынка таковой будут являться уровень телефонизации, компьютеризации). Важность учета этого «накопленного» благосостояния состоит в том, что мировая экономика развивается крайне неравномерно и вчерашние лидеры могут сегодня оказаться в аутсайдерах (как это имело место с Россией) и наоборот – вчерашние аутсайдеры вырастают в могущественные державы (Китай). При таких условиях текущий уровень доходов не позволяет достаточно точно оценить источники платежеспособного спроса на интернет-услуги. Соответственно, если экономика не способна ни накопить средства на развитие инновационной инфраструктуры, ни создать ее с нуля мы сталкиваемся с явлением «цифрового разрыва».

Среди *внеэкономических факторов* выделяются четыре крупные группы: факторы положения (удаленность от развитых интернет-рынков, число «развитых» соседей, континентальность), культурно-образовательные и религиозные факторы (доля верующих, конфессиональная структура, грамотность, образованность), культурно-исторические (уровень урбанизации, плотность населения, доля населения проживающего в крупнейших городах).

Факторы положения проявляются через возможности или ограничения в развитии национального интернет-рынка в связи с особенностями его географического положения.

Так, *удобное положение относительно развитых интернет-рынков* может иметь благоприятные последствия - во-первых, в результате диффузии нововведений, когда на более отсталый рынок вытесняются устаревающие, но дешевые технологии связи; во-вторых, в случае транзитного положения отсталого рынка между развитыми через него проходят современные каналы связи, к которым могут подключиться и потребители транзитной страны. Показателем удобства положения может стать, например, число соседей с развитым интернет-рынком.

Континентальность имеет довольно прямые последствия – международные оптоволоконные кабели идут по дну мирового океана и, соответственно, прибрежное положение в этом случае может давать преимущества в доступе к сети интернет. Это становится возможным благодаря меньшим затратам на подключение местной сети к международному кабелю.

Кроме того, нужно отметить, что прибрежная страна может выполнять функции инфраструктурного узла для континентальных и прилегающих к ней прибрежных стран. Для этого нужно инвестировать в создание крупного местного провайдера (-ов), поддерживающего как местный, так и соседский трафик (примерно таким образом сейчас обстоит ситуация с Финляндией, которая обслуживает значительную часть российского международного трафика).

Историко-географические факторы определяют специфику существования населения на территории страны. Для нас важны лишь отдельные показатели из этой группы, важные с точки зрения благоприятствования развитию интернет-рынка - уровень урбанизации, плотность населения. Эти показатели, по сути, определяют скорость развития инновационных рынков.

Культурно-образовательные и религиозные факторы определяют поведение граждан страны в отношении интернета. Эти особенности могут, как стимулировать, так и ограничивать интерес населения к интернету. В этой группе факторов наиболее явное значение имеют *уровень грамотности и образованности*, так как они определяют возможность человека пользоваться устройствами для выхода в интернет, а также характер спроса на содержание интернет-сайтов. Более сложно определить влияние религиозного фактора, что связано как с неоднозначностью статистики (для большинства людей грань между верой и посещением церкви или каких-то специальных служб очень тонка), так и большой дифференциацией внутри религиозных течений. В качестве основного показателя мы выберем *конфессиональную структуру* населения, так как очевидно, что разные религии имеют свое отношение к нововведениям.

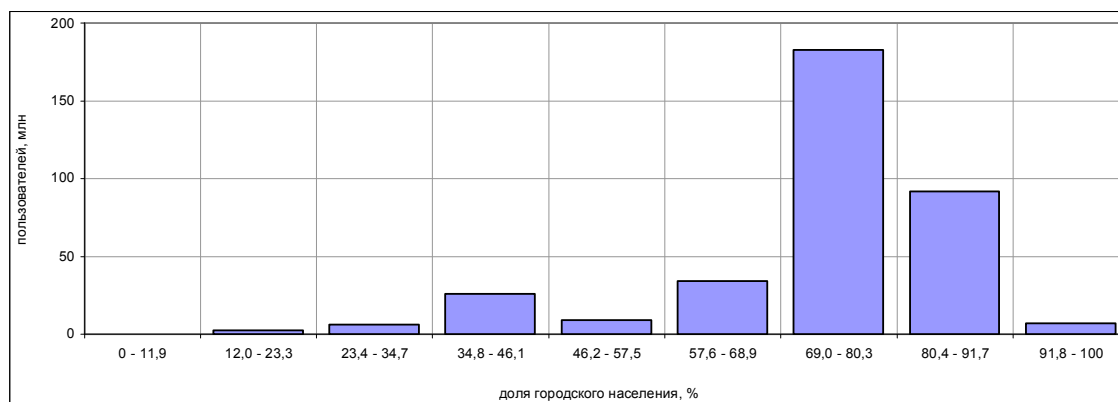
3. Значимость крупнейших городов и уровня урбанизации для распространения интернета

Ряд исследователей полагает, что торговая и финансовая активность сосредоточена в крупнейших городах, поэтому и развитие инфраструктуры, в т.ч. и информационной, связано, прежде всего, с этими городами [¹, ²]. «Подобно тому как звезды, накопив огромные массы вещества, становятся источниками новых излучений... большие города, мощные заводы, уникальные научные центры, потребляя огромные и дорогие ресурсы, «излучают» взамен ценную информацию, необходимую для подъема производительных сил на самых далеких окраинах своих сфер влияния» [³].

Мы разделяем это мнение, уделив существенное место роли городов и урбанизационных процессов в нашем исследовании диффузии интернета. Эта роль проявляется в четырех ипостасях: во-первых, в городах концентрируется значительная часть населения страны, что способствует быстрому вовлечению этих людей к потреблению нововведений, тогда как в сельской местности плотность населения усложняет быстрое распространение инноваций; во-вторых, в городах концентрируются наиболее активные граждане страны, отличающиеся от сельских жителей менее консервативными настроениями по отношению к нововведениям, что также стимулирует быстрый рост рынка нового товара или услуги; в-третьих, горожане, как правило, более обеспечены материально; в-четвертых, массовое развитие дополняющей инфраструктуры возможно только в условиях высокой плотности населения.

Это доказывается и статистическими расчетами – так, коэффициент корреляции между числом пользователей на 100 жителей и числом горожан на 100 жителей, рассчитанный для 142 стран мира, составляет 0,6. На рис 4 четко прослеживается тенденция к увеличению численности пользователей в странах с высокой долей городского населения. Наибольшее число (51% от общего числа пользователей в мире) приходится на интервал 69-80,3% горожан. В следующем интервале – 80,4-91,7% горожан, также наблюдается большая концентрация пользователей (26% от общего числа пользователей в мире). В интервале более 91,8% наблюдается резкое снижение числа пользователей, так как в эту группу попадают фактически города-государства, число которых не очень велико. В целом, на страны с долей городского населения свыше 69% приходится более 77% всех интернет-пользователей в мире.

Рис. 4 Распределение пользователей интернет в странах с различным уровнем урбанизации, 2000

Источник: World Factbook, Мировой Банк, расчеты автора

Вместе с тем, влияние уровня урбанизации на динамику интернет имеет четкие хронологические рамки – оно наиболее сильно на этапе массового распространения технологии и практически не ощутимо на этапе насыщения потребителей. Значимость показателя урбанизации проявляется в том, что он определяет долю наиболее «квалифицированных» потребителей – горожан, отличающихся от сельских жителей большей платежеспособностью и менее консервативным поведением по отношению к инновационным продуктам. Соответственно, чем выше доля горожан, тем больше вероятность быстрого распространения технологии (разумеется, при достаточном уровне благосостояния).

На этапе насыщения рынка влияние этого фактора становится менее заметным для статистического анализа. Дело в том, что к этому моменту население накапливает достаточный опыт в обращении с технологией, что может формировать новые запросы, связанные с ее использованием

– начинают развиваться дополнительные сервисы (например, подписка на рассылку дайджестов прессы после того, как пользователей какой-то период лично просматривал множество источников информации). В этом случае горожане снова оказываются менее консервативными и выступают в качестве «законодателей мод», стимулируя интернет-компании создавать все новые услуги.

В своем исследовании нам удалось вычислить зависимость уровня интернетизации от стадии урбанизации. В качестве уровней интернетизации мы приняли показатель 5 и 20 пользователей интернет на 100 жителей – эти пороги были выделены одним из классиков теории диффузии в социумах Э.Роджерсом, который подсчитал, что критической точкой распространения инновации становится 5% популяции, а при переходе через 20% идея живет уже своей жизнью и не требует интенсивной пропагандистской поддержки со стороны инноватора. По нашим расчетам, преодоление первого порога интернетизации в 5% населения возможно при урбанизации порядка 60%, тогда как для преодоления порога в 20% нужно, чтобы уже до 80% населения проживало в городах. Только в этом случае инновация будет распространяться с достаточной скоростью, а затраты на ее продвижение будут быстро окупаться из-за высокой плотности потребителей и, соответственно, возвращаться к создателю нововведения для того, чтобы он смог направить средства на модификацию инновации или же создание очередного новшества.

Таким образом, сейчас, когда в развивающихся странах одновременно идут оба процесса – урбанизации и интернетизации, мы можем говорить о том, что первый будет существенным образом влиять на динамику распространения интернета, наравне с динамикой благосостояния. Хотя в ряде регионов – прежде всего, в странах южнее Сахары – роль городов в развитии сети интернет будет в несколько раз менее значимой, чем в Азиатско-тихоокеанском регионе или Латинской Америке, где городская культура более развита и близка к западной, ориентированной на активное потребление инновационных продуктов.

Литература

1. ¹ Globalisation, growth and poverty // OECD, 2002. – 174p.
2. ¹ Maddison A. - The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD, 2001. – 201p.
3. ¹ State of the Internet. International technology and trade associates, 2000. – 61p.
4. ¹ The networking revolution: Opportunities and Challenges for Developing Countries. Global Information and Communication Technologies Department The World Bank Group, 2000. – 49p.
5. ¹ Кагарлицкий Б. – Кибер-лорды против бизнес-геррилы // Компьютерра - №35, 2002
6. ¹ Moss M. - Urban Development in a Global Economy in Telecommunications: a *Strategic Perspective on Regional, Economic and Business Development* // Estabrooks and Lamarche, Canada: Canadian Institute for Research on Regional Development, 1986
7. ¹ Лаппо Г.М. – География городов. – М.: Владос, 1997. – 480с.
8. ¹ Родоман Б.Б. – Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена. 1999. – 256с.
9. ¹ Rogers E. – Diffusion of innovation. The free press, New York. 1995

Роберт Рудольф

НАУКОГРАДЫ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА НА ФОНЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КЛАСТЕРОВ ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ РЕГИОНОВ

В традиционной географии городские регионы и городские агломерации по большей части анализируются с позиции модели "центр-периферия". Эта модель очень хорошо описывает процесс субурбанизации, поскольку новые структуры в периферии в функциональном смысле подчинены центру. Тем не менее, наблюдая современные тенденции пространственных структур на глобальном уровне можно отметить, что процессы, происходящие в городах как части системы центр-периферия не объясняют все современные структуры и процессы экономического роста периферии. Модель города в системе центр-периферия только частично может быть использована и полезна для толкования регионального развития. В частности в североамериканских городских регионах а также в некоторых западноевропейских регионах формируются пространственные структуры, которые основываются на другой модели регионального развития. Экономический рост и инвестиционные процессы связаны с формированием новых многофункциональных ядер, которые имеют только слабые связи с традиционным ядром агломерации.

В некоторых, прежде всего экономически успешных регионах, отмечается возрастание значения дисперсных структур расселения и территориально построенных по сетевому принципу кластеров без чётко выраженной иерархии. Географы делают попытку выявить эти процессы роста, стимулированные ядром городской агломерации, в различных регионах и связать эти процессы с

определённой моделью развития. Новые, построенные по сетевому принципу территориальные структуры, играли значительную роль в дискуссиях по вопросу перехода от фордистской к постфордистской модели общества. Модель утраты значения централизованных систем является весьма гипотетической, она включает в себя весьма долгосрочные процессы, которые длятся многие десятилетия. В связи с этим изменялись и подходы к рассмотрению процессов в городских агломерациях. Вместе с изменением пространства изменяется характер географических исследований.

Наглядными примерами постфордистской территориальной структуры являются, например, «Orange County» в Калифорнии или так называемая „Terzia Italia“, регион, расположенный в Северной Италии. В этих регионах в течение весьма длительного периода сформировались территориально-производственные сети (цепочки), представленные прежде всего малыми производствами, составляющими гибкие сети предприятий. Здесь концентрируются небольшие технопарки с индустрией высоких технологий (*high-tech*), размещаются технологические фирмы, открываются новые университеты и учебные заведения. На периферии городской агломерации размещаются новые офисные комплексы. Возникают новые штандорты розничной торговли, крупные торговые комплексы, размещение которых ориентировано более не на центр городской агломерации, но на региональную и межрегиональную транспортную инфраструктуру. Модель постфордистской территориально-пространственной структуры исходит из того, что растущие отрасли экономики осваивают в качестве производственных территорий новые области, которые наилучшим образом соответствуют требованиям территориальной организации производства и обслуживания и в то же время предлагают привлекательные жизненные условия.

В современной экономической географии для анализа и исследования проблематики новых агломераций и региональных концентраций специализированных предприятий используется в основном понятие кластера. Согласно определению, под кластером в первую очередь понимается региональная концентрация предприятий и организаций производственно-обслуживающей цепочки, основанной на разделении труда, в конце которой находится определённая конечная продукция, такая как промышленные товары или услуги комплексного характера. При этом существует большое количество различающихся между собой концепций и подходов. В целом в центре указанных концепций находятся экономическая деятельность и связи участников процесса. При этом способ коммуникаций и взаимодействий между самостоятельными участниками (предприятиями) является существенным элементом подходов к толкованию процесса.

К настоящему времени существуют весьма разносторонние исследования в области кластеров, в которых делается попытка определения и теоретического толкования новых пространственных структур экономических процессов, реализуемых прежде всего в результате развития малых, гибких и технологически ориентированных предприятий. Во многих экономико-географических подходах в центре внимания находится не оснащение рассматриваемого региона предприятиями и применяемые технологии, но связи между участниками экономического процесса и изменяющиеся формы организации основанных на разделении труда производственных процессов.

Московский регион несомненно является уникальным агломерационным пространством – со специализированными научными и высокотехнологичными предприятиями, со взаимосвязанными научными и научно-производственными процессами. Научно-исследовательский и технологический потенциал сконцентрирован в первую очередь в наукоградах, которых в Московской области насчитывается 29. Типологически наукограды – ни с экономической или расселенческой точки зрения, ни на основании их административного статуса или отраслевой структуры – нельзя отнести к единой структурной модели. Некоторые наукограды, например, Дубна или Обнинск, демонстрируют значительную отраслевую диверсификацию производств и научно-исследовательских институтов. Такие наукограды как, например, Зеленоград, хотя и характеризуются преобладанием какой-то одной отрасли, однако и здесь присутствует вертикальная интеграция – в результате наличия институтов фундаментальной и прикладной науки, производства серийной продукции, а также высших учебных заведений. Другие города, такие как, например, Жуковский обладают хорошо выраженной моноструктурой, здесь имеется большое количество градообразующих предприятий, относящихся к приоритетной технологии. Такие городские поселения как, например, Обнинск, полностью зависят от функционирования единственного крупного научно-исследовательского института.

В целом в советский период в рассматриваемом регионе произошло развитие гигантского научного и технического комплекса ноу-хау, прежде всего завязанного на Москву и наукограды Московской области. В связи с этим весьма важно и интересно рассмотреть наукограды с точки зрения концепции кластеров. При этом может быть проверена применимость концепций такого рода

для ситуации, сложившейся с наукоградами в Московском регионе, и осуществление данных концепций для анализа и теоретического толкования современной трансформации данных городов.

Если рассматривать города науки с точки зрения регионально интегрированных производственных кластеров, то необходимо подчеркнуть, что кластеры всегда имеют отраслевую специализацию: например, кластер авиационно-космической отрасли или биотехнологии. В некоторых публикациях выделяются также региональные отраслевые концентрации, такие как, например, авиационно-космическая промышленность Московского региона в качестве кластера в регионально-экономическом смысле. По этой логике такие наукограды как, например Жуковский, Королёв, Реутов или Химки, рассматривались бы в качестве мест размещения технологических кластеров авиационно-космической отрасли.

О функциональных кластерах следует говорить лишь в том случае, когда предприятия производственной цепочки формируют региональные или локальные агломерации. Основными критериями формирования кластеров являются степень взаимосвязей и реальная плотность взаимодействий между действующими силами на локальном и региональном уровне (предприятиями, объединениями, организациями), а также их включение в стабильные институциональные рамки. Решающими для качественных показателей агломераций такого рода являются специфические организационные формы экономических процессов и способ региональной интеграции участников экономического процесса. В связи с этим интерпретация наукоградов как узлов кластеров является проблематичной.

Производственный кластер определяется как «регионально интегрированные» пространственные структуры. В советский период существование наукоградов было частично связано с отрывом локальной экономики и социальной сферы от региональных связей. Некоторые города были «закрытыми территориями», открытой доступной информации о них существовало немного. Возникновение наукоградов не было основано на децентрализованных усилиях большого числа различных действующих сил. Основание этих городов осуществлялось в каждом случае как крупный проект развития, они возникали как «архипелаг» узкоспециализированных городов. Возможная региональная интеграция регулировалась или ограничивалась административным путём.

Несмотря на это пространственная концентрация научно-исследовательских и высокотехнологичных отраслей основывалась на достижении экономической эффективности. Территориальная близость даёт возможность регулярных взаимодействий и согласований между действующими силами и таким образом облегчает процесс передачи знаний. Эти процессы естественно стали действовать и в наукоградах. Приходится согласиться, что территориальная и социальная близость участников и действующих сил в советских наукоградах обеспечивали передачу и распространение неформальных, основанных на личных связях знаний и благоприятствовали подготовке инновационной среды с неформальными сетями (с сетями, относящимися к технологическим системам). Гигантские инвестиции в развитие авиационно-космической отрасли в различных частях Московского региона и стимулирование конкуренции внутри отрасли путём создания ряда различных конструкторских бюро были решениями политического характера. Однако это привело к сетевому строению внутри технологической системы. Для наукоградов характерно также и то, что при возрастающей сложности используемых знаний возрастает важность вовлечения участников процесса в технологические системы, причём научный обмен может наиболее эффективным путём обеспечиваться за счёт территориальной близости.

В значительно большей степени проблема заключалась в недостаточном горизонтальном распространении знаний. Дальнейшее распространение и использование технологических знаний участниками процесса, находящимися за пределами границ технологической системы, было осуществимо лишь с большими трудностями. Существовало лишь небольшое количество точек соприкосновения между экономикой и наукой. Ограничение коммуникаций за пределами границ системы и преобладание централизованного государственного регулирования делало возможными лишь узко ограниченные пути развития.

С политическими и экономическими переменами 1990-х гг. для наукоградов открываются новые возможности развития. Возможности постсоветского развития наукоградов Московского региона можно изложить в форме тезисов.

1. С конца 1980-х гг. крупные научно-производственные комплексы наукоградов испытывают кризис производства и пытаются адаптироваться к новым условиям. Однако, спустя более чем десятилетие после начала социально-экономических перемен в крупных научно-производственных комплексах уже видны различия. Происходит открытие предприятий на основе международного сотрудничества в области технологии и привлечение новых заказов на национальном и

международном уровне. Таким образом некоторым предприятиям удаётся сохранить важные ключевые отрасли и интеграцию на глобальном уровне. Государственные предприятия, особенно те, которые имеют «национальное значение» (ГУПы в области космонавтики, наукоёмкой военной техники), до сих пор были однако лишь в небольшой степени затронуты процессом диверсификации и реструктуризации.

2. Структурные изменения научно-производственных комплексов происходят прежде всего путём вычленения отдельных частей из организационных связей технологической системы. Предприятия образуют большое количество дочерних фирм для выполнения специальных задач. Реструктуризация крупных организаций происходит прежде всего за счёт отделения непроизводственно ориентированных отраслей обслуживания местного радиуса действия (транспортные предприятия, организации снабжения, социальные службы) – путём приватизации и передачи на муниципальный уровень. Малые высокотехнологичные предприятия возникают путём выделения из крупных институтов, в результате чего частично сохраняется технологически ориентированное развитие на местном уровне. Так, например, в Зеленограде можно отметить возникновение структур, указывающих на интеграцию города в глобальный рынок информационных технологий за счёт выполнения работ по программному обеспечению для международного рынка (Offshore Software Development).

3. Наряду с дальнейшим научным и высокотехнологичным развитием, намечаются в то же время и новые пути развития наукоградов в Московском регионе. В некоторых городах были осуществлены крупные как российские, так и иностранные капиталовложения. Начиная с середины 1990-х годов произошло размещение новых производственных предприятий прежде всего в импортозамещающих отраслях, например, в пищевой промышленности или промышленности строительных материалов. Начиная с 1998 года, например, в городе Жуковском крупнейшим плательщиком в городской бюджет является не какое-либо из высокотехнологичных предприятий авиастроения (бывших «градообразующих предприятий»), а западноевропейское предприятие пищевого профиля. В Химках – городе, где сконцентрированы предприятия авиационно-космической отрасли, – разместилось много крупномасштабных комплексов розничной торговли, всё более и более определяющих структуру местной экономики, что позволяет сделать предположение об уменьшении роли высокотехнологичных отраслей. При этом экономическое развитие Химок является весьма успешным. Новые штандорты в Химках можно интерпретировать как процессы выравнивания моделей развития столичной периферии на глобальном уровне.

4. Новый сектор малых предприятий с точки зрения своей отраслевой структуры, институциональных организационных форм и интенсивности связей является весьма гетерогенным. Сюда относятся как простые предприятия обслуживания с локальным радиусом действия, так и высокотехнологичные предприятия, развивающие свои долгосрочные стратегии и пытающиеся специализироваться в своей прежней научно-исследовательской области. Было проведено очень хорошее студенческое эмпирическое обследование развития программного обеспечения в Московском регионе.¹ Это обследование указывает на важность выделения малых фирм из крупных научно-исследовательских комплексов для концентрации предприятий информационных технологий в Москве. Вновь возникающие малые предприятия являются выражением спонтанного структурирования постсоветской экономики. Фрагментирование крупных производственных организаций и расширение сектора частных малых предприятий соответствует трансформационным моделям Новой политической экономии, в которой отмечается переход от централизованных к децентрализованным взаимосвязанным системам как форме экономической трансформации.

5. Освобождение наукоградов от сильной зависимости от централизованных административных структур привело к изменениям прежних иерархических коммуникационных и властных связей и отношений. В связи с разделом ресурсов (приватизация) и формированием локальных организационных структур (развитие муниципального самоуправления, передача полномочий на муниципальный уровень) внутри городов возникают новые группы интересов, которые можно отнести либо к политической, либо к экономической области. Представители муниципальных органов власти должны формулировать собственные муниципальные интересы и по возможности отстаивать их в конфликтах с представителями предприятий.

6. Если в советский период научно-исследовательские и производственные комплексы могли развиваться относительно независимо от своего региона, то теперь участники экономического

¹ PAPENHEIM, D. (2002): Regionalentwicklung durch Offshore Development? Moskau als Standort der Softwareindustrie. Marburg. (дипломная работа в Институте Географии на Университете города Марбурга (Германия).

процесса вынуждены развивать регионально интегрированные структуры за пределами существовавшей до сих пор технологической системы. Новые глобально ориентированные контакты в региональном контексте также завязаны чаще всего на весь Московский регион и консолидируют его глобальную интеграцию. Реструктуризация экономических сетей Московского региона является одним из важнейших элементов региональной интеграции.

7. Возникшие в течение длительного периода формальные и неформальные сети внутри соответствующей технологической системы были связаны с возникновением специфического технологического ноу-хау, которое в советский период концентрировалось преимущественно в Москве и в наукоградах. Технологическое ноу-хау в условиях трансформационного кризиса весьма существенно обесценилось, в то время как сначала надо было приобрести рыночную компетенцию. Стабильные социальные коммуникации являются важнейшей предпосылкой структурирования новых сетей и обеспечивают возможность коллективных обучающих процессов. Можно сформулировать тезис, что реструктуризация сетей вносит важный вклад в возникновение рыночно ориентированного ноу-хау для развития предприятий и тем самым в региональную интеграцию наукоградов.

Говоря о перспективах наукоградов, можно заключить, что возникновение локальной диверсификации экономических организационных форм и региональная интеграция наукоградов намечают новые пути развития.

Кильдишова Н.А., Логинова Н.Н., Носонов А.М., Семина И.А.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИГОРОДНЫХ РАЙОНОВ г. САРАНСКА ¹

Вопрос о **качестве жизни** стал одним из ведущих во всем мире. Проблема качества жизни занимает одно из приоритетных мест в социальной сфере страны или региона. Улучшение качества жизни населения становится основным индикатором социально-экономической ситуации в регионе. Характерной чертой качества жизни является степень удовлетворенности населения своей жизнью. Поэтому категория **"качество жизни"** является не столько количественной, сколько качественной характеристикой жизни человека в регионе.

Следует отметить, что в социологических исследованиях понятие *"качество жизни"* появилось относительно недавно. Еще нет его четкого определения, не выделены аспекты, характеризующие его, нет критериев оценок. Но несомненно, что качество жизни это многокомпонентная система, включающая множество как объективных, так и субъективных компонентов, дополняющих друг друга. Качество жизни требует использования большого числа фактов, но самыми характерными являются жизненный уровень населения, качество среды обитания и условия жизни.

В экономической и социальной географии понятие *"качество жизни"* используется еще с 1930-х гг., когда Н.Н. Баранский поднял вопрос о создании социогеографии. На современном этапе российские ученые рассматривают понятие *"качества жизни"* как характеристику, отражающую особенности функционирования и развития нового образа жизни, не сводящегося только к увеличению доходов населения и производства предметов потребления, а предполагающего постепенный рост социокультурного уровня людей, включая культуру труда, повседневное поведение, их нравственное и духовное развитие. Видный английский географ Д. Смит полагает, что *"если люди являются объектами наблюдения в социогеографии, то качество их жизни - объект первостепенного интереса"*. Традиционно определение *качества жизни* связывается с понятием *"удовлетворение человеческих потребностей"*.

Российский эколог Н.Ф. Реймерс определяет его как меру взаимодействия между средой и ее использованием, легкостью или затрудненностью удовлетворения человеческих потребностей. Иными словами, качество жизни диктует образ жизни и отражается в формах поведения людей.

В международной практике используется методология оценки качества жизни на основе определения индекса развития человеческого потенциала, включающего три показателя: ВВП на душу населения, ожидаемую продолжительность жизни и уровень образования. Специалисты ООН

¹ Выполнено при поддержке РФФИ (проект № 02-0680357)

проводят ежегодную оценку качества жизни населения 174 стран мирового сообщества. По этим данным в 2001 г. Россия занимала 62 место, а Республика Мордовия среди регионов России находилась на 24 месте.

Наиболее достоверным показателем, определяющим качество жизни населения, является группа социально-экономических факторов и среди них - *уровень жизни*. *Уровень жизни* отражает количественную сторону жизни людей, то есть это размер оплаты труда, величина доходов, жилищные условия, количество потребительских товаров, приходящихся на семью и др. Причем, важен не только уровень жизни, но и способы удовлетворения потребностей, которые зависят, прежде всего, от условий жизни и оказывают существенное влияние на качество жизни.

Актуальным при изучении качества жизни стало *качество среды обитания*, определяемое экологическими факторами. В настоящее время, когда в науке стала разрабатываться проблема качества жизни, она все чаще увязывается с оценкой качества окружающей среды. Очевидно, что оценка качества окружающей среды, является не только предпосылкой улучшения качества жизни, но и ее важнейшим компонентом.

В характеристике качества жизни большое значение приобрели экономико-социологические аспекты *условий жизни* населения. Под *условиями жизни* мы понимаем, сформировавшиеся под влиянием территориально дифференцированных природных и социально-экономических факторов обстоятельства, от которых зависят всестороннее развитие личности, здоровье человека, расходы времени и энергии, необходимые для удовлетворения жизненных потребностей.

Таким образом можно сделать вывод о том, что имеются различные направления измерения качества жизни, но они указывают и на то, что существует целостное понятие "*качества жизни*", зависящее от множества объективных факторов, но являющимся чаще всего результатом субъективного толкования. И как считает югославский социолог Д.Ж. Маркович, понятие "*качество жизни*" представляет собой изменчивую категорию и не предполагает существование постоянного определения. "*Качество жизни*" по-разному понимается в отдельных странах и означает удовлетворение потребностей людей в определенных общественных условиях. Например, в бедных районах условием улучшения качества жизни является экономический рост, развитие социального благосостояния, а в богатых промышленно развитых - дальнейшее накопление капитала и экологически благоприятная окружающая среда. Можно сказать, что качество жизни населения выражает степень комфортности окружающей среды, в рамках которой люди чувствуют себя здоровыми и свободными, с определенным уровнем собственной значимости.

При изучении внутрирегиональных различий качества жизни населения одним из важнейших факторов становится местонахождение (близость, соседство, доступность) самых разнообразных элементов территории. Для нормальной жизнедеятельности необходимо, чтобы место работы (учебы), учреждения бытового и культурного обслуживания, районы отдыха и т.п. были досягаемы от места жительства. Поэтому и территориальную организацию общества мы считаем рациональной, только тогда, когда каждое местоположение оптимально пригодно для жизнедеятельности человека. Таким образом, территориальный аспект качества жизни включает определение благоприятности места жительства, с одной стороны, как качества непосредственного окружения и, с другой, - как доступности отдаленных от места жительства существенных (для повседневной жизнедеятельности) объектов.

Изучение территориальных основ качества жизни является важнейшей задачей профессиональных географов, но пока ими сделан лишь незначительный вклад в развитие теории и практики ранжирования мест проживания в соответствии с качеством жизни в них. Но пока определение престижности населенных мест посредством различных рейтингов в нашей стране не получило развития.

Точка зрения географа значительно отличается от мнения социолога или экономиста: географы интересуются не только факторами социально-экономической характеристики качества жизни, но и их пространственной дифференциацией. Географы следуют принципу уникальности мест и поэтому осторожно выносят суждения относительно самых хороших или самых плохих мест, так как каждое место отличается от других и имеет свои достоинства и недостатки. При помощи социогеографического исследования можно не только выяснить отношение человека к тем или иным явлениям окружающей действительности, но и выявить свойства и особенности изучаемой территории, и тем самым подойти к понятию "*качества жизни*" с географических (пространственных) позиций. Для географов, считает К. Найт, - "место проживания является центральным объектом изучения, так как место определяет само существо жизни".

Оценку степени удовлетворенности жизнью можно выявить только через субъективное восприятие человеком окружающего мира. Субъективное толкование качества жизни можно выявить, используя метод анкетирования. Использование методологии опроса общественного мнения - это то исследование, которое обеспечивает выявление интереса человека к качеству жизни. В определении качества жизни места проживания всегда присутствует элемент личного отношения, который практически не поддается измерению. Точно так же, как у каждого человека имеется свое представление о красоте, существует и разное мнение о качестве жизни места. Социогеографический подход позволяет выявлять зависимости между объективными факторами и перцептивными его оценками. Следует помнить, что на практике существует некоторое расхождение между объективными факторами качества жизни места и его субъективными оценками, населением. Сочетание этих методов, на наш взгляд, позволит глубже проанализировать факторы, определяющие качество жизни места проживания.

Система критериев и показателей, оценивающих качество жизни населения, не является универсальной. Их огромное число. Спектр показателей, определяющих качество жизни, многогранен и включает широкий круг социальной, общественной и культурной жизни нашего общества. Лучше всего иллюстрируют качество жизни населения в регионе социальные критерии, включающие показатели, характеризующие уровень развития образования, культуры, здравоохранения, безопасность граждан, соблюдение прав и свобод человека, качество окружающей среды.

Несомненно, что экономическое развитие региона есть основа повышения качества жизни. Объективные показатели и индикаторы качества жизни населения Республики Мордовия, свидетельствуют, что экономическое развитие не является самоцелью. В 2001 г. прирост объемов промышленного производства составил 12% (это в 2 раза выше среднероссийского показателя и первая позиция среди регионов Приволжского федерального округа). Стабильно развивается агропромышленный комплекс. В 2001 г. был собран рекордный урожай, более 1 млн. т зерна. По индексу физического объема сельскохозяйственной продукции республика заняла второе место в Приволжском федеральном округе.

Строительными организациями был выполнен объем подрядных работ почти на 2 млрд. руб. Введено в эксплуатацию 311,8 км газовых сетей, более 52 тыс. кв. метров жилья; сданы в эксплуатацию 2 поликлиники, 6 общеобразовательных школ, техникум; перевезено 77 млн. пассажиров; объем розничного товарооборота составил 4,4 млрд. руб.; оказано платных услуг населению на сумму 1,3 млрд. руб.

Позитивные изменения происходят и в оплате труда. В 2002 г. заработная плата в республике составила 2346,6 руб., а величина прожиточного минимума трудоспособного населения составила 1721 руб. Но остается еще большая разница в оплате труда: разрыв между отраслями хозяйства составил 18 раз, а между предприятиями, - 29 раз. Поэтому в республике существует проблема низкой заработной платы, особенно в бюджетной сфере.

Своеобразным индикатором качества жизни является демографическая ситуация. Она характеризуется сокращением общей численности населения, рождаемости и увеличением смертности. Смертность превысила рождаемость в 2 раза. Важнейшим демографическим показателем для оценки качества жизни служит показатель продолжительности жизни. В республике Мордовия продолжительность жизни снизилась до 67 лет, а продолжительность жизни женщин превышает мужчин на 13,6 года. Важным показателем качества жизни является младенческая смертность. В республике она составляет 10,6 на 1000 родившихся.

Уровень жизни во многом зависит от занятости населения. Рост производства позволил сократить безработицу. В экономике республики в 2002 г. было занято 389,2 тыс. человек, а уровень безработицы составил 1,8% от экономически активного населения. Однако вопрос трудоустройства граждан, особенно молодежи, остается сложным. Среди выпускников 2002 г. учебных заведений 30% остались невостребованными.

Качество жизни характеризуется состоянием образования населения. По уровню образования население Мордовии имеет один из самых высоких индексов, уступая лишь гг. Москве, Санкт-Петербургу и Республике Дагестан.

С помощью анкетного опроса нами проведено изучение качества жизни сельского населения пригородных районов г. Саранска. Мы получили субъективные индикаторы, отражающие персональное (индивидуальное) восприятие и оценку человеком тех или иных социальных явлений и процессов, например, удовлетворенность человека рабочим местом, уровнем дохода, жильем, досугом.

По результатам анкетного опроса 28,6% сельского населения имели среднее специальное образование, почти 25% - среднее и 28% - высшее, преимущественно возраста до 39 лет. 31% населения - это, жители пенсионного возраста. Большая часть населения возраста 30 - 49 лет (15%) - это рабочие государственных предприятий, 14,1% - служащие и 10% - студенты. Часть населения работает в отраслях сельского хозяйства или являются фермерами. Большая часть опрошенных (80%) воспринимают свои жилищные условия как хорошие. Около 36% от числа всех респондентов живет в пригородных районах не с рождения и 64% - с рождения. 27,3% проживают более 10 лет, 4,3% - от 5 до 10 лет и 4,3% - менее 5 лет. Выявилась значительная миграция из сельской местности республики в пригородные зоны г. Саранска - более 55,5%, живущих здесь не с рождения. 38% - прибыли из других городов России и 12% - из стран СНГ.

Большая часть населения (55,7% от общего числа респондентов) получают от 1000 до 2000 руб., 28,1% - 2000 до 3000 руб., 14,5% - только 1000 руб., 11,2% - от 3000 до 4000 руб. и 6,6% - от 4000 до 5000 руб. Основным источником доходов является заработная плата (35%), которая складывается с доходами от подсобного хозяйства. Предпринимательская деятельность выражена слабо. Денежных средств хватает только на приобретение продуктов (32%), а у 14,9% - даже не хватает на продукты, 30,5% - на продукты и предметы домашнего обихода. Только 2,6% от числа всех респондентов оценивают свои доходы как вполне достаточные.

Для большинства опрошиваемых (23,4%) главной проблемой является "дороговизна жизни", связанная с ростом цен, отсюда следует и вторая проблема - неуверенность в завтрашнем дне (10,6%). Отмечаются и другие аспекты качества жизни: здоровье, стрессы (13,6%), низкий доход (13,4%), задержка заработных плат, пенсий, пособий (2,7%), низкое качество медицинского обслуживания (9%), рост преступности (5,6%), нарушение прав человека (5,6%), плохая экологическая обстановка (4,7%). Интересно, что проблема безработицы никем из опрошиваемых не была отмечена.

По степени важности показателей качества жизни респонденты на первое место поставили возможность получения высокооплачиваемой работы и уровень медицинского обслуживания (28-29%), затем, снабжение товарами и продуктами, экологическая обстановка, работа общественного транспорта, борьба с преступностью и обеспеченность жильем. На предпоследнее место был поставлен показатель соблюдение прав человека, а последнее место, занял фактор хорошего проведения досуга.

Кроме ранжирования факторов, определяющих качество жизни, в анкете была предусмотрена и оценка условий жизни. Абсолютно все респонденты заявили, что очень трудно найти интересную высокооплачиваемую работу и они живут в условиях плохой экологической обстановки. 80% респондентов отметили, что снабжение товарами и услугами изменяется в лучшую сторону и складывается хорошая обеспеченность общественным транспортом. Большинство опрошиваемых (70%) отметили низкое качество медицинского обслуживания, 60% отметили, что плохо соблюдаются права человека и 60% - плохо обеспечены жильем. Хорошо проводят досуг только 20% опрошиваемых.

В связи с тем, что большая часть опрошиваемых имеет низкий доход, то обеспеченность транспортными средствами низкая (всего 40%). Не имеют транспортных средств в личном пользовании 60% респондентов. Больше всего имеют легковых автомобилей (53,6%) и мотоциклов (30,6%).

Среди респондентов ярко выражено беспокойство по поводу ухудшения своего материального положения и низким качеством своего здоровья: 70% опрошиваемых недовольны своим здоровьем и еще 20% желают иметь лучшее здоровье. Главной причиной плохого здоровья опрошиваемые считают загрязнение окружающей среды и плохие экологические условия жизни (так считают 80%), кроме того, отмечается низкое качество медицинского обслуживания и нездоровый образ жизни. Влияние на здоровье ухудшение материального положения отметили только 30% опрошенных.

Так как значительная часть респондентов проживает в собственном доме, то жилищные условия ими оцениваются как хорошие (58,5). Но большинство респондентов (60%) не имеют условий для полноценного отдыха. Это можно объяснить в первую очередь низким уровнем доходов опрошиваемых.

Большинство респондентов занято в различных отраслях сельского хозяйства. И свои низкие доходы связывают с кризисной ситуацией, которая сложилась в этой сфере. Причину кризиса в аграрной сфере респонденты видят в слабой государственной поддержке (80%), низкой заработной плате (28%), низких ценах на сельскохозяйственную продукцию, разрушении колхозно-кооперативного сектора и отсутствии частной собственности на землю.

Около 50% респондентов недовольны работой предприятий сферы обслуживания. По анкетам можно дать субъективную оценку обеспеченности населения теми или иными услугами: обеспеченность предприятиями торговли - 70%, медицинскими пунктами и больницами - 33%, развлекательными центрами - 24,8%, предприятиями бытового обслуживания - 11,5%. В связи с этим респондентам пригородной зоны (70%) приходится ездить за услугами в Саранск и другие населенные пункты (в поселки - 20%, в деревни - 10%). На работу в Саранск ездят около 60% респондентов, на рынки - 26%, в больницы - 28%, в пункты бытового обслуживания - 80%, в гости - 21%.

Очень плохо в пригородной зоне с духовным развитием населения. Так 20% опрошиваемых заявили, что не имеют возможностей для своего духовного развития и еще 60% затруднились дать ответ на вопрос.

Население пригородной зоны в ответах на вопросы анкеты выразило беспокойство по поводу своей экологической безопасности. Выяснилось, что все сведения о состоянии окружающей среды, респонденты получают из средств массовой информации (55%), от соседей и знакомых - 17% и не получают никакой информации - еще 25%. Получаемая информация не содержит обнадеживающие факты о состоянии воды, воздуха и почвы. Поэтому 53% респондентов недовольны сложившейся экологической обстановкой и лишь 47% она устраивает (в основном это лиц до 29 лет). 80% респондентов считают, что здоровье населения, в первую очередь, связано с экологическими факторами жизни.

Главным источником загрязнения окружающей среды респонденты считают автомобильный транспорт (20%), затем - промышленные предприятия (13%), на третьем месте - промышленные и бытовые отходы (27%) и на последнем месте - железнодорожный транспорт (3%). Интересно, что сельское хозяйство и строительство, респонденты не считают значительными источниками загрязнения среды. Больше всего респондентов беспокоит загрязнение воздуха (35%) и водоемов (28%), наиболее сильно влияющие на здоровье. Но озабоченность вызывает и загрязнение продуктов питания (18%), загруженность транспорта (3%), загрязнение почв (16%). Как свидетельствует анкета, около 20% респондентов считают, что экологическая ситуация не изменилась в лучшую сторону, а лишь ухудшилась за последние 10 лет, 2% - затруднились дать ответ. Главными причинами ухудшения здоровья, как считают респонденты, является загрязнение окружающей среды (33%), низкое качество медицинского обслуживания (17%), ухудшение материального положения и нездоровый образ жизни (46%). Плохие условия жизни приводят к росту числа различных заболеваний, (особенно экологически обусловленных, например, онкологические) считают 90% и приводят к сокращению продолжительности жизни 8%. Причины ухудшающейся экологической ситуации респонденты видят: в большом числе промышленных предприятий и транспорта (35%), экономических трудностях (17,3%), недостаточном внимании властей (30%), несовершенстве очистных сооружений (17%), отсутствии системы экологического образования и воспитания населения (16%). Все опрошиваемые жители пригородной зоны Саранска считают, что незамедлительно должны быть приняты меры по улучшению экологической ситуации. По мнению респондентов следует ввести систему штрафов (23%), вести строительство современных очистных сооружений (25%), расширять зоны зеленых насаждений (15%), увеличивать финансирование природоохранной деятельности (17%) и улучшать систему экологического образования и воспитания (15%).

В результате анализа полученных ответов, мы сделали следующие выводы:

- Большая часть опрошенного населения пригородной зоны г. Саранска имеет низкие и средние доходы;
- Обеспокоенность безработицей не проявляется;
- Основным источником дохода является заработная плата;
- Большинство респондентов живет в собственном доме и имеет хорошие жилищные условия;
- Значительная часть респондентов работает в Саранске и получает все необходимые услуги;
- Уровень развития сельскохозяйственного производства оценен как удовлетворительный;
- Главная причина кризиса в аграрном секторе - слабая государственная поддержка производителей и низкие цены на сельскохозяйственную продукцию;
- Отмечено ухудшение экологических условий жизни;
- Главные загрязнители окружающей среды - транспорт и промышленные предприятия;
- Респонденты обеспокоены загрязнением воздуха и водоемов;
- Причину ухудшения своего здоровья видят в загрязнении окружающей среды.

- Считают, что необходимо принять срочные меры по оздоровлению окружающей среды.

Факторы, определяющие качество жизни сельского населения пригородных зон г. Саранска, по сумме общих баллов распределились следующим образом:

Факторы, определяющие качество жизни населения	Общий балл
1. Хорошая высокооплачиваемая работа	65
2. Хорошее снабжение товарами и продуктами	65
3. Хорошая социальная обстановка	59
4. Хорошее и качественное медицинское обслуживание	57
5. Доступное жилье высокого качества	53
6. Хорошая экологическая обстановка	50
7. Соблюдение прав человека	46
8. Хорошая обеспеченность общественным транспортом	34
9. Возможность хорошо провести досуг	21

Таким образом, анализируя социальные, объективные и субъективные индикаторы, отражающие качество жизни населения, мы рекомендуем сконцентрировать усилия правительственных учреждений на следующих основных направлениях:

- Обеспечить рост денежных доходов населения;
- Сделать доступным для всего населения медицинское и социальное обслуживание и высшее образование;
- Сохранить приоритетность инвестиций в образование и здравоохранение;
- Разработать систему защиты социально уязвимых граждан;
- Создать социально-экономические условия, позволяющие гражданам за счет собственных доходов обеспечить высокий уровень жизни;
- Осуществить мероприятия по социальному развитию села;
- Изменить сложившуюся демографическую ситуацию.

Литература

1. Вектор демографии: проблемы и перспективы. Ред. Л.А. Иванова. М-во труда и занятости населения Республики Мордовия. Саранск, 2002.
2. Демографические ежегодники Республики Мордовия. Стат. Сб., Саранск, 2001, 2002.
3. Качество жизни: факты и тенденции. Ред. Л.А. Иванова. М-во труда и занятости населения Республики Мордовия. Саранск, 2002.
4. Качество жизни - стратегия XXI века // Материалы республиканской научно-практической конференции. Саранск, 2002.
5. Кильдишова Н.А., Логинова Н.Н. Качество жизни населения Республики Мордовия: оценка и тенденции развития // Географические исследования территориальных систем природной среды и общества. Вып.1. Саранск, 2002.
6. Логинова Н.Н., Жулина М.А. Качественный потенциал молодого поколения региона (на примере Республики Мордовия) // Экономические, социально-политические и экологические аспекты исследования геосистем. Саранск, 2001.
7. Программа улучшения демографической ситуации в Республике Мордовия на 2001-2005 гг. // НИИ регионологии. Саранск, 2000.

Мелентьев Б.В.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО РЫНКА В ГОРОДЕ

1.Подготовительные государственные мероприятия

Земля является одной из важнейших основ жизни, а также средой и местом обитания и деятельности людей. Данная ценность земли подтверждается конфликтами между пользователями участков земель, частыми взаимными претензиями соседствующих стран на территории, многими войнами и т.д. Данные обстоятельства, ограниченность, дефицитность земли, и требования ее рационального использования определяет необходимость строгого регулирования этого рода отношений: владения, аренды, продаж земельных участков и необходимой их оценки. Особенностью земельного ресурса с позиций экономической теории является то, что, если отвлечься от затрат по восстановлению, улучшению и охране, то он не имеет стоимости, но имеет цену.

Земля рассматривается обычно в следующих аспектах.

1.Элемент природного комплекса, который кроме территории, как жизненного пространства, включает также недра, водные, лесные и другие ресурсы, а также резервный фонд будущих поколений.

2.Часть средств производства, например, в сельском и лесном хозяйстве, как средства предоставления услуг для деятельности, требующей места и территории и других сферах.

3. Как имущество и связанные с этим категории собственности (особенности приватизации), купли, продажи и другие вопросы землепользования.

Мы же коснемся лишь некоторых практических сторон использования данного ресурса как имущества и основных фрагментов организации специфического земельного рынка.

Опыт развитых промышленных стран показывает, что отмеченная выше роль земли и ограниченность предложения земельных участков приводит, как правило, к монополизации данного рынка собственниками. Так как любая производственная деятельность происходит на земле, то у ее собственника появляется возможность присвоения земельной ренты (а при дифференциации природно-климатических условий и региональной ренты). Это, а также возможность спекулятивных операций, угроза экологических нарушений, необходимость решения общих социальных задач на территории, определяет участие государства в процессах определения порядка и правил землепользования.

Основной целью эффективной земельной политики государства должно быть обеспечение приоритета общих социальных целей при включении данного ресурса в систему экономической организации, при выполнении законодательных ограничений по гарантиям прав собственников. Инструменты по реализации данной цели могут быть разные. Они зависят от особенностей и исторических традиций стран, но можно утверждать, что во всех промышленно развитых странах распределение земли только по законам рынка противоречит положениям их конституций. Например, в Нидерландах в организации земельных отношений доминирует государство, в Великобритании – преимущественно рыночные принципы, в Израиле вся земля принадлежит государству, и ее берут только в аренду. Государственная политика должна обеспечивать простоту и прозрачность земельного рынка, противодействовать монополизму и частной концентрации земельной собственности, способствовать доступу к рынку слабо защищенным группам населения, гарантировать возможность приобретения участков под общесоциальные нужды и виды деятельности. Последние сопутствующие мероприятия должны препятствовать монополизации и чрезмерному уровню цен и их росту (сверх средней инфляции) для продукции предприятий, размещаемых на данных участках.

Инструменты земельного регулирования могут быть достаточно гибкими и действенными. Перечень их составляет как прямые запреты на продажу, определяемые национальными и государственными интересами или если усматриваются спекулятивные мотивы; выкуп местной властью по законодательно определенным правилам земель, необходимых для общерайонных интересов (возможно в форме предварительного изъятия, но с дальнейшей продажей под новую застройку) и т.п., так и косвенные способы, когда с помощью налогов изымается значительная часть рентных земельных доходов в общих интересах. В качестве примера целевого подбора инструментария сошлемся на практику введения налога на собственно земельные (без недвижимости) участки в Австралии¹. В качестве базы была выбрана стоимость неулучшенных (необработанных) участков или этих же участков, но включающие стоимость подключения к коммуникациям, благоустройства, почвозащитных мероприятий. Выбор стратегии налогообложения был связан с наличием в Австралии начала двадцатого века огромного количества свободных земель, где вместе с тем большинство ценных земель принадлежало частным собственникам, постоянно проживающим в метрополии – Великобритании. Последние не были заинтересованы в использовании этих участков, что тормозило освоение и экономическое развитие Австралии. Возникла проблема стимулировать вложения в освоение земельных участков и сократить спекуляцию ими. Наилучшей формой реализации этих целей стало введение налогообложения непосредственно земельного участка при снижении налоговой нагрузки на его застроенную часть. Подобная система налогообложения действует и в Дании, где проводится кадастровая оценка земельных участков. Ежегодно налоговое ведомство по выделенным ценовым зонам проводит систематизацию информации по продажам не застроенных земельных участков. Эти данные вместе с информацией об особенностях застройки доводятся до местных органов.

Основные необходимые государственные мероприятия по регулированию земельных отношений охватывают, прежде всего, законодательную базу, уточняющую требования и распределения обязанностей между субъектами рынка, определяющую правила землепользования одинаковые для всех, обеспечивающую доступность информации об участках, предлагаемых к продаже, аренде и их ценности. К первым серьезным шагам к платному землепользованию можно отнести закон РСФСР «О плате за землю» от 11 ноября 1991 года. Практически ежегодно ставки

¹ Н.Волович. Земельная политика в промышленно развитых странах (ж.: Экономист №9, 2002)

земельного налога изменяются обычно в период подготовки бюджетов следующего года и соответствующим законам о бюджетной системе. Так с 1995 г. ставки земельного налога за земли, занятые жилищным фондом, дачными участками и гаражами, выросли более чем в 50 раз.

Одним из важных документов, регулирующих земельные отношения новой России, является федеральный закон «О введении в действие Земельного кодекса РФ» (№137 ФЗ от 25 октября 2001 г.). В соответствии с этим законом для субъектов РФ в поселениях с численностью 0,5 – 3 млн. чел. (в классификацию которых входит г.Новосибирск) нормативная стоимость земельных участков устанавливается от 5 до 30-ти кратного размера ставки земельного налога. В настоящее время в Новосибирской области существует около 4600 ставок земельного налога. При продаже земельного участка к его стоимости применяются поправочные коэффициенты от 0,7 до 1,3, учитывающие виды использования расположенных на земельных участках зданий, строений, сооружений. Упорядочение полномочий региональных собственников земли определено в соответствии с законами субъектов РФ, в т.ч. и Новосибирской обл. (№108 ОСД от 27 марта 2003 г.). В местных законах определяется также дифференциация нормативной цены земли участков находящихся в государственной и муниципальной собственности, по районам и населенным пунктам (например, для г.Новосибирска – 17-ти кратная ставка земельного налога, а для г.Искитима – 8, для г.Тогучина – 6). Устанавливаются оценочные районы по видам земель и территориям административно-территориального деления. В положении «О введении государственного градостроительного кадастра» (№138 от 17.03.2003) даны сведения о зонировании территории, градостроительных регламентах территориальных зон, материалы о градостроительной ценности территории, результаты мониторинга объектов градостроительной деятельности, о среде жизнедеятельности, об ограничениях использования территорий и объектов недвижимости в градостроительстве и др.

2. Особенности использования земельных участков по зонам города (на примере г. Новосибирска)

Считается, что в Новосибирской области земельного рынка пока нет. Но это формально, т.к. нет еще аукционных земельных торгов, а положение о государственном градостроительном кадастре в Новосибирской области только принято. Реально же рынок уже существует. Косвенным подтверждением этого является существовавший до недавнего времени градостроительный сбор. Он был вполне официальным, т.е. открытым, т.к. взимался в соответствии с заключенным договором между региональной властью (владельцем и распорядителем земельного ресурса) и покупателем земельного участка в арендное пользование. Данный рынок формируется в виде продажи лишь права на распоряжение земельными участками, но он обладает всеми атрибутами торговли и за операциями стоит земельный ресурс, без которого указанный рынок продаж «разрешения использования участков» в хозяйственной деятельности и не возник бы.

Таблица

Дифференциация приближенной оценки затрат, связанных с использованием земли по зонам города (руб/кв.м).

Район	Состав условий (статьи) удорожания	Издержки по статьям	Оценка общих издержек
1. Центр города	1)Градостроительный сбор 2)дополнительные платежи (расселение, снос,...) 3) прочие (погашение требований окружающих соседей,...) 4) получение технических условий на достаточность снабжения эл.энергией, теплом, водой, телекоммуникациями,...) ВСЕГО	2000-4000 200-1000 0-500 100-500	 2000-6000
2. Центр левобережной части города	1) Жилой комплекс, офисы,... 2) Гаражи,...		1000-3000 300-500
3. Окраина	Издержки, учитывающие состояние и положение имущества на земельном участке (требуется ремонт, арестованное за долги,...)		200-1000
4. Непрестижные пригороды, используемые, как правило, под социальное жилье и другие “малобюджетные” объекты			50-300

Рассмотрим сложившуюся картину продаж в отмеченном выше смысле, на основе которой можно прогнозировать ожидаемое положение на земельном рынке г.Новосибирска (см. табл.).

Указанные данные могут учитываться при оценке ожидаемых соответствующих налоговых доходов бюджета и быть полезной информацией в практике экономической оценки земли, предназначенной для продаж в будущем. Фактически расхождение между экономической оценкой и ценой реальной продажи показывает направление уточнения методики, которой пользуются оценщики земельных участков.

Данная таблица, по нашей оценке, показывает значительную величину сборов за право распоряжения земельными участками. Так как покупатели оплачивают такой сбор и возмещают его из прибыли, то его величина косвенно определяет текущую стоимость земли и минимальную цену ее продаж без учета строений. При 10-% ставке депозитного процента и принятия его в качестве коэффициента капитализации продажная цена земли может составить минимум 500 руб. за квадратный метр в непрестижном пригороде и 20000 руб. за квадратный метр в центре города. (При снижении условий капитализации цена возрастет). Из таблицы видно, что уже в настоящее время величины затрат, связанных с использованием земли достаточно существенны. А указанные издержки дополнительно воздействуют на цену земли в зависимости от того, будут или нет будущие пользователи земли нести эти расходы. Не трудно заметить также, что издержки землепользователей резко дифференцированы по зонам города. Можно предположить, что единовременный сбор за право пользования землей (градостроительный сбор) сохранит такую же дифференциацию, близкую к дифференциации издержек. Соответственно по зонам по отношению к окраинам она составит в центральных районах не менее 3-10 раз (20 - 40 раз по отношению к непрестижным районам), соответственно в 2 раза (4-20 раз) в центральных районах левобережья. Аукционная цена продаж участков, требующих существенных затрат по подготовке к использованию, составит, по крайней мере, не меньше суммы существовавших государственных сборов за право пользования землей.

Если к продаже будут предлагаться готовые участки, то можно ожидать, что цена их составит не меньшие суммы общей стоимости издержек по использованию земли. Безусловно, земельный ресурс является самостоятельным объектом делового интереса и продаж. Это подтверждают хотя бы законодательство по нормативной и кадастровой стоимости земли. В чистом виде могут быть представлены лишь неподготовленные для использования земли. Однако на практике вложения в улучшение ценности участков, в недвижимость, на них расположенную, влияют и на их ценность и уровень цен. В большинстве случаев строения реально не могут быть отделены от участков, на которых они расположены, поэтому такая земля значительно дороже. Цена ее дополнительно зависит от вида и состояния указанных объектов недвижимости, возможности направлений их применения в хозяйственной и социальной деятельности.

Без сомнения, аукционная цена участков в перспективе возрастет на величину не меньшую, чем на сохранение средней рентабельности, т.к. в настоящее время в этом бизнесе рентабельность устойчиво выше средней. Колебания цены будут определяться также факторами, которые определяли отмечавшиеся величины единовременного сбора за право пользования землей, не считая также очевидные условия удобства (наличие места для парковок автомашин), свободный выход на транспортные магистрали, близость к метро и от общего соотношения спроса и предложения данного специфического товара. В частности, лучшие земли в центральной части г.Новосибирска уже проданы. Это видно хотя бы по тесному нагромождению «местных небоскребов», прилегающих к территории здания цирка. Например, только изменение статуса Новосибирска, как центра Сибирского федерального округа, увеличило спрос на офисное строительство в городе и соответственно на земельные участки, который уже в настоящее время на 60-70% сформировали представители московских частных фирм. В настоящее время цены на землю в центральных районах города Новосибирска уже соизмеримы с ценами на покупку участков в Московской области.

Таким образом, по современному опыту операций оборота с земельными участками можно сказать следующее.

1. Земельный рынок существует, хотя его сегменты очень разнообразны. Например,

- 1) в части дачных участков он достаточно прозрачен и они реально продаются по свободным ценам как товар из собственности одного владельца к другому;

- 2) нормативные продажи, когда цена определена законодательством для земель под приватизированными предприятиями. Акты купли-продаж в данном случае во многом лимитируются государством.

2. Продажа права на распоряжение земельными участками тоже является важнейшей частью земельного рынка. Существование этого сегмента показывает, что земельный рынок в форме аукциона вполне может существовать и быть развитым даже без перехода собственности на участки из государственной в частную. В случае сохранения государственной собственности на землю в этой

части экономики власть сохраняла бы действенные регулирующие и фискальные функции через инструменты аренды и федеральных и региональных налоговых ставок.

Учитывая мировой опыт, наше законодательство, видимо, будет развиваться в сторону увеличения веса земельного налога в общей величине налоговых доходов. Подготовка к этому периоду требует скрупулезного анализа первых реальных ростков земельного рынка и учета практики в европейских районах России, где он уже получил развитие (г.Москва, Санкт-Петербург, Саратов и другие районы).

ШВЕЦ С.М.

ИПОТЕЧНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ, КАК ИНДИКАТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНОВ

Российская экономика уже длительное время находится под воздействием негативных факторов. Происшедший резкий спад производства, передача многих, весьма прибыльных производств и предприятий в частные руки резко сузили доходную часть федерального бюджета, что привело к существенному снижению инвестиционной активности. В то же время без крупных капиталовложений в стратегические сферы хозяйства возрождение России произойти не может.

Выход из кризиса возможен только путем резкого перелома инвестиционной деятельности по обновлению реального капитала. Существенные сдвиги в составе инвесторов (резкое сокращение доли государства, увеличение доли частных инвесторов, в том числе за счет прихода на внутренний рынок капиталов иностранных инвесторов) пока не способствуют этому процессу, поскольку инвестиционный климат в стране не улучшается. Доходность инвестиций низка, внутренний рынок неустойчив, высокие риски, дорогие кредиты, чрезмерен налоговый пресс и т. д.

В настоящее время сложилась парадоксальная ситуация, когда, с одной стороны, очень трудно запустить массовое долгосрочное кредитование в условиях политической и экономической нестабильности, снижения благосостояния и увеличения безработицы в среде потенциальных заемщиков. С другой стороны, выход из кризиса невозможен без развития реального сектора экономики, для чего необходимы именно долгосрочные инвестиции. В этих условиях привлечь финансовые ресурсы на внутреннем и внешнем рынке для различных инвестиционных проектов возможно только под серьезное обеспечение, которым может быть недвижимость. В этой связи именно ипотечное кредитование требует для своего эффективного развития определенной политической и экономической стабильности и является индикатором социально-экономической и финансовой политики региона.

Поэтому среди множества острейших проблем, появившихся в регионах РФ и требующих безотлагательного решения, особое место занимают проблемы жилищно-строительного комплекса.

С одной стороны, население испытывает серьезнейшие трудности в удовлетворении потребностей в жилье. Достаточно сказать, что 15% граждан остро нуждается в улучшении жилищных условий, тогда как государство сегодня в состоянии удовлетворить эту потребность только на 3%. При этом речь идет о решении важнейшей социально-экономической проблемы и о реализации одного из фундаментальных конституционных прав граждан - права на жилье.

С другой стороны - строительная индустрия тесно взаимосвязана практически со всеми отраслями экономики и ее активное развитие, безусловно, окажет позитивное, оздоравливающее воздействие на экономику в целом. Строительный комплекс реально может стать одним из локомотивов, способных вывести экономику страны из затянувшегося кризиса.

Ставя вопрос по стимулированию роста в промышленном секторе экономики, необходимо особый акцент сделать на привлечении внебюджетных источников финансирования. К таким решениям необходимо отнести стимулирование роста организованных сбережений населения в банковской системе. Использование части средств населения в качестве кредитных и инвестиционных ресурсов могло бы существенно изменить ситуацию в реальном секторе экономики. Представляется, что система взаимных гарантий коммерческих банков и субъектов Федерации по вкладам граждан могла бы дать старт росту сбережений в банках, которые в настоящее время кредитуют экономику. И таким сектором экономики должна стать программа ипотечного

жилищного кредитования, а ее реализация должна прояснить место, роль и формы участия государства, регионов и самого человека, интересы которого отражает программа развития ипотеки.

В период социально-экономического и финансового кризиса в России наиболее важное политическое и экономическое значение имеют государственные программы развития строительного комплекса и сопредельных с ним отраслей промышленности химии, машиностроения, лесо- и деревопереработки, стройматериалов и других отраслей, позволяющие стабилизировать рынок труда, развитие инфраструктуры, рост производства товаров народного потребления, что благоприятно влияет на стабилизацию финансово-кредитных отношений в стране.

К таким федеральным целевым программам, например, относятся: программа “Жилище”; программа “Свой Дом”; программа “Государственные жилищные сертификаты”; программа “Переселения жителей Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в центральные области РФ” и др.

Однако систематическое сокращение бюджетных ассигнований на мероприятия федеральных программ по развитию жилищного строительства, и одновременная необходимость их быстрой реализации обусловили появление целого комплекса факторов, направленных на поиск внебюджетных источников финансирования. Одним из таких основных источников является развитие ипотечного кредитования в Российской Федерации.

В этой связи руководителям регионов всех уровней необходимо занять максимально активную позицию в вопросе скорейшего введения в практику ипотечного жилищного кредитования и принятия Государственной Думой соответствующих законодательных актов. К этим актам относятся Гражданский Кодекс и основополагающие федеральные законы: «Об основах федеральной жилищной политики», «О приватизации жилищного фонда в РФ», «О залоге», «О товариществах собственников жилья», «Об организации страхового дела в Российской Федерации», «О банках и банковской деятельности», «О Государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», «Об иностранных инвестициях», «О риэлтерской деятельности в РФ».

Но самыми необходимыми и поэтому первоочередными являются законы «Об ипотеке (залоге недвижимости)» и «Об оценочной деятельности в РФ».

Вместе с тем анализ опыта внедрения ипотеки в стране показывает, что сдерживающими факторами ипотечного кредитования являются:

- политическая и экономическая нестабильность;
 - низкий уровень доходов большей части населения, особенно по сравнению со стоимостью недвижимости;
- отсутствие отработки подзаконных актов в регионах;
- высокий уровень налогообложения физических и юридических лиц;
- высокая стоимость накладных расходов при работе с недвижимостью;
- глубокий кризис, охвативший финансово-кредитную, банковскую систему страны после 17 августа 1998 года;
- отсутствие государственной поддержки жилищных накоплений и гарантий сохранности вкладов в той форме, как это существует за рубежом;
- нежелание населения вкладывать значительные денежные средства на долгосрочные накопительные депозиты, как в силу продолжающейся инфляции, так и в силу определенного недоверия к банковским институтам;
- трудности формирования ресурсной базы долгосрочных ипотечных кредитов, а также проблема снижения рисков ипотечного кредитования.

Поэтому важным принципом разрабатываемой программы является ее опора на инициативу снизу. Исключительно важна поддержка программы со стороны наиболее активных регионов, городов и муниципалитетов, у которых есть стремление и возможности двигаться по пути реформ быстрее, чем это происходит сейчас, и у которых есть значительный задел в развитии местного рынка жилья и достаточная инвестиционная привлекательность.

Поэтому сейчас, как никогда, необходима активная работа администраций регионов всех уровней Российской Федерации по подготовке подзаконных актов, формирующих условия для развития ипотечного кредитования в субъектах РФ.

Определенный опыт привлечения дополнительных инвестиционных ресурсов в строительство с помощью механизмов ипотечного кредитования отдельные регионы России уже имеют. Однако, как правило, это не классическая ипотека, а различные квазиипотечные схемы. Тем не менее, интерес регионов к ипотеке очевиден.

Практика ипотечного кредитования в ряде регионов России (Республики - Коми, Башкортостан, Удмуртия; области - Амурская, Ленинградская, Самарская, Нижегородская; Красноярский край; города Москва, Рязань, Новгород), разработавших собственную нормативно-правовую базу по предоставлению ипотечных кредитов населению на 10-15 лет под приемлемый годовой процент, показала способность ипотечного кредитования оживить спрос на жилье, существенно увеличить темпы его ввода, активизировать деятельность строительных и смежных с ними предприятий, повысить рост налоговых сборов, создать новые рабочие места и снизить социальную напряженность.

В этой связи все большее распространение получает «классическая» ипотечная схема жилищного кредитования, при которой заемщик сразу при оформлении договора купли - продажи на квартиру или дом становится его собственником, однако с теми необходимыми ограничениями, которые в рамках действующего законодательства налагаются залогом этого имущества на обеспечение взятого в банке жилищного кредита. При такой схеме права заемщика надежно защищены как от каких-либо неосторожных действий банка, так и от возможного банкротства дочерних риэлторских фирм, а также от дополнительных расходов и выплат. Внедрение «классической» ипотечной схемы позволяет существенно увеличивать сроки кредитования, повышая тем самым доступность кредитов для все большей части населения. И банки, постепенно приобретая опыт, переходят к этой схеме.

К сожалению, практика жилищного ипотечного кредитования имеет достаточно ограниченный характер вследствие ряда проблем, среди которых нужно особо отметить трудности формирования ресурсной базы долгосрочных кредитов, а также необходимость снижения рисков ипотечного кредитования.

Остановимся на опыте привлечения источников финансирования ипотечных кредитов у нас в России и за рубежом.

В мировой практике проблема привлечения банками средств долгосрочных ипотечных кредитов решается, в основном, в рамках двух основных моделей: депозитарной модели кредитного института (основным источником средств которого являются средства клиентов, привлеченные на расчетные счета и депозиты) и модели ипотечного банка (основным источником средств которого является продажа долговых и заемных обязательств на вторичном рынке частным инвесторам). Оба источника мобилизации ресурсов могут быть использованы в рамках одного кредитного института, отличаясь по способу привлечения и срокам согласования с активными операциями по долгосрочному кредитованию.

В разных странах с учетом различных условий, традиций и особенностей законодательства, под воздействием которых складывался финансовый рынок, эти две модели преобладают в различной степени. Так, например, в Германии и Франции наибольшее распространение приобрела схема стройсбережений (накопительных жилищных контрактов), поощряемая государством в виде различного рода премий и налоговых льгот по накапливаемым долголетним (от 2 до 7 лет) депозитам. Привлекаемые через систему стройсбережений денежные средства относительно дешевы и направляются на предоставление также относительно дешевых жилищных кредитов, поскольку данные финансовые потоки носят замкнутый характер и практически не зависят от изменения стоимости ресурсов на общем финансовом рынке страны. Однако даже в этих странах (с активной стимулирующей ролью государства) кредитных средств, привлекаемых через жилищные накопительные системы, недостаточно для финансирования всего рынка долгосрочных ипотечных кредитов. Основная масса средств, финансирующих жилье, поступает через ипотечные банки, продающие свои долговые обязательства, обеспеченные выданными ипотечными кредитами, на фондовом рынке.

Наибольшее развитие подобная модель получила в США, где правительством был создан ряд национальных финансовых институтов, которые регулируют и направляют вторичный рынок ценных ипотечных бумаг, либо непосредственно покупая ипотечные кредиты у банков, либо предоставляя гарантии по ценным ипотечным бумагам, выпускаемым банками.

В России основными источниками средств для предоставления ипотечных кредитов являются, как правило, средства, привлекаемые банками на счета клиентов, которые носят краткосрочный характер.

Ориентируясь на уже имеющийся зарубежный опыт, некоторые российские банки предприняли попытки разработать и внедрить проекты долгосрочных целевых жилищных схем и рассматривают открытие долгосрочных накопительных счетов как первый этап работы с клиентом в процессе кредитования, позволяющий собрать о клиенте дополнительную информацию (о доходах,

платежеспособности, источниках получения средств). Учитывая описанные выше преимущества жилищных вкладов и их благоприятную роль в деле формирования аналогов кредитных историй, банки проявляют значительный интерес к жилищным сберегательным программам и начинают рассматривать их как неотъемлемый элемент кредитной деятельности.

«Столичный банк сбережений» совместно с рядом банков и предприятий предлагает гражданам, желающим приобрести жилье, программу «Комбиинвест» для вложения денег под невысокий процент в целях гарантированного получения относительно недорогого кредита, а затем квартиры. В данной схеме банк берет на себя функции аккумуляции средств вкладчиков, начисления процентов, кредитования, а также обеспечения гарантий по возврату денег и уплату процентов по ним. Банк осуществляет реализацию жилищного проекта и гарантирует вкладчику получение квартиры.

С конца 1994 г. по 1997 г. в Сбербанке России действовало Положение «О сберегательных жилищных контрактах» и Положение «О льготных жилищных ипотечных кредитах». Контракт заключался на срок не менее года. По окончании срока сберегательного контракта и при выполнении всех его условий вкладчик имел право на получение льготного ипотечного кредита. В настоящее время Сбербанк России выпустил положение по целевым накопительным счетам, открываемым для граждан, которые будут приобретать жилье в объектах, финансируемых территориальными банками Сбербанка РФ.

На широкое распространение жилищных сберегательных вкладов было нацелено Постановление Правительства Москвы «О целевых накопительных жилищных вкладах и кредитовании жилищного строительства», в соответствии с которым предусмотрено сотрудничество Департамента муниципального жилья и Московского Сбербанка России в области реализации программы внебюджетного финансирования жилья с использованием целевых накопительных вкладов и кредитов. Эта программа должна быть в экспериментальном порядке отработана с последующим расширением круга уполномоченных банков Правительства Москвы, включенных в этот проект.

Отмечая положительное влияние накопительных счетов как источника привлечения долгосрочных ресурсов банками, нельзя не отметить, что в существующей ситуации они могут играть лишь вспомогательную роль.

Анализ внедрения ипотеки в стране показывает, что имеется ряд сдерживающих факторов ипотечного кредитования. Кратко проанализируем эти осложняющие моменты.

Фактор кредитного риска, заключающийся в невозможности обеспечить надлежащее принудительное исполнение обеспеченных ипотекой обязательств, а именно - взыскания на заложенное имущество и выселения должника.

Основные принципы залоговых отношений нашли отражение в Законе «О залоге» и в заменивших его в последствии положениях нового Гражданского кодекса РФ. В данных документах предусматривается возможность обращения взыскания на заложенное имущество в случае невыполнения обеспеченного залогом долгового обязательства. Однако большие ограничения на возможность выселения семьи заемщика из жилого помещения накладывает действующее жилищное и гражданское законодательство (Жилищный кодекс РСФСР, Гражданский кодекс РФ, часть 1, статья 292), которые традиционно предоставляют гражданам чрезвычайно широкие права пользования жилыми помещениями и затрудняют процедуру выселения должника из квартиры в случае неплатежа по кредиту.

В принятом Законе «Об ипотеке (Залоге недвижимости)» было найдено компромиссное решение этой проблемы. В проекте закона предусмотрен порядок освобождения жилья залогодателем в случае обращения взыскания на заложенный дом или квартиру, если жилье было заложено по договору об ипотеке в обеспечении возврата кредита, предоставленного на приобретение или строительства данного жилья.

Риск процентной ставки. Эта, наиболее сложная проблема, стоящая перед банками при долгосрочном ипотечном кредитовании, имеет двойственный характер: необходимо защитить доходность сделок по кредитованию от серьезного риска в процентной ставке (что обусловлено, в основном, краткосрочным характером обстоятельств) и одновременно обеспечить доступность кредитов для заемщика.

Банки, занимающиеся выдачей ипотечных кредитов, преодолевают риск процентной ставки посредством использования новых кредитных инструментов. В 1994 году появился целый ряд таковых. Так, Сбербанк перешел к выдаче ипотечных кредитов с переменной процентной ставкой, привязанной к уровню учетной ставки Центрального банка, Мосбизнесбанк апробировал инструмент

с регулируемой отсрочкой платежа (ИРОП), который в качестве индекса суммы основного долга используют процентную ставку межбанковских кредитов для определения стоимости фондов, а некоторые банки пытались использовать инструмент, при котором индексирование суммы основного долга осуществляется исходя из официально устанавливаемого уровня минимальной зарплаты.

Особое распространение получили кредиты с привязкой к доллару США, когда формально все условия определяются на основе кредитов в валюте США с фиксированной процентной ставкой, однако заемщик производит регулярные платежи в рублях по текущему обменному курсу. Данные опроса показывают, что в Москве коммерческие банки, в основном, используют именно этот финансовый инструмент («Диамант», банк «Нефтяной»).

Вводя различные индексы, банки стараются сбалансировать изменения стоимости банковских фондов с изменением процентных ставок по выданным кредитам. В условиях отсутствия официально публикуемых показателей рыночных кредитных ставок банки пытаются заменить их понятными для населения показателями. Однако такая аппроксимация не позволяет полностью избежать риска в процентной ставке, так как изменение обменного курса доллара США, а тем более политические решения об изменении уровня минимальной зарплаты, не совпадают с изменением рыночной ставки процента.

Наиболее эффективным типом кредитов, снижающим риск процентных ставок, являются кредиты с переменной процентной ставкой, отражающие изменения рыночной процентной ставки.

Риск ликвидности. В процессе долгосрочного ипотечного кредитования обостряется проблема обеспечения ликвидности баланса банка. Это связано с тем, что ресурсная база ипотечных кредитов формируется в значительной степени за счет привлечения краткосрочных кредит и депозитов. В таких условиях возрастает вероятность возникновения ситуации неплатежеспособности из-за невозможности банка полностью покрыть срочные обязательства по пассивным операциям, поскольку отвлечение средств в долгосрочный кредит не компенсируется привлечением долгосрочных пассивов.

Одним из путей снижения рисков ликвидности и формирования источника долгосрочных кредитных ресурсов при ипотечном кредитовании является создание вторичного рынка ипотечных кредитов. В этой связи особую роль должно было сыграть Постановление Правительства РФ от 26.08.96. № 1010 «Об Агентстве по ипотечному жилищному кредитованию», которое предусматривало, что ключевым элементом системы привлечения внебюджетных средств в жилищную сферу и снижения для банков риска ликвидности должно было стать указанное Агентство, осуществляющее работу по следующим направлениям:

- * инициирование создания вторичного рынка жилищных ипотечных кредитов, представляемых российскими коммерческими банками;
- * стандартизация порядка представления оформления и обслуживания жилищных ипотечных кредитов с целью снижения кредитных рисков и обеспечения высокой степени надежности ценных бумаг, выпускаемых Агентством;
- * внедрение надежных процедур и правил ведения ипотечного кредитования путем представления технической помощи организациям, осуществляющим ипотечную деятельность и обучение специалистов;
- * создание региональных филиалов Агентства.

Однако неустойчивость макроэкономической ситуации в России, особенно после 17 августа 1998 г., крайне усложнила проведение в жизнь всей этой идеи.

Произошедшие события усилили неопределенность, поэтому программа ипотечного кредитования должна разрабатываться теперь применительно к нескольким возможным сценариям развития макроэкономической ситуации. Очевидно требуется пересмотр ранее сделанных оценок относительно размеров сбережений граждан и реального платежеспособного спроса на ипотечные кредиты. Соответствующая работа должна быть проведена социологическими службами субъектов федерации при участии и методическом руководстве Госстроя РФ, Минэкономки, Минтруда, Минфина и специалистов ВЦИОМ.

Существенным ограничением на ближайшие 1-2 года будет проявившаяся после 1998г слабость российской банковской системы, потеря доверия к ней населения и произведенное вкладчиками изъятие вкладов, а также потеря доверия к правительственным гарантиям и к любым ценным бумагам. По этой причине формирование за счет сбережений населения пассивов российских банков или федеральных фондов будет весьма проблематичным.

В такой ситуации важным принципом разрабатываемой программы является, как уже отмечалось, ее опора на «инициативы снизу» со стороны наиболее активных регионов, городов и муниципалитетов.

Сделав при этом акценте на:

- ориентацию ипотечного кредитования в первую очередь на те категории населения, которые нуждаются в небольшом ипотечном кредите, что позволяет при ограниченных ресурсах обеспечить кредитами максимальное число заемщиков;

- использование дифференцированного подхода к созданию условий ипотечного кредитования для различных категорий населения с учетом их доходов и платежеспособного спроса. На начальном этапе условия должны соответствовать требованиям, принятым в федеральной программе «Свой дом», т.е. кредиты должны номинироваться в рублях, выдаваться на срок до 10 - 15 лет, иметь низкую процентную ставку (- 10 % годовых);

- применение при формировании системы ипотечного кредитования мер, направленных на поддержку заемщика (организация накопительных программ, зачет стоимости имеющегося жилья в дополнение к собственным средствам граждан, а также использование с этой целью жилищных субсидий и жилищных сертификатов, предоставляемых гражданам в установленном порядке в соответствии с действующим законодательством).

Разрабатываемая программа ипотечного жилищного кредитования в регионах при методическом руководстве Госстроя РФ должна усилить эту работу за счет межрегиональной интеграции и в этой связи актуальнейшим моментом решения указанных выше проблем должно явиться создание региональных территориальных ФПГ по внедрению ипотеки, решающих вопросы замкнутого инвестиционного цикла, включение в единый комплекс строительной среды, банковский сектор, Залоговые Страховые Фонды с общей системой отчетности и налогообложения.

Созданные региональные ФПГ в строительстве, как совместно с АИК, так и отдельно могли бы поднять целый пласт вопросов: это и развитие вторичного рынка ипотечных кредитов, который будет первое время ограниченным, и мы предлагаем, что приоритет должен быть отдан развитию первичного рынка с использованием целевых жилищных займов.

Вместе с тем, потенциал программы позволяет в настоящее время в определенной мере решить проблемы населения и инвесторов, возникшие в период финансового кризиса 17.08.98 г. Решения могут быть достигнуты путем реструктуризации замороженных вкладов населения и государственных ценных бумаг (ГКО, ОФЗ) в ликвидные жилищные ценные бумаги, обращаемые на ипотечном рынке, при соответствующем вовлечении в оборот объектов незавершенного строительства и других активов негосударственной и муниципальной собственности.

Таким направлением может стать рынок образования ликвидных жилищных ценных бумаг, создаваемый региональными ФПГ, АИК и субъектами Федерации, обращаемых на ипотечном рынке, где основным направлением стратегии рынка должен явиться выпуск межрегионального облигационного жилищного займа, совокупным эмитентом которого являются субъекты Федерации.

Те субъекты Федерации, которые заинтересованы в развитии программы ипотечного кредитования на территории области или республики, могут использовать в качестве механизма внешних и внутренних заимствований, создаваемые региональными ФПГ ЗСФ.

Одновременно, регионы совместно с ФПГ и Агентством по ипотечному жилищному кредитованию, либо с другими структурами, уполномоченными субъектов РФ, могут собрать обязательства Федерального Правительства в виде ГКО и ОФЗ в обмен на недостроенные объекты жилищного строительства с дисконтом по договоренности, находящихся в федеральной собственности, и выпускать жилищные займы на величину стоимости объекта с учетом достроя за вырученные от реализации облигаций средства начинать расплату по ГКО и завершение последующих объектов, имеющих в федеральной собственности.

Анализируя перечень наболевших вопросов жилищного ипотечного кредитования, требующих немедленного решения, как в комплексе промышленной политики государства, так и в определении места ФПГ в решении этой задачи, следует особо подчеркнуть, что участие ФПГ в системе долгосрочного ипотечного кредитования в условиях финансового кризиса в России является одним из реальных рычагов, способных сдвинуть экономическую ситуацию в стране с кризисной точки в положительном направлении и обеспечить взаимосвязь между денежными ресурсами населения, банками, финансово-строительными компаниями и предприятиями стройиндустрии с целью направления средств в реальный сектор экономики.

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ РАЙОНОВ МАССОВОЙ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА И ОПЫТ РЯДА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹

Общие положения

Молдова традиционно является страной с преобладанием сельского населения. На начало 1970 г. доля городского населения составляла ок. 32%, а в 2000 г. более 46%. При этом разрыв между численностью городского и сельского населения страны до последнего времени уменьшался. (см. *график*) (СТАТИСТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК...2001).

Сегодня Молдова, страна с территорией ок. 34 тыс. кв. км, насчитывает 65 городов и посёлков городского типа и более 1.600 сельских поселений. Столица Молдовы – город Кишинёв², с населением более 660 тыс. жит., является крупнейшим и наиболее развитым в социально-экономическом отношении городом страны. С 1970 г. его численность населения выросла почти на 90%, при относительной стабилизации начиная с 1989 г. Второй по численности населения город Молдовы – Тирасполь – насчитывает более 170 тыс.чел.³ Численность населения и характеристика жилого фонда в городской и сельской местности Молдовы приводится в *таблице*.

Итак, в начале 2000 г. численность городского населения в Молдове составляла ок. 1.970 тыс. чел., или 46% от общей численности населения страны. Большинство из молдавских городов и посёлков городского типа было образовано в советский период в связи с развитием промышленности на территориях с ранее преимущественно сельскохозяйственной специализацией. Интенсивное промышленное и жилищное строительство происходило и в городах, разрушенных в годы Второй мировой войны, таких как Кишинёв, Тирасполь, Бендеры и др.

Так, в Кишинёве во время войны было разрушено почти 10 тыс. жилых домов и более 170 промышленных предприятий, а город Тирасполь в послевоенный период был фактически отстроен заново. В этот период в городах Молдовы было размещено большое количество предприятий преимущественно пищевой и лёгкой промышленности, имевших общесоюзное (в рамках бывшего СССР) значение. Помимо переработки сельхозпродукции в Молдове были созданы отрасли промышленности, ориентированные на общесоюзные потребности – машиностроение, энергетика, нефтяная и нефтехимическая промышленность с размещением преимущественно в Кишинёве и некоторых крупных центрах.

В составе бывшего СССР Молдова (бывшая Молдавская ССР) выделялась в первую очередь своим высокопродуктивным сельским хозяйством, ориентированным на производство вина, фруктов, табака, сахарной свёклы, овощей, пшеницы, кукурузы и подсолнечника. Урожайность зерновых существенно превышала среднесоюзный уровень (34 против 20 ц/га). Как и в других аграрных и аграрно-индустриальных странах Центральной и Восточной Европы, население городских поселений Молдовы характеризуется сельским происхождением и в связи с этим в значительной степени сохраняет аграрный менталитет (см. АЛЕКСЕЕВ 1996, MLADEK 2001, ПИТЕРСКИЙ, ИВЛИЧЕВ 2002).

Районы массового жилищного строительства в городах Молдовы

После Второй мировой войны наблюдался быстрый рост городского населения Молдовы в результате форсированной индустриализации и миграции сельского населения в города. По сравнению с 1979 г. городское население республики выросло почти на 75% (см. *график*).

В послевоенный период практика массового жилищного строительства в городах Молдовы в основном решила проблему обеспечения населения отдельными благоустроенными квартирами, однако создание на окраинах городов крупных районов массовой жилой застройки привело позднее к появлению новых существенных проблем социально-экономического и архитектурно-планировочного характера.

Эти по существу «спальные районы» крупных городов расположены главным образом на окраинах или в пригородах, на значительном удалении от центра. По-видимому, это является

¹ Статья подготовлена на основе доклада на Международной конференции «Крупные районы массового жилищного строительства в Юго-Восточной Европе», прочитанного в Лейпциге в апреле 2001 г. и др. исследований (см. PITERSKI 2003).

² Используется современное официальное русское написание названий городов Молдовы и др. постсоветских стран (см. карту «Россия и сопредельные государства.» – Москва, 2000).

³ Поскольку государственные статистические отчёты часто не содержат данных по левобережью р. Днестр и г. Бендеры, в статье при необходимости приводятся пояснения.

своеобразным проявлением советской социалистической субурбанизации, имевшей место и в других социалистических странах Центральной и Восточной Европы (чешский опыт – см. KALLABOVA, VAISHAR 2001). В соответствии со СНиП¹, районы массовой жилой застройки возводились из типовых многоэтажных зданий по микрорайонному принципу с формированием более крупных жилых и планировочных районов. Микрорайоны и жилые районы, застроенные монолитными и крупнопанельными зданиями повышенной этажности, заняли большие земельные площади во всех городах Молдовы.

Как и в других странах Центральной и Восточной Европы, районы массового жилищного строительства Молдовы характеризуются смешанным социальным составом населения, его относительно высокой квалификацией, а также высоким уровнем обеспеченности общеобразовательными школами и детскими дошкольными учреждениями. Однако в них, как правило, не обеспечивался проектный уровень благоустройства, инженерной инфраструктуры и качества строительства. Отмечались удорожание инженерной инфраструктуры и чрезмерная плотность жилой застройки.

Кроме того, в советской проектной и градостроительной практике транспортные и иные удобства населения также не всегда принимались во внимание, что позднее привело к появлению целого ряда проблем. Речь идёт о транспортных связях с городским центром и другими районами города, автомобильных стоянках, озеленении, торговле и обслуживании, качестве строительства. Недостаточное внимание уделялось вопросам восприятия районов массового жилищного строительства. Застроенные монотонными в архитектурном отношении жилыми кварталами, они в значительной степени испытывали недостаток в местах приложения труда, учреждениях и объектах отдыха и досуга, определяющих районную специфику.

Таким образом, указанные районы обнаруживали на практике существенные недостатки, которые ввиду подчас драматической нехватки жилья и отсутствия жилищного рынка, подвергались недостаточной критике со стороны специалистов-планировщиков и в СМИ. Это и понятно, ведь даже на уровне бытового сознания отдельная благоустроенная квартира в советский период весьма долгое время занимала первое место в ряду основных жизненных ценностей.

В настоящее время новое многоэтажное строительство в городах Молдовы практически не ведётся. Тому есть несколько причин. С одной стороны, жилой фонд в районах массовой послевоенной застройки и без того высвобождается в результате естественного сокращения численности населения и эмиграции, с другой стороны, в результате приватизации жилого фонда и возникновения рынка жилья стало ясно, что эти районы потеряли свою привлекательность. Качество жизни во многих из них оценивается жителями как неудовлетворительное. Наконец, возродить необходимую для массового многоэтажного строительства утраченную стройбазу уже не под силу ни государству, ни частным инвесторам...

Экономический кризис и упадок городского хозяйства отрицательно сказываются на уровне благоустройства районов массовой многоэтажной застройки. Они в ночное время слабо освещены, улицы, проезды и городские магистрали находятся в неудовлетворительном состоянии и ремонтируются весьма медленно. Инженерные коммуникации, в частности водоснабжение и канализация, устарели и нередко находятся в аварийном состоянии. Зелёные насаждения общего пользования, парки и другие места массового отдыха часто заброшены и не выполняют предназначенных функций.

По данным института «Урбанпроект» (Кишинёв)², сегодня только 25% граждан Молдовы удовлетворены имеющимися условиями жилья, остальные недовольны уровнем комфортности, безопасности, освещённости, санитарного состояния и организацией жизненного пространства своих районов проживания. Подобная ситуация наблюдается и в других постсоциалистических восточноевропейских странах. Например, в городах Эстонии, таких как Таллинн, Тарту и Пярну, жители районов массовой жилой застройки критикуют в первую очередь экологические условия, возможности организации отдыха и досуга, озеленение, условия парковки, уровень безопасности и неудовлетворительный архитектурный дизайн (LIVING CONDITIONS 2000).

В ближайшем будущем в районах массового жилищного строительства в городах Молдовы не предусматривается значительных мероприятий по сносу или санации существующего жилого фонда. Причины носят прежде всего финансовый и организационный характер. В то же время, поскольку

¹ СНиП (Строительные нормы и правила) разрабатывались унифицированно для всей территории б. СССР (см. БРАДЕ, ПЕРЦИК, ПИТЕРСКИЙ 2000, СТРОИТЕЛЬНЫЕ НОРМЫ И ПРАВИЛА 1984).

² Национальный научно-исследовательский институт по обустройству территории и генеральных планов «Урбанпроект» в Кишинёве, образован в 1998 г.

речь идёт об улучшении условий жизни, в средне- и долгосрочной перспективе в Молдове, также как и в Москве или в городах б. ГДР, станет необходимым задуматься о перепрофилировании или сносе значительной части морально и физически устаревших зданий или даже целых кварталов.

*Так, в **Москве** осуществляется широкомасштабная программа реконструкции районов массового жилищного строительства, с типовыми 5-9-12-этажными панельными домами – теми самыми «хрущобами», которые, как известно, получили у жителей это неуважительное название в хрущовский период из-за низкого качества строительства и чрезмерной экономии на благоустройстве, но получили лишь впоследствии, а вначале появление этих многоквартирных домов воспринималось покидавшими коммуналки и подвалы гражданами как огромное благо...*

Жилой фонд пятиэтажек, построенных в столице России в 1950-60-х гг., составляет ок. 36 млн. м². При их санации возможны различные организационные и планировочные варианты: полная реконструкция, капитальный ремонт, замена сантехники, изменение планировки с повышением комфортности проживания. Практикуется усиление конструкций, мансардное строительство, эркеры. Реконструкция осуществляется на микрорайонной основе, в том числе и по схеме, при которой прежние жильцы фактически остаются в своих старых микрорайонах, таким образом сохраняется смешанная структура населения по уровню доходов. Среди московского жилья, продающегося в районах массового жилищного строительства, имеются так называемые элитные, оборудованные по высшему разряду жилые здания и группы зданий, рассмотрение которых лежит, впрочем, за пределами целей данной статьи.

*В **Германии** с 1993 г. реализуется государственная программа по стимулированию дальнейшего градостроительного развития крупных районов массового жилищного строительства в новых федеральных землях и Восточном Берлине на период до 2009 г. Сохранение и дальнейшее развитие указанных районов получило политическую и экономическую поддержку. Для более 150 районов массового жилищного строительства с общей численностью населения около 850 тыс. чел. в 124 городах и посёлках выделены соответствующие финансовые средства.*

Однако в деле реконструкции районов массовой жилой застройки в Восточной Германии остаются существенные проблемы. По-прежнему не хватает автостоянок, недостаёт объектов отдыха и досуга. Отмечаются тенденции дальнейшего социального расслоения населения – более обеспеченные покидают эти районы, а высвобождающиеся квартиры частично пустуют, а частично предоставляются лицам с низкими доходами и получателям социальной помощи. Таким образом, многоквартирные многоэтажные дома превращаются в очаги социальных проблем.

Уже в настоящее время в районах массового жилищного строительства в городах Восточной Германии значительное количество жилого фонда пустует. Так, в крупнейшем лейпцигском жилом районе Грюнау (Grünau) в 2000 г. почти 15% жилого фонда пустовало, а численность населения сократилась с ок. 85 тыс. чел. в 1989 г. до ок. 58 тыс. чел. (MÜLLER 2001).

В ряде случаев предусматривается снос или частичный демонтаж (снижение этажности) жилых и общественных зданий. Это относится к таким городам как, например, Стендаль (Stendal) или Вайсвассер (Weißwasser) и Хойерсверда (Hoyerswerda) на восточной границе страны, где в б. ГДР районы массового жилищного строительства создавались с целью обеспечения жильём работников крупных промпредприятий, закрытых либо реконструированных в ходе последовавших после объединения Германии политических и экономических реформ. Так, в Хойерсверде в настоящее время накапливается опыт по частичному демонтажу одиннадцатиэтажных зданий.

Таким образом и в Молдове речь может в долгосрочной перспективе идти о программе реконструкции районов массового жилищного строительства и прежде всего с типовыми 5-этажными панельными домами. При их санации возможны различные организационные и планировочные варианты: полная реконструкция, капитальный ремонт, замена сантехники, изменение планировки с повышением комфортности проживания, изменение этажности.

Крупные районы массовой жилой застройки представляют в Молдове значительный сегмент рынка жилья и следует рассчитывать, что они ещё долго будут оставаться важнейшей составной частью жилого фонда страны. В столице Кишинёве доля населения, проживающего в этих районах, составляет ок. 60%. В других городах страны этот показатель колеблется, по данным института «Урбанпроект», от 25 до 45%.

Районы массовой жилой застройки Кишинёва

Крупнейшие новые районы массовой жилой застройки, созданные начиная с 1960-х гг., расположены в столице страны – Кишинёве. На схеме показаны существующие и предусмотренные генпланом 1987 г. районы массового жилищного строительства в различных частях города. На территории города выделяются несколько таких крупных районов, построенных в разные годы, начиная с 1960-х гг. по настоящее время.

Все новые жилые районы Кишинёва создавались фактически как города-спутники и расположены на верхних террасах р.Бык – притоке Днестра. Среди них Ботаника-1 (Botanica-1) (более 70 тыс. жит.), Ботаника-2 (Botanica-2) (ок. 60 тыс. жит.), Рышкань (Râșhkani) (более 67 тыс. жит.), Буюкань (Buiukani) (более 47 тыс. жит.), Чокана-Будешть (Ciocana-Budești) (ок. 60 тыс. жит.) и др.

Не приводя полной планировочной характеристики районов массовой жилой застройки столицы Молдовы, укажем, что наиболее высокий уровень престижности проживания имеет Центральный район. Остальные характеризуются в основном благоприятными условиями проживания, при этом наименьшей популярностью среди населения пользуется жилой район Чевкары из-за низкого уровня благоустройства территории, неудобства транспортных связей при удалённости от центра города на 4,8 км. Не обладает особой престижностью и район Чокана-Будешть. Хотя близость развитой промышленной зоны здесь и воспринимается жителями скорее как положительный фактор – за счёт наличия мест приложения труда, престижность его падает из-за удалённости от центра на 4,5-5 км, низкого комплексного обустройства, недостаточного озеленения.

Как указано выше, в настоящее время жилищное строительство в городской местности развивается в Молдове в основном на базе индивидуальной малоэтажной застройки преимущественно коттеджного типа. Группируясь в жилые образования с небольшим количеством домов, такая благоустроенная жилая застройка с централизованным электро-, водоснабжением и канализацией является сейчас наиболее престижной и пользуется особым спросом. Однако дефицит территорий, обеспеченных инженерной инфраструктурой, не позволяет пока осуществлять широкомасштабное развитие такой застройки.

При этом фактически прекращено многоэтажное типовое строительство в сложившихся районах массовой жилой застройки. Государство почти полностью отказалось от строительства муниципального жилья, при этом наблюдается снижение государственного участия в области городского планирования и проектирования, жилищного строительства и городского развития.

В настоящее время в Молдове принят закон по градостроительству и благоустройству территории, регулирующий взаимоотношения местных органов власти и лиц, осуществляющих проектирование и строительство на территории страны. Однако законодательная база пока далека от совершенства и при освоении городских земель часто возникают острые проблемы, особенно в жилищном секторе.

Отметим главную проблему, приводящую к многочисленным конфликтам в области градостроительного освоения территории. Это – необеспеченность городов новыми, современными генеральными планами. Следует указать, что эта проблема приобретает большое значение и в других постсоциалистических странах Восточной и Центральной Европы (см., напр., БРАДЕ, ПЕРЦИК, ПИТЕРСКИЙ 2000).

Так, за последние 10 лет практически ни один город Молдовы не обновил свои градостроительные документы и прежде всего – генеральный план. Единственное исключение – Унгены, где генеральный план города был разработан Бухарестским проектным институтом «Урбанпроект» как модель внедрения опыта планирования по европейскому образцу. Но это исключение лишь подтверждает правило...

В результате участки под жилищное строительство отводятся по устаревшим, не отвечающим полностью современным условиям, разработанным ещё в советский период генпланам, что приводит к конфликтам по поводу использования территории. Речь идёт в частности о многочисленных необоснованных отводах под индивидуальное жилищное строительство территорий, не обеспеченных ни достаточной инфраструктурой, ни транспортными связями с другими частями города.

Например, в крупных и крупнейших городах, таких как Кишинёв или Бельцы, индивидуальные жилые дома с отводом земель в частное пользование строятся на отдалённых от центра территориях, предусмотренных прежними генеральными планами под массовое многоэтажное жилищное строительство, общественную застройку, зелёные насаждения общего пользования и пр. Это и неудивительно. Ведь, как указано выше, при проектировании и застройке Кишинёва в послевоенный период все новые жилые районы создавались как города-спутники с микрорайонной многоэтажной застройкой. Такая тенденция имела место и в рамках последнего советского генерального плана Кишинёва 1987г. (см. *схему*).

Таким образом, отсутствие современных генеральных планов и отвод в последние годы под усадебное жилищное строительство районов на периферийных территориях привели в результате к возникновению обширных жилых образований, не приспособленных к полноценному

существованию. Здесь, за редким исключением, отсутствует социальная и инженерная инфраструктура, а благоустройство общественных территорий сведено к трассировке необустроенных проездов, т.е. застройщик приобретает фактически лишь земельный участок без необходимого инженерного обустройства территории.

Необходимо, впрочем, отметить, что подобная ситуация при размещении коттеджной застройки отмечается не только в Молдове, но и в ряде других государств Восточной Европы, возникших после распада СССР. В таких районах имеется большое количество недостроенного или неэксплуатируемого жилья, отсутствует инженерная и социальная инфраструктура и не предусмотрено создание необходимых рабочих мест. Такую застройку можно лишь условно рассматривать как субурбанизацию, поскольку контингент покупателей коттеджей, как правило, уже имеет элитное жильё в центре города, поэтому коттеджи приобретаются в основном с целью дополнительного вложения капитала в недвижимость, в лучшем случае (однако далеко не всегда) коттедж может использоваться как дача. В Москве и её пригородах программа по коттеджному строительству была в своё время ориентирована на людей со средними доходами, но на практике у этих слоёв населения не оказалось средств на приобретение столь дорогого жилья. Реально коттеджи в пригородах приобрели состоятельные люди с высоким уровнем автомобилизации, сохранившие или вновь купившие элитные квартиры в центре. Эта тенденция ещё более усилилась после августовского 1998 г. финансового кризиса в России.

Рынок жилья

После провозглашения независимости¹ в Молдове произошли значительные политические и социально-экономические изменения. Происходит трансформация централизованной плановой командной экономики в направлении рыночно ориентированного хозяйства. Осуществляется развитие законодательства, обеспечивающего дальнейшее формирование правовых отношений в рыночной сфере, в том числе в сфере рынка недвижимости.

Начиная с 1993 г., в Молдове развернулась активная приватизация жилого фонда и продажа жилья, причём максимальное количество квартир (ок. 196 тыс. с общей площадью более 10 млн. м²) было приватизировано в 1994-1996 гг. В результате к 2001 г. удельный вес жилого фонда в частной собственности превысил 93%, по сравнению с 73% в 1991 г. (СОДРУЖЕСТВО НЕЗАВИСИМЫХ...2002)². В соответствии с действующим законодательством, земельные участки находятся в частной собственности, однако в городской местности они часто продаются по цене сельхозугодий, а не по рыночной стоимости, что свидетельствует о неразвитости земельного рынка и рынка жилья.

Наибольшим спросом в городах страны, в частности в Кишинёве, пользуются частные каменные дома, а наименьшим – квартиры в многоэтажных, в частности 16-этажных монолитных зданиях. В то же время в городских центрах строятся, а чаще реконструируются отдельные многоквартирные жилые здания с элитными квартирами, престижность проживания в которых оценивается намного выше, чем в районах массового жилищного строительства, созданных в послевоенный период. Стоимость квартир в элитных домах в центре города и в микрорайонной застройке на городской окраине может по данным «Урбанпроекта» различаться в 3-4 раза. Однако в отличие от некоторых других городов Восточной Европы, в частности, Москвы и Санкт-Петербурга, строительство элитного жилья не имеет пока в столице Молдовы массового характера.

В соответствии с действующим законодательством у населения сохраняется также возможность бесплатного получения земельных участков под индивидуальное строительство в тех городах, где ещё имеются соответствующие резервы площадей. Так, каждый гражданин страны, достигший 18 лет, или молодая семья имеют право на бесплатное получение участка земли площадью от 0,07 до 0,12 га в городской местности.

Препятствием в организации рынка недвижимости в Молдове выступает в настоящее время неразвитость системы ипотечного кредитования на фоне падения покупательной способности населения из-за его низких доходов. По данным института «Урбанпроект» (Кишинёв), в конце 1990-х гг. лишь 1-2% населения страны имели доходы, достаточные для приобретения нового жилья.

Некоторые перспективы

В качестве непереносимых условий решения современных проблем развития районов массовой жилой застройки и рынка жилья в Республике Молдова следует, по мнению авторов, осуществить следующие неотложные меры градостроительного, организационного и социально-экономического характера:

¹ Декларация о суверенитете Республики принята в июне 1990 г., с мая 1991 г. бывшая Молдавская ССР носит своё современное название Республика Молдова.

² Без учёта данных по левобережью р. Днестр и г. Бендеры.

- Обеспечить городские поселения новыми градостроительными документами и прежде всего генеральными планами (корректировкой существующих генеральных планов), учитывающими как особенности трансформационного процесса в Молдове, так и европейские образцы (как в случае генерального плана г. Унгены);
- Провести глубокие научные и прикладные исследования в области дальнейшего развития районов массового жилищного строительства Молдовы. При этом необходимо учитывать уже имеющийся европейский опыт, например, работы по сравнительному изучению развития крупных районов массовой жилой застройки в Центральной и Восточной Европе в рамках программы Евросоюза INTERREG IIС;
- Большую роль могут сыграть стратегии устойчивого развития по образцу «Деловой игры Грюнау» (Лейпциг, Германия). Основным вопросом при этом являются стратегические основы дальнейшего развития городов Молдовы в целом и их районов массовой жилой застройки в частности. В связи с этим определяющее значение приобретает разрабатываемая институтом «Урбанпроект» (Кишинёв) Комплексная программа пространственного развития Республики Молдова в части развития системы городского расселения страны.
- Обеспечить территориальное развитие городов страны за счёт внутренних резервов, в существующих границах;
- Реализовать систему мероприятий по улучшению условий проживания в районах массовой жилищной застройки (эстетические, архитектурно-планировочные, экологические, социально-экономические, транспортные проблемы, проблемы безопасности и др.);
- Переориентировать местные власти и население на новые принципы организации жилых территорий. При этом большое значение имеет пока недостаточно развитое участие населения в планировочном процессе и самоуправлении;
- Произвести инвентаризацию имеющегося жилого фонда районов массового жилищного строительства во всех городских поселениях страны;
- Запретить строительство жилых комплексов на территориях, не оснащённых инженерными и транспортными коммуникациями;
- Стимулировать развитие системы ипотечного кредитования в Молдове.

Литература

1. АЛЕКСЕЕВ А.И., СИМАГИН Ю. Аграрный характер российского менталитета и реформы в сельской местности России // Российские регионы в новых экономических условиях // Под. ред. Ю.Г. Липеца. – Москва, 1996, С. 120-126.
2. БРАДЕ И., ПЕРЦИК Е.Н., ПИТЕРСКИЙ Д. Районная планировка и разработка схем расселения в СССР и России. Опыт и перспективы. – Москва, 2000.
3. ПИТЕРСКИЙ Д.С., ИВЛИЧЕВ В.П. Современные проблемы развития системы городского расселения Республики Беларусь и некоторые новые её элементы. / Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры регионального развития. Под ред. Ю.Г. Липеца. - Москва, 2002, стр. 271-283.
4. Россия и сопредельные государства // Федеральная служба геодезии и картографии России. – Москва, 2000.
5. Содружество Независимых государств в 2001 г. Статистический ежегодник. – Москва, 2002.
6. Статистический ежегодник Республики Молдова 1999. - Кишинёв, 2001.
7. Строительные нормы и правила (СНиП) II-60-75. Планировка и застройка городов, посёлков и сельских населённых пунктов. – Москва, 1984.
8. Kallabova E., Vaishar A. Die Wohnungsmarktentwicklung in der Tschechischen Republik seit 1990 unter besonderer Berücksichtigung der Weiterentwicklung der Großwohnsiedlungen (Abstract). – Leipzig, 2001.
9. Liebmann H., Rietdorf W.: Großsiedlungen in Ostmitteleuropa zwischen Gestern und Morgen. Vergleichsforschung zu Genesis, Status und Perspektive von Großwohnsiedlungen in sechs Hauptstädten Ostmitteleuropas // Europa regional. - Nr 2, S. 78-88.
10. Living Conditions. Ed. A. Purju. - Tallinn, 2000.
11. Mladek J. Die Großwohnsiedlungen in der Slowakei, spezifische Merkmale (Abstract). – Leipzig, 2001.
12. Müller E. Leipzig-Grünau: Probleme und Chancen einer Großwohnsiedlung (Abstract). – Leipzig, 2001.
13. Pierski D., Wysocki G. Die Folgen des Transformationsprozesses für die Entwicklung des moldawischen Wohnungsmarktes und seine Auswirkungen auf die Großwohnsiedlungen in Moldova. 2003 в печати.
14. Rietdorf W. Zur Situation der Großwohnsiedlungen ehemals sozialistischer Länder und zur Entwicklung der Großwohnsiedlungen im östlichen Deutschland // Müller E. (Hrsg.). Großwohnsiedlungen in europäischen Städten // Beiträge zur regionalen Geographie. – 1997. Nr. 45, S. 7-14.
15. Rietdorf W., H. Liebmann Großsiedlungen in Mittel- und Osteuropa. Expertise // Großsiedlungen in Mittel- und Osteuropa // REGIO, Beiträge des IRSW. – 1994.- Nr. 4, S. 9-96.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА (на примере г. Саранска)¹

В России главенствующая роль в городских пассажироперевозках принадлежит массовому общественному транспорту. Доля легкового автомобильного транспорта в пассажироперевозках очень мала и не достигает даже 2 % (для сравнения в США – более 90 %). Основная причина в том, что в России низкий уровень автомобилизации населения, соответственно компенсирует это гипертрофированное развитие массового общественного транспорта, в основном уличного типа.

В вопросах изучения городской транспортной системы особое значение имеет выделение факторов, определяющих ее структуру. Среди них выделим природные, демографические и технико-экономические факторы.

Технико-экономический фактор является самым важным условием, влияющим на выбор видов транспорта (производится анализ технико-экономических показателей в зависимости от расстояния до места работы, концентрации или величины пассажиропотоков, радиуса расселения и др.). Однако его влияние на транспортную структуру города не всегда оказывается решающим. Выбор организации видов транспорта зависит от людности данного города. В малых городах с населением в 10-20 тысяч человек городского пассажирского транспорта вообще может и не быть. За редким исключением (большая разбросанность города) могут существовать только несколько автобусных маршрутов. В средних городах господствует автобусный транспорт, хотя иногда может существовать и трамвайный транспорт (например, Карпинск, Волчанск, Черемхово и др.).

В больших городах, наряду с автобусным сообщением, используется троллейбусный транспорт. Часто в городах с населением более 250 тысяч человек наблюдается сочетание всех видов транспорта (кроме метрополитенного), что связано с большими внутригородскими пассажиропотоками. Можно отметить, что во многих крупных городах (Пенза, Оренбург, Тюмень, Тамбов, Мурманск, Тольятти, Саранск и др.) трамвайное сообщение не развито. Это связано с более широким функционированием других видов транспорта (особенно троллейбусного) и с особыми планировочными условиями данных городов, которые делают невыгодным или даже невозможным развитие трамвайного транспорта (скученная застройка, узкие извилистые улицы, геологические условия). В городах с населением более одного миллиона человек целесообразно строительство метрополитена, способного разгрузить основные наземные виды транспорта.

Для того, чтобы приступить к сооружению в городе новых транспортных путей, кроме их рентабельности учитывают и природные условия территории данного города. Например, в Санкт-Петербурге огромное влияние на конфигурацию линий метрополитена оказывают гидрогеологические условия. Петербургское метро является самым сложным в плане его строительства и самым глубоким во всем мире. Некоторые районы города недоступны для линий метрополитена из-за сильной обводненности мощного слоя грунта.

Суровые природные условия (вечная мерзлота, сильные ветры, большая высота снежного покрова, низкие зимние температуры и др.) создают огромную преграду для строительства и эксплуатации (например, в г. Норильске) трамвайного и троллейбусного транспорта.

Большое значение имеет и рельеф города. Из-за больших колебаний высот затруднено развитие городского транспорта в городах Северного Кавказа, Забайкалья, Урала, Алтая.

Следует сказать, что проблема функционирования городского пассажирского транспорта стала одной из важнейших в урбанизации городской жизни. Она тесным образом связана с другими градостроительными проблемами. Разрастание территории городов ведет к отдалению места жительства людей от мест приложения труда, что осложняет работу транспорта. Жители отдаленных районов вынуждены до 20 % своего «активного» времени тратить на путь от дома до работы и обратно. Это ведет к тому, что люди часто опаздывают на работу, испытывают нервное перенапряжение, которое ведет к снижению производственной деятельности, возникает так называемая «транспортная усталость».

Таким образом, проблемы транспорта вызывают ряд других проблем социально-экономического характера. С ростом территории города потребность в транспорте резко возрастает и увеличиваются затраты на строительство транспортных коммуникаций. Поэтому перспективным направлением в градостроительстве является рост городов не вширь, а ввысь (ограничение

¹ Выполнено при поддержке РФФИ (проект № 02-06-80357)

территориального расположения городов). Стихийное развитие легкового автомобильного транспорта без необходимой его увязки с общей проблемой городского транспорта, в частности, с пропускной способностью улично-дорожной сети привело во многих крупных городах России и мира к «транспортному параличу», который получил название «час - пик» (затор), а за рубежом «traffic - dreams» (пробка). В России более 400 городов страдают от «транспортного паралича», причем в 30 городах он уже принял катастрофический характер. Это вынуждает муниципалитеты многих городов заменять уличный общественный транспорт, там, где это возможно, внеуличным. Для правильной организации системы пассажирского транспорта высокая плотность сети еще недостаточна. Существует ряд коэффициентов, характеризующих работу общественного транспорта, при анализе которых можно выявить некоторые проблемы развития пассажирского транспорта города.

Для эффективного транспортного обслуживания горожан большое значение имеет достаточное оснащение территории города транспортной сетью. А судить об этом позволит коэффициент обслуженности территории города общественным транспортом. Он представляет собой отношение протяженности частей улиц, по которым проходит транспорт, к общей протяженности всех улиц, выражается в долях единицы. Этот коэффициент может быть исчислен как для города в целом, так и для каждого района в отдельности. Этот коэффициент всегда будет меньше единицы. Поскольку есть улицы, не имеющие линий городского транспорта. Чем ближе этот показатель к 1, тем лучше для большего числа жителей, так как расстояние от места жительства до места посадки или от конечного пункта движения транспорта до места назначения будет минимальным.

Степень обслуженности территории города транспортом характеризует также такой показатель, как плотность транспортной сети. Он представляет собой отношение общей протяженности путей по осям улиц к общей площади городской застройки, показывает сколько километров путей приходится на 1 км² городской застройки.

Нельзя не выделить показатель густоты транспортной сети, который представляет собой отношение общей протяженности транспортной сети по осям улиц к общей площади города с учетом площади зеленой зоны, находящейся в его границах. Таким образом, он показывает, сколько километров транспортной сети приходится на 1 км² территории города. Чем больше этот показатель, тем лучше развита в городе транспортная сеть. Этот показатель аналогичен «плотности транспортной сети», но учитывает площадь зеленой зоны города. Если исчислить показатель густоты по городам России, то получается, что самой «густой» трамвайной сетью обладают города: Москва, С.-Петербург, Тула, Тверь, Краснодар, Нижний Новгород, Липецк, Курск, Кемерово. Самой «густой» троллейбусной сетью обладают города: Москва, С.-Петербург, Саранск, Владимир, Иваново, Чебоксары, Йошкар-Ола, Тамбов, Белгород, Вологда.

Такой показатель как нагрузка транспортной сети (обеспеченность населения транспортной сетью) исчисляется путем соотношения численности населения города и протяженности транспортных путей по осям улиц. Показатель нагрузки транспортной сети по городу Саранску равен 4962 (чел/км). Этот коэффициент показывает, сколько человек в среднем приходится на 1 км путей. Чем больше этот показатель, тем хуже будет обстоять ситуация на транспорте. В России самую высокую нагрузку на троллейбусную сеть имеют города Смоленск, Хабаровск, Пермь, Владивосток, Ульяновск; незначительную нагрузку – Йошкар-Ола, Саранск, Белгород, Чебоксары, Брянск. Самую высокую нагрузку на трамвайную сеть имеют города Москва, Рязань, Владивосток, Иркутск, Томск. Наименьшая нагрузка отмечается в таких городах как Калининград, Липецк, Тверь, Барнаул. Из всего вышесказанного следует, что нагрузка на транспортную сеть и густота сети ниже в небольших городах и выше в городах-миллионерах.

Для общей характеристики обслуженности города транспортом служит коэффициент маршрутизации (км). В г. Саранске коэффициент маршрутизации автобусов равен 3,6 км; троллейбусов 4,5 км. Чем больше этот коэффициент, тем больше районов и улиц города связано беспересадочным сообщением. Чем ближе он к единице, тем хуже организовано беспересадочное сообщение. Следует помнить, что маршруты должны устанавливаться с таким расчетом, чтобы обеспечить возможность беспересадочных поездок из каждого района в возможно большее число других районов; чем больше маршрутов проходит по одному и тому же транспортному пути, тем лучше организована работа транспортной сети.

О качестве обслуживания транспортом населения города говорит, прежде всего, расстояние от места жительства до ближайшей остановки любого вида транспорта. Это расстояние не должно превышать 500 метров. Важно еще и то, насколько близко подходит транспорт к месту назначения, т.е. создание возможности беспересадочного сообщения. Жителям удобно, если по транспортной

линии, которой они пользуются, проходят сразу несколько маршрутов, расходящихся в разных направлениях.

Для правильной организации системы пассажирского транспорта высокая плотность сети еще недостаточна. Не менее важно, чтобы маршрутная сеть была построена в соответствии с действительным направлением пассажиропотоков. При этом условия создаются возможности для беспересадочного сообщения и относительно нормального наполнения транспортных средств.

Для оценки соблюдения этого требования пользуются характеристикой распределения пассажиров по различным участкам маршрута и коэффициентом неравномерности нагрузок по длине маршрута. Неравномерность нагрузки в пределах маршрута очень велика. Высокие коэффициенты неравномерности нагрузки говорят о необходимости упорядочения пассажирских перевозок на этой транспортной линии. Для характеристики нагрузки городского транспорта во времени служит коэффициент неравномерности нагрузок по часам суток. Выделяют утренний (с 7 до 9 часов) и вечерний (с 17 до 20 часов) «максимумы» нагрузок, связанные с «миграцией» населения с работы и на работу, с учебы и на учебу. В связи с этими максимумами возникает явление «час-пик». Коэффициент неравномерности нагрузок по часам суток представляет собой число пассажиров, перевезенных за 1 час работы городского транспорта. Число перевезенных пассажиров за сутки необходимо разделить на число часов работы транспорта в эти сутки. Коэффициент неравномерности выводится для каждого маршрута в отдельности и по всей сети в целом. Располагая этими показателями, транспортные предприятия устанавливают по каждому маршруту необходимое количество вагонов (машин) применительно к «часам-пик» и часам наименьшей загрузки, причем по возможности за основу берется количество вагонов (машин), требующихся при максимальной загрузке.

Вместимость (число сидячих и стоячих мест для пассажиров) различна на разных видах транспорта. Троллейбус, например, вмещает до 128 человек (сочлененный 156 человек), автобус – 118 человек, трамвайный вагон – 180 человек. Показателем предоставляемых пассажиру удобств является коэффициент наполнения транспортных средств. Он представляет собой отношение числа пассажиров к вместимости (вагона) машины. Чем ближе коэффициент наполнения транспортных средств к единице, тем «комфортнее» сообщение. Однако для оптимального наполнения транспортных средств необходимо еще и достаточное их количество. Часть машин не используется из-за их ремонта, осмотра, устаревания. В наряде значение коэффициента не должно быть ниже 0,8 единиц. Если данный коэффициент ниже 0,8 единиц, то это может объясняться следующими причинами: нехватка горючего и энергии, обслуживающего персонала; износ транспортных средств; не выход персонала на работу; ремонт подвижного состава.

Однако машины не всегда работают равный день. Некоторые машины ломаются при эксплуатации и в течение рабочего дня сходят с линии. И для более точных расчетов в этом случае применяется второй показатель – коэффициент использования подвижного состава по времени. Коэффициент по времени всегда будет меньше коэффициента по выпуску.

Важным показателем является также коэффициент обеспеченности населения подвижным составом. Он представляет собой отношение численности населения города к количеству единиц подвижного состава и показывает, сколько человек приходится на единицу подвижного состава.

Для комплексной характеристики обслуживания населения пассажирским транспортом пользуются меньшим количеством показателей, а именно используют показатели охвата территории города транспортной сетью, обслуживания населения в процессе движения, наполнения транспортных средств, регулярности движения.

Универсальным индикатором сложившейся территориальной организации города является подвижность населения. Маршрутная сеть организуется на основании статистического изучения направления постоянных пассажиропотоков. Показатель подвижности населения в статистике городского транспорта принят для характеристики уровня обслуживания населения. Он выражает среднее количество поездок, совершенных жителем города за год на всех маршрутах. Считается, что чем больше приходится поездок в среднем на одного жителя, тем лучше поставлено транспортное обслуживание в данном городе. Коэффициент подвижности населения характеризует потребности населения в городском пассажирском транспорте. В практике при проведении всякого рода расчетов исходят из того, что на одного человека в трудоспособном возрасте приходится около 600 поездок, а на учащегося – 500 поездок. Культурно-бытовые поездки для рабочего составляют примерно 300 поездок, для учащегося – 150 поездок, для не работающего – 220 поездок.

Подвижность населения выступает фактором формирования пассажирских перевозок и зависит от численности городского населения: чем выше по населению город, тем выше

подвижность населения. В городах до 50 тысяч человек она составляет примерно 120 поездок в год; до 100 тысяч человек - 250 поездок в год; от 100 до 250 тысяч человек - 500 поездок в год; от 250 до 500 тысяч человек - 600 поездок в год; от 500 до 1000 тысяч человек - 650 поездок в год; в городах миллионерах - более 700 поездок в год. Следовательно, с ростом городов растет потребность населения в городском транспорте. Город площадью в несколько квадратных километров потребности в городском транспорте вообще не ощущает. Его почти всегда можно из конца в конец пройти пешком за 30-40 минут. Редко кто из людей скажет, что он живет в 9 километрах от места работы, что подтверждают результаты нашего социологического исследования в г. Саранске. Респонденты отвечают, что живут в 30-40 минутах езды от места приложения труда на троллейбусе или автобусе. Автобусный транспорт является наиболее простым и маневренным видом городского транспорта и не требует специальных путевых устройств, контактной сети для снабжения электроэнергией. В связи с этим автобусный транспорт в г. Саранске имеет наиболее разветвленную сеть линий, а для малозагруженных направлений он является основным видом транспорта.

Наибольшая загруженность автобусного транспорта происходит в «часы-пик» с 7.30 до 9.00 и 16.30 до 18.30. В это время отмечается большой поток пассажиров и возрастает наполняемость подвижного состава, что затрудняет работу транспорта. Необходимо в «часы-пик» организовать выход всех пассажирских транспортных единиц. Для увеличения коэффициента выпуска автобусов на линии в городе открыто движение арендных автобусов на основании договоров, маршрутных такси.

Эффективной мерой по улучшению транспортного обслуживания жителей города и повышению экономических показателей транспортной работы является организация экспрессных маршрутов. Экспрессный маршрут значительно уменьшает время поездки пассажира и улучшает комфортность, так как из-за сокращения остановок уменьшается количество неприятных торможений и ускорений. На обычных маршрутах, которые дублируются экспрессным маршрутом, уменьшается средняя длина поездки из-за перехода пассажиров, следующих на дальнейшее расстояние, на экспрессные маршруты. Организация экспрессного движения экономически выгодна, поскольку при этом повышается скорость движения и оборачиваемость подвижного состава. Для экспрессных маршрутов в городе Саранске используется автобусный транспорт, как наиболее маневренный, не связанный с рельсовой колеей и контактной сетью.

Следует подчеркнуть, что экспрессный маршрут лучше всего организовывать как дополнительный, дублирующий основной маршрут автобуса. Он уменьшает количество подвижного состава и частоту движения на основном маршруте. Однако для его организации необходимы следующие условия: 1) достаточно мощный поток пассажиров с большой длиной поездки; 2) экономия времени не менее 5-8 минут; 3) частота движения, кратная частоте движения основного маршрута; 4) интервал движения не больший, чем экономия времени при поездке.

Троллейбусный маршрут несколько сложнее автобусного, поскольку нуждается в обеспечении при движении электрической энергией. Саранск выделяется среди городов России, имеющих самую «густую» троллейбусную сеть. Она имеет большое развитие в нашем городе и проходит по основным его магистралям, надежно связывает все микрорайоны, а также пригород с районами города.

Таблица 1

Протяженность эксплуатационных троллейбусных линий по некоторым городам РФ (на конец года; км)*

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Н. Новгород	102,5	109,1	109,1	109,1	117,1	119,1	118,1
Уфа	64,5	74,9	74,9	76,5	76,5	81,4	85,4
Саранск	61,3	67,9	74,1	74,1	74,1	74,1	74,1
Рязань	67,8	72,6	72,8	72,8	72,8	72,8	72,7
Пенза	54,8	60,4	60,4	60,6	60,8	60,8	60,8
Ульяновск	26,0	27,3	27,3	27,3	27,3	27,3	27,3

* составлено по данным Госкомстата России, 2001 г.

Протяженность эксплуатационных линий в г. Саранске с 1990 по 2000 гг. увеличилась на 12,8 км и составляет в настоящее время 71,4 км. Такая тенденция отмечается и в других городах России

(таблица 1). Однако следует отметить, что протяженность эксплуатационных троллейбусных линий в г. Саранске значительно меньше, чем в Н. Новгороде и Уфе, но немногим больше, чем в Ульяновске, Рязани и Пензе. На сегодняшний день 60 % троллейбусов находится в совершенно непригодном состоянии, а 40 % транспортных средств не достаёт, чтобы разгрузить городские маршруты

По данным Госкомстата РФ (таблица 2) объем перевозок троллейбусного транспорта в г. Саранске с 1990 по 1998 гг. увеличился почти в два раза, с 1998 по 2000 гг. снизился примерно на 39 млн. чел. Анализ показателей работы троллейбусного транспорта г. Саранска позволяет выделить наиболее рациональные маршруты и может говорить о недостаточной его работе. Однако коэффициент маршрутизации больше 1 в 4,5 раза и подтверждает достаточную связанность троллейбусных линий в городе, коэффициент по рейсовой регулярности тоже близок к 1 и больше, чем у автобусного транспорта, как и коэффициент работоспособности транспортной сети. Коэффициент использования подвижного состава по времени – меньше, чем у автобусного пассажирского транспорта и ниже нормативного. Коэффициент наполнения транспортных средств очень высок у автотранспорта и выше нормы у троллейбусного транспорта. Следовательно, пассажиры нашего города ощущают постоянный дискомфорт.

Таблица 2

Перевозка пассажиров троллейбусами по городам Российской Федерации (млн. чел.)*

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Н. Новгород	64,0	103,2	137,2	144,2	153,7	170,8	225,3
Рязань	114,4	154,6	159,5	175,2	203,5	204,2	221,8
Пенза	89,9	135,9	157,9	167,2	166,9	154,9	157,7
Саранск	64,2	74,6	109,7	112,1	126,2	115,5	87,1
Уфа	78,1	66,5	64,6	58,3	48,3	20,9	57,6
Ульяновск	14,9	27,5	32,0	30,1	27,7	45,4	17,5

* составлено по данным Госкомстата России, 2001 г.

Таким образом, в городе существует ряд транспортных проблем, которые требуют своего решения.

1. Для обеспечения нормальной перевозки пассажиров следует увеличить подвижной состав на линиях городского пассажирского транспорта, как автобусного, так и троллейбусного. Это должно привести к улучшению качества транспортного обслуживания, комфортности поездки. Главным условием повышения комфортности поездки в общественном транспорте может являться снижение наполняемости его подвижного состава до нормы (3 стоящих пассажира на 1 м² свободной площади пола в часы пик).

2. Необходимо увеличивать не только количественный состав подвижного транспорта, но и улучшать качественные характеристики дорожной сети.

3. Пассажирское движение обязательно должно осуществляться как автобусным, так и троллейбусным транспортом по каждому направлению на случай временного выхода из строя какого-либо из этих транспортных единиц. Жителям удобно, если по транспортной линии, которой они пользуются, проходят сразу несколько маршрутов, расходящихся в разных направлениях. Поэтому, необходимо урегулировать направления городских пассажирских маршрутов и соблюдать интервал движения транспорта. Маршруты должны устанавливаться с таким расчетом, чтобы обеспечить возможность беспересадочных поездок из каждого района в возможно большее число других районов. Важно чтобы маршрутная сеть была построена в соответствии с действительным направлением пассажиропотоков.

В обеспечении работы пассажирского транспорта велико значение улично-дорожной сети. Транспортная сеть г. Саранска довольно развита и имеет сложную разветвленную конфигурацию. Однако, несмотря на это, имеются районы, не охваченные ее линиями, что объясняется как относительной «молодостью» этих районов, так и отсутствием мест скопления людей, а также незначительной удаленностью действующих транспортных путей.

При сравнении маршрутов движения автобусов и троллейбусов, являющихся главными транспортными средствами города, можно отметить, что во многом они дублируют друг друга, но при этом есть дороги, охваченные только автобусным или только троллейбусным сообщением. При анализе схем автобусных и троллейбусных маршрутов, можно утверждать о том, что город

неравномерно обеспечен маршрутным сообщением. Среди всех жилых районов выделяется «Центр» как благополучный в этом отношении.

Результаты социо-географического исследования, проведенного в г. Саранске с целью выявления субъективного восприятия населением качества транспортного обслуживания показывают, что подавляющему большинству респондентов разных микрорайонов города нравится жить в данном месте. Более половины опрошенных не довольны работой пассажирского транспорта и оценивают ее удовлетворительно. Респонденты совершают свои поездки в основном, в больницы, на учебу, работу и рынки. Большая часть опрошенного населения предпочитает автобусный общественный (государственный) транспорт.

По данным исследования, подавляющее большинство респондентов во время поездки чувствуют себя не очень комфортно – это связано с не всегда удовлетворительной работой транспорта, большой наполняемостью транспортных средств, не соблюдением интервала движения. За последние 5 лет больше половины респондентов всех районов города отдыхали в пределах Мордовии, в других регионах отдыхало только 27 % и за границу выезжало лишь 3 % опрошенных горожан. Это говорит о малой транспортной подвижности населения нашего города.

Проведенное социологическое исследование подтвердило наши выводы о проблемах функционирования пассажирского транспорта г. Саранска и выявило «узкие» места в его работе. Данные оценки являются результирующими в системе показателей уровня развития пассажирского обслуживания и отражают отношение к нему со стороны главного потребителя услуг – населения.

ЧАСТЬ 3. ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТРАНСПОРТА

Клюев Н.Н., Яковенко Л.М. К ВОПРОСУ О ПРИРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННОМ РАЙОНИРОВАНИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ¹

1. Постановка проблемы.

Районирование – ключевое звено познания пространственных закономерностей. В наши дни, в связи с возрастанием антропогенного давления на природную среду и осознанием значимости среды в воспроизводственном процессе, все большее значение приобретают разные виды экологического (природно-хозяйственного, эколого-экономического и т.п.) районирования. Оно требует учета чрезвычайно большого числа факторов – антропогенной нагрузки на среду, ее чувствительности к техногенезу, уровня развития природоохранной инфраструктуры, размещения реципиентов воздействия – населения, материальных и культурных ценностей, экологически ценных природных объектов.

Советская школа экономического районирования традиционно считалась сильной. Однако прежняя концепция районирования разрабатывалась для существовавшей жестко централизованной плановой системы управления. То, что она не пригодна для современных условий, находит отражение даже в школьных (!) учебниках. Их авторы (как А.И.Алексеев и В.В.Николина, так и В.Я.Ром и В.П.Дронов) подвергают ревизии сеть крупных районов. Методически ущербным был сам принцип районирования сверху вниз. Между тем целесообразно разрабатывать иерархическую систему районирования по двум встречным направлениям: сверху вниз и снизу вверх, на основе итеративной корректировки получаемых сеток. Как теперь стало очевидным, определенным недостатком советской концепции районирования выступала его неинтегральность, выразившаяся в недостаточном учете социальных и экологических факторов районоформирования.

Остро ощущавший запросы практики, Ю.Г.Саушкин в 1980 г. выполнил пионерную разработку в области природно-хозяйственного районирования СССР. Она отражала прежде всего прямое воздействие природных ресурсов на формирование районного хозяйства и лишь косвенно касалась обратного влияния измененной природы на население и хозяйство. Исследование Ю.Г.Саушкина инициировало последующие разработки в области природно-ресурсного, эколого-экономического и экологического районирования (Бакланов и др., 1984; Разумовский, 1989; Космачев, Блануца, 1990; Приваловская, Рунова, 1994; Савельева, 1997; Кочуров и др., 2001; Короткий, 2001 и др.). В рамках данного исследовательского направления появилось и много региональных разработок.

Несколько параллельно развивались картирование и районирование (чаще зонирование) природоохранных проблем, экологических конфликтов и ситуаций, экологического риска и т.п. (Нефедова, 1984; Белоцерковский и др., 1993; Кочуров, 1997 и многие другие).

Очень важное значение для разработки проблемы имеет районирование устойчивости природной среды к антропогенному воздействию, «емкости» среды. На современном уровне знаний пока не решена задача определения интегральной «емкости», однако научный поиск в данном направлении ведется весьма интенсивно. Пожалуй, наиболее продвинуто выявление геохимических характеристик «емкости» среды (Глазовская, 1988).

Много плодотворных идей, подготовивших хорошую базу для разработки теории и практики природно-хозяйственного районирования, выдвинуто исследователями, занимающимися «отраслевым» природно-хозяйственным районированием – природно-сельскохозяйственным, агроэкологическим, природно-мелиоративным, инженерно-экологическим и др.

Несмотря на достигнутые успехи, до сих пор нет сколько-нибудь общепризнанной схемы природно-хозяйственного районирования нашей страны. Еще далека от решения задача поиска синтетического критерия для идентификации интегральных районов (очевидно, не сводимых к сумме районов отраслевых). До сих пор не востребованы в методологии районирования концепции ресурсных циклов И.В.Комара и территориальных сочетаний природных ресурсов А.А.Минца, использование которых представляется перспективным.

^{1.2.3.1} Исследование выполнено при поддержке РФФИ (грант № 02-06-80233).

В постсоветское десятилетие интерес к проблемам районирования (как традиционного, так и природно-хозяйственного) заметно снизился, в то время как потребность в нем заметно возросла – в силу существенной трансформации жизни общества и ее территориальных проявлений.

В современных условиях неразвитого капитализма в основе территориальной организации хозяйства – объективные (стихийные, хаотичные) процессы, т.е. районогенез протекает принципиально по-другому.

Многие из новых социально-экономических процессов отразились на экологическом облике нашей страны и ее регионов. Произошла поляризации российского пространства на островки относительного благополучия и депрессивную архаичную периферию, характеризующуюся деиндустриализацией, демодернизацией, деградацией. Наблюдаются сжатие освоенного пространства, экономическое опустынивание территории, существенная социально-экономическая и экологическая трансформация пригородных зон и т. д. (Клюев, 2001). Коренная ломка отечественной политэкономической «машины» отразилась и на территориальной организации общества. При этом за годы перестройки и реформ изменилась не столько «анатомия» хозяйственных комплексов, сколько их «физиология» - прежде всего социально-экономические связи. Это выразилось, в частности, в замене многих внутрирайонных связей международными и в натурализации районных хозяйственных комплексов.

Например, по данным Л.А.Безрукова (2003, с.63), доля экспорта в объеме промышленного производства Иркутской области возросла с 8% в 1990 г. до 64% в 2000 г. Если еще в 1993 г. 70% продукции области вывозилось на внутренний рынок и 30% - на внешний, то в 2000 г. доля экспорта возросла до 80%.

Яркой иллюстрацией трансформации территориально-производственных «цепочек», замены ближних межрегиональных связей международными является ситуация в российской сахарной промышленности. Если в советский период сырьевая зона Львовского сахарного завода (Курская обл.) ограничивалась двумя административными районами (Львовским и соседним Коньшевским), то в сезоне 2002-2003 гг. сахарную свеклу поставляли на завод 12 административным районам области. Однако из местного сырья на Львовском заводе ныне производится лишь 16% сахара, а 84% получают из импортного тростникового сырца, поставляемого из Кубы (26% всего импорта), Бразилии (24%), Гватемалы (22%), Никарагуа (16%), Сальвадора (12%). В целом по Курской обл. доля импортируемого (из Латинской Америки!) сырца в производстве сахара возросла с 17% в 1985-95 гг. (Воинова, 2002, с.92) до 54% в 2000 г. и даже 79% в 1999 г. (Сельское хозяйство..., 2001).

По наблюдениям А.И.Алексеева, переработка сельскохозяйственной продукции, ранее повсеместная, превратилась в очаговое явление в Центральной России (Современные проблемы..., 2001).

Угасание ближних межрегиональных связей иллюстрируется данными проведенными нами учета интенсивности движения автотранспорта на магистрали Москва-Крым близ г.Курска - таблица. За последние 25 лет транспортная нагрузка возросла почти в 2,5 раза. Более чем в 3 раза увеличилась доля легкового транспорта, причем абсолютное количество грузовых машин даже уменьшилось. В 2 раза увеличилась доля местного, курского транспорта, что свидетельствует об усилении хозяйственной замкнутости региона.

Таблица.

Характеристика автотранспортной нагрузки в 1977 г. и 2001 г. Магистраль Москва-Крым, 20 км к югу от г. Курска.

	1977 г. ¹	2001 г. ²
Средняя суточная интенсивность движения летом, автомобилей в сутки	3000	7000
Доля грузовых автомобилей, %	68	20
Доля местного транспорта, %	28	55

В связи с кардинальной трансформацией территориально-производственных структур представляется чрезвычайно своевременной разработка вопросов районирования новой, постсоветской России, развивающейся (деградирующей ?) в условиях глобализации.

¹ По данным: /Изучение и оценка влияния человека на природу. М., 1980/.

² По результатам полевых обследований.

2. Методологические вопросы природно-хозяйственного районирования.

Объектом природно-хозяйственного районирования выступает общероссийская территориальная система взаимодействия населения и хозяйства с природной средой.

По отношению к интегральному (природно-социально-хозяйственному) районированию (острая необходимость которого также не вызывает сомнений) природно-хозяйственное районирование выступает как «частное». При выделении и анализе природно-хозяйственных районов внимание прежде всего акцентируется на взаимосвязях между блоками «население», «хозяйство», «природа», осуществляющихся в процессе природопользования. Взаимосвязи и отношения в рамках каждого из этих блоков рассматриваются лишь тогда, когда эти связи и отношения приобретают то или иное природоохранное (или природоразрушающее) значение – актуальное или потенциальное. Экологический, природоохранный подход к интегральным природно-социально-хозяйственным геосистемам не исчерпывает, конечно, их географического изучения, но и не лежит не его периферии, а в настоящее время, возможно, является ключевым.

За постсоветский период в российском хозяйстве резко возросла роль отраслей, базирующихся на природных ресурсах, в особенности невозобновимых. Из-за кризисного состояния экономики увеличивается зависимость выживания России от экспорта природных ресурсов. В обстановке острейшего социально-экономического кризиса в нынешней России утрачивается контроль за ее экологическим будущим. До сих пор экологические вопросы рассматриваются как нечто внешнее по отношению к социально-экономической сфере («Сначала – экономика, бедной России не до экологии»). Между тем экологические проблемы – плоть от плоти региональной и национальной экономики. Пренебрегая экологическими требованиями, мы легко попадаем в порочный круг, хорошо знакомый странам, отставшим в развитии, когда леса вырубаются, чтобы выжить; а выжить, уничтожив среду обитания, нельзя.

Одной из причин, обусловивших неудачи российских реформ, является, на наш взгляд, экономический детерминизм, игнорирование социальных и экологических факторов, т.е. отсутствие географической концепции развития страны, признающей равноценность в территориальном развитии экономических, социальных и экологических факторов. Важным звеном такой концепции должна стать схема природно-хозяйственного районирования. Его прикладное значение заключается в том, чтобы создать научную основу для упорядочения (с экологических, природоохранных позиций) функций мест в ходе территориального развития страны.

Под природно-хозяйственным районом (ПХР) понимается генетически единая часть территории, отличающаяся типом хозяйственного освоения, степенью освоенности, структурой природопользования и сопутствующим комплексом экологических проблем, обусловленных как спецификой хозяйственной нагрузки, так и особенностями природы. ПХР характеризуется относительной однородностью эколого-экономических характеристик (в простых системах) или закономерной их разнородностью (в сложных системах, которые включают специфический набор пространственно сопряженных территориальных подсистем).

Как известно, общегеографический район обладает двумя имманентными признаками – спецификой и единством, целостностью (Алаев, 1983), которые в экономическом районировании отождествляются со специализацией и комплексностью. ПХР также отличается особого рода специализацией и своеобразной «комплексностью». Специализация ПХР обусловлена как типом (структурой) природопользования, определяющим характер и степень воздействия хозяйства на природу, так и экологическими функциями конкретной территории в биосфере.

Экологическая комплексность ПХР многогранна. Она определяется: 1) комплексом (не простым набором) экологических проблем (районным экологическим синдромом), обусловленных структурой природопользования; 2) природно-экологическими взаимосвязями подсистем; 3) транспортными взаимосвязями (посредством транспорта осуществляется перемещение вещества, сопоставимое по объемам с природными геохимическими потоками); 4) экологически значимыми взаимосвязями в рамках хозяйственного комплекса (например, по линии утилизации отходов, совместного использования природоохранной инфраструктуры).

Характеристика этих признаков системой показателей (в идеале – «необходимых и достаточных») представляет главную методическую проблему районирования.

Важнейшая задача природно-хозяйственного районирования – установление причинных связей экологических процессов с обуславливающими их факторами. Акцент на выявление специфики природно-хозяйственного комплекса района, а не на формальные показатели (например, степень "остроты экологических ситуаций") связан с ориентацией на познание генезиса экологических проблем, выявлением внутреннего потенциала района, в т.ч. потенциала решения проблем

природопользования. Антиподом генетического метода выступают сугубо формально-статистические подходы к районированию. Однако, на наш взгляд, процесс районирования лишь до определенной степени может быть формализован, а его неформальный остаток – это продукт интуиции исследователя, базирующийся на знании исследуемого региона – его физической, экономической и экологической географии.

При ориентации на формальные показатели экологического благополучия в регионе («острота проблем», степень «экологической напряженности» и т.п.) ведущим, а иногда и единственным инструментом региональной экологической политики выступает перераспределение средств из благополучных регионов в менее благополучные. «Генетический» подход к выявлению ПХР направлен на стимулирование их эндогенного потенциала, обеспечение наиболее полного использования ресурсов региона и их эколого-географической специфики. В орбиту региональной экологической политики втягиваются при этом помимо кризисных или проблемных все без исключения регионы. Разумеется, на практике речь идет не о противопоставлении, а о переплетении этих двух подходов.

Процесс районирования вообще, а природно-хозяйственного в особенности, не укладывается в прокрустово ложе априорно заданных рубежей – ландшафтных, бассейновых, административных. Вместе с тем принципиально не верно игнорировать при проведении природно-хозяйственных рубежей административные границы. Дело не только в том, что управление природопользованием требует соответствующих организационных структур. Административные границы, даже проведенные волонтаристски, раз возникнув, сами становятся важным фактором районоформирования.

Вследствие несовпадения природных и экономических территориальных систем нет универсального ведущего фактора районирования. Набор районообразующих факторов дифференцируется не только по вертикали (на каждом таксономическом уровне), но и по горизонтали – в пределах одного уровня иерархии. Так, на одном и том же пространственном уровне в слабо освоенных районах границы ПХР могут ориентироваться на природные рубежи, а в староосвоенной зоне, где хозяйственная деятельность зачастую буквально стирает даже границы природных зон, членение территории может осуществляться по зонам разной нарушенности природных комплексов.

Перспективная тональность районирования, характерная для отечественной географической школы, требует принимать во внимание два взаимоисключающих принципа: углубление специализации и усиление комплексности. Как и в экономическом районообразовании, важнейшим фактором формирования природно-хозяйственных районов выступает территориальное разделение труда. Отрасли специализации вместе с комплексными с ними отраслями хозяйства определяют в основном масштабы и характер антропогенного давления на природную среду. С другой стороны, территориальное разделение труда, перераспределяя в пространстве нагрузки на среду (закрепляя социально-экономические функции в соответствии с природно-хозяйственными, экологическими условиями регионов), выступает (точнее, может и должно выступать) мощным средством ее охраны. В России, с ее огромной территорией и территориальными контрастами, эти возможности особенно велики. Что касается усиления комплексности в природно-хозяйственной сфере, то здесь речь идет о достижении относительной экологической самодостаточности (или – что лучше – «самоизбыточности») района – способности его природных (и хозяйственных) систем перерабатывать производимые в нем отходы, компенсировать другие негативные экологические следствия. В связи с этим актуальны оценки степени замкнутости круговоротов веществ, связанных с тем или иным типом природопользования, в пределах ПХР.

В настоящее время одним из факторов районирования (здесь: районоформирования) выступает экологический фактор, под которым понимается совокупность экологически важных свойств и ресурсов района: ёмкости территории, устойчивости природных комплексов к антропогенным воздействиям, существующей антропогенной нагрузки, сложившейся природоохранной инфраструктуры. Неучет экологической компоненты территориального разделения труда во многом определил нынешнюю остроту природоохранных проблем. Прямое действие экологического фактора проявляется в ограничении возможностей эффективного развития тех или иных отраслей хозяйства в тех или иных районах (исходя из природоохранных требований). В то же время экологический фактор стимулирует развитие рекреации, туризма, охраняемых территорий, отходопотребляющих отраслей, рекультивационной деятельности, природоохранной инфраструктуры. Правда, в условиях раннекапиталистической России, существенного ослабления контроля экологические требования отодвигаются на задний план. Поэтому, например, разработку накопленных в отвалах массовых

производственных отходов в некоторых уральских регионах стимулирует рост транспортных расходов, а не требования охраны среды.

На высшем пространственном иерархическом уровне – глобальном – взаимодействуют географическая оболочка и мировое хозяйство. Хотя экологические процессы не замыкаются в рамках национальных границ, на современном этапе при глобальном природно-хозяйственном районировании одним из обязательных таксонов являются страны. В связи с этим необходимо выявить отличительные особенности природно-хозяйственной системы "Россия" в глобальном контексте. Ее экологический синдром – это крупнейший биосферный потенциал, относительно невысокий уровень реального антропогенного давления на природу, сочетающийся с высокой концентрацией на российской территории объектов потенциального экологического риска. В результате Россия отличается сочетанием проблем, характерных и для развитых, и для отсталых стран. Эти характерные черты экологического облика страны обострились за годы перестройки и реформ. Однако межстрановые сопоставления по широкому кругу параметров показывают, что Россия все еще остается ведущей экологической державой (при том, что наблюдается устойчивая экологическая деградация ее хозяйственного комплекса) (Клюев, 2002).

Процесс природно-хозяйственного районирования регламентируется рядом **правил – принципов**.

Принцип целевой ориентации. Основная цель районирования – познание свойств природно-хозяйственных районов как особых объектов географической реальности. Очевидно прикладное значение природно-хозяйственного районирования – его направленность на прогноз регионального развития и территориальное управление природопользованием. Но все же познавательные цели районирования не столько важнее, сколько "первичнее" (чтобы управлять, надо знать).

Принцип системности диктует необходимость рассматривать природно-хозяйственный район (и отдельные его подрайоны), с одной стороны, как относительную целостность, состоящую из множества функциональных и территориальных звеньев, а с другой – как составную часть суперсистемы. Поэтому, в частности, район (и отдельные его подсистемы) следует анализировать совместно с его окружением, учитывать зависимость состояния данного района от состояния его ближних и даже дальних соседей.

Принцип иерархичности обязывает выделять ряд взаимосвязанных иерархических уровней.

Принцип комбинирования подходов к районированию – дедуктивного (выделение районов сверху вниз) и индуктивного (снизу вверх), на основе итеративной корректировки получаемых сеток.

Принцип комплексности предполагает учет всего реального многообразия свойств, определяющих природно-хозяйственную специфику района. Комплексность не тождественна всеохватности. Поэтому нужно сочетать этот принцип с **принципом избирательности**. Во-первых, следует определить рубежи, в рамках которых тот или иной показатель становится социально и экологически значимым, а следовательно, подлежащим учету в районировании. Во-вторых, главное внимание необходимо уделять ключевым показателям, которые могут быть разными в различных природных и экономических условиях и в районах разного территориального "ранга". В-третьих, целесообразно стремиться выявить взаимосвязанную совокупность показателей для адекватного описания районной специфики – тех показателей, без которых нельзя обойтись, и тех, которыми можно ограничиться, учитывая лимит средств, а также возможность воспринимать тот или иной объем информации.

Принцип условности границ – они не реальные линии, определяющие объективные районы, а лишь приблизительно характеризуют зоны перехода от одного ПХР к другому (Савельева, 1997). Этот принцип вытекает из неизбежности элемента субъективизма в районировании и исторической ограниченности средств познания.

Принцип итеративности (последовательного уточнения посредством многочисленных приближений) – от частных, покомпонентных показателей членения территории к показателям общим, комплексным и наоборот.

Принцип перманентной корректировки системы показателей районирования – регулярного уточнения и переоценки сетки членения по мере накопления новой информации и появления новых средств и методов территориального анализа, а также в связи с изменениями территориальной организации общества.

Принцип систематизации, указывающий на необходимость упорядочения представлений о районах, что предполагает инвентаризацию их свойств, разностороннюю их характеристику, классификацию по различным основаниям.

Принцип сочетания комплексных (синтетических, интегральных) показателей с показателями частными, компонентными. Комплексные показатели уступают частным в детальности, зато выигрывают в смысле целостного представления о районах. Однако, столь же справедливо, что без частных показателей комплексные показатели не выведешь.

Принцип верификации (контроля) предполагает проверку корректности, адекватности районирования, например, на основе использования разных методов выявления территориальной мозаики (взаимодополняющих и даже взаимоисключающих друг друга), а также посредством использования разнокачественных показателей.

3. Оценка уровня связности и структурной однородности областей Центрального Черноземья.

Важнейшими показателями территориальных единиц при определении их принадлежности к тому или иному ПХР являются связность (показатель комплексности) и сходство (показатель однородности). Проведена оценка экологических взаимосвязей областей ЦЧР и сопредельных регионов – рис.1. Черноземный район, значительная часть которого расположена на главном водоразделе Русской равнины (Днепра, Дона и Оки), хорошо защищен от импорта водных загрязнений с поверхностным стоком, а сам является крупным их экспортером. «Металлургическая» Липецкая область сама подвергается сильным атмосферным загрязнениям со стороны соседей из Центра. Межобластные гидро- и атмосферно-экологические взаимовлияния в рамках Черноземного района характеризуются слабой интенсивностью.

На рис. 1 и 2 отражена также транспортная сопряженность регионов, которая имеет и экологическое звучание (распространение по транспортным магистралям экологической опасности, не говоря уже о роли транспорта в миграции вещества). Выделяется относительно высокая транспортная связность Белгородской обл. с Украиной, а также Тамбовской обл. с Пензенской и Курской – с Украиной. Из сопредельных областей теснее всего связана с Черноземьем Орловская обл., малой сопряженностью отличаются Брянская, Саратовская и особенно Ростовская обл. Интересно, что 3/4 трансграничных транспортных магистралей Ростовской обл. связывает ее с «чужими» экономическими районами и Украиной. Среди Черноземных областей со «своим» районом теснее всего связана Воронежская обл., наиболее слабо – Тамбовская. Это, впрочем, легко объясняется географическим положением областей и размерами их территорий.

Для проверки обоснованности вхождения областей в состав того или иного экономического района предложен показатель схождения (идентичности) природно-хозяйственных структур соседствующих территориальных единиц. Степень схождения k -ой области по показателю a с i -ым и j -ым районами предлагается определять по формуле:

$$Skia = (|1 - aj/ak| - |1 - ai/ak|) * 100\%, \text{ где}$$

$Skia$ – степень схождения k -ой области с i -ым районом по показателю a ;

ai - показатель i -го района;

aj – показатель j -го района;

ak - показатель k -ой области.

Предложен комплекс показателей, характеризующих специфику природно-хозяйственных территориальных структур, которые условно объединяются в четыре группы:

1) природные – лесистость территории; продуктивность фитомассы естественных ландшафтов; обеспеченность речным стоком;

2) освоенность территории – уровень урбанизации; плотность сельского населения; валовый продукт на единицу территории;

3) структурные особенности хозяйства – соотношение продукции промышленности и сельского хозяйства; соотношение продукции растениеводства и животноводства; доля экологически агрессивных отраслей в продукции промышленности;

4) экологические – удельные выбросы в атмосферу на единицу площади населенных пунктов; отношение сброса сточных вод и речного стока; соотношение экологически «полезных» и «вредных» земель.

Сходство сопредельных областей с ЦЧР по ряду параметров отражена на рис.3. По всем отраженным на рисунке параметрам Орловская обл. больше тяготеет к ЦЧР, а не к «своему» Центральному району. Тульская и Брянская обл. также больше похожи на Центрально-Черноземный, а не Центральный район. Рязанская обл. в одних чертах сходна с Черноземными областями, в других

– со «своим» районом. В то же время природно-хозяйственные структуры Волгоградской, Саратовской и Ростовской обл. имеют больше сходных черт со «своими» районами, чем с ЦЧР. Проанализировано также сходство областей ЦЧР со «своим» и сопредельными экономическими районами (рис.4). Установлено, что по большинству исследованных параметров природно-хозяйственные характеристики Черноземных областей гораздо ближе к «своему» ЦЧР, чем к смежным районам.

4. Заключение.

Постсоветская Россия – чрезвычайно интересный объект географических исследований в силу высокой изменчивости и исключительного своеобразия протекающих здесь эколого-экономических процессов. Складывающиеся в младокапиталистической России новые эколого-хозяйственные условия определяют новые приоритетные объекты исследования, новые аспекты их анализа, новые подходы к природно-хозяйственному районированию.

Разработка темы продолжает традиции отечественной школы районирования, имеющей высокий авторитет в мировой науке и отличающейся от большинства зарубежных исследований постоянным поиском фундаментальных, «объективных» региональных структур. Разрабатываемый подход заключается в сведении разных типов районирования в единую систему. Тем самым достигается целостный анализ региональных проблем, особый фокус их восприятия. В противовес традиционному формально-статистическому подходу предлагается т.н. «генетический» принцип районирования, нацеленный на выявление причинных связей экологических проблем с обуславливающими их факторами. Такой подход расширяет арсенал средств региональной экологической политики.

Предложены новые показатели, позволяющие идентифицировать ПХР – коэффициенты поэлементного и интегрального сходства территориальных структур, индексы их транспортной и экологической сопряженности. Их использование обогащает методологию моделирования территориального разделения и интеграции труда.

Литература

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь.-М.:Мысль,1983.-290 с
2. Бакланов П.Я., Поярков Б.В., Карякин В.Г. Природно-хозяйственное районирование территории // География и природные ресурсы, 1984, №1, с.7-15.
3. Безруков Л.А. Дезинтеграционные процессы и экономико-географическое макроразделение России // Международ. конф. «Взаимодействие общества и окружающей среды в условиях глобальных и региональных изменений». Тез. докл. Барнаул, 2003, с.63-64.
4. Белоцерковский М.Ю. и др. Районирование России по степени экологической напряженности //Вестн. МГУ. География. -1993, №6. – С.22-31.
5. Воинова Н.Е. Свеклосахарное производство Курской области: территориальная организация и эффективность развития. – Курск, 2002. – 142 с.
6. Глазовская М.А. Геохимия природных и техногенных ландшафтов СССР. - М.: Высш. шк., 1988. - 328 с.
7. Изучение и оценка влияния человека на природу. М.: ИГ АН СССР, 1980.
8. Ключев Н.Н. Экологические итоги реформирования России //Вестник РАН. – Т.71, №3, 2001, с.233-239.Ключев Н.Н. Россия на экологической карте мира // Вестник РАН. – Т.72, №8, 2002, с.698-705.
9. Корытный Л.М. Бассейновая концепция в природопользовании. – Иркутск, 2001. – 163 с.
10. Космачёв К.П., Блануца В.И. Районирование окружающей среды //Эколого-географическое картографирование и районирование Сибири. – Новосибирск, 1990, с. 38-57.
11. Кочуров Б.И. География экологических ситуаций. – М., 1997.
12. Кочуров Б.И. и др. Комплексное районирование территории России по экологической и социально-экономической ситуации // Проблемы региональной экологии. – 2001, №5, с.27-35.
13. Нефедова Т.Г. Проблемы природопользования: методические подходы к изучению и картографированию // Изв. РАН. Сер. геогр. -1990, №4, с.71-85.
14. Приваловская Г.А., Рунова Т.Г. Региональный подход к решению экологических проблем // Изв. РАН. Сер. геогр. - 1994, №5, с.79-87.
15. Разумовский В.М. Эколого-экономическое районирование (теоретические аспекты). – Л.:Наука, 1989. - 155 с.
16. Савельева И.Л. Природно-хозяйственное районирование России //География и природные ресурсы, 1997, №4, с.24-38.
17. Саушкин Ю.Г. Природно-хозяйственные районы Советского Союза // Вестн. МГУ. География. -1980, №4.
18. Сельское хозяйство Курской области. Стат. сб. – Курск, 2001. – 205 с.
19. Современные проблемы географии и природопользования. Вып.8. – Барнаул, 2001.

ПРИРОДНЫЙ (ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ) БЮДЖЕТ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ПРИРОДООХРАННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В организации природоохранного управления в последние годы все большую роль начинает играть ориентация на принципы устойчивого развития. Приходит осознание необходимости повышения эффективности использования природного капитала территорий (земля, вода, леса, чистый воздух и т.д.).

Между тем, специалисты органов территориального управления во многих регионах России еще недостаточно внимания уделяют этим вопросам, не в полной мере учитывают угрозы истощения (сокращение количества и ухудшение качества) природных ресурсов и экосистемных услуг. Это приводит к неконтролируемой деградации природного капитала, препятствует социально-экономическому развитию и снижает инвестиционную привлекательность территорий. Так, загрязнение водного и воздушного бассейнов, земель, вырубка лесов и городских зеленых насаждений, другие негативные явления приводят к удорожанию коммунальных услуг и медицинского обслуживания, неуклонно повышают социальные выплаты и тем самым налагают дополнительные затраты на финансовый бюджет, бизнес и промышленность. Как следствие, увеличивается себестоимость выпускаемой продукции. Неэффективное использование и истощение природных ресурсов в условиях рыночных экономик (при невнимании к этому вопросу) приводит к росту цен на ресурсы нужного качества для производства товаров и услуг, к увеличению эксплуатационных расходов. Возрастают экологические риски. Все это снижает конкурентоспособность территории в привлечении инвестиций.

Сложившаяся ситуация предъявляет новые требования к системе природоресурсного управления, диктует необходимость смещения акцентов в управленческой деятельности от контрольно-административных механизмов к инновационным, которые учитывают особенности конкретных территорий: природные, культурные, социально-экономические, политические. Одним из таких инновационных механизмов выступает природный (экологический) бюджета, широко распространяемый в странах Евросоюза. Первый опыт включения природного (экологического) бюджета в практику управленческой деятельности был получен в 1999 г. в Германии, городах Дрезден, Гейдельберг, Бьелефельд и муниципальном округе Нортхаузен. В настоящее время природный бюджета широко применяется не только в Германии, но в городах других стран Европы — Великобритании, Италии, Греции и Швеции. В последние годы его значение в системе территориального управления (рисунок 1) постоянно возрастает, прежде всего, как инструмента политического управления, нацеленного на достижение согласия по целям и приоритетам экополитики в составе общей стратегии развития территории.

Исследования, выполненные в Российской Федерации по применению природного (экологического) бюджета в практике природоресурсного муниципального управления¹ показали его высокую актуальность. Это связано, прежде всего, с тем, что данный механизм формализует приоритетные проблемы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов на территории и внедряет в систему принятия управленческих решений дополнительные стимулы по их решению.

Основная идея природного бюджета состоит в том, что, по аналогии с финансовым бюджетом, в результате взаимодействия органов исполнительной и законодательной власти, планируются доходы и расходы территории в природоресурсной сфере. При этом используются физические и денежные показатели, характеризующие уровень допустимого потребления природного капитала (в аспекте негативного воздействия на окружающую среду и изъятия природных ресурсов) в соответствии с принципами устойчивого развития территории. Природный бюджет позволяет выявлять и оценивать баланс между потреблением природных ресурсов в результате социально-экономического развития и доходами от такого потребления. Стандартная демократическая процедура принятия и осуществления природного бюджета позволяет консолидировать усилия в природоресурсной сфере законодательной (представительной) и исполнительной ветвей власти, общественности. Счета экологического бюджета становятся предметом общественно-политического обсуждения и таким образом включаются в выбор приоритетов развития и напрямую влияют на инновационную политику на территории.

¹ Работы выполнялись в г. Междуреченске Кемеровской области и Первомайском муниципальном округе Ярославской области в рамках НИР НИП «Кадастр» МПР в 2001-2003гг.

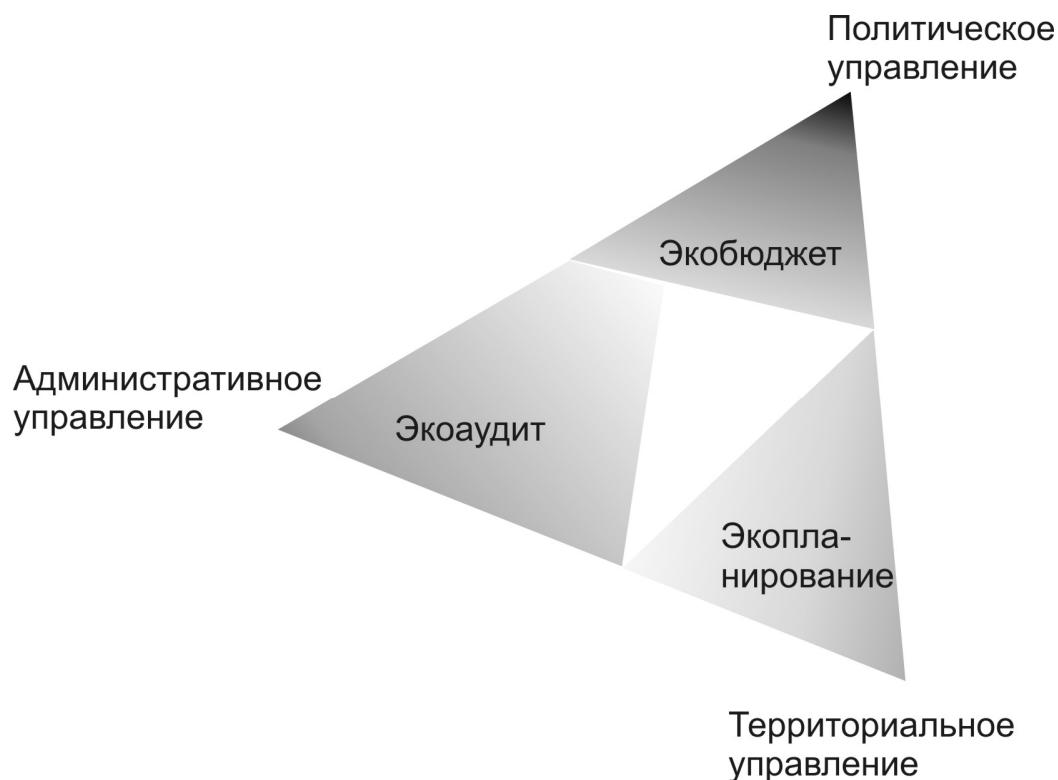

Рисунок 1 — Механизм природного (экологического) бюджета в системе управления территорией

Цикл природного бюджета включает в себя ряд последовательных процедур: составление проекта природного (экологического) бюджета, рассмотрение и утверждение природного бюджета, исполнение природного бюджета, отчетность об исполнении природного бюджета, которые можно представить в виде блок-схемы (рисунок 2).

Основное содержание природного (экологического) бюджета составляют показатели. Они соответствуют принципам устойчивого развития и отражают географические особенности территории. Показатели природного бюджета являются индикаторами напряженности существующих на территории проблем в сфере рационального природопользования и охраны окружающей среды и выступают важнейшим средством контроля в достижении приоритетных целей природопользования. В частности, в городе Междуреченске Кемеровской области, на территории которого расположены предприятия с угледобычей открытым способом, среди приоритетных проблем обозначено недостаточное восстановление нарушенных земель. Поэтому в состав природного бюджета и включен показатель «соотношение площадей рекультивированных и нарушенных земель, %».

Именно такие показатели предоставляют специалистам законодательной и исполнительной власти, общественным организациям информацию для принятия совместных решений по снижению напряженности имеющихся проблем. В результате их применения территориальная политика становится более прозрачной, повышается доступность сведений о текущей ситуации и тенденциях развития, укрепляется связь власти с населением, демонстрируются результаты взаимодействия различных групп интересов, что в целом позволяет дать оценку действующим и намечаемым проектам.

Рисунок 2 — Процедуры природного (экологического) бюджета

Важность бюджета для природоохранного управления в России определяется ресурсным характером экономики, большим количеством «грязных» производств, что влечет угрозу локальной истощимости природных ресурсов и ухудшения состояния окружающей среды. Следовательно, проблемы своевременного выявления угрозы истощимости, контроля за потреблением природного капитала территорий крайне актуальны. Требуется и повышение общественно-политического внимания к этим вопросам. Именно механизм природного (экологического) бюджета позволяет оценивать характер различных видов природопользования, а также выявлять и конкретизировать направления повышения экономических и социальных выгод от использования природных активов (капитала) территории.

Также механизм природного бюджета позволяет существенно повысить эффективность деятельности законодательной власти в сфере природопользования и охраны окружающей среды, шире вовлекать депутатов в принятие решений по использованию природного капитала территории. Процедура природного (экологического) бюджета, предусматривающая вынесение показателей использования природного капитала (активов) территории на обсуждение законодательного органа, а также утверждение этих показателей в виде нормативных документов, создает условия для комплексного рассмотрения и решения проблем в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, для активизации разработки и внедрения в управление экономических механизмов решения природоресурсных проблем.

Крайне важно и то, что экологический бюджет является механизмом формирования гражданского общества, слабость которого в России составляет одну из основных проблем современного системного кризиса развития. Решение этой проблемы особенно актуально в настоящее время, когда в условиях значительного неравенства различные социальные группы имеют разный доступ к ресурсам развития (включая природные активы): экологические ущербы в наибольшей степени испытывают малоимущие, социально незащищенные слои населения. В этом направлении механизм природного (экологического) бюджета предоставляет каждому жителю возможность участвовать в принятии решений по использованию природного капитала территории через избранные органы законодательной власти.

Таким образом, природный (экологический) бюджет является механизмом институционализации показателей устойчивого развития территории, применение которого позволяет повысить эффективность комплексного природоресурсного управления, создает условия

для привлечения инвестиций в сектор рационального природопользования и охраны окружающей среды и повышает устойчивость развития территорий.

Литература:

1. Бобылев С.Н. Анализ подходов к определению индикаторов устойчивого развития (включая эффективное использование природного капитала), сложившихся в международной и отечественной практике (национальный и региональные аспекты). 2002.
2. Диксон Дж., Бэкес Ж., Гамильтон К., Кант А., Латц Э., Педжиола С., Хи Ж. Новый взгляд на богатство народов. Индикаторы экологически устойчивого развития / Перевод с англ. В.Н. Сидоренко, Т.А. Глушко. М.: Институт социально-экономических и производственно экологических проблем инвестирования, 2000. С. 11.
3. Инновационные механизмы в природопользовании: городской природный (экологический) бюджет. Доклад. / Г.А. Фоменко и др. Ярославль: НПП «Кадастр», 2002. 76 с.
4. Обоснование целесообразности разработки природного бюджета города Ярославля. Ярославль: НПП «Кадастр». 2001. 89 с.
5. Приваловская Г.А. Ресурсопользование в современном экономическом пространстве России / Инновации в рациональное природопользование и охрану окружающей среды. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ярославль: НПП «Кадастр», 2003. С. 30–34.
6. Разработка показателей устойчивого эколого-социально-экономического развития г. Ярославля. Ярославль: НПП «Кадастр», 2000. 142 с.
7. Рекомендации по применению механизма бюджетного регулирования (экологический бюджет) как важнейшего инструмента нормативного правового обеспечения государственного управления рациональным природопользованием и охраной окружающей среды на разных уровнях территориальной организации (первая редакция). / Ярославль: НПП «Кадастр», 2001. 193 с.
8. Разработка нормативного правового обеспечения государственного управления в сфере рационального природопользования и охраны окружающей среды на основе механизма экологического бюджета (книги 1 и 2) / Ярославль: НПП «Кадастр», 2002, 167 с.

Тарасов П.С.

ГАЗ РОССИИ И ОАО "ГАЗПРОМ": ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, ГЕОГРАФИЯ

Россия остается первой газовой державой мира, несмотря на то, что в последние годы добыча природного газа в стране постепенно сокращалась. При словах «российский газ» сразу возникает ассоциация с Газпромом – уникальной по масштабам и значению российской компанией, которую часто называют газовой империей. Правда, далеко не все знают, что прямое влияние этой империи, хотя она контролирует львиную долю добычи и поставок газа, простирается лишь на западную половину России (считая по площади). И все же, когда четверо из пяти россиян и едва ли не каждый третий европеец включают у себя дома газ, то это именно газпромовское голубое топливо. Оно еще служит источником энергии и тепла, сырьем для химических и других товаров.

Понятно, что от состояния газовой отрасли, от устройства самого Газпрома и его политики так или иначе зависят множество городов и регионов. Одна из самых сложных проблем в этом контексте – цены на газ. В течение последнего десятилетия XX века они существенно различались в разных странах, получавших его от Газпрома, и для разных категорий потребителей в России. Это не уникальная особенность Газпрома, примерно так же обстояло дело в электроэнергетике, на железнодорожном транспорте.

Параллельно с ними в газовой отрасли разрабатывают и уже отчасти реализуют планы поэтапного изменения ценовой политики, ее рыночного реформирования. Однако тут сталкиваются разные интересы, мнения, а социально-экономические и политические последствия таких реформ не вполне ясны. Краткий обзор на эти темы полезен как информация к размышлению о судьбе нашей газовой отрасли и всей экономики.

1. Структура добычи и сбыта газа и роль Газпрома

История современного холдинга ОАО «Газпром» (далее – Газпром) началась в 1989 году, когда на базе Министерства газовой промышленности СССР был образован Государственный концерн «Газпром», прямой наследник мощного ведомства. Концерн монополизировал 95% добычи природного газа, 100% серы, а также управление сетью трубопроводов, по которым осуществляется экспорт газа из всех республик СНГ. Акционирование газовой отрасли началось в 1992 году, когда по Указу Президента РФ было создано Российское (СССР уже распался) акционерное общество «Газпром». Необходимым условием приватизации газовой отрасли, в отличие, кстати, от нефтяной, было сохранение доли государства в размере 40 % от уставного капитала. В 1998 году, по итогам

собрания акционеров, РАО Газпром было переименовано в ОАО Газпром. В настоящий момент уставной капитал Общества распределен следующим образом: 38,37% акций принадлежат Российской Федерации; 46,57% – юридическим лицам, в том числе 11,5% – иностранным; 15,06% – физическим лицам.¹

Газпром сейчас – крупнейший российский промышленный холдинг, являющийся 100-процентным учредителем более 50 дочерних обществ, а также участвующий в уставном капитале почти 100 российских и зарубежных компаний. В «Газпроме» и его дочерних обществах работает около 300 тыс. чел. Основные направления деятельности компании – геологоразведка, добыча, транспортировка, переработка и реализация газа. Выручка компании в 2002 году составила около 20 млрд. долл., чистая прибыль – 1,7 млрд. долл. Газпром обеспечивает около 8% ВВП России, 20% налоговых поступлений в бюджет, поставляет газ для выработки около 50% электроэнергии России. Четверть европейского рынка газа контролируется компанией Газпром.²

В 2002 году Газпром добыл 521,9 млрд. м³. газа, что составило 87,5 % всего добываемого в России газа и около 1/5 его мировой добычи. Основные газодобывающие мощности Газпрома, как известно, находятся в Ямало-Ненецком АО, доля которого выше 90% в добыче Газпрома и составляет около 80 % газа России. Добычу в этом регионе осуществляют следующие дочерние предприятия:

"Ямбурггаздобыча" – самое крупное газодобывающее предприятие в системе Газпрома, обеспечивающее более 35 % российского газа. Основные месторождения: Ямбургское, Заполярное и Тазовское, суммарные начальные запасы которых составляют более 10 трлн. м³. С освоением самого молодого Заполярного месторождения (первый газ на нем добыт в 2001 году) связывают основные перспективы увеличения газодобычи на предприятии. Планируется, что к 2004 году месторождение будет выведено на проектную мощность – 100 млрд. м³. в год.

"Уренгойгазпром" – второе предприятие по объему годовой отгрузки. Основное месторождение предприятия - Уренгойское, открытое в 1966 году, в настоящий момент находится в состоянии падающей добычи. Предприятие является лидером по совокупному объему добычи (За 25 лет извлечено более 5 трлн. кубометров – более половины всего извлеченного газа на Ямале). В 2002 году обществом добыто около 160 млрд. м³. газа.

"Надымгазпром" по объему добычи занимает третье место, давая около 70 млрд. м³. в год. Главные месторождения – Медвежье (наиболее старое, с падающим объемом добычи), Юбилейное и Ямсовейское, находятся в Пуровском районе. Подготавливаются к обустройству Бованенковское, Харасавейское и Новопортовское месторождения, расположенные в западной части полуострова Ямал.

"Ноябрьскгаздобыча" эксплуатирует Вынгапуровское, Комсомольское, Западно-Таркосалинское, Губкинское месторождения. Себестоимость добычи там минимальная, что объясняется состоянием недр, сроками эксплуатации месторождений (большинство из них разрабатываются менее 10 лет) и их сравнительно удачным географическим положением. В связи с этим, помимо добычи газа для Газпрома, предприятие в большом объеме оказывает услуги независимым организациям. В 2002 году им было добыто 65,5 млрд. м³. газа, из них 17 млрд. – для независимых организаций.

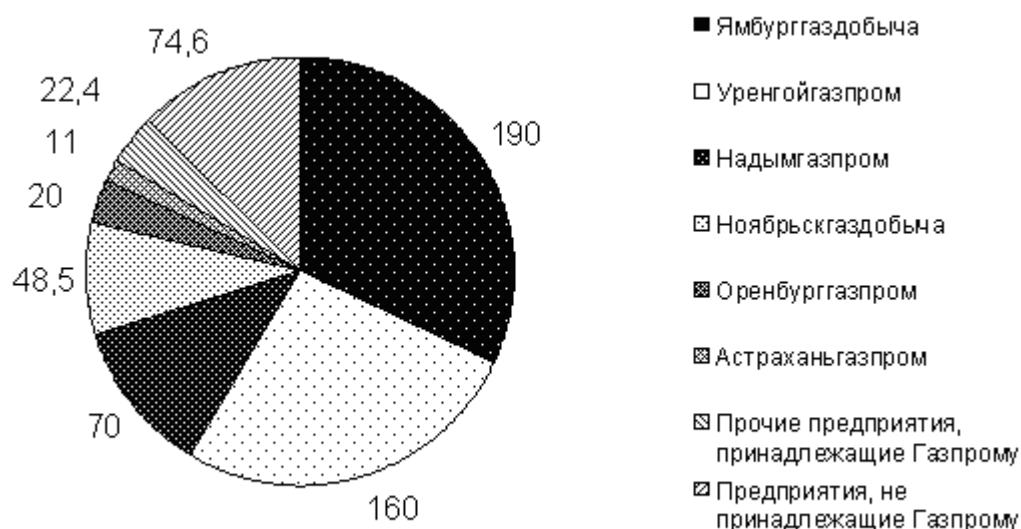
Среди прочих газодобывающих предприятий Газпрома следует выделить "Оренбурггазпром" (20 млрд. м³. газа в год) и "Астраханьгазпром" (11 млрд. м³.). Месторождения, которые эксплуатируют эти южные предприятия – а их, конечно, можно назвать таковыми по сравнению с расположенными в Ямало-Ненецком округе, уже достаточно старые, добыча газа на них ежегодно снижается. Основным профилем предприятий в настоящий момент является переработка газа.

Структура добычи газа в России по основным предприятиям представлена на рис.1. Как видим, около 59% этой добычи обеспечивают две крупнейшие "дочки" Газпрома, базирующиеся в районе Уренгоя. Не случайно Ямало-Ненецкий округ, где живет только 0,35% населения страны, дает более 2% ВВП и получает 6-7% инвестиций. За последний межпереписной период вместе с Ханты-Мансийским округом он показал рост населения, в том числе городского (на 12%), что так нетипично для Севера России.

¹ Данные ОАО «Газпром» (www.gazprom.ru)

² Данные ОАО «Газпром» (www.gazprom.ru)

Рис. 1. Добыча газа в России по основным предприятиям в 2002 г., млрд. м³.

Добытый газ поступает в сеть трубопроводов, образующих Единую систему газоснабжения (ЕСГ). Сложная сеть ЕСГ обеспечивает транспортировку газа по России и его экспорт в страны ближнего и дальнего зарубежья. ЕСГ обслуживает 67 субъектов Российской Федерации – всю западную половину России. Эксплуатируют трубопроводы ЕСГ 17 газотранспортных дочерних обществ Газпрома, наиболее крупными из которых по объему товаро-транспортной работы являются "Тюментрансгаз", принимающее газ всех добычных предприятий Ямала, "Севергазпром", "Сургутгазпром", "Пермтрансгаз", "Волготрансгаз" и "Мострансгаз".

Восточную половину территории страны, то есть регионы, лежащие к востоку от Енисея и Алтая, газом обеспечивают замкнутые, не связанные между собой транспортные системы независимых газодобывающих предприятий, таких как "Норильскгазпром", "Якутгазпром", "Сахалинморнефтегаз", "Камчатгазпром" и др. Впрочем, в стратегические планы Газпрома входит освоение газовых ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока, создания системы газоснабжения восточных регионов России и обеспечения единого экспортного канала с выходом на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

В 2002 году по Единой системе газоснабжения Газпром поставил 283,5 млрд. м³. газа потребителям России, 42,3 млрд. м³. – странам СНГ и Балтии, 128,6 млрд м³. – странам дальнего зарубежья, Западной и Восточной Европы (рис. 2, 3). Главными импортерами российского газа остаются Германия, Украина и Италия. За последние годы заметно выросла доля Турции, опередившей Францию и все страны бывшего СЭВа, некоторые из которых пытались сознательно уменьшить долю российского газа на своем рынке. Так, например, Чехия с середины 90-х годов сократила его импорт почти вдвое. Доля ближнего зарубежья, в свое время близкая к 1/2, тоже сократилась до 1/4. Для увеличения экспорта газа в Турцию в 2002 г. был введен в эксплуатацию уникальный по технологическим решениям и многомиллиардный по затратам на строительство газопровод "Голубой поток", часть которого проходит по дну Черного моря. Планировалось, что газопровод к 2010 г будет обеспечивать экспорт российского газа в Турцию в размере 30 млрд. м³. в год, однако уже после завершения строительства Турция выступила с заявлениями о необходимости пересмотра условий контракта в сторону отказа от импорта столь больших объемов российского топлива. В случае одностороннего невыполнения Турцией условий контракта Газпром потребовал передачи турецкой газовой инфраструктуры в свою собственность. Данный вопрос имеет яркую политическую окраску и окончательно не решен до настоящего времени.

Рис. 2. Экспорт российского газа в дальнее зарубежье по странам в 2002 г.,¹ млрд. м³.

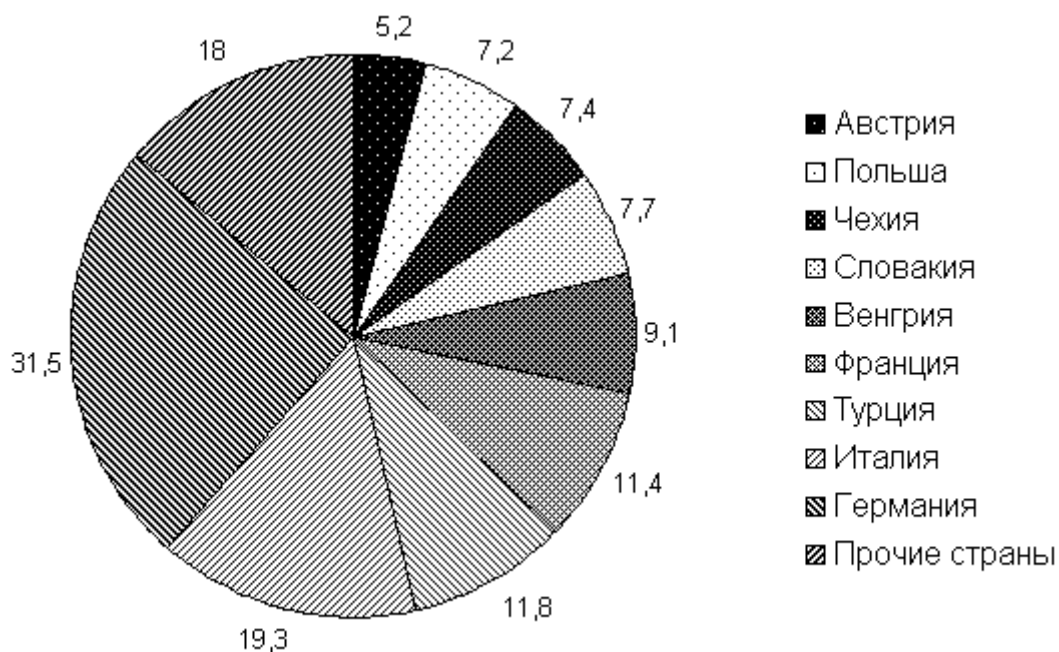
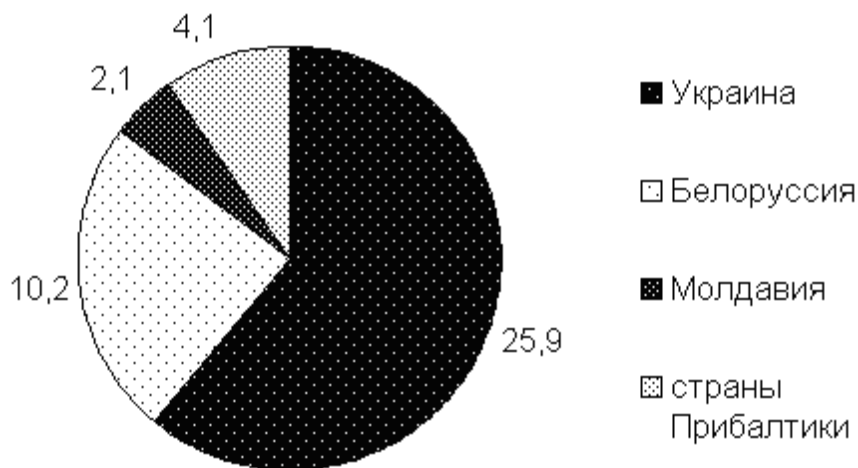

Рис. 3. Экспорт российского газа в ближнее зарубежье по странам в 2002 г.,² млрд. м³.

2. Проблема газовых цен на внешнем и внутреннем рынках

При реализации газа наблюдается существенный дисбаланс между внутренними и экспортными ценами на голубое топливо и его ценами для разных импортеров. Основную прибыль Газпром получает от экспортных контрактов. В Европу газ поставляется по средней цене 100-110 долл. за 1000 куб. м. Цена зависит от дальности транспортировки, от мирового уровня цен и от ряда геоэкономических и геополитических условий. Цены для Европы, Украины, Молдовы и Прибалтики значительно выше издержек и должны покрыть Газпрому убытки, связанные с реализацией газа Белоруссии и российским потребителям. Известно, например, что нормальная рыночная цена

¹ Данные ОАО «Газпром» (www.gazprom.ru)

² Данные ОАО «Газпром» (www.gazprom.ru)

российского газа для Украины, по территории которой осуществляется его основной транзит в Европу, могла бы составить 40-60 долл./1000 м³., а фактически она на 20-40 долл. выше.

При формировании экспортных цен немаловажную роль играет политическая составляющая. Так, отношения с Украиной постоянно осложняют случаи незаконного отбора газа и ее долг за российский газ (точнее, долг государственного газотранспортного концерна "Нафтогаз" Газпрому). Долг Украины настолько велик (1,4 млрд. долл.), что в качестве возможного варианта в Киеве обсуждалось наращивание закупок туркменского газа за счет сокращения импорта российского топлива, однако он оказался еще менее выгодным, поскольку туркменский газ на Украине почти в 1,5 раза дороже российского из-за высокой цены за его транзит. При существующей цене 80 долл. за 1000 м³., Украина в настоящий момент способна платить только 25. В целях выхода из сложившейся ситуации между Москвой и Киевом было подписано соглашение, по которому Украина обязуется погашать долг в течение 2004-2013 годов. В случае несоблюдения графика выплат в счет долга может пойти имущество концерна "Нафтогаз", его транспортные сети, газохранилища и пр. Также, с середины 2000 г. российский газ поставляется на Украину только в счет оплаты услуг за его транспортировку по ее территории в Европу. Если же имущество "Нафтогаза" будет передано Газпрому, выплаты Украине за транзитные услуги прекратятся, что еще более увеличит ее экономическую зависимость от России.

Экспортные цены газа для Белоруссии, наоборот, сильно занижены. Здесь также присутствует политическая составляющая: дружественные отношения между двумя государствами, проекты их политической и экономической интеграции. В результате государственное предприятие "Белтрансгаз" покупает газ у России по внутрироссийским ценам (около 25 долл. за 1000 м³.), хотя конечным белорусским потребителям реализует его по цене вдвое выше, а также реэкспортирует часть российского газа в Европу по местным ценам. В связи с этим Россия предлагала создать совместный с Белоруссией газотранспортный комплекс, передать пакет акций "Белтрансгаза" Газпрому (в счет долга Белоруссии за газ в размере 120 млн. долл.). Но договоренность так и не была достигнута, Белоруссия не приняла российские условия. Тогда Правительство РФ по инициативе Газпрома распорядилось с 1 января 2004 года отменить предписание Газпрому, согласно которому газ поставлялся в Белоруссию по внутрироссийским ценам. Возможно, что в ближайшее время цена экспортного газа для Белоруссии увеличится в 3 раза и будет сравнима с ценой для Украины, что наверняка отразится на белорусской экономике. Скорее всего, вопрос будет решаться на уровне глав обеих стран.

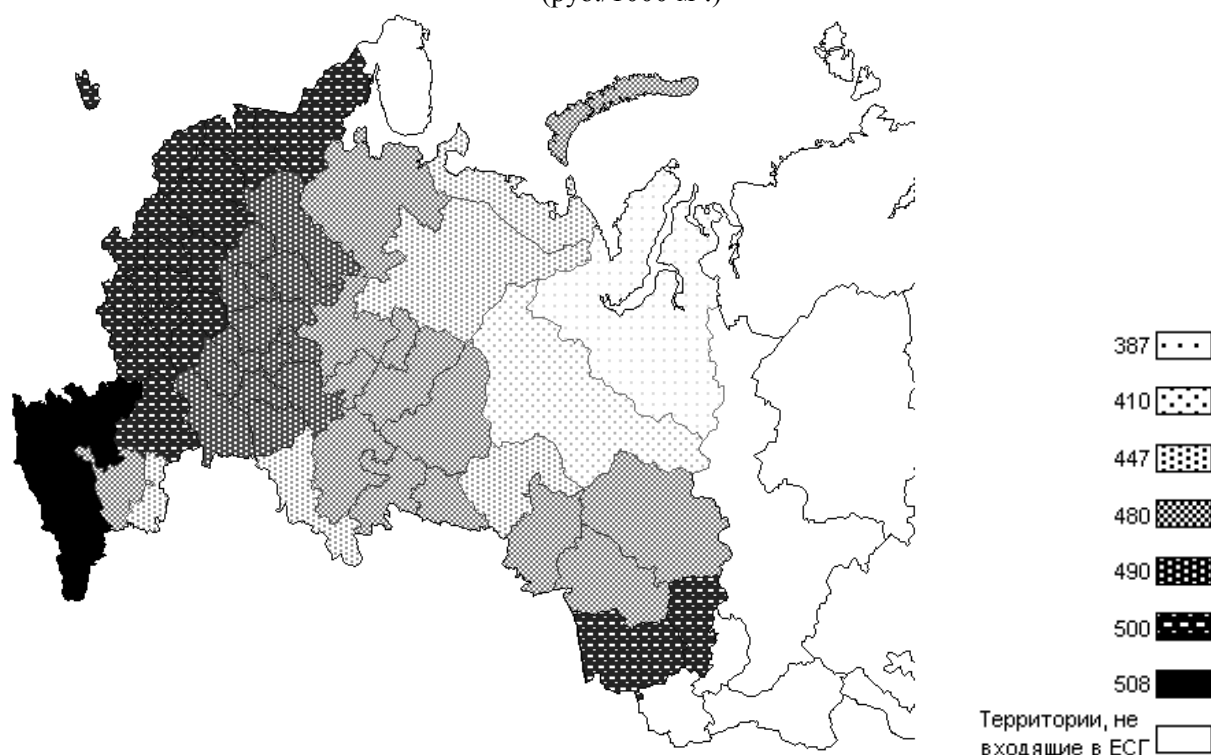
Таким образом, экспорт газа дает России потенциально весьма эффективный рычаг политического и экономического воздействия на страны-покупатели. Надежными плательщиками за газ среди стран ближнего зарубежья являются лишь страны Прибалтики, долг Молдовы составляет более 600 млн. долл.

Регулирование цен на газ на российском рынке закреплено за Федеральной энергетической комиссией (ФЭК РФ), регулирующей оптовые цены, и Региональными энергетическими комиссиями (РЭК), регулирующими розничные цены в регионах. Проблема перехода к рыночному формированию цен на газ в России становится все более актуальной. Этого требуют Евросоюз, страны которого покупают российский газ и не согласны переплачивать за российского потребителя, Всемирная Торговая Организация (ВТО), требующая повышения российских цен на энергоресурсы до мирового уровня. Этим озабочен и Газпром, несущий немалые убытки на внутреннем рынке.

Россия пытается реформировать ценообразование в газовой отрасли, но, очевидно, не готова отказаться от государственного регулирования цен. ФЭК регулярно повышает оптовые цены, в среднем, раз в полугодие на 15%. В феврале 2003 г. средняя оптовая цена для населения составила 15-16 долл./1000 м³., для промышленных потребителей – 20-23 долл. Однако по оценкам Газпрома, чтобы обеспечить безубыточность отрасли, тысяча кубометров должна реализовываться на внутреннем рынке по средней цене не ниже 40 долл.

В структуре цены российского газа основная доля затрат приходится на его транспортировку по магистральным газопроводам и газораспределительным сетям (ГРС), доля же затрат на добычу в несколько раз меньше. В связи с этим первой попыткой рыночного обоснования цен на газ стала их нормативная региональная дифференциация – введение ценовых поясов. До 1997 г. цена на газ была единой для всех регионов РФ. Первыми территориальную дифференциацию цен ощутили промышленные потребители, спустя полгода (к концу 1997) ценовые пояса появились и для населения. В настоящее время 67 субъектов РФ, территория которых охватывается сетью ЕСГ, поделены на 7 ценовых поясов. Оптовая цена газа в поясах напрямую связана с удаленностью региона от газовых месторождений (табл. 1).

Табл. 1. Соотношение оптовых цен на газ в 2002 г. для групп потребителей по ценовым поясам РФ (руб./1000 м³.)¹

На следующем, планируемом, этапе перехода к рыночному формированию цен на газ должны быть подготовлены условия для их либерализации и регулирования тарифов на транспортировку газа². Таким образом, его цена будет зависеть от объема товаро-транспортной работы по магистральным трубопроводам и ГРС. Одновременно с созданием ценовых поясов и увеличением оптовых цен ФЭК вела работу, нацеленную на ликвидацию субсидирования населения за счет промышленных потребителей. Подобная схема реализуется также при реформировании энергетических и железнодорожных тарифов. В 1997 г. цена газа для населения и цена для промышленных предприятий отличались друг от друга более чем в 5 раз, в 2003 г – уже только в 1,5 раза. (табл. 2).

Табл. 2. Динамика средних оптовых цен на газ для групп потребителей РФ³

Показатель, дата	1997	1998	1999	2000	2002	2003
Цена для населения, руб./1000 м³.	50	139	200	231	347	495
Цена для промышленных потребителей, руб./1000 м³.	260	260	312	373	528	729
Соотношение, раз	5,2	1,87	1,56	1,61	1,52	1,47

Здесь, как в случаях с ценами на товары и услуги других естественных монополий, возникает еще одна проблема, связанная с организацией посредничества. Розничные цены на газ практически вдвое выше оптовых – добавляются затраты и прибыли региональных и городских газовых компаний, приобретающих газ у Газпрома. Так, например, в Москве газ в квартирах стоит 98,1 коп. за 1 м³., что соответствует примерно 31 долл./1000 м³⁴, в Псковской области это 30 долл./1000 м³., а в соседней Ленинградской – уже 37 долл. В квартирах с отсутствием газовых счетчиков действует усредненный фиксированный тариф. Так, в Московской области он составляет 7 руб. 10 коп. с человека в месяц.

¹ Постановление ФЭК РФ от 19.12.2002

² Постановление Правительства РФ от 22.05.2002

³ Данные Законодательства РФ

⁴ Постановление Региональной энергетической комиссии г. Москвы от 15. 01.2003

При среднедушевом месячном потреблении 8 м³. тариф составляет 28,6 долл. за 1000 м³. В Европе же средняя розничная цена газа в 10-20 раз выше.

Считая переход к рыночному ценообразованию основным фактором долгосрочного устойчивого развития газовой отрасли в России, Газпром предложил в качестве основы для перспективной ценовой политики программу поэтапного совершенствования цен на газ и тарифов на услуги по его транспортировке. Программа рассчитана на период до 2010 г. и состоит из трех этапов.¹²

2003	• Расширение нерегулируемого сегмента рынка, в том числе за счет биржевой торговли частью объемов газа по свободным ценам • Увеличение цен на 25 % (без учета инфляции).
2004-2006	• Ежегодное увеличение цен на 25 % (без учета инфляции) • Дифференциация цен на газ для конечных потребителей в зависимости от режима и сезона потребления • Ликвидация перекрестного субсидирования, как по категориям потребителей, так и по регионам страны • Переход от государственного регулирования цен на газ на государственное регулирование тарифов на услуги по транспортировке по магистральным газопроводам • Достижение самофинансирования газовой отрасли.
2007-2010	• Введение специального налога на газ для потребителей, использующих его в качестве топлива • Переход при формировании тарифов на транспортировку газа от принципа "затраты плюс прибыль" к принципу нормы возврата на вложенный капитал • Обеспечение рациональных соотношений цен на топливно-энергетические ресурсы с учетом основных качественных характеристик, технологических особенностей и степени воздействия на окружающую среду.

Кроме того, рассматривается возможность развития Федерального оптового рынка газа (ФОРГ), аналога энергетического ФОРЭМ, когда государственное регулирование цен сохранится только для населения и тарифов в сфере транспорта.

Вопрос о переходе к рыночной цене за газ, несмотря на весьма убедительные обоснования необходимости реформирования ценообразования, является неоднозначным. Заинтересованность в этом переходе Газпрома вполне объяснима: все компании стремятся либо сделать из неприбыльного бизнеса прибыльный, либо попросту избавиться от него. Газпром неоднократно заявлял, что его приоритетной задачей является увеличение экспорта газа за рубеж, в связи с чем были реализованы такие масштабные проекты, как "Голубой поток", разработка заполярных месторождений Ямала и др. Все же сделки на внутреннем рынке, которыми до недавнего времени занималось дочернее предприятие "Межрегионгаз", лишь создают Газпрому трудности.

Сдерживание цен – немаловажная причина присутствия столь большой доли государства в уставном капитале Газпрома и сохранения самой монополии концерна в газовой отрасли, несмотря на то, что в Правительстве давно ведется дискуссия о низкой эффективности управления высшим менеджментом Газпрома столь крупной компанией и о целесообразности ее существования в нынешнем виде вообще. Звучали предложения о разделе концерна на множество независимых конкурирующих между собой предприятий.

Однако, ни газовая монополия со свободными ценами, ни конкурентная среда в газовой отрасли не могут быть сейчас воплощены в жизнь. Слишком высока роль низкой газовой цены во всей российской экономике. Так, по оценке промышленной группы МАИР (Ист.: Кризис неэффективности. Эксперт №19 2003) газовая отрасль – единственная в России, не получающая прямо либо косвенно субсидирования от других отраслей. В то же время, газовики в наибольшей степени (в объеме около 27 млрд. долл. в год) субсидируют другие отрасли, в том числе 21 млрд. долл. составляет поддержка ими электроэнергетики. Опасения, что все отрасли после установления рыночной цены на газ попросту потеряют конкурентноспособность, вполне оправданы. Еще более существенной является проблема платежеспособности населения. Нельзя забывать, что даже при существующих низких

¹ Данные ОАО «Газпром» (www.gazprom.ru)

²

ценах на газ российские потребители не способны полностью расплачиваться с Газпромом. Задолженность к концу первого полугодия 2003 г. составила 45,5 млрд. руб., из которых на население приходится 35 % долга, 25 % на коммунально-бытовые службы и бюджетные организации и только 5 % - на промышленных потребителей. Таким образом, низкая цена на газ в России в настоящий момент гарантирует государственную безопасность и относительную социальную стабильность.

В заключение следует отметить, что возможные последствия изменения ценовой политики в сочетании с теми или иными внешними и внутренними сценариями развития изучены еще очень слабо. Особенно это относится к последствиям, имеющим ярко выраженную территориальную составляющую, то есть таких, которые могут по разному затрагивать отдельные страны, районы и центры. Чтобы они не оказались неожиданными и катастрофическими, необходимы специальные исследования.

Волкова И. Н.

ПОДХОДЫ К УЧЕТУ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИ ВЫБОРЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

(Проект поддерживается Грантами РФФИ №№ 01-06-8-374 и 02-06-88037)

Механизмом справедливого и экономически эффективного распределения доходов от природопользования в федеративных государствах между регионом и федеральным центром являются законодательно устанавливаемые пропорции поступления части налогов в бюджеты разного уровня. Эти пропорции различны в разных странах и требуют периодического изменения в зависимости от экономической, социальной и экологической ситуации.

Перераспределение доходов от природопользования между федеральным Центром и регионами в современной России происходит законодательно и закреплено в ряде кодексов (Бюджетный, Земельный, Водный, Лесной, Налоговый, а также в законах – «О недрах», «О животном мире» и др.

Вопросы получения и распределения доходов от ресурсопользования в современных условиях формирования России как федеративного государства и в связи с задачей перехода на устойчивое развитие в значительной степени связаны с незавершенностью законодательства в области прав собственности на природные ресурсы, а также вопросов капитализации части рентных доходов в интересах нынешних и будущих поколений.

Как известно, принятой формой вовлечения природных богатств для экономического развития страны, согласно положениям экономической науки, является «возвращение» обществу ренты, то есть дохода, полученного предпринимателем не в результате его усилий, а как следствие естественных различий между самими ресурсами и их местоположением.

Однако даже если предположить, что в России будет когда-либо возвращена в государственный (или муниципальный) бюджет хотя бы часть природно-ресурсной ренты, не вполне ясно, какой из способов ее использования в этом случае будет оптимальным. Оставив в стороне обзор существующих мнений на эту тему (в диапазоне от научных подходов до пиар-акций в связи с кампаниями по выборам на разных уровнях), остановимся лишь на одном аспекте данной проблемы. Как известно, рента от использования природных ресурсов возникает лишь в случае их использования. Как только природный ресурс оказывается исчерпан (для невозобновимых ресурсов) или становится невозпроизводимым в силу нерационального «переиспользования», не только рента, но и любой иной доход от ресурса прекращается. В этой ситуации для ресурсного региона, утратившего конкретный вид ресурса или могущего его потерять в обозримом будущем, важным является не только получение рентного дохода в период активной разработки ресурса, но и принятие правильного решения по его реинвестированию «в благосостояние будущих поколений». Иными словами, здесь мы сталкиваемся с проблемой правильного выбора долговременной стратегии потребления природного ресурса с целью устойчивого экономического (а также и связанных с ним социального и экологического) развития территории.

С целью выявить, какую роль играет использование и воспроизводство возобновимых и невозобновимых природных ресурсов в современных экономических и социальных условиях и как это связано с перспективой устойчивого развития ресурсных регионов разного типа освоения нами было проведено экспедиционное обследование нескольких угледобывающих районов Тульской и

Пермской областей и лесопромышленных районов Коми-Пермяцкого АО, в том числе - выборочное анкетирование населения, преимущественно в сельскохозяйственных или лесохозяйственных поселениях.

Первое, что хотелось бы отметить в отношении использования возобновимых ресурсов в Российской Федерации, это тот факт, что подход к инвестированию в устойчивое развитие с ориентацией на будущие поколения сегодня значительно различается в землепользовании по сравнению с лесопользованием. В этой связи интересно заметить, что население, занятое хозяйственным использованием обоих этих видов воспроизводимых природных ресурсов - земель как почвенным плодородным слоем и лесом, относится в нашей стране традиционно к занятым сельским трудом, что, в частности, выражается формально и в критерии отнесения населенных пунктов, где преобладает занятое в лесопромышленном хозяйстве население, к поселениям сельского типа. Однако на этом их сходство и кончается.

Анализ современной законодательной базы ресурсопользования в РФ, проведенный на основе сопоставления нормативных актов, применяемых в сферах землепользования и лесопользования выявил ее недостатки, обусловленные нерешенностью некоторых вопросов собственности на лесные ресурсы по сравнению с земельными ресурсами.

Экспедиционное обследование лесопромышленных районов ЕТС показало, что в отличие от сельскохозяйственного землепользования, где сегодня законодательно предусмотрено получение бывшими колхозниками земельного пая и долевое распределение основных материальных фондов, оставшихся на момент расформирования коллективных хозяйств, в лесопользовании коренное население России остается по современным законам обездоленным. Фактически оно не имеет никаких прав на средства производства (в том числе на участки лесного фонда и на материальные, капитализированные средства труда) для дальнейшего развития в случае временного или окончательного истощения лесных ресурсов. Как результат такого положения дел в лесопользовании в обследованных нами отдаленных северных лесопромышленных районах Коми-Пермяцкого АО, а также в предгорьях Урала в Пермской области создалась сегодня достаточно тяжелая социально-экономическая ситуация в тех поселениях, где основная часть трудоспособного населения была занята на лесоразработках в течение последних десятилетий XX века.

Данная ситуация была вызвана в этом ресурсном районе тремя главными факторами: перерубом леса; окончательным запретом на молевой сплав в 80-г.г. XX века; падением и в ряде мест полным прекращением производства в связи с перестройкой и последующими реформами.

В результате этих процессов у местного населения, занятого прежде на лесозаготовке, не осталось сегодня не только мест приложения труда, но и самого природного ресурса, а также практически никаких следов капитализации от бывшего дохода от лесопользования. Причем в горнопромышленных и одновременно лесобеспеченных в прошлом предуральских районах Пермской области эта ситуация за обозримое историческое время наблюдается уже не первый раз. Аналогичный экономический и социальный результат местное население получило впервые в середине XIX века, после перемещения металлургического производства из этих краев Урала в Донбасс и другие угольные районы России. Второй раз подобная ситуация была вызвана кратковременной деятельностью в этом регионе организации «УРАЛАЛМАЗ», активно занимавшейся добычей рассыпного золота и алмазов с использованием на местных горных реках драг и ряда специально построенных обогатительных фабрик. Материальные следы всех трех периодов освоения природных ресурсов региона (Горнозаводской район Пермской области) выражаются сегодня лишь в виде нескольких сохранившихся зданий и сооружений, используемых для различных общественных целей (под школы, интернаты и др.), руин обогатительных фабрик, остатков плотин и прудов, сохранившихся в местах расположения металлургических предприятий да в виде островов на испорченных драгами реках. Никакой инфраструктуры, а также жилищно-коммунальных и иных условий для развития сети поселений после исчерпания ресурсов создано не было. Часть же из материальных ресурсов просто не выдержала «испытания временем» - и, устарев физически и (или) морально, не пригодилась последующим поколениям людей.

В этой связи спорной представляется точка зрения Германа Дэйли, экономиста Международного банка реконструкции и развития (МБРР). Он, в частности, считает, что определение долговременных или постоянных пределов устойчивого потребления природных ресурсов должно базироваться на следующих принципах: для возобновимых ресурсов темпы потребления не должны превышать темпов их регенерации. Этот принцип в целом не вызывает возражений, и лежит в основе широко применяемых в нашей стране разнообразных нормативов использования и изъятия природных ресурсов, которые обосновываются и устанавливаются с учетом самовосстановления

данного вида ресурсов и призваны обеспечить их неистощение (неисчерпание). К таковым относятся, в частности, нормативы изъятия или нормы (квоты) на отлов рыбы, отстрел диких животных, а также так называемая расчетная лесосек применительно к вырубке леса. Однако этого явно недостаточно.

На наш взгляд, применительно к поселениям с постоянным населением в регионах лесных ресурсов России, расположенных в относительно освоенной и доступной для вырубки лесопромышленной и лесопромысловой зоне, помимо использования норматива расчетной лесосеки и других показателей, направленных на нормирование и поддержание лесной экосистемы в возобновимом состоянии, необходимо разработать и внедрить в практику механизм определения оптимальной капитализации части рентного дохода с целью достижения устойчивого уровня жизни коренного населения не только на период эксплуатации лесных ресурсов, но и на обозримое будущее, когда по той или иной причине этот вид природного ресурса перестанет приносить доход в конкретном ресурсном регионе.

Для невозобновимых же ресурсов Г. Дэйли предлагает следующий принцип: темпы потребления не должны превышать темпов их замены на возобновимые ресурсы. Он считает, что, например, нефтяное месторождение можно устойчиво эксплуатировать, если часть доходов от его эксплуатации будет систематически вкладываться в разработку и производство, например, солнечных коллекторов или посадку деревьев, что, по мнению Г. Дэйли способно обеспечить эквивалентный поток энергии от этих видов возобновимых ресурсов в случае исчерпания источника нефти (Н. Daly, 1990, Р. 1-6).

Представляется, что этот подход относится исключительно к идее экологически устойчивого развития, и не отдельного региона, а мира в целом.

На наш взгляд, для устойчивого развития экономики и поддержания устойчивого уровня потребления невозобновимых ресурсов в освоенных регионах России наиболее подходит использование правила Дж. Хартвика (инвестирование ресурсной ренты в произведенный человеком капитал).

Для районов экстремального и (или) традиционного природопользования данное правило может быть модифицировано как инвестирование ресурсной ренты в создание траст-фондов, фондов поддержки образования и здравоохранения и др., то есть скорее в социальный, а не в физический капитал долговременного развития, преимущественного нацеленного на будущие поколения.

Наибольшее количество поступлений доходов в бюджет штата приносит именно этот налог. Как известно, например, на Аляске специальным налогом (т.н. «налог суверена» облагаются добыча, сохранение и недвижимые фонды добычи нефти - главного добываемого здесь природного ресурса. Доходы от «налога суверена» используются на Аляске по следующим направлениям: поддержка государственных программ; субсидирование льготных займов; гранты местным органам власти или прямое распределение собранных средств на общественные работы или на инфраструктуру; создание постоянного траст-фонда (резервного фонда регионального страхования) Аляски.

На Аляске в таком резервном фонде регионального страхования к середине 2001 г. накопилось \$ 27 млрд. при постоянном населении штата всего 600 тысяч человек. За счет депозитных процентов фонд ежегодно выделяет по \$1200-1500 каждому жителю Аляски. Аналогичные фонды созданы в Канаде, Кувейте, Норвегии и других государствах сырьевой ориентации. Таким способом решается множество проблем, связанных со «справедливым» распределением доходов между регионом, на территории которого действуют отрасли природопользования, и федеральным уровнем власти. (Голуб, Струкова.... 2001).

Возникшие в последнее время в некоторых российских сырьевых регионах «фонды развития» (Якутия, Сахалинская обл.) пока, к сожалению, никак не могут быть сравнимы с упомянутыми зарубежными «траст-фондами». Они маломощны, создаются за счет бюджета (а не за счет прямых налогов на выпуск, как аляскинский траст-фонд) и потому неустойчивы. При тех же нормах отчислений в траст-фонды, которые приняты на Аляске, в ресурсных регионах России за последние 20 лет накопилось бы порядка 150-200млрд. долл., использование которых в бюджетах регионов способствовало бы их экономическому и социальному развитию, подъему уровня жизни и увеличению затрат на охрану и воспроизводство ресурсов и среды.

Существующая же на сегодня практика подачек местному населению в виде предметов быта длительного потребления, распространенная в районах добычи нефти и газа в Западной Сибири, не может выполнять ни функции поддержания долговременного устойчивого развития в регионе, ни функции компенсации истощения ресурсов для будущих поколений, ни функции снижения негативных эффектов от разрушения среды обитания.

Что касается районов угледобычи, особенно в староосвоенных районах основной полосы заселения, то здесь можно отметить следующее. В Тульской области сокращение добычи угля происходило постепенно с 1968г (год максимума добычи угля в этом районе) вплоть до начала 90-х годов, после чего произошел резкий обвал добычи, связанный с общероссийским кризисом в промышленности (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Динамика добычи угля, %% к предыдущему периоду

	1990/1985	1995/1990	2000/1995	2000/1985
Россия (РСФСР)	100.5	66.6	100.7	67.4
Пермская обл.	63.5	46.1	1.6	2.3
Тульская обл.	71.1	26.8	24.2	4.6

Еще в 1970 для территории тульской части Подмосковского угольного бассейна была разработана Районная планировка, где предусматривался обширный комплекс мероприятий по снижению негативных последствий от закрытия шахт и свертывания добычи бурых углей в районе. Несмотря на это, тяжелые социальные последствия в Тульской области в целом, а особенно - в бывших угледобывающих районах не удалось полностью предотвратить. Связано это не только с просчетами в планировавшихся мерах по реструктуризации промышленности, по строительству предприятий иных отраслей хозяйства для высвобождающихся трудовых ресурсов шахтерских городов и поселков, но и тем, что часть территории области оказалась «накрытой Чернобыльским следом», и объявлена «неперспективной» для расселения, а также с общероссийскими последствиями реформ, наложившимися на и без того сложную ситуацию в данном районе. Неудачи в перестройке структуры занятости в этом угольном бассейне связывают также и с тем, что по инерции не была в адекватном масштабе перепрофилирована база по подготовке специалистов среднего специального и высшего специального образования в области, имеющей богатую историю и опыт в этой сфере деятельности. Близость к Московскому региону способствовала оттоку части высвободившихся шахтеров, не пожелавших менять свою престижную и некогда хорошо оплачиваемую специальность на предложенные в плановом порядке (по разнарядке) рабочие места в этой части Тульской области.

В результате в Тульской области сегодня отмечается катастрофическая ситуация по ряду демографических и социальных показателей. Так, например, сравнение показателей смертности населения Тульской области от различных причин с аналогичными показателями в субъектах Российской Федерации, территориально с ней граничащими, показало, что она «лидирует» практически по всем позициям (Полоусова, 2003, с. 13-14). Интересно в этой связи заметить, что по расчетам Г.Ю. Полоусовой следует, что увеличение на один процент доли промышленно-производственного персонала в общей численности населения Тульской области приводило к увеличению количества больных с установленным диагнозом в среднем на 24,4 человека/1000 чел. населения, в то время как увеличение уровня обеспеченности населения медицинскими кадрами (в расчете на 10 000чел. населения) на единицу влечет за собой снижение количества больных на 15.5 чел./1000 чел. (там же, с. 22). Это лишний раз доказывает роль вложений в социальную сферу для демографических показателей развития населения. Вложения же в собственно производственную сферу не всегда приводят к ожидаемому результату, так при этом недостаточно учитываются поведенческие характеристики трудоспособного населения.

Еще более тяжелая социальная и экономическая ситуация сложилась в Кизеловском угольном бассейне Пермской области. Удаленность от Перми и других полифункциональных центров района, большая скорость «свертывания» угольной промышленности, чем в Тульской области, менее пригодная для сельского хозяйства по климатическим и почвенным показателям окружающая территория привели к катастрофическим социальным показателям в этом районе, в том числе к забрасыванию целых кварталов многоквартирных жилых домов, разрушению системы обслуживания населения, росту преступности, числа самоубийств и др. Это тем более печально, что по мнению специалистов, такие темпы закрытия шахт района не были экономически оправданы (Кизеловские угли и сегодня могли бы быть востребованы не только и не столько как топливные ресурсы, но в основном как сырье для химической промышленности Пермской области).

Таким образом, смягчение ситуации в социально- экономическом положении в ресурсных регионах в основной полосе расселения (в частности, в Тульской и Пермской областях с их проблемными угольными бассейнами) требует сегодня поиска и научного обоснования более эффективных направлений инвестирования современных региональных рентных доходов от текущего и перспективного ресурсопользования (капитализации региональной части природно-

ресурсной ренты). Это могут быть, в частности, вложения в программы опережающей (превентивной) переориентации специальных средних и высших образовательных учреждений и развитие замещающих ресурсные новые отрасли хозяйства; переквалификации невостребованных специалистов и другие направления использования рентных доходов региона от ресурсопользования в интересах будущих поколений.

В связи с этим вырисовывается потребность в разработке и внедрении в практику механизма использования части рентного дохода от лесопользования непосредственно в интересах ресурсного региона и проживающего в нем населения. Особенно актуально это для районов, расположенных в полосе основного заселения страны, где истощение данного вида воспроизводимого природного ресурса в будущем сопряжено с особенно острыми социальными последствиями для местного населения.

Следовательно, выбор подхода к сохранению воспроизводства природных ресурсов и поддержанию устойчивого развития на базе исчерпаемых невозобновимых ресурсов должен быть дифференцирован в зависимости от освоенности региона и укорененности его населения.

На основе справедливого распределения доходов от природопользования, особенно от использования невозобновимых ресурсов, в регионах должны применяться экономические механизмы, позволяющие компенсировать истощение ресурсов и позволяющие финансировать мероприятия по социально-экономическому развитию, в том числе в будущем. Одним из таких механизмов связан с созданием траст-фондов, известных по опыту ряда развитых стран.. Создание подобных фондов развития и страхования в России является задачей на ближайшее будущее.

Литература

1. В.С. Дымов, А.И.Сычев, В.В.Гуркин и др. Недра Тульской области. Тула, 1999г. – 247 с.
2. Полоусова Г.Ю. Статистический анализ влияния экологических факторов на здоровье населения Тульской области. М., 2003.- 23 с.
3. Голуб А.А., Струкова Е.Б. Экономика природных ресурсов. М.: Аспект Пресс, 2001. 319
4. Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный уровни. Зарубежный опыт и проблемы России. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2002 г.- 444 с.
5. Петрова Т.В. Правовые проблемы экономического механизма охраны окружающей среды. М.: Изд-вл «Зерцало», 2000. 192 с.
6. Бюджетный кодекс Российской Федерации. –5-е изд. - М.: Ось-89, 2002.
7. -192 с
8. Гофман К.Г. Экономика природопользования (из научного наследия) М.: Эдиториал УРСС, 1998г. С.30-40, 55-99, 100-120.
9. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: Эдиториал УРСС, 2002г. С.100-104.
10. Охрана окружающей среды и экономическое развитие/ Кларер Й., Франсис П., Мак-Николас Д., Голуб А. Будапешт: Региональный экологический центр ЦВЕ, 1999.
11. Правовые формы разграничения сфер ведения и согласования интересов федерального центра и регионов в области охраны окружающей среды// Зеленый мир, 2001, № 14-15. С.10- 24
12. Развитие рыночной системы привлечения инвестиций в охрану окружающей среды, модернизацию инфраструктуры, технологические инновации и трансфер технологий в новые Независимые Государства. Вашингтон: Защита природы, 2000.
13. Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России. 2002
14. Herman Daly. Toward Some Operational Principles of Sustainable Development // Ecological Economics. 1990. 2. P.-6.
15. Tietenberg T. Environmental and Natural Resource Economics. An imprint of Addison Wesley Longman, 2000. P.485-494/

Черница С.И.

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ СТРУКТУРА ПРОМЫШЛЕННОСТИ НЕФТЕХИМИЧЕСКИХ ПЛАСТМАСС В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ.

На первый взгляд, что можно написать нового о размещении промышленности, да ко всему прочему и химической в Западной Европе? Достаточно открыть любой научный источник, и без труда можно выяснить, что регион Западная Европа – ведущий в мире по развитию нефтехимии, можно также узнать и самые большие центры промышленности и сколько тонн продукции они производят. В настоящей статье автор на примере заводов по производству пластмасс сделал попытку показать, что не все нефтехимические центры Европы одинаковы, и мощность по выпуску полиэтилена - не единственная их характеристика.

Основные этапы развития территориальной структуры

История существования промышленности пластмасс¹ в Западной Европе (ЗЕ) насчитывает менее 70 лет. За это время территориальная структура подотрасли несколько раз испытывала серьёзные трансформации и преобразования. Формирование современного рисунка размещения предприятий по территории ЗЕ происходило в несколько этапов.

Первый этап с 1930-х по начало 1960-х гг. характеризуется небольшими объёмами выпуска пластмасс преимущественно на единичных предприятиях в развитых странах (Великобритания, Германия, Франция, Италия). Для этого этапа характерны отработка технологического процесса, поиск сфер применения пластмасс. Производством пластмасс занимались исключительно химические фирмы, располагавшие производством в тех районах, где имелась соответствующая научно-производственная база (район Кёльна и Берлина в Германии, Париж во Франции, Манчестер в Великобритании). Подавляющая часть выпуска пластмасс приходилась на ПВХ, ПС, ПЭНП (вид полиэтилена).

Второй этап включает период с начала 1960-х по 1980 гг. Это время характеризуется массовым строительством предприятий по выпуску пластмасс в составе больших нефтехимических комплексов (НХК) во всех странах ЗЕ, прежде всего в Бельгии, Нидерландах, Франции, Германии, Италии, Великобритании. Наблюдался общий сдвиг промышленности пластмасс к морю с ориентацией на дешёвое импортное сырьё. Рост использования углеводородного сырья для получения пластмасс обусловил появление новых игроков в организационной структуре промышленности пластмасс в ЗЕ. В крупнейших нефтяных компаниях региона формируются нефтехимические подразделения, имеющие собственные предприятия по выпуску пластмасс.

С начала 1970-х гг. ведётся активное строительство этиленопроводов и формирование НХК во внутренних областях (прежде всего в Германии и Нидерландах) в связи со стремительно растущим внутренним спросом со стороны промышленности, сельского хозяйства и сферы услуг. В это же время производство пластмасс осваивают и другие страны региона (Австрия, Испания, Норвегия, Швеция, Финляндия). Расширяется и номенклатура выпускаемых пластмасс. Первые предприятия по выпуску ПП и ПЭВП (более современных пластиков с улучшенными потребительскими свойствами) появляются в Германии, Великобритании, Франции, Италии.

Третий этап формирования территориальной структуры с начала 1980-х по настоящее время характеризуется замедлением темпов роста промышленности пластмасс, ростом цен на сырьё, кризисами перепроизводства и усилением конкуренции со стороны других регионов. Поиск конкурентных преимуществ, недопущение зависимости от импорта пластмасс, сохранение экспортного потенциала обусловили некоторые изменения в территориальной структуре. В этот период закрылись многие старые, убыточные предприятия (в большей степени это относится к предприятиям по выпуску ПВХ). В то же время усилилась концентрация предприятий отрасли в узлах с минимальными издержками на производстве пластмасс (Антверпен в Бельгии, Гелен в Нидерландах, Таррагона в Испании, Лавера во Франции). Конкурентные преимущества в таких центрах формируются в результате совокупного действия ряда факторов: использование более экономичных источников сырья (попутных нефтяных газов вместо продуктов прямой перегонки нефти) и новых энергосберегающих технологий, экономия на масштабах, использование более дешёвого труда, интеграция отдельных стадий производственного процесса (комбинирование) и т.д. Гипертрофированные узлы по производству пластмасс возникли в большинстве стран региона. Многие предприятия в эти годы переходили из рук в руки, что делалось с целью уменьшения транспортных затрат по обеспечению их сырьём и укрепления вертикальной интеграции фирм-производителей.

На протяжении третьего этапа наблюдалось максимальное распространение промышленности пластмасс в регионе. Предприятия подотрасли появились во всех странах региона, за исключением Дании, Люксембурга, Ирландии и Швейцарии; сложились целые районы промышленности пластмасс. В то же время на большей части территории региона производство пластмасс либо вообще отсутствует, либо размещено дисперсно, и представлено отдельными предприятиями по выпуску ПС и ПВХ. В ближайшие годы территориальная структура не претерпит особых изменений. Появление новых центров промышленности пластмасс не планируется. Продолжится закрытие целого ряда производств преимущественно в северо-западной Европе при усилении некоторых узлов в Средиземноморье.

Роль транспортной инфраструктуры

Анализ размещения промышленности пластмасс показывает, что значительная их часть производится сегодня и во внутренних областях региона, в отрыве от центров получения исходного сырья (мономеров). В ЗЕ это стало возможным благодаря наличию мощной транспортной инфраструктуры: развитой сети нефте- и продуктопроводов (этиленопроводы, пропиленопроводы), системы внутренних водных путей, густой сети автомобильных и железнодорожных дорог.

Наибольшее значение в обеспечении сырьём предприятий промышленности подотрасли, располагающихся не на побережье, приобрёл трубопроводный транспорт. В ЗЕ получили развитие две принципиально разные логистические схемы обеспечения предприятий промышленности пластмасс сырьём, с использованием трубопроводного транспорта. Первая включает поставку непосредственно первичного сырья (нефти) по нефтепроводам вглубь территории на НПЗ с последующим получением мономеров, из которых здесь же в составе нефтехимических комплексов получают пластмассы. Такая схема применяется в Испании (Пуэртольяно), в Германии (Гельзенкирхен - Кёльн, Шведт – Бёлен, Бургхаузен, Мюнхсмиюнстер, Карлсруэ), в Австрии (Швехат).

Однако наибольшее распространение в регионе получила вторая схема. Производство мономеров сконцентрировано в портовых промышленных узлах и через систему этиленопроводов и пропиленопроводов этилен и пропилен поставляются на предприятия внутренних областей региона. В ЗЕ сложилось несколько систем этиленопроводов. Среди отдельных стран выделяются Германия, Нидерланды, Бельгия (система АРГ), Великобритания (треугольник Стенлоу, Уилтон, Грейнджмут с ответвлением до Моссморана), Франция (линия по долине рек Рона-Сона от Марселя до Карлена), Испания (Таррагона-Барселона), Италия (от Порто-Маргера до Мантуи и Феррары на севере и от Джелы до Приоло на Сицилии). Наиболее уникальной является система этиленопроводов АРГ.

Система АРГ была основана в 1969 году несколькими компаниями, в числе которых были «БП», «Эрдольхеми», «Байер», «ДСМ». Эта система продуктопроводов общей длиной 495 км связывает производителей и потребителей этилена в Германии, Бельгии и Нидерландах. Через систему АРГ проходит до половины всего производимого в ЗЕ этилена и 90% этилена Бельгии, Нидерландов и Германии. Все центры промышленности пластмасс Бельгии, большая часть центров Нидерландов (за исключением Бреды и Хильверсюма) и Германии связаны системой АРГ. Система имеет большое значение с точки зрения минимизации транспортных издержек.

Пропиленопроводы пока не получили столь интенсивного развития как этиленопроводы, однако в регионе существуют планы развития их сети. В настоящее время функционируют лишь две магистральные пропиленопроводные системы в северо-западной Европе и Италии.

Мощная система пропиленопроводов сложилась в северо-западной Европе, которая связала между собой центры производства пропилена в Бельгии и Нидерландах (Антверпен, Пернис, Моердижк, Гелен) с центрами производства ПП в этих странах (Беринген, Фелуй, Гел). Существуют планы развития этой системы пропиленопроводов в Германию с включением в неё предприятий Кёльна, Леверкузена, Дормагена, Обергаузена, Гельзенкирхена и Рейнберга.

Система магистральных пропиленопроводов в Италии значительно уступает системе пропиленопроводов в северо-западной Европе, связывая производство пропилена в Порто-Маргере с заводом по выпуску ПП в Ферраре.

Второе место в регионе после трубопроводного транспорта по обеспечению сырьём предприятий подотрасли бесспорно принадлежит внутреннему водному транспорту. Наиболее активно используются бассейны рек Рейн, Рона, Сена. Реки и каналы применяются практически исключительно для перевозки баржами ряда химикатов для выпуска соответственно ПВХ и ПС.

Характеристика основных таксономических единиц территориальной структуры отрасли

Структурным элементом самого низкого ранга в территориальной структуре промышленности пластмасс является завод по выпуску одного из видов пластиков. Нередко на небольшой территории находятся сразу несколько заводов и производств мономеров, объединённые внутренней инфраструктурой. Такие территориальные сгущения на ограниченной территории целого ряда нефтехимических производств формируют узлы промышленности пластмасс. Сочетание и взаимодействие на определённой территории ряда узлов может привести к формированию целого района промышленности пластмасс.

Характеристика отдельных центров

Высокий уровень потребительского спроса на пластмассы обусловил в ряде случаев возможность отрыва предприятий отрасли от источников сырья с ориентацией на потребителя. Около 15% всех производимых пластмасс в ЗЕ производится на предприятиях, получающих сырьё для

выпуска пластмасс из других центров. Такие предприятия производят продукцию почти исключительно для удовлетворения местного спроса. По особенностям поставок сырья на отдельные предприятия их можно разделить на две группы:

А) центры промышленности пластмасс, получающие сырьё по трубопроводам.

Б) центры по выпуску ПС или ПВХ.

К первой группе относятся центры Бельгии (Гел, Беринген, Фелуй, Мейрот), Германии (Мюнхсмиюнстер, Обергаузен), Италии (Феррара), производящие ПЭ и ПП. Центры Бельгии и немецкий Обергаузен получают сырьё по системе АРГ. Этилен в Мюнхсмиюнстер поступает по трубе из соседнего Бургхаузена, в Феррару мономеры транспортируются по трубе из Порто-Маргера.

Вторая группа производства пластмасс в отрыве от сырья более многочисленна и шире представлена в регионе. В отличие от центров первой группы, они не связаны трубопроводами с источниками сырья. Территориальный отрыв от мест производства сырья в них стал возможным благодаря технологическим особенностям транспортировки некоторых видов мономеров, в частности для производства ПС и ПВХ. Центры второй группы отличаются небольшими масштабами производства. Относительно более высокими объёмами производства в этой группе центров обладают лишь те предприятия, которые сориентированы на экспорт своей продукции (Ньютон-Эйклифф в Великобритании, Мазенгарб во Франции).

Основная часть предприятий второй группы располагается на побережье (либо на реках и каналах), подвоз сырья осуществляется водными видами транспорта. Больше всего таких центров в Великобритании (Барри, Ньютон-Эйклифф, Столбридж, Хильхаус), Франции (Балано, Мазенгарб, Вингл), Испании (Бильбао, Барселона), Греции (Лаврион, Салоники), Нидерландах (Бреда, Хильверсюм). В некоторые центры мономеры доставляются железнодорожным или автомобильным транспортом (Монсон в Испании, Шебурн в Великобритании). Такие центры отличаются очень небольшими объёмами выпуска продукции и относительно высокими издержками производства вследствие больших транспортных затрат.

Особняком стоят центры по производству ПЭ и ПП, сырьё в которые доставляется морем. Это пример полной победы потребительского фактора размещения над сырьевым. Росигнано (близ Венеции) и Терни (близ Рима) в Италии производят соответственно ПЭ и ПП из привозного сырья.

Характеристика узлов

Основную роль в регионе по выпуску пластмасс играют бесспорно узлы. Около 2/3 общего числа центров промышленности пластмасс в ЗЕ являются узлами, которые обеспечивают более 4/5 суммарного выпуска в регионе пластмасс и почти 100% экспорта. Все узлы промышленности пластмасс в ЗЕ можно разделить на простые и комплексные.

Простые узлы также подразделяются на две группы. Первая группа, самая немногочисленная, включает узлы, имеющие только предприятия по выпуску пластмасс без производства мономеров. Сырьё для производства пластмасс они получают по трубам или водным транспортом. К ним относятся Каррингтон (Великобритания), Балано и Сарральб (Франция).

Простые узлы второй группы имеют интегрированную цепочку производств по выпуску ПВХ или ПЭ (ПП).

Большая часть простых узлов второй группы является ПВХ-узлами. К ним относятся Джемп (Бельгия), Ранкорн (Великобритания), Рейнберг (Германия), Марторель (Испания), Равенна (Италия), Таво (Франция). Изначально эти узлы были центрами по производству ПВХ, получая мономеры из других нефтехимических центров. Однако со временем, с целью снижения транспортных затрат на доставку сырья (а в случае с ПВХ и в силу экологических причин), в них были построены заводы по производству всех исходных для выпуска ПВХ компонентов.

Небольшая часть простых узлов второй группы является полиолефиновыми узлами, то есть производят ПЭ, ПП. По своей структуре они близки к комплексным, однако отличаются от них сравнительно небольшими масштабами производства как сырья для выпуска пластмасс, так и ПЭ, и ПП. К ним относятся Швехат (Австрия), Бриндизи и Джела (Италия), Синиш (Португалия), Гравеншон и Дюнкерк (Франция). Все они имеют в своём составе НПЗ, установку для производства мономеров и непосредственно пластмассовое производство. Исключение составляет только Бриндизи, в котором нет собственного НПЗ и производство мономеров основано на использовании привозных нефтепродуктах.

Комплексные узлы можно условно разбить на главные (ключевые) и прочие. Главные узлы промышленности пластмасс отличаются очень большими установленными мощностями по их

выпуску и сбалансированным объёмом выпуска широкой гаммы химикатов на предприятиях узла. Ключевые узлы расположены на побережье (исключение составляют Гелен в Нидерландах и узлы Германии), в них функционируют большое число фирм-производителей (кроме Тернёзена и Гелена в Нидерландах), значительные объёмы выпускаемой продукции они отправляют на экспорт. К главным узлам относятся Антверпен (Бельгия), Грейнджмут (Великобритания), Весселинг-Кёльн и Шкопау-Лойна-Бёлен (Германия), Таррагона (Испания), Тернёзен и Гелен (Нидерланды), Порвоо (Финляндия), Гонфревиль и Фос-Лавера-Берре (Франция), Стенунгсунд (Швеция).

К прочим комплексным узлам относятся Уилтон (Великобритания), Бургхаузен, Гельзенкирхен, Марль, Напсак (Германия), Пуэртольяно (Испания), Порто-Маргера, Порто-Торрес, Приоло (Италия), Роттердам (Нидерланды), Бамбл-Порсгунн (Норвегия). Они отличаются от ключевых узлов относительно меньшими масштабами выпуска пластмасс и ориентируются преимущественно на внутренний рынок.

Характеристика районов

В ЗЕ сформировалось несколько районов промышленности пластмасс. Необходимость выделения некоторой территории в район промышленности продиктовано несколькими условиями: концентрации на сравнительно небольшой территории нескольких узлов промышленности пластмасс, объединенных линиями инфраструктуры, потоками сырья, трудовых ресурсов, капитала, удовлетворяющих не только местные потребности в пластмассах, но и экспортирующих часть своей продукции.

По масштабам производства, плотности концентрации предприятий, экспортному потенциалу и развитию транспортной инфраструктуры ведущее место в ЗЕ занимает Прирейнский район промышленности пластмасс. По объёму выпускаемой продукции, числу представленных фирм и занятым в промышленности пластмасс он не имеет себе равных не только в ЗЕ, но и в мире. Здесь выпускается 42% всех производимых пластмасс в ЗЕ.

Прирейнский район включает в себя узлы и центры по переработке сырья и получения пластмасс Бельгии, Нидерландов и северо-запада Германии. Факторами выделения этой территории в единый район выступают:

- наличие сети этилено-, пропилено- и нефтепроводов, связывающих большинство предприятий (системы АРГ)
- наличие водной транспортной артерии Рейна и сети каналов
- высокий уровень интеграции технологических процессов в руках функционирующих здесь фирм
- высокий уровень экспортности предприятий отрасли
- большое число представленных в регионе фирм-производителей пластмасс.

В Прирейнском районе находится большое количество нефтехимических узлов – центров концентрации не только предприятий по выпуску пластмасс, но также НПЗ и других нефтехимических производств, питающих сырьём промышленность пластмасс. К ним относятся Антверпен и Тессендерло в Бельгии; Весселинг, Вильгельмсхафен, Гельзенкирхен, Кёльн, Людвигсхафен, Марль в Германии; Тернёзен, Гелен, Моердижк Роттердам в Нидерландах.

Также в пределах ЗЕ можно выделить несколько более мелких районов промышленности пластмасс, которые имеют большое значение лишь для той страны, где они располагаются. Это Северобританский район в Великобритании (7% общеевропейских мощностей по выпуску пластмасс), Северный (8%) и Прионский (10%) районы во Франции, Каталонский (7%) район в Испании, Североитальянский (2%) и Сицилийский (2%) районы в Италии.

Характеристика макрорегионов

Особенности развития промышленности пластмасс и функционирования предприятий подотрасли в разных странах региона обусловили формирование в пределах ЗЕ двух макрорегионов промышленности – северного (Североморского) и южного (Средиземноморского), которые по масштабам производства пластмасс соотносятся как 2:1.

Североморский макрорегион включает в себя все Скандинавские страны, Великобританию, Нидерланды, Бельгию, север Франции, все центры Западной Германии за исключением Карлсруэ и центров промышленности пластмасс в Баварии. Североморский макрорегион, располагая собственными ресурсами нефти, газа, поваренной соли (для производства ПВХ), импортирует лишь половину своих потребностей в исходном сырье для промышленности пластмасс (нефть и ПНГ). Именно на севере были построены первые предприятия подотрасли не только в ЗЕ, но и в мире. В

условиях нехватки площадей здесь возникли и играют доминирующую роль мощные интегрированные нефтехимические комплексы, в составе которых имеются установки по производству всего технологического ряда химикатов (от мономеров до полимеров). Североморский макрорегион практически на 100% обеспечивает себя мономерами для получения пластмасс (соотношение Североморского и Средиземноморского макрорегионов по выпуску сырья для производства пластмасс как 3:1). В качестве сырья для получения мономеров наряду с продуктами нефтепереработки (нафтой и газойлем) здесь используется и ПНГ (который отличает больший КПД и экологичность). Повышенной долей ПНГ в производстве мономеров отличаются Великобритания (Грейнджмут, Моссморан) и Нидерланды. Высокая плотность предприятий отрасли в регионе обусловлена потоками сырья и высоким спросом на продукцию подотрасли со стороны большого населения и разнообразной промышленности (душевое потребление пластмасс в Бельгии, Нидерландах, Германии в 3 раза выше, чем в Испании и в 7 раз выше, чем в России). Плотность трубопроводов, железных и автомобильных дорог и судоходных каналов здесь такова, что позволяет приблизить предприятия подотрасли максимально к потребителю. До половины центров промышленности Североморского макрорегиона расположены на удалении от морского побережья (источников сырья). Используя благоприятное экономико-географическое положение и развитую инфраструктуру, многие центры ориентированы на экспорт. Наибольшим экспортным потенциалом отличаются крупнейшие нефтехимические комплексы (суммарная мощность предприятий по выпуску пластмасс каждого из которых более 1 млн. тонн/год) - Антверпен в Бельгии, Гелен в Нидерландах, Весселинг и Кёльн в Германии, Гонфревиль во Франции.

Североморский макрорегион насыщен предприятиями отрасли, поэтому здесь сильна конкуренция между производителями. В ближайшие годы вырастут производственные мощности лишь на самых прибыльных предприятиях, тогда как многие старые и неприбыльные заводы могут быть закрыты. Значительное влияние на развитие Североморского макрорегиона оказывают также серьёзные экологические ограничения, действующие в странах Северной Европы.

Средиземноморский макрорегион промышленности пластмасс включает в себя Испанию, Португалию, южную часть Франции и долину реки Рона, Италию, Грецию, Австрию, Баварию и город Карлсруэ в Германии. Расположение ряда центров пластмасс в глубине территории Австрии, на юге Германии и в долине реки Рона во Франции на фидерных линиях инфраструктуры, идущих к портам Средиземноморья, позволяет отнести их именно к этому макрорегиону.

Средиземноморский макрорегион отличается более поздним развитием производства, особенно в Испании, Греции и Португалии, в которых формирование территориальной структуры ещё продолжается и существуют планы строительства новых предприятий. В производстве сырья для промышленности пластмасс Средиземноморский макрорегион практически на 100% зависит от поставок импортной нефти. В настоящее время Средиземноморский макрорегион не обеспечивает себя полностью мономерами, импортируя их либо из Североморского макрорегиона, либо извне, и характеризуется практически 100% долей более дорогих продуктов нефтепереработки в качестве исходного сырья для производства пластмасс. Средиземноморский макрорегион в сравнении с Североморским характеризуют следующие черты: меньшее развитие трубопроводного транспорта, меньшая загруженность внутреннего водного транспорта (исключение составляет бассейн реки Рона), меньшие размеры предприятий вследствие ориентации на местного потребителя (за исключением Таррагоны в Испании и Фос-Бер-Лавера во Франции), меньшая доля узлов в общем количестве предприятий отрасли и преобладание отдельных предприятий промышленности пластмасс, работающих на привозном сырье. Для Средиземноморского макрорегиона характерны большая разбросанность предприятий подотрасли по региону и небольшое число узлов и сгущений.

В Средиземноморье можно выделить лишь несколько сгустков промышленности пластмасс (Таррагона-Барселона в Испании, юго-восток Сицилии, треугольник Мантуя-Порто-Маргера-Феррара в Италии, Фос-Бер-Лавера во Франции), а также формирование линейного района промышленности на Роне во Франции (чему способствует модернизация этиленопроводной системы от Таво до Карлена). Средиземноморский макрорегион имеет благоприятные перспективы для развития промышленности пластмасс вследствие высокого спроса на продукцию отрасли (особенно в странах, обладающих недостаточными мощностями, – Греции, Португалии, Испании), более дешёвых трудовых ресурсов, наличия свободных площадок для строительства предприятий, более либерального экологического законодательства и налогового режима.

Типология стран

С учётом особенностей функционирования промышленности пластмасс, а также внутренней неоднородности размещения предприятий отрасли в регионе все страны ЗЕ можно подразделить на 3 типа:

- страны с высоким уровнем
- страны со средним уровнем
- страны с низким уровнем развития промышленности пластмасс.

Для отнесения стран в ту или иную группу применялись следующие критерии:

- совокупная мощность предприятий
- видовой состав и соотношение производства пластмасс и мономеров
- степень обеспеченности собственным сырьём
- уровень вертикальной интеграции производства в руках отдельных фирм-производителей
- обеспеченность мощностями по выпуску пластмасс на душу населения
- число производителей в стране
- соотношение экспорта/импорта продукции промышленности пластмасс
- географический рисунок размещения предприятий по территории
- плотность размещения промышленности пластмасс
- абсолютные размеры предприятий подотрасли
- средний размер предприятий.

К странам первого типа с высоким уровнем развития промышленности пластмасс относятся Германия, Франция, Бельгия и Нидерланды, которые также можно разбить на два подтипа: страны-лидеры и страны-экспортёры.

Страны-лидеры включают Германию и Францию. Эти страны одними из первых освоили выпуск всех видов пластмасс и в настоящее время являются лидерами в регионе по абсолютным масштабам выпуска, 7 и 6 млн. тонн в год соответственно. В Германии, в отличие от Франции, производство олефинов не входит в производственную цепочку фирм-производителей пластмасс. Ведущие производители этилена («Веба ойл») и пропилена («Руройл») не производят пластмасс, поставляя олефины на предприятия других фирм по АРГ и пропиленопроводным системам.

Страны-экспортёры с высоким уровнем развития промышленности пластмасс включают Бельгию и Нидерланды. Эти страны используют благоприятное экономико-географическое положение на «входе» в северо-западную Европу и выпускают пластмассы в объёме значительно (в несколько раз) превышающем собственные потребности. Бельгия и Нидерланды – основные поставщики пластмасс не только в другие страны ЗЕ, но и в другие регионы мира.

Страны со средним уровнем развития можно условно разделить на два подтипа: скандинавский подтип (Швеция, Финляндия, Норвегия, Австрия, Испания) и страны-импортёры (Великобритания, Италия).

Страны скандинавского подтипа характеризуются небольшим числом центров производства, среди которых доминирует один большой нефтехимический центр, в котором есть производство широкой гаммы полуфабрикатов и функционируют несколько фирм-производителей. (как правило, такой центр является ключевым узлом). Такими узлами являются Стенунгсунд в Швеции, Порвоо в Финляндии, Рафнес-Бамбл в Норвегии, Швехат в Австрии (производит пластмассы здесь только компания «Бореалис»), Таррагона в Испании.

Страны-импортёры характеризуются широкой географией различных узлов и центров промышленности пластмасс, совокупная мощность которых относительно потребностей, однако, уступает соответствующему показателю в странах с высоким уровнем развития. Эти страны, наряду с Германией и Францией, первыми освоили выпуск пластмасс в регионе.

К странам с низким уровнем развития промышленности пластмасс относятся Португалия и Греция. В этих странах территориально-производственная структура начала складываться не так давно и представлена единичными небольшими предприятиями.

Малов В.Ю. Павлов В.Н.

**СРАВНЕНИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ ВАРИАНТОВ
ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ "АЗИЯ-ЕВРОПА"**
(использование аппарата нечетких множеств)

Исследование проводится в рамках проекта , осуществляемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект - 01-02-00442а)

Введение.

Вряд ли можно назвать хотя бы один транспортный экономический форум, где обошли бы вниманием значимость России как «транспортного коридора» между Азией и Европой [Франк]. Необходимость и целесообразность скорейшего налаживания транзитных, в основном контейнерных перевозок между странами Юго-Восточной Азии и Западной Европой не подвергается сомнению[Новосельцев,]¹. Более того, указывается на опасность запаздывания в деле создания такого моста: значимость вопроса оценивается порядка 2 млрд долл в год¹ при потоке в 1 млн. контейнеров (в 20-ти футовом эквиваленте).

В качестве основных причин задержки реализации этого мегапроекта можно назвать:

- несогласованность на государственном уровне деятельности отдельных министерств и ведомств, отдельных участников перевозочного процесса;
- непонимание федеральными органами значимости решения поставленной задачи и опасности потери той «технологической паузы», которая пока еще сохраняется за российским транспортным комплексом (по сравнению, например, с китайским, центрально-азиатским, ирано-турецким и пр.).

Отмечается и важность противостояния в геополитическом отношении т.н. «атлантическому блоку», (читай – США- Англия), намеревающемуся «рассечь» связи Европы и Азии через Россию путем создания альтернативного транспортного моста в обход России, через Китай – Центральную Азию – Азербайджан- Грузию (вариант TRACECA) [Персианов; Бандман, Малов; Гончаренко].

В этой связи было бы полезно оценить объективные возможности каждого из вариантов международных транспортных коридоров с учетом разнообразных «политик» на отдельных участках этих коридоров, принадлежащих разным государствам и сравнить их «потенциал» в деле реализации конкурентных преимуществ¹. [Стрельник, Леонтьев; Борисов]

Постановка задачи.

Не считая плодотворным спор о величине будущих доходов от транспортировки контейнеров, мы готовы согласиться с тем, что важность создания такого коридора по территории России важна уже сама по себе, в геополитическом аспекте (а не только чисто коммерческом). И здесь надо оценить объективные возможности всех вариантов связей Азия – Европа в деле организации коммерчески эффективной транспортировки (что важно для оценки перспектив привлечения частных инвесторов), как одного из условий (не всегда необходимого) функционирования коридора вообще. Коридор, в принципе, может функционировать и не будучи самоокупаем, если приносит «дивиденды» в других областях – в социальном, военном, экологическом и др. аспектах (что не всегда можно оценить количественно в денежном эквиваленте).

Для оценки конкурентоспособности перспективных коридоров «Азия –Европа» с самого начала был сделан акцент на использование аппарата нечетких множеств, позволяющих «работать» в условиях неопределенности большинства из используемых показателей. Основное его достоинство в том, что с его помощью мы можем осуществлять расчеты, ориентируясь на интервал вероятных значений данного числа (параметра) с заданным законом распределения. Причем задать закон распределения – это значит предположить некоторую «политику» того, кто «владеет» данным участком транспортного маршрута (или портом), кто имеет право назначать тариф. Именно в оценке этих «политик» и будет определяться стоимостная, «коммерческая» основа для превращения **маршрута** транспортировки в полноценный **коридор**, с едиными правилами провоза грузов, с единой тарифной политикой и обеспечением отслеживания движения груза по всему маршруту.

Краткое описание аппарата нечетких множеств.

Количественные параметры устанавливают жесткие взаимосвязи в экономике и обычно используются для моделирования устоявшихся технологических зависимостей. Качественные параметры описывают ситуации, которые либо в силу своей природы нечетки, размыты и не

поддаются точному количественному описанию, либо в которых еще не найдены закономерности и причинно-следственные связи, позволяющие отобразить ситуацию в формализованном виде.

Новизна данного подхода заключается в возможности выделения областей значений количественных параметров, обеспечивающих достижение цели с заданной вероятностью и разбиении всего множества значений количественных параметров на области, соответствующие заданным вероятностям и качественным целям.

Нечеткие множества. Пусть X есть некоторая совокупность, $I = [0,1]$ - отрезок вещественной оси, I^X - пространство всех отображений $\chi : X \rightarrow [0,1]$.

Определение 1. Следуя [Zadeh], всякое отображение $\chi \in I^X$ будем называть индикативной функцией (membership function) нечеткого множества A_χ , содержащегося в X . Для всякого $x \in X$ значение $\chi(x)$ интерпретируется как вероятность того, что $x \in A_\chi$.

Определим операции над нечеткими множествами через операции над их индикативными функциями.

$\bar{\chi}(x) = 1 - \chi(x)$ - индикативная функция дополнения, так что $A_{\bar{\chi}} = X - A_\chi$,

$\eta(x) = \min\{\chi(x), \mu(x)\}$ - индикативная функция пересечения, так что $A_\eta = A_\chi \cap A_\mu$,

$\eta(x) = \max\{\chi(x), \mu(x)\}$ - индикативная функция объединения, так что $A_\eta = A_\chi \cup A_\mu$.

Пример 1. Пусть X есть пространство с мерой, определяемой на некоторой σ -алгебре A . Обозначим через B σ -алгебру Борелевских множеств на отрезке $I = [0,1]$ и через $\xi(A, B)$ - множество измеримых отображений $\chi : (X, A) \rightarrow (I, B)$.

Всякую функцию $\chi \in \xi(A, B)$ назовем индикативной функцией измеримого нечеткого множества $A_\chi \subseteq X$.

Определение 2. Обозначим через $\mathfrak{Z}(X)$ совокупность всех нечетких множеств, содержащихся в X . Нечетким отображением из пространства Z в пространство X будем называть всякое отображение вида $h : Z \rightarrow \mathfrak{Z}(X)$.

Нечеткое множество, порожденное случайной величиной. Пусть ξ есть некоторая m -мерная случайная вещественная величина, λ - соответствующая вероятностная мера и $\Phi : R^m \rightarrow [0,1]$ - функция распределения этой случайной величины. Определим отображение $\bar{\lambda}_a : R^m \rightarrow [0,1]$ формулой

$$\bar{\lambda}_a(x) \stackrel{\text{df}}{=} \lambda\left(\bar{x}_a\right) = \int_{x - \frac{a}{2}}^{x + \frac{a}{2}} d\Phi(t). \quad (1)$$

Семейство отображений $\bar{\lambda}_a$ при разных $a > 0$ представляет собой семейство индикативных функций нечетких множеств, порожденных случайной величиной ξ , причем, согласно определению (1), число $\bar{\lambda}_a(x)$ представляет собой вероятность того, что случайная величина ξ принимает значения из параллелепипеда $\bar{x}_a = \left[x - \frac{a}{2}, x + \frac{a}{2} \right]$, т.е. вероятность того, что в результате наблюдения за случайной величиной ξ мы получим значение из параллелепипеда $\bar{x}_a$. Согласно формуле (1), при фиксированном $x \in R^m$ значение $\bar{\lambda}_a(x)$ является монотонно возрастающей функцией параметра a .

Определение 3. Нечеткое множество, индикативной функцией которого является $\bar{\lambda}_a(x)$, будем называть, согласно [Казанцев, Павлов], интервальным представлением случайной величины ξ .

В простейшем случае параметры транспортных потоков могут быть представлены треугольными числами с индикативными функциями $\chi_c(x - a)$, где

$$\chi_c(x) = \begin{cases} 1 - |x|/c, & \text{if } |x| \leq c \\ 0, & \text{elsewhere.} \end{cases}$$

Результаты расчетов и их анализ

Вряд ли на сегодняшний день существуют какие-либо точные оценки затрат на строительство/эксплуатацию того или иного участка транспортной сети и, соответственно, будущих тарифов, обеспечивающих рентабельную работу транспорта. Также не существует однозначно определенных объемов предполагаемых перевозок. Соответственно, в качестве результата расчетов предлагается считать **вероятностную** оценку нагрузок на отдельные участки транспортных маршрутов при принятых схемах распределения вероятности конкретных значений исходных параметров. В качестве последних выступали минимально и максимально возможные границы тарифов на отдельных участках¹.

Таблица 1

Маршруты и их составляющие.

Индекс и «имя» маршрута	Составляющие маршрута.
M1- «Транссиб –1»	- Погрузка в Токио, - Токио – Владивосток (Восточный), море , - Перегрузка в Восточном, - Владивосток – Брест, - Перегрузка в Бресте , - Брест – Франкфурт
M2- «Транссиб –2»	- Погрузка в Токио, - Токио – Владивосток (Восточный) (море) , - Перегрузка в Восточном, - Восточный – Санкт – Петербург, - Перегрузка в Санкт—Петербурге, - Санкт – Петербург – Роттердам, - Роттердам – Франкфурт
M3 –«СМП» (Северный морской путь)	- Погрузка в Токио, - Токио – Роттердам (море, СМП), - Роттердам – Франкфурт
M4 – «Суэц»	- Погрузка в Токио, - Токио – Роттердам (море, через Суэцкий канал), - Роттердам – Франкфурт
M5 – «Китай - – Россия»	- Погрузка в Токио, - Токио – Ляньюньган (море), - Перегрузка в Ляньюньгане, - Ляньюньган – Урумчи, - Урумчи – Екатеринбург , - Екатеринбург – Брест, - Брест – Франкфурт
M6 – «Китай – Турция»	- Погрузка в Токио, - Токио – Ляньюньган (море), - Перегрузка в Ляньюньгане, - Ляньюньган – Урумчи, - Урумчи – Тегеран, - Тегеран – Стамбул, - Стамбул – Франкфурт
M7 - «Трасека»	- Погрузка в Токио, - Токио – Ляньюньган (море), - Перегрузка в Ляньюньгане, - Ляньюньган – Урумчи, - Урумчи – Туркменбаши, - Перегрузка в Туркменбаши, - Туркменбаши – Баку (море), - Перегрузка в Баку, - Баку – Потти, - Перегрузка в Потти, - Потти – Бургас (море), - Бургас – Франкфурт

Примечания. Там, где не указан вид транспорта, подразумевается внутренний речной, железнодорожный или автомобильный транспорт. Вместо Бургаса (Болгария) могут быть Ильичевск (Украина) или Констанца (Румыния), вместо Санкт-Петербурга – Выборг, Усть-Луга или даже какой-либо порт в Финляндии и т.п. по другим конкретным пунктам перегрузки. Возможны и другие изменения на отдельных участках маршрутов, что, как правило, остается в пределах выделенного интервала тарифа .

Формирование маршрутов. Было выделено семь основных наиболее перспективных, чаще других упоминаемых вариантов маршрутов «Азия- Европа». Для упрощения задачи будем считать, что начальной точкой на Востоке является Токио¹, а Западной – Франкфурт-на-Майне, как уже сложившийся крупнейший логистический центр «внутри» (не на побережье) ЕС. Рассматривается только один условный вид груза – контейнер. Эффект сокращения сроков доставки и минимизации рисков будут «подключен» к анализу на следующих этапах расчетов (эти характеристики могут быть представлены как некоторая экономия за сокращение времени омертвления капиталов, либо как дополнительная плата за повышенный риск). Перечень маршрутов дан в следующей таблице и представлен на рис.1.

Для каждого участка каждого из маршрутов были определены интервалы возможных значений тарифов – минимальное и максимальное значение¹. Внутри этого интервала экспертно задается функция распределения вероятности, что отражает определенную «политику владельца» данного участка маршрута. Последствия вариаций этих «политик» на выбор того или иного маршрута и будут основным предметом нашего исследования.

Формирование «политик» на отдельных участках. Полагаем, что «владельцем» участка маршрута может быть как некоторая транспортная компания, так и государство. Доходы этих владельцев в явном виде не рассматриваются. В данном случае нас интересует только конечное значение тарифа на всем маршруте, что определяет предпочтительность (при прочих равных условиях) для грузоотправителя данного маршрута. Такие показатели, как время нахождения в пути или риски в данной постановке считались включенными в тариф. Большой риск – большая составляющая страховых сборов, меньшее время нахождения в пути – больше оснований для увеличения тарифа. В задаче не рассматривались и эффект «налаженности» маршрута для грузоотправителя: переход на более дешевый маршрут вызывает, по крайней мере на первоначальном этапе, определенные транзакционные издержки, что, зачастую, оказывается более значимым фактором и сохраняет прежний вариант транспортировки.

В качестве модели определения потенциально наилучшего маршрута была взята имитационная транспортная задача, в которой рассматривались семь возможных маршрутов – возможных будущих коридоров. Значение целевой функции – нечеткое число – тариф на перевозки по маршруту в целом как сумма нечетких тарифов на отдельных участках маршрута. Конкретные значения целевой функции для каждого из экспериментов по модели являлись случайной величиной и определялись в соответствии с задаваемыми функциями распределения по отдельным участкам.

Каждый эксперимент по модели – это определение наиболее дешевого (т.е. потенциально предпочтительного) маршрута для грузоотправителя. Поскольку каждое конкретное значение тарифа на всем маршруте есть случайная величина, то только множество последовательных экспериментов может дать значимый результат. В этом случае и интерпретация полученного множества будет отличаться от той, которая обычно использовалась при анализе результатов транспортной задачи в детерминистской постановке.

Каждый из маршрутов получает некоторое значение – частоту (процент) «попаданий» в число оптимальных вариантов. Это означает, что каждый из маршрутов в принципе, при определенном сочетании исходных параметров может оказаться наиболее дешевым, но если частота появления таких условий незначительна, то в качестве основного такой маршрут рассматриваться не может. Ограничения на провозную способность учитывались «за моделью». Например, даже при самых благоприятных условиях – низких тарифах, больших скоростях и единой логистической системе Транссиб вряд ли способен перевозить более 1 млн. контейнеров даже в 2020 г. С другой стороны, возможности прохождения контейнеров через Суэцкий канал также вряд ли могут превысить 10 млн. штук в год без его принципиальной реконструкции, которая вряд ли осуществима до 2020 г. Следовательно, будут выбираться и другие варианты транспортировки контейнеров – «Трасека», «СМП» и др. Существенным упрощением являлось и то, что объем перевозки не влиял на величину тарифа.

Анализ результатов. Было сгенерировано 500 вариантов сочетаний тарифов на указанных семи маршрутах. Соответственно решено 500 транспортных задач и получено столько же «оптимальных» маршрутов перевозок. В «исходном» варианте распределения вероятностей внутри интервалов возможных значений тарифов на отдельных участках маршрутов получены следующие «частоты» появления маршрутов в качестве наилучших (по критерию минимума стоимостей перевозок) – столбец 2, табл.2.

Таблица 2.

Сравнительные характеристики «эффективности» вариантов транспортировок контейнеров
«Азия – Европа».
(частота появления варианта в качестве наилучшего, в %)

Варианты «политик» Варианты маршрутов	Исходная	«Прокитайская »	«Слабая пророссийская »	«Сильная пророссийская »	«Суэцкая»
1	2	3	4	5	6
M1 – Транссиб – 1	12	10	11	14	12
M2 – Транссиб – 2	15	9	10	18	14
M3 – СМП	1	1	2	5	2
M4 – Суэц	54	46	46	45	62
M5 – Китай - Россия	12	18	17	13	8
M6 – Китай - Турция	6	15	14	5	2
M7 - Трасека	0	1	0	0	0

При данных, зафиксированных в функции распределения тарифов на каждом из участков каждого маршрута (что имитирует определенную «политику» каждого из «владельцев» участка), наиболее предпочтительным является маршрут M4 – через Суэцкий канал – более половины всех случайных решений (рис.2). Российские маршруты - M1+M2+M3 – в сумме «занимают» второе место – 28%, но преимущество, конечно, за Транссибом. «Прокитайские» варианты (M5+M6+M7), относя сюда и маршрут M5 с частичным выходом на территорию европейской части России, пока еще уступают «чисто» российским вариантам. Вариант «Трасека» – M7 существенно дороже всех остальных даже при самых благоприятных «политиках» в области сдерживания роста тарифов.

Следующим шагом в осуществлении имитационных расчетов является введение предположения об усилении политики Китая в области «сдвига» сухопутного контейнерного моста от России на свою территорию. Эта имитация осуществляется изменением значений показателей «частоты» появления минимальных значений тарифов на китайских участках маршрутов. «Политики» всех остальных сторон этого рынка транспортных услуг предполагаются неизменными. Результат реализации «Прокитайской» (и последующих других политик) на изменение нечеткого тарифа отражен на рис. 3. Снова было осуществлено 500 решений: их результат в столбце 3 табл. 2.

Заметен существенный результат активной политики Китая: почти в два раза (34% вместо 18%) чаще выбираются маршруты с использованием китайской территории. «Потери» понесли варианты российских маршрутов и «Суэц». Важно отметить, что здесь мы ничего еще не можем сказать о «цене» такой политики: окупаются или нет действия по сдерживанию роста тарифов. Для ответа на этот вопрос требуется информация о реальных затратах (себестоимости) перевозок и перевалок контейнеров на каждом из маршрутов. Эта часть проблем остается за рамками настоящего исследования. «Слабая пророссийская» политика характеризуется тем, что сдерживание тарифов осуществляется только на сухопутном участке российской территории (собственно Транссиб до Санкт-Петербурга) и частично на СМП. Результат уже замечен, но довольно слабо (столбец 4, табл. 2).

Гораздо более эффективна «сильная пророссийская» политика – столбец 5 табл.2, когда сдерживание тарифов осуществляется как на участке Япония (или Южная Корея) – Восточный, на перегрузочных работах в портах Дальнего Востока и Балтики, на морском плече Санкт-Петербург – Роттердам, так и собственно на железных дорогах России и СМП. Частота появления российских вариантов возросла до 37% и почти «догнала» вариант «Суэц». Это означает, что российским маршрутам вполне реально рассчитывать на свою долю контейнерных перевозок – в 1 млн. штук (и даже более), если:

1. Будет проведена соответствующая реконструкция Транссиба,
2. Часть грузов с Транссибирской магистрали будет «переведена» на параллельные линии (Средсиб, Южсиб, или Севсиб),
3. Будет осуществляться активная государственная единая тарифная политика на всем протяжении (хотя бы) российской части маршрутов.
4. Будет сдерживаться рост тарифов на СМП.

Увеличение скоростей на Транссибе и СМП только добавит конкурентных преимуществ пророссийским вариантам.

В качестве «ответа» японских и южно-корейских судоходных компаний реально ожидать аналогичное сдерживание тарифов на самой низкой отметке. При этом одновременно осуществляются инвестиции в новый подвижной состав (контейнеровозы), обеспечивающий сокращение сроков доставки до 25 дней. Имитация такой политики дает следующий результат-столбец 6, табл.2.

«Суэц» легко восстанавливает свои конкурентные преимущества, добиваясь 2/3 всего потока (в вышеуказанном смысле «частоты» выбора данного варианта в качестве наилучшего). Наиболее ощутимые потери потока несут китайские варианты, но и российские варианты вынуждены «потесниться» на этом рынке транспортных услуг. Однако, учитывая естественные ограничения на пропускные способности отдельных участков маршрутов, следует сделать вывод, что даже при самом скромном прогнозе роста контейнерных перевозок в направлении «Азия – Европа» работы хватит всем маршрутам. Тем более, что грузообразующий потенциал, равно как и потребности, не сконцентрированы в точках (что требует данная постановка задачи), а распределяются по достаточно обширным территориям и не только приморским. Важно, какая из конкурирующих сторон будет проявлять больше инициативы для «перехватывания» наиболее ранних и наиболее выгодных грузов.

* * *

Наиболее значимым, на наш взгляд, вывод из проведенного исследования состоит в том, что для России крайне важно не опоздать с подготовкой «ответов» на возможные вызовы наших конкурентов. У последних есть существенные преимущества в темпах экономического развития, возможностях инвестиций и, вероятно главное, уже проводится активная государственная политика в деле реализации идеи трансконтинентального контейнерного моста «Азия – Европа». Одним из первоочередных направлений таких «ответов» должна (наряду с реконструкцией Транссиба) стать политика в области завершения создания Северороссийской евразийской магистрали и реализации идеи превращения сибирских рек как «связующих звеньев» между Транссибом и СМП. Это существенно повысит интегрированность экономического развития российских регионов и обеспечит сохранение единого экономического пространства России. Без этого трудно рассчитывать на возможности одного Транссиба осуществить и скоростной транзит контейнеров, и обеспечить возрастающие потребности внутрироссийских перевозок.

Крайне важно также довести до сведения федеральных ведомств и руководителей всех заинтересованных регионов (особенно Сибири и Дальнего Востока), что реализация идеи «Транссиб как международный транспортный коридор» обязательно заставит пересмотреть внутрирегиональные схемы перевозок, причем не обязательно в интересах отдельно взятого региона. Полезно быть готовым к ответам на подобные «вызовы».

Литература

1. Бандман М.К., Малов В.Ю. «Геополитический фактор в региональном развитии». Материалы международной конференции "Современные проблемы географии и природопользования". Вып.5-6. АГУ, Барнаул, 2001.
2. Борисов А. Миллиарды долларов уходят морем. «Терминал» (информационно-транспортный журнал). N3, 2002.
3. Гончаренко С.С. России необходима стратегии мирового лидерства. Материалы 2-го Байкальского экономического форума. Минтранс РФ. Иркутск. 2002. С.23-39.
4. Казанцев С.В., Павлов А.В., Павлов В.Н. Интервальный анализ данных. В сб. Методы анализа динамики экономических процессов. Новосибирск, Изд-во ИЭ и ОПИ СО РАН, 2001, с. 3-17.
5. Новосельцев Б.Ф. Обновление транспортной политики государства – элемент долгосрочной экономической стратегии российской Федерации. Материалы 2-го Байкальского экономического форума. Минтранс РФ. Иркутск. 2002. С.3-11.
6. Павлов В.Н. Об одной схеме построения нечетких топологий. В сб. Методы анализа динамики экономических процессов. Новосибирск, Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2001.
7. Персианов В.А. Глобализация экономики и транспорт. Бюллетень транспортной информации. N2(68). 2001.
8. Стрельник А.А., Леонтьев Р.Г. Оценка конкурентоспособности транспортных коридоров Дальнего Востока России. Бюллетень транспортной информации. N2(68). 2001.
9. Франк С.О. Выступление на пленарном заседании. Сборник материалов Второй международной евроазиатской конференции по транспорту. Санкт-Петербург, 2000.
10. Zadeh L.A. Fuzzy Sets. Inf. And Control 8(1965) 338-353.

ТРАНСПОРТНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСШИРЕНИЯ ЕС НА ВОСТОК

В начале июня текущего года произошло событие, прошедшее для нашей научной общественности малозамеченным, но в то же время имеющее огромное значение для судеб объединенной Европы – после некоторых колебаний крупнейшая центральноевропейская страна Польша проголосовала «за» вступление в Европейский Союз. За Польшей вскоре должны последовать еще 5 стран. Административно-политическое преодоление «железного занавеса», существовавшего более 40 лет, ставит совершенно новые задачи перед исследователями Европейского континента.

Нельзя сказать, что наша наука (экономическая и социальная география зарубежного мира) обходила вниманием Европу, как объект исследования. В свое время в МГУ и в ряде других ВУЗов и научных учреждений сформировалась школа «европоведов» во главе с выдающимся нашим экономико-географом проф. И.М.Маергойзом. В нее входили проф.В.П.Максаковский, д.г.н.Б.Н.Зимин, д.г.н.Э.Б.Валев и другие. Но уже так сложилось, что в силу господствующей тогда идеологии исследовались проблемы и изучались преимущественно страны Центральной и Восточной Европы, входившие в организации СЭВ и Варшавского пакта. Теперь наступил момент нового, объективного изучения проблем развития европейских стран. Важнейшими проблемами стали географическая переориентация экономических связей бывших соцстран и перспективы расширения западноевропейской интеграции на Восток.

В этой связи особенно остро встал вопрос о том, возможно ли осуществление этих процессов на базе традиционно сложившейся транспортной системы этих стран.

Как известно, реализация интеграционных процессов в странах с рыночной экономикой базируется на значительном изменении экономической структуры (как отраслевой, так и территориальной), опережающем развитии производств высоких технологий, значительном снижении ресурсо- и материалоемкости продукции, росте доли сервисных отраслей в ВВП, и как результат, на общем «облегчении» и усложнении грузовой массы, предъявляемой к перевозкам. Как следствие, происходит изменение структуры перевозок как по родам, так и по видам транспорта, резкое возрастание подвижности и мобильности населения при росте уровня автомобилизации и вытеснении за счет этого общественного транспорта.

Однако послевоенная изоляция и плановая система экономики стран Центральной и Восточной Европы, их односторонняя экономическая и политическая ориентация на Советский Союз привели их к существенному отставанию от западноевропейских стран. По расчетам Института экономического анализа, страны Юго-Восточной Европы за 40 предреформенных лет увеличили свое отставание по показателю ВВП на душу населения от такой страны как Греция (со схожими факторами развития) Болгария с 60 до 51%, Румыния с 70 до 44%, Сербия с 70 до 54%, Албания с 59 до 29%. Таким образом, шаг отставания бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы от Западной страны среднего уровня развития увеличился с 9-и до 30 процентных пунктов. Эти данные со всей очевидностью свидетельствуют о том, что социалистический способ хозяйствования обусловил неэффективность производства, неконкурентоспособность и низкое качество выпускаемой продукции, несоответствие спроса предложению.

Указанные негативные результаты явились следствием внедрения принципов плановой командной экономики, регулирования цен, централизованного распределения продукции и, как следствие, появления дефицита, сохранения преобладающей роли тяжелой, в том числе военной промышленности, ориентации на высокую ресурсо-энергоемкость производства (из-за субсидирования цен на ресурсы и топливо), преобладания крупных производственных монополий, чрезмерной территориальной концентрации производства, наконец, закрытости экономики, государственной (а фактически ведомственной) монополии внешней торговли.

На транспорте социалистическое планирование нашло выражение в высокой степени концентрации потоков относительно дешевых сырьевых грузов, в монополии железных дорог, в субсидировании грузовых тарифов, резком преобладании грузовых сообщений над пассажирскими, продолжающемся росте средней дальности грузовых перевозок, а отсюда и в очень высокой и все увеличивающейся транспортоемкости ВВП (в западных странах наблюдается противоположная тенденция). В связи с этим следует также отметить отставание в развитии транспортной инфраструктуры по сравнению с подвижным составом, а также сравнительно высокую внутриотраслевую эффективность и низкую энергоемкость транспортного сектора из-за резкого отставания наиболее энергоемких пассажирских перевозок, грузового автомобильного и воздушного

транспорта. В результате вся транспортная система восточноевропейских стран была направлена на массовую магистральную перевозку относительно дешевых грузов и «дешевых» (т.е. практически лишенных права выбора при низком качестве перевозок общественным транспортом) пассажиров.

Планируемые транспортные коридоры, о которых не раз говорилось в наших предыдущих работах, осяю которых являются создаваемые полимагистрали, должны обеспечить концентрацию грузо- и пассажиропотоков, их высокую эффективность, достаточно быструю окупаемость многомиллиардных инвестиций. Но только при одном условии – если потоки будут достаточно мощными, чтобы окупить за короткий срок многомиллиардные затраты на строительство и эксплуатацию магистралей. А это обстоятельство до сих пор вызывает серьезные сомнения. Ведь хорошо известно, что экономическая интеграция стран может быть осуществлена (а это главная цель создания коридоров) только при достаточно ареальном, а не чисто линейном развитии сети на той или иной территории. Если же территория слабо развита в транспортном отношении, не обладает достаточно густой и качественной иерархической (кровеносной) системой, то главные магистрали не смогут опереться на низовую сеть и их функция ограничится освоением транзитных потоков, что только в очень немногих случаях обеспечит окупаемость сооружения транспортных коридоров и полимагистралей.

Между тем хозяйство и население всех бывших социалистических стран до сих пор, хотя и в разной степени, остро страдает от бездорожья, изношенности и нехватки подвижного состава, запущенности транспортно-ремонтной базы. Так около половины населения большинства стран Центральной и Восточной Европы, включая Россию, живет в неблагоприятных транспортных условиях, около 10% малых городов и поселков не имеет автодорог с твердым покрытием, ¼ этих поселений не имеет выхода на сеть общегосударственного значения. В условиях общей скудости ресурсов приоритетность транспортных коридоров могла бы быть оправдана, если бы доходы от их эксплуатации в транзитных сообщениях предполагалось хотя бы частично направлять на развитие местной сети, но такое перераспределение финансовых средств в транспортной политике пока не предусматривается.

Переход к рыночной экономике, который продекларировали все бывшие социалистические страны Центральной и Восточной Европы, неизбежно связан с коренной перестройкой транспорта, с превращением его в пропульсивную логистическую систему, в проводника интеграции этих стран в Западно-европейское геоэкономическое пространство,

Устойчивость, надежность, с одной стороны, и эластичность, адаптивность – с другой- эти свойства геоэкономического пространства и основываются на устойчивости (надежности) транспортно—коммуникационной системы. Взаимоадаптивность хозяйства разных стран, стремящихся интегрироваться, в значительной мере зависит от уровня развития и идентичности их транспортных систем, от протекания транспортно-географического процесса, т.е. от следующих факторов:

1. уровня иерархичности и особенностей конфигурации транспортной сети,
2. соотношения пассажирских и грузовых перевозок в общей работе транспорта (транспортная парадигма),
3. транспортоемкости ВВП и транспортной подвижности населения,
4. структуры перевозок по видам транспорта,
5. уровня интермодальности системы.

Из рыночных интеграционных посылок вытекают принципиально новые подходы к удовлетворению транспортных потребностей общества. Прежде всего в силу коренных изменений структуры (отраслевой, организационной, а затем и территориальной) производства и потребления, изменения социального поведения людей транспорт в рыночных экономиках неизбежно начинает работать в режиме «точно в срок», т.е. возрастает значение фактора качества перевозок, которые включают надежность, скорость доставки грузов и пассажиров, сохранность, соблюдение графиков движения, определенную партионность грузов, обеспечение мониторинга прохождения грузов со стороны клиентуры. Стоимость перевозок (текущие издержки) отстывает при этом на второй план именно потому, что стоимость перевозимых грузов резко повышается и, следовательно, транспортная составляющая в цене товара у потребителя («сиф») падает.

Новые требования клиентуры, предъявляемые и к грузовым и к пассажирским перевозкам, вызывают глубокую перестройку всей транспортной системы. Возникает необходимость выбора модели развития транспортной системы, которая соответствовала бы структурным сдвигам в экономике в связи с тенденциями к интеграции и созданию конкурентной среды, с изменениями структуры производства, с ростом доли товаров с высокой степенью обработки.

Это требует отхода от социалистической модели с низким уровнем автомобилизации и монопольным положением железных дорог и перехода к рыночной модели свободной конкуренции между видами транспорта, включая и автомобильный, значительного роста уровня автомобилизации, снижения роли железных дорог и широкого внедрения интермодальной (контейнерной) системы перевозок, как предпосылки создания логистически-распределительной системы.

Теоретически возможна смешанная модель с централизованной политикой сдерживания развития автомобилизации и использования автомобильного транспорта. Хорошо известны все негативные последствия рыночной модели транспорта в странах Запада: заторы движения, экологические проблемы, свертывание пассажирского транспорта общего пользования, огромный перерасход топлива. Тем не менее анализ развития транспортных систем стран с рыночной экономикой показывает неизбежность того, что страны переходного типа пойдут по тому же пути.

Очевидно, что интеграция с западноевропейскими структурами потребует ускоренного развития автомобильного транспорта за счет уменьшения роли железнодорожного в связи с коренными структурными изменениями в экономике, а также вызовет рост автомобилизации населения и быстрое развитие туризма. Особое внимание потребуется обратить на ту часть транспортной инфраструктуры, которая обеспечивает международные перевозки со странами Западной Европы, и в первую очередь с Германией, и была все послевоенные годы недогруженной. В товаропотоке Восток-Запад главную роль теперь играют Польша, затем Чехия и Венгрия. Австрия, обеспокоенная нарастающими экологическими проблемами, всячески ограничивает транзитные автомобильные потоки через свою территорию, которые направляются через Чехию и Германию (транспортный коридор Будапешт-Братислава-Прага-Дрезден).

В пассажирских международных сообщениях доминируют туристские потоки из Германии, направляющиеся в Прагу, Будапешт, на оз. Балатон, а также на черноморские курорты Болгарии. Один из приоритетных транспортных коридоров, проходящих по территории Болгарии – это так называемый Еврокоридор Хельсинки-С.-Петербург-Москва-Киев-Одесса-Бухарест-Хасково-Александрополис – соединяет Балтийское море с Черным. Этот коридор, формируемый автомобильными и железнодорожными магистралями, морскими портами и аэропортами, притягивает потоки и из других Балканских стран – Румынии, Греции и Турции.

Изменившаяся политическая ситуация вызвала открытие новых и модернизацию существующих приграничных транспортных переходов между Болгарией и Турцией в районы Лессово – Хамса Бейли, между Болгарией и Грецией по р. Места в пунктах Маказа и Средна Арда, между Болгарией и Румынией – паромные переправы – существующая Оряхово – Бекет, проектируемые – Силистра-Кэлэраши и Тутракан-Олтеница. Проводятся переговоры по открытию трех новых транспортных переходов между Болгарией и Македонией.

Что касается интермодального транспорта, то его объем в Балканском регионе крайне невелик – около 27 тыс. т/сут. При этом на территории Болгарии насчитывается 9 специализированных терминалов для обработки таких транспортных средств, как контейнеры, прицепы и полуприцепы, контрейлеры, в Румынии – 13, в Венгрии – 8 и в Словакии – 3. Однако устаревшее оборудование и отсутствие свободных территорий для расширения терминалов, расположенных в зонах сплошной городской застройки, сводят на нет преимущества комбинированного транспорта. Другими сдерживающими факторами являются задержки при пересечении границ и высокие транзитные сборы. Общее количество контрейлеров (автомобильные прицепы на железнодорожных платформах – система «пиггибек»), перевозимых в пределах Балканского региона, сократилось за 90-ые гг. с 29 тыс. до 20 тыс. единиц. По принадлежности 65% всех контрейлеров приходится на Турцию, 30% – на Румынию и лишь 3% – на Болгарию.

Все резче проявляются недостатки железных дорог во всех странах, входивших в СЭВ – устаревшие методы эксплуатации, низкая производительность, высокие эксплуатационные издержки, неспособность привлечения капиталовложений в современные производственные и управленческие системы. Работа железных дорог еще не соответствует требованиям клиентуры, это отражает тот факт, что идеи рыночной экономики еще не стали превалирующими.

Выравнивание транспортных систем стран ЕС и новых вступающих в ЕС стран должно происходить по многим направлениям, в т.ч. налогообложение (на горючее, на подвижные средства, дорожный налог), прямые и косвенные транспортные субвенции, социальные предписания, экологические требования, требования к безопасности движения, регулирование «каботажных» перевозок для иностранных автомобилей, единые технические стандарты при дорожном строительстве и для используемых подвижных средств, единая документация, ответственность при

авариях. Надо отметить что среди старых членов ЕС еще далеко не достигнута гармония по всем этим вопросам.

Плохое состояние железнодорожной сети в странах Центральной Европы «подстегивает» переход транспортных потоков на автомобильный транспорт в условиях возникшей конкуренции. Этому способствует и увеличивающаяся глубина переработки предъявляемых к перевозкам товаров, т.е. сокращение объема массовых грузов (уголь, руда) и увеличение объема перевозок изделий со значительной глубиной переработки, что неизбежно ведет к сдвигам в грузопотоках и общему сокращению объема перевозок. В таких условиях сохранение позиции железных дорог возможно только путем применения регулирующих мер, что противоречит рыночным принципам.

Внедрение уже упоминавшегося здесь принципа «точно-в-срок» повышает требования к качеству транспортных услуг, что также ведет к повышению роли автомобильного транспорта с его принципом доставки «от двери до двери». В результате за 10-летие 1990-1999 гг. во всех странах Центральной Европы (кроме Словении) объем грузооборота железных дорог сократился в среднем на 70% (тогда как в Германии только на 11%), пассажирооборот на 50-60% (тогда как в Германии вырос на 30%). Соотношение протяженности автодорожной и железнодорожной сетей (важный показатель, характеризующий степень развития сети в целом) составляет в этих странах только 4 – 7, тогда как в странах ЕС ок. 21.

Таким образом, неизбежное в условиях рыночной экономики и либерализации всех сторон жизни общества развитие автомобильного транспорта и соответственно сети автомобильных дорог ведет к усилению ряда противоречий. Это вызвано известными негативными свойствами развития этого вида транспорта при всех его уникальных преимуществах, о которых речь шла выше. Это в первую очередь, заторы на дорогах как следствие чрезвычайно высокой автомобилизации хозяйства и подвижности населения, рост аварийности, шумовое загрязнение, снижение энергоэффективности (на фоне других отраслей, электроэнергетики, например, где удельные расходы топлива постоянно снижаются), экологические проблемы. Только на транспорте эмиссия опережает рост произведенной работы. Так, в Западной Европе доля транспорта в общем выбросе углекислого газа за последние 15 лет выросла с 19% до 32%, причем на автомобильный транспорт приходится 85% всей эмиссии транспорта.

По удельным выбросам на грузовом транспорте автомобильный транспорт превосходит железнодорожный более, чем в 6 раз (190 г/т км и 30 г/т км соответственно), на пассажирском в 2 раза (125 г/пасс. км и 65 г/пасс. км). Наконец, надо сказать об относительно низкой загрузке автомобильного транспорта – порожний пробег грузовиков в Западной Европе в среднем составляет 30%, коэффициент использования грузоподъемности всего 50%. Как известно, средняя «населенность» 5-местного легкого автомобиля всего 1,5-1,7 чел. Все это ведет к огромному расточительству ресурсов. И это происходит на фоне значительных достижений в мировом автомобилестроении – так, за 30 лет удельный расход горючего на 100 км пробега снизился в среднем с 12 л до 7 л при росте средней мощности двигателя с 40 л.с. до 75 л.с. В то же время основные фонды автомобильного транспорта растут опережающими темпами. Так, в Германии за 40 лет вложения в автодороги выросли в 5 раз с 65 млрд. до 320 млрд. евро, тогда как в целом основные фонды транспорта выросли в 3,5 раза – с 130 млрд. до 470 млрд. евро.

Такой быстрый рост вызван большими социальными сдвигами – ростом километровой подвижности населения – за 1960 – 2000 гг. с 12 км до 32 км в сутки, что в первую очередь связано с автомобилизацией – на 1000 жителей в странах Западной Европы приходится от 450 до 600 автомобилей, тогда как в странах Центральной и Восточной Европы от 150 (Россия) до 300 автомобилей. На примере бывшей ГДР можно видеть как сказываются на автомобилизации административные и экономические ограничения этого процесса со стороны государства – после монотонного роста этого показателя со 100 в 1970 г. до 300 в 1989 г. произошел стремительный скачок – за последующие 5 лет до 550, а к 2000 г. Восточная Германия по уровню автомобилизации почти догнала Западную (600 и 650 автомобилей на 1000 жителей старше 18 лет).

Легковые автомобили полностью доминируют в пассажирских сообщениях стран Западной Европы – 76% общего пассажирооборота, причем по целям поездок в последнее 10-летие на первое место (почти 50%) вышли рекреация и туризм, намного опередив деловые поездки (35%).

В России при самом низком в Европе показателе автомобилизации и доле легковых автомобилей в пассажирообороте всего 20%, относительные показатели аварийности на дорогах в 3-6 раз выше, что связано в первую очередь с недостаточной развитостью и низким качеством сети – 80% сети приходится на дороги самой низкой категории, преобладает древовидная структура сети без

дублирующих и обходных дорог. Средняя скорость на автодорогах всего 40 км/час, что в 3-4 раза ниже, чем в странах Запада.

Надвигающаяся в странах Центральной и Восточной Европы (включая Россию) массовая автомобилизация требует неотложных мер по развитию и совершенствованию автодорожной сети как в национальных, так и в региональных рамках. Быстро развивается трансграничное автомобильное грузовое движение, так, в 2000 г германо-чешскую границу пересекло уже 1,96 млн. грузовиков.

Несмотря на то, что доля автомобильного транспорта в грузовых перевозках стран Центральной Европы неуклонно растет, 40% перевозок приходится все еще на железные дороги, состояние которых совершенно не соответствует предъявляемым требованиям. Развитие трансграничных перевозок затруднено из-за различий в видах тяги, в системах сигнализации и обеспечения безопасности, из-за различий в сцепке и тормозных системах и в ряде случаев из-за различий в ширине колеи. Это значительно замедляет прохождение грузов.

Подводя итоги, можно сказать, что основные трудности и недостатки в развитии транспортных систем Центральной и Восточной Европы следующие:

- автодорожная сеть состоит из многих отдельных элементов, образующих множество «дыр», препятствующих созданию единой системы;
- функционирует весьма густая сеть железных дорог, которые в большей своей части остаются однопутными, что резко ограничивает скорость движения;
- ввиду того, что десятилетиями у политических границ преобладали барьерные функции, то до сих пор и число и оснащение пограничных транспортных переходов далеко не соответствует современным требованиям – быстрому наращиванию транспортных трансграничных потоков;
- интенсивный прирост объема перевозок осваивается почти полностью автомобильным транспортом.

Что касается региональных сдвигов, то новая инфраструктура должна будет способствовать формированию новых центров развития, причем резкие различия по обе стороны границы, по которой прежде проходил «железный занавес», будут постепенно стираться. Однако барьерная функция границ, обладающая значительной инерционностью, до последнего времени не позволяет образоваться мощному экономическому району с центрами в Вене, Брно, Братиславе, и городах Западной Венгрии: где проживает суммарно 7,6 млн.чел. и насчитывается более 3,6 млн. рабочих мест. Этот район обладает хорошими транспортными ходами в широтном направлении, однако в меридиональном направлении отсутствуют какие-либо оси. Вдоль прежнего «железного занавеса» есть и другие крупные районы: Краков/Катовицы с численностью населения 6 млн.чел., агломерация Праги с 4 млн. жителей, Саксонский треугольник с 2,5 млн.жителей и, наконец, Берлин с 5 млн. жителей.

Расширение ЕС на Восток создает ситуацию, когда все транспортные потоки также направляются в широтном направлении, ориентируясь на единственный европейский экономический узел мирового значения, расположенный далеко на Западе. Это создает большие трудности и, в первую очередь, повышает среднюю дальность перевозок грузов и пассажиров до 1,2-1,5 тыс. км. Конференция по региональному планированию EUREK пришла поэтому к выводу о необходимости образования второго Европейского экономического узла вдоль прежней восточной границы и создания меридионального транспортного коридора Берлин – Прага – Вена - Будапешт и далее до Адриатического моря. При этом резко сократится потеря времени на трансграничных переходах, возрастет объем перевозок региональных короткопробежных грузов и пассажиров, улучшится транспортная доступность периферийных районов.

Ожидаемый резкий рост уровня автомобилизации во вступающих в ЕС странах скажется в первую очередь на трансграничном движении, в т.ч. на ежедневных челночных перевозках.

Главным же следствием расширения ЕС на Восток будет необходимость создания Восточной меридиональной транспортной оси с образованием мощного экономического центра общеевропейского и даже мирового значения, который мог бы выступить конкурентом Западному региональному треугольнику (так наз."банану"), что привело бы к значительной оптимизации транспортной работы на всем Европейском континенте.

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ТРАНСПОРТНО-ТРАНЗИТНЫХ ФУНКЦИЙ ЮГА РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.

Экономико-географическое положение юга Дальнего Востока России заключается в сочетании окраинного географического положения, удаленности от основных экономических центров страны, слабой освоенности и заселенности и выгодным приморским положением относительно стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

На всех этапах хозяйственного развития территории юга Дальневосточного региона фактор экономико-географического положения обуславливал приоритет внешнеэкономических интересов страны по сравнению с внутрирегиональными и межрегиональными. В конечном итоге это повлияло на начертание транспортной сети, уровень ее технической оснащенности.

Инвестиции в основные фонды транспорта Дальневосточного экономического района в последние годы значительно превышают среднероссийский показатель. В 2000 году в целом по РФ они составили 21,5 %, в то время как в отдельных регионах Дальнего Востока превысили 55 %. В значительной мере это объясняется необходимостью создания условий для эффективного освоения международного транзита грузовых перевозок и закрепления за южными районами региона транспортно-транзитной функции. (Темченко, 2002)

Глобализация экономики и сопровождающие ее процессы развития внешнеэкономических связей требуют нового подхода к развитию транспорта, перераспределения грузовых и пассажирских потоков. Одним из проявлений процессов интеграции и глобализации в экономике и торговле является разработка и создание на основных направлениях мировых межрегиональных потоков международных транспортных коридоров. В январе 2000 года решением ежегодной экономической конференции стран Северо-восточной Азии выделено семь транспортных коридоров.

Транспортная система Дальнего Востока создает хорошие возможности для осуществления мировых транзитных перевозок всеми видами магистрального транспорта. В настоящее время идет модернизация и достройка всей транспортной системы Дальневосточного региона с тем, чтобы увязать интересы России и ее внешнеэкономических партнеров. Исторически развитие региона связано со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали, поэтому среди всех видов транспорта именно железнодорожный играет ведущую роль. Район тяготения Транссиба включает в себя территории, обладающие огромным запасом природных ресурсов, разработка которых непосредственно связана с деятельностью железнодорожного транспорта. Через данный участок Транссиба осуществляется основная доля внешнеэкономических связей России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В общем объеме грузооборота доля экспортно-импортных грузов составляет более 40%. Технически Транссиб в наибольшей степени отвечает международным транзитным перевозкам по сравнению с другими транспортными коридорами, проходящими через территорию Китая. Он способен пропускать в год более 100 млн. тонн грузов (около 200-250 тыс. контейнеров). Обеспечение растущего товарообмена между странами является причиной интенсивного развития погранпереходов, станций и подходов к ним. Пограничное положение Дальневосточного региона создает проблему технико-экономической стыковки соседних железнодорожных транспортных систем. Ввиду того, что проблема эта выходит за рамки чисто транспортных технических проблем, решение ее мало зависит от односторонних действий России. И в настоящее время это является фактором, ограничивающим мощность региональной транспортной сети и снижающим эффективность ее работы.

Повышение роли Транссиба в международном транзите сопровождается необходимостью подключения транспортных коридоров южной части Северо-восточной Азии. В настоящее время регион Северо-восточная Азия – это активно развивающийся регион, один из полюсов роста мировой экономики.

Наиболее динамично развивается в этом регионе экономика Северо-восточного Китая, прежде всего провинций: Хэйлунцзян, Цилинь, Ляонин, Внутренняя Монголия. В провинции Хэйлунцзян в течение 2002 года прирост регионального ВВП составил 10,3%, что на 1,3% превысило ожидаемый показатель (390,2 млрд. юаней). Это самый высокий показатель прироста с 1985 года. В провинции производят 1/3 производства оборудования для электростанций, 1/4 – металлургического оборудования, 1/6 – тяжелых станков. В целом промышленность провинции порождает достаточно мощные потоки экспортно-импортных грузов, в освоении транзита которых безусловно должны участвовать и российские перевозчики.

В настоящее время перевозки экспортно-импортных грузов из Северо-восточного Китая осуществляются по следующим маршрутам по территории Дальнего Востока России:

1. Харбин – Суйфэньхэ – Гродеково (общий объем 2,2 млн.т. грузов).

Пропускная способность Суйфэньхэ при перевалке грузов и пассажиров соответственно 6,4 млн. тонн и 1,5 млн. чел в год. В 1996 г., чтобы включиться в международную транспортную конкуренцию, Суйфэньхэ открыл пункт сквозного сухопутно-морского транспортного перехода: Харбин - Суйфэньхэ – Владивосток – Находка – Восточный порт. В 2001 году для финансирования реконструкции и расширенного строительства железнодорожного и автомобильного переходов и строительства других инфраструктурных объектов инвестировано 1,3 млрд. юаней. В 2002 году Народное правительство провинции Хэйлунцзян квалифицировало данный переход как основной хэйлунцзянский переход для международной торговли и инвестировало 1,8 млрд. юаней на масштабное расширение его строительства. (Ван Цзэнвэй и др., 2002).

2. Харбин – Хэйхэ – Благовещенск (объем – 350 тыс.т. грузов).

К настоящему времени выполнен полный комплекс инженерно-строительных изысканий по строительству автодорожного перехода между городами Благовещенск и Хэйхэ, разработаны комплексные проекты мостового перехода и автостреды, по которым проведен первый этап технической и экологической экспертиз, создана энергетическая инфраструктура. Реализация проекта даст возможность соединить транспортные системы России и Китая, что позволит транспортировать через Благовещенск из стран АТР и обратно до 3 млн. тонн грузов ежегодно. Создаваемый путь намного эффективен по сравнению с прохождением грузов через Монголию и Казахстан. Создание перехода позволит получить дополнительный доход в размере 20 млн. долларов в год. (Минакир, Деваева, 2002)

3. Харбин –Тунцзян-Ленинское, Харбин – Миньшань –Амурзет, Харбин-Ичунь-Пашково, проходящие через территорию Еврейской автономной области. В основном по данным маршрутам осуществляется перевозка пассажиров, товаров народного потребления и малогабаритных грузов. С момента ввода в эксплуатацию контрольно-пропускных пунктов максимальные объемы грузоперевозок были зарегистрированы в 2001 году и составили 31,182 тыс.т. Хотя имеются значительные неиспользованные мощности (например, только через порт Нижнеленинское ежегодно можно перевозить 70-80 тыс.т.) Среди отдельных транспортных маршрутов наиболее перспективным, на наш взгляд, является Ичунь-Пашково. После окончания строительства грузовых портовых причалов резко возрос объем перевезенных грузов, только за 2002 год их количество возросло по сравнению с 2001 годом в 5 раз. Перспективы увеличения грузопотока через данный портпункт связывают с разработкой Кимканского месторождения железных руд, общие запасы которых, при содержании железа в руде 32-35 %, составляют около 1 млрд.тонн., в его освоении заинтересована прежде всего китайская железорудная компания «Силинь». В настоящее время активно прорабатываются вопросы о строительстве автомобильного перехода на территории Еврейской автономной области между поселками Амурзет и Миньшань.

4. Чанчунь- Хунчунь – Краскино (Зарубино).

Создание международной экономической зоны в рамках Туманганского проекта, предполагает повысить конкурентоспособность существующего маршрута международных грузоперевозок из провинции Цилинь (КНР) через порт Зарубино Хасанского района Приморского края по сравнению с альтернативным маршрутом через порт Раджин (КНДР). В этих целях необходима дальнейшая модернизация в порту Зарубино, включая установку оборудования для переработки контейнерных грузов, создание мощностей по переработке технологической щепы и зерновых; строительство автомобильной дороги с твердым покрытием на трассе Хунчунь – Зарубино с российской стороны; упрощение таможенных и пограничных процедур на данном участке российско-китайской границы. (Минакир, Деваева, 2002)

Среди существующих и проектируемых транспортных коридоров наиболее конкурентоспособными являются: Харбин – Муданьцзян –Суйфэньхэ – Гродеково; Чаньчунь-Хунчунь-Зарубино.

Среди проектов, имеющих общедетальное значение, которые могут повлиять в целом на геостратегические позиции России в АТР и СВА можно отметить проект создания прямого железнодорожного сообщения между материком и островом Сахалин через Татарский пролив с перспективами соединения с железнодорожной сетью Японии, что приведет к созданию нового трансконтинентального моста и позволит интенсивно задействовать мощности БАМа.

В настоящее время российская сторона начала подготовку по прокладке второго железнодорожного пути на отрезке Уссурийск- Хасан, который в последствии станет одним из

участков, соединяющих Транскорейский коридор с Транссибом. Это проект позволит в перспективе увеличить перевозки грузов из стран СВА и привлечь иностранные инвестиции в хозяйство региона.

Освоение мировых рынков международных транзитных перевозок может стать одним из основных направлений восстановления и развития экономики Дальнего Востока. Но развитие данного направления экономической деятельности тесно связано с дальнейшим строительством путей сообщения региона, так как при увеличении грузопотока возникнут проблемы со временем нахождения грузов в пути.

Наиболее полно отражают картину обеспеченности транспортными путями территории юга Дальнего Востока сравнения по индексу густоты путей сообщения, рассчитываемый как соотношение густоты путей сообщения исследуемого региона к району более высокого таксономического ранга. (табл.1) Если в целом по Дальнему Востоку этот индекс по автомобильным дорогам равняется 0,18, то в южной части региона он значительно выше и максимума достигает на территории Еврейской автономной области (8,3). Среди регионов юга Дальнего Востока России наименьший индекс на территории Хабаровского края (основная причина – большая часть территории края слабо заселена). Говоря об индексе густоты железных дорог необходимо отметить следующее: максимального значения он достигает в Приморском крае (7,23), наименьшего – в Хабаровском (0,96) (в связи с особенностями экономического развития региона).

Таблица 1.

Индекс густоты путей сообщения юга Дальнего Востока

Территория	Густота автодорог	Индекс густоты автодорог	Густота железных дорог	Индекс густоты железных дорог
ЕАО	44,2	8,3	87	6,69
Приморский край	42	7,9	94	7,23
Хабаровский край	5,1	0,96	29	2,2
Амурская область	19	3,58	82	6,3

Следовательно, имеются потенциальные возможности дальнейшего увеличения протяженности транспортной сети региона, что особенно важно для реализации своего выгодного географического положения как транзитного моста между Европой и Азией.

Литература

1. Ван Цзэнвэй, Чжоу Чанью, Чжоу Лицзюань Город Суйфэньхэ – сухопутный морской транспортный узел //Партнеры.- 2002, № 10.- с.38-40.
2. Минакир П., Деваева Е. Российский Дальний Восток и Забайкалье //Проблемы Дальнего Востока. – 2002, № 1.- с. 85-91.
3. Темченко Д.В. Трансформация системы управления капитальными вложениями в объекты модернизации железнодорожного транспорта // Автореферат кандидатской диссертации. – Хабаровск, 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

Региональные исследования: 20 лет работы экономико-географической секции МАРС. Ю.Г.Липец.....	4

Часть I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Лаппо Г.М. Урбанистическая структура России на рубеже XX и XXI столетий.....	9
Лаженцев В.Н. Территориальное развитие: поиск новых подходов к регулированию.....	14
Пилясов А.Н. От потенциала к активам: переинтерпретация старых понятий экономической географии	20
Семенов П.Е. Проблемы регионального управления	59
Макар С.В. Региональное управление урбанизированными территориями: экономико-географическая оценка конфликтных ситуаций.....	64
Гольц Г.А., Гольц Г.Г. Роль долговременных исторических рядов в методах социально-экономического прогнозирования: транспорт, экономика, демография.....	70
Пилипенко И.В. Конкурентоспособность регионов: анализ теории кластеров М.Портера и региональных кластеров М.Энрайта	86
Родоман Б.Б. Субурбанизация по-русски: территориально-экологический аспект	94
Жулина М.А. Урбанизированность территории и здоровье населения в регионах Приволжского федерального округа	99
Крылов М.П. Пространственная дифференциация региональной идентичности в Европейской России	103
Митин И.И. Опыт создания комплексных географических характеристик городов и регионов России и внедрение доминантного мышления.....	112
Синцеров Л.М. Эмиграция из Европы в Новый Свет.....	117
Шанин А.А. Метод “сдвиг-доля” как инструмент анализа пространственных различий в экономическом росте субнациональных территориальных единиц	122
Пуляркин В.А. Урбанизация, индустриализация и сельская местность в развивающихся странах Востока	132

ЧАСТЬ 2. ПРОБЛЕМЫ ГОРОДОВ

Любовный В.Я., Кузнецова Г.Ю. Многопрофильные города России: роль в экономике, занятости и расселении	138
Кузнецова Г.Ю. Монопрофильные поселения в структуре территориальной организации хозяйства и расселения.....	146
Лейзерович Е.Е. Большие городские агломерации России на фоне снижения численности населения страны.....	152
Палилов Д.Е. Роль столицы в региональных диспропорциях страны.....	158
Носонов А.М., Кондрашина О.В. Социально-эколого-географические аспекты исследования урбанизированных территорий.....	164
Дмитриева Т.Е. Оценка потенциала развития муниципальных образований.....	168
Гибез А.А. Факторы формирования финансового дохода городских муниципальных образований.....	173
Заец Р.В. Инновативный путь к экоустойчивому развитию городов.....	178
Логинова Н.Н. Малые города: место и значение в территориальной системе расселения региона.....	184
Бакланов П.Я., Романов М.Т., Мошков А.В., Мельников Е.М., Преловский В.И., Чудинов Ю.Е. Основные положения концепции социально-экономического и территориального развития г.Владивостока и агломерации.....	190
Дюжев С.А. Планировочный механизм устойчивого воспроизводства Киевского района расселения.....	195
Трифенова З.А. Чебоксарская агломерация как центр республиканской системы городского расселения.....	203
Кабаджа Е.А. Отраслевые города как один из объектов региональной политики и крупной российской компании.....	209
Трейвиш А.И. Образы и парадоксы депрессивных городов России.....	215
Трофимов А.М., Кашбразиев Р.В., Тимирясева А.В. Кризисные города.....	227

Замятин Д.Н. Географические образы города: классификации и стратегии интерпретации.....	231
Замятина Н.Ю. Культурный образ города как ресурс разработки городского имиджа: методические подходы.....	235
Смирнов М.А. Роль городов в развитии сети Интернет	241
Рудольф Р. Наукограды Московского региона на фоне технологических кластеров других европейских регионов.....	246
Кильдишова Н.А., Логинова Н.Н., Носонов А.М., Семина И.А. Пространственная дифференциация качества жизни сельского населения пригородных районов г.Саранска.....	250
Мелентьев Б.В. Начальный этап формирования земельного рынка в городе.....	255
Швец С.М. Ипотечное кредитование как индикатор экономической инвестиционной политики регионов.....	259
Питерский Д., Высоцкий Г., Ратчина М. Влияние трансформационных процессов на развитие районов массовой жилой застройки в республике Молдова и опыт ряда стран Центральной и Восточной Европы	265
Семина И.А. Проблемы и перспективы городского общественного транспорта.....	273

ЧАСТЬ 3. ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТРАНСПОРТА

Клюев Н.Н., Яковенко Л.М. К вопросу о природно-хозяйственном районировании постсоветской России	279
Фоменко М.А., Михайлова А.В. Природный (экологический) бюджет как эффективный механизм природоохранного управления.....	290
Тарасов П.С. Газ России и ОАО «ГАЗПРОМ»: экономика, политика, география.....	293
Волкова И.Н. Подходы к учету региональных особенностей при выборе стратегии и тактики воспроизводства природных ресурсов.....	300
Черница С.И. Территориально-производственная структура промышленности нефтехимических пластмасс в Западной Европе.....	304
Малов В.Ю., Павлов В.Н. Сравнение конкурентных преимуществ вариантов транспортных коридоров «Азия-Европа».....	315
Шлихтер С.Б. Транспортные проблемы расширения ЕС на восток.....	321
Комарова Т.М. Экономико-географическая оценка транспортно-транзитных функций Юга российского Дальнего Востока.....	326
Содержание	329